РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СОЮЗ СТАЛИНА

Майкл Джабара Карлей

БОРЬБА ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

1936–1939

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СОЮЗ СТАЛИНА
Борьба за коллективную безопасность 1936–1939 гг.

Майкл Джабара Карлей

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СОЮЗ СТАЛИНА
Борьба за коллективную безопасность 1936–1939 гг.

КУЧКОВО ПОЛЕ
издательство
Москва
2025

УДК 94 (100)
ББК 63.3 (0) 61
К23

Michael Jabara Carley

Stalin's Failed Alliance
The Struggle for Collective Security, 1936–1939

Карлей, Майкл Джабара

К23 Несостоявшийся союз Сталина: Борьба за коллективную безопасность. 1936–1939 / пер. с англ. О. Ю. Сёминой; предисл. В. Ю. Крашенинниковой, С. В. Кудряшова. — М: Издательство «Кучково поле», 2025. — 672 с.: ил. — (Реальная политика).

ISBN 978-5-907813-44-1

Эта книга, продолжение работы «Рискованная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера, 1930–1936» (2023) — второй том трилогии о внешней политике Советского Союза в Европе в период подготовки и начала Второй мировой войны и Великой Отечественной войны в 1941 году. Автор работал над ней более 30 лет и привлек колоссальный материал, прежде всего документы российских архивов.

Как показывает история, бурные события конца 1930-х годов обернулись трагедией. Руководство стран Европы проявило полную неспособность противостоять растущей угрозе войны, созданной нацистской Германией. Европейские элиты не смогли или не захотели признать угрозу, которую представлял собой Адольф Гитлер. Были и политики, которые понимали, к какой катастрофе идет Европа, но их не хотели слышать. Автор раскрывает мотивы европейских деятелей и движущие силы скорой мировой войны.

УДК 94 (100)
ББК 63.3 (0) 61

ISBN 978-5-907813-44-1

© Карлей М. Дж., 2025
© АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», издание на русском языке, название серии, 2025
© ООО «Издательство «Кучково поле», оригинал-макет, художественное оформление, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Мы продолжаем публикацию на русском языке уникального труда канадского историка Майкла Джабара Карлея по истории взаимоотношений Советского Союза с Западом в критически важные 1930-е годы. Вслед за первым томом трилогии, «Рискованная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера. 1930–1936», вышедшем в октябре 2024 года, представляем второй том — «Несостоявшийся союз Сталина: Борьба за коллективную безопасность. 1936–1939». Третий том, посвященный последним предвоенным годам и началу Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.), выйдет в следующем году. Вся трилогия публикуется в книжной серии «Реальная политика», учрежденной Институтом внешнеполитических исследований и инициатив и издательством «Кучково поле» в 2012 году.

Эта трилогия — настоящий tour de force профессора истории Монреальского университета Майкла Карлея, итог десятилетий его исследований и работы в архивах. Увлекшись историей Октябрьской революции еще в университете, М. Карлей выбрал темой диссертации французскую интервенцию в годы Гражданской войны в России, защитив ее в 1976 году. В 1983 году вышла его первая книга «Революция и интервенция: французское правительство и Гражданская война в России, 1917–1919 гг.», за ней последовали другие издания, освещавшие ключевые процессы 1920–1930-х годов. Период 1917–1930 годов канадский ученый подробно описал в монографии «Тайная война: Запад против Советской России», вышедшей в издательстве «Историческая литература» в 2019 году. Таким образом, профессор Карлей создал полное историческое полотно взаимодействия Советской России и СССР с Западом в напряженный период с 1917 по 1941 год.

Для российской аудитории этот труд исключителен тем, что автор использует архивы практически всех государств — участников событий, доступ к которым для российских историков затруднен. Для западной аудитории труд уникален тем, что в нем активно используются открытые в 1990-е советские архивы, доступ в которые, в свою очередь, непрост для

западных исследователей. В итоге даже на Западе, даже в текущей ситуации честные историки могут оценить труд Майкла Карлея так, как это сделал профессор военной истории университета Калгари Александр Хилл, автор книги «Красная армия и Вторая мировая война», говоря про финальный том трилогии:

«Опираясь в первую очередь на богатейшие материалы советских архивов и опубликованные первоисточники, этот третий том монументальной дипломатической истории Советского Союза в году перед Великой Отечественной войной Карлея устанавливает высочайший стандарт на десятилетия вперед».

Представленная на суд читателей книга состоит из 10 больших глав, каждая из которых показывает усилия советского руководства по созданию альянса европейских сил для противодействия будущей нацистской агрессии. Политика коллективной безопасности — так в историографии принято описывать внешнеполитическую деятельность СССР в 1930-е годы. Почему эта политика не принесла нужного результата, и союз против фашистов не состоялся? Ответу на этот вопрос и посвящена монография канадского ученого.

Он полагает, что уже в 1936 году, несмотря на большие усилия советских дипломатов и лично М. М. Литвинова, становится ясно, что коллективной безопасности добиться не удается. Главные причины Майкл Карлей видит в восхищении западных элит нацистской Германией и обращает внимание на их решительные дипломатические усилия по достижению примирения с ней. Восхищение фашизмом подкреплялось глубоким отвращением к коммунизму и социализму, которые угрожали установленному в Европе общественному порядку. Отсюда полное неприятие самой идеи союза с СССР и закономерное предательство собственных союзников, откровенно продемонстрированное подписанием Мюнхенских соглашений. Таким образом, западные страны дали ответ на ключевой вопрос 1930-х годов, кто представляет большую опасность — СССР или нацистская Германия.

Профессор Карлей убедительно показывает, что для оправдания своей политики умиротворения и вероломства на Западе после войны изобрели нехитрый нарратив: необходимо демонизировать «русских», приравнять Сталина к Гитлеру, советский строй отождествить с фашизмом, назвав их «тоталитаризмом», и, соответственно, обвинить Кремль в развязывании Второй мировой войны. Подобные «исторические интерпретации» помогали в XX веке разжигать и подпитывать холодную войну, которую Соединенные Штаты вместе с союзниками вели против Советского Союза, а в настоящее время они помогают коллективному Западу «сражаться» с современной Россией.

Вывод канадского историка однозначен — такое изложение событий является пропагандой, фальсификацией и пренебрежением к истории как науке. Западные стереотипы не подтверждаются документами из архивов СССР, Франции и Великобритании. В них хранится другая история, согласно которой советское правительство делало все для создания оборонительного союза против нацистской Германии, идея которого неоднократно отвергалась, в первую очередь Великобританией и Францией.

В отличие от многих западных авторов, профессор Карлей отмечает, что политика, которую проводил Литвинов, была не его личной политикой, это была политика советского правительства и, следовательно, И. В. Сталина. В Москве трезво смотрели на вещи и постепенно поняли, что, если коллективная безопасность и взаимопомощь не сработают, придется рассмотреть и другие варианты. Таким вариантом стало подписание договора о ненападении с Германией 23 августа 1939 года.

В книге подробно описываются дипломатические перипетии, приведшие к резкой смене курса советской внешней политики. При этом автор подчеркивает, что отторжение главными европейскими странами (Великобритания и Франция) советских предложений не оставляло Москве выбора — единственным способом избежать вступления в войну стало соглашение с Германией. Логику внешне стремительных перемен Майкл Карлей предлагает искать не только в событиях 1939 года и недобросовестности англо-французской стороны на летних переговорах, а в длительной антисоветской политике Запада. Особенно резко автор относится к политике Польши. Бека, министра иностранных дел, он называет «гитлеровским лакеем».

Высоко оценивая усилия советских дипломатов и подчеркивая их вклад в борьбу с фашизмом, автор далек от исключительно радужных оценок. Одной из самых мрачных и трагичных сторон он называет репрессии, нанесшие тяжелый урон стране, в том числе и дипломатическим кадрам. В книге хорошо описаны трудности, с которыми столкнулись советские полпреды и Наркоминдел в условиях исчезновения и уничтожения видных дипломатов.

Второй том, как и вся трилогия, уникален не только по сути, но и по форме. Нечасто академическим историкам удается сделать повествование настолько увлекательным для чтения. Майкл Карлей написал настоящее историческое полотно, яркое и насыщенное. Авторский стиль живо воссоздает сложнейший процесс поиска решений советским руководством и дипломатами. Многих своих советских и европейских героев, с самого начала распознавших опасность фашизма, автор, по собственным словам, стал воспринимать как своих хороших знакомых и коллег — и передает эту симпатию нам. В то время как большая часть правящего класса Европы

заигрывала с набиравшим мощь Третьим рейхом, эти люди «шли против устоявшихся идей элиты и общепринятого мнения» и «пытались защитить собственную страну от все возрастающей опасности гитлеризма». Их часто характеризовали «паникерами», в то время как их особая проницательность объяснялась тем, что «они не были ослеплены амбивалентностью взглядов, свойственной многим консерваторам из-за симпатии к фашизму и антисемитизму и отвращения к коммунизму».

Отдельно стоит отдать должное принципиальности и профессиональной честности профессора Карлея. В предисловии он обсуждает сложные отношения между историей и текущей политикой, когда манипулирование историей в политических целях становится обычным делом. На протяжении всего жизненного пути Майклу Карлею удается сохранять верность науке и стоять на убежденных антифашистских позициях.

Вероника Крашенинникова,
глава Института внешнеполитических исследований и инициатив,
член Российского исторического общества

Сергей Кудряшов,
руководитель Центра по изучению истории
Великой Отечественной войны,
Институт российской истории РАН

Федор Андреев,
генеральный директор Издательства
«Кучково поле»

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Мне непросто писать эти строки для российской аудитории. Я канадец, и вы, читатель, конечно, можете спросить: да что канадец может знать об истории России и СССР? Наверное, всё-таки можно сказать, что кое-что я знаю, поскольку русской историей заинтересовался еще в 1960-х годах, будучи студентом университета. Да, надо признать, что я уже немолод.

Когда я учился на старших курсах, в СССР как раз праздновали 50-ю годовщину Октябрьской революции, и к празднику советское правительство переиздало коллекцию революционных плакатов. У меня до сих пор сохранился один из этих плакатов — огромный, почти два метра в высоту; на нем изображен матрос-большевик со знаменем в руках и написано одно-единственное слово: «Свершилось». На Западе революционные идеи были очень популярны среди студентов моего поколения, а история русской революции нас особенно вдохновляла. История СССР сделалась для меня предметом изучения на всю жизнь и привела к созданию трилогии, вторым томом которой и является книга, которую вы держите в руках. Главный редактор издательства «Кучково поле» и мои российские коллеги в полной мере понимают значимость публикации этой книги на русском языке, и я надеюсь, что вы, читатель, с ними согласитесь.

Мне почти нечего добавить к тому, что уже сказано в самой книге. Для всех, кто не поддерживал державы Оси, 1936–1939 годы были настоящей катастрофой. Одни беды следовали за другими. В июле 1936 года началась Гражданская война в Испании. И. В. Сталин после некоторых колебаний решил поддержать республиканское правительство, хотя нарком иностранных дел М. М. Литвинов выступал против безоговорочной поддержки республиканцев, понимая, что это приведет к краху системы коллективной безопасности, окончательно испортив отношения с Францией и Великобританией. Литвинов считал, что у СССР есть шансы создать оборонительный союз с западными державами против нацистской Германии, и был готов ради этого пожертвовать республиканской Испанией.

Это было ошибкой. Кабинет министров Франции делал всё, чтобы саботировать систему коллективной безопасности с СССР. Консервативное правительство Великобритании также препятствовало проведению антифашистской политики, предпочитая, чтобы к власти в Испании пришел Франко. Через полтора месяца после начала Гражданской войны в Испании подал в отставку министр иностранных дел Румынии Николае Титулеску, который поддерживал идею коллективной безопасности в борьбе с нацистской Германией и был последним союзником Литвинова в Восточной Европе.

1937 год стал некоторым затишьем перед бурей, хотя испанские республиканцы проигрывали в борьбе с франкистами, а перевооружение Германии продолжалось с головокружительной скоростью. Начавшиеся в СССР в августе 1936 года показательные судебные процессы в 1937 году переросли в «Большой террор» с массовыми расстрелами и арестами старых большевиков и высших офицеров Красной армии. В НКВД заключенных заставляли подписывать признания в сфабрикованных, зачастую абсурдных преступлениях. Тех, кто отказывался подписать признательные показания, подвергали пыткам; такая судьба постигла в том числе и Михаила Тухачевского, одного из первых пяти маршалов Советского Союза.

В 1938 году жертвами чисток стали практически все лучшие сотрудники НКИД и разведслужб СССР. К концу года Сталин наконец затормозил маховик кровавых репрессий, которые уже выходили из-под контроля. Тем не менее никто в стране по-прежнему не мог быть уверен, что его имя не окажется в черном списке.

Тем временем в марте 1938 года Гитлер осуществил аншлюс Австрии, а чуть позже, в конце сентября, аннексировал Судетскую область Чехословакии с согласия Великобритании и Франции, подписавших соответствующее соглашение на конференции в Мюнхене. Вероятно, самым трагичным был тот факт, что президент Чехословакии Эдвард Бенеш сам отказался сражаться за свои территории. А раз Чехословакия не захотела сопротивляться, никому другому это тем более не было нужно.

В 1939 году оставалось всего восемь мирных месяцев. Полагаю, большинство россиян знают о последних предложениях советского правительства Франции и Великобритании о создании альянса против гитлеровской Германии. Британцы эти предложения отвергли наотрез; французы — обливаясь крокодильими слезами. Об этих событиях подробно рассказывается в 9 и 10 главах. Также в этих главах доказано, что распространенное мнение, будто Сталин 3 мая 1939 года уволил Литвинова с поста наркома иностранных дел из-за его еврейского происхождения или потому, что Сталин выступал за соглашение с нацистской Германией, а Литвинов — нет, является ошибочным. Последнее письмо Литвинова Сталину от 3 мая,

похоже, указывает на то, что нарком потерял надежду на трехсторонний союз с Францией и Великобританией. Косвенные признаки свидетельствуют о том, что Литвинова отправили в отставку не потому, что он выступал за трехсторонний союз, против которого был настроен Сталин, а как раз потому, что Литвинов отказался от этого союза, в то время как Сталин и Молотов — еще нет.

* * *

Перевод книги на русский язык полностью соответствует английскому оригиналу, за исключением двух незначительных дополнений. Вечером 20–21 сентября 1938 года Даладье и Бонне отказались консультироваться с Советом министров Франции, решив взять на себя ответственность за оказание давления на Чехословакию с целью заставить ее передать судетские территории нацистской Германии. Кроме того, в телеграмме из советского посольства в Стамбуле от 10 августа, добавленной в цифровую коллекцию Президентской библиотеки Екатеринбурга, сообщалось, что Кабинет министров Турции предлагает Москве заключить пакт о взаимопомощи. Было уже слишком поздно менять ход событий, но этот шаг Турции мог бы привести к успеху, будь он предложен раньше.

В целом, читать этот том нелегко. Расположение Запада к фашизму, страх перед коммунизмом и неприятие самой идеи союза с СССР привели к мюнхенской катастрофе и провалу переговоров, предпринятых в 1939 году в последней надежде на создание антигитлеровского альянса. Политические убеждения западных держав, которые по сей день утверждают, что Сталин и Гитлер были в равной степени ответственны за развязывание Второй мировой войны, являются пропагандой, фальсификацией истории. Это пренебрежение к истории как науке. Западные стереотипы не подтверждаются документами из архивов СССР, Франции и Великобритании. В них хранится другая история, согласно которой советское правительство делало всё для создания оборонительного союза против нацистской Германии, идея которого неоднократно отвергалась, в первую очередь Великобританией и Францией. Именно эта история подробно описана в последующих главах этой книги.

Майкл Джабара Карлей
июнь 2025 года

БЛАГОДАРНОСТИ

Данная работа представляет собой продолжение книги «Рискованная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера, 1930–1936 гг.» (2023). Это второй том трилогии, посвященной внешней политике Советского Союза в Европе накануне Второй мировой и Великой Отечественной войн и на их первоначальном этапе. Это повествование о хронологии событий основано на изучении огромного количества документов из архивов разных стран, и в первую очередь российских. Третий том, завершающий эту трилогию, посвящен периоду с сентября 1939 по декабрь 1941 года.

Работа над этим проектом была долгой и трудной — в общей сложности на нее у меня ушло более 30 лет. Наверное, для этого нужно быть слегка сумасшедшим. Если читатель позволит, я бы хотел поделиться воспоминаниями из жизни: моя покойная мать, столетняя старушка, бывало, с некоторой долей пренебрежения спрашивала, зачем я так утруждаю себя. Я отвечал, что такая работа доставляет мне огромное удовольствие, и мой ответ приводил ее в замешательство. Она принадлежала к поколению времен Великой депрессии, когда ценность любых начинаний определялась тем, способны ли они принести прибыль.

Это вопрос приоритета ценностей. В старших классах у меня был очень оригинальный учитель английского языка — Мартин В. Рис (ныне покойный), — который всячески поощрял меня и моих одноклассников не бояться мыслить не стандартно. Наши учителя познакомили нас с Уильямом Фолкнером, Эрнестом Хемингуэем, Альбером Камю, Дж. Д. Сэлинджером, Лоуренсом Ферлингетти и т. д. Можете себе представить, к чему это могло привести в бурные шестидесятые. Конечно, мне нужно было как-то зарабатывать себе на пропитание и на крышу над головой, но едва обеспечив себя всем необходимым, я направлял всю свою энергию на исследовательскую деятельность. Я писал «ревизионистские» труды по истории, в числе которых была одна из моих первых книг «Тайная война» (2014), а также публикации об истоках дипломатии Второй мировой войны и иностранной интервенции во время Гражданской войны в России (1917–1921).

Я провел много времени в Париже, Лондоне и Москве. Мне нравилось жить в Париже, особенно во время учебы в аспирантуре, но самые интересные свои исследования я провел именно в Москве. Именно опора на огромное количество архивных документов советского правительства — это то, что отличает мою работу от работ многих моих коллег. Новый материал позволил мне по-новому интерпретировать отношения Советского Союза с западными державами в период с 1936 по 1939 г.

Как показала история, бурные события конца 1930-х годов привели к весьма плачевному результату. Лидеры стран не сумели противостоять растущей угрозе войны, спровоцированной нацистской Германией, а европейские элиты не смогли или не захотели признать угрозу, исходящую от Адольфа Гитлера. Были и те, кто говорил правду, «вещие Кассандры», если можно так сказать — люди, не лишенные своих недостатков, однако наделенные даром предвидеть будущее. Беда лишь в том, что им никто не верил. Перелистывая страницы этой книги, вы будете не раз задаваться вопросом, как такое могло случиться.

На Западе вполне ожидаемо пришли к выводу, что препятствием на пути к созданию антифашистского альянса был Советский Союз, в частности И. В. Сталин. Следует признать, что занять такую позицию легче всего. Однако тщательное изучение архивных документов не подтверждает этого устоявшегося на Западе представления. Документы из российских архивов свидетельствуют о неустанных решительных попытках советских дипломатов заключить с западными державами договоры о взаимопомощи в борьбе с Гитлером. Они показывают, как Франция, Соединенные Штаты, Великобритания и даже фашистская Италия одна за другой отвергли советские инициативы в области коллективной безопасности и взаимопомощи. Польша никогда не приветствовала сотрудничество с СССР. У других малых держав Центральной и Восточной Европы не было иного выбора, кроме как последовать польскому примеру. Московские архивы содержат подробные отчеты о взаимодействии представителей Советского Союза с западными коллегами и секретную информацию о внутренней политике стран Запада, которая зачастую отсутствует в соответствующих западных документах. Хороший дипломат всегда стремится заслужить уважение и доверие своих собеседников, чтобы те могли честно, а иногда даже чересчур откровенно, рассказывать ему о том, что происходит в их стране. Первое поколение советских дипломатов обладало этим незаменимым навыком. Это весьма примечательно, если вспомнить, что им приходилось действовать во враждебной антисоветской, антикоммунистической среде.

Обстановка внутри СССР также была в то время очень опасной. Советские архивы напоминают нам о трагедии сталинских репрессий, жертвами

которых стало множество советских граждан. Человек мог попасть в поле зрения карательных органов потому, что когда-то давно, в 1920-е годы, имел неосторожность высказаться против Сталина; или потому, что его квартиру пожелал заполучить кто-то из представителей местного партийного руководства, живущий слишком далеко от Москвы; или просто потому, что он оказался не в том месте не в то время. Люди поневоле учились выживать, «залегая на дно», чтобы избежать внимания НКВД. Как могло советское государство функционировать в таких условиях? Так или иначе, ему это удавалось.

В числе жертв репрессий были многие хорошо известные и верные режиму дипломаты — один за другим они исчезают со страниц нашего повествования. Это были умные, проницательные люди, преданные своему делу, образованные, прекрасно владеющие иностранными языками. Почему Сталин поощрял их аресты и расстрелы? На мой взгляд, это был акт саморазрушения, в котором не было ни логики, ни справедливости. В 2007 году президент Российской Федерации Владимир Путин отметил, что жертвами репрессий были, «прежде всего, люди со своим собственным мнением, которые не боялись его высказывать. Уничтожались наиболее эффективные люди, цвет нации».

* * *

Я безмерно признателен людям, которые помогали мне в течение всего продолжительного времени моей работы. Среди них я хотел бы отметить Джона К. Кэрнса[1], Моник Констант, Ричарда К. Дебо[1], Уильяма Д. Ирвина[1], Уильяма Р. Кейлора, Сергея Витальевича Павлова, Стивена А. Шукера, Джона М. Шервуда[1], Зару Стайнер[1] и Роберта Дж. Янга.

В числе других моих коллег — Вероника Крашенинникова, Сергей Кудряшов, Владимир Печатнов, Джеффри Робертс, Владимир Симиндей (и его коллега Александр Дюков), Дмитрий Суржик. Мы не раз встречались за ужином в Москве или где-то в Европе, чтобы поговорить об истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Я также хотел бы поблагодарить Анну Николаевну Залееву, которая уже много лет руководит АВПРФ — московским Архивом внешней политики Российский Федерации. Она предоставила мне разрешение на доступ к файлам и право на публикацию представленных на страницах этой книги фотографий советских и европейских дипломатов и политиков. Также в ходе моих исследований в Москве мне оказывали поддержку Надежда Михайловна Баринова, директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел, и ее коллеги Игорь Владимирович

[1] Ныне покойные.

Фетисов, Андрей Сергеевич Романов и Виктория Николаевна Фролова, а также Мария Анатольевна Донец — очень эффективный специалист, отвечающий за читальный зал АВПРФ.

Также выражаю признательность Совету по научно-исследовательской деятельности в сфере социальных и гуманитарных наук в Оттаве (SSHRC). С 1980-х годов Совет постоянно оказывал моему исследованию поддержку, в последний раз в виде щедрого гранта *Insight* в 2016 году.

Кроме того, выражаю благодарность издательству университета города Торонто и отдельно редактору Стивену Шапиро, вложившему огромные усилия в издание этой и предыдущей книг.

Я также хотел бы выразить признательность Лии Рашидовне Левитской, которая помогала мне набирать текст, Дарье Сергеевне Покровской, Лавинии Попике, Сэмюэлю Аллару и особенно Луи Вальеру, которые работали со мной в качестве ассистентов. Карты предоставили Билл Нельсон и Артур де Робер. Как всегда, я не могу не выразить признательность моей супруге Ирине Борисовне за то, что она разбирала для меня трудночитаемые рукописные заметки на русском языке и большую часть времени стоически переносила те долгие дни, которые я проводил в изнурительной работе над рукописью.

Майкл Джабара Карлей
Монреальский университет,
сентябрь 2023 года

ВВЕДЕНИЕ: КАК ЭТО БЫЛО

Вторая мировая война была катастрофическим событием. Она унесла жизни примерно 70 миллионов человек, по меньшей мере 50 миллионов из которых были гражданскими лицами. В результате бомбардировок и артобстрелов многие города по всей Европе, от Сталинграда до Западной Франции и Англии, превратились в руины. Жестокость этой войны, масштабы насилия и разрушений даже сегодня с трудом поддаются осмыслению. Как же государственные деятели и политики могли допустить такую катастрофу?

Этот вопрос остается открытым с 1945 года. Целые поколения историков, профессионалов и любителей, не говоря уже о писателях и кинематографистах, а также европейских и североамериканских политиках, пытались найти ответ на сложный экзистенциальный вопрос о том, почему это произошло. Историки выдвигали разнообразные предположения, основанные на тщательном изучении этой проблемы, а позже и на исследованиях документов в государственных архивах, которые постепенно были рассекречены в 1960-х и 1970-х годах. Политики были заинтересованы в получении ответа ничуть не меньше, но их целью было не раскрыть правду, которую так долго скрывали, а переложить на кого-нибудь другого ответственность за начало войны в 1939 году и свести старые счеты в контексте холодной войны. После окончания последней западные политики продолжили подливать масла в огонь геополитической борьбы между НАТО, Европейским союзом и Российской Федерацией. Почему же поиск фактов и объяснений случившегося был и до сих пор остается связан с такими противоречиями? Интерпретация и реинтерпретация истории — это бесконечный процесс, в ходе которого каждое последующее поколение историков открывает новые архивные данные или развивает новые идеи на основе детально проанализированных ранее источников. Это вполне нормально. Более того, как скажет вам любой специалист по древней истории, нормальным является и манипулирование историей в политических целях. Своя история есть у каждого изображения на старинной монете. Императоры и короли с древних времен использовали искусство и поэзию, чтобы

восхвалять свои собственные достижения и принижать достижения врагов. В Древней Греции и Риме выдающиеся художники и поэты помогали сильным мира сего продвигаться по карьерной лестнице[1].

В наше время любые средства, включая фильмы, комиксы и видеоигры, используются для создания политизированных историй, зачастую противоречащих друг другу нарративов, основанных на архивных данных и других источниках. Некоторые ученые, готовые на все ради достижения своих целей, не стесняются представлять факты пристрастно, а то и вовсе игнорировать, если эти факты противоречат их интерпретации событий[2]. Другие описывают свою работу как исследование «коллективной памяти», что освобождает их от необходимости изучения архивных данных[3].

В январе 1933 года канцлером Германии стал Адольф Гитлер. Он был обычным человеком, человеческим существом, по выражению одного историка, и политиком незаурядного таланта[4]. Он хотел восстановить мощь Германии, возродить Германию как великую державу и построить государство настолько влиятельное, чтобы оно смогло просуществовать тысячу лет. Воспользовавшись политической и экономической нестабильностью, вызванной Великой депрессией, он пообещал вернуть безработным рабочие места и возвратить немецкому народу гордость за величие Германии. В краткосрочной перспективе он сдержал свое слово. Его политическая идеология излучала неукротимую силу, энергию и уверенность в будущем. Нацистская партия была партией молодежи; она предлагала людям не просто мечту, но и осязаемую роль в будущем Германии. Гитлер обращался в первую очередь к молодым немцам, мальчикам-подросткам, которых он хотел превратить в солдат, готовых пожертвовать собой ради построения немецкого государства, которое будет господствовать над всей Европой от

---

[1] *Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1988.

[2] Например см.: *McMeekin S.* Stalin's War: A New History of World War II. London: Allen Lane, 2021 (а также рецензию на эту книгу: *Карлей М. Дж.* Новая история Второй мировой, индоктринированная и ненадежная // Журнал российских и восточно-европейских исторических исследований. 2021. № 3 (26). С. 226–249 и интернет-комментарий H-Diplo от 11 октября 2022. URL: https://networks.h-net.org/node/28443/discussions/10685214/h-diplo-roundtable-xxiv-5-stalin%E2%80%99swar#reply-11225401); *Bartov O.* Through a Glass Darkly // Times Literary Supplement. 2021. 30 July. P. 3–4; *Roberts G.* Stalin's War: Distorted History of a Complex Second World War // Irish Times. 2021. 29 June; *Edele M.* Better to Lose Australia // Inside Story. 2021. 25 May. URL: https://insidestory.org.au/better-to-lose-australia; *Overy R.* Wicked Uncle Joe // Literary Review. 2021, April. P. 1–3.

[3] *Snyder T.* The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America. New York: Tim Duggan Books, 2018.

[4] *Kotkin St.* Stalin: Waiting for Hitler, 1928–1941. London: Allen Lane, 2017. P. 1.

побережья Атлантического океана до Уральских гор. Он делал все, чтобы донести до их сознания эту идею. «Вы — плоть от нашей плоти, кровь от нашей крови, и вашими юными умами движет тот же дух, который владеет мной. Перед нами лежит Германия; Германия марширует в нас; Германия идет за нами!» Ваши жертвы, говорил Гитлер, будут помнить всегда. Они не будут напрасны[1]. А молодые женщины поддержат труды и великие дела своих мужчин. Средством установления господства Германии для Гитлера стали хитрость, блеф и, в конечном счете, война. Он внушил немцам мысль о том, что их высокое предназначение — выжить в борьбе народов, явив себя наиболее соответствующими идеалам. Его солдаты и облаченные в коричневые рубашки штурмовики были мужественными, мускулистыми, сильными, властными. Они собирались на массовые митинги, маршировали под звуки барабанов и труб, распевали нацистские гимны, несли факелы, флаги и знамена с нацистской символикой. Запах пота и кожаных сапог, исходивший от этих легионов, опьянял — более того, такой образ казался притягательным людям из других, более слабых европейских стран. Нацистский «колосс» внушал страх и благоговейный трепет Франции и Великобритании, где правящие элиты были не столь уверены в своей власти (по крайней мере, создавалось такое впечатление). Их представители испытывали противоречивые чувства по отношению к нацистской Германии: они одновременно страшились ее и восхищались ею. Они боялись, что Гитлер будет господствовать над всей Европой, но в то же время надеялись на лучшее и старались убедить себя, что он такой же политик, как и любой другой, и что он в конце концов пойдет на заключение долгосрочных соглашений, чтобы предотвратить новую войну в Европе.

Но и это было еще не все. Гитлер пришел к власти с намерением безжалостно истреблять немецких социалистов, коммунистов, евреев, цыган и особенно русских большевиков. Свои взгляды на евреев и славян он изложил в популистской книге «Майн кампф», опубликованной в 1925 году и представлявшей собой план установления господства Германии в Европе. Гитлер был расистом и антисемитом. Нацистские пропагандисты утверждали, что евреи, славяне и цыгане — недочеловеки, которые заслуживают только смерти или положения рабов, трудящихся на благо Третьего рейха. Евреи-большевики — единственное, что удерживает от распада так называемый Советский Союз. Стоит избавиться от них, писал Гитлер, и Россия развалится на части. Немецкие войска, продвигающиеся на восток с целью завоевать для немецкого народа *Lebensraum*, жизненное пространство, простирающееся до самого края Восточной Европы — Ураль-

[1] Эти строки взяты из видеосъемки с речью А. Гитлера, произнесенной ок. 1935 г. Она была выложена на *YouTube*, но впоследствии ролик был удален.

Адольф Гитлер и Бенито Муссолини. 1940 год

ских гор, — будет ждать легкая победа. Для достижения этой цели Гитлер призывал к «войне на уничтожение» (*Vernichtungskrieg*) против Советского Союза. Это был призыв к геноциду. И действительно, после вторжения в СССР немецкие солдаты вели себя, как звери, без разбора убивая миллионы мирных жителей и пленных красноармейцев и оставляя других умирать с голоду — одним словом, совершая военные преступления в масштабах, которые трудно даже представить.

Для любого, кто пытался определить виновных в развязывании Второй мировой войны, на самом деле всегда существовал лишь один отрицательный персонаж — Гитлер. Он был полон решимости вести войну и в конце концов спровоцировал ее. Но был и еще один фашистский лидер, увлеченный идеей военной мощи — Бенито Муссолини, итальянский дуче. Правда, у него были более скромные амбиции, которые, по его мнению, Италии были вполне по силам. Часть консервативных сил считала его «мягкий» фашизм более привлекательным, чем гитлеровскую жесткую

версию. Муссолини не представлял себе войну в масштабах кампаний Гитлера и сыграл сравнительно скромную роль в разжигании ее адского пламени. Он поплатился за свои ошибки и в конце апреля 1945 года был без церемоний расстрелян вместе со своей любовницей. Он мог бы сохранить нейтралитет и пережить войну, но был не столь хитер и дальновиден, как испанский фашист Франсиско Франко, который правил Испанией еще долгие годы, пока не умер от старости в 1975 году.

«Грязные 30-е» — «подлое, бесчестное десятилетие», как назвал их английский поэт У. Х. Оден, — стали решающим периодом, который в итоге привел ко Второй мировой войне. Много было сказано и написано об истоках войны. Главными движущими силами стали в данном случае политика умиротворения, атмосфера «декаданса», пацифизм, пораженчество, реализм, антисемитизм, страх перед коммунизмом, восхищение фашизмом, боязнь войны и социалистической революции. Миллионы безработных европейцев — как мужчин, так и женщин — представляли собой потенциально взрывоопасную силу, которую было крайне легко склонить на сторону одного из наиболее значимых движений межвоенного периода — фашизма или коммунизма. «Парламентская демократия», третий претендент в борьбе за лояльность европейцев, потерпела неудачу и к концу 1930-х годов превратилась в ненадежный плацдарм, включавший в себя Великобританию, Францию и некоторые другие государства Западной Европы[1]. Конечно, западная демократия не была всеобъемлющим институтом; доступ к нему был зачастую ограничен в зависимости от пола и уровня благосостояния. Великобритания, Франция, Бельгия, Португалия, Голландия и Соединенные Штаты представляли собой колониальные империи, в разных уголках которых то и дело вспыхивали беспорядки. В Европе процветал антисемитизм, который ни в коем случае не ограничивался гитлеровской Германией и лишь способствовал росту популярности нацизма. В Соединенных Штатах по-прежнему оставались в угнетенном положении афроамериканцы: здесь были нормой джимкроуизм, сегрегация и линчевание, орудовал Ку-клукс-клан — и все это с одобрения правительства.

Часто говорят, что так называемая история отражает мнения и идеи тех, кто представляет доминирующую элиту. Таким образом, историк может вольно или невольно сыграть определенную роль в политике. На Западе в период после Второй мировой войны доминировало мнение, согласно которому было принято ограничивать антисемитизм Германией, упускать из виду насильственное послевоенное восстановление европейского колониализма, не замечать расовой сегрегации и утверждать, что в развязыва-

[1] *Mazower M.* Dark Continent: Europe's Twentieth Century. New York: Vintage, 1998. С. 7–15.

нии войны в 1939 году Сталин был виноват в такой же степени, как Гитлер. В конце концов, ведь Сталин «предал» французов и британцев, заключив в августе 1939 года с Гитлером пакт о ненападении — соглашение, целью которого был раздел Восточной Европы. Эти «исторические интерпретации» помогали оправдать холодную войну, которую Соединенные Штаты вели против Советского Союза после 1945 года. Непросто было демонизировать русских, пока в памяти были живы колоссальные потери Красной армии и ее ключевая роль в уничтожении вермахта.

В условиях холодной войны закрывать глаза предпочитали и на кое-что еще: на довоенное восхищение западных элит нацистской Германией и на их решительные дипломатические усилия по достижению примирения с ней, особенно на Мюнхенские соглашения. Восхищение фашизмом подкреплялось глубоким отвращением к коммунизму и социализму, которые угрожали установленному в Европе общественному порядку. Тому факту, что Англия и Франция в течение 1930-х годов неоднократно отклоняли предложения Советского Союза о заключении союза о взаимопомощи против Гитлера, также было не место в доминирующем нарративе. Некоторые историки описывают политику умиротворения как результат трезвого реалистического сопоставления запасов оружия и золота Англии и Франции с военными активами нацистской Германии. У них, дескать, было больше ресурсов, поэтому нам пришлось пойти на «жертвы»[1]. И неважно, что британские и французские Генеральные штабы пересчитали каждого вражеского солдата дважды, а потенциальных солдат союзников не учли вовсе.

На страницах этой книги, как и предыдущей[2], читателей ждет альтернативная версия этого нарратива. Не все представители европейских элит испытывали по отношению к подъему нацизма двойственные чувства. Некоторых — правда, таких было меньшинство — нисколько не пугал нацистский колосс и легионы обутых в высокие кожаные сапоги немецких солдат. Их убеждения были непоколебимы. Самый известный из представителей этого критически настроенного меньшинства — Уинстон С. Черчилль; другой — Шарль де Голль, который во второй половине 1930-х годов был еще обычным полковником. Черчилль до войны был всего лишь парламентарием-«заднескамеечником», постоянно критиковавшим правитель-

---

[1] *Peden G. C.* British Rearmament and the Treasury, 1932–1939. Edinburgh: Scottish Academic Press, 1979; *Peden G. C.* Churchill, Chamberlain and Appeasement. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.

[2] *Carley M. J.* Stalin's Gamble: The Search for Allies against Hitler, 1930–1936. Toronto: University of Toronto Press, 2023. Русское издание: *Карлей М. Дж.* Рискованная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера, 1930–1936 / пер. с англ. Н. Л. Алексеевой; предисл. В. Ю. Крашенинниковой, С. В. Кудряшова. М.: Издательство «Кучково поле», 2023.

ство за его вялую политику в области перевооружения и недостаточную бдительность по отношению к нацистской Германии. Де Голль, у которого в этом повествовании эпизодическая роль, также был явным аутсайдером.

Были и другие, менее известные, фигуры, которые, тем не менее, также играют важную роль в нашем повествовании. Среди них — британцы и французы, граждане СССР и Румынии. В Великобритании это были, например, Кольер и Ванситтарт, во Франции — Эррио, Поль-Бонкур и Барту; в Советском Союзе — Майский, Литвинов, Крестинский и Стомоняков; в Румынии — Титулеску. Список впечатляюще длинный. Читатели еще не раз встретятся с ними на страницах моей книги, если наберутся терпения и проследят за повествованием до конца. Пока я работал над этой книгой, многих из этих людей, среди которых были не только мужчины, но и женщины, я стал воспринимать как своих хороших знакомых и коллег. Возможно, вы тоже начнете воспринимать их так же. Это были принципиальные и проницательные люди. Конечно, у них были свои недостатки, но в любом случае они были теми, кто шел против мнения большинства и пытался защитить собственную страну от все возрастающей опасности гитлеризма. Нелегко идти против устоявшихся идей элиты и общепринятого мнения. Тем не менее эти «паникеры», как их часто характеризовали, хорошо понимали, что нацизм представляет угрозу для европейской безопасности. Они не были ослеплены амбивалентностью взглядов, свойственной многим консерваторам из-за симпатии к фашизму и антисемитизму и отвращения к коммунизму. Это была неразделимая триада. Как выразился в 1937 году один консервативный французский политик, Анри де Кериллис «из-за ненависти к большевизму часть французской буржуазии быстро впала в одурманивающее пристрастие к гитлеровской Германии». Но были и «белые вороны», как назвал их один советский дипломат, которые бросали вызов мнению большинства, требуя быстрого перевооружения и союза с СССР. Таков был единственный способ сдержать гитлеровскую Германию или победить ее в войне, если не удастся сдерживание. В одиночку у Франции и Великобритании не было никаких шансов выстоять против вермахта. Кстати, к его великой чести, Кериллис был единственным в Палате депутатов представителем правых сил, проголосовавшим против Мюнхенских соглашений, заключенных 30 сентября 1938 года.

Европейские Генеральные штабы были озабочены быстро растущей военной мощью Германии, но их также беспокоил Советский Союз и предположительно исходившая от него угроза распространения социалистической революции в сердце Европы. Итак, ключевым вопросом 1930-х годов стал следующий: кто представляет большую опасность — СССР или нацистская Германия? Теперь мы знаем правильный ответ — по крайней мере, так мне казалось. В ретроспективе всё всегда кажется предельно яс-

ным, но читатели, вероятно, понимают, что современнику куда сложнее объективно оценивать происходящее. Не стоит забывать, писал покойный британский историк А. Дж. П. Тейлор, что «события, которые теперь остались в далеком прошлом, когда-то были будущим». Историкам необходимо избегать «запоздалого осуждения», добавлял Тейлор[1]. Таким образом, наши «белые вороны» вызывают тем большее восхищение, что сумели с уверенностью определить главный источник опасности и были готовы, отбросив идеологические предубеждения по отношению к Советскому Союзу, объединиться с Москвой против общего врага — нацизма.

Историкам было легче разобраться в мотивах политики умиротворения, проводимой Францией и Великобританией, чем правильно охарактеризовать основные направления советской внешней политики. Поскольку до начала 1990-х годов советские архивы были закрыты, западные историки были вынуждены идти обходными путями, то есть полагаться на зарубежные архивы и восприятие советской политики, характерное для Запада. Поскольку это восприятие было в основном враждебным, выводы чаще всего были негативными — и ошибочными. Получалось, что советская политика была сосредоточена на разжигании мировой социалистической революции, а не на защите национальных интересов СССР. Действительно, согласно таким исследованиям, как работа Адама Улама «О советской внешней политике», представляющая собой карикатуру на холодную войну, в советском мышлении практически не было места национальным интересам[2]. Внешнюю политику определял Коминтерн (Коммунистический интернационал), а не Народный комиссариат иностранных дел (НКИД). Подобные идеи высказываются и по сей день[3].

Другим направлением советской политики, согласно этим работам, было укрепление отношений с Германией. Сталин якобы предпочитал проводить политику, предусмотренную Рапалльским договором 1922 года, даже после прихода Гитлера к власти[4]. Коллективная безопасность была лишь крайней мерой, и чтобы прибегнуть к ней, нужно было еще уговорить Сталина отка-

---

[1] *Taylor A. J. P.* The Origins of the Second World War. Middlesex, UK: Penguin, 1964. P. 282.

[2] *Ulam A.* Expansion and Coexistence. New York: Praeger, 1968. P. 131, 142.

[3] *Haslam J.* The Spectre of War: International Communism and the Origins of World War II. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2021; *Carley M. J.* Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014. P. xii–xvi; *Карлей М. Д.* Тайная война. Запад против России. 1917–1930 / пер. с англ. Д. Горбач, Е. Польщиковой. М.: ИстЛит, 2019.

[4] *Nekrich A. M.* Pariahs, Partners, Predators: German-Soviet Relations, 1922–1941. New York: Columbia University Press, 1997.

заться от своих давних предпочтений[1]. Даже после открытия советских архивов в начале 1990-х годов идея о том, что СССР втайне отдавал предпочтение Германии, сохранялась. Она успела настолько укорениться, что ее придерживались даже первые западные исследователи советских архивов Сабина Дюллен и Сильвио Понс[2], но, конечно, не все. Как остроумно заметил Тедди Дж. Ульрикс, идея о том, что для СССР на первом месте стояли отношения с Германией, «превращает 98% всех усилий советской дипломатии в хрупкое прикрытие для оставшихся 2% ее тайной деятельности»[3]. Среди советских историков такое мнение было преобладающим. Рой Медведев и Дмитрий Волкогонов, в частности, заключали, что Запад почти не оставил советскому правительству выбора, кроме как согласиться на заключение пакта о ненападении с Гитлером[4]. По сути, это был резервный план. Уже через двадцать лет «мало кто из историков», по словам Габриэля Городецкого, «[воспринимал] всерьез неизменные советские заявления... что Советский Союз подписал пакт под давлением, рассматривая его как меньшее из двух зол»[5]. Теперь этого мнения придерживаются еще больше историков, и я в их числе. В некотором смысле пристальное внимание к вопросу о том, отдавал ли Сталин тайное предпочтение установлению отношений с Германией, указывает на предвзятость, поскольку Франция, Великобритания и Польша также предпочитали заключать соглашения с Германией, а не с СССР. Если отдавать предпочтение Германии — это грех, то можно сказать, что грешниками были все, и уж Сталин куда меньше других.

После заключения советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 года Сталин признался одному турецкому дипломату, что отдает предпочтение англо-франко-советскому союзу, но Франция и Великобритания в подобных союзах не заинтересованы. В моей предыдущей книге «Рискованная игра Сталина» наглядно показано, что Сталин полностью поддерживал коллективную безопасность и взаимопомощь против нацистской Германии[6]. Это не было личной политикой наркома иностранных дел

---

[1] *Haslam J.* Spectre of War... P. 270.

[2] *Dullin S.* Des hommes d'influence: Les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930–1939. Paris: Payot 2001; *Pons S.* Stalin and the Inevitable War, 1936–1941. London: Frank Cass, 2002.

[3] *Uldricks T. J.* A. J. P. Taylor and the Russians // The Origins of the Second World War Reconsidered / G. Martel, ed. Boston: Allen & Unwin, 1986. P. 178.

[4] *Taylor A. J. P.* The Origins... P. 319; *Volkogonov D.* Staline. Paris: Flammarion, 1991. P. 268; *Medvedev R.* Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. New York: Columbia University Press, 1989. P. 728; Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1989. С. 262–267.

[5] *Gorodetsky G.* The Impact of the Ribbentrop – Molotov Pact on the Course of Soviet Foreign Policy // Cahiers du monde russe et soviétique 31, No. 1 (1990). P. 27–28.

[6] *Carley M. J.* Stalin's Gamble...

Максима Максимовича Литвинова, как это могут объяснить историки, верящие в идею предпочтения Сталиным Германии. Сталин был не просто невольным сторонником политики Литвинова. Стивен Коткин отмечает, что он был «проницательным руководителем, вынужденным принимать трудные решения для защиты интересов своей страны». Он, конечно, сам нажил себе проблемы своими «грубыми ошибками и беспричинной жестокостью». Сталин проявлял себя одновременно как «здравомыслящий реалист во внешнеполитических делах» и как «обезумевший массовый убийца в собственной стране». По словам Коткина, Сталин был «социопатом»[1]. В 1938 году он настолько увлекся чистками рядов своих бывших коллег, что пренебрег информацией, которая поступала от Литвинова.

У Сталина были обычные интересы нормального человека — он коллекционировал часы, хорошо играл в бильярд, любил читать, но он также был груб, бестактен и безжалостен. Он мало ценил человеческую жизнь — до тех пор, пока не столкнулся с ужасающими потерями в Великой Отечественной войне. Это был настоящий государь, советский император с лицом, словно высеченным из камня. «Нельзя зевать и спать, — говорил он, — когда стоишь у власти!»[2] Однако общение Сталина с Литвиновым было обычным общением главы правительства со своим министром иностранных дел. С обеих сторон имели место компромиссы, но до 1939 года Сталин по большей части поддерживал политические рекомендации Литвинова[3]. Их отношения раскрывают «нормальную» сторону Сталина, которую часто упускали из виду из-за его безжалостных репрессий.

Следующие главы предлагают много пищи для размышлений. История, с которой вы, читатели, собираетесь познакомиться, включает в себя неизвестные и, возможно, неприятные эпизоды. В этом повествовании в определенной степени отдается преимущество советской точке зрения. Основанием для нее служат документы, содержащиеся в тысячах папок, хранящихся в архивах Российской Федерации. Читатели без труда заметят, что мое повествование во многом основано на этих архивах, раскрывающих новые, непривычные подходы к описанию истоков Второй мировой войны. Благодаря советским архивным документам становится отчетливо видна та значительная роль, которую СССР, его официальные лица и дипломаты, сыграли в 1930-е годы в организации сопротивления нацистской Германии. Если СССР окончательно отказался от идеи коллективной безопасности в августе 1939 года, то Франция и Великобритания не приняли ее вовсе.

---

[1] *Kotkin St.* Stalin... P. 579.

[2] И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу. После 16 августа 1934 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 439–440.

[3] *Carley M. J.* Silent Conflict...; *Carley M. J.* Stalin's Gambl...

ГЛАВА I

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ ЕВРОПЫ: СССР ТЕРПИТ ПОРАЖЕНИЕ НА ВСЕХ ФРОНТАХ, ВЕСНА — ЛЕТО 1936 ГОДА

Исторический контекст

После сокрушительного удара, которым стал Рейнский кризис марта 1936 года, когда солдаты вермахта беспрепятственно вошли в демилитаризованную зону на западном берегу Рейна, в Европе наступило кратковременное затишье. Впрочем, для тех, кто выступал против фашизма вообще и нацистской Германии в частности, было очевидно, что ситуация далека от нормальной. Это было тревожное время. Гитлеру удалось одержать целый ряд дипломатических побед, начиная с заключения в январе 1934 года Договора о ненападении между Германией и Польшей и заканчивая объявлением в марте 1935 года о существовании постоянной армии численностью 500 тысяч человек, восстановлением всеобщей воинской повинности и созданием люфтваффе. Британские министры совершили бессмысленный визит в Берлин, где заискивающе беседовали с фюрером, надеясь найти хоть какую-то общую почву для сохранения европейской безопасности, по крайней мере на Западе. Это была пустая трата времени, однако с точки зрения убежденных пацифистов переговоры с герром Гитлером все равно были лучше войны. В июне 1935 года Великобритания заключила с нацистской Германией военно-морское соглашение, что повергло в шок как ее бывших союзников — Францию и Италию, так и союзника потенциального — Советский Союз. Британцы, по сути, приняли решение отказаться от части Версальской системы, не посоветовавшись ни с кем, кроме преследовавших свои интересы немцев.

Для части британских и французских граждан — например, тех, кто сохранял определенные симпатии к фашизму, — эти времена были не так уж и плохи. Гитлер раз за разом выставлял на посмешище правительства

Великобритании и Франции. Выходило, что либо политики и лидеры этих стран не справляются со своей работой, либо Гитлер очень хорошо справляется со своей. Люди не склонны симпатизировать проигравшим, а Гитлер тогда смотрелся победителем, в то время как британские и французские лидеры будто растеряли весь свой здравый смысл и всю свою твердость убеждений.

Впрочем, в каком-то смысле жизнь, несмотря на кризис, продолжала идти своим чередом. Некоторые люди предпочитали просто не думать о политике. Париж был излюбленным местом художников и писателей, он привлекал американских эмигрантов и туристов, которые все еще могли позволить себе путешествовать. Только представьте: кабаре сотрясаются от афроамериканского джаза, а дорогие ночные клубы — от музыки биг-бендов. Перед станцией метро «Одеон» в Латинском квартале воркуют влюбленные пары. Эдит Пиаф только-только начинает покорять Париж: она записала свой первый альбом, она выступает на радио. Молодая афроамериканка Жозефина Бейкер, приехавшая сюда в 1920-х годах, производит фурор; все знают ее как танцовщицу и певицу театра бурлеска, а позже и как кинозвезду. Она танцует в «Фоли-Бержер» и поет в театрах на Елисейских Полях. Одним словом, создается впечатление, что «город огней» (*Ville lumière*) ведет самую обычную жизнь.

Дипломаты и политики, которые сталкивались с проблемой усиления опасности нацистской Германии, знали о ситуации гораздо больше — по крайней мере, некоторые из них. Даже не имея доступа к полной информации, было трудно игнорировать происходящее в Европе. Тревожные звоночки раздавались в столицах разных стран, но громче всего они звучали в Москве. Нарком иностранных дел Максим Максимович Литвинов почти сразу осознал опасность. Он прочитал «Майн кампф» Гитлера и отнесся к книге со всей серьезностью, как и другие сотрудники Народного комиссариата иностранных дел (НКИД). Тем не менее, первым побуждением Москвы — НКИД и Кремля, где располагался кабинет вождя Иосифа Виссарионовича Сталина, — было попытаться поддержать так называемую рапалльскую политику конструктивных от-

Максим Максимович Литвинов

ношений с Германией, даже если теперь ею правил Гитлер. Тем временем НКИД пытался улучшить отношения с Францией и Польшей. Франция была очевидным выбором как бывший союзник России времен Первой мировой войны, а Польша — потому что она была формальным союзником Франции. Если СССР хотел хороших отношений с Францией, они были ему нужны и с Польшей. Варшаве польско-советское сближение было не очень-то нужно, и эту идею никак не удавалось воплотить в жизнь — если не считать пакта о ненападении, заключенного в 1932 году. Польское правительство предпочитало улучшать отношения с нацистской Германией, вследствие чего и заключило с ней Договор о ненападении в январе 1934 года. В Париже к советским дипломатам прислушивались больше. У французов также вызывала беспокойство реваншистская политика Германии, они были готовы формировать новые отношения для защиты своей безопасности. Три последовательно занимавших пост министра иностранных дел — Эдуард Эррио, Жозеф Поль-Бонкур и Луи Барту — стремились к улучшению отношений с Москвой. Французское посольство в Париже стало «опорой», на которой держалась дипломатия Советского Союза в Европе. Между 1932 и 1934 годами франко-советские отношения заметно улучшились. Не всегда дело шло гладко. Оппозиционные такому курсу настроения присутствовали и на набережной Орсе (где расположено Министерство иностранных дел Франции), и на улицах французских городов. Политическая ситуация во Франции была нестабильной, но франко-советские отношения тем не менее продолжали укрепляться, равно как и советско-итальянские отношения: с Италией в сентябре 1933 года был подписан Договор о дружбе, нейтралитете и ненападении. В ноябре того же года были установлены дипломатические отношения с Соединенными Штатами, а также «джентльменское соглашение» об урегулировании старых долгов в обмен на новый кредит. Эта осень стала апогеем укрепления советских дипломатических отношений на Западе, что побудило Политбюро отказаться от следования Рапалльскому соглашению и продвигать идею коллективной безопасности против нацистской Германии. СССР, казалось, стремился играть ведущую роль в восстановлении расстановки сил времен Первой мировой войны, когда Антанта противостояла кайзеровской Германии.

Как только советская политика изменилась, отношения с потенциальными союзниками стали портиться. Началось с США. Государственный департамент был не в восторге от «джентльменского соглашения» Рузвельта — Литвинова и саботировал его весной и летом 1934 года. Несколько месяцев спустя, 9 октября 1934 года, в Марселе при покушении на короля Югославии Александра I был также застрелен Барту. Ему на смену пришел Пьер Лаваль, скользкий человек, который заглушил импульс советско-

французского сближения и сделал бессмысленным советско-французский Договор о взаимопомощи, который он подписал, хотя и под давлением, 2 мая 1935 года. Лаваль нанес ощутимый вред отношениям с Советским Союзом. Когда он оставил пост в январе 1936 года, следующее правительство Альбера Сарро и министра иностранных дел Пьера-Этьена Фландена добилось откладываемой Лавалем ратификации советско-французского договора в Палате депутатов. На первый взгляд это был шаг вперед, но на самом деле ущерб, который Лаваль нанес франко-советскому сближению, был непоправим.

В то же самое время, когда испортились отношения с Соединенными Штатами и Францией, в советско-английских отношениях наблюдалось непродолжительное сближение. Апогея оно достигло в марте 1935 года, когда Москву посетил Энтони Иден, тогдашний лорд-хранитель печати. Встречи прошли в дружеской атмосфере, что на короткое время внушило Литвинову надежду на то, что советско-английские отношения могут углубиться. Эти чаяния были разбиты англо-германским военно-морским соглашением в июне 1935 года, а затем и политикой самого Идена после того, как он стал главой Форин-офиса. В феврале 1936 года, незадолго до

М. М. Литвинов, И. М. Майский и Э. Иден на заседании Лиги Наций. Лондон. 1936 год

ратификации советско-французского договора в Париже, он затормозил англо-советское сближение.

В тот же период советско-итальянские отношения также ухудшились из-за стремления Муссолини завоевать Абиссинию. Итальянское вторжение в эту страну началось в октябре 1935 года. Литвинов пытался спасти отношения с Римом, но безуспешно. Таким образом, к зиме 1936 года советские усилия по воссозданию антигерманского союза образца времен Первой мировой войны по большей части потерпели крах. Рейнский кризис в марте 1936 года не положил конец советской политике коллективной безопасности, но нанес огромный вред усилиям по сдерживанию нацистской Германии. Литвинов поехал в Лондон, чтобы попытаться укрепить британское сопротивление, но он только зря терял время. Секретарь (министр) по иностранным делам Иден умыл руки.

Из-за ремилитаризации Рейнской области Франция уже не могла быстро прийти на помощь своим союзникам в Центральной и Восточной Европе. Члены профранцузской Малой Антанты — Румыния, Югославия и даже Чехословакия — поняли, что они больше не могут рассчитывать на то, что Франция, а тем более Англия защитят их от немецкой агрессии. Поэтому они искали способы заключить мир с Берлином. Это разочарование в политике Франции не было совершенно очевидным в Париже и в Лондоне, но для Центральной и Восточной Европы, в частности для Москвы, в нем не было никаких сомнений. Проще говоря, правящая элита Франции стушевалась, и французская внешняя политика фактически перешла под британский контроль. В Париже тоже были сильные лидеры, но они были в меньшинстве и не могли изменить политику Франции.

Система коллективной безопасности, направленная против нацистской Германии, постепенно разваливалась. Весной 1936 года все предполагаемые основные члены советской Антанты, выступавшей против нацистской Германии, либо уже вышли из игры, либо собирались это сделать. Даже Чехословакия хотела бы найти способ подписать договор с Берлином. Из тех государств, у кого оставались какие-либо реальные варианты действий, только Румыния еще оставалась в деле, но, как мы увидим, это было ненадолго. Маленькая Румыния была важным элементом европейской политики, но ее значение было утрачено в результате фиаско с Рейнской областью. Несмотря на пессимизм происходящего, Литвинов, как и Сталин, продолжал придерживаться прежней советской политики, однако от наивного оптимизма конца 1933 года уже не осталось и следа.

Парламентские выборы во Франции в апреле — мае 1936 года привели к смене правительства. Левоцентристская предвыборная коалиция — Народный фронт — одержала впечатляющую победу. Коммунистическая

Французский предвыборный плакат. 1936 год

партия Франции добилась больших успехов, социалистическая Французская секция Рабочего интернационала (СФИО) сформировала самую крупную фракцию в Палате депутатов. Радикал-социалисты сильно проиграли как по местам, так и по проценту полученных голосов. В своих плохих результатах они винили коммунистов, хотя успехи коммунистов и социалистов возникли не на пустом месте. Таким образом, видимость электоральной мощи Народного фронта разбилась о хрупкость внутреннего баланса, враждебность между участниками коалиции и политические разногласия внутри самих партий социалистов и радикал-социалистов. Тем не менее правительству Сарро — Фландена пришлось уступить. Еврей и социалист Леон Блюм стал председателем Совета министров, а радикал-социалист Эдуард Даладье был назначен министром национальной обороны и войны, а также вице-председателем Совета министров. Он был логичным претендентом на место заместителя Блюма, будучи председателем партии радикал-социалистов. Однако в контексте советско-французских отношений выбор был неудачным, поскольку Даладье ненавидел французских коммунистов, не был сторонником франко-советского сближения и являлся известным «германофилом». Коммунисты не вошли

в Кабинет министров, потому что этого не хотел Даладье (впрочем, не хотело этого и московское руководство Коминтерна), однако они согласились поддержать правительство в Палате депутатов[1]. Литвинов предпочел бы и дальше иметь дело с правительством Сарро — Фландена, но этому не суждено было продолжаться. Он опасался поляризации французской политики, осознавая, что коллективная безопасность может действовать только так, как действовала политика Священного союза (*Union sacrée*), то есть при условии объединения левых и правых сил, а не только как политика левых. Советский Союз в одиночку не мог обеспечить коллективную безопасность. Правые и без того уже развернули шумную кампанию по обвинению Народного фронта в том, что он является лакеем Сталина. У Литвинова появились опасения, что во Франции может победить фашизм[2].

Румыния и Николае Титулеску

Помимо ситуации во Франции НКИД столкнулся с множеством других проблем. К весне 1936 года Румыния оставалась последней надеждой СССР на формирование системы коллективной безопасности в Восточной Европе. Может показаться странным, что небольшое государство на Балканах стало столь важным фактором в усилиях по сдерживанию нацистской Германии. Тем не менее Румыния была союзником Франции и, наряду с Чехословакией и Югославией, членом Малой Антанты, призванной служить противовесом нацистской Германии. Это было возможно только в том случае, если бы Франция оставалась сильной, решительной и столь же преданной Малой Антанте, как Малая Антанта была предана ей. Увы, это было не так, и Малая Антанта начала распадаться.

Советско-румынские отношения установились летом 1934 года по инициативе Румынии. Министру иностранных дел Николае Титулеску не нравилось нацистское правительство в Берлине, и в СССР он видел противовес потенциальной немецкой агрессии в Центральной и Восточной Европе. Титулеску был главным сторонником советско-румынского сближения, но был практически единственным, кто проводил эту политику. Он тесно сотрудничал с Литвиновым и в 1935 году пытался помочь ему заключить советско-французский Договор о взаимопомощи, пусть даже и существенно потерявший в своей значимости в результате усилий Лаваля и чиновников французского МИД. В определенном смысле Титулеску

---

[1] См.: *Carley M. J.* Stalin's Gamble...

[2] М. М. Литвинов — В. П. Потёмкину. 4 мая 1936 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВПРФ). Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 119. Л. 10–11.

вел себя отважно, хотя из-за опасений за свою жизнь долгое время оставался на юге Франции, избегая появляться в Бухаресте. Для осуществления своих планов ему нужно было заручиться поддержкой короля Румынии Кароля II, который в ответ на слабость Франции, в особенности продемонстрированную Лавалем, проявлял нерешительность в отношениях с нацистской Германией. Король происходил из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов и был склонен поддерживать Берлин, когда Германия была сильна, а Франция слаба. В феврале 1936 года король и Титулеску встретились в Париже. Визит короля состоялся после падения правительства Лаваля, что побудило Кароля набраться мужества и поддержать своего министра иностранных дел. По информации из различных источников, Титулеску, похоже, вновь обрел уверенность в себе и продолжил переговоры о взаимопомощи со своими советскими коллегами. Это было до капитуляции Англии и Франции в Рейнской области.

В ходе предыдущих переговоров двумя главными камнями преткновения были Бессарабия и право прохода Красной армии на помощь Чехословакии в случае нацистской агрессии. В 1918 году Румыния захватила российскую Бессарабию в тот момент, когда новое большевистское правительство было не в состоянии ее защитить. Советский Союз так и не признал суверенитет Румынии над регионом. Титулеску хотел твердых обязательств со стороны СССР по признанию советско-румынской границы, а также официального соглашения об уходе сил Красной армии с румынской территории — то есть из Бессарабии — после прекращения боевых действий против немецкого агрессора. Эти два условия были взаимосвязаны, поскольку соглашение об уходе Красной армии с территории Румынии подразумевало признание границы по реке Днестр. Титулеску опасался, что советское правительство может отказаться от безоговорочного признания суверенитета Румынии над Бессарабией или что Красная армия не покинет территорию Румынии. Литвинов не хотел выдвигать предложение о формальном признании советско-румынской границы — он полагал, что Политбюро не одобрит это, — но был готов оговорить вывод советских вооруженных сил. Дело было не только в принципах. Хотя это, возможно, не высказывалось открыто, советское правительство, похоже, просчитывало такой вариант, при котором оно признает суверенитет Румынии, а румынское правительство откажется от взаимопомощи или прохода Красной армии. В конце концов, кто знает, как долго Титулеску останется министром иностранных дел? Может произойти все что угодно. Литвинов и Михаил Семёнович Островский, советский полпред в Бухаресте, часто и безуспешно обсуждали различные формулы соглашения с Титулеску. В любом случае, ничего нельзя было добиться до тех пор, пока не был ратифицирован советско-французский пакт. Литвинов знал, что по-

Михаил Семенович Островский

ложение Титулеску в Румынии уязвимо, и это затрудняло достижение соглашения[1]. Они оба следили за событиями в Париже.

Островский пытался придумать формулу по Бессарабии, которая удовлетворила бы Титулеску и Литвинова, но это оказалось невозможно. Литвинов начал проявлять раздражение по отношению к полпреду, к которому он всегда питал немалое уважение. Он рассчитывал лично встретиться с Титулеску в Женеве, чтобы продолжить обсуждение досадного вопроса. Было начало января 1936 года. Лаваль еще не ушел в отставку, и все было в подвешенном состоянии. «Ваша последняя беседа с ним, — писал Литвинов Островскому, — меня лишний раз убеждает в том, что 1. Титулеску меньше интересуется самим пактом, чем получением косвенного признания за Румынией Бессарабии и 2. что он такое признание обещал королю и вероятно за это и получил согласие на пакт. А если это так, то, по-видимому, пакта не будет, ибо мы признанием Бессарабии за пакт не заплатим». Другими словами, как выразился Литвинов: «Я ставлю своей задачей в беседах [с Титулеску] выяснить окончательно, интересует ли его пакт или вопрос о Бессарабии». Титулеску хотел большего, чем был готов дать сам; за счет хитроумно подобранных формулировок проекта пакта он рассчитывал добиться от СССР дополнительных обязательств по вступлению в войну в случае нападения на Румынию Венгрии или Болгарии, но при этом не принимая обязательства Румынии вступить в войну в случае агрессии против Советского Союза со стороны Польши или через Прибалтику. Все было довольно сложно, и поскольку у Румынии и Польши давно сложился союз, направленный против СССР, одно цеплялось за другое. Литвинов полагал, что Титулеску пытается его обмануть, и был полон решимости этого не допустить.

---

[1] М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 13 декабря 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0125. Оп. 17. П. 111. Д. 2. Л. 46–50. Опубл.: Советско-румынские отношения (далее: СРО). 1917–1941. Док. и мат-лы: в 2 т. М., 2000. Т. II: 1935–1941. С. 51–54.

В числе прочего Литвинов не был против упоминания реки Днестр в контексте вопроса о праве прохода, что частично пересекалось с вопросом о границах. «Против упоминания Днестра я лично возражать не буду, но все зависит от того, в каком месте и в каком контексте. Можно, например, прямо сказать, что войска обоих сторон в известном случае уводятся к востоку или к западу от Днестра, что отнюдь не будет означать даже завуалированного признания Бессарабии». В середине января 1936 года Политбюро одобрило эту формулу[1]. Для Румынии это было бы хорошей сделкой, но пока Франция не подавала признаков решимости защищать своих союзников в Центральной и Восточной Европе, никакого прогресса быть не могло. И Литвинову, и Титулеску было необходимо знать, можно ли рассчитывать на Францию. Литвинов писал Островскому: «В общем, Вы, несомненно, переоцениваете значение для нас пакта с Румынией. Вполне признавая большую опасность ориентации Румынии на Германию, я отнюдь не думаю, чтобы эта опасность окончательно устранялась пактом. Лаваль уже показал нам, как легко превратить в клочок бумаги даже пакт о взаимной помощи. Союзный договор с Польшей не спас Францию от немецкой ориентации Польши. Согласитесь, что Румыния не менее способна на двурушничество, чем Польша».

Таким образом, переговоры с Румынией зашли в тупик[2]. Литвинов не считал Титулеску столь наивным, чтобы попасться на хитроумные формулировки, но, конечно, наивным не был и сам Литвинов.

Уход Лаваля в отставку временно вселил оптимизм в Литвинова и укрепил уверенность в себе Титулеску. Им удалось встретиться в Лондоне во время похорон короля Георга V в конце января. Литвинов попытался вразумить Титулеску в отношении Бессарабии. Вот что он сказал потом Островскому: «Во время последней женевской встречи Титулеску заговорил о советско-румынских делах, а когда узнал, что я также собираюсь в Лондон, очень обрадовался этому, сказав, что в таком случае будем беседовать в Лондоне. После похорон он явился в Полпредство со значительным опозданием против назначенного времени и спеша куда то на обед. Я напомнил ему о спорных вопросах при обсуждении Вами с ним проекта пакта, отметив, что, если он будет настаивать на своих формулировках, то из дела ничего не выйдет. Мы не можем определять границы Румынии в документе, но что если Титулеску интересует упоминание Днестра, то мы готовы в каком-либо протоколе зафиксировать, что после оказания помощи вой-

---

[1] Выдержка из протокола Политбюро № 36. 15 января 1936 г. // Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки», 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 335–336.

[2] М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 13 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 0125. Оп. 18. П. 112. Д. 2. Л. 1–2. Опубл.: СРО. Т. II. С. 58–59.

ска должны быть уведены обратно: румынские к западу, а советские к востоку от Днестра. Эта формулировка, видимо, его заинтересовала, но он сказал, что не помнит спорных вопросов, не имеет под рукою досье и поэтому затрудняется что-либо сказать. Я поспешил ему на выручку, сказав, что до ратификации советско-французского пакта вообще нет оснований спешить с этим делом. На этом мы и разошлись»[1].

На тот момент это был действительно конец. Пакт о взаимопомощи был ратифицирован Палатой депутатов лишь после ожесточенных дебатов, а еще через несколько недель вермахт вошел в демилитаризованную Рейнскую область. От оптимизма, вызванного уходом Лаваля, не осталось и следа. Рейнский кризис стал катастрофой для Франции, подорвав ее авторитет в Восточной Европе и открыв путь для дальнейшего продвижения Гитлера. Для Румынии это было началом конца коллективной безопасности, а это означало, что дни Титулеску сочтены.

Островский, впрочем, не терял надежды на положительный исход. 25 февраля, в последний день дебатов о ратификации договора в Палате депутатов, он присутствовал на официальном обеде, где у него состоялась долгая и интересная беседа с румынским штабным офицером, бессарабцем, который учился в Петербургском университете и до румынской оккупации Бессарабии в 1918 году служил прапорщиком в русской армии. Звали его В. А. Семен, и на тот момент он был майором румынской армии. «В Генштабе есть сильное течение молодых офицеров во главе с начальником оперативного управления, — сказал Семен, — стоящим за военный союз с СССР. Аргументация следующая: из союзника Румынии единственный сильный — Франция — находится за тридевять земель, Югославия — будет занята против Италии [а не Германией], Чехословакия — угрожаема с двух сторон, причем одной из этих сторон является Германия, Польшу нужно считать перешедшей на сторону немцев». Семен видел в «дружбе» с СССР единственный способ сохранить независимость Румынии. Он сказал, что эту точку зрения разделяют его сослуживцы вплоть до полковников. Они изучают русский язык, и их количество «среди личного состава» армии начинает преобладать. Далее, пишет Островский, имел место следующий диалог: «На мой вопрос, насколько действительно сильны антисоветские настроения в стране, майор ответил буквально следующее: политики могут баловаться во время мира. Если же они попытаются нас повести в бой против Франции, а следовательно и против России, они будут сметены народным гневом. И это — независимо от того, кто бы ни стоял во главе этих политиков и какое бы положение он ни занимал в стра-

[1] М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 13 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 86. Л. 42–44.

не»[1]. Этот разговор состоялся за одиннадцать дней до вторжения вермахта в Рейнскую область. Мнение майора Семена могло показаться обнадеживающим, но теперь, в свете случившегося фиаско, его идеи казались чем-то архаичным.

Лишь месяц спустя, в конце марта 1936 года, Литвинов получил из Бухареста совершенно иной отчет, в большей степени соответствующий имевшейся информации о польских интригах и угрозах в адрес Титулеску в преддверии голосования по ратификации в Национальной ассамблее. На этот раз письмо пришло от советского поверенного в делах в Бухаресте Бориса Дмитриевича Виноградова (Островский находился в Москве для консультаций с Литвиновым). Это довольно длинный отчет, но его стоит прочитать подробно, поскольку он объясняет, почему положение Титулеску было таким шатким. Виноградов представлял собой интересный образец советского чиновника; это был одновременно дипломат и разведчик, весьма эффективно справлявшийся с работой. По словам Виноградова, фашистская пропаганда в Румынии, взращиваемая и финансируемая из-за границы, но имевшая также и румынские корни, усиливалась. Ее субсидировали Германия, Италия и Польша. Лидерами движения были Октавиан Гога и Александру Вайда-Воевод. Поначалу они сосредоточили свою агитацию на внутриполитических вопросах, подкрепляя ее сильным антисемитизмом, а во внешней политике проявляли нерешительность. Тем не менее в последнее время, по словам Виноградова, они стали смелее. В отношении ремилитаризации Рейнской области Гога был целиком на стороне Гитлера. Что касается Вайды, он заявлял, что Румынии по пути только с Францией Франсуа де ля Рока и правых сил, а не с Францией Народного фронта. По мнению Вайды, если бы не Гитлер, Франция давно была бы большевизирована, а Румыния стала бы «русской провинцией». Вайда призывал румын принять нацизм и ожидал, что Титулеску вскоре повернет вправо. И Вайда, и Гога пользовались расположением короля Кароля II, и Виноградов полагал, что Вайда может стать следующим председателем Совета министров. Ситуация в румынской политике была запутанной.

То, что Титулеску удалось выжить в такой политической среде, довольно примечательно. Но вопрос был в том, сможет ли он удержаться на своем посту. Фиаско в Рейнской области убедило многих румынских политиков в том, что будущее за нацистской Германией, а Франция — проигрышная карта. К этому хору присоединились и другие политики, восхвалявшие

---

[1] Из беседы М. С. Островского с начальником Восточного информационного бюро Генерального штаба майором В. А. Семеном. 29 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 97. Л. 99–100.

или оправдывавшие нацистскую Германию и критиковавшие СССР. Правительство было вынуждено лавировать, прибегая к оправданиям и опровержениям, что, по сути, явно сигнализировало о неготовности продолжать переговоры с Москвой. С точки зрения Советского Союза ситуация с Румынией была безнадежной. Поляки и особенно немцы тратили много денег на пропаганду в Бухаресте. Немецкое меньшинство в Румынии было «полностью гитлеризировано» и организовано по нацистской модели. У него была своя пресса. Редакторы немецких газет в Румынии назначались Берлином и подчинялись его указаниям. Дело приняло такие масштабы, что румынское правительство было вынуждено принять контрмеры.

В румынской прессе муссировалась тема расследования немецкой пропаганды. Полиция дала ход делу, но из него ничего не вышло. Немецкие агенты открыто проявляли неуважение к румынским властям. По мнению Виноградова, происходящее можно было объяснить только поддержкой Кароля II, его окружения и «наиболее реакционных кликах румынской буржуазии». За последние годы они взрастили относительно сильное фашистское движение. Они финансировали партию Гоги и раскололи старые партии, не поддавшиеся «фашизации». Любое антифашистское движение в Румынии было запрещено и рассматривалось как коммунистическое. Даже видных людей, выступающих против фашизма, могли посадить в тюрьму. Советская культура, например фильмы и танцевальные выступления, часто тоже попадала под запрет. Порой Титулеску вмешивался и добивался разрешения на выступление советских танцоров, но так случалось не каждый раз. Как же Литвинов мог рассчитывать на какое-то будущее советской политики в Бухаресте, если это будущее зависело от одного-единственного человека? Увы, другого выхода не было.

«И в Румынии, и заграницей открыто говорят о двух румынских политиках, — пояснял Виноградов, — одна для заграницы, представляемая Титулеску. Это курс на демократические страны и на Лигу Наций. Другая политика внутри страны. Это курс на фашизацию, поощрение или по крайне мере толерирование фашистской пропаганды, в том числе и германской. Свежие люди, приезжающие в Румынию из-за границы (например Де Монзи), поражаются, обнаружив вокруг “великого румына” (Титулеску) какую-то пустоту, т. к. наиболее важные факторы румынской политической жизни или не разделяют взглядов Титулеску, или же все более и более склоняются в сторону его противников. Возможно, что образование ближайшего правительства будет поручено слабой и раздробленной Национал-цэрэнистской партии, но по крайней мере 50% из 100% за то, что образование нового правительства будет поручено коалиции правых. Полевение французского правительства и продолжающиеся внешнеполитические успехи Гитлера укрепляют позиции правых в Румынии, пропо-

ведующих перемену внешнеполитической ориентации, даже если Титулеску останется на посту мининдела».

Виноградов был обеспокоен и не знал, что делать посольству, чтобы остановить эту опасную тенденцию. «Я не знаю как это сделать», — писал он. И это неудивительно. Единственное, что было в его силах — выдвинуть предупреждение от советской стороны румынскому правительству и попытаться активизировать обмен информацией и огласку происходящего.

А пока, чтобы сделать *хоть что-нибудь*, Виноградов рекомендовал наладить более тесные отношения с посольствами Чехословакии и Франции, хотя бы для обмена информацией. Польские, немецкие, венгерские и болгарские дипломатические миссии сделали это уже давно. С чехословаками у советского посольства были контакты, а вот французский посланник не вел никакой политической работы и редко общался со своими советскими коллегами. Что касается британцев, тут все было как всегда. «На англичан в Румынии рассчитывать не приходится», — сказал Виноградов[1]. Да и кто и когда мог на них положиться?

В то же время у Виноградова состоялся интересный диалог с Георге Брэтиану, правоцентристским политиком, чей покойный отец Ионел был, среди прочего, главой правительства Румынии. Разговор состоялся (кто бы мог подумать!) на приеме в посольстве Германии в Бухаресте. Виноградов обходил присутствовавших на приеме немецких коллег, когда столкнулся с Брэтиану. Разговор вышел достаточно откровенный. «Почему он ведет изо дня в день ожесточенную кампанию против СССР? — спросил Виноградов. Братиану, видимо, несколько смущенный столь откровенным вопросом, ответил, что он собственно ведет кампанию против дальнейшего сближения с СССР и в частности против заключения военного союза с нами, но что он ничего не имеет против нормальных добрососедских отношений с СССР».

По поводу этого пункта Виноградов был не согласен. «Румыния должна регулировать свои отношения с СССР по польскому образцу, — наконец ответил Брэтиану, — то есть, если между Польшей и СССР уже заключен пакт о ненападении, то значит и Румыния может заключить такой же пакт с СССР. Но и только. — Дальше Братиану начал жаловаться на отсутствие фиксированной и признанной обеими сторонами советско-румынской границы. Вот, видите ли, — сказал он,— поляки против Вас воевали в 1920 году, и они имеют признанную Вами границу. Мы же воздержались от участия в этой войне и в награду за это не имеем признанной границы». Слова Брэтиану удивили Виноградова. Он заметил, что Румыния посту-

---

[1] Б. Д. Виноградов — М. М. Литвинову. 31 марта 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 97. Л. 101–104.

пила мудро, воздержавшись от боевых действий[1]. Это был довольно странный разговор, учитывая, что вели его советский поверенный в делах и известный румынский политик.

Донесения Виноградова произвели должное впечатление в Москве — вскоре Литвинов обсудил проблему Румынии с французским послом Шарлем Альфаном. По словам Альфана, нарком предупредил, что и Румыния, и Югославия «отстраняются» от системы коллективной безопасности. Альфан выразил мнение, что это проблема экономического плана. Литвинов ответил, что ключевым фактором является немецкая пропаганда, которая должна стать реальным поводом для беспокойства[2].

Несколько недель спустя, в начале мая, Титулеску сообщил французскому послу в Бухаресте Андре Лефевру маркизу д'Ормессону, что после Рейнского кризиса «престиж» Франции в Центральной и Восточной Европе упал. Он попросил д'Ормессона послать в Париж сигнал бедствия. Французскому правительству, считал он, нужно проявить гораздо больше энергии в отношениях с Германией, чтобы сохранить или, скорее, восстановить свой престиж среди более мелких государств, поддерживающих его политику[3].

Виноградов также несколько раз посещал д'Ормессона после своего донесения Литвинову в конце марта. С советским коллегой Д'Ормессон вел себя гораздо менее уважительно, чем с Титулеску. Виноградов говорил о своей обеспокоенности по поводу немецкой пропаганды и поворота румынской политики вправо. Д'Ормессон и сам посылал депеши в Париж по этому поводу, однако заявил, что ситуация беспокоит его не так уж сильно. Он также не согласился с Литвиновым в том, что Румыния отделяется «от нас». Скорее, она отделяется от Советского Союза. И это был довольно язвительный комментарий. «Что, несомненно, пугает большое число румын, — продолжал д'Ормессон, — так это опасность слишком сильного сближения с СССР». Царская Россия не пользовалась особой симпатией у Румынии, а Советская Россия и того меньше. Именно Москва в гораздо большей степени, чем Париж, спровоцировала эти «движения отталкивания». Проблема заключалась в том, что советское посольство, по словам Д'Ормессона, ограничило свои связи левыми, так что любое движение вправо вызывало беспокойство. Более того, советское посольство могло даже «скомпрометировать» Французскую аграрно-крестьянскую партию

---

[1] Обед в германском посольстве в связи с прибытием в Бухарест Ф. В. фон дер Шуленбурга. Выдержка из дневника Б. Д. Виноградова. 31 марта 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 97. Л. 105–109.

[2] Alphand. No. 172. 10 April 1936. // Documents diplomatiques français (далее: DDF). 2e serie, 19 vols. Paris: Imprimerie nationale, 1963–1986. Vol. III. P. 100.

[3] D'Ormesson. No. 168. 4 May 1936 // DDF. 2e. Vol. III. P. 244.

слишком явной симпатией. «Это то, чего представители СССР, еще недостаточно искушенные в искусстве дипломатии, пока не очень хорошо понимают»[1]. Это было очередное высокомерное высказывание, произнесенное с гримасой снобизма, неудивительной для французского маркиза. Но хуже всего — что это была неверная оценка как советской дипломатии, так и ситуации в Румынии. Виноградов, конечно, промолчал, но вы, читатели, не могли этого не заметить. На самом деле советские дипломаты прекрасно знали, насколько важно поддерживать контакты по всему политическому спектру стран, в которых они были официально признаны, за исключением фашистских партий. Титулеску был далеко не единственным, кто бил тревогу по поводу потери Францией престижа. Д'Ормессону следовало бы внимательнее прислушиваться к политическому шуму вокруг себя.

Новости из Бухареста поступали неоднозначные. Отношения Островского с Титулеску оставались замечательными; результативными были и его контакты с другими румынскими политиками. На встрече в начале мая Титулеску зачитал Островскому доклад, который он ранее представил королю Каролю. В нем министр заявлял, что внешняя политика Румынии остается неизменной, но при этом становится невозможным и дальше сохранять «разрыв» между внешней политикой Румынии и ее внутренней политикой, все более склоняющейся вправо. «Румыния теряет свой моральный кредит у нынешних своих союзников благодаря очевидному покровительству [румынских] властей крайне правым группировкам явно немецкого происхождения, обвиняя в этом даже двор». По словам Титулеску, король с ним согласился — по-видимому, со стороны Кароля II это был очередной маневр. Титулеску также старался сохранить целостность нынешнего Кабинета министров, хотя и понимал, что долго это продолжаться не может. По мнению Островского, Румыния «не сможет обеспечить нынешнюю линию внешней политики как таковой, даже если Титулеску останется в МИД» в новом правительстве[2].

Невозможно не восхищаться Титулеску: он продолжал делать все, чтобы склонить Кароля в нужную сторону. «По полученным мной сегодня сведениям — докладывал Островский, — Титулеску прислал королю доклад из Парижа о своих беседах с Блюмом, Эррио, Сарро и др.». Основная идея была в том, что Кароль должен отмежевать себя и правительство «от какой бы то ни было связи с правыми в стране», занять более четкую антигерманскую позицию и перестать закрывать глаза на пропаганду Гитлера. По словам Островского, «Король, якобы, с этими выводами Титулеску

---

[1] D'Ormesson. No. 309. 4 May 1936 // DDF. 2e. Vol. III. P. 245–246.

[2] М. С. Островский — М. М. Литвинову. 2 мая 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 97. Л. 122–125.

согласился — и твердо решил признать царанистов не дожидаясь осени, ввиду могущих каждую минуту возникнуть событий, требующих наличие правительства, пользующегося доверием как страны, так и союзников»[1]. Титулеску было бы куда легче с Каролем, если бы французское правительство все еще пользовалось доверием стран Центральной и Восточной Европы. Кроме того, было бы гораздо лучше, если бы д'Ормессон отправлял на набережную Орсе более подробную информацию об ухудшении ситуации в Бухаресте.

«Совершенно безнадежная ситуация»

Островский продолжил осторожно прощупывать мнение румынских политиков, на этот раз за ужином с суб-секретарем Министерства иностранных дел Савелом Рэдулеску. Это было в середине мая. Рэдулеску отмечал: «Единственный государственный человек, который видит вещи трезво, —— считаясь с реальностями — это Литвинов. Его позиция в итальянском и германском вопросах — единственно прямолинейная и правильная».

«В Европе *désarroi*[2] *[смятение] полнейшее, выхода сколь-нибудь приличного не видать: Франция отсутствует, Англия не знает, чего делать. Я никогда не предполагал, что Англия до такой степени разоружена, до такой степени слаба, что sans réplique* [безропотно] сносит *moquerie* [измывательства], что должна amadouer [подлизываться] к Германии. Я должен Вам сказать, что вижу положение *je vois noir* [в мрачном свете]».

Рэдулеску с отчаянием говорил о Лиге Наций и ситуации в Абиссинии, а также о проблемах на Балканах, особенно в отношениях между Италией и Югославией. «Совершенно безвыходное положение здесь», — сказал он. Затем в качестве особенно проблемных мест он упомянул «локарнский вопрос» и кризис в Рейнской области. «Такая же безвыходность, порожденная главным образом Англией, равно как проявлением слабости Франции, которой надо было приехать в Лондон с декретом о мобилизации». А потом сама выпустила такой декрет, мог бы добавить Рэдулеску. «Выхода нет. Должен Вам признаться, что за четыре года работы в министерстве [иностранных дел] на посту суб-секретаря никогда не чувствовал себя таким идиотом, как сейчас. Либо регистрируешь события, либо ждешь событий, не видя возможности их предупредить». Есть ли какой-нибудь выход из этого тупика, размышлял Рэдулеску. Получалось, что ни один из возможных вариантов не осуществим на практике, а это означало,

---

[1] М. С. Островский — М. М. Литвинову. 16 мая 1936. АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 97. Л. 129.

[2] Все французские слова приводятся в оригинальном написании.

что война «неизбежная» Затем он снова обрушился с критикой на британцев: «А Англия ничего не хочет или не может предпринять на континенте. Ещё выход: Англия, Франция, СССР и обе Антанты [то есть Малая и Балканская Антанты] — возможен ли он и против Италии и против Германии, сразу?..» Рэдулеску так не считал.

Островский сообщал, что разговор продолжался до часа ночи[1]. Выходило, что в Бухаресте, как и в других странах, сложилось мнение, что единственным перспективным решением является создание оси Лондон — Париж — Москва, которую активно поддерживали бы в Центральной и Восточной Европе.

Выслушав сомнения относительно доверия Великобритании, Островский нанес визит Реджинальду Хоару, своему британскому коллеге в Бухаресте. Разговор, должно быть, был довольно прохладным, поскольку он описан не в той манере, в которой обычно сообщал Островский о встречах с Титулеску и другими румынскими собеседниками. «А как вы объясняете чрезмерную предупредительность Лондона по отношению к Берлину?» — спросил Островский.

«*Хоар*: Общественное мнение Великобритании настроено “против Франции” — с этим фактом надо считаться. Причины:

во-первых — непримиримость ее послевоенной политики по отношению к Германии — отсюда Гитлер;

во-вторых — ее поведение в итало-абиссинском конфликте;

в-третьих — попытками договориться с Германией за нашей спиной и без нас.

Остр[овский]: Верите ли вы в возможность договориться с Гитлером таким образом, чтобы предотвратить опасность войны?

Хоар: Нет, не верим. Но чем вы хотите, чтобы мы воевали? Начиная от конца войны и до 1934 года мы непрерывно разоружались, в то время как вся Европа, в особенности Франция, беспрерывно вооружалась и подавляла всякие попытки стран к разоружению»[2].

Это все, чего Островскому удалось добиться от британского посла, и все, что удалось сообщить в Москву. Читая ответы Хоара, можно многое понять, особенно в плане того, насколько вопиюще лицемерной была политика Альбиона. Подумать только: британцы обвиняли Францию в том, что она действует за спиной Великобритании, а сами тем временем уже подписали англо-германское военно-морское соглашение, что являлось

---

[1] М. С. Островский об ужине с С. Радулеску. 25 мая 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 24–25.

[2] М. С. Островский о завтраке с британским посланником в Румынии Р. Хоаром 18 мая 1936 г. 24 мая 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 97. Л. 134.

предательством с точки зрения Франции и Италии. Нельзя не отметить и ремарку о вооружении Франции — будто французы могли себе позволить такую роскошь, как англичане: спокойно и самодовольно сидеть на своем северо-западном берегу Ла-Манша. Нет ничего странного в том, что за Англией с давних пор закрепилось прозвище «коварный Альбион». Стоит ли удивляться, что Рэдулеску оценил ситуацию как «безвыходное состояние»?

В конце весны 1936 года в Бухаресте все еще циркулировали слухи о зигзагах в политике Румынии. Даже Титулеску не мог отличить настоящие новости от слухов. Он продолжал бороться за коллективную безопасность, но понимал, что в любой момент кто-то из правительства или приближенных короля может нанести ему удар в спину. Островский спросил Титулеску, знает ли тот что-нибудь о румыно-японском соглашении по обмену информацией между службами военной разведки. По словам Островского, информация, которой он располагал, была *irrefutable* (неопровержимой). Титулеску побледнел и произнес: «*C'est impossible*» («Это невозможно»), Островский же сказал ему, что у него есть «*preuves irrefutables*» («неопровержимые доказательства»).

«Если это верно — я подаю в отставку. Моя политика базируется на Францию и Советский Союз, [Малую] Антанту. Я не могу допустить мысли, что за моей спиной делают такие вещи. Я воспрепятствовал заключению торгового договора с Японией, чтобы не раздражать Советы [*pour ne pas froisser les Soviets*] — это было бы величайшим свинством со стороны Короля, а между тем все последние дня я вижу, его "бегающим" за Бенешем [*courrir après Beneš*]. Я в это не верю». Титулеску и Бенеш явно не очень-то ладили.

Титулеску позвонил начальнику Генерального штаба Николае Самсоновичи и спросил, верна ли информация Островского. Генерал рассмеялся. Островский присутствовал при этом разговоре. Титулеску не понравилась реакция Самсоновичи, и он спросил, почему тот смеется. «Генерал продолжает смеяться и заявляет, вроде того, что более смешной вещи выдумать нельзя. На настояния Титулеску он ответил твердо, что это глупости, что никакого соглашения не только нет, но никому в голову никогда не могла прийти такая мысль, и я решительно опровергаю наличность такого обмена»[1]. Островский не стал настаивать на своем, но у НКИД были «*irrefutable*» («неопровержимые») доказательства, под которыми обычно подразумевались перехваченные документы или телеграммы. Правда, это могла быть провокация или дезинформация, распространяемая нацистскими агентами. Москва не могла построить взаимопомощь на основе таких нестабильных отношений, хотя и продолжала попытки.

---

[1] М. С. Островский — М. М. Литвинову. 2 июня 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 97. Л. 143–147.

Николай Николаевич Крестинский, первый заместитель Литвинова, написал Островскому письмо с благодарностью за его отчеты, добавив, что официального ответа на них еще не поступило. «Вашу очень интересную и ценную информацию о внутреннем положении Румынии принимаем к сведению. Она облегчит нам понимание приходящих от Вас в промежутках между почтами информационных телеграмм. Ваше телеграфное сообщение о результатах свидания глав малоантантовских государств показывает, что полного единства во внешнеполитических настроениях у этих трех государств нет и что нам по-прежнему нужно с большой настороженностью следить за проникновением в Югославию. Румынию и даже Чехословакию немецкого влияния»[1].

Представителям Москвы, наверное, начинало казаться, что повсюду, куда бы они ни обратились, на пути к установлению взаимопомощи встречались одни препятствия.

В Праге

Подобные проблемы были даже в Праге. Относительно недавно назначенный на пост министра иностранных дел Камиль Крофта сказал французскому посланику Виктору Делакруа, что обеспокоен складывающейся международной ситуацией. Да и как тут было не беспокоиться? Государства Малой Антанты были встревожены ремилитаризацией Рейнской области. Укрепление немецкой границы с Рейнской областью ставило под угрозу способность Франции поддержать своих восточных союзников. Именно этот момент упустил из виду д'Ормессон, пытаясь обвинить СССР в способствовании ухудшению политической ситуации в Румынии. Крофта смотрел на ситуацию иначе. Он сказал Делакруа, что Советский Союз кажется наилучшим союзником. «Согласно конфиденциальной информации от министра, — сообщал Делакруа, — советское правительство проинформировало Прагу о том, что в случае нападения на Чехословакию русская армия придет ей на помощь через Румынию, с согласия Кабинета министров в Бухаресте или без него. Г-н Крофта знает, что г-н Титулеску осведомлен об этом намерении и что в этом заключается одна из причин, подталкивающих его к подписанию пакта о взаимопомощи с Россией». Была ли эта информация верна? Титулеску действительно в разговоре с д'Ормессоном намекал на нечто подобное[2]. Это было не похоже на обыч-

---

[1] Н. Н. Крестинский — М. М. Литвинову. 13 июня 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 96. Л. 4–6.

[2] D'Ormesson. Mieux valait permettre que subir. No. 407. 24 Oct. 1935 // DDF. 1re serie, 13 vols. Paris: Imprimerie nationale, 1964–1984. V. XIII. P. 129–131.

но осторожную советскую дипломатию, которая старалась не опережать действия своих сомнительных союзников. Крофта, судя по всему, располагал подробной информацией о потенциальном соглашении относительно прохода Красной армии. Тем не менее его беспокоило, что Россия находится слишком далеко, и вслух он задавался вопросом, не будет ли быстрее для Советского Союза предоставить помощь по воздуху. Крофта также высказал свое недовольство по поводу Польши (хотя, как вскоре узнают читатели, это и не принесло особых результатов), которая утверждала, что Чехословакия является «искусственным образованием, которому суждено исчезнуть». Разве нельзя то же самое сказать о Польше, задал риторический вопрос Крофта, с ее собственными немецким и русским меньшинствами? Это государство уже когда-то было разделено, добавил он не без определенного сарказма, имея в виду исчезновение Польши в XVIII веке. Однако чехословацкое правительство не придерживалось такой линии, поскольку судьбы двух государств были «тесно связаны». Крофта сказал, что перспектива доминирования России в Восточной и Центральной Европе беспокоит его не меньше, чем перспектива доминирования Германии. Пытался ли он подыграть французскому министру или просто выразить свои противоречивые чувства по поводу способности Чехословакии обезопасить себя от Германии?[1]

Вероятно, и то, и другое. Литвинов передал Сталину сводку бесед полпреда Сергея Сергеевича Александровского с политиками и другими видными деятелями Праги. Новости были не очень хорошими и соответствовали тому, что Крофта говорил в беседе с Делакруа.

«Чехословакия с редемилитаризацией Рейнской зоны и ее укреплением Гитлером оказывается прямо отрезанной от своего союзника — Франции. Если и раньше помощь Франции натыкалась бы на трудность преодоления пространства в несколько сот км, то теперь такая помощь почти иллюзорна. От СССР Чехословакия отделена в самом узком месте польской территорией или через Румынию расстоянием не меньше 200 км. Это значит, что помощь реально может быть оказана только по воздуху. Пока Красная армия будет шагать (если она вообще сможет и захочет прийти на помощь — высказывались и такие сомнения), Германия в щепки разнесет Чехословакию, так что и помогать-то некому будет».

Затем, процитировав знаменитого чехословацкого писателя Карела Чапека, Александровский добавил следующий весьма шокирующий комментарий: «Чехословакии помощь может быть оказана лишь в том смысле, что другие державы ввяжутся в войну с нападающей Германией и образуют широкие фронты войны с ней, на которые немцы оттянут свои силы, по-

[1] De Lacroix. No. 342–353. 16 April 1936 // DDF. 2e. Vol. III. P. 139–141.

ломав предварительно Чехословакию. Значит, задача в том, чтобы продержаться как-нибудь месяц или два, втягивая великие державы в драку, а придется снова воевать чехам как легионерам [то есть военными силами, сражающимися за правительство в изгнании].

«Перед лицом такой перспективы сильно растет настроение не драться с немцами. Капитулировать прилично и “в рамках Лиги Наций”, оставив таким образом за собой все возможности всплыть на поверхность, если Германия будет побита, или пытаться ужиться, договориться с ней о каком-нибудь минимуме, если она восторжествует. И например, уже без оговорок констатировал, что у правых аграриев, кроме таких рассуждений имеют место и соображения социального порядка. Война, дескать, и поражение в ней Германии обозначают социальную революцию. Война и победа в ней Германии — национальное порабощение. Но Гитлер, по крайней мере, не национализирует землю и имущество, а только здорово пощиплет, что все же едва ли обойдется дороже, чем длительная война и революция. Поэтому необходимо энергично бороться за мир, но в случае неизбежности войны вовремя встать на колени перед Германией также и потому, что Франция и СССР, в случае победы над Германией, будут нуждаться каждая по-своему в Чехословакии. В политике не “наказывают”, в ней нет сантиментов, и бояться последствий “измены” не приходится»[1].

В НКИД чтение этого отчета наверняка произвело удручающее впечатление, но в Кремле, пожалуй, вызвало лишь циничное сталинское «я так и думал». Даже в Чехословакии страх перед революцией, похоже, был сильнее страха перед войной и победой Гитлера. Конечно, плохие новости, поступавшие из советских посольств в Европе, не означали, что нужно отказаться от взаимопомощи. Во всяком случае, пока.

В начале лета 1936 года начальник Генштаба РККА маршал Александр Ильич Егоров встретился в Праге со своим чехословацким коллегой генералом Лудвиком Крейчи. Крейчи выступил с инициативой провести «конфиденциальную» встречу (Егоров был в отпуске), которая состоялась в небольшом отеле, вдали от проторенных дорог, в пригороде Праги. На встрече также присутствовали несколько офицеров более низкого ранга. Если среди гражданских в Праге и были распространены пораженческие настроения, то чехословацкое командование было далеко от этого. Крейчи проинформировал Егорова о планах чехословацких военных по усилению пограничной обороны и обратился с просьбой о закупке советских танков. Они также обсудили взаимопомощь и последствия ремилитаризации Германией Рейнской области. Чехословакия больше не могла рассчитывать

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 7 мая 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 142–143. Копии отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову.

на Францию. Эта идея в Центральной и Восточной Европе звучала на каждом шагу. Проход Красной армии также был важным предметом обсуждения. Крейчи был уверен, что в случае немецкой агрессии получит согласие Румынии на проход Красной армии. Румынское правительство еще его не предоставило, но Бенеш уже говорил об этом с королем Каролем II и политическим руководством. «Вместе с тем Крейчи предлагал не считаться с формальной стороной этого вопроса, ибо, по его убеждению, румыны возражать или тем более протестовать не будут, а скорее общественное мнение, народ и армия будут рады пропустить наши войска на помощь чехам». Это звучало слишком оптимистично: разве возражения румын против прохода Красной армии — всего лишь «дворцовый этикет», на который не нужно обращать внимания? Крейчи также сообщил, что разработаны планы строительства железнодорожной линии от восточной границы Чехословакии до советской границы по линии Черновцы (Буковина) — Яссы. Чехословацкое командование рассчитывало на поддержку советской авиации. Планировалось использовать большое количество самолетов, и, по словам Крейчи, советские самолеты могли летать прямо на территорию Чехословакии без согласия Румынии. «По его словам они подготовили уже аэродромы для приема наших 18 эскадрилий и дополнительно подготовляют еще на 16 эскадрилий».

Егоров одобрил планы Чехословакии по усилению пограничной обороны и заявил, что передаст заявку на танки наркому обороны Клименту Ефремовичу Ворошилову. Затем Егоров попытался обсудить с Крейчи суровые реалии. Нельзя было не коснуться вопроса о проходе войск Красной армии через Румынию. Необходимо было разработать подробные планы, и планирование уже следовало бы начать. Более того, ремилитаризация Рейнской области создала сложную стратегическую ситуацию и, по расчетам Чехословакии, могла затруднить поддержку со стороны Франции в случае войны с Германией. Чехословацкая армия в таком случае оказалась бы по сути предоставлена сама себе. Эта новая ситуация привела к решению усилить пограничную оборону. Егоров продолжал: «Когда румыны дадут согласие на пропуск сил Красной Армии и когда нам будет известен план французского командования, ибо, как известно из основ [советско-чехословацкого] пакта, мы выступим только в том случае, когда выступят французы.

В отношении согласия румын я отметил, что для Чехословакии этот вопрос более актуален и надо, чтобы Чехословацкое командование добивалось положительного результата, действуя как член Малой Антанты или с помощью французов».

Налицо были определенные трудности. Малая Антанта раскололась. На Югославию нельзя было рассчитывать, как и на французов. Литвинов, конечно, изо всех сил старался договориться с Титулеску, но перспективы

были сомнительными. И тогда Егоров сказал следующее: «Возможность считаться с переменой позиции Франции, ибо указанное [новое] обстоятельство вызывает у французов больше “чувство страха”, чем геройского духа “идти на риск”, для спасении чехословаков». По иронии судьбы, немногим более двух лет спустя французы и британцы отвернулись от Чехословакии и заключили соглашение с Германией в Мюнхене. Таким образом, отмечал Егоров, чехословакам оставалось рассчитывать только на Красную армию: стратегия Чехословакии заключалась в том, чтобы выстоять против нападения Германии и, возможно, Польши и держать ворота на востоке открытыми для прохода Красной армии. По мнению Крейчи, прибытие мощных частей советской авиации помогло бы сравнять счет с немцами. Еще одной проблемой была Польша. Позиция поляков в начале боевых действий оставалась бы «неясной», но вмешательство Красной армии заставило бы поляков тщательно обдумывать свои действия. Крейчи не верил, что Германия будет готова к «для большой войны» в 1937 или даже 1938 году и, следовательно, считал, что у чехословацкой армии есть время вооружиться. Егоров сомневался в правильности этих расчетов. Он заметил, что просчет был бы опасен, но Крейчи в своих оценках был уверен[1].

Александровский в своем донесении подтвердил сомнения Егорова. Он еще раз указал на то, что «с катастрофической быстротой нарастают капитулянтские настроения» в правительственных кругах и в широких слоях общественности. Внешняя политика Бенеша, опиравшаяся на Францию и СССР под прикрытием Лиги Наций, потерпела крах. Лига потеряла свой авторитет из-за кризиса в Абиссинии, а Чехословакия оказалась в изоляции и в значительной степени окружена враждебными государствами, блокирующими пути доступа к потенциальным союзникам. С того момента, как вермахт двинулся в Рейнскую область, «чехи пришли к пониманию невозможности получить реальную военную помощь от Франции». Более того, внешняя политика Лаваля вызывает сомнения в надежности Франции как союзника и «теперь последует весьма короткий процесс “гитлеровизации” Австрии». После поглощения Австрии Германии необходимо будет устранить сопротивление Чехословакии и Румынии, чтобы создать большой плацдарм для продвижения на восток. Поглощение Чехословакии откроет пути вторжения в Румынию и на юг СССР. Это наступление будет координироваться наступлением через страны Балтии. Польша может попытаться сохранить нейтралитет, но это

[1] А. И. Егоров — К. Е. Ворошилову. 5 июля 1936 г. // Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 880. Л. 146–152. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах (комплекс оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов). 1936. URL: https://www.prlib.ru/section/1298147.

Э. Бенеш и М. М. Литвинов. Москва. 1935 год

не освободит СССР от необходимости держать крупные силы на границах Польши в случае немедленного начала военных действий. Германский блок еще не сформировался, но находится в процессе организации, и в него должна быть вовлечена Чехословакия. Бенеш еще недавно заявлял, что англо-французское сотрудничество является гарантией европейского мира, но Чехословакия делает особый упор на Англию, а не на Францию. По последним данным, «Англия берет на себя задачу понудить Чехословакию к соглашению с Германией». Населенные немцами судетские территории станут при этом своего рода Данцигом, а Чехословакия как государство «станет абсолютной фикцией».

Чехословаки вполне ясно представляли себе эту перспективу. Александровский не утверждал, что «капитуляция Чехословакии перед Германией — неизбежное явление» или что она произойдет немедленно. Все начнется с экономической интеграции.

Несмотря ни на что, Александровский считал, что пораженческие настроения не пересилили решимость чехословацкого народа бороться за свою независимость. «Бенеш лично мне говорил, что если чехам придется уйти из Европы, то они уходя так хлопнут дверью, что Европа долго этого не забудет». Чехословаки готовились защищаться, как сказал Крейчи Егорову. Бенеш недавно подписал законопроект о национальном оборонном

займе. Строились укрепления. Всего двумя неделями ранее Чехословакия предоставила Румынии заем на строительство железнодорожной линии, которая должна была связать чехословацкую и румынскую железнодорожные сети и обеспечить прямое сообщение с СССР. Предполагалось, что эта железнодорожная линия пойдет в обход Польши и, в худшем случае, станет путем эвакуации чехословацкой армии, отступающей перед немецким вторжением. Затем она могла бы объединиться с теми силами, которые способны выиграть будущую мировую войну. Под такими силами, конечно, имелся в виду СССР, а не Румыния. Донесения Егорова и Александровского примечательны тем, что они указывают на дальновидность их чехословацких коллег, которые ждали (и ждали с нетерпением) известий из Москвы, чтобы узнать, могут ли они рассчитывать на СССР. Советская поддержка была жизненно важна. Александровский знал о встрече Егорова с Крейчи. Министр иностранных дел Крофта совсем недавно настаивал на том, чтобы СССР как можно скорее заключил пакт о взаимопомощи с Румынией. Это было легче сказать, чем сделать. Чехословаки не могли сражаться в одиночку и были вынуждены рассчитывать на союзников.

То же самое можно было сказать и об СССР: он не мог обеспечить организацию коллективной безопасности самостоятельно, не мог и не хотел воевать в одиночку. Собственно, именно это Литвинов и сказал на заседании ЦИК в конце декабря 1933 года. «Поддержание мира, — заметил он, — не может зависеть только от наших усилий, оно требует сотрудничества с другими странами»[1]. Никто в Лондоне или Париже, кажется, не обратил внимания на это высказывание. Для Литвинова была крайне важна позиция Франции, но на нее нельзя было рассчитывать, она находилась в зависимости от Англии. Ключ к успеху и согласованности антигерманских действий находился у Англии, однако уже летом 1936 года «англичане», казалось, толкали Чехословакию к тому, чтобы подчиниться нацистской Германии. По мнению Александровского, Советский Союз тоже не торопился предлагать свою помощь, и чехословаки это заметили.

«Почувствуй чехи реальность будущей помощи со стороны СССР, они при данных условиях нашли бы в себе силу сопротивления германским попыткам включить Чехословакию в плацдарм своего будущего наступления. Оказание помощи Чехословакии вместе с этим не обозначает, что нам придется воевать за Чехословакию. Воевать мы будем только за себя, но вопрос стоит о том, где и с кем в союзе. Вопрос стоит о том, облегчить или затруднить гитлеровской Германии создание плацдарма для наступления на СССР».

---

[1] М. М. Литвинов. Выступление в Центральном исполнительном комитете СССР. 29 декабря 1933 г. URL: https://soviethistory.msu.edu/1936-2/popular-front / popular-front-texts/litvinov-before-the-central-executive-committee/.

С учетом всего этого Александровский, в частности, рекомендовал, чтобы Советский Союз «сказал чехам ясно и определенно, что мы будем помогать им на основе имеющегося между нами пакта о взаимной помощи, причем конкретизировать пути и способы оказания этой помощи». Другими словами, он считал, что пора начинать переговоры на уровне штабов. Кроме того, вместе с чехословаками и румынами необходимо решать вопрос о заключении советско-румынского пакта о взаимопомощи, причем нужно ускорить принятие этого решения[1]. Была ли эта рекомендация осуществимой с учетом несамостоятельности Франции и отстраненности Англии?

Крестинский, передавая доклад Александровского Сталину, был почти уверен в исходе. Литвинов планировал еще раз встретиться с Титулеску в сентябре в Женеве, чтобы обсудить взаимопомощь. Что касается других рекомендаций Александровского, по ним дело, судя по всему, продвигалось, хотя что-то, как в случае переговоров на уровне штабов, требовало дальнейшего обсуждения[2].

Как Егоров заметил в беседе с Крейчи, все было не так просто. Взаимопомощь Советского Союза с Чехословакией зависела от взаимопомощи с Францией. Но чехословаки больше не рассчитывали на Францию и опасались предательства со стороны Великобритании. Выдвинутое Советским Союзом условие об участии Франции в помощи Чехословакии было связано с «франкофилией» Бенеша. Это делало его ненадежным (даже для Крейчи), на что обратили внимание в Москве. А кто мог знать, что будет с Титулеску? Останется ли он министром иностранных дел в сентябре, когда планировались его переговоры с Литвиновым? Советская сторона не хотела оказаться вынужденной в одиночку нести груз обязательств перед Чехословакией, если Франция и Великобритания разбегутся кто куда или заключат соглашение с Гитлером. Александровский не был полностью информирован о развитии событий в Париже, где нарастала оппозиция против переговоров на уровне штабов. Тем не менее этих препятствий было недостаточно, чтобы ослабить поддержку Праги Советским Союзом. И это было главное.

Польша

В начале лета 1936 года для всех — будь то Егоров или Крейчи, Рэдулеску, Титулеску или Литвинов — ситуация в Европе выглядела «невозможно». В то время как Егоров был в Праге, Литвинов находился в Женеве

---

[1] С. С. Александровский — Н. Н. Крестинскому. 1 августа 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 4. Л. 40–46.

[2] Н. Н. Крестинский — И. В. Сталину. 2 августа 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 4. Л. 39.

для участия в заседаниях Лиги. «Ассамблея произвела на меня удручающее впечатление, — сообщал он. — Разочарование в Лиге толкает многих прежних ее сторонников в сторону превращения ее в академическое собрание. Объективно речи массы делегатов можно расценивать как прогерманские»[1]. Не исключением были и поляки.

Советско-польские отношения оставались неизменными по существу: враждебными и настороженными, хотя НКИД по-прежнему был открыт к сотрудничеству против нацистской Германии. Шел декабрь 1935 года. В Бухаресте вовсю продолжалась разжигаемая Польшей кампания против Титулеску. Польский посланник в Бухаресте Мирослав Арцишевский встретился в Женеве с председателем Совета министров Георге Тэтэреску, а затем с королем, чтобы пожаловаться на недружественное поведение Титулеску по отношению к Польше. Он даже угрожал расторжением польско-румынского союза, если Румыния заключит Договор о взаимопомощи с СССР. Во всем якобы был виноват Титулеску. Судя по всему, Кароль II сопротивлялся, защищая своего министра. Арцишевский немного уступил и отправился к Титулеску, чтобы обсудить, как можно улучшить отношения. Интересно, обыскали ли румынские охранники польского посланника на наличие револьвера, учитывая, что тот, как сообщалось, угрожал убить Титулеску. Тем временем в Москве Борис Спиридонович Стомоняков, замнарком иностранных дел, ответственный за Польский вопрос, попросил советского полпреда Якова Христофоровича Давтяна предоставить ему информацию по поводу ситуации в Варшаве и министра иностранных дел Польши Юзефа Бека[2]. НКИД не оставлял надежды, что Бек, «темная лошадка» франко-советских отношений, может быть отправлен в отставку. «Мое впечатление — сообщал Давтян, — что поляки усиливают свое предупредительное отношение к нам. Служащие министерства иностранных дел, судя по всему, получили приказ постараться сгладить мелкие недоразумения и избегать «инцидентов». Это было не ново[3].

Для Давтяна 1936 год начался удачно. В середине января он присутствовал на правительственном обеде, устроенном президентом Польши.

---

[1] М. М. Литвинов — в НКИД. 6 июля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 217. Д. 1565. Л. 108. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину и др.

[2] Б. С. Стомоняков — Я. Х. Давтяну. 4 декабря 1935 г. // Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. (далее: СПО): в 4 т. / под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. Т. III. М., 2017. С. 389–390.

[3] См. например: Встреча с полковником Ковалевским... Выдержка из дневника Б. Д. Виноградова. 20 ноября 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 72. Л. 144–148; Я. Х. Давтян — Б. С. Стомонякову. 13 декабря 1935 г. // СПО. Т. III. С. 395–398.

Яков Христофорович Давтян

Все были очень дружелюбны (если читатели забыли, напомню, что дипломаты все-таки тоже люди, а не только составители сухих официальных отчетов). Госпожа Бек донимала Давтяна просьбами сопроводить ее в театр без мужа. «Она много шутила... что в Варшаве это вызовет много разговоров». На самом деле слухи уже ходили, но про самого министра Бека, который, как стало известно, ухаживал за девочками-подростками. После ужина, когда настало время непринужденной беседы за коньяком и сигарами, у Давтяна состоялся разговор с самим Беком, который подтвердил слова сотрудников Министерства иностранных дел о необходимости предотвращения полемики с нами. Он подчеркнул, что Польша «никогда ни в каких комбинациях против СССР не будет участвовать». Бек дважды повторил этот комментарий и попросил передать его в Москву. В конце концов Давтян спросил, не познакомит ли Бек его с присутствовавшим на ужине генералом (впоследствии маршалом) Эдвардом Рыдз-Смиглы, назначенным после смерти маршала Юзефа Пилсудского в мае 1935 года генеральным инспектором вооруженных сил. Генерал разговаривал с группой офицеров и других лиц, которые при приближении Бека и Давтяна сразу отошли на почтительное расстояние. Завязалась «внешне» дружеская беседа. Затем Бек удалился, и разговор продолжался около 15 минут, «вызвав большой интерес во всем зале». Именно так работала дипломатия: за закрытыми дверями и в то же время на глазах у всех. Подошел фотограф и сделал несколько снимков. Читатели могут себе представить, какие слухи вызвала эта встреча. Однако это все не имело большого значения, поскольку Рыдз-Смиглы ненавидел русских и тем более русских коммунистов. Но он заявил, что следует «всегда дружественно ликвидировать всякие недоразумения. К сожалению, — пошутил он, — без этих недоразумений не обходится».

«Я тогда прямо ему заметил, — писал Давтян, — что, возможно, эти так называемые недоразумения вызваны отношениями к нашему “общему западному соседу”». Рыдз-Смиглы очень хорошо понял достаточно прозрачный намек Давтяна и ответил, что в польско-немецких отношениях нет ничего такого, что не было бы известно всем. Учитывая все, что было

известно советской разведке, такой ответ едва ли мог обнадежить Москву. Разговор, по словам Давтяна, был «подчеркнуто любезный»[1].

Стомоняков, прочитав об этом в донесении, направленном в Москву, понял: «Бек решил добиться внешнего смягчения напряженности наших отношений, не затрагивая существа этих отношений. Речь идет, если можно так выразиться, о временном изменении тактики поль[ского] пра[вительства] в отношении СССР, а не об изменении стратегических целей его политики». Тем не менее мы заинтересованы, продолжил Стомоняков, «в том, чтобы поддержать и затянуть этот зигзаг польской политики. Мы должны, поелику возможно, отвечать полякам “той же монетой”, само собой разумеется, не прекращая печатания в нашей прессе сообщений заграничной печати, разоблачающих действительный характер польской политики»[2]. По мнению Стомонякова, лучшим способом оценить политику Польши было изучить отношения Польши с Германией. А эти отношения улучшались. Среди прочего Бек нанес очередной визит в Берлин, чтобы встретиться с министром иностранных дел Константином фон Нейратом и правой рукой Гитлера Германом Герингом. Консервативная польская пресса тем временем начала нападки на правительство Сарро, которое пришло к власти во Франции после падения Лаваля в январе 1936 г.[3]

Иностранные дипломаты разделяли советскую оценку польско-германских отношений. Давтян поддерживал контакты с другими посольствами в Варшаве. Одним из новых в польской столице дипломатов был посол Чехословакии Юрай Славик. В ходе нанесения протокольных визитов польским чиновникам у Славика сложилось впечатление, что те явно настроены «антисоветски». Один чиновник польского Министерства иностранных дел прямо заявил, что польско-чехословацкие отношения ухудшаются, потому что Чехословакия «идет вместе с Советским Союзом». Славик улыбался, рассказывая об этом Давтяну, но было не до смеха. Бек радушно приветствовал нового посла, но от политических дискуссий отказался[4].

Встречи Давтяна с коллегами в Варшаве зачастую были весьма информативны. Время от времени он встречался с послом Франции Леоном Ноэлем, чтобы обменяться информацией. Ноэль был солидарен с советским мнением о польской политике как прогерманской. В середине марта 1936 года он отметил, что Бек во время встречи по поводу Рейнского кризиса разговаривал с ним очень осторожно, не критикуя французов и не

---

[1] Обед с президентом республики 16 января 1936 г. Выдержка из дневника Я. Х. Давтяна. 18 января 1936 г. // СПО. Т. III. С. 400–401.

[2] Б. С. Стомоняков — Я. Х. Давтяну. 19 января 1936 г. // СПО. Т. III. С. 402–403.

[3] Б. С. Стомоняков — Я. Х. Давтяну. 7 февраля 1936 г. // СПО. Т. III. С. 412–414.

[4] Запись беседы с чехословацким посланником Ю. Славиком. Выдержка из дневника Я. Х. Давтяна. 12 февраля 1936 г. // СПО. Т. III. С. 418.

упоминая франко-советский пакт. По словам Ноэля, конкретно этот разговор был неплохим. Несколько дней спустя одна из варшавских газет опубликовала «официальные комментарии», в которых о Рейнском кризисе говорилось «в чисто немецком духе». Ноэль обратился в Министерство иностранных дел с просьбой прокомментировать эту публикацию. Как Бек может объяснить противоречие между заявлениями прессы и его собственными высказываниями? Бек ответил «совершенно нечленораздельно и очень путано», как будто он был уличен в двойной игре. Основной вывод, который Давтян сделал из их беседы, был следующим: «Рассказывая все это, Ноэль все время с иронией и раздражением говорил о Беке и поляках, нисколько не сомневаясь в том, что Бек вел и ведет пронемецкую игру»[1].

В Варшаве велось много дипломатических разговоров, что было вполне естественно в разгар Рейнского кризиса. Несколько дней спустя у Давтяна состоялась беседа с турецким коллегой Ахмедом Феритом Теком, бывшим министром в правительстве Кемаля Ататюрка и бывшим послом в Лондоне. По словам Ферита, Польша еще не сделала свой выбор в пользу немецкой «ориентации на Германию», но «несомненно, мол, она идет в эту сторону». Польша «зверски боится Советского Союза, хотя боится и Германии, но все-таки больше боится СССР, учитывая социальную сторону вопроса». Кроме того, Ферит заявил, что франко-польский союз остается в силе, но «до поры до времени». Беда была в том, что «правящая верхушка не верит в прочность Франции и особенно скептически относится к нынешнему слабому французскому правительству». По мнению Ферита, Польша «все-таки твердо и определенно катится в объятия Германии, не останавливаясь перед эвентуальной ликвидацией союза с Францией», но она еще не сделала свой выбор. Ферит со смехом говорил о затруднительном положении Польши, поскольку Гитлер явно не собирался уступать Варшаве в определении статуса Польского коридора, отделявшего Германию от Восточной Пруссии[2].

В Варшаве, как и в других европейских столицах, дипломаты пристально следили за происходящим в Лондоне. Что предпримут британцы и французы в связи со вступлением вермахта в Рейнскую область? Давтян еще раз встретился со Славиком, чтобы обсудить политическую ситуацию. Славик критически отзывался о польской политике, которую он характеризовал как «жестко прогерманскую». Прогерманским было и поведение Бека в Лондоне. «Он согласился со мной, — отмечал Давтян, — что поло-

---

[1] Запись беседы с французским послом Л. Ноэлем. Выдержка из дневника Я. Х. Давтяна. 14 марта 1936 г. // СПО. Т. III. С. 430–431.

[2] Запись беседы с турецким послом Феритом. Выдержка из дневника Я. Х. Давтяна. 18 марта 1936 г. // СПО. Т. III. С. 432–433.

жение Бека в Лондоне облегчалось неопределенным поведением Англии». Конечно, оно только казалось «нерешительным», но на самом деле это было не так. Британцы, демонстративно сделав несколько уступок французам и бельгийцам, решительно выступали за капитуляцию[1]. Будучи недавно назначенным в Варшаву, Славик продолжал наносить протокольные визиты польским чиновникам. Все они были настроены «антисоветски». Как рассказал Славик Давтяну, польский министр во время их встречи посмотрел на карту в своем кабинете, указал на СССР и сказал: «Вот видите этого колосса? Как же мы можем его не бояться?» Когда Славик попытался затронуть польско-советские отношения, министр с улыбкой, как бы шутя, но все же серьезно, отказался, заявив, что Бек запретил ему говорить о внешней политике[2].

Ноэль тоже был раздражен тем, как разворачиваются события в Лондоне. В ходе следующей встречи с Давтяном он возложил на англичан ответственность за то, что они позволяют немцам действовать так безнаказанно. «Я высказал предположение, — писал Давтян в своем дневнике, — что если бы англичане заняли с самого начала твердую позицию, то немцы не решились бы пойти на оккупацию демилитаризированной зоны». Ноэль полностью согласился, но добавил следующее интересное наблюдение. Он сказал, что «убежден в том, что англичане в критический момент выступят на стороне Франции против Германии, но это уже будет поздно, ибо Франция хочет избежать самой войны». Советский полпред в Париже Владимир Петрович Потёмкин тоже сталкивался с подобными мнениями.

Конечно же, беседа иностранных дипломатов в Варшаве не могла обойтись без упоминания о Беке. Ноэль и Давтян были единодушны в том, что Бек настроен «целиком прогерманским» и что его поведение в Лондоне во время Рейнского кризиса способствовало проведению британской политики. Такого же мнения придерживался и Славик. Затем разговор зашел о том, как Бек балансирует между прогерманской политикой и сохранением видимости «дружественно в отношении Франции». Ноэль сказал, что у него нет иллюзий относительно Бека, по сути, согласившись с Давтяном в том, что любые профранцузские заявления — «лишь фразы» и «и ничего по существу не меняют»[3]. Здесь советский и французский дипломаты пришли к единому мнению. Читатели могут задаться вопросом, подготовил ли Ноэль запись этого разговора для Парижа. Если и так, то эти

---

[1] *Carley M. J.* Stalin's Gamble... Chap. 16.

[2] Запись беседы с чехословацким посланником Ю. Славиком. Выдержка из дневника Я. Х. Давтяна. 25 марта 1936 г. // СПО. Т. III. С. 434–435.

[3] Запись беседы с французским послом Л. Ноэлем. Выдержка из дневника Я. Х. Давтяна. 26 марта 1936 г. // СПО. Т. III. С. 436–437.

материалы не были опубликованы. Возможно, они стали пеплом в кострах, разожженных в садах на набережной Орсе в мае 1940 года, когда англо-французские силы отступали под натиском вермахта и привычный мир рушился на глазах.

В Париже придерживались аналогичного мнения о Беке, который в Лондоне встретился также с членами Кабинета министров Фланденом и Полем-Бонкуром. Оба признавали, что Бек пытается заискивать (*ménager*) перед Германией[1]. По мнению Фландена, Бек пытался усидеть одновременно на двух стульях, говоря Франции одно, а Германии другое. Фланден поручил Ноэлю держать «наших настоящих друзей в Варшаве» в курсе поведения Бека за границей[2]. Фланден, конечно, не упоминал, что именно более отчетливый курс Франции на сближение с Германией мог заставить Бека как минимум создавать видимость аналогичного курса, поскольку это соответствовало бы союзническим отношениям между Францией и Польшей. Ноэль сообщил, что Бек вызвал беспокойство определенных кругов в Варшаве, проявив слишком очевидное стремление встать на сторону Германии[3]. Имеющиеся телеграммы и депеши посла в Париж подтверждают сообщения Давтяна о взглядах Ноэля на Бека.

Литвинов в ответ на всю информацию, полученную им в Лондоне и в донесениях из Варшавы, занял жесткую позицию. В середине апреля 1936 года он встретился с послом Польши Юлиушем Лукасевичем, чтобы поговорить начистоту. Они обсуждали рабочие вопросы, но Литвинову нужно было побеседовать о другом, куда более серьезном деле. Он хотел знать, получил ли Лукасевич какие-либо инструкции от Бека относительно разговора с Литвиновым в Лондоне. Ранее Бек сообщил наркому, что готов к обсуждению рабочих моментов и даст на этот счет поручение польскому посольству в Москве. Литвинов выразил удовлетворение предложением Бека, но сомневался, что из этого что-нибудь получится. Истинная цель Бека, как сообщил Литвинов из Лондона, заключалась в том, чтобы протянуть руку помощи Германии и «изолировать нас»[4]. Поэтому, когда Лукасевич ответил, что знает об этом разговоре, но инструкций из Варшавы не получал, Литвинов сразу сменил тон на холодный и формальный и сказал, что ждет ответа[5].

---

[1] Massigli to Flandin. Nos. 559–561. 23 March 1936. DDF. 2e. Vol. I. P. 638–639.

[2] Flandin to Noël. Nos. 168–170. 23 March 1936 // DDF. 2e. Vol. I. P. 639–640.

[3] Noël. Nos. 275–276. 26 March 1936 // DDF. 2e. Vol. I. P. 667–668.

[4] М. М. Литвинов — в НКИД. 24 марта 1936 г. // Документы внешней политики (далее — ДВП): в 26 т. М., 1968. Т. XIX. С. 185, 492, примечания к с. 29–37.

[5] Запись разговора с Ю. Лукасевичем 19 апреля 1936 г. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 28 апреля 1936 г. // СПО. Т. III. С. 442.

Стомоняков проинформировал Давтяна о встрече наркома с Лукасевичем. «Никого из нас не удивляет. Антисоветский курс польской политики не только не ослабляется, но, пожалуй, даже усиливается за последнее время. Поль[ское] пра[вительство] все больше и больше открыто перед лицом всего польского общества берет курс против всякого сближения с Советским Союзом». Несмотря на это, НКИД не был готов отказаться от Польши. Стомоняков поручил Давтяну попытаться укрепить связи посольства с теми польскими политическими элементами, которые выступают за улучшение отношений с СССР[1].

Лукасевич вернулся к Литвинову через неделю с ответом из Варшавы. Бек попытался свести дискуссию к вопросу о Лиге Наций, но Литвинов ответил, что недавние события продемонстрировали полную неэффективность Лиги без отдельных пактов о коллективной безопасности[2]. По мнению Альфана, позиция НКИД заключалась в том, что Польша только говорила об улучшении отношений с СССР и Францией, а когда доходило до дела, «оказывалось, что она предпочитает идеи из Берлина»[3]. Русские и поляки, сказал Альфан, как две фаянсовые собаки: смотрят друг на друга, но не разговаривают. Когда Альфан осведомился в НКИД, что происходит, ему ответили, что ничего особенного. «Мы должны ждать, — ответили ему, — мы ничего не добьемся от поляков, если создадим впечатление, что бегаем за ними»[4]. На самом деле политика Литвинова была иной: он, как раз напротив, не давал Беку покоя, вынуждая его начать переговоры. Да и что еще оставалось ему делать перед лицом нацистской угрозы? Куда ни глянь, отовсюду поступали плохие новости — из Лондона, Парижа, Бухареста, Праги, Варшавы. Это было самое главное. Взаимопомощь и коллективная безопасность против нацистской Германии уже все больше напоминали огромный камень, который Сизиф безрезультатно пытался закатить на вершину горы.

Москва: «странное, ужасное дело»

7 июля 1936 года в Москве в возрасте 64 лет скончался предшественник Литвинова Георгий Васильевич Чичерин. Последние годы своей жизни он провел отшельником, и в некоторых иностранных кругах его считали слегка помешанным. Крестинский, который был близок к Чичерину, написал Сталину весьма пронзительную записку, в которой изла-

---

[1] Стомоняков Б. С. — Я. Х. Давтяну. 19 апреля 1936 г. // СПО. Т. III. С. 443–444.

[2] Запись беседы М. М. Литвинова с Ю. Лукасевичем. 29 апреля 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 254.

[3] Alphand. Nos. 140–141. 30 March 1936 // DDF. 2e. Vol. I. P. 706–707.

[4] Alphand. No. 125. 7 April 1936 // DDF. 2e. Vol. II. P. 61–63.

гал, как надлежит поступить с личными вещами бывшего наркома: одеждой, бельем, предметами домашнего обихода. Чичерин оставил после себя небольшую сумму денег и гораздо большую сумму в государственных облигациях. Семьи у него не было, но был старший брат Николай Васильевич, 71 года, преподаватель пения, который жил в Ленинграде. По словам Крестинского, «Чичерин относился к этому брату хорошо, переписывался с ним, оказывал ему прежде материальную помощь. Поэтому совершенно естественно будет оставшиеся после Чичерина вещи и имущество передать этому брату, что будет соответствовать нашим законам и несомненно желанию покойного». Осталась также большая коллекция книг по истории и политике (особенно внешней политике). Предполагалось, что эти книги попадут в библиотеку НКИД. Личные документы Чичерина должны были храниться в НКИД или партийном архиве. Все должно было быть официально, поэтому Крестинский подготовил соответствующую резолюцию для утверждения Политбюро[1]. Чичерина похоронили на Новодевичьем кладбище в Москве, и жизнь пошла своим чередом. Смерть бывшего наркома почти не привлекла внимания общественности, во всяком случае, о ней очень скоро позабыли ввиду других, куда более тревожных событий.

С 19 по 24 августа в Москве состоялся резонансный «показательный процесс» над 16 «старыми большевиками», наиболее выдающимися из которых были Григорий Зиновьев и Лев Каменев. Они были ближайшими соратниками Ленина и какое-то время союзниками Сталина в борьбе за власть против Льва Троцкого. Каменев и Сталин знали друг друга на протяжении тридцати лет и до революции были близкими друзьями. В конце концов Сталин выступил против своих двух союзников, и они присоединились к оппозиции против него. После убийства в декабре 1934 года Сергея Кирова, одного из ближайших соратников Сталина, Каменева и Зиновьева обвинили в причастности к этому покушению и заключили в тюрьму. Обвинения против них были сфабрикованы, Каменев и Зиновьев не имели никакого отношения к убийству, которое, судя по всему, было совершено психически больным человеком, действовавшим в одиночку[2]. Сталин не хотел оставлять ситуацию как есть и летом 1936 года вытащил из тюрьмы Каменева и Зиновьева вместе с 14 другими старыми большевиками, но только для того, чтобы предъявить им новые обвинения, в том числе — в подготовке убийства Кирова, самого Сталина и других членов Политбюро. Новые обвинения тоже

---

[1] Н. Н. Крестинский — И. В. Сталину. 10 июля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д.. 3. Л. 228–229. Копия отправлена В. М. Молотову.

[2] См.: *Lenoe M. E.* The Kirov Murder and Soviet History. New Haven, CT: Yale University Press, 2010.

Гражданская война в Испании. Плакат

были сфабрикованы и поистине абсурдны, но Каменев и Зиновьев после странной встречи со Сталиным и Ворошиловым, судя по всему, согласились признать вину в обмен на свою жизнь и жизнь своих близких. На это Сталин (и Ворошилов, который не играл особой роли в этой сделке) согласился. Состоялся суд, на котором Зиновьев и Каменев, как и большинство остальных обвиняемых (хотя и не все), признали себя виновными. 24 августа всем им был вынесен смертный приговор, и все, кроме одного, подали прошение о помиловании. За несколько минут до 21:00 в тот же день Лазарь Моисеевич Каганович, Ворошилов и двое других членов Политбюро телеграфировали Сталину, который в это время был в отпуске на юге. Они сообщали, что Политбюро отклонило прошения о помиловании, и просили Сталина подтвердить это решение. Сталин ответил утвердительно в 23:30, и уже ранним утром приговор был приведен в исполнение[1]. Времени не теряли. Зиновьев, видимо, оказал сопротивление своим палачам, поэтому его расстреляли на месте. Семью Каменева тоже не пощадили. Такова была цена обещаний, которые Сталин дал своим бывшим соратникам. В тот миг, когда они предстали перед лицом смерти, сам он наслаждался отдыхом на юге.

Этот первый показательный процесс ознаменовал начало Большого террора, причины которого остаются неясными даже спустя долгое время после этих событий. Историки неоднократно размышляли о причинах чисток, но на самом деле они были настолько ужасны, что просто не поддавались никакой логике. Московский процесс не оказал какого-либо очевидного влияния на стремление Советов к коллективной безопасности

[1] Л. М. Каганович, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилов, Н. И. Ежов — И. В. Сталину. 24 августа 1936 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 646.

и взаимопомощи, но он привлек внимание западной прессы и вызвал тревогу среди сотрудников Сталина. Как ни странно, в НКИД дела, казалось, продолжали идти своим чередом.

В телеграмме из Сочи Сталин упомянул, что жена Каменева обращалась к Альфану, чтобы узнать, поддержит ли французское правительство будущее правительство «троцкистско-зиновьевского блока». Сам Каменев, по словам Сталина, аналогичным образом наводил справки относительно британского, немецкого и американского правительств. Возможно, это было совпадением, но Альфан в это же время потребовал перевода на другую дипломатическую должность, а министр иностранных дел Ивон Дельбос через несколько недель после московского судебного процесса сообщил, что его вызвали в посольство в Берне. Дельбос поручил Альфану обратиться к советскому правительству с просьбой утвердить в качестве его замены Робера Кулондра, одного из немногих русофилов во французском МИД[1].

Судя по отчету французского поверенного в делах Жана Пайяра, происходящее в Москве ему не понравилось. Учитывая жестокость первых нападок прессы на Зиновьева, Каменева и других обвиняемых, Пайяр предположил, что они не тешат себя иллюзиями относительно того, что их ждет. Это была борьба между «отрицательной... перманентной революцией» Троцкого и сталинским «конструктивным... социализмом в отдельно взятой стране». По мнению Пайяра, идеи большевистской революции устарели, поскольку они больше не соответствовали целям установившейся советской власти и «этому этапу эволюции режима»[2]. Возможно, Сталин именно так и хотел представить ситуацию. «Здесь всегда говорили, — добавлял Пайяр, — о пакте, якобы заключенном по инициативе Ленина между его старыми товарищами по борьбе за власть, согласно которому те, кто оказался настроенным друг против друга, не должны были нападать друг на друга, как это было во время Французской революции. Я не знаю, существует ли этот пакт на самом деле; во всяком случае, все они вели себя так, как если бы он существовал. Теперь это соглашение нарушено. По сути, это наглядно свидетельствует об уже состоявшемся разрыве с духом первых революционеров»[3].

Пайяр, возможно, проявлял излишнюю чувствительность, потому что ни во французском, ни в британском МИД, если уж на то пошло, никто не

---

[1] Delbos to Alphand. No. 661. 16 Sept. 1936. Ministère des Affaires étrangères, Paris (hereinafter: MAE). Telegrammes au depart de Moscou 16 août 1936 — 31 decembre 1937.

[2] Payart. Nos. 350–352. 15 Aug. 1936. MAE. Bureau du chiffre, telegrammes, à l'arrivée de Moscou. 1936.

[3] Payart. Nos. 367–368. 25 Aug. 1936. MAE. Bureau du chiffre, telegrammes, à l'arrivée de Moscou. 1936.

возражал против отказа от идеи «перманентной революции» или исчезновения тех, кто ее защищал.

Сотрудники Форин-офиса пришли к выводу, аналогичному выводу Пайяра. «“Суд над террористами”, — писал один чиновник, — представляет собой еще один замечательный пример того, как мастерски советское правительство умеет окружить мотивы своих действий глубочайшей неясностью... Однако стоит отметить, что здесь был нарушен принцип “ворон ворону глаз не выклюет”. Раньше руководители партии, возможно, и не уважали мнения друг друга, но уважали жизнь друг друга. На этот раз Сталин, подобно Тарквинию, срезал головки самых высоких маков»[1]. Лоуренс Кольер, директор Северного департамента Форин-офиса, не мог понять, что послужило причиной этого, по его словам, «странного, ужасного дела». Были ли обвинения сфабрикованы? «Существовал ли вообще какой-либо заговор, а даже если его и не было, было ли серьезное недовольство режимом Сталина?» Зачем ему понадобилось это «показательное проявление беспощадности, столь невыгодное с точки зрения внешней пропаганды... если реальной причины для тревоги не было?»[2] Ответа на этот вопрос Кольер не знал, как и многие историки.

Крах Титулеску

Тем временем Литвинов и Титулеску продолжали обсуждать пакт о взаимопомощи. Им не удавалось прийти к согласию, хотя, судя по всему, в какой-то момент это было вполне возможно. В письме Сталину Крестинский рекомендовал не соглашаться на дальнейшие уступки. Двумя камнями преткновения были Бессарабия и согласование договоров с Румынией и Францией. Литвинов не хотел идти на дальнейшие уступки, тем более что Титулеску сообщил ему, что через несколько дней подаст в отставку и что король готов его отпустить. «Приходится считаться с тем, — писал Крестинский, — что Титулеску уйдет, что румынское правительство окончательно [станет] как фашистское правительство и что во внешней политике Румынии произойдет сдвиг в сторону приближения к Германии. При таких условиях наши уступки, если бы мы на них пошли, явились совершенно бесцельными и безрезультатными уступками».

---

[1] Тит Ливий, знаменитый римский историк, писал о римском царе Тарквинии Гордом, который, срезая головки самых высоких маков в своем саду, советовал своему сыну Сексту Тарквинию отрубать головы выдающимся людям, находившимся под его властью (minute by A. Walker, 31 Aug. 1936, N4324/565/38, Kew, Richmond, Great Britain, National Archives (hereinafter: TNA), Foreign Office (hereinafter: FO) 371 20350).

[2] Collier’s minute. 31 Aug. 1936. N4324/565/38 // TNA FO 371 20350.

Максим Максимович Литвинов

Крестинский просил одобрения Политбюро. «За» — написал Сталин красным карандашом на своем экземпляре информационной записки Крестинского; такое же мнение выразили и другие члены Политбюро[1].

Если судить по телеграмме, которую Титулеску отправил в Бухарест с отчетом о переговорах с Литвиновым, его терпение подходило к концу. Внутренняя румынская политика (под которой он имел в виду правые антисемитские волнения в Бухаресте) начинала вызывать критику за рубежом, и это ставило Титулеску во все более затруднительное положение. Он рассчитывал на поддержку французов, чехословаков и Советского Союза. Он и так подвергался нападкам со всех сторон, а тут на него набросился еще и Литвинов — не на него лично, конечно, а на румынское правительство и общество. Литвинов хотел знать, что происходит — Румыния переходит на другую сторону? По словам Титулеску, комментарии Литвинова представляли собой «беспримерно суровую речь», которая вызвала у него «жесткую реакцию». Титулеску писал, что, если резюмировать кратко, Литвинов «позволил себе сказать открыто, что Румыния находится на пороге гитлеризции, что наше правительство будет в скором времени заменено правым правительством, что в целом то, что происходит в Румынии, сводится к сближению Румынии с Германией против России». Литвинов заявил, что сожалеет о политике, которую он проводил в отношении Румынии на протяжении последних четырех лет, поскольку советские усилия, «дружественные жесты» не дали результатов. Очевидно, что оба теряли терпение, были разочарованы и рассержены. *Оба* столкнулись с од-

---

[1] Н. Н. Крестинский — И. В. Сталину. 7 июля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Л. 3. Л. 219–220. Копии отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Г. К. Орджоникидзе. Экземпляр Сталина см.: Российский государственный архив социалистической политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 166. Д. 561. Л. 63–64. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

ними и теми же непреодолимыми препятствиями, и обоим было ясно, что крах неотвратим, так что неудивительно, что они не скрывали эмоций. Литвинов терпеть не мог нападки в прессе и высказал недовольство выпадами против Островского в бухарестских газетах. «Мы не ведем никакой пропаганды у вас, — заявлял Литвинов, — но констатируем, что с согласия Румынского правительства Германия ведет крайне устрашающую пропаганды против Советов, прямо называя их представителей “жидами”». Титулеску опроверг обвинения Литвинова, заявив, что его сведения ложны или, по крайней мере, преувеличены. Разве вы не видите, вопрошал Титулеску, что все ваши обвинения походят «на политический нонсенс»? Конечно, в докладе своему правительству Титулеску и не мог написать ничего иного, но ведь он наверняка понимал, что в словах Литвинова многое было правдой. В тот день они оба дали волю своему гневу. Судя по всему, это была долгая и весьма неприятная беседа. Тем не менее Титулеску дал Литвинову возможность объяснить свою позицию. «Вы что, г-н Титулеску, думаете, что мы заключим договор о взаимопомощи с такими странами, как ваша, в завтрашней судьбе которой мы не уверены? Мы будем смешны, если мы, Советы, стали бы сегодня союзниками Румынии, чтобы завтра вы стали союзниками Германии». Вот в чем дело: Литвинов боялся предательства и не хотел выглядеть глупцом из-за того, что вложил так много сил в улучшение отношений с Румынией. «Мы, русские, сентиментальны. Вы считаете нас слабыми, так как мы не ведем себя, как капралы, как это делают немцы. Будущее покажет, ошибались вы или нет».

В ответ на эти комментарии, по словам самого Титулеску, «я взбунтовался». «Г-н Литвинов, я не могу говорить Вами, когда слышу такое в отношении моей страны, я хочу точно знать, за кого меня принимают — в качестве полномочного представителя Румынии или в качестве безмозглой куклы, которая говорит то, что Вам нравится?

Литвинов мне ответил: что бы ни случилось между Румынией и СССР, он никогда не забудет ни моих больших заслуг, сделавших возможными наши переговоры, ни усилий, которые я предпринимал, чтобы сблизить два народа». Титулеску не принял мирный жест Литвинова. «Этих слов мне недостаточно», — ответил он, помимо прочего. Литвинов попытался возразить, но Титулеску, по его словам, встал и вышел[1]. Составил ли Литвинов протокол этой встречи? Вполне возможно, что он телеграфировал о ней в Москву, однако подобные телеграммы по большей части недоступны для публики; если он и вел запись встречи, то обнародована она не была. Островский, услышав об этом разговоре или прочитав телеграмму,

[1] Н. Титулеску — в Министерство иностранных дел Румынии. 30 июня 1936 г. (перевод с румынского) // СРО. Т. II. С. 67–70.

счел сообщение «преувеличенным»[1]. Возможно, так и было, поскольку ни Литвинов не стал бы говорить так резко, ни Титулеску — так возмущенно (если только он не стремился подыграть королю и румынскому Кабинету министров). В середине июля Крестинский разъяснил основные проблемы Островскому в личном и очень секретном донесении. «В одной из своих телеграмм из Женевы Максим Максимович подвел итоги годичным переговорам с Титулеску о пакте. Он формулировал два разногласия, которые существовали с самого начала и остались неустраненными до конца. Первое разногласие связано с желанием Титулеску в той или другой форме закрепить признание нами аннексии Бессарабии; второе — это желание Румынии связать советско-румынский пакт с советско-французским, т. е. оказывать нам помощь лишь в тех случаях, когда эту помощь будут оказывать нам и французы. При этом, поскольку французы, имеющие союз с Польшей, откажут нам помочь в случае нападения на нас Польши, то и Румыния, очевидно, также против Польши помогать нам не собирается. Пакт же с изъятием Польши [как потенциального врага] нам малоценен.

Подведя эти итоги, тов. Литвинов сказал, что он не видит никаких оснований для того, чтобы уступать румынам в какой-либо мере и по первому и по второму пунктам.

Согласовав здесь вопрос с инстанцией [то есть И. В. Сталиным], я ответил Максиму Максимовичу, что здесь с ним вполне согласны и считают нецелесообразным идти на какие-либо дальнейшие уступки. Таким образом, по вопросу о советско — румынском пакте подтверждены те директивы, которые были даны Максиму Максимовичу в январе месяце, перед его поездкой в Лондон».

Поскольку Титулеску не хочет или не может пойти на какие-либо уступки по поводу Бессарабии, заключал Крестинский, следует полагать, что в ближайшем будущем советско-румынского пакта не будет[2]. В январских директивах говорилось об отводе советских и румынских войск по разные стороны Днестра, что, по сути, было признанием де-факто румынской оккупации Бессарабии. В данном вопросе Титулеску уступил, хотя Крестинскому об этом было неизвестно. Учитывая политическую нестабильность в Бухаресте и шаткое положение Титулеску в правительстве, НКИД не рассматривал возможность признания де-юре в обмен на взаимопомощь. Могло получиться так, что Румыния сохранит за собой Бессарабию, а СССР при этом не получит ни пакта о взаимопомощи, ни права транзита Красной армии, необходимого, чтобы прийти на помощь Чехо-

---

[1] М. С. Островский — М. М. Литвинову. 22 июля 1936 г. // АВПРФ. Ф.05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 61.

[2] Н. Н. Крестинский — М. С. Островскому. 13 июля 1936 г. // АВПРФ. Ф.05. Оп. 17. П. 134. Д. 86. Л. 45–46. Опубл.: СРО. Т. II. С. 71–72.

словакии. Подобные обманы были обычным явлением в дипломатических отношениях. На ум приходят балканские переговоры 1908 года между Россией и Австро-Венгрией. Вероятно, они тогда вспомнились и Литвинову. В том случае Австро-Венгрия приобрела часть территории, а Россия взамен не получила ничего. Тем не менее формулировка депеши Крестинского оставляла возможность дальнейших переговоров открытой.

Говоря о письме Крестинского, нужно отметить еще кое-что. Переговоры между Литвиновым и Титулеску были засекречены, и на то были веские причины. Даже Министерство иностранных дел в Бухаресте не знало, что происходит. Если бы новости о переговорах преждевременно просочились в прессу, это вызвало бы в Бухаресте взрыв негодования среди правых. Польша, Германия и, возможно, крайне правые в Париже также присоединились бы к возмущению. Посол Румынии в Стамбуле Эуджен Филотти, по-видимому, пытался вовлечь советского полпреда Льва Карахана в обсуждение переговоров между Литвиновым и Титулеску. В Румынии многим было любопытно, о чем шла речь на их встречах.

Вот что сказал по этому поводу Крестинский: «Теперь я перехожу к вопросу о беседе Карахан — Филоти. Я согласен с Вами, что, поскольку в свое время между Литвиновым и Титулеску было условлено вести переговоры о пакте с соблюдением полностью дискретности, тов. Карахан не должен был, даже при наличии инициативы Филоти, касаться этих переговоров по существу...

Но Титулеску в своей бешеной реакции на беседу Филоти — Карахан рассказал Вам то, чего он прежде никогда не договаривал. Выяснилось, что перед королем он изображал дело так, что мы признаем присоединение Бессарабии к Румынии и что трудности, мешающие заключению пакта, касаются других вопросов. Другими словами, Титулеску дезинформировал короля относительно нашего отношения к Бессарабскому вопросу. Это далеко не внутреннее румынское дело. Выходит так, что мы, делая Титулеску то или другое заявление, не гарантированы, что он не скажет королю чего-то другого и даже, как в настоящем случае, прямо противоположного».

На самом деле Титулеску не дезинформировал короля, он просто избегал вдаваться в подробности. Он считал, что формулировка проекта гарантирует суверенитет Румынии над Бессарабией, пока обе стороны сохраняют приверженность идее взаимопомощи, и что проблемы связаны с другим обстоятельством. Так оно и было: препятствие было в пункте 2 договора, где говорилось, что Румыния не обязана действовать, если Франция первой не возьмет на себя такое обязательство. О чем Титулеску, видимо, избегал говорить королю, так это о том, что он не получил от СССР прямого подтверждения суверенитета Румынии над Бессарабией; он получил косвенное подтверждение, что, по сути, ничего не меняло. Крестинский пору-

чил Островскому не обсуждать эту тему с Титулеску, поскольку это могло испортить отношения с ним [1]. Если читатели запутались в подробностях советско-румынских дискуссий, замечу, что такое же ощущение было тогда у многих людей в Москве и Бухаресте. Вполне возможно, что Титулеску уже успел обсудить вышеуказанный вопрос с Островским. Ему приходилось действовать такими обходными путями, ведь он в одиночку пытался добиться поддержки со стороны короля в своей борьбе против немецких и польских интриг, а также против антикоммунистических, антисоветских правых, которые выходили на улицы с протестами, добавляя тем самым проблем правительству. На самом деле Островскому Титулеску доверял так, будто тот был *единственным* человеком в Бухаресте, которому можно доверять. Это, кстати, многое говорит о дипломатических способностях полпреда.

Почти в то же время, когда Крестинский готовил свое послание Островскому, в Бухаресте разразился правительственный кризис, в центре которого оказался Титулеску. Титулеску снова подал в отставку, и снова король и глава правительства Тэтэреску попросили его отозвать свое прошение. Титулеску заявил, что речь идет о доверии к его политике по отношению к СССР, поэтому правительство выпустило коммюнике, в котором заявило о полном доверии Титулеску, однако терпение Тэтэреску было уже на исходе[2].

Утром 16 июля 1936 года Островскому позвонил румынский министр внутренних дел Ион Инкулец. Он хотел поговорить с полпредом и пригласил в тот же день вместе пообедать за городом. Было ясно, что Инкулец хочет знать, что обсуждали Титулеску и Островский во время их частых встреч. Похоже, никто в правительстве не был об этом осведомлен. Разумеется, полпред старался быть очень осторожным в высказываниях. Устав ходить вокруг да около, Инкулец начал рассказывать о том, что произошло за последние несколько недель. В конце июня Титулеску позвонил в Министерство иностранных дел и лично Тэтэреску с просьбой принять меры по прекращению беспорядков на улицах Бухареста. Правительство такие меры приняло. Титулеску, судя по всему, сделал это в ответ на жалобы Литвинова, а может быть, правительство таким образом хотело успокоить Островского. Затем Титулеску отправил Тэтэреску телеграмму, в которой упоминались разговоры с Литвиновым и Дельбосом, а также высказывалась критика в отношении политической ситуации в Румынии. По его словам, создавшаяся ситуация была худшей за послед-

---

[1] Н. Н. Крестинский — М. С. Островскому. 13 июля 1936 г. // АВПРФ. Ф.05. Оп. 17. П. 134. Д. 86. Л. 45–46. Опубл.: СРО. Т. II. С. 71–72.

[2] Коммюнике Совета министров. 16 июля 1936 г. // СРО. Т. II. С. 72–74.

ние 19 лет («*une situation morale tellement basse, comme aujourd'hui*»). Премьер-министр понял эти замечания несколько превратно, но посчитал нужным не доводить дело до конфликта. Из рассказа Инкулеца складывается впечатление (возможно, он добивался этого намеренно), что Титулеску, в очередной раз подав прошение об отставке, просто встал в позу. Состоялась длительная встреча с королем, в результате которой Титулеску отозвал свое прошение об отставке, а внешняя политика Румынии осталась неизменной.

Инкулец также сказал Островскому следующее: «Вы понимаете, нет никакой иной политики, и не может быть никакой политики у Румынии, если она не хочет быть расчлененной. Политика, которую мы сейчас ведем, является политикой не Титулеску, а политикой страны и короля. Если бы Татареску встретился хоть один раз с Литвиновым, [Советский] Союз убедился бы, что это так, и что Татареску не только не является врагом этой политики, но и проводил бы ее так же, как и Титулеску. Не говоря уже о Михалке, если бы завтра Гога — допуская на минуту недопустимое, — очутился бы в руководстве иностранной политикой, первым жестом его было бы — поездка в Москву — не в Прагу, не в Париж, а в Москву.

Вы понимаете, Михаил Семёнович, вся наша система союзов с Францией, Чехословакией, Турцией оказывается никуда не годной, лопается, если мы не установим союзных отношений или по меньшей мере благожелательно дружественных отношений к Румынии со стороны России. В этом гвоздь вопроса, и от этого никакое правительство никуда не денется, не говоря уже о том, что вы находитесь на Днестре.

Кстати, вы не знаете, Михаил Семёнович, что говорил и в каких тонах протекала беседа Максима Максимовича с Титулеску, на которую он ссылается и в телеграмме, и в беседе с королем?»

На самом деле Островский вполне мог об этом знать. Какие бы опасения ни были у Тэтэреску по поводу Титулеску, он, похоже, всеми силами пытался заверить своего явно неудобного министра в том, что румынская политика в отношении СССР будет прежней. Заключал свой отчет Островский заверениями Инкулеца: «Далее правительство подтверждает Титулеске необходимость добиться заключения пакта с Россией, завершающего систему территориальной безопасности Румынии и предусматривает ряд действий правительства и либеральной партии внутри страны, которые бы обеспечили благоприятную обстановку внутри Румынии для работы по достижению поставленных целей внешней политики. Татареску, якобы, сказал Титулеску: "Ты говоришь, что не можешь добиться от русских пакта, поручи мне это дело: я добьюсь". Теперь все это благополучно закончилось. "Нервный припадок" у Титулеско прошел, и можем

сейчас вернуться каждый к своей нормальной работе». Их обед длился четыре часа[1].

Можно ли сказать, что наконец-то все вернулось на круги своя? Как писал Островский в одном из своих последующих донесений, все было *не так*, как казалось. Титулеску все-таки не был таким самодовольным и истеричным человеком, как его описывали; он пытался реализовать план по координации внешней и внутренней политики путем подавления фашистских элементов в стране, в частности парамилитаристской «Железной гвардии», с целью рассеять недоверие Франции, Малой Антанты и СССР. План сработал, но лишь до определенного момента. «По первому пункту доклад Титулеску у короля увенчался успехом, однако не стопроцентным, как это было раньше: прежде чем одобрить его доклад по части румыно-советских отношений король не без злорадства возражал, в том смысле, что "вот и Турки отвернулись от Советов, не говоря уже об Англии», [и] выходит, что "остались только на паре Блюм с Литвиновым" [не Франция, а Блюм]. А... выходит, что Литвинов скоро будет изолирован». Источником этих выводов для Островского был Титулеску, который точно понимал, что происходит. Тогда почему, задавал риторический вопрос Островский, король оставил Титулеску в должности? Поскольку «король хотя и находит момент достаточно созревшим, чтобы перестать считаться с конституционными условностями, не считает, однако, международное положение настолько ясным, чтобы можно было открыто ходить с немецкой карты и считая, что время работает на него, король решил еще повременить?» Более того, король отверг любые изменения во внутренней политике — то есть в отношении правых политических сил, — поскольку чувствовал, что политический престиж Титулеску подорван и дальнейшие уступки уже не нужны. Польские, немецкие и итальянские миссии, работавшие с бухарестской прессой и румынской элитой, развернули против Титулеску яростную кампанию, «спровоцированную и поощряемую», как считал Островский, правительством и двором. Король и правительство рассчитали, «лучшим методом уничтожения Титулеско, это — его уход в тот момент, когда таковой пройдет незаметным. Они надеются, что этот момент наступит скоро». Тэтэреску решил, что это время пришло, но король, видимо, был не готов с ним согласиться.

Островский считал, что кризис вокруг Титулеску был искусственно спровоцирован «Я не могу освободится от впечатления, что и кризис Титулеско искусственно вызван этим молодым человеком для того, чтобы вы-

---

[1] Запись беседы М. С. Островского с И. Инкуленцем. 16 июля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 39–44. Опубл.: СРО. Т. II. С. 77–82.

яснить реакцию румынского и европейского термометра на такую перемену румынской внешнеполитической погоды, как уход Титулеску. Доказательств у меня никаких нет. Подождем — посмотрим. По моему мнению, ждать придется недолго»[1]. Островский подробно описывает, каким был расчет Кароля: «Король полагает, что в области внешней политики надо идти вместе с Францией, Англией и СССР, но он не считает возможным допускать французский опыт внутри Румынии [то есть Народный фронт]. Если Румыния не вмешивается во внутренние дела Франции, то и Франции не должно быть дела до того, что происходит внутри Румынии. Само собой разумеется, что Румыния должна бороться против коммунизма у себя внутри страны. Ведь [глава Турции Кемаль] Ататюрк ведет такую борьбу, и эта борьба нисколько не портит его дружественных отношений с СССР. Но для борьбы с коммунизмом недостаточно одних только полицейских, а тем более армейских сил. Нужны еще какие-то народные массы, которые могли бы оказать сопротивление коммунистическому натиску. Поэтому, несмотря на их многие несимпатичные стороны, должны быть терпимы правые организации».

Если эти организации выйдут из-под контроля, король будет знать, как с ними справиться. Он уже останавливал уличные беспорядки, организованные правыми студенческими организациями, и обуздывал разнузданную антисемитскую пропаганду.

Для Кароля и его кабинета внешняя и внутренняя политика были взаимосвязаны. Политик Ион Михалаке, выдающийся представитель Национал-цэрэнистской партии, объяснил Островскому, что с системой коллективной безопасности сложилась неразрешимая ситуация: «Титулеску... жалуется, что ему приходится очень много работать, чтобы убеждать М. М. Литвинова идти на уступки и сделать что-нибудь для Румынии. Между тем, когда Титулеску это удается и он говорит об этом своим коллегам по кабинету, то они, а за ними и король, недовольно пожимают плечами и повторяют стереотипную фразу: “Да, все это хорошо, но ведь это коммунисты. Помощь от них хороша, но затем начнется французский опыт”. “А между тем, — продолжает Титулеску, — все эти господа забывают, что в случае каких-либо вполне возможных осложнений, единственно реальная помощь, на которую мы можем рассчитывать, придет к нам не из Франции, и не из Англии, а только из СССР”».

На тот момент Титулеску сохранил свою должность. Поляки и итальянцы в Бухаресте считали, что он одержал пиррову победу и долго не продержится. Между Титулеску и его коллегами по Кабинету министров на-

---

[1] М. С. Островский — М. М. Литвинову. 22 июля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 56–60.

ступило перемирие, а не мир. Когда летние каникулы закончатся, борьба возобновится, и Титулеску будет изгнан[1].

Островский, должно быть, подумал так же, когда получил приглашение на обед от Тэтэреску. Титулеску сказал Островскому, что рассчитывал там присутствовать, но его не пригласили. Получалось, что премьер дождался, когда Титулеску уедет за границу, а затем назначил прием на 23 июля. Присутствовал только министр внутренних дел Инкулец. Он не был другом Титулеску и полностью поддерживал позицию короля, позволявшую правым организациям чувствовать себя на улицах вольготно — до определенных пределов. Обед продолжался до самого вечера и был неформальным, «без пиджаков», как отметил Островский. Долго говорили о пустяках, а потом Тэтэреску перешел к делу и завел разговор о том, что ему на самом деле не терпелось обсудить: о советско-румынских отношениях и пресловутой телеграмме Титулеску, где упоминалось о встречах с Дельбосом и Литвиновым, особенно касательно встречи с последним, где была выражена обеспокоенность по поводу деятельности правых организаций в Бухаресте. По словам Островского, он дал Тэтэреску возможность выразить личное мнение.

«Мой любимый друг Титулеску — *nous nous tutoyons* [мы на «ты»] — блестящий дипломат, но метафизик, оторван от почвы и плавающий в эмпиреях юридических формул международного права. Он не знает Румынии, он забыл Румынию, поэтому он ничего ен смог ответить Литвинову. А, между тем, если бы Титулеску сохранил связь с внутренней жизнью страны, он бы ответил Литвинову и Дельбосу, что антисемитские беспорядки — явление рядовое для всех поколений в определенном возрасте, в студенческом возрасте. Я, когда был студентом в Бухаресте, примерно раз в неделю, в две, вместе с моими коллегами ходил бить стекла в магазинах Вахорешти и пугать евреев. Это была своего рода забава — и никто никогда не полагал, что это может отразиться на внешней политике Румынии: детские забавы. И Титулеску подтвердил, что он этим занимался (Инкулец кивает головой в знак подтверждения).

Я вышел из университета, и теперь понимаю, что эти забавы детских, студенческих лет являются предосудительными забавами. Но, тем не менее, в университетах эта традиция осталась, с ней мы ничего сделать не сможем, но было бы величайшей ошибкой придавать этим явлениям какое то особое значение.

Этого не мог объяснить Литвинову Титулеску, откуда и этот печальный разговор, и эта паническая телеграмма Титулеску. Я убежден, что я бы

---

[1] Хронология событий июля, составленная М. С. Островским. 11–16 июля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 62–67.

смог все это объяснить Литвинову, о чем я и телеграфировал Титулеску. Отсюда скандал, о котором Вы знаете, “кризис” (кавычки поставлены Татареску), истерика».

Премьер-министр хотел донести до Островского, что «кризиса» не существует и что внешняя политика Румынии — это политика правительства, а не политика Титулеску. «Одним из основных элементов, если не самым основным элементом, являются дружественные отношения с Советской Россией. Дружественные отношения с Россией являются исторической традицией Румынии». И снова в разговоре всплыл фашист Гога, ночной кошмар Румынии: «Если бы завтра Гога очутился в мининдел — он не мог бы вести иной политики: география тому порукой. И никогда Румыния не будет драться против России».

Тэтэреску немного рассказал об истории внешней политики Румынии после войны. «Так не забудьте же, что в течение 17 лет мы исполняли роль “сторожевых псов Англии и Франции на Днестре”. Наши попытки 1921, 1924, 1929 года договориться с Россией были сорваны окриками великих держав, напоминавших нам, что историческая роль Румынии определяется единственным обстоятельством: барьер цивилизации против большевистской заразы». Освободившись от этих ограничений, Румыния изменила свою политику по отношению к СССР. В стране были «остатки той антисоветской психологии», но факт в том, что основные политические партии были дружественны к СССР — «мы за политику дружбы с Советами». «Антисоветские выпады в прессе, в обществе есть не что иное, как следы давно прошедшей болезни, а не симптомы имеющейся болезни». Затем премьер вонзил в спину Титулеску еще один нож, сказав, что тот «отсутствует большую часть года в стране» и поэтому может не понимать происходящего, «мог этого и не знать, как мы живущие постоянно в стране. В этом основной недостаток моего великого друга Титулеску».

Заверения Тэтэреску не успокоили Островского. Антисемитизм в стране не был исключительно местным, румынским *bien de famille,* у него были источники и за границей — очевидно, в Германии, хотя конкретно об этом сказано не было. В местной правительственной прессе также не было никаких попыток отмежеваться от немецких пропагандистских сообщений. Иностранная пресса формировала собственное мнение о событиях в Бухаресте[1].

Тем временем в июле Титулеску встретился с Литвиновым в Монтрё, чтобы попытаться согласовать текст пакта о взаимопомощи. Какие бы рез-

---

[1] М. С. Островский — Н. Н. Крестинскому. 9 августа 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 68–75.

кие слова ни были сказаны между ними в конце июня, они попытались сократить разрыв между своими позициями. Это была последняя попытка Титулеску добиться соглашения. В Монтрё был парафирован сверхсекретный проект, о котором в Бухаресте не знал никто. Ключевой пункт по Бессарабии был согласован в соответствии с январской формулой, предложенной Литвиновым и одобренной Сталиным: обе армии, если прозвучит такое требование, обязаны были отойти на свою сторону реки Днестр. И Литвинов, и Титулеску парафировали принятие этого пункта (№ 4) и двух других. Оставшийся пункт (№ 2) гласил, что вступление двух стран в боевые действия зависит от вступления в боевые действия Франции. Титулеску указывал на то, что не может подписать соглашение без этого условия, а Литвинов отказывался его принять. Это было последним камнем преткновения[1]. Титулеску, должно быть, думал, что согласование по Франции было единственным способом получить поддержку коллег в Бухаресте. У Литвинова, конечно, тоже были коллеги в Москве. Сталину, вероятно, надоело подписывать ничего не значащие соглашения с теми, кому он не мог доверять. Позже Литвинов рассказал Островскому, что Титулеску хранил подписанную в Монтрё копию договора; никто в Бухаресте ничего об этом не знал[2]. Неудивительно, что румыны пытались выведать информацию у Карахана и Островского.

Как ни пытался Тэтэреску представить ситуацию для Островского в радужном свете, итог уже был предрешен. Эдмонд Чунту, румынский посол в Москве, прибыл в НКИД для очередной беседы с заведующим 2-м Западным отделом Давидом Григорьевичем Штерном. Чунту только что вернулся из Бухареста, и хороших новостей с собой не привез. «[Я] встречался с очень многими людьми и, к сожалению, установил, что в Румынии нарастают антикоммунистические настроения, преломляющиеся и на отношении к Советскому Союзу. Ч[унту] приходилось слышать, что Титулеску совершает грубые ошибки, так как он ведет Румынию не к сотрудничеству с Советским Союзом, но к коммунизму. Особое беспокойство вызывает политическое развитие во Франции, где усиливаются пацифистские антивоенные настроения, приписываемые влиянию коммунистов, ослабляющие силу сопротивления Франции. На румынском общественном мнении сказывается и влияние германских антисоветских акций пропаганды»[3].

---

[1] Проект соглашения о взаимопомощи между Румынией и СССР (перевод с франц.). 21 июля 1936 г. // СРО. Т. II. С. 82–83.

[2] М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 13 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 96. Л. 24–26; М. С. Островский — Н. Н. Крестинскому. 29 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 150–160.

[3] Запись беседы Д. Г. Штерна с послом Э. Чунту. 26 августа 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 96. Л. 13.

Большую часть этой информации Островский уже сообщил в Москву. Очернение Титулеску продолжалось. Новым был особый акцент на Франции. Победа Народного фронта вызывала беспокойство даже в Бухаресте. Однако французские коммунисты не были «пацифистами». Проблемой были французские социалисты и, в частности, крыло партии Поля Фора. Фор был сторонником уступок Гитлеру и поддерживал коллаборационистский режим Виши после краха Франции в мае — июне 1940 года. Как бы то ни было, Чунту не ожидал немедленного ухода Титулеску, поскольку рассчитывал встретиться с ним в середине сентября. Эта встреча не состоялась.

В субботу 29 августа было объявлено о «реконструкции» и «укреплении» румынского Кабинета министров. Это была сверхсекретная операция, своего рода государственный переворот под руководством Тэтэреску и Инкулеца, «а на деле для устранения ненавистного Титулеску». Не с целью убить его, конечно, хотя политические убийства в Бухаресте случались, а избавиться от него. Никто ничего не знал до субботнего утра, когда началась операция. В субботу днем Титулеску была отправлена «благодарственная» телеграмма. Он был застигнут врасплох. Еще до того, как пришла телеграмма, ему позвонил журналист и попросил рассказать подробности происходящего для репортажа. Судя по всему, Титулеску настолько растерялся, что дважды переспросил журналиста, не шутит ли тот. Это была не шутка. По информации, имевшейся у советского посольства, он надоел королю Каролю своей излишней независимостью и умом, из-за которого король нередко чувствовал себя на вторых ролях. Были и другие причины: Титулеску позиционировал себя за рубежом как сторонник «хорошей» румынской внешней политики и старательно «афишировал» свою дружбу с Литвиновым.

Преемником Титулеску стал Виктор Антонеску, известный франкофил. Правительство еще раз заверило, что внешняя политика Румынии не изменится ни по отношению к Франции, ни по отношению к СССР, однако король понимал слабость такой позиции, ведь правительство Народного фронта во Франции возглавлял еврей. С другой стороны, нацистская Германия представляла собой серьезную экономическую и политическую силу и оказывала на Бухарест давление. Нельзя было отрицать, что в румынской политике начались явные сдвиги. Не то чтобы Румыния уже перешла в один лагерь с Германией, но теперь она склонялась в сторону более сговорчивой позиции по отношению к власти в Берлине[1].

Для Москвы новости из Бухареста ознаменовали конец приверженности Румынии коллективной безопасности. Как ранее отмечал Альфан,

---

[1] К. А. Комаровский — Д. Г. Штерну. 31 августа 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 79–80.

если Титулеску отойдет от власти, в румынской политике могут произойти большие изменения[1]. Пайяр сообщил, что «Известия» опубликовали о Титулеску статью, больше похожую на некролог. Это была еще одна победа нацистской Германии и еще одно поражение СССР. Пайяр был согласен с такой оценкой. Шансы на достижение соглашения о праве прохода Красной армии были скомпрометированы. Пайяр предположил, что Литвинов не пошел на необходимые компромиссы и потому не смог перетянуть Румынию на свою сторону[2]. Что ж, таково было мнение Пайяра, но Литвинов смотрел на ситуацию иначе, и Сталин тоже. По их мнению, французы мало что сделали, чтобы помочь самим себе. В своих попытках добиться соглашения с Бухарестом советская сторона зашла настолько далеко, насколько это было возможно.

---

[1] Запись беседы Е. В. Рубинина с Ш. Альфаном. 5 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 19. П. 164. Д. 814. Л. 74–77.

[2] Payart. No. 1362. 2 Sept. 1936 // DDF. 2e. Vol. III. P. 329–331.

ГЛАВА II

КАТАСТРОФА: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ, 1936–1937 ГОДЫ

Лето 1936 года для Советского Союза превратилось в бесконечную череду плохих новостей. Дела шли из рук вон плохо и в Париже, и в Варшаве, и в Праге, и в Бухаресте. Падение Титулеску означало, что Литвинов потерял последнего важного союзника в Восточной Европе. Это было начало конца коллективной безопасности. Но прежде мир ждала еще одна беда. 18 июля в Испании вспыхнул военный мятеж, направленный на свержение правительства Народного фронта. Идея мятежников состояла в том, чтобы быстро захватить власть, прежде чем бесхребетные испанские «республиканцы» смогут собраться с силами и защитить себя. Мятеж, во главе которого стоял генерал Франсиско Франко, спровоцировал длительную и кровопролитную гражданскую войну и завершил политическую поляризацию Европы, окончательно разделив ее на правых и левых, фашистов и коммунистов. Гражданская война, которую иногда называют первой стадией Второй мировой войны, помогла, как увидят читатели, свести на нет советскую политику коллективной безопасности и взаимопомощи против агрессии нацистской Германии.

Первоначальная реакция

Первоначальной реакцией французского правительства было желание прийти на помощь Испанской Республике. 20 июля Блюм встретился с временным поверенным в делах Испании и пообещал предоставить Мадриду вооружение, однако почти сразу столкнулся с оппозицией в лице французской правой прессы и Лондона. В Кабинете министров также были разногласия: против военной поддержки республиканской Испании выступал Дельбос, начавший показывать свое истинное лицо, а также Даладье и Фор. Министры Пьер Кот и Жан Зей выступали за военную по-

мощь, но они не обладали достаточным весом, чтобы преодолеть оппозицию. На помощи Мадриду настаивала и Коммунистическая партия, не входившая в правительство. В Кабинете министров была поддержка интервенции, однако недостаточно основательная. Начали распространяться слухи о революции и гражданской войне во Франции. Блюму пришлось отказаться от обещаний, данных Мадриду. 1 августа французское правительство, в поисках выхода из своего затруднительного положения предложило британскому и итальянскому кабинетам придерживаться политики невмешательства. Предложение было срочно направлено в Берлин, Москву и другие столицы.

Тем не менее нельзя сказать, что Блюм, поддавшись давлению, отказался от своих намерений. В конечном итоге был налажен тайных канал для отправки военной техники в Испанию. Контролировать операцию Блюм лично назначил Гастона Кюзена, заместителя шефа кабинета министра финансов. Кюзен разбирался в тонкостях таможенных правил и знал, как их обойти. Он устранил из штата таможенной службы потенциально ненадежных сотрудников и обеспечил поддельные таможенные документы, чтобы сделать возможным провоз оружия через границу. На автоматах стояла маркировка «картофель», на боеприпасах — «швейные машины». Это малоизвестный аспект политики Блюма в отношении Испании[1].

Реакция Великобритании на события в Испании заключалась в стремлении не допустить вмешательства Франции. Это была типичная для Лондона досадная реакция, привычный для него ошибочный выбор. В британской политике не было ничего, что могло бы компенсировать все ее недостатки, ничего подобного подземной железной дороге, ведущей в Мадрид, — по крайней мере, так ситуацию видели те, чьей целью была борьба с фашизмом. Впрочем, выступая против улучшения отношений с СССР, консервативное правительство хотя бы проявляло последовательность, потому что оно также выступало против поддержки Мадрида. Испанский вопрос привел к усилению прогерманских и антироссийских тенденций в среде тори, записал в своем дневнике член парламента лейборист Гарольд Николсон. По словам Томаса Джонса, заместителя секретаря Кабинета министров, премьер-министр Стэнли Болдуин был «весьма огорчен испанскими проблемами». «Я сообщил Идену, — сказал Болдуин, — что ни в коем случае, ни в случае Франции, ни в каком другом, он не должен заставлять нас сражаться на стороне русских». Иностранная интервенция в Испании может привести к формированию идеологических

[1] *Duroselle J.-B.* La décadence, 1932–1939. 3rd ed. Paris: Imprimerie nationale, 1985. P. 301–305; *Weber E.* The Hollow Years: France in the 1930s. New York: W.W. Norton, 1994. P. 166–169.

блоков, предупреждал сэр Орм Сарджент, помощник постоянного унтер-секретаря по иностранным делам: все это слишком ужасно, чтобы даже думать об этом[1]. Сарджент никогда ничего толком не понимал в вопросах европейской безопасности. Однако на этот раз даже постоянный унтер-секретарь сэр Роберт Ванситтарт был не уверен в том, как следует действовать. Он передал генеральному секретарю МИД Франции Алексису Леже такое указание: если Франция возьмет курс еще левее или ближе к Советскому Союзу, британское общественное мнение воспримет это крайне отрицательно. «Британское правительство поддерживает очень значительное консервативное большинство, — сказал Ванситтарт, — которое никогда не было готово, а сейчас, вероятно, готово еще меньше, чем когда-либо, идти на большие жертвы ради тех, кто косится в сторону красных»[2].

Москва не торопится действовать

24 июля Георгий Димитров, генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, с одобрения Сталина направил лидерам Коммунистической партии Испании директивы, в которых советовал им сосредоточиться на подавлении мятежа и поддержке мадридского правительства. Коммунистическая партия, заявлял он, должна поддерживать правительство и не привлекать к себе излишнего внимания. НКИД тем временем не торопился предпринимать какие-либо шаги: его куда больше заботили новые вспышки антисоветской пропаганды в Германии и ответные выпады в советской прессе. Что касается правительств Германии и Италии, они отреагировали незамедлительно, отправив Франко военную технику, которая начала поступать к нему в конце июля[3].

До 1 августа советская пресса сдержанно комментировала события в Испании, однако советское правительство было обеспокоено, как сообщал временный поверенный в делах Франции Пайяр, основываясь на том,

---

[1] *Nicolson H.* Diaries and Letters, 1930–1939. New York: Atheneum, 1966. P. 270; *Jones T.* Diary with Letters, 1931–1950. London: Oxford University Press, 1954. P. 231; Sargent's minute. 12 Aug. 1936 // Documents on British Foreign Policy (hereinafter: DBFP). 2nd series, 19 vols. London: HM Stationery Office, 1947–1984. V. XVII. P. 90–91.

[2] Memorandum by Vansittart. 17 Sept. 1936 // DBFP. 2nd. V. XVII. P. 269–271.

[3] Директивы Коминтерна Центральному комитету Испанской коммунистической партии. 24 июля 1936 г. // Коминтерн и Гражданская война в Испании: документы /отв. ред. С. П. Пожарская. М.: Наука, 2001. С. 113–114; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: документы. М: РОССПЭН, 2004. С. 135–139; Н. Н. Крестинский — Я. З. Сурицу. 26 июля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 1. Л. 46.

что ему удалось узнать из частных бесед с неназванными источниками. «Официальные советские круги очень озабочены этими событиями, особенно в отношении их возможных международных последствий. Победа "фашистов" вызвала бы у них беспокойство за Францию, оказавшуюся в окружении трех диктатур». Симпатии Советского Союза были на стороне Мадрида, но существовали также и опасения, что ситуация может выйти из-под контроля, если массы вооружатся и организуют Советы. «Советское правительство, — продолжал Пайяр, — осознает, что такая ситуация может нанести ущерб его репутации в Европе, предоставив дополнительные аргументы сторонникам антикоммунистического крестового похода, поддерживаемого Германией»[1]. 3 августа в Советском Союзе прошли народные демонстрации; среди рабочих были организованы сборы средств в помощь делу республиканцев. Пайяр сообщил, что на Красной площади собрались 120 тысяч рабочих, чтобы выразить поддержку республиканскому правительству Испании и выступить против «фашистского» государственного переворота. Это было признаком, добавил он, того, что советское правительство утрачивает свою сдержанность в отношении событий в Испании[2]. Пайяр заключил слово «фашистский» в кавычки, по-видимому, чтобы указать, что именно так высказывались в Советском Союзе. Таким образом, Советский Союз отказался от разграничения, которое проводил до недавнего времени, сосредоточившись на нацистской Германии и при этом оставляя для Италии место в антинацистском союзе. 4 августа Крестинский отметил, что немцы развернули яростную кампанию в прессе против Советского Союза в связи «с событиями в Испании»[3]. На следующий день Пайяр направил в НКИД ноту с предложением соглашения о невмешательстве между ведущими державами. Советское правительство быстро согласилось на это предложение, по словам Крестинского, потому что было бы трудно снабжать республиканцев из-за больших расстояний, а также потому, что Италия и Германия продолжали бы поддерживать «помощь повстанцам». «Мы не можем не дать положительный, или уклончивый ответ, — писал Крестинский Сталину, — потому что это будет использовано немцами и итальянцами, которые этим нашим ответом будут оправдывать свою дальнейшую помощь повстанцам. Поэтому я предлагаю принять французское предложение... Но с другой стороны,

---

[1] Payart. Nos. 327–328. 1 Aug. 1936 // MAE, Bureau du chiffre, telegrammes, a l'arrivee de Moscou, 1936.

[2] Payart. Nos. 330–331. 4 Aug. 1936 // MAE, Bureau du chiffre, telegrammes, à l'arrivée de Moscou, 1936.

[3] Н. Н. Крестинский — Я. З. Сурицу. 4 августа 1936 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 1. Л. 53–52. (В некоторых фондах АВПРФ нумерация страниц выполнена в обратном порядке, то есть сначала указывается последний номер.)

мы не должны позволить себе думать, что мы связаны [французским предложением], а немцы и итальянцы будут продолжать помогать мятежникам. Поэтому я предлагаю обусловить наше согласие немедленным и фактическим присоединением к соглашению всех государств, к которым обратилась Франция, то есть, в первую голову, Италии, Германии и Португалии».

Далее Крестинский добавлял: «Я считаю необходимым в какой-либо форме подчеркнуть, что оказание помощи законному испанскому правительству и поддержка мятежников — не одно и то же. Первое есть законное допускаемое народным правом действие, а второе — безусловно противоречит наличию нормальных отношений между испанским правительством и правительствами Германии и Италии.

Но эту мысль я пытаюсь сформулировать так, чтобы из нашего ответа не вытекало, что если Германия и Италия будут продолжать помогать мятежникам, то мы непременно окажем помощь испанскому правительству»[1].

На тот момент, 5 августа, Политбюро еще не приняло решения о помощи Мадриду.

Олимпийские игры в Берлине

В развернувшейся пропагандистской войне преимущество было на стороне нацистской Германии. 1 августа в Берлине стартовали Олимпийские игры. Правительство Германии, стремясь произвести впечатление и на самих немцев, и на гостей Олимпиады, потратило приличную сумму на строительство новых спортивных сооружений. Эта стратегия действительно сработала. За церемонией открытия игр на Новом стадионе, построенном специально по этому случаю, наблюдали 100 тысяч человек. Огромные толпы собрались и в центре города, чтобы посмотреть на шествие спортсменов. Повсюду виднелись красные нацистские флаги. Гитлер лично выступил на церемонии открытия игр. Берлинские отели были заполнены богатыми иностранными туристами. Значительный контингент британских гостей включал выдающихся представителей прессы, в числе которых был лорд Бивербрук. Приехал и Ванситтарт со своей супругой Саритой. Британская элита была весьма впечатлена мощью и великолепием нацистской Германии. В течение двух недель нацистское правительство выкладывалось по полной программе. Устраивались пышные

[1] Запись беседы Х. С. Вейнберга с Ж. Пайяром. 5 августа 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 115. Д. 4. Л. 20. Опубл.: ДВП. Т. XIX. С. 392–393; Н. Н. Крестинский — И. В. Сталину. 5 августа 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 115. Д. 4. Л. 11–12.

вечеринки и банкеты. В модных ночных клубах, барах и шикарных ресторанах было не протолкнуться от посетителей. Туристы ночи напролет танцевали под музыку биг-бендов. «Ослепительно» — это слово можно было нередко услышать, когда речь заходила об играх в Берлине; британские лорды и леди были «ослеплены» — даже чета Ванситтартов, казалось, была под впечатлением. На некоторое время об отвратительном лице нацизма все позабыли. Ощущение было почти такое, словно все вернулись в прошлое, в космополитичный Берлин 1920-х годов. Почти, но не совсем. Олимпийские игры были воплощением показного блеска, и после церемонии закрытия 16 августа о них быстро забыли. У тех, кто был на переднем крае Гражданской войны в Испании, не было времени на Олимпийские игры, да и в Берлине все тоже очень скоро вернулись к обычному образу жизни. Впрочем, воспоминания американской и британской элиты, впечатленной бесчисленными красными нацистскими флагами и толпами богатых иностранных туристов, рассеялись не так быстро. Американский журналист Уильям Ширер отмечал в своем дневнике, что с этими людьми нельзя было говорить о реалиях нацизма: они просто отмахивались от таких разговоров[1].

«Будущая мировая война»

Берлинская Олимпиада затмила массовые демонстрации на Красной площади и в других городах СССР. Полагаю, на Западе мало кто слышал о демонстрациях советских рабочих или сборе денег в помощь испанскому антифашистскому движению. Тем временем в НКИД все внимание было приковано к Испании. Крестинский следующим образом объяснил советскую позицию Борису Ефимовичу Штейну, полпреду в Риме. Италия уже поставляет Франко военные самолеты. В условиях все более обостряющейся международной ситуации начали определяться две стороны в том, что Крестинский назвал «будущей мировой войной». Муссолини утратил гибкость, которую проявлял ранее, стараясь поддерживать хотя бы видимость корректных отношений с Советским Союзом, а итальянская пресса «все более и более» перенимает «гитлеровские приемы по отношению к нам». Таким образом, из списка потенциальных союзников СССР выпало самое слабое звено. И это была не единственная плохая новость. По словам Крестинского, Франция обратилась к Советскому Союзу с предложениями о невмешательстве только после консультаций с Великобританией и Италией, в то время как британцы в своем ответе даже не упомянули

[1] *Shirer W. L.* Berlin Diary: The Journal of a Foreign Correspondent, 1934–1941. New York: Knopf, 1941. P. 65–66 (entry of 16 Aug. 1936).

СССР[1]. Игнорирование Москвы превратилось в характерную черту англо-французской дипломатии. Все эти жесты не остались незамеченными. Крестинский направил Майскому в Лондон указание занять решительную позицию, если британское правительство будет высказывать возражения против проходящих в Советском Союзе народных митингов и сбора денег для Испании[2].

В августе в советской политике произошли неожиданные изменения. 9 августа Крестинский написал Сталину о поставках в Испанию. Испанское правительство хотело привлечь в качестве посредника какую-нибудь советскую компанию. Крестинскому эта идея не нравилась, потому что советское правительство в этом случае не знало бы, с кем оно имеет дело — с честными партнерами или какими-нибудь контрабандистами. Более того, советская фирма могла отпугнуть поставщиков. Поэтому Крестинский рекомендовал испанскому правительству работать через компанию в Мексике или другой латиноамериканской стране. «Кроме того, при общей южноамериканской продажности, — цинично добавлял Крестинский, — любой консул или военный атташе маленькой американской республики согласится за некоторое вознаграждение предоставить фирму своего государства». Советское посольство в Париже могло бы помочь испанским республиканцам организовать закупки без привлечения советской компании[3]. В то же время Крестинский снова уличил французов в вероломстве. Они были намерены отклонить внесенные Советским Союзом поправки к соглашению о невмешательстве, утверждая, что эти поправки приведут к срыву соглашения. Позиция французов была совершенно бескомпромиссной. Крестинский даже из прессы знал о том, что другие стороны соглашения уже внесли свои поправки. Почему же, спрашивал себя Крестинский, французы должны выделять нас, проявляя по отношению к нам такую неуступчивость? Он обратился к Сталину с предложением, чтобы советская сторона приняла жесткую позицию Франции только в том случае, если таковая будет применена ко всем остальным сторонам соглашения. «Поскольку же, как мы знаем, дело обстоит не так, — добавил Крестинский, — мы считаем, что у нас нет в настоящий момент оснований пересматривать свое отноше-

---

[1] Н. Н. Крестинский — Б. Е. Штейну. 7 августа 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 394–396.

[2] Н. Н. Крестинский — И. М. Майскому. 7 августа 1936 г. // Там же. С. 393–394. См. также: *Roberts G.* Soviet Foreign Policy and the Spanish Civil War, 1936–1939 // Spain in an International Context / C. Leitz, ed. London: Berghahn, 1999. P. 81–103.

[3] Н. Н. Крестинский — И. М. Майскому. 9 августа 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 115. Д. 4. Л. 25–26. Копии отправлены К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу, Г. К. Орджоникидзе, В. Я. Чубарю.

ние к вводной части французского проекта»[1]. Сталин наверняка оценил эту рекомендацию, чего нельзя сказать о Литвинове, который, вернувшись в Москву из отпуска, сразу вмешался в обсуждение этого вопроса и заручился согласием Сталина одобрить французский проект соглашения о невмешательстве с компромиссным решением по формулировке. Задержка с подписанием, по словам Литвинова, просто облегчила некоторым государствам — Германии, Италии и Португалии — снабжение мятежников оружием. «За» — написал Сталин на докладной записке Литвинова; остальные члены Политбюро тоже ее подписали[2]. Пайяр доложил в Париж об этой дискуссии, но, похоже, несколько преувеличил ее значение. Он счел, что произошел конфликт между Сталиным и его оппозицией, хотя на самом деле имели место всего лишь тактические разногласия между Крестинским и Литвиновым[3]. Сталин в отсутствие Литвинова принял совет Крестинского, а затем, после возвращения наркома, поменял свое решение на его точку зрения.

17 августа, пока Литвинов все еще отсутствовал, Политбюро одобрило продажу нефти республиканскому правительству на льготных условиях[4]. 28 августа Португалия выразила согласие с текстом, представленным Францией, что означало вступление соглашения в силу. Франция предложила создать в Лондоне комитет послов, чтобы контролировать применение соглашения. Литвинов рекомендовал запретить экспорт оружия в Испанию и одобрить участие СССР в Лондонском комитете по невмешательству, а Политбюро утвердило соответствующий приказ[5].

29 августа Литвинов встретился с послом Германии графом Фридрихом-Вернером фон дер Шуленбургом. Это была ничем не примечательная беседа. Шуленбург попросил о встрече, чтобы выразить протест против

---

[1] Н. Н. Крестинский — И. В. Сталину. 14 августа 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 115. Д. 4. Л. 27–29. Копии отправлены К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу, Г. К. Орджоникидзе, В. Я. Чубарю.

[2] М. М. Литвинов — Л. М. Кагановичу. 22 августа 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 160–162. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Г. К. Орджоникидзе, В. Я. Чубарю. Экземпляр Сталина см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 563. Л. 91–93. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[3] Payart. Nos. 382–383. 3 Sept. 1936 // DDF. 2e. Vol. III. P. 338.

[4] Выдержка из протокола Политбюро № 42. 17 августа 1936 г. // Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки», 1923–1939... С. 340.

[5] М. М. Литвинов — Л. М. Кагановичу. 29 августа 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 169. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Г. К. Орджоникидзе, В. Я. Чубарю; Протокол Политбюро № 42. 29 августа 1936 г. // Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки», 1923–1939... С. 340–341.

статьи в «Известиях» и по поводу испаноязычных передач Московского радио. О значимости Московского радио говорили довольно долго. Литвинов отвечал в привычной для него остроумной манере, позволяющей предположить, что он наслаждался этой словесной дуэлью. «Литвинов далее пояснил, что любая советская пропаганда против Германии в отношении дел Испании является всего лишь ответом на немецкую пропаганду, которая постоянно стремится возложить ответственность за события в Испании на Советский Союз». Шуленбург, разумеется, «решительно опроверг это утверждение».

Согласно докладу Шуленбурга, Литвинов ответил, что «советское правительство сожалеет о продолжающейся пропагандистской войне между Германией и Советским Союзом и что оно меньше всего желает ухудшения... отношений... Он может заверить нас, что советская пропаганда немедленно прекратится, если Германия прекратит постоянные нападки на Советский Союз». Хотел ли Литвинов таким образом предоставить Шуленбургу благоприятную возможность для развития отношений? Нет, это был всего лишь словесный поединок, пронизанный обычным для Литвинова сарказмом. В общении Литвинова с его немецкими коллегами так было всегда — оно представляло собой взаимный обмен колкостями[1].

2 сентября Литвинов сообщил советскому поверенному в делах в Лондоне, что советское правительство намерено сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать поставкам оружия «испанским мятежникам», с установлением «строгого контроля» над такими странами, как Германия, Италия и Португалия[2]. Это означало, что Советский Союз собирается поддерживать Республику, не оспаривая при этом англо-французскую позицию по невмешательству.

Литвинов пишет Сталину

Начало Гражданской войны в Испании и в особенности отставка Титулеску ознаменовали начало конца советской политики по созданию антигерманского союза. Тем не менее Литвинов не отказался от взаимопомощи окончательно. Для него это был единственный выход, но читателям не стоит забывать, что коллективная безопасность не могла работать в Европе, разделенной на правых и левых, равно как не могла работать и оставаясь политикой исключительно левых.

---

[1] Schulenburg. No. 121. 29 Aug. 1936 // Documents on German Foreign Policy (hereinafter: DGFP). Series D, 13 vols. London, Paris, and Washington, DC: Government Printing Office, 1949–1956. Vol. III. P. 62–63.

[2] М. М. Литвинов — С. Б. Кагану. 2 сентября 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 418.

7 сентября Литвинов направил Сталину важную докладную записку, в которой выступал за возобновление усилий по укреплению договоренностей Советского Союза с Францией и Чехословакией. Ее стоит процитировать подробно. Начал Литвинов с Чехословакии. «Я уже говорил Вам устно о распространении капитулянтских настроений в дружественных нам странах, включая даже Чехословакию.

Ту же опасность сигнализирует нам наш полпред тов. Александровский, записки которого Вам были посланы в мое отсутствие тов. Крестинским. Подтверждение наличия подобных настроений в Чехословакии я получил из разных других источников. Чехи, зараженные подобными настроениями, рассуждают приблизительно следующим образом: Германия уже в настоящее время в военном отношении значительно сильнее Чехословакии. Ее мощь растет. Одна Чехословакия ей противостоять не сможет. Помощь союзной Франции будет чрезвычайно замедлена укреплением Рейнской зоны. Размеры помощи СССР неизвестны. При таких обстоятельствах Чехословакии благоразумнее будет отдаться на милость Германии, понеся даже значительные национальные жертвы. Посетивший меня на днях консервативный член анг[лийского] парламента говорил мне, со слов чехословацкого посланника в Лондоне, что немцы сулят Чехословакии выгодный торговый договор, который должен дать выход промышленной продукции Чехословакии на германский рынок взамен соглашения касательно немецкой Богемии. Такое соглашение, которое мыслится в форме автономии для Богемии или даже плебисците, находит одобрение в некоторых кругах Чехословакии. Нечего говорить о том, что любое политическое соглашение означает полное подчинение Чехословакии Германии, дальнейшее проникновение последней на Балканы и в Румынию».

Но и это было еще не все. Литвинов выкладывал Сталину все как есть.

«По мнению тов. Александровского, с которым я вполне согласен, возникновению капитулянтских настроений как во Франции, так и в Чехословакии содействует, если можно так выразиться, недейственность франко-советского и чехословацко-советского пактов о взаимной помощи. За подобными пактами, как за союзными договорами, обыкновенно следуют военные соглашения и конвенции о реализации этих пактов. Между тем до сих пор никаких разговоров на подобные темы не было между нами, французами и чехословаками. Если французские военные, следуя в свое время директивам Лаваля, не проявляли никакой инициативы для разговоров с нашими военными, то этого нельзя сказать про Чехословакию. Со стороны последних были попытки вступить в переговоры, от которых наши военные уклонялись, несмотря на то, что для этого представлялись удобные случаи как во время пребывания в СССР на киевских маневрах

чехословацкой военной миссии, так и при посещении Праги и встречах с начальником военного штаба т.т. Егорова и Алксниса».

С учетом сказанного, Литвинов рекомендовал следующее: 1) проконсультироваться с председателем Совета министров, социалистом Блюмом, чтобы определить позицию французского правительства по штабным переговорам и, в зависимости от его ответа, внести соответствующее предложение; 2) сообщить чехословацкому правительству о готовности Штаба Красной армии сначала встретиться с чехословацкими коллегами для соответствующих переговоров, а затем вместе с ними привлечь французов; и 3) предложить помощь наркома Ворошилова в подготовке к этим встречам, разработав различные варианты взаимопомощи. Литвинов также предложил обратиться к туркам для переговоров по укреплению двусторонних отношений и привлечь к этим обсуждениям французов.

Далее Литвинов подытоживал ситуацию в Европе, которая двигалась в направлении Германии. «Напористость германской внешней политики и колоссальный рост ее вооружений отпугивает многие государства от заключения оборонительных союзов или пактов о взаимной помощи, вызывая сомнения в эффективности подобных пактов, а главным образом в том, чтобы они могли удержать Германию от военного выступления». Затем нарком поинтересовался: «Не наступил ли момент для поднятия вопроса об едином крупном оборонительном блоке? Я имею в виду, если можно так выразиться, консолидацию существующих в Европе разрозненных пактов и союзов, направленных против Германии и других ревизионистских стран. Общий пакт о взаимной помощи против любого агрессора, который охватывал бы СССР, Францию, Чехословакию, Румынию, Югославию, Турцию — страны с общим населением около 275 миллионов человек, — мог бы побудить Германию образумиться и изменить свою политику. Такой внушительный блок несомненно сгруппировал бы вокруг себя ряд мелких стран. Вряд ли решилась бы выступать против такого блока Польша, и Германия могла бы рассчитывать только на союз с одной Венгрией. Намеченный блок внушал бы уважение также Англии и Италии, которые, тогда сочувствовали бы его цели укрощения Германии. Я знаю из бесед с Полем-Бонкуром, что его мысль так же работает в направлении подобной комбинации. С другой стороны, не подлежит ни малейшему сомнению, что усилия Гитлера направлены к созданию противоположного блока, противопоставляющего СССР, или, по крайней мере, изолирующего его. *Шансы на осуществление такого блока значительно увеличились за последнее время* [курсив мой. — *М. К.*]».

Это последнее замечание, несомненно, относилось к событиям в Испании, но также и в Восточной Европе, особенно к падению Титулеску.

Литвинов просил у Сталина дальнейших указаний[1]. Литвинов предельно ясно изложил свой взгляд на ситуацию в Европе и на то, что с ней следует делать. Трагедия в том, что если внимательно присмотреться к ситуации в сентябре 1936 года, то можно сказать, что сам Советский Союз уже был в значительной степени изолирован. Лаваль погасил импульс к сближению Франции с Москвой; в Лондоне то же самое сделал Иден. Что касается Чехословакии, на Бенеша нельзя было надеяться в плане проведения твердой политики. В Румынии только что потерял свою должность Титулеску. Югославия уже склонялась в сторону Германии. Польша никогда не была серьезным вариантом в качестве союзника. С началом Гражданской войны в Испании растаяли последние надежды удержать на своей стороне Муссолини. По ту сторону Атлантики надеяться тоже было не на что: Государственный департамент уже давно свел на нет советско-американское сближение. Где было СССР искать союзника в Европе? Чехословакия и Румыния не вступили бы в военные действия без Франции, Франция не вступила бы без Великобритании, а последняя вообще бы этого не сделала. Не было *никого*, кто присоединился бы к антинацистской коалиции, возглавляемой Советским Союзом.

Секретарь ЦК и член Политбюро ЦК ВКП(б) Лазарь Каганович пренебрежительно отнесся к сентябрьской информационной записке Литвинова, хотя и отправил ее Сталину, который все еще находился в отпуске в Сочи. «Против предложения т. Литвинова *не* [курсив в оригинале. — *М. К.*] возражаю», — нацарапал Сталин красным карандашом на листке с перечнем предложений наркома[2]. Советская политика по-прежнему крутилась вокруг взаимопомощи, несмотря на удручающие обстоятельства. Политбюро сразу же одобрило предложенные инициативы 20 сентября, хотя и в предельно простой формулировке. В протоколе говорилось об «Сообщить т. Литвинову об отсутствии возражений против его предложений [изложенных в записке от 7 сентября № 3693. — *М. К.*]»[3]. Это означало, что не было возражений со стороны Сталина. И это было главное.

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 7 сентября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 193–196.

[2] Л. М. Каганович — И. В. Сталину. 14 сентября 1936 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 676–678; рукописный ответ И. В. Сталина на записке М. М. Литвинова. 20 сентября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 564. Л. 116–120. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[3] Выдержка из протокола Политбюро № 43. 20 сентября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 78.

Сталин против «удушения Испанской Республики»

Отсутствие оппозиции можно было бы объяснить тем, что Сталин поневоле предвосхитил рекомендации Литвинова. 6 сентября, за день до того, как Литвинов отправил их, Сталин в телеграмме Кагановичу предложил продать Мексике бомбардировщики, винтовки и боеприпасы для перепродажи в Испанию, что отражало предложение Крестинского использовать Мексику в качестве посредника. Сталин также предложил направить «20 наших хороших летчиков» для участия в боевых действиях и в качестве инструкторов. «Обдумайте это дело побыстрее», — сказал он Кагановичу, но на самом деле имел в виду, что нужно действовать[1]. По словам Кагановича, Сталин не хотел содействовать подлому делу удушения Испанской Республики; напротив, он хотел помочь Испанской Республике задушить фашистов[2]. Посол Германии Шуленбург сообщил, что советское правительство «почувствовало необходимость “что-то предпринять”» из-за давления со стороны иностранных коммунистов, потрясенных мыслью, что Москва оставит «испанский пролетариат на произвол судьбы»[3].

Военные действия в Испании разворачивались не лучшим образом для мадридского правительства. В сентябре Коминтерн начал формировать интернациональные бригады для участия в борьбе с фашистами. 4 октября в Испанию прибыли первые партии советского оружия — танков, боевых самолетов, орудий, а также военные советники и пилоты. Новые поставки также уже были в пути. В тот же день Крестинский направил в Лондон инструкции по ужесточению советской позиции в отношении Комитета по невмешательству. Французское и британское правительства не хотят помогать Испанской Республике, указывал Крестинский, и используют Комитет по невмешательству как законный предлог для бездействия. Мадридское правительство нуждается в оружии и просит его предоставить. Следовательно, принятие дальнейших «обязательств о невмешательстве» только повредит интересам Испанской республиканской партии[4].

5 октября Литвинов в Женеве встретился с Блюмом, чтобы обсудить ситуацию в Европе в целом. Это был первый шаг к реализации его стратегии по созданию большой коалиции против нацистской Германии. Ситуа-

---

[1] И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу. 6 сентября 1936 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 666.

[2] Л. М. Каганович — Г. К. Орджоникидзе. 12 октября 1936 г. // Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / сост. О. В. Хлевнюк и др. М.: AIRO-XX, 1995. С. 150–152.

[3] Schulenburg to the German foreign ministry. 12 Oct. 1936 // DGFP, series D. Vol. III. P. 108–110.

[4] Н. Н. Крестинский — С. Б. Кагану. 4 октября. 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 459–460.

ция была печальной, и задача перед наркомом стояла непростая. Литвинов критиковал политику Франции в отношении Испании. Блюм согласился с комментариями Литвинова, но сказал, что поведение правительства было вызвано главным образом «опасением внутреннего кризиса» во Франции[1]. Пока Литвинов был за границей, он был не в состоянии контролировать советскую политику или влиять на нее. Летом и ранней осенью он часто уезжал из Москвы. В такие моменты советская политика приобретала собственную динамику под влиянием нескольких источников: Крестинского, Кагановича, Молотова и Сталина. Вячеслав Михайлович Молотов был правой рукой и ближайшим соратником Сталина.

7 октября в соответствии с полученными из Москвы инструкциями временный поверенный в делах СССР в Лондоне Самуил Бенцианович Каган уведомил Комитет по невмешательству в испанские дела, что ввиду нарушений соглашения о невмешательстве Германией, Италией и Португалией Советский Союз будет считать себя свободным от каких-либо обязательств, если нарушения не прекратятся. Таким образом, Комитет по невмешательству стал ареной советских усилий по предотвращению поддержки Франко фашистами. Тем временем слова Сталина уже получили подтверждение в виде советского оружия и военных советников, и как раз вовремя, поскольку в начале октября Франко начал наступление на Мадрид. Его войска быстро продвигались вперед, и казалось, что республиканское правительство вот-вот рухнет[2].

Советское руководство столкнулось с давлением из-за рубежа, имевшим целью добиться поддержки республиканцев. 7 октября пришла телеграмма от бельгийских социалистов. «Мятежный генерал Франко получил большое количество военных ресурсов германского и итальянского происхождения». В таких обстоятельствах «нейтралитет является косвенной поддержкой мятежников». Бельгийские социалисты призвали Сталина отказаться от нейтралитета и отправить военную технику законному испанскому правительству в Мадриде. В телеграмме, переведенной на русский язык и направленной Сталину, фактически резюмировалась позиция, занятая советским правительством[3].

---

[1] М. М. Литвинов — в НКИД. 5 октября 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 461–462.

[2] Л. М. Каганович — Г. К. Орджоникидзе. 30 сентября 1936 г. // Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 148–149; *Beevor A.* The Battle for Spain. New York: Penguin, 2006. P. 166–167.

[3] А Деблок и И. Дельвинь [секретари Генерального совета Рабочей партии Бельгии] — И. В. Сталину. 7 октября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 95. Л. 36, 34. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147; см. также: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 695.

В тот же день Литвинов позвонил Крестинскому из Женевы: «Из вчерашнего телефонного разговора с тов. Литвиновым видно, что ему не совсем ясны мотивы заявления тов. Кагана и цель, которую мы преследовали ускорением опубликования этого заявления» в Лондоне и цель ее столь быстрого обнародования. Крестинский написал Сталину, что не может объяснить ситуацию Литвинову по телефону. Это было очевидно, потому что телефонный разговор мог быть подслушан. На следующий день, 8 октября, Крестинский подготовил для утверждения Сталиным проект совершенно секретного документа, в котором обстоятельства разъяснялись Литвинову и товарищам в Лондоне и Париже. В нем говорилось следующее: «Сообщаю Вам соображения, по которым мы поручили тов. Кагану сделать его вчерашнее заявление.

1. Нынешнее положение, при котором фашистские государства беспрепятственно снабжают оружием испанских мятежников, а государства, сочувствующие мадридскому правительству, связаны соглашением о невмешательстве, ведет к неизбежному поражению законного испанского правительства, несмотря на то, что на его стороне подавляющее большинство населения Испании.

2. Мы убеждены, что ни Англия, ни Франция не захотят и, во всяком случае, не смогут остановить вооружение мятежников Германией, Италией и Португалией.

3. Мы вполне согласны с точкой зрения испанского правительства, переданной Вами нам телеграмме от 1 октября № 18167.

4. Мы учитываем, что очень скоро наступит момент, когда и испанскому правительству и нам будет выгоднее констатировать срыв фашистами соглашения о невмешательстве, чем поддерживать фикцию сохранения этого соглашения»[1].

В тот же день Крестинский направил на утверждение Сталину дальнейшие рекомендации. Заседание Комитета по невмешательству было назначено на следующий день, 9 октября. Проблема заключалась в том, что военные поставки для Франко провозились через португальско-испанскую границу. Крестинский хотел предать эту ситуацию огласке и направить на границу комиссию по расследованию. «Основной целью тов. Кагана должно быть добиться от Комитета констатации нарушения договора о невмешательстве в пользу мятежников. Отклонение Комитетом этих предложений тов. Кагана даст нам возможность самим сделать необходимые выводы»[2].

---

[1] Н. Н. Крестинский — Л. М. Кагановичу. 8 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 115. Д. 4. Л. 99–100. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову.

[2] Н. Н. Крестинский — Л. М. Кагановичу. 8 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 115. Д. 4. Л. 101–102. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову.

Другими словами, советское правительство хотело привлечь всеобщее внимание к неэффективности политики невмешательства и нежеланию Франции и Великобритании обеспечивать ее соблюдение. По сути, советская политика заключалась в поддержке испанского правительства и раскрытии лицемерия Англии и Франции, готовых допустить, чтобы Мадрид оказался в руках фашистов.

9 октября в Лондоне в очередной раз собрался Комитет по невмешательству. Представитель Италии выступил против предложения Кагана сделать акцент на роли Португалии в снабжении войск Франко. Представитель Португалии покинул заседание в знак протеста против этого предложения, а председатель Комитета Айвор Виндзор-Клайв 2-й граф Плимутский затем заявил, что было бы неуместно обсуждать резолюцию Кагана без присутствия представителя Португалии. И это не случайно, ведь Португалия была давним союзником Великобритании. Каган выразил протест против использования процедурного пункта для блокирования обсуждения его резолюции. Французы отказались поддержать советскую позицию. Москва сделала из этого соответствующие выводы[1].

Каганович и Молотов направили Сталину рекомендацию о том, чтобы Комитет по невмешательству предпринял меры по прекращению поставок военной техники Франко через Португалию. Если являющиеся «минимальной и при том совершенно неотложной мерой» шаги не будут предприняты, то Комитет не заслуживает своего названия «а служит прикрытием для мятежников против законного испанского правительства». Поэтому следует немедленно созвать новое заседание для обсуждения советской резолюции. Сталин одобрил это предложение[2]. С Литвиновым, все еще находившимся за границей, не консультировались, как, собственно, и с Крестинским, и, следовательно, с НКИД. Каганович и Молотов не церемонились, чувствуя за собой поддержку Сталина.

Сталин не просто поддержал предложение Кагановича и Молотова, он подготовил для Политбюро проект резолюции, которая расставляла точки над «i» и не оставляла никаких сомнений относительно позиции советского правительства. Сталин отмечал, что попытки СССР положить конец нарушениям соглашения о невмешательстве не нашли поддержки в Комитете, как и предложение о контроле над португальскими портами. «Таким

---

[1] Основные моменты заседания Комитета по невмешательству в испанские дела в Лондоне 9 сентября 1936 г. (переслано И. В. Сталину 10 октября 1936 г.) // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 95. Л. 72–80. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] В. М. Молотов, Л. М. Каганович — И. В. Сталину. 11 октября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 95. Л. 85. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147; см. также: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. ... С. 698.

образом соглашение [о невмешательстве] превратилось в пустую, разорванную бумажку. Оно перестало фактически существовать. Не желая оставаться в положении людей, невольно способствующих несправедливому делу, правительство Советского Союза видит лишь один выход из создавшегося положения: вернуть правительству Испании права и возможности закупать оружие вне Испании, каковыми правами и возможностями пользуются теперь все правительства мира, а участникам соглашения — продавать или не продавать оружие Испании».

11 октября резолюция была, как и следовало ожидать, одобрена членами Политбюро и направлена Крестинскому[1]. 15 октября Сталин отправил Коммунистической партии Испании телеграмму, опубликованную в «Известиях». В телеграмме он выражал поддержку сопротивлению, которую Испания оказывала «фашистским реакционерам». Дело Испании, по его словам, было также делом «всего передового и прогрессивного человечества»[2]. В Лондоне и Париже с этим были согласны далеко не все.

Граф Плимутский, парламентский унтер-секретарь по иностранным делам, который в конечном итоге возглавил Комитет по невмешательству, намеренно откладывал его созыв для рассмотрения советского предложения о контроле над португальскими портами. Крестинский отреагировал на это еще одной информационной запиской для Сталина, в которой рекомендовал Потёмкину в Париже и Майскому (Ивану Михайловичу Ляховецкому), советскому полпреду в Лондоне, оказать давление по этому вопросу. Им предлагалось говорить, «что мы настаиваем на немедленном созыве Комитета и что отказ от заседания Комитета мы будем рассматривать как доказательство нежелания анг[лийского] и франц[узского] правительств принять эффективные меры к прекращению незаконного снабжения мятежников оружием. Эти заявления должны быть сделаны устно, без вручения каких-либо нот. Мы не будем немедленно сообщать в печать об этих демаршах. Но мы сошлемся на них тогда, когда будем выступать с нашим последним заявлением»[3].

---

[1] И. В. Сталин — В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу. 11 октября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 95. Л. 89, 90–94. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147; см. также: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 699–700; Выдержка из протокола Политбюро № 43/439. 11 октября 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 565. Л. 122–122. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] И. В. Сталин — Х. Диасу [секретарь Коммунистической партии Испании]. 15 октября 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 486.

[3] Н. Н. Крестинский — Л. М. Кагановичу. 15 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 115. Д. 4. Л. 140. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Г. К. Орджоникидзе.

В Париже считали, что Мадриду не выстоять. Леже, как и многие другие в МИД Франции, только приветствовал такое развитие событий. Он был обеспокоен «психологическими недостатками сближения с русским коммунизмом [и] заговором, который в настоящее время распространяется на все страны». Таково было воздействие Гражданской войны в Испании на представителей европейской элиты. «В ближайшие 15 дней состоится решающее противостояние, — писал Леже вице-начальнику Генерального штаба Франции генералу Виктору-Анри Швайсгуту, имея в виду предстоящую битву за Мадрид. — Если советский посол, поселившийся в отеле “Палас” в Мадриде, будет вынужден освободить помещение, это будет означать, что большевистская волна начала откатываться назад. Советы сделают все, чтобы избежать такого конца. Они уже сбросили бомбу, предложив разорвать пакт о невмешательстве, чего французская дипломатия попытается избежать»[1].

Очевидно, советский демарш 7 октября привлек внимание французского правительства. Более того, Дельбос и все служащие МИД были «вне себя». Советская сторона фактически бросила им вызов, препятствуя осуществлению намерений Англии и Франции обеспечить Франко легкую победу в Испании. По словам Евгения Владимировича Гиршфельда, временного поверенного СССР в делах во Франции, Дельбос, его служащие и «большинство правительства» считали, что советская декларация направлена в основном против них. На самом деле, так оно и было. Набережная Орсе «считает... что демарш этот, в первую очередь, направлен против французского правительства. МИД склонен связывать наш демарш с известным охлаждением франко-советских отношений и нежеланием франц[узского] пра[вительства] предпринимать что-либо в отношении коллективной безопасности в Центральной и Восточной Европе до Локарнской конференции». Конечно, никто особо не верил в то, что Гитлер согласится на какое-либо европейское урегулирование; шансы на это были ничтожны. Дельбос и Блюм считали, что советское заявление осложнило положение французского правительства. Социалистические партии за рубежом, особенно в Англии и Бельгии, требовали пересмотра политики невмешательства, но «Дельбос опасается резкой реакции Германии, — передавал Гиршфельд, — считая, в связи с этим, что вновь усиливается возможность войны».

В этом и заключалась проблема — французские лидеры всегда «опасаются» *чего-то*, что могло произойти, а могло и не произойти. Им — во вся-

---

[1] Compte rendu du général Schweisguth sur un entretien avec M. Leger. 9 Oct. 1936 // SHAT 7N 3143; *Meltz R.* Alexis Léger dit Saint-John Perse. Paris: Flammarion, 2008. P. 476–477.

ком случае, большинству из них — требовалось набраться храбрости, но, конечно, они этого так и не сделали. «Леже, по словам видевших его на днях собеседников, буквально “взбешен” — сообщал Гиршфельд. — Он заявил будто бы, что дипломатическое сотрудничество с нами, как это показал пример нашего демарша в комитете по “невмешательству”, “невозможно”, ибо всегда можно ожидать каких-либо “неожиданностей”. Леже считает, что то, что мы сделали, можно было облечь в другую форму и, таким образом, избежать больших осложнений». Да, но какой был бы в этом прок, могли спросить на это Сталин или Крестинский. «Леже считает, что СССР своим демаршем обостряет внутреннеполитическую борьбу в Англии и Франции. По его мнению, этот демарш вызван также и внутриполитическими соображениями СССР, т. е. этим хотели дать удовлетворение “экстремистским” элементам компартии».

Леже не исключал будущего сотрудничества с СССР, но оно должно было осуществляться на какой-то «новой базе». Как и большинство его коллег, Леже считал, что Советский Союз должен подстраиваться под требования Великобритании и Франции. Спасение республиканской Испании так или иначе мешало «внутриполитической борьбе» в Англии и Франции.

Гиршфельд беседовал со многими людьми из французского МИД. Анри Ложье, глава кабинета Дельбоса, «указал мне, что лично он (“как Ложье, а не представитель МИД”) относится с симпатией к нашему предложению, но что МИД в целом весьма озабочен и раздражен нашей акцией, считая ее направленной против французского правительства и рассчитанной на усиление “коминтерновских элементов” в различных странах, в первую очередь, во Франции и Англии.

Ложье считает, что наше выступление может повредить франко-советскому пакту, реализация которого возможна лишь при уверенности широких масс в том, что этот пакт является действительным инструментом мира, а не, наоборот, ускоряет приближение вооруженного конфликта. Он указал при этом, что такого рода акция, с нашей стороны, неизбежно связывается с приписываемой нам политикой «вмешательства» во внутренние дела других стран, в первую очередь Франции. При этом он упомянул предполагаемые массовые выступления коммунистов в Эльзас-Лотарингии, которые неизбежно должны вызвать беспорядки ввиду особого положения этих провинций. Таким образом, создается опасность, что широкое общественное мнение припишет СССР стремление обострять конфликты как внутри Франции, так и по линии внешнеполитической».

Гиршфельд также разговаривал с министром авиации Пьером Котом, который занимал несколько иную позицию, но это было исключение из правила. «Он прямо заявил мне, что считает, что иначе поступить нельзя

было ввиду наглого нарушения Германией, Италией и Португалией соглашения о невмешательств». И все же даже Кот проявлял некоторую нерешительность. Антисоветская пропаганда «чрезвычайно усилилась», сказал он, и используется различными противниками советско-французского сотрудничества как «доказательства» того, что советско-французский пакт ведет Францию к «гибели». Дельбос, Блюм и Эррио также пребывают в нерешительности. Правоцентристские сторонники франко-советского сотрудничества «прямо говорят о том, что необходимо “оторвать” франко-советский пакт от французской внутренней политики». Это означает создание правительственного большинства без участия французских коммунистов или даже роспуск партии. По их словам, если этого не сделать, советско-французские отношения развалятся, сыграв на руку Гитлеру и предоставив ему свободу действий как в Восточной, так и в Западной Европе, а Малая Антанта и Польша отойдут от Франции. Наконец, прогермански настроенный Даладье якобы «усиленно строит козни против Блюма в контакте с Лавалем»[1]. По сути, в Центральной и Восточной Европе отход от Франции начался уже после мартовского Рейнского кризиса, если не раньше. В Париже, похоже, этого не понимали. Очевидно было также, что полякам доверять нельзя. В кризисной ситуации слабость сразу бросается в глаза, и никому не нужен робкий союзник, готовый воспользоваться любой лазейкой, чтобы избежать ответственности.

Аналогичное предупреждение НКИД получил от полпреда в Лондоне Майского. Первая строка его телеграммы гласила: «Британское правительство явно раздражено против нас в связи с нашими последними выступлениями по испанским делам, но пока не хочет открыто нас атаковать». Майский ссылался на недавнюю речь Идена, которая была явно направлена против советской политики в Испании, хотя СССР в ней прямо не упоминался. Он писал, что британское правительство продолжит свою политику «невмешательства». Одна британская газета сообщала, что на последнем заседании Кабинета министров высказывались мнения о том, что шансы на переговоры с нацистской Германией (то есть на новую конференцию в Локарно) «быстро падают» и что в этом во многом виноват СССР[2]. Французская и британская правящие элиты смотрели на советских дипломатов как на выскочек, готовых идти на поводу у Испании. По большому счету, они также ожидали, что СССР станет «как другие страны» и откажется от большевизма. Они думали, что именно это собирается делать Сталин, и им было трудно проглотить то, что выглядело как вызов

---

[1] Е. В. Гиршфельд — Н. Н. Крестинскому. 11 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 77. Д. 113. Л. 144–136.

[2] И. М. Майский — в НКИД. 15 октября 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 486–487.

со стороны Советского Союза. Собственно говоря, это и был вызов. Сталин с таким же успехом мог спросить, готовы ли Франция и Великобритания отказаться от капитализма, прекрасно зная при этом, каким будет их ответ. Покойный нарком Чичерин часто предлагал западным державам придерживаться принципа «живи и дай жить другим». Мы не просим вас отказаться от капитализма, так не просите нас отказаться от социализма[1].

Вернувшись в Москву, Литвинов приступает к решительным действиям

Вернувшись из Женевы в середине октября, Литвинов попытался успокоить французов, дав Потёмкину указание встретиться с Блюмом. «Разъясните ему, что мы не можем индифферентно относиться к тому, как Лондонский комитет, прячась за процедурные моменты, фактически попустительствует дальнейшему наступлению повстанцев благодаря беспрерывно получаемой военной помощи извне, и что мы не можем нести ответственность за последствия, чем и объясняются наши последние заявления Комитету. Цель Вашего разговора показать, что мы не игнорируем французское правительство и, в частности, лично Блюма»[2]. Неделю спустя, явившись на встречу с Блюмом, Потёмкин постарался выполнить инструкции Литвинова, но «об испанских делах», по словам Потёмкина, «Блюм предпочел не говорить»[3].

В то же время Литвинов попытался смягчить впечатление от резолюции Политбюро от 11 октября и агрессивной реакции Крестинского на затягивание переговоров в Лондоне. Он сообщил Сталину, что граф Плимутский на самом деле рассматривает возможность проведения заседания Комитета по невмешательству в ближайшие несколько дней. Сообщения в прессе указывали на то, что португальское правительство готово проявить определенную гибкость в отношении контроля над португальскими портами, если некоторые испанские порты также будут взяты под наблюдение. От предложения, санкционирующего такой контроль, было бы трудно отказаться. «Тем временем могут, однако, обнаружиться некоторые неприятные для нас факты». Неясно, что имел в виду Литвинов, но можно предположить, что под «фактами» подразумевалась советская военная техника, поставляемая республиканскому правительству. Иными словами, в прессу могла просочиться информация о поддержке Мадрида

---

[1] *Carley M. J.* Silent Conflict... P. 305.

[2] М. М. Литвинов — В. П. Потёмкину. 16 октября 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 487–488.

[3] В. П. Потёмкин — в НКИД. 23 октября 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 767–185.

Советским Союзом. Литвинов, возможно, также осторожно пожаловался на то, что с ним не консультировались и не держали в курсе того, что происходило в Москве, когда «четверка» — Сталин, Молотов, Каганович и Крестинский — ненадолго взяла в свои руки советскую внешнюю политику. В связи с этим Литвинов дал рекомендацию, которую стоит процитировать, поскольку она показывает, насколько проницательным он мог быть в общении со Сталиным. Его целью было попытаться смягчить советскую политику не потому, что он испытывал какие-либо симпатии к Франко или к политике Франции или Великобритании, а потому, что НКИД делал всё, чтобы спасти французскую «опору».

Еще одной важной проблемой, помимо Испании, были франко-советские штабные переговоры, история с которыми только начинала развиваться. Жесткая позиция в отношении Испании привела бы к отказу от этой цели и, следовательно, от укрепления взаимопомощи против нацистской Германии. Поэтому Литвинов попытался вернуть Сталина к более осторожному подходу: «Заключительная часть означенного заявления [Сталина 11 октября] может быть, однако, понята как новое наше предложение, по которому требуется еще решение Комитета или соответственных правительств и что мы пока считаем себя еще связанными декларацией о невмешательстве. Во избежание обвинения в нелояльности, в случае обнаружения некоторых фактов, я предложил бы добавить к заявлению следующий абзац: “Во всяком случае, советское правительство, не желая больше нести ответственность за создавшееся положение, явно несправедливо в отношении законного испанского правительства и испанского народа, вынуждено теперь же заявить, что в соответствии со своим заявлением от 7 октября оно не может считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из участников этого соглашения”. Такое добавление не взрывает еще Комитета, не ликвидирует полностью соглашения, но в то же время открывает лазейку для оправдания любых разоблачений. Если обстоятельства позволяют, было бы лучше послать это заявление еще до созыва Комитета».

В сталинской копии информационной записки Литвинова соответствующие абзацы отмечены карандашом, что означает, что Молотов (а также, возможно, Каганович) понял его основную мысль[1]. 23 октября Политбюро приняло слегка измененный вариант предложения Литвино-

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 21 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 216–217. Копии отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову. Экземпляр И. В. Сталина см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 95. Л. 136–137. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1936. URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

ва. Нарком предпринял попытку скорректировать курс советской политики, который немного сбился из-за вспышки гнева Сталина, вызванной политикой Франции и Великобритании в отношении Испании[1].

Тем временем в Париже…

Несколькими днями позже, 26 октября, когда уже казалось, что дни Мадрида сочтены, Леже вызвал Гиршфельда, чтобы предупредить его, что если Советский Союз продолжит придерживаться своего нынешнего курса, «это разногласие по важному вопросу политики вполне может повлиять на все будущее отношений между Францией и Россией и на судьбу франко-советского пакта». Леже не мог понять, зачем советскому правительству так рисковать, ведь его действия могут спровоцировать войну с Германией из-за Испании.

«У Сталина нет идеалов; он реалист и оппортунист, и он готов в течение нескольких лет сотрудничать с буржуазными правительствами Европы с целью избежать войны на этом континенте до тех пор, пока Россия снова не будет вооружена и не избавится от угрозы войны на Дальнем Востоке. Франция стремилась лишить Германию России, и, следовательно, пакт с Советским Союзом был заключен без каких-либо иллюзий у какой-либо из сторон».

Леже предположил, что Сталин чувствовал давление со стороны «идеологов русской революции» и что он поддался ему, но если верить словам Кагановича, Сталин сам взял инициативу в свои руки, игнорируя лицемерие англичан и французов, чтобы «помочь Испанской республике задушить фашистов». У Сталина *были* идеалы. Судя по словам Леже, как их передает временный поверенный в делах Великобритании в Париже, Гиршфельд прямо сказал, что «российское правительство теперь готово пойти на все, чтобы помочь мадридскому правительству. Оно пришло к выводу, что не может допустить, чтобы пролетарский режим в Испании был подавлен, и хотя, возможно, уже слишком поздно, собирается сделать все, что в его силах, чтобы дать ему возможность противостоять генералу Франко и предотвратить установление еще одного фашистского режима»[2].

---

[1] Проект резолюции Политбюро № P44/121 «О Лондонском комитете». 23 октября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 566. Л. 61. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... 1936. URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] N. Lloyd Thomas to Vansittart. 26 Oct. 1936. W14793/9549/41 // TNA FO 371 20583; Л. М. Каганович — Г. К. Орджоникидзе. 12 октября 1936 г. // Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 150–152.

Так получилось, что Гиршфельд и сам записал разговор с Леже, смысл которого заключался в том, что Леже скорее умолял, нежели угрожал советскому правительству. «Леже, по своей инициативе, затронул вопрос о нашей позиции в Лондонском комитете. Он весьма долго (больше получаса) говорил о том, насколько его "удручают" наши действия. В таком важнейшем вопросе, как испанский, впервые обнаруживает полное несовпадение между французской и советской позициями. Советская позиция не может не явиться ударом по Народному фронту и по правительству, а также по франко-советскому пакту. Многочисленные враги франко-советского сотрудничества используют этот аргумент, чтобы доказать всю "гибельность" франко-советского пакта, и это, понятно, может быть на руку лишь врагам Франции и СССР и делу мира».

Леже сказал, что французское правительство тщательно взвесило все «за» и «против» вмешательства и осознало, что режим Франко будет представлять определенную угрозу для Франции. Интересы безопасности Франции, по словам Леже, были, по сути «принесены в жертву "высшим" задачам — делу сохранения мира». Да, именно так Гиршфельд передает слова Леже, какими бы неправдоподобными и бессмысленными они ни казались. Дальше он пишет следующее: «Леже понимает "моральные стимулы" советской акции, отчасти не только внешнеполитического, но и внутриполитического характера. Ему не ясен, однако, "дальнейший этап" и ему не ясны "материальные результаты". Положение мадридского правительства если не совсем безнадежно, то весьма тяжелое. Советская позиция развяжет руки Италии, Германии и Португалии, которые сейчас уже совершенно открыто будут снабжать повстанцев в значительно больших размерах. Леже представляется, что при таких обстоятельствах, имея в виду согласованность действий Италии и Германии, их близость к Испании и пр., материально мадридское правительство лишь потеряет от советской акции»[1].

Иначе говоря, по словам Леже, республиканское правительство уже было обречено, и поэтому не было смысла продлевать агонию. Оставьте их, советовал Леже. Гиршфельд не зафиксировал собственные слова, и, следовательно, у нас нет никакого подтверждения заявления Леже временному поверенному в делах Великобритании. Что касается Франции, то она сдалась, чтобы спасти мир, но, конечно, мир нельзя было спасти, позволив нацистской Германии и фашистской Италии одержать крупную победу в Испании или где-либо еще.

Потёмкин направил Литвинову доклад с оценкой позиции Франции. «Тревоги Франции усугубляются в связи с обострением вопроса о невме-

---

[1] Запись беседы с А. Леже 24 октября 1936 г. Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 26 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 76. Д. 111. Л. 206–200.

шательстве в испанские дела в Лондонском комитете. Леон Блюм предпочитает не заговаривать со мною об этих делах. Что касается набережной Орсе, то наши действия вызывают там крайнее беспокойство и неодобрение. Я уже сообщал Вам о моей беседе с Дельбосом, который пытался доказывать мне, что наша тактика лишь облегчает диверсионные маневры Германии. Развивая известную тезу Пертинакса, Дельбос утверждал, что при разделении международных сил на сторонников Гитлера и на его противников подавляющее превосходство остается за лагерем защитников демократии, врагов воинствующего национал-социализма. Учитывая опасность такого соотношения сил, Гитлер прибегает к маневру диверсии: он объявляет себя знаменосцем крестового похода против интернационального большевизма. Эта тактика может рассчитывать на некоторый успех: она улавливает в сети Гитлера тех, которые боятся войны, революции, социальных потрясений. В данный момент агенты Гитлера сеют панику, доказывая, что СССР стремится вызвать общую войну, обостряя Испанский вопрос. По мнению Дельбоса, позиция СССР в Лондонском комитете в некоторой степени облегчает провокационную работу гитлеровской агентуры. Дельбос просит нас учесть это обстоятельство, чтобы не попасть в «ловушку» Гитлера. Более откровенно на ту же тему вели разговоры — Леже с т. Гиршфельдом и Комэр с т. Соколиным. Я уже передал Вам по телеграфу основное содержание этих бесед. Наибольшую практическую важность представляет для нас тот вывод, что при эвентуальном нападении Германии на советские суда, такая агрессия могла бы быть признана “вызванной” нами самими, а следовательно, и Франция не обязана была бы в этом случае прийти нам на помощь. Такую мысль с предельной ясностью развивал Комэр. Некоторыми добавляется, что французская помощь, согласно нашему договору 2 мая, оказывается нам лишь в случае нападения на территорию СССР. Словом, нам достаточно определенно сигнализируют, что в случае вооруженного конфликта из-за Испании нам нечего рассчитывать на Францию, которая до конца намерена выдерживать линию невмешательства».

Наши проблемы — это ваши проблемы, как бы говорили французы, нравится вам это или нет. Республиканская Испания — расходный материал. Нас не волнует, что невмешательство благоприятствует мятежникам. Каждый сам за себя. У нас нет других вариантов. Мы боимся войны, революции и вообще шарахаемся от каждой тени. По сути, французы и британцы проводили пораженческую линию и пытались с помощью шантажа заставить следовать ей и советскую сторону. Литвинов был восприимчив к этому шантажу, потому что стремился вопреки всему сохранить коллективную безопасность и взаимопомощь против нацистской Германии. Французы не оставляли СССР никакого выбора. Принимая это во внима-

ние, Литвинов попытался смягчить эффект, произведенный резолюцией Сталина от 11 октября. Как вскоре увидят читатели, проведение штабных переговоров также активно обсуждалось. Начинало казаться, что СССР не удастся спасти республиканскую Испанию и в то же время вести штабные переговоры с Францией. Конечно, не было никакой гарантии, что, если принести в жертву одну цель, это поможет достичь второй. На самом деле проблема заключалась в том, что только Советский Союз придерживался идеи коллективной безопасности против нацистской Германии; больше этого никто не делал. Одним словом, коллективной безопасности пришел конец, и ошибка Литвинова заключалась в том, что он отказывался это признать, однако на тот момент это был единственный политический курс, который представлялся реалистичным.

Потёмкин сам обратил внимание на дилемму, стоявшую как перед СССР, так и перед самой Францией. Французское правительство пребывало в состоянии обеспокоенности, боясь потерять своих последних «друзей». Как утверждали некоторые в Центральной и Восточной Европе, Франции необходимо было продемонстрировать, что она не отказалась от своего статуса великой державы, готовой прийти на помощь союзникам. Поэтому французскому правительству пришлось сосредоточиться на усилении безопасности Чехословакии и укреплении отношений с Малой Антантой. Как сообщал Потёмкин, налицо были признаки того, что французское правительство желает исправить ущерб, нанесенный отношениям с СССР, и боится окончательно потерять возможность с ним сотрудничать. Слухи о возможном возобновлении советских контактов с Германией — несмотря на всю нацистскую антисоветскую пропаганду — привели в замешательство общественное мнение Франции. Это было ясно как из прессы, так и из разговоров на политические темы. «Несомненно, — заключал Потёмкин — нас все более и более начинают бояться. Вместе с тем укрепляется убеждение, что с нами лучше жить в мире, даже дружбе, нежели во вражде или в разлуке»[1]. Как увидят читатели, Потёмкин был отчасти прав касательно обеспокоенности Франции, однако он переоценил заинтересованность Франции в сохранении отношений с СССР.

Литвинов держит советскую политику под контролем

Литвинову не нужно было больше никаких сообщений из Парижа, чтобы понять, что СССР вынужден маневрировать в опасных обстоятель-

[1] В. П. Потёмкин — Н. Н. Крестинскому. 26 октября 1936 г. // АФПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 77. Д. 113. Л. 165–152.

ствах, чтобы спасти то, что еще можно спасти. Поэтому он потребовал от Сталина большей свободы действий в отношениях с Комитетом по невмешательству, оставляя возможность разрыва отношений с этим органом только в качестве последнего средства. Лорд Плимутский хотел знать, остается ли СССР в Комитете или нет. Чтобы склонить советскую сторону к решению остаться, он сказал Майскому, что рассматривает возможность отправки постоянных представителей для наблюдения за границами. Это было очевидное контрпредложение советской резолюции, призывавшей установить контроль над португальскими портами. «Надо полагать, что наш выход [из Комитета], — сообщал Литвинов Сталину, — вряд ли желателен Англии, а тем более Франции, которые заинтересованы в сохранении фикции о невмешательстве». С учетом этого Майскому нужно было ответить на запрос лорда Плимутского как можно более уклончиво, и Литвинов предоставил Сталину сценарий, которому должен был следовать Майский. Последующие инструкции Литвинова Майскому были даже опубликованы в «Известиях»[1].

С французами Литвинову пришлось разбираться самому, так как Дельбос поручил Пайяру попросить о встрече с ним. Оказывая давление на советское правительство, Дельбос хотел выяснить, будет ли СССР продолжать придерживаться политики невмешательства, несмотря на нарушения соглашения. Пайяру было поручено сказать, что если между Францией и СССР возникнут серьезные расхождения во взглядах, это произведет плохое впечатление на общественное мнение о Франции и в других странах. Правительства Германии и Италии подтвердили свою принципиальную приверженность невмешательству, и от Советского Союза ожидалось, что он тоже не согласится на меньшее. Это был нелепый аргумент, поскольку немцы и итальянцы снабжали Франко с первой недели конфликта. Дельбос напоминал о необходимости поддерживать хорошие отношения между Францией и СССР — это была завуалированная угроза, без сомнения, имевшая своей целью напомнить Литвинову, что на кону стоят советско-французские штабные переговоры[2].

Получив от Пайяра всю эту информацию, Литвинов счел дело достаточно серьезным, чтобы доложить о нем Сталину. Считаете ли вы себя по-прежнему связанными соглашением, спросил Пайяр. Литвинов дал уклончивый ответ, который по сути означал: «Да, мы все еще остаемся в составе Коми-

---

[1] М. М. Литвинов — Л. М. Кагановичу. 25 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 225–227. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову. См. также: М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 25 октября 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 515–516.

[2] Delbos to Payart. Nos. 723–729. 25 Oct. 1936 // MAE, Bureau du chiffre, telegrammes au depart de Moscou, 16 août 1936 — 31 decembre 1937.

тета, хотя и неохотно». Должно быть, Литвинову стоило большого труда не ответить иначе, учитывая, как он указал Сталину, что лорд Плимут счел приемлемым немецкий ответ по принципу невмешательства, а французы не поддержали позицию СССР по нарушениям[1]. Пайяр телеграфировал в Париж, что Литвинов недоволен работой Комитета по невмешательству, но это, по-видимому, ни для кого не было новостью. Литвинов также уклонился от прямого ответа на вопрос Пайяра по поводу поставок советского оружия республиканскому правительству. Пайяр писал, что Литвинов при этом «нервничал», хотя, вероятно, это было плохо скрываемое раздражение из-за того, что он не мог прямо сказать французам: «Да, мы поставляем оружие республиканской Испании, а почему вы этого не делаете?»[2]

Лондон: Майский защищает советскую политику

Пока Пайяр хлопотал в Москве, посол Франции в Лондоне Шарль Корбен отправился на встречу с Майским в надежде выпытать информацию о том, что советское правительство намерено делать дальше и не угрожают ли планы СССР Комитету. Корбен пустился в долгие рассуждения, сообщал Майский, о том, каким несчастьем будет, если Комитет рухнет. Это сыграет на руку Германии и Италии, ухудшит положение испанского правительства и так далее. Затем Корбен разразился продолжительными сетованиями по поводу внутренней ситуации во Франции, в мрачных тонах описывая положение правительства Блюма. Париж ни за что не повторил бы Одесскую катастрофу 1919 года, когда Франция направила войска и корабли на юг России для свержения советской власти. На самом деле Корбен не знал, о чем говорит, поскольку целью французской экспедиции в 1919 году была поддержка Белого движения, выступавшего против Советской России. Тем не менее в одном он был прав: это была катастрофа, «полный провал нелепой авантюры», как сказал один французский военачальник. Страшная история Корбена была совершенно не к месту и не имела отношения к Испанскому вопросу. Он искал любой предлог, чтобы оправдать политику бездействия или, другими словами, пораженчество. «Речь сейчас идет не об отправке войск или броненосцев на помощь испан[скому] пра[вительству], — ответил Майский, — а исключительно лишь о том, чтобы снять эмбарго с продажи оружия закон-

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину, 27 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 231–232. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову.

[2] Payart. Nos. 485–488. 27 октября 1936 г. // MAE, Bureau du chiffre, telegrammes à l'arrivée de Moscou, 1936.

ному испан[анскому] пра[вительству] в то время, как мятежников широко снабжают этим оружием из фашистских стран». Корбен в ответ привел аргумент, что если политика невмешательства потерпит крах, результатом станет такое положение дел, при котором есть риск «возникновения опасного инцидента» между державами, снабжающими испанские воюющие стороны. Он снова искал предлог для бездействия. «Я возразил, — писал Майский, — что 50% внешней политики Гитлера и Муссолини построено на блефе и что если страны, которые захотят снабжать испан[ское] пра[вительство] оружием, проявят достаточную решительность и твердость в проведении своей линии, риск возникновения опасного инцидента сведется к минимуму».

«Вам хорошо рассуждать, — воскликнул в ответ Корбен. — Ваша граница далеко от театра событий, а Франция ведь сосед Испании!»

«Я тогда взял Корбена в работу, — продолжал Майский, — и, изложив нашу точку зрения на значение гражданской войны в Испании, подчеркнул, что *сейчас на Пиренейском полуострове происходит очень важная аванпостная битва между силами мира и силами войны* [курсив мой. — *М. К.*]. Я выразил при этом изумление близорукостью той политики, которую Англия и Франция проводят в отношении Испании».

Корбен пытался защитить англо-французскую политику, «но довольно неудачно». Он хватался за любой предлог, чтобы оправдать бездействие. Майский упомянул, что Второй интернационал в Амстердаме выступил против невмешательства, что поставило Блюма в затруднительное положение. Корбен даже обвинил Майского в разжигании лейбористской оппозиции в Лондоне, как будто лейбористы были не в состоянии сделать самостоятельные выводы. Майский также упомянул, что британский посол лорд Чилстон тоже нанес ему визит незадолго до своего возвращения в Москву, и предположил, что Министерство иностранных дел наверняка прислало его, чтобы разведать, каковы будут следующие шаги СССР. «Конечно, я уклонился от каких-либо откровенностей»[1].

Примерно в то же время Майский также встретился с Черчиллем: «Причем больше всего меня поразил крайний пессимизм, с которым он смотрит на ближайшие перспективы. Враждебность Черчиля к Германии еще больше усилилась, если это возможно. Борьба с Гитлером, по мнению Черчилля, должна лежать в основе всех прочих политических проблем. Англо-франко-советская комбинация по-прежнему представляется ему

[1] И. М. Майский — в НКИД. 27 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 220. Д. 1584. Л. 156–157. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... 1936. URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

единственным путем к обузданию Германии, однако Черчилль недоволен "вмешательством" СССР в испанские дела, так как это отвлекает нас от главной цели и кроме того затрудняет процесс сближения между Англией и СССР».

По словам Майского, Черчилль выразил восхищение возросшей мощью советских вооруженных сил, но его больше волновала ситуация в Испании, и он вернулся к этому вопросу. Поговаривают, начал Черчилль, что победа Франко с точки зрения британских интересов будет более выгодной, чем победа испанского правительства, поскольку «Красная» Испания слишком сильно напугает английских консерваторов и спровоцирует еще большую нестабильность во Франции. Английское правительство сможет оказывать давление на Франко и таким образом гарантировать свои позиции в Средиземном море. Майский использовал те же аргументы, что и в разговоре с Корбеном: в случае победы Франко Англия потеряет престиж, а влияние Гитлера и Муссолини возрастет.

«Я назвал Черчилля "плохим империалистом"», — сказал Майский.

«Так что же вы хотите, — ответил Черчилль, — чтобы я стал поддерживать диктатуру пролетариата в Испании? Но я же не коммунист и не фашист, а демократ!»

«Я возразил, что, как это, может быть, ни парадоксально прозвучит, я был бы вполне удовлетворен, если бы Черчилль был просто хорошим, дальновидным империалистом с широким размахом, каких Англия имела немало в прошлом, тогда нам легче было бы найти общий язык как по Испанскому вопросу, так и по ряду других».

Разговор еще некоторое время продолжался в том же духе, и, по словам Майского, Черчилль, казалось, немного пришел в себя. Он пообещал «быть нейтральным» в предстоящих парламентских дебатах. Черчилль упомянул, что он присутствовал во Франции на маневрах французской армии и что офицеры, с которыми он говорил о СССР, были настроены в основном негативно, но в то же время к французским коммунистам они относились более спокойно, чем к социалистам. «Коммунисты де поддерживают вооружения Франции, из коммунистов часто выходят образцовые солдаты». В конце беседы Черчилль призвал советское правительство поддержать кабинет Блюма, поскольку любая международная нестабильность может обернуться «катастрофой»[1].

Две недели спустя Майский встретился со своим новым «другом», газетным магнатом лордом Бивербруком. «Он по-прежнему считает, что

---

[1] И. М. Майский — в НКИД. 1 ноября 1936 г. // АВПРФ.Ф. 059. Оп. 1. П. 220. Д. 1584. Л. 170–172. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

Германия — главный враг, и что, если изоляция не удастся, то неизбежна коалиция с Францией и СССР». Они также довольно долго говорили об Испании. Бивербрук не разделял опасений Черчилля и надеялся на успех испанских республиканцев. Он даже выпил за победу республиканцев[1], но, увы, с помощью тостов фашистов было не победить.

Безнадежная затея Литвинова

Литвинову глубоко претила политика невмешательства, и он следующим образом объяснил Потёмкину почему. «Оставаясь в Лондонском комитете и продолжая комедию невмешательства, мы учитываем главным образом отношение к этому делу французского правительства и его заинтересованность в сохранении фикции невмешательства. По нашим указаниям, тов. Майский пытается побудить Комитет стать на путь действительного контроля соблюдения обязательств о невмешательстве. Казалось бы, что представитель Франции в Комитете должен быть в этом деле заодно с нами, на самом же деле Корбен не только не оказывает никакого содействия Майскому, но даже противодействует ему. Мы требуем посылки уполномоченных во все пограничные пункты и порты Испании, занятые как мадридскими войсками, так и мятежниками. Они, конечно, смогут осуществлять контроль лишь в том случае, если они будут иметь право по собственной инициативе проверять все поступающие грузы и о случаях обнаружения военной контрабанды сообщать Комитету. Плимут же при содействии Корбена настаивает на том, чтобы уполномоченные могли только выполнять поручения Комитета и чтобы кроме уполномоченных были назначены еще старшие уполномоченные, с которыми Комитет и будет сноситься. Это означает создание длительной процедуры, которая сделает контроль так же малоэффективным, как и нынешняя процедура. Я сообщаю Вам это пока лишь для Вашего сведения, но в дальнейшем может быть придется обратиться по этому поводу на Ке д'Орсэ. Без наших указаний, однако, туда пока не обращайтесь»[2].

В довершение к этой «комедии», к Гражданской войне, начала проявлять интерес Лига Наций. Литвинов считал вмешательство Лиги ужасной идеей. Большинство членов Совета Лиги «желает скорейшей победы Франко», а остальные страны не желали идти против Англии и считали за

---

[1] И. М. Майский — в НКИД. 14 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 220. Д. 1584. Л. 209–210. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] М. М. Литвинов — В. П. Потёмкину. 4 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 77. Д. 113. Л. 170–169.

лучшее молчать. Вмешательство в дела Испании не помогло бы республиканцам и только еще больше дискредитировало бы Лигу[1].

В конце октября Сталин вернулся в Москву из Сочи, и в течение следующей недели Литвинов встречался с ним трижды; несомненно, одной из главных тем обсуждения была Испания. Комитет по невмешательству стал полем битвы Гражданской войны в Испании: СССР пытался воспрепятствовать поддержке Франко Германией и Италией, в то время как последние стремились заблокировать попытки СССР призвать их к ответу при вялой поддержке самого лорда Плимута. Принцип невмешательства, хотя все и говорили о нем, на самом деле был «комедией». Литвинов направил Сталину еще одну докладную записку в подтверждение предыдущего обсуждения. Майский запрашивал дальнейшие инструкции в преддверии заседания комитета, назначенного на следующий день. «Учитывая вчерашний обмен мнений, я исхожу из предположения, что недели через две мы будем заинтересованы в максимальном затруднении военных поставок мятежникам. Поэтому, я полагаю, что мы должны делать предложения, способные придать контролю действительно эффективный характер, но которые в то же время признавались бы разумным объективным общественным мнением. Всем известно, что Комитет не может навязать Франко уполномоченных, и поэтому мы не можем до конца возражать против получения от него разрешения. Равным образом придется, вероятно, уступить в вопросе о контроле в Португалии, против которого может быть выставлено контртребование об установлении контроля в Португалии, по крайней мере, в отношении авиации. В дальнейшем придется отказаться и от этого требования, но чтобы несколько оттянуть окончательное принятие Лондоном решения, мы сделаем эту уступку несколько позднее»[2].

В Комитете по невмешательству творилась такая неразбериха, что трудно понять, чего пытался добиться Литвинов. Одно можно сказать наверняка: он, по сути, прекратил выполнение резолюции Сталина от 11 октября. Свою позицию он пояснил в письмах Майскому и Марселю Израилевичу Розенбергу, который в то время был полпредом в Испании. Майскому он писал следующее: «Вы легко заметите, что мы заинтересованы в том, чтобы окончательное решение по контролю в смысле начала функционирования уполномоченных имело место недели через 2». Итак, Лит-

---

[1] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 23 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 221. Д. 1587. Л. 180–181. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 4 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 241. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову.

винов действительно считал, что Комитет по невмешательству все еще можно заставить работать. Это само по себе удивительно, но свидетельствует об отчаянном стремлении Литвинова найти хоть какое-то решение.

Далее Литвинов в своем письме к Майскому переходит к другим темам. «Французы никаких переговоров с нами ни по испанскому, ни по другим вопросам за последнее время не вели, если не считать известного заявления Пайяра (о котором я Вам в свое время телеграфировал)». Немцы, что не было неожиданностью, отклонили новую конференцию в Локарно, а недавнее заявление короля Бельгии Леопольда III о нейтралитете и выходе из союза с Францией «вызвало во французских правительственных кругах панику». В этом были свои плюсы, поскольку французы начали «серьезнее подумывать о тех предложениях, которые мы все время делали в области коллективной безопасности». Блюм, казалось, склонялся к идее заключения пакта о взаимопомощи с Малой Антантой, открытого для присоединения других государств. «Я на эту тему говорил с Блюмом в Женеве. Идея общеевропейского пакта сильно пропагандируется также Полем-Бонкуром, с которым у меня установилось единство взглядов на этот счет еще в Монтрё». Воинственные публичные заявления Муссолини также подталкивали Францию в нужном направлении. Если бы Британия присоединилась к таким действиям, хотя бы «только платонически», в Европе могло быть восстановлено политическое равновесие против Гитлера и Муссолини[1].

В письме Розенбергу Литвинов высказал предположение, что советская помощь закончится с прибытием советских грузовых судов в республиканскую Испанию. Это был все тот же важный момент о «двух неделях», о которых Литвинов в тот же день упоминал в своей докладной записке Сталину. Советская помощь должна была прекратиться из-за того, что возможности СССР достигли предела, а также из-за серьезных последствий, которые грозили, если бы его суда были захвачены. «Испанский вопрос, — добавлял Литвинов, — несомненно значительно ухудшил наше международное положение. Он испортил наши отношения с Англией и Францией и посеял сомнения в Бухаресте и даже в Праге». В то время, когда Литвинов писал это письмо, судьба Мадрида была еще неопределенной, но он счел, что республиканское правительство могло бы заинтересоваться предложением, подразумевающим ограничение или прекращение поставок мятежникам. Германия и Италия оказались бы в положении, при котором им пришлось бы прекратить свои поставки Франко или открыто денонсировать соглашение о невмешательстве. Литвинов, однако, сомне-

---

[1] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 116. Д. 22. Л. 29–32.

вался, что комитет примет предложения СССР[1]. О чем думал нарком? Единственное, чем всё это могло кончиться, — полный провал советского демарша. Как ни парадоксально, целью Италии и Германии было добиться выхода Советского Союза из комитета. Все эти предположения, высказанные Майскому и Розенбергу, кажутся странно наивными, и все же, если Литвинов открыто обсуждал эти идеи со своими послами, значит, он, скорее всего, также говорил о них со Сталиным. Как мы увидим, надежды Литвинова не сбылись, и в первую очередь — надежда на то, что Советский Союз откажется от республиканской Испании. СССР держался за Мадрид до самого горького конца. Идеи Литвинова здесь оказались весьма схожими с его взглядом на Абиссинский кризис. Абиссинией можно было в каком-то смысле пожертвовать ради отношений с Францией и Великобританией, как и республиканской Испанией. В этом был его жестокий реализм. Вот только вопрос был в том, сработает ли этот подход?

Одной из причин извечного недовольства Литвинова были советская пресса и неспособность советского правительства эффективно представить свою точку зрения на Западе.

«В области внешнеполитической пропаганды буржуазные правительства имеют перед нами то преимущество, что, независимо от существующих между ними и другими государствами официальных отношений, они могут через частную прессу говорить этим государствам весьма неприятные вещи. Они этим пользуются иногда даже в отношении самых близких союзников. Советская же пресса, являющаяся правительственным или партийным органом, вынуждена к большей сдержанности в отношении стран, с которыми у нас существуют более или менее тесные отношения, и лишена возможности высказывать по их адресу необходимые горькие истины. Правда, некоторой свободой пользуется газета “Журналь де Моску”, но на выходит только раз в неделю и поэтому не всегда может вовремя откликаться на события.

Мы могли бы в некоторой мере устранить это неравенство, предложив “Известиям” и “Правде” открыть рубрику “Письма в редакцию”. Такая система весьма распространена в Англии и даже в таких крупных газетах, как “Таймс”, “Морнинг пост” и “Манчестер гардиан”, весьма видное место занимает отдел “ Письма в редакцию”»[2].

Чтобы конкурировать с западными медиагигантами, одних только «Писем в редакцию» было явно недостаточно, но Литвинов был современ-

---

[1] М. М. Литвинов — М. И. Розенбергу. 4 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 64. Л. 45–46.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 2 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 257. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову.

ным дипломатом, который хорошо осознавал роль ведущих СМИ во влиянии на общественное мнение. НКИД с начала 1920-х годов выплачивал прессе «довольствие», хотя и без особого результата[1]. Поэтому внимания заслуживал любой вариант.

Новый посол Франции в Москве

Испания была не единственной заботой Литвинова, но к ней сходились и все остальные проблемы почти по всем направлениям. В ноябре в Москве ожидали приезда нового посла Франции Робера Кулондра. Он участвовал во советско-французских переговорах в 1920-х годах и был одним из немногих русофилов на набережной Орсе. Тем не менее начинало складываться впечатление, что Кулондр не привезет с собой в Москву свое русофильство. Литвинов был к этому готов, и он запросил у Сталина разрешения сказать послу то, что планировал.

«Парижское полпредство сигнализирует нам, что вновь приехавший в М[о]ск[ву] французский посол Кулондр имеет от Дельбоса поручение поговорить со мною “на чистоту” о деятельности французской коммунистической партии и направлении “Юманите”. Как в свое время Лаваль, так теперь и Блюм, а в особенности Дельбос, полагает, что не только общая политика ФКП, но и всяческие выступления Тореза, Кашена и других вождей партии, а также каждая статья и заметка в “Юманите” согласовываются с нами, и даже непосредственно нами инспирируются. Французы об этом не раз говорили, прямо или косвенно, тов. Потёмкину. Я полагаю, что нужно положить конец разговорам на эту тему, и считал бы целесообразным сделать заявление в духе приложенного при сем текста. Я бы даже сказал Кулондру, что мы оставляем за собою право опубликовать это заявление в случае повторного обращения к нам с жалобами на ФКП. (Кулондр будет у меня завтра — накануне вручения верительных грамот, а потому прочил бы дать мне указания по возможности сегодня же.)»[2].

Литвинов рассчитывал встретиться с Кулондром на следующий день и хотел получить инструкции, «по возможности сегодня же», касательно того, как ему ответить.

Кулондр направлялся к Литвинову с намерением прочитать ему лекцию, но если что-то и раздражало наркома больше всего, так это лекции и нравоучения высокомерных, самодовольных западных дипломатов. Бо-

---

[1] *Carley M. J.* Silent Conflict... P. 77, 167, 174–175, 302 и далее.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 9 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114, Д. 1, Л. 244. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову, Г. К. Орджоникидзе; Исправленный текст устного ответ Р. Кулондру. [14 ноября 1936 г.] // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 77. Д. 113. Л. 168–167.

лее того, во французах было что-то такое, что часто делало их более невыносимыми, чем других иностранных дипломатов, работавших в Москве. Показательным примером был Жан Эрбетт, первый посол Франции в СССР. Литвинов едва сдерживался, чтобы его не придушить. Он хотел бы добиться его высылки, но Сталин, очевидно, предпочел позволить французскому МИД самому внести необходимые изменения в привычный порядок вещей. Франсуа Дежан и Шарль Альфан были лучше, а вот Кулондр, похоже, был возвращением к прежнему положению.

Согласно отчету Литвинова об их длительной встрече Кулондр жаловался на «главным образом на антисоветские настроения во Франции». Это было у всех на устах. Эррио заявил, что советско-французские отношения «как отравленные». Всеобщая забастовка и захваты заводов предыдущей весной и летом привели к росту враждебности, как и слухи о том, что коммунисты попытаются захватить власть. «Средний француз всему этому верит, — сказал Кулондр. — Он настроен свободолюбиво и антирелигиозно, ненавидит фашизм, но относится также отрицательно к коммунизму». Блюм попросил Кулондра передать, что французское правительство по-прежнему привержено политике безопасности в Восточной Европе и, в случае проведения встреч в Локарно, поддержке советско-французского договора. Но правительство находится в затруднительном положении из-за роста антисоветских настроений. Конечно, Литвинов был хорошо проинструктирован и знал, что его ждет. У него был заранее подготовлен ответ, но сначала он позволил Кулондру закончить свою мысль. Неужели СССР ничего не может сделать, чтобы помочь успокоить негативные настроения во Франции?

«Я выразил недоумение», — написал Литвинов в своем дневнике. Это был стандартный ответ, имевший обычно форму «что вы имеете в виду?». Причины такого настроения во Франции кроются в «каких-то социальных движениях в самой Франции». «Я не вижу, чем мы можем помочь», — с невинным видом ответил Литвинов, с трудом удержавшись от едкого замечания. Франция ведь является «демократической страной, продолжил он. В ней много политических партий, которые свободно выражают свое мнение, организуют собрания, публикуют свое мнение в прессе, так почему же такая деятельность вызывает недовольство, когда речь заходит о Коммунистической партии? Мы не контролируем ФКП или то, что публикует «Юманите». Проблема не только в ФКП, но и в свободе газет во Франции, которым Гитлер платит за распространение немецкой пропаганды. Кулондр очень хорошо знал, что это правда. У всех посольств в Париже, или, по крайней мере, у большинства из них, были выделены средства на то, чтобы по мере возможности купить лояльность французских газет. «Наша вина», сказал Литвинов, в том, что мы не боремся с Гитлером теми же

средствами. Это было не совсем так. У советского посольства в Париже тоже был бюджет для французской прессы, и Литвинов лишь недавно запросил увеличение выделяемых на это средств. Литвинов также наверняка знал, что и на набережной Орсе выделен собственный бюджет для того, чтобы контролировать мнение французской прессы. Если французское правительство все еще дорожит своими отношениями с СССР, оно должно направить все свои средства на борьбу с фашистской пропагандой у себя дома[1].

Кулондр также подготовил отчет о встрече с Литвиновым, в котором гораздо подробнее говорилось о французской оппозиции СССР. «Что вы хотите, чтобы мы сделали?» — ответил Литвинов (по словам Кулондра, который увидел в этом ловушку). Если бы он попросил Литвинова осуществлять контроль над ФКП, нарком мог бы ответить: «Ага, вы хотите, чтобы мы вмешались во внутреннюю политику Франции». «Я не попался на крючок», — говорит Кулондр своими пространными рассуждениями. Он предполагает, что у Литвинова не было большого пространства для маневра, и это одновременно правда и неправда. Читатели, вероятно, заметили, как умело Литвинов с согласия своего руководителя уклонялся от осуществления резолюции Сталина от 11 октября. Кулондр предположил, что Литвинов получил от Сталина разрешение ответить так, как он ответил. Это было правдой. Он также предположил, что Литвинов согласен с большинством его идей, что тоже было правдой — но не совсем. Кстати, Кулондр отметил в конце своего доклада, что Литвинов пользовался доверием Сталина, вопреки недавним слухам. 7 ноября он стоял рядом со Сталиным на трибуне Мавзолея Ленина, наблюдая за ежегодным парадом[2]. Конечно, такие признаки доверия могли быть временными. В основе демарша Кулондра лежала идея о том, что ФКП должна отказаться от своего социализма и от своей критики социализма Народного фронта. Потёмкин, полпред СССР в Париже, тоже обратил внимание на эти слухи. «Провокационные фашистские измышления об уходе Максима Максимовича циркулировали уже тогда, когда мы находились с ним в Женеве, — писал Потёмкин Крестинскому. — Ни там, ни в Париже, где главным источником антисоветских сенсаций является субсидируемый немцами “Матен”, никто не принимал всерьез этой брехни, и никто, разумеется, не осведомлялся у нас, соответствует ли она действительности. Отмечу, кстати, что в качестве преемника Максима Максимовича чаще всего называется не мое, а Ваше имя. Не далее как 23 октября “Эксцельсиор” воспроизводит

[1] Встреча с французским послом Р. Кулондром. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 10 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828. Л. 16–15. Опубл.: ДВП. Т. XIX. С. 550–552.

[2] Coulondre. Nos. 507–520. 12 Nov. 1936 // DDF. 2e. Vol. III. P. 748–751.

этот слух на “Морнинг пост”. Наряду со мною некоторые газеты называли и Островского»[1]. В чем был смысл этой дезинформации? В том, чтобы подорвать положение Литвинова? Пытался ли Потёмкин предупредить Крестинского об опасности? Двое из трех человек, названных в качестве возможных преемников, стали жертвами сталинских чисток. Потёмкин выжил, как и Литвинов, хотя последнее Молотов назвал чистой удачей. При всем моем уважении к Молотову смею полагать, что дело здесь было не в одной удаче.

Заведующий 3-м Западным отделом НКИД Алексей Фёдорович Нейман написал Потёмкину о первой встрече Кулондра с Литвиновым. По словам Неймана, это было не лучшее начало его пребывания на посту посла в Москве. Кулондр хотел поговорить о «критическом положении» в советско-французских отношениях в связи с ФКП и о необходимости некоторых «жестов» со стороны СССР, которые устранили бы нынешние «недомогания» в этих отношениях. Кулондр не ожидал ответа, который он получил от Литвинова. Это сбило его с толку, поэтому он не захотел принимать письменную копию ответа Литвинова, а затем попросил внести в текст некоторые правки, чтобы в Париже не создалось впечатления, что официальный ответ был результатом неосторожного дипломатического шага со стороны Кулондра. Литвинов согласился внести в текст предложенные изменения, «чтобы несколько облегчить для него лично созданное его демаршем положение. Так, Литвинов добавил фразу о том, «что посол, конечно, не просил о вмешательстве в дела Франции и его, конечно, не желает». По сути, Кулондр признался Нейману, что опасается, как бы у его коллег в Париже не сложилось впечатление, что он просит НКИД повлиять на ФКП. Внесенные правки, по-видимому, устроили посла. «Надо думать, однако, что он теперь несколько лучше отдает себе отчет в характере поставленного им вопроса, чем раньше, — писал Нейман. — По моему впечатлению, до разговора с тов. Литвиновым он плохо в нем ориентировался и был во власти иллюзии о том, что он, дескать, сумеет в этом вопросе добиться чего-то совершенно нового»[2].

Литвинов не был таким простодушным, каким он стремился предстать, когда дело дошло до просьбы к французским коммунистам не совершать необдуманных действий. Во время одной из следующих встреч Кулондр поднял тему нападок на Блюма со стороны Мориса Тореза, генерального секретаря Французской коммунистической партии, что вызвало комментарий Литвинова о том, что он обсуждал эту проблему с «авторитетными

---

[1] В. П. Потёмкин — Н. Н. Крестинскому. 26 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 120. Л. 219.

[2] А. Ф. Нейман — В. П. Потёмкину. 14 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 119. Л. 19–20.

товарищами» — обычно это означало Сталина и / или членов Политбюро — и «Они действительно раздражены против Блюма, и поэтому не ожидаю, чтобы отсюда что-либо было предпринято»[1]. Несколько месяцев спустя Кулондр обратится к Потёмкину с аналогичной, хотя и более деликатно сформулированной просьбой. Как читатели узнают, Потёмкин, которого в апреле 1937-го повысили до замнаркома, распорядится передать секретное сообщение ФКП, в частности, коммунисту-журналисту и депутату Габриэлю Пери, с просьбой немного смягчить давление на правительство своим пером.

То, почему советская сторона смягчила свою политику в отношении Испании, стало у французов предметом рассуждений и домыслов. Кулондр в середине декабря написал длинный доклад на эту тему, в котором процитировал слова Литвинова о том, что даже на Сталина оказывается давление со стороны[2]. Это было так, но лишь наполовину. По мнению Кулондра, именно в этот момент у Литвинова возникли проблемы в Политбюро, что могло означать только проблемы с Молотовым и Кагановичем. Но это было не так. Сталин все еще находился в Сочи в своем ежегодном отпуске, а Литвинов был в Женеве, где встречался, среди прочих, с Блюмом. Именно Сталин под влиянием Молотова, Кагановича и Крестинского выступил в октябре с инициативой занять жесткую позицию в отношении Испании. Как мы видели, когда Литвинов вернулся домой в середине октября, он обратился к Сталину с просьбой смягчить советскую политику. Кулондр сделал неверные выводы, будучи введенным в заблуждение Литвиновым. Что интересно в отчете Кулондра, так это то, что он был перехвачен агентами НКВД, переведен на русский язык и распространен. На копии Ворошилова все важнейшие абзацы помечены красным карандашом[3]. Как же депеша Кулондра попала в руки НКВД? Был ли во французском посольстве в Москве советский агент, имевший доступ в секретную комнату посольства? Был ли отчет изъят из дипломатической почты и сфотографирован? Посольство Франции в Москве было не единственным местом, уязвимым для проникновения советских агентов. Британские посольства в различных городах, например, в Берлине, также часто становились объектами повышенного внимания советской разведки. Отчеты британского посла читали не только в Форин-офисе, но и в Крем-

---

[1] М. М. Литвинов — В. П. Потёмкину. 4 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 123. Д. 119. Л. 24–26.

[2] Coulondre to Delbos. No. 394. 15 Dec. 1936 // DDF. 2e. Vol. IV. P. 247–252.

[3] Н. И. Ежов — К. Е. Ворошилову. 2 января 1937 г. (с русским переводом сообщения Р. Кулондра) // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 1–13. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... 1936. URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

ле. Конечно, тут все были хороши. Британская Правительственная школа кодов и шифров отлично справлялась с расшифровкой телеграмм из лондонских посольств дружественных и не слишком дружественных стран. Впрочем, с советскими одноразовыми системами шифрования у британских дешифровальщиков были проблемы.

Майский высказывает свое мнение

В начале ноября докладные записки Литвинова Сталину касались в основном тактики. В них уже не затрагивался вопрос о ликвидации Комитета по невмешательству, выходе из него или оспаривании его законности. Резолюция Сталина от 11 октября утратила актуальность. Майскому не нравилось направление советской политики, и он сказал об этом Литвинову. Более того, он был удивлен предупреждением Литвинова Розенбергу о том, что Советский Союз прекратит предоставлять помощь Мадриду. Майский открыто бросил вызов Литвинову, заявив, что республика не выживет без советского оружия. Как мы видим, полпред не боялся высказывать свое мнение, что, безусловно, было признаком мужества, потому что наркому не нравилось, когда ему так открыто противостояли, и, конечно же, не нравилось это и Сталину, который, как наверняка было известно Майскому, стоял за спиной наркома. Сказал «А», говори и «Б» — так рассуждал Майский. «Мне представляется, что надо было либо вообще остаться в стороне от Гражданской войны в Испании, либо, начав помогать республиканским силам, довести нашу помощь до победного конца. Половинчатость в таких делах хуже всего, ибо тогда создается положение, которое характеризуется известным английским выражением "*the worst of all worlds*"». Если бы мы держались подальше от Испании, наши отношения с Францией и Великобританией были бы лучше, полагал Майский. Стремление не вмешиваться в дела Испании вполне могло бы стать еще одним шагом к созданию англо-франко-советской коалиции, важной «для консолидации сил мира в обстановке предвоенной эпохи».

В этих словах четко сформулирована цель советской политики, которую решительно защищал Майский. Он признает, что отношения с Великобританией и Францией напряженные, но отмечает, что если бы республиканцы в конце концов победили, это стало бы ударом по Гитлеру и Муссолини. Советский престиж в этом случае неизмеримо вырос бы, а Франция и Англия вновь обратились бы в сторону Москвы, впечатленные столь успешной демонстрацией силы с ее стороны. В этом как раз и заключалась проблема, поскольку Литвинов был не столь уверен в окончательной победе Испанской Республики. Но если мы прекратим нашу

помощь Мадриду и победит Франко, утверждал Майский, результатом станет настоящий крах. Престиж Советского Союза и уверенность в его надежности будут подорваны, а способность укрепить союз с Великобританией и Францией — сильно затруднена в условиях приближающейся войны[1]. Майский использовал против Литвинова его же собственные аргументы. Сила привлекает поддержку, слабость — нет.

В начале ноября Майский отправился с визитом к Идену, чтобы восстановить связи после длительного периода отсутствия в Лондоне. Как он сообщил Литвинову, он старался держаться подальше от Форин-офиса и занимался участием в работе Комитета по невмешательству.

«В британских политических кругах (особенно в консервативном лагере) довольно широко распространена концепция, будто бы СССР хочет с испанского конца зажечь пожар мировой революции и бросить вызов всей мировой буржуазии. Весьма вероятно, что мое длительное непоявление в стенах Форин-офиса рассматривалось как еще один симптом назревающего “разрыва” между СССР и буржуазным миром, и потому, когда я появился в кабинете Идена и, как ни в чем не бывало, начал беседу по текущим политическим вопросам, он с облегчением вздохнул, подумавши: “Разрыва, видимо, нет”. Кроме того, Идену, конечно, было небезынтересно прощупать наши настроения в столь критический момент в сфере мировой политики».

В ходе долгого разговора в конце концов перешли к ситуации в Испании. Майский попытался убедить Идена, что СССР не стремится спровоцировать коммунистическую революцию в Испании. «Вы, кажется, не очень довольны позицией Великобритании в отношении Комитета по невмешательству», — с улыбкой отметил Иден. «А вы, кажется, не очень довольны советской позицией», — прямо ответил Майский, также улыбаясь. Это был неплохой способ затронуть сложную тему, не вступая сразу в перепалку. В любом случае, оба рассмеялись.

«Я сказал Идену: “Нечего закрывать глаза на то, что между нами и вами по испанскому вопросу сейчас имеются разногласия, но не следует преувеличивать значения этих разногласий. Испания — это еще не весь мир. Кроме Испании имеются еще и Дальний Восток, и Средиземное море, и Европа. Мне кажется, что было бы ошибкой за испанскими деревьями не видеть леса мировой политики”. Иден был явно обрадован моими словами. Он подхватил мой тезис и заявил, что вполне с ним согласен».

Разговор продолжался. Иден сказал, что не понимает советской политики. Майский воспользовался возможностью поговорить об этом. Он

---

[1] И. М. Майский — М. М. Литвинову. 11 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 66. Д. 17. Л. 67–63.

повторил то, что сказал Черчиллю неделей ранее: мы стремимся не к тому, чтобы совершить революцию, а к тому, чтобы остановить распространение фашизма в Европе. Майский отметил, что империалисты из британцев не очень хорошие, как он уже сказал Черчиллю, и что им нужно быть внимательнее к имперским интересам Великобритании, например, в Средиземноморье. Потом, желая достучаться до Идена, Майский высказал предположение, что победа Франко может стать угрозой для положения Великобритании в Гибралтаре. Это сработало, поскольку Иден, согласно записи разговора, сделанной Майским, «слегка отшатнулся». Иден не считал, что Франко представляет проблему для Великобритании — и как раз это представляло проблему для Москвы. «Мы видим, как Великобритания, — ответил Майский, — косвенно помогает Франко и наносит удар законному испанскому правительству».

«Иден стал возражать и пытался доказывать, что победа Франко мало угрожала бы британским интересам. Франко, де, не такой уже плохой человек, а испанцы не такой народ, которым мог бы помыкать кто бы то ни было. Франко, вставши у власти, будет вести не итальянскую и не германскую, а «испанскую политику». Майский ответил, что Франко, который слишком сильно зависит от поддержки Германии и Италии, не может проводить независимую политику. Иден возразил, что, по его мнению, Форин-офис тоже способен оказать влияние на ситуацию. Майский попросил извинить его за резкость, но заметил, что Британия переоценивает свои силы в Европе. Он упомянул Декларацию о нейтралитете Бельгии, сказав, что Бельгия уже давно потеряла веру и в Лигу Наций, и в гарантии Франции и Великобритании. И Гитлер, и Муссолини умело используют политику балансирования на грани, и все же потенциальные силы «Западные демократии» сильнее фашистских держав. «Но в чем беда?» — задал вопрос Майский. Игроки настроены решительно и готовы рисковать, но «Западные демократии нерешительны и страшно боятся риска». Затем Майский провел параллель с другими кризисами, связав в события в Абиссинии, в Рейнской области и, наконец, в Испании.

«Тут Иден перебил меня и спросил: “Так что же вы хотели бы, чтобы я тоже был таким же нахалом?”.

Я ответил, что желал бы видеть Идена не нахалом, а человеком твердым, твердым в отстаивании принципов Лиги Наций и в борьбе против опасности надвигающейся войны. Конкретно, я хотел бы, чтобы Иден лучше осознавал те опасности, которые угрожают британским интересам, в случае победы фашизма в Испании, и принимал более энергичные меры для предотвращения этих опасностей.

Иден воскликнул, разводя руками: “Но ведь это значит создавать в Испании крайне левое, может быть даже коммунистическое правительство?”

Я откликнулся: “А чем вредило бы британским интересам такое правительство? К тому же я плохо верю в возможность коммунистического правительства в Испании”».

Как пишет Майский, «Иден в волнении встал, несколько раз прошелся по кабинету взад и вперед и затем почти с отчаянием сказал: “И так плохо, и так плохо”».

«Несколько успокоившись», Иден заметил, что во всяком случае эти разногласия по Испанскому вопросу надо как-то «локализировать», чтобы стало возможным сотрудничество в других областях. Майский полностью согласился. Иден отметил, что международная ситуация очень сложна. И снова Майский согласился, что дало ему возможность изложить советскую линию в отношении коллективной безопасности. Британия сама навлекла на себя неприятности, проводя политику «зигзагов (и колебаний)», сказал Майский. Идену эта идея не очень понравилась. В мире все не так уж сложно, продолжил Майский: «Три великих державы — Германия, Италия, Япония — вышли на большую дорогу грабить. Кого грабить? Мне известно, что в Англии (да и в других странах) имеется много людей, которые больше всего желали бы, чтобы грабеж был произведен за наш счет. Но это не выйдет, ибо Советский Союз стал уже настолько могущественным, что ни Япония, ни Германия, ни обе они вместе не в состоянии нас разгромить. Кто же тогда остается в качестве возможных объектов грабежа? Не надо быть мудрецом, что бы понять, по чьему адресу агрессивные державы сейчас оттачивают свои зубы. Особенно богатой добычей, с их точки зрения, является, конечно, Британская империя, которая, к тому же, стратегически весьма уязвима с разных концов. Если Великобритания хочет сохранить свою империю, ей нужно думать и действовать быстро и энергично. Да простит меня Иден, но для меня совершенно ясно, что одними своими собственными силами (как бы успешно Великобритания ни вооружалась) она не сможет гарантировать целости империи, особенно на Дальнем Востоке. Для этого ей нужны “друзья”, которые также, как и Великобритания, не хотят войны, не хотят передела мира, а стремятся к известной стабилизации существующих отношений. Если же Великобритания нуждается в “друзьях”, то ей следует создавать себе таких друзей, что не может достигнуто той политикой зигзагов и колебаний, которую до сих пор проводило британское правительство».

Излагая линию СССР, Майский тем самым предлагал стать таким «другом», согласным защищать интересы Британии, если та готова ответить взаимностью. По сути, Иден согласился с необходимостью некоторого сотрудничества, хотя и не желая говорить об этом прямо. Иден сослался на англо-советское коммюнике, выпущенное в 1935 году после его

визита в Москву, хотя, по его словам, «сейчас из-за испанских событий оно не может получить своего полного развития».

«На этом беседа закончилась, — отметил Майский. — Мы весьма дружественно распрощались и расстались»[1].

Иден тоже сделал запись разговора, но далеко не такую подробную, как у Майского. Он свел все обсуждение к утверждениям Майского, что СССР не заинтересован в коммунистической революции в Испании, и к его собственному заявлению о том, что Британия способна ладить с фашистскими правительствами, даже если они не имеют одинакового «политического облика». Аргументы Майского о необходимости совместной борьбы с тремя robbers не остались отражены нигде, кроме записи разговора самого Майского. Иден не был готов выносить их на обсуждение в Министерстве иностранных дел, хотя, по мнению Колльера, изложение Майским своего понимания советской политики в Испании было «по существу точным»[2]. Что касается намерения «локализировать» разногласия по Испанскому вопросу, Иден сказал, что он поддерживает эту идею в теории, но не на деле.

«Скрытый поединок»

Пытаясь добиться своего в Лондоне, Майский одновременно агитировал в НКИД за более агрессивную позицию по Испании, хотя сделать это было не так-то просто, учитывая, что Литвинов в это время пытался заново выстроить советско-французские отношения. Майский, тем не менее, стоял на своем: общественное мнение меняется, и если в октябре 1936 года ситуация была безнадежной, сейчас она значительно улучшилась.

«Основное, что бросается в глаза, когда окидываешь ретроспективным взглядом события последних 2 месяцев, — это значительный сдвиг в настроении британского общественного мнения (включая и консервативные круги) в отношении испанских событий. Когда в середине октября я вернулся из отпуска в Лондон, положение было примерно таково: правительство, консерваторы и даже часть либералов желали победы Франко и под покровом “невмешательства” фактически делали все возможное для поражения испанского правительства. Лейбористы и другая часть либералов сочувствовали испанскому правительству, но не проявляли никакой активности и даже официально поддерживали принцип “невмешательства”, тащась таким образом в хвосте господствующих классов. В обоих

---

[1] Запись беседы И. М. Майского с Э. Иденом. 3 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 24. Л. 32–39.

[2] FO to Chilston. No. 569. 3 Nov 1936; Collier’s minute. 10 Nov 1936, W15074/9549/41 // TNA FO 371 20584.

лагерях господствовала глубокая уверенность, что победа Франко, при поддержке Италии и Германии, — дело предрешенное, и одни ожидали этого с радостью, а другие с огорчением. Однако даже наиболее искренние сторонники испанского правительства в отчаянии разводили руками и восклицали: “Ну что мы можем поделать? Поражение Кабаллеро — увы! — неизбежно”. Такие настроения, естественно, сковывали руки наиболее активным из сторонников испанской республики. Сейчас положение совсем иное».

В конце октября лейбористы перешли в оппозицию политике правительства, отказавшись поддержать «фарс невмешательства» во время масштабных дебатов в Палате общин. По всей стране прошли демонстрации и митинги, кульминацией которых стал большой митинг в Альберт-холле в Лондоне в конце ноября. В нем приняли участие многие крупные лейбористы. Были собраны деньги в поддержку Испании. Конечно, далеко не все консерваторы поменяли свое отношение к этому вопросу, но, тем не менее, существовало мнение, что победа Франко не будет отвечать интересам Британской империи. Естественно, Майский, как положено, провел ряд переговоров с различными политическими деятелями, например, с Черчиллем, Кэтрин Стюарт-Мюррей герцогиней Атолл, Максом Эйткеном 1-м бароном Бивербруком, Филипом Крерром 11-м маркизом Лотианом и другими, чтобы осторожно попытаться выяснить их мнение и / или привлечь на свою сторону. Причинами изменений в общественном мнении, по словам Майского, были сильная позиция, занятая Советским Союзом 7 октября, неудавшееся наступление Франко на Мадрид и агрессивная политика Италии и Германии по отношению к Испании. Последний фактор рассматривался как угроза британским имперским интересам, особенно в Средиземноморье. Наконец, Майский сообщил, что в британских политических кругах и в других странах растет понимание того, что конфликт в Испании становится полем битвы между нацистской Германией, Италией и СССР. «Скрытый поединок» — так он называл сложившуюся ситуацию.

«Поэтому от хода и исхода испанских событий зависит не только судьба самой Испании, не только перспективы европейского мира, но также и наш собственный международный престиж как великой державы. Надо прямо сказать, что на сегодняшний день наш престиж в Англии стоит высоко, ибо приостановка лавинообразного наступления Франко и его неудачи под Мадридом на протяжении последних пяти недель относятся здесь целиком за наш счет... Кроме того, в сознании широких кругов “западных демократий” (а также в кругах британских консерваторов) стала укрепляться мысль, что наконец на европейском горизонте появилась сила, которая способна поставить предел прогрессирующей фашистской экспансии».

Тем не менее если бы ситуация снова повернулась в пользу Франко, престиж СССР пострадал бы. Майский не возражал против англо-французского посредничества в конфликте, который в тот момент был у всех на устах, но чтобы остановить продвижение Германии и Италии в Испании, было необходимо применение силы[1]. Британский посол в Мадриде сэр Генри Чилтон выразил это следующим образом, предвосхищая точку зрения Майского по одному ключевому пункту: «Похоже... что гражданская война в Испании со временем может перерасти в войну между Россией, с одной стороны, и Германией и Италией, с другой, и вестись она будет на территории Испании»[2].

Майский, по-видимому, агитировал за сохранение сильной позиции Советского Союза в Испании, явно не соглашаясь в этом с Литвиновым. 17 декабря он отправил срочную телеграмму, в которой говорилось, что события в Испании приближаются к ключевой стадии, возможно, даже это «решающий момент». Франко готовил «большой кулак», в котором важную роль должны были сыграть немецкие и итальянские войска, для удара по Мадриду и его захвата. Муссолини в своей поддержке Франко готов был пойти даже дальше Гитлера. Это была игра по-крупному. На встрече министра иностранных дел Италии графа Галеаццо Чиано с Гитлером была достигнута договоренность о том, что сфера влияния Германии будет включать Австрию, Чехословакию, Румынию, Болгарию и Советскую Украину, а сфера влияния Италии — Венгрию, Югославию, Албанию, Грецию, Испанию и Северную Африку. По словам Майского, британской правящей элите не нравилось то, как развивались события. Однако роль Советского Союза в поддержке республиканского правительства продемонстрировала, что возможен иной исход, чем победа Франко. Люди начинали понимать — и не только в Великобритании или в британском правительстве, но и вообще в Европе, — что появилась новая сила, способная продемонстрировать принцип неделимости мира и «способная сказать Гитлеру и Муссолини: “стоп”». Майский писал, что на Францию нельзя рассчитывать, что она последует примеру Великобритании. СССР будет играть самую активную роль. Лучшее, на что можно надеяться, — это «моральная и политическая поддержка Великобритании». В этом вопросе Майский ошибался, ошибочно принимая народные митинги, подобные тому, что прошел в Альберт-холле, за политику правительства, однако здесь он еще раз высказывал точку зрения о том, что в политических кругах складывается впечатление о «скрытом поединке» между СССР, Германией и Италией. Такая аргументация едва ли убедила

---

[1] И. М. Майский — М. М. Литвинову. 10 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 24. Л. 103–108.

[2] Chilton. No. 745. 12 Nov 1936, W15795/9549/41 // TNA FO 371 20585.

Литвинова. Майский утверждал, что на карту поставлено не только будущее фашизма и мир в Европе, но и советский «престиж». Он уже использовал этот аргумент раньше. Учитывая то, что Майскому было известно из испанских источников, Испанская республика все еще могла выиграть войну с помощью интернациональных бригад, использования республиканского военно-морского флота для усиленной охраны поставок и появления советских военно-морских судов в испанских водах для оказания «морального воздействия» не только на Франко, но и на Муссолини и Гитлера. Майский осторожно отмечал, что он воздерживается высказывать личные взгляды на эти вопросы, не будучи военным специалистом. «Склонен, однако, думать, что в поведении Муссолини и Гитлера, как всегда, имеется много блефа». Возможности Германии и Италии развернуть войну в пользу Франко были более ограниченными, чем они сами предполагали[1].

Литвинов не выказал никакого раздражения, отвечая на вопросы Майского о советской политике. «По существу я с Вами согласен о крупном значении исхода борьбы в Испании, — ответил он. — Нам это здесь тоже совершенно ясно». Трудность заключалась в том, что хотя на фронте на тот момент сохранялась определенная стабильность, это равновесие могло быть легко нарушено дополнительными подкреплениями, которые генералу Франко было получить значительно легче, чем республиканским войскам. Дальнейшие попытки СССР стабилизировать фронт только спровоцировали бы более решительные контрмеры. Советский Союз ни за что не выиграл бы эту гонку. Как отметил Литвинов, у нас нет флота в Средиземном море, и мы находимся далеко. «Не можем изменить этого положения до тех пор, пока Англия и Франция остаются в стороне или ограничатся лишь “политической и моральной” поддержкой»[2].

Майский ответил Литвинову, что, по его мнению, равновесие в Испании вскоре может быть нарушено прибытием новых немецких войск. Италия, по его словам, похоже, медлила. В недавних беседах с Майским Ванситтарт и Иден высказали свои личные опасения по поводу ситуации в Испании. Майский пришел к выводу, что ситуация не так плоха, как могла бы быть, и поэтому записал: «Я не склонен оценивать перспективы испанской войны уже так пессимистически»[3]. Личные опасения Вансит-

---

[1] И. М. Майский — в НКИД. 17 декабря 1936 // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 221. Д. 1585. Л. 91–94. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 19 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 116. Д. 22. Л. 38–39.

[3] И. М. Майский — М. М. Литвинову. 24 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 117. Д. 24. Л. 113–115.

тарта и Идена, конечно, вряд ли были аргументом, способным повлиять на Литвинова. И Майский, как, должно быть, казалось Литвинову, в своих депешах тоже во многом выдавал желаемое за действительное. Нарком привык к тому, что в советской политике должна царить жесткая дисциплина.

Ванситтарт и Майский: «весьма странная пара»

23 декабря Майский и его жена Агния обедали в лондонской квартире Ванситтарта. Других гостей не было. Со времени появления Идена в Форин-офисе эти двое стали встречаться куда реже, чем раньше. Конкретно в тот день они обсуждали различные политические вопросы. Ванситтарт рассказал о своей поездке в Берлин летом. Он сказал, что, несмотря на весь «фимиам» по поводу этого визита, уезжал он с еще более твердым убеждением в том, что от Германии исходит угроза. Тут к беседе присоединилась леди Сарита Ванситтарт; среди прочего, она говорила о невежливости и черствости своих немецких собеседников и о том, какими жалкими и измученными выглядели люди на улицах. Ванситтарт презрительно высказался об Иоахиме фон Риббентропе, который недавно стал послом Германии в Лондоне: неуклюжий, бестактный, язвительный, Риббентроп без умолку говорил об опасностях коммунизма, что было вполне предсказуемо. Это был основной прием нацистской пропаганды, направленный на то, чтобы обезоружить потенциальную жертву. В разговоре также упоминалась Испания. По подсчетам Форин-офиса, в Испании находилось от 13 до 20 тысяч немецких военнослужащих. Ванситтарт отметил, что британское правительство «очень беспокоит» это, но предпочел поговорить об отношениях Великобритании с Италией. Англо-итальянское соглашение планировалось подписать в ближайшие дни. Это была важная новость. Соглашение стало бы началом «англо-итальянского сближения», которое, как надеялся Ванситтарт, отвлечет Италию от Германии и позволит восстановить так называемый фронт Стрезы (союз с Великобританией и Францией). В содержательном плане соглашение было весьма скромным, но сам факт его заключения «знаменует собой крупное изменение атмосферы», в том числе в Испании, оказав некоторое «влияние» на проводимую там Италией политику. Ванситтарт сказал Майскому, что «В[анситтарт] удовлетворен нашей позицией в испанском вопросе» и не верит слухам о «советизации Испании». Он даже намекнул, что одобряет советскую помощь республиканскому правительству. По словам Ванситтарта, было бы «очень плохо», если бы Гитлер одержал победу в Испании. «Жаль только, — заключил Майский, — что Вансит[т]арт пока, видимо, не склонен приложить своей собственной руки к поражению Гитлера и хотел бы,

чтобы СССР взял на себя эту нелегкую работу»[1]. Но что еще мог сделать Ванситтарт? Он не пользовался доверием Идена, а другие сотрудники Форин-офиса определенно не разделяли его взглядов на ситуацию в Испании. Правда, стремление отвлечь Италию от нацистской Германии не было политикой умиротворения; впрочем, после Абиссинского кризиса оно уже не было и чем-то реалистичным. По сути это была пустая трата времени. Муссолини не собирался связывать себе руки в Испании. Итальянские чернорубашечники уже высадились в Кадисе, и за ними вскоре должны были последовать другие[2].

Что касается леди Ванситтарт, она была не так уж проста. Ванситтарты часто принимали гостей в своей лондонской квартире. Однажды в октябре они пригласили покидавшего пост немецкого советника в Лондоне князя Отто фон Бисмарка-Шёнхаузена, внука великого канцлера, на ужин вместе с немецким коллегой. «Мы были только *à quatre* [вчетвером]», — отметил Бисмарк, повторив выражение Ванситтарта. По словам Бисмарка, атмосфера была очень душевной. Леди Ванситтарт была в дружелюбном расположении духа и говорила о визите в Берлин несколько в ином ключе, чем с Майскими. Она «была в восторге» от вечера, проведенного с Гитлером, который «произвел на нее исключительно сильное впечатление». Майскому она говорила, вероятно, что это было «отрицательное впечатление». После ужина они отправились в кинотеатр, где в кинохронике показывали фрагмент столкновения между правыми и левыми в Восточном Лондоне. По словам Бисмарка, леди Ванситтарт резко высказалась о «коммунистической агитации» в Лондоне и «списала ее на влияние России». Майский пришел бы в ужас, если бы услышал этот разговор. Но дальше было еще хуже. Когда на экране появились кадры хроники победы Франко при Толедо, она и другие зрители «горячо аплодировали победоносным Белым войскам». Шел октябрь 1936 года, и казалось, что Франко возьмет Мадрид с ходу. «Сам сэр Роберт, — отмечал Бисмарк, — мало говорил о политике»[3]. Это было вполне понятно; впрочем, он вполне мог сказать что-нибудь Сарите *после ухода* Бисмарка и его коллеги. Во всяком случае, когда примерно два месяца спустя приехала чета Майских, леди Ванситтарт уже совсем по-другому отзывалась о Берлине. Немцы были хорошо

---

[1] И. М. Майский — в НКИД. 24 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 059, Оп. 1, П. 221, Д. 1585, Л. 112–113. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Г. К. Орджоникидзе; Запись беседы И. М. Майского с Р. Ванситтартом 23 декабря 1936. 8 января 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 129. Д. 25. Л. 21–24.

[2] Ulrich von Hassall. No. 308. 23 Dec 1936 // DGFP, series D. Vol. III. P. 178.

[3] Bismarck to Dieckhoff. 7 Oct. 1936 // DGFP, series C. Vol. V. P. 1052–1053.

осведомлены о заигрываниях Англии с Италией. В одном из сообщений посольства Германии в Риме говорилось, что Муссолини «хочет зарыть топор войны с Англией»[1]. Была середина декабря, и в боях за Мадрид дела у Франко складывались не так уж хорошо.

Ванситтарт очень гордился соглашением с Италией, так называемым «джентльменским соглашением», подписанным 2 января 1937 года. Литвинов также был заинтересован в том, чтобы привлечь Италию на нужную сторону. Французам, однако, это не нравилось. Можно было бы подумать, что к тому времени они уже научились не доверять *les Anglais* (англичанам). Сразу после Нового года Потёмкин встретился с Даладье и Гамеленом, которые, как вскоре узнают читатели, были не совсем «друзьями» СССР. Но в тот день они горько жаловались на британцев и их соглашение с Италией. Потёмкин был не прочь дать им поплакаться в жилетку о своем горе. В любом случае, все услышанное он записал. Оба француза осознавали опасность укрепления позиций Германии в Испании. «Даладье обвинял Англию в том, что она воспротивилась оказанию помощи законному правительству Испании, причем отметил, что она же двусторонним средиземноморским соглашением с Италией изолировала Францию и повысила требовательность Муссолини в отношении французского правительства». Дельбос опубликовал «оптимистическое коммюнике» по поводу соглашения, которое «дезавуируется французскими военными кругами». Когда речь зашла о Германии, Гамелен добавил: «Франции и ее друзьям нужно не дремать»[2]. Это было правдой, но оставались ли у Франции какие-нибудь «друзья» после Рейнского кризиса? Можно ли было считать «коварный Альбион» другом или даже союзником? Сложившаяся ситуация должна была бы сделать французов более услужливыми по отношению к СССР. На первый взгляд все, казалось, так и было, но в реальности всё было совсем иначе.

Майский тоже был не в восторге. В начале нового года он нанес визит Ванситтарту, чтобы выразить свое недовольство. Одновременно с заключением «джентльменского соглашения» итальянцы высадили 11 000 солдат в Кадисе, и Майский хотел знать, как Ванситтарт может это объяснить. На их встрече перед Рождеством Ванситтарт был полон оптимизма и предсказывал постепенный вывод войск из Испании. Майский сослался на итальянскую и немецкую прессу, которая утверждала, что «джентльменское соглашение» является «молчаливым признанием» итальянской интервенции в Испании. Что же произошло? «Я взглянул на своего собеседника, — отметил Майский, — и не мог не отметить, что, несмотря на свою

---

[1] Hassall. 18 Dec. 1936 // DGFP, series D. Vol. III. P. 170–173.

[2] В. П. Потёмкин — в НКИД. 5 января 1937 г. // ДВП. Т. XX. С. 13–14.

профессиональную сдержанность, он сильно взволнован». Ванситтарт был «видимо раздражен». Он начал отвечать, что сообщения в прессе — это «сплошная чепуха, которая выдает лишь низкий умственный уровень ее руководителей». Можно представить, насколько Ванситтарт был раздражен — и Иден тоже. Их обставили, и кто! — Муссолини, ни много ни мало, бывший корреспондент желтой прессы, который во время Первой мировой войны работал на британскую разведку. «Англичан» перехитрил столь же беспринципный итальянец! Конечно, в своем донесении Майский ничего подобного не написал. К «Вану» он испытывал симпатию и уважение. Ванситтарт отрицал, что Форин-офис каким-либо образом потворствовал итальянскому вмешательству или высадке войск в Кадисе. «Муссолини совершил величайшую политическую ошибку» и полностью перечеркнул всю добрую волю в Британии, созданную «джентльменским соглашением». Это обнадежило Майского, по крайней мере по его словам, но он хотел знать, каким будет ответ британского правительства. Ванситтарт сослался на комментарии в прессе. Этого было недостаточно: пресса — это одно, правительство — совсем другое. Майский предложил, чтобы Иден сделал официальное заявление. Последовала небольшая дискуссия, после которой Ванситтарт наконец согласился обсудить этот вопрос с Иденом. Дальнейшая беседа была посвящена привычной для Майского теме о принятии мер. В Москве реакция на высадку итальянцев в Кадисе была весьма бурной. Ситуацию в Испании нельзя было исправить одними словами: требовались действия. Конечно, *конечно*, вопрос был только в том, какие конкретно действия?[1]

Была и еще одна проблема. В то время как Ванситтарт был «удовлетворен» советской политикой в Испании, этого же нельзя было сказать о других. Например, помощник постоянного заместителя госсекретаря Сарджент в протоколах досье Министерства иностранных дел разглагольствовал о СССР и Испании, как всегда, совершенно не понимая, что происходит на самом деле. Он видел только красных, потворствующих революции в Испании: это они спасли Мадрид, «когда все ожидали, что он падет». Более того, он писал: «Это... последовательная и естественная политика советского правительства по разжиганию разногласий между капиталистическими державами Европы и особенно между Германией и Великобританией... В делах Испании они видят многообещающую возможность применения этой политики»[2]. Такая оценка советской политики

---

[1] Запись беседы И. М. Майского с Р. Ванситтартом 6 января 1937. 8 января 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 129. Д. 25. Л. 13–16. Опубл.: ДВП. Т. XX. С. 14–16.

[2] Sargent's minute on «Soviet policy with regard to Spain». 8 Jan. 1937 // DBFP. 2nd. V. XVIII. P. 52.

была крайне ошибочной. Понял ли Сарджент позже, что был неправ? Дошло ли до него, что происходит, когда в конце 1930-х годов на Европу обрушилась война? Не похоже, по крайней мере судя по имеющимся свидетельствам, что Майскому в какой-то момент стало известно об обличительных речах Сарджента против СССР в Министерстве иностранных дел. Ванситтарт, по-видимому, никогда не говорил с Майским о том, какую роль играл Сарджент в саботировании англо-советских отношений. Но даже если бы Ванситтарт мог убрать его с дороги, в игру вступили бы другие желающие продолжить его дело. В самом деле, Литвинов писал Майскому «на основании имеющихся у нас документов», что Кольер «в испанском вопросе занимает вполне правильную позицию, отстаивая интересы мадри[дского] пра[вительства]», в то время как Оуэн О'Мэлли, глава Южного департамента, действует «в интересах мятежников». И эта информация была верной[1]. Почему же не было аналогичных «документов» по поводу Сарджента?

Таким образом, Сарджент был не единственным, кто придерживался подобных идей по поводу Испании и СССР, не менее ошибочных оттого, что их широко разделяли. Посол США в Берлине Уильям Додд предупреждал Вашингтон, что опасность революции возрастает. Франция станет «следующей жертвой из-за Испании», а Сталин «открыто и агрессивно сочетает российский военный империализм с русским коммунизмом»[2]. Додд написал эти строки за четыре дня до того, как Литвинов направил Сталину в сентябре свою докладную записку, призывающую к возобновлению усилий по консолидации антинацистской коалиции. Еще до начала Гражданской войны в Испании Уильям К. Буллит, посол США в Москве, отверг предупреждения Литвинова об опасности как явные «пропагандистские заявления». Буллит утверждал, что нельзя доверять большевикам: советская поддержка «демократических» правительств — всего лишь притворство, «чтобы в конечном итоге этих демократов поскорее поставили к стенке... Для таких людей самое подлое предательство — высшая добродетель»[3]. Шел апрель 1936 года, и Буллит вскоре должен был стать послом США в Париже; он дослуживал последние дни в Москве и яро ненавидел Литвинова и СССР.

---

[1] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 3 января 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 128. Д. 24. Л. 12. См. также: *Neilson K. Britain*. Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919–1939. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 190–191.

[2] Dodd to Hull. No. 3019. 3 Sept. 1936 // Foreign Relations of the United States (hereinafter: FRUS), 1936. 5 vols. Washington, DC, 1954). Vol. I. P. 335–338.

[3] Bullitt to Hull. No. 1537. 20 Apr. 1936 // FRUS the Soviet Union, 1933–1939. Washington, DC, 1952. P. 291–296.

Розенберг в Париже на ужине с Блюмом

Как раз в то время, когда Майский и Литвинов пытались прийти к общему мнению по испанскому вопросу, в Париже также состоялась необычная встреча Блюма и Розенберга. Марсель Розенберг был франкофилом, который в Париже был на хорошем счету как бывший поверенный в делах СССР. Журналистка Женевьева Табуи писала о нем в положительном ключе, как и многие другие в Париже. Розенберг хорошо справлялся с работой и внушал доверие своим французским коллегам. Он умел «выуживать» информацию, полезную для Москвы, а впоследствии и для историков. Лаваль и многие другие в Париже, по словам Табуи, «немного побаивались блестящего ума этого русского». Короче говоря, Розенберг был из тех людей, о которых мы сегодня могли бы сказать, что он не только «мастерски “лоббирует” интересы своей страны», он еще и просто хороший парень[1]. Неудивительно, что, когда он остановился в Париже, Блюм пригласил его к себе домой для разговора. Розенберг сделал подробную запись их продолжительной и достаточно резкой беседы. Свой рассказ он начинает так:

«Блюм принял меня у себя на квартире, я неоднократно подчеркивал, что беседа носит сугубо частный характер. Из беседы, длившейся около 2 часов, воспроизвожу наиболее существенное: Блюм, изощрявшийся в упреках против нас, во время моей предыдущей беседы с ним по испанскому вопросу (конец августа), на этот раз говорил оправдывающимся тоном.

Блюм заявил, что он “счастлив” оттого, что мы помогаем Испании. Я обратил его внимание на статью Северака в “Попюлере”, в которой тот вовсе не заявлял, что он счастлив оттого, что мы “вмешиваемся”».

Северак связался с социалистом-пораженцем Полем Фором, тем самым выступив против Блюма. Он ненавидел СССР и выступал против советской помощи республиканскому правительству.

Как читатель, вероятно, понимает, это была не официальная беседа, а разговор двух людей, которые когда-то, вероятно, были в дружеских отношениях, а может быть, все еще пытались их поддерживать.

«Блюм расспрашивал меня подробно об Испании, я ему говорил о чувствах, которые испытывают испанские социалисты по его адресу. Я напомнил Блюму про нашу предыдущую беседу, когда он жаловался на то, что испанцы отказывались от предложенных им маломощных самолетов. Я заявил Блюму, что я теперь понимаю испанцев, которые в момент, когда конвенция о невмешательстве еще не была подписана, ждали от Франции

---

[1] *Tabouis G.* They Called me Cassandra. New York: Charles Scribner’s Sons, 1942. P. 252–253.

вооружения равноценного тому, которое фашистские страны поставляли Франко. Блюм возразил, что более квалифицированные самолеты пришлось бы снять с вооружения, — на что я заявил, что у французов в связи с вынужденной посадкой итальянских самолетов были доказательства, что итальянцы отправляли армейскую авиацию, следовательно... Я напомнил Блюму также про сделанное им мне заявление, что он остался у власти лишь ради того, чтобы поддержать республиканскую Испанию, и дал ему понять, что с той "помощью", которую он ей оказал, испанская революция шла навстречу верному поражению».

Это были жестокие слова. Можно предположить, что Блюм не мог прямо сказать, что поддерживает тайную отправку военной техники и припасов республиканскому правительству, а Розенберг, вероятно, не знал о поддержке Блюмом того, что в шутку называли *non-intervention relâchée* (вялое невмешательство). Поэтому Блюм продолжал придерживаться старого сценария. «Блюм привел известные аргументы (Англия, французские радикалы) в оправдание своего поведения. Я пытался вдолбить Блюму мысль, что мол недостойно его идти по стопам тех, кто из вечной боязни дать фашистам предлог для войны идет по пути непрерывных уступок и тем самым фактически поощряет фашизм на дальнейшие авантюры». Советские дипломаты регулярно прибегали к такой аргументации, но большинство их западных коллег не слушали или говорили, что ничего не могут сделать. «При этом я разжевывал ему мысль, что Гитлер и Муссолини не постесняются найти "предлог" если сочтут, что военное соотношение сил оправдывает военное выступление». Это, конечно, был излюбленный рефрен Литвинова.

«Когда Блюм признал, что мадридское правительство справилось бы с восстанием в пределах нескольких недель, не будь оно поддержанным извне, я заметил, что политика франц[узского] пра[вительства] означала до настоящего времени объективно "невмешательство" по отношению к насильственному насаждению Италией и Германией фаш[истского] строя в Испании, что представляет для Франции колоссальную опасность с точки зрения стратегической и с точки зрения прецедента, который создается в отношении "принудительной фашизации" других стран Европы».

Здесь Розенберг всего лишь в очередной раз изложил суть советской внешней политики. «Я сказал Блюму, что все это я говорю ему в качестве личного друга. Я лично, ожидавший от него смелой политики, а не политики постоянных уступок фашизму, не могу скрыть известного разочарования. Я не знаю, как к нему относятся в Москве, возможно, что там на это смотрят спокойнее». Это были удивительно резкие слова для советского дипломата, в то время советского полпреда в Испании, учитывая, что сказаны они были в адрес председателя Государственного совета Франции, но

Розенберг сказал, что он говорит как друг, а не как официальное лицо, и разговор продолжился.

«Раньше он [Блюм], мол, оправдывал свое поведение тем, что мы сами ничего не предпринимаем и чуть ли не хотим втравить Францию в войну, теперь же вздорность такого предположения для кого угодно ясна. Это не мешает ему кивать на нас и оправдывать перед массами (я имел в виду его последнюю речь на митинге) свою пассивную позицию ссылкой на то, что и мы, мол, не отказались от соглашения о невмешательстве. Он сам понимает, что это не является аргументом по существу».

Советское правительство под влиянием Литвинова решило остаться в Комитете только чтобы не подрывать свои отношения с Францией и Великобританией. Блюм, несомненно, все понял, хотя вслух этого не сказал. Розенберг озвучил горькую правду. «Блюм хныкал о неизбежности перерастания испанского конфликта в общеевропейский в случае продолжения нынешнего положения вещей, — т. е. оказания помощи белым со стороны фашистов и республиканцам с нашей стороны. Я указал ему на то, что он несет большую долю ответственности за создавшееся положение, поставив своей дипломатической тактикой на одну доску законное правительство и мятежников». Это было сказано в манере, нетипичной для общения советского дипломата с председателем французского Совета. Тем не менее откровенный разговор продолжался. Блюм изложил идею проведения плебисцита в Испании; он сказал, что это поставило бы Италию и Германию в трудное положение. Он также выразил надежду, что Комитет по невмешательству сможет контролировать импорт оружия.

«Я сказал Блюму — продолжал Розенберг, — что мне неизвестно, как к этому предложению отнесется “Москва”, однако я указал ему на то, что он не может не понять, что все эти предложения, упирающиеся в конечном счете в согласие генерала Франко, — решающего значение иметь не могут. Если он хочет устранить опасность войны, он должен с согласия или без согласия Англии заявить Италии и Германии, что продолжение оказания или вооруженной помощи мятежникам заставит Францию занять позицию, аналогичную той, которую занимает ныне СССР».

Блюм ответил уклончиво, подчеркнув, «что лишь в угоду ему Англия отказалась от признания за Франко права воюющей стороны». Он мог бы добавить, что Даладье сверг бы правительство, если бы оно зашло слишком далеко, и что Франция не осмеливается проводить независимую от Лондона политику. «Говоря про позицию Идена, Блюм передал мне его высказывание о том, что ему понятно, что французские социалисты сочувствуют мадридскому правительству, но что он, Иден, в лучшем случае может себя заставить занять в отношении последнего нейтральную позицию, в то время как позиция многих консерваторов является неприкрыто

враждебной». Разговор продолжился еще некоторое время. Блюм пытался найти хоть что-нибудь позитивное, что можно сказать о французской политике, а Розенберг отвечал на это, что Франция могла бы и должна бы сделать больше[1].

Майский и Иден

Перед Рождеством Майский вновь появился в Форин-офисе, чтобы встретиться с Иденом. Он выступал за более жесткую линию в отношении Франко, но без особого успеха. Итак, главной темой обсуждения была Испания. Разговор проходил примерно в таком русле:

«Что, если Германия повысит ставку, — спросил Майский, — отправит 50–60 тысяч солдат в Испанию, как того хочет Франко?»

«Маловероятно», — ответил Иден.

«Не разделяю оптимизма Идена, — возразил Майский. — В Берлине идет борьба между приверженцами двух точек зрения: армия и флот выступают за осторожность; нацистская партия — за интервенцию с целью поддержать Франко во что бы то ни стало и сокрушить “силы большевизма”. При этом Гитлер заявляет руководителям армии и флота: “Вы слишком осторожничаете, вы переоцениваете силу реакции в Англии и Франции. Вы меня тоже пугали разными последствиями перед занятием Рейнской области, но я вас не послушался, и кто оказался прав?”»

«Мне кажется, — продолжал Майский, — что если со стороны Англии и Франции не последует теперь каких-либо явных манифестаций, что они готовы действовать, а не только просить и убеждать, — Гитлер опять пойдет на авантюру». В результате испанская неразбериха вполне могла перерасти в европейскую войну.

Иден вежливо выслушал лекцию Майского. Это было повторение их разговора от 3 ноября. «Иден ответил, что мои соображения очень интересны, и он готов во многом со мною согласиться... Но есть все-таки разница между Рейнской областью и Испанией. Рейнская область — это немецкая земля, а Испания есть Испания. И посылка экспедиционного корпуса в 60 тыс. чел. была бы прямой агрессией против Испании. Он, Иден, все-таки не думает, чтобы Гитлер решился на такое безумие. К счастью, как будто бы итальянцы в последнее время проявляют значительно меньше активности в испанских событиях».

«Значит ли это, — спросил Майский, — что британское правительство предполагает ничего не делать в вопросе о прекращении притока иностранных войск в Испанию?»

---

[1] Запись беседы М. И. Розенберга с Л. Блюмом. 29 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 77. Д. 113. Л. 197–193.

«Иден сделал отрицательный жест рукой и поспешил сказать, что я глубоко ошибаюсь. Британское правительство очень обеспокоено ходом событий. Для него, Идена, совершенно ясно, что испанская война уже перестала быть испанской войной, а стала войной международной, к исходу которой Великобритания не может быть совершенно равнодушной». Иден сказал, что британское правительство намерено сделать «все возможное», чтобы положить конец войне и иностранной интервенции. В этом было главное различие между Иденом и Майским, целью которого было подавить фашистский мятеж. Иден упомянул речь о прекращении войны, которую он недавно произнес. В 1913 году речи, может, и работали, парировал Майский, но не сейчас. Требуются действия.

«Каких действий вы хотели бы от меня?» — как ни в чем ни бывало спросил Иден. «Я ответил, — пишет Майский, — что не мне учить его, как надо действовать. Вековая практика британской дипломатии может легко подсказать ему надлежащие формы. Важно, чтобы была воля к действию». Это был, конечно, правильный дипломатичный ответ на каверзный вопрос Идена. «Иден несколько смешался и скороговоркой заявил, что вот, мол, сегодня вечером из Парижа возвращается Корбен и они с ним обсудят возможные формы действия. Затем, обращаясь ко мне, он прибавил: «Если у Вас будут какие-либо предложения, я охотно готов их обсудить»[1].

Майский не оставлял надежды заставить Идена понять, что война в Испании — всего лишь часть развернувшейся в Европе более масштабной борьбы между фашистскими агрессорами и «западными демократиями». Первые делали значительные успехи с учетом «слабости» вторых. «Эта слабость внешнеполитической линии Англии и Франции, — писал Майский, — вызывает в известных кругах советского общественного мнения настроение разочарования в сотрудничестве с западными демократиями». Это было правдой, и Майский, по сути, предупреждал Идена, что не следует воспринимать СССР как должное. Советская политика осталась прежней, но «кое-какие изменения есть». Отрицать это было нельзя. Майский думал, что Великобритания, возможно, займет более твердую позицию, но он ошибался[2].

В апреле 1937 года Идены и Майские проводили вместе довольно много времени. Да, иногда дипломатия так и выглядит: сначала можно поболтать о пустяках за обеденным столом, а уж потом, с бокалом коньяка в руке и, возможно, сигарой, поговорить о серьезных делах, пока женщины беседуют в другой комнате. Так, по крайней мере, было у Майского и Идена.

---

[1] Запись беседы И. М. Майского с Э. Иденом 21 декабря 1936 года. 9 января 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 129. Д. 25. Л. 26–30.

[2] Запись беседы И. М. Майского с Э. Иденом. 15 марта 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 129. Д. 25. Л. 88–93. Опубл.: ДВП. Т. XX. С. 125–130.

И вот во время одного из таких обедов в очередной раз всплыла тема Испании. «По существу испанского вопроса, — писал Майский в своем дневнике, — Иден придерживается гнилой позиции: Англии будто бы безразлично, кто победит, ибо в результате гражданской войны Испания будет чрезвычайно ослаблена и должна будет искать денег, которые она сможет найти только в Лондоне и Париже. Фунт сильнее пушки. Поэтому брит[анское] пра[вительство] не очень обеспокоено перспективами испанской войны». Иден считал, что Испания — «могила для всякого, кто туда сунется», и беспокоился, что туда может оказаться втянутой Великобритания. Он упомянул Наполеона, Веллингтона и Муссолини. Как ни странно, имя Гитлера в разговоре не всплыло. Дуче, сказал Иден, утратил «престиж» в Испании, и ему следует побыстрее убираться оттуда, иначе «конец для него будет плохой».

У Идена, очевидно, было хорошее чувство юмора, потому что затем он перевел тему с Италии на СССР. С другой стороны, отметил Иден с лукавой улыбкой, «вот вы ведете свою испанскую кампанию блестяще: делаете, что считаете нужным, и не увязаете. Даже сохраняете внешность полной невинности». Затем собеседники обменялись не слишком дипломатичными шутками о Риббентропе и итальянской армии[1]. Иден кое в чем был прав в отношении советской политики: Литвинов был готов на все, чтобы найти выход из испанской головоломки.

Разговор продолжился во время одного из приемов в советском посольстве, на котором вместе с другими дипломатами и общественными деятелями присутствовали Иден и его жена. По словам Майского, это было большое общественное мероприятие, имевшее успех. Как это часто бывает в подобных случаях, от светской болтовни постепенно перешли к обсуждению серьезных дел. Майский отвел Идена в сторону, чтобы обсудить ряд вопросов. Большую часть времени говорили об Испании. По словам Идена, «испанская авантюра» стала слишком непопулярной в Великобритании и слишком дорогой, чтобы продолжать ее. Он был в поисках «золотого моста», по которому можно было выбраться из испанской западни, и считал, что СССР должен ему в этом помочь. Иден полагал, что лучший способ это сделать — через Комитет по невмешательству; он надеялся на формирование коалиционного правительства между воюющими сторонами. Это была *a day dream* (химера), как выразился Черчилль во время дебатов в Палате общин, и Майский был с ним согласен. Он также считал, что Муссолини будет нелегко заставить покинуть Испанию.

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: в 2 кн. / отв. ред. А. О. Чубарьян; сост.: Л. В. Поздеева и др. Кн. 1: 1934 — 3.09.1939 год. С. 159 (запись от 16 апреля 1937 г.). М.: Наука, 2006.

«Вы, советские люди, всегда пессимисты», — ответил Иден. «А Вы не находите... что в девяти случаях из десяти мы оказываемся правы?» — спросил Майский. Иден рассмеялся, но Майский и не думал шутить[1].

В мае Литвинов, который был в это время в Лондоне, нанес визит Идену. Возможно, он был рад видеть Идена, а может, просто хотел сделать храбрую мину. Согласно отчету Форин-офиса, «у советского комиссара, который, как правило, обожает мрачные пророчества, в этот раз было меньше дурных предчувствий, чем обычно». Появились «признаки улучшения международной ситуации», отметил Литвинов: «Жизненно важно, чтобы Англия и Франция, а также Россия и, насколько это возможно, Соединенные Штаты держались вместе». Конечно, это была основная линия аргументации в пользу сопротивления гитлеровской Германии. Если бы мы все держались вместе, мир все еще можно было бы спасти. Проблема, по словам наркома, заключалась во Франции: ее внешняя политика была слабой, «в результате чего соответственно пострадали позиции Франции в Центральной Европе». Это было правдой, хотя французское правительство, очевидно, не подозревавшее о том, что в Восточной Европе к нему утратили доверие, могло бы попытаться доказать обратное.

Разговор зашел и об Испании. По словам Идена, «Литвинов заявил, что советское правительство вообще не интересуется Испанией».

«Ему все равно, какая форма правления установлена в Испании, даже если это фашистское правительство, подобное тому, которое было установлено генералом Примо де Риверой, главное, чтобы это не было правительство, находящееся в прямом подчинении Берлину или Риму и под их контролем. Советская Россия не просит ничего лучшего, кроме как установить в Испании какую-либо форму демократического правления. Она, конечно, не желает устанавливать там коммунистический режим»[2].

Сомнительно, чтобы такого мнения придерживался Сталин или тем более Майский, которого беспечное безразличие Литвинова, вероятно, просто ужасало. Создание большого альянса против гитлеровской Германии стоило того, чтобы пойти практически на любые жертвы. Что же касается очевидного улучшения настроения Литвинова, это было ненадолго.

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1: 1934 — 3.09.1939. С. 161–162 (запись от 21 апреля 1937 г.). См. также: И. М. Майский — в НКИД. 21 апреля 1937 г. // ДВП. Т. XX. С. 179–181.

[2] Eden to Chilston. No. 228. 14 May 1937, N2608/255/38 // TNA FO 371 21102.

ГЛАВА III

ПРИЗРАК РАПАЛЛО: СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, 1934–1937 ГОДЫ

Предпосылки

В ноябре — декабре 1933 года Политбюро официально отказалось от рапалльской политики поддержания более или менее нормальных отношений с Германией. Продолжали периодически ходить слухи о том, что эта политика актуальна или что втайне обсуждается возвращение к ней. Когда в конце лета 1934 года кто-то спросил Литвинова, есть ли шанс на возобновление рапалльской политики, он категорически отрицал это, поскольку нацистская дезинформация имела целью подорвать доверие Франции и Чехословакии к СССР[1]. Примерно о том же сообщал посол Италии в Москве Бернардо Аттолико немецкому поверенному в делах Фрицу фон Твардовски (новый посол Германии на тот момент еще не прибыл в Москву). «В советских руководящих кругах больше нет прогерманских тенденций», — полагал Аттолико. Он имел беседы, в числе прочих, с Крестинским, Стомоняковым и представителями высшего командного состава. «Рапалльский договор... полностью списан русскими со счетов. Литвинов на пике своего влияния». На самом деле перспектива разворота в сторону Парижа или «принудительного втягивания в европейские дела» в Москве воспринималась без энтузиазма. Страх перед немецкой агрессией — вот что вынудило советское правительство принять меры по усилению обороны на западных границах, особенно ввиду японской угрозы на Дальнем Востоке. Аттолико утверждал, что «эффективного противодействия» развороту в сторону Франции нет, а слухи

[1] М. М. Литвинов — М. И. Розенбергу. 1 августа 1934 г. // ДВП. Т. XVII. С. 527.

о «подрыве» позиции Литвинова не отражают реального положения дел в Москве[1].

От советского посольства в Берлине продолжали поступать донесения об антисоветской кампании в прессе. «Травля», — назвал это Борис Дмитриевич Виноградов, сотрудник советской разведки в Берлине. Литвинов привлекал особое внимание нацистских пропагандистов как «зачинщик военных союзов и явный разжигатель войны, [который] постоянно бодался с миротворцем Гитлером»[2]. Конечно, советская пресса отвечала тем же. Неудивительно, что Аттолико сомневался в возможности вернуть Рапалльский договор к жизни.

Новый посол Германии в Москве

В начале октября 1934 года в Москву прибыл новый посол Германии. Им стал граф Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург, который, как и его предшественник Рудольф Надольный, надеялся способствовать улучшению советско-германских отношений. Об этом он сказал Литвинову на их первой встрече 7 октября. Литвинов не возражал, отметив, однако, что предшественник Шуленбурга начинал с аналогичных заявлений. Он добавил, что в ухудшении отношений с Германией нет вины СССР. Шуленбург указал на необходимость успокоить советскую прессу. По мнению Литвинова, это было лицемерное заявление. Он отметил, что антисоветская травля в немецкой прессе в последние месяцы тоже усилилась, упомянув, в частности, Альфреда Розенберга, нацистского идеолога и «главного вдохновителя антисоветской травли». Шуленбург отрицал рост влияния Розенберга, уклончиво ответив на замечания наркома. В кратком докладе в Берлин Шуленбург отметил, что Литвинов даже слышать не хотел об обсуждении политических вопросов. То же самое было с Крестинским и Стомоняковым[3].

В своем сообщении в Берлин Шуленбург делится своими первыми впечатлениями о Москве: «Сам я лично повсюду здесь встречал доброе отношение, но это не скрывает того, что в политическом смысле они [советские чиновники] до сих пор на нас очень злы. Причины известны — мне нет нужды повторять их. Почти все русские, которым я нанес свой

---

[1] Twardowski. No. A1791. 9 July 1934 // DGFP, series C. Vol. III. P. 150–151.

[2] Советско-германские отношения. Б. Д. Виноградов. 18 июня 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 29. Л. 41–43.

[3] Встреча с Ф. В. фон Шуленбургом 7 октября 1934 г. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 7 октября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 082. ор 17. П. 77. Д. 1. Л. 187–185. Опубл.: ДВП. Т. XVII. С. 629–630; Schulenburg. No. 231. 7 Oct. 1934// DGFP, series C. Vol. III. P. 461–462.

первый официальный визит, избегали любых упоминаний о политических вопросах, и они явно действовали по приказу. Единственным исключением, по сути, был М[ихаил Иванович] Калинин [номинальный глава государства], вернувшийся из отпуска и, возможно, еще не получивший подобных инструкций». Что касается Литвинова, его линия заключалась в том, что «он сделал все, что мог, но мы всё это отвергли». Нарком тоже был «в личном общении очень любезен, но... несмотря на это, я не могу избавиться от ощущения, что он — наш главный противник». Далее Шуленбург перешел к вопросу о советской прессе: «Здесь радостно продолжают вести кампанию против нас... Я беседовал по этому поводу с М. Литвиновым. Он пообещал мне, что сделает все возможное, чтобы положить конец кампании в прессе. Результат нулевой. Даже напротив, сегодняшняя передовица в "Известиях" совершенно возмутительна. Поэтому я снова вынужден буду нанести визит наркому иностранных дел»[1]. Кампания в прессе касалась возможной причастности нацистов к убийству Барту. Литвинов ответил на жалобы Шуленбурга, как того и следовало ожидать: он попросил одного из своих помощников передать послу подборку вырезок из немецкой прессы, в которых утверждалось, что коммунизм и большевизм вдохновляют террористов. Шуленбург сказал на это, что он пытался уладить ситуацию. «Я тоже, — ответил Литвинов. — Не могу ручаться за поведение наших журналистов, если они будут узнавать ежедневно о выпадах германской печати, а тем более германских политических деятелей против СССР». Тут работал принцип «око за око». В любом случае, добавил Литвинов, «поведение печати не является политическим фактором, а лишь симптомом». Если политические отношения улучшатся, изменится и тон комментариев в прессе[2].

Новый советский посол в Берлине

В Берлин также летом 1934 года прибыл новый советский полпред Яков Захарович Суриц, ранее возглавлявший посольство в Анкаре. От общения с иностранными коллегами у него остались те же впечатления, что и у Шуленбурга: никто не хотел говорить о политике. Он сообщил, что его первые беседы с имперским министром иностранных дел бароном Константином фон Нейратом и статс-секретарем Бернгардом Вильгельмом фон Бюловым «не представляли никакого политического интереса». Они «высказывали общие платонические пожелания о желательности улучшения наших взаимоотношений, не сигнализируя ни путей, ни методов проведе-

---

[1] Schulenburg to Bulow. 22 Oct. 1934 // DGFP, series C. Vol. III. P. 521–523.

[2] Встреча с Ф. В. фон Шуленбургом 7 октября 1934 г. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 19 октября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 95. Д. 4. Л. 226–227.

ния его в жизнь»[1]. Первые две недели в Берлине для Сурица прошли тяжело: немецкое правительство запретило распространение газеты «Правда» и выпустило длинный меморандум с жалобами на советскую прессу — еще один лицемерный поступок, а затем были арестованы немецкие сотрудники посольства. Вручение верительных грамот также затянулось. Суриц полагал, что эти действия являются ответом на кампанию в советской прессе после убийства Барту. Он не был уверен в том, что эта кампания — такая уж хорошая идея:

«Куда нас заведет вся эта война, не знаю. Я не сомневаюсь ни на одну минуту, что Вы и ранее предвидели последствия, к которым приведет кампания в нашей печати (возможно, что Вы не предвидели только формы реакции, но не самую реакцию), и если все же не сумели ее хотя бы несколько притушить, то, по-видимому, либо наткнулись на непреодолимое противодействие, либо по неизвестным мне мотивам сами считаете эту кампанию желательной.

Я, конечно, отдаю себе отчет, что, держа под прожектором и под обстрелом Берлин по такому острому для французов вопросу, как ответственность за марсельские убийства, мы сильно затрудняем работу антисоветских и прогерманских элементов во Франции. Но мне казалось, что эта мина могла бы быть подведена с соблюдением большей осторожности и без выпячивания на ней нашей марки. Мы большую часть материалов могли бы протащить под чужой фирмой и в менее кричащей форме»[2].

Суриц наконец смог вручить свои верительные грамоты. По словам Бюлова, оказанный Сурицу «прием... был корректным, но не слишком теплым». Церемония была закончена в рекордно короткие сроки, а последовавшая за ней краткая беседа касалась банальностей[3].

У СССР не остается иллюзий относительно нацистской Германии

Литвинов сделал необходимые выводы в информационной записке, подготовленной для Сталина. В ней он рассуждал о намерениях нацистской Германии. Это весьма примечательный документ, поскольку во многом он предвосхищал именно то, что намеревался сделать Гитлер, хотя и не в том порядке, в котором он это в действительности осуществил. Целями фашистской Германии были Австрия, Прибалтика, Румыния

---

[1] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 19 октября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 29. Л. 64–65.

[2] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 27 октября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 97. Д. 29. Л. 68–69.

[3] Bulow to Schulenburg. 26 Oct. 1934// DGFP, series C. Vol. III. P. 532–533.

и Украина. 2 ноября Политбюро утвердило политические рекомендации Литвинова без пересмотра. К ним относилась возможность заключения Восточного пакта без Германии и Польши в случае соглашения с Францией и Чехословакией[1].

Через два дня после получения одобрения Политбюро Литвинов написал Сурицу в Берлин. Суриц только что встретился с Надольным, бывшим послом в Москве, который предлагал рассмотреть альтернативы Восточному пакту. (Напомню: сейчас мы вернулись в прошлое по отношению к 1936 году, когда произошли отставка министра иностранных дел Румынии Николае Титулеску и начало Гражданской войны в Испании, которые нанесли ущерб советским отношениям с Францией и Великобританией. Близится к завершению 1934 год. Идея Восточного пакта по-прежнему рассматривается в качестве возможного варианта, но постепенно от нее отказываются под воздействием нацистской и польской оппозиций. Литвинов пишет письмо Сурицу всего через несколько недель после того, как был убит Барту.) Литвинов счел, что Надольный действовал в неофициальном качестве, чтобы немецкая сторона, если пожелает, могла в любой момент отказаться от своей причастности. По словам Литвинова, это была типичная для нацистов схема. Идея заключалась в том, чтобы получить информацию от другой стороны, не давая взамен ничего ценного. Вместе с тем Литвинов дал понять Сурицу, что ему не следует отказываться от дальнейших разговоров с Надольным, но при этом следует быть с ним начеку.

Литвинов хотел точно знать, что на уме у Надольного. Нарком по-прежнему был заинтересован в том, чтобы вовлечь нацистскую Германию, а значит, и Польшу в серьезное соглашение по коллективной безопасности в Восточной Европе. В недавнем донесении Сталину он размышлял о потенциальной гитлеровской агрессии, а значит, не питал иллюзий относительно перспектив такого договора. Но поинтересоваться мнением оппонента стоило в любом случае. Если идея немецкой стороны заключалась в пакте о ненападении без взаимопомощи, то, как выразился Литвинов, Надольный «переоценивает нашу наивность». Какие гарантии он мог предложить против нападения Германии на Прибалтику и СССР? А что насчет Польши? Шел ноябрь 1934 года, и Литвинов рассматривал Польшу как потенциального союзника нацистской Германии. Итак, Литвинов поручил Сурицу постараться «осторожно» прощупать Надольного и попытаться узнать, кто его подослал. Он посоветовал Сурицу сказать Надольному, что еще не отправил его предложения в Москву и хочет сначала получить разъяснения.

---

[1] М. М. Литвинов — А. Н. Поскребышеву. 2 ноября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 103. Д. 113. Л. 233–5; Выдержка из протокола Политбюро № 16. 2 ноября 1934 г. // Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа... С. 318–319.

Литвинов добавил, что Германия предпринимает «отчаянные усилия», чтобы замедлить советское сближение с Францией и втянуть ее в какие-либо переговоры. Для достижения этой цели она пытается, с одной стороны, запугать Францию слухами о германо-японском соглашении и скорых совместных операциях против СССР, а с другой стороны — информацией о серьезных политических и экономических переговорах с СССР, направленных на восстановление Рапалльского договора. Немцы также активно действовали в Белграде и Бухаресте, пытаясь отвратить Румынию и Югославию от Франции.

Литвинов был согласен с мнением по поводу кампании советской прессы против Германии. «Вы совершенно правы, — писал он Сурицу, — в том, что наша пресса несколько пересолила вопрос о виновниках марсельских убийств. Выступления печати, однако, в общем были полезны и необходимы, ибо иначе усилились бы нелепые подозрения против Москвы». Именно такие подозрения разжигались в немецких газетах. Геринг продвигал подобные идеи в Белграде. «Как я говорил здесь Шуленбургу, сотни газетных статей не идут в сравнение с одним заявлением Геринга, являющегося членом правительства»[1].

Из разговора с Надольным ничего не вышло, и Суриц переключился на обсуждение с немецкими чиновниками того, как советская сторона видит отношения с Берлином. Это был наивный подход. В ответ он слышал типичный для нацистов бред: фюрер за мир, а если Литвинов не хочет верить ни его заявлениям, ни заявлениям Нейрата, «то нет вообще никакого смысла говорить о политике»[2]. Это было резкое высказывание, но Литвинов, несомненно, согласился бы с ним. Учитывая столь сильную враждебность между двумя сторонами, читателей, вероятно, удивит тот факт, что экономические переговоры по новому торговому соглашению продолжались в течение 1934 и начала 1935 года, хотя, как Литвинов указал Потёмкину в Париже, они не имели политического значения[3].

В конце декабря 1934 года Сталин получил от советской разведки информацию о намерениях Германии. Новости были плохие, но в них не было ничего принципиально нового. Германия планировала войну с СССР. Информация поступала от различных советских агентов, а «также нашему старому проверенному агенту» в Министерстве авиации Германии. Мог ли это быть Харро Шульце-Бойзен, позже получивший агентур-

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 4 ноября 1934 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 17. П. 77. Д. 1. Л. 193–191.

[2] Memorandum by the Director Department IV. Meyer. 27 Nov 1934 // DGFP, series C. Vol. III. P. 682–685.

[3] М. М. Литвинов — В. П. Потёмкину. 23 марта 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 202–203.

ный псевдоним «Старшина»? Он передал информацию о том, что высшие немецкие чины уже признали необходимость войны против СССР. Планируется, что эти действия, осуществляемые в сотрудничестве с Польшей и Финляндией, будут направлены против стран Прибалтики. На этот счет с польским и финским командованием достигнута договоренность о том, что война начнется только после нападения Японии на Дальний Восток. Ожидается, что из-за внутриполитических факторов Франция останется нейтральной. Рейхсвер, по данным штаба сухопутных войск, будет готов к войне через три года, хотя, как сообщается, Геринг и его штаб заявили, что вооруженные силы готовы выступить в любой момент, который можно считать выгодным для Германии[1]. Эти сведения требовали подтверждения, но в целом соответствовали другой информации, поступавшей в Москву.

В начале 1935 года война на страницах газет по-прежнему продолжалась, и Шуленбург на этот раз отправился к Крестинскому, чтобы пожаловаться на статьи в «Правде» и «Известиях», главных советских изданиях. Крестинский в ответ сослался на неприятные комментарии в немецкой прессе — неизменно удачный защитный ход. Шуленбург сказал, что он пытался добиться от берлинской прессы некоторой сдержанности, но не увидел никаких ответных действий от Москвы. «Мне совершенно понятна настороженность нашей печати и всей общественности по отношению к Германии, — продолжал Крестинский. — Ведь Германия открыто вооружается. При этом в программных заявлениях вождей господствующей в Германии партии говорится, что эти вооружения направлены против нас и имеют своей целью расширение германской территории на Востоке Европы. Совершенно естественно, что наша общественность не может удовлетвориться немногими непубличными миролюбивыми заявлениями, которые мы слышим с германской стороны и которые остаются большей частью неизвестными ни нашей, ни заграничной общественности, и она считается с фактом вооружения и подготовки к войне против нас. Только делами, но не словами, в частности присоединением к пакту взаимопомощи германская сторона сможет побороть это естественное недоверие нашей общественностьи».

Шуленбург в ответ заверил собеседника в мирных намерениях[2]. Можно ли сказать, что Крестинский, говоря это, оставлял для немцев лазейку? Не исключено, что так оно и было, ведь советские дипломаты никогда не

---

[1] А. Х. Артузов — И. В. Сталину. 22 декабря 1934 г. // Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Сб. документов: в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2011. Т. III: 1933–1941. С. 98–99.

[2] Встреча с немецким послом графом фон дер Шуленбургом. Выдержка из дневника Н. Н. Крестинского. 9 января 1935 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 18. П. 80. Д. 1. Л. 4–1.

любили безапелляционно захлопывать двери, однако на этот раз читателям не следует слишком серьезно воспринимать его слова, обращенные к немецкому собеседнику. Нельзя забывать, что гитлеровская Германия была потенциальным агрессором. Никто из представителей власти в Москве не верил, что Германия присоединится к Восточному пакту — по крайней мере, в том виде, который был бы приемлем для советского руководства.

Что касается экономических переговоров с Берлином, торгпредом и главным переговорщиком в Берлине был Давид Владимирович Канделаки. Он подчинялся наркому внешней торговли СССР Аркадию Павловичу Розенгольцу, а не Литвинову. В феврале Крестинский запросил у Сурица информацию о переговорах Канделаки с имперским министром экономики Ялмаром Шахтом. По словам Крестинского, НКИД были нужны сведения не только от Канделаки, но и от Сурица, а это подразумевало, что на Канделаки нельзя полностью полагаться в том, что он изложит свои взгляды на переговоры «хладнокровнее и объективнее». Если так и было, это наверняка был не первый случай, когда советские переговорщики из других комиссариатов не выполняли инструкций. В НКИД были недовольны ходом переговоров. «О ходе этих переговоров мы узнаем урывками и с опозданием через НКВТ, — отметил Крестинский. — Между тем нам важно быть своевременно в курсе и для того, чтобы оказывать влияние на принимаемые здесь решения, и потому, что позиция немцев в этих переговорах является отражением их общей политической позиции. По тому, как они держаться в переговорах можно судить об их общих политических настроениях»[1]. Крестинский поручил посольству СССР в Берлине занять на переговорах жесткую позицию, не раскрывая, на какие уступки может пойти советская сторона. Чем жестче наша линия, полагал Крестинский, тем скорее немцы пойдут на уступки[2].

Пока Крестинский следил за торговыми переговорами, Литвинов наблюдал за динамикой политических вопросов. Был март 1935 года, и британцы планировали отправить секретаря (министра) по иностранным делам сэра Джона Саймона для переговоров в Берлин. Указания Литвинова были все те же: не отказываться от обсуждения политических вопросов с немецкими коллегами. В частности, Литвинов хотел получить информацию о предстоящих переговорах с Саймоном. «Вы уже знаете, что как англичане, так и французы готовы уже теперь обсудить с Германией замену

---

[1] Н. Н. Крестинский — Я. З. Сурицу. 26 февраля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 18. П. 80. Д. 1. Л. 22–21; Н. Н. Крестинский — Я. З. Сурицу. 9 марта 1935 г. Там же. Л. 31.

[2] Н. Н. Крестинский — С. А. Безсонову. 17 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 18. П. 80. Д. 1. Л. 34.

Восточного пакта другими соглашениями». Далее Литвинов излагал детали британских и французских планов, направленных на то, чтобы лишить смысла сам проект главным образом посредством многосторонних или двусторонних пактов о ненападении. Это было в то же самое время, когда Лаваль вел переговоры о взаимопомощи с Потёмкиным и Литвиновым, а Ванситтарт обсуждал с Майским визит британского министра в Москву[1]. Литвинов хотел получить информацию о том, что происходит и заинтересованы ли немцы в каких-либо из вариантов, о которых слышали в НКИД. Он еще раз подчеркнул необходимость взаимодействия с немецкими коллегами. «В особенности полезно было бы, — добавил Литвинов, — даже несколько демонстративно, вести разговоры с рейхсвером. Гитлер хочет создать у Саймона впечатление его абсолютной непримиримости с СССР. Нам выгодно противодействовать этому маневру. Это нам необходимо также для воздействия на Лаваля»[2]. Иными словами, если французы и британцы могли торговаться с немцами, то же самое могла делать и советская сторона. Это было необходимо для того, чтобы британцы и Лаваль (особенно Лаваль) не воспринимали отношения с Москвой как нечто само собой разумеющееся.

НКИД и другие источники советской разведки располагали прекрасной информацией не только о том, что делают французы и британцы, но и о взглядах немецкой стороны на происходящее. 9 марта Суриц направил в НКИД следующую информацию: «В германских верхах складывается сильное течение (в Аусамте — Бюлов, в рейхсвере — Генштаб), которое считает, что единственно правильной политикой для Германии в настоящее время является политика отказа от каких бы то ни было соглашений с западными соседями, ибо любое соглашение в этом направлении означает задержку вооружений Германии, которые представляют из себя единственную гарантию успеха внешней политики в будущем. Пусть отказ от соглашения с Западом приведет к образованию широкой антигерманской коалиции. Эта коалиция не может быть прочной вследствие имеющихся между странами противоречий. Можно быть уверенными, что коалиция никогда не решится на превентивную войну с Германией. Едва ли коалиция сумеет начать также экономическую блокаду Германии. Заявил же в своей лейпцигской речи Шахт 3.03., что Германия может обойтись во всех направлениях собственными силами. Пройдет некоторое время и антигерманская коалиция начнет давать трещину, от нее будут отходить отдельные страны, которые затем можно будет привлекать на сторону Германии. Подобная изоляционистская политика, в сущности, не таит в себе

[1] См.: *Carley M. J.* Stalin's Gamble... chaps. 11 and 12.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 7 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 30. Л. 1–2.

никаких опасностей и, наоборот, имеет крупные выгоды. Она, во-первых, облегчает консолидацию сил внутри страны под угрозой окружения всем миром. Она, во-вторых, дает возможность вооружаться без какого бы то ни было контроля. Кроме того, изоляция никогда не будет полной — всегда останутся несколько друзей (Польша, Венгрия), которых нужно крепко держаться»[1].

Оценка потенциального антигитлеровского союза как объединения слабого была вполне уместна. Поэтому не было большой неожиданностью, когда в марте 1935 года Берлин объявил о создании люфтваффе и о восстановлении всеобщей воинской повинности. «Бомба, — как назвал эту новость Крестинский, — является чрезвычайно важным новым фактом на фоне современного международного положения в Европе». Он думал, что это заставит британцев насторожиться. Что касается французов, «призадумается и Лаваль с Фланденом. Открытый отказ немцами от соблюдения военных разделов Версальского договора является серьезным предупреждением, доказывающим широким кругам французского общественного мнения необходимость сближения с СССР в расчете на военную мощь Красной армии». Крестинский думал, что немцы переигрывают, но в этом отношении он ошибался. Он также ошибался насчет Лаваля, хотя в отношении Фландена, возможно, был прав. Он поручил Сурицу опросить британских и французских послов касательно их реакции на «восстановление прежней военной системы» и вновь поднял вопрос о торговых переговорах. «Я думаю, что немцы недолго будут занимать свою теперешнюю непримиримую позицию, и что можно будет все-таки договориться»[2]. В этом Крестинский был прав. Немцы быстро пришли в себя, и в начале апреля торговое соглашение было заключено.

В конце марта 1935 года главным объектом внимания СССР был отнюдь не Берлин. В Москве с официальным визитом находился Иден, и визит этот на первый взгляд казался весьма успешным. В то же время продолжались переговоры с Лавалем по поводу заключения пакта о взаимопомощи. Суриц, комментируя эти переговоры из Берлина, попытался разобраться в плюсах и минусах пакта, окончательные условия которого предстояло определить не раньше конца апреля. Сам он не участвовал в переговорах и поэтому смотрел на них с позиции стороннего наблюдателя. Одно из его наблюдений сразу бросается в глаза. Вот что он называет «минусом» пакта с Францией: пакт «лишает нас, по крайней мере, на ближайшее время свободы маневрирования с германской картой (при Гитле-

---

[1] Выдержка из дневника Я. З. Сурица. 9 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 107. Д. 31. Л. 46–47.

[2] Н. Н. Крестинский — Я. З. Сурицу. 17 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 18. П. 80. Д. 1. Л. 33–32.

ре для такого нашего маневрирования возможности, правда, ограничены, но все же имеются)». Литвинов не видел в этом минуса; скорее, он видел в подобном соглашении необходимость напомнить французам и британцам, что советская сторона тоже может заигрывать с нацистской Германией, и это был плюс. Суриц также заметил, что подобное соглашение сближает Польшу с Германией, хотя и признавал, что пакт с Францией может иметь и противоположный эффект. В НКИД Польшу в значительной степени списали со счетов. Но, конечно, нельзя было окончательно отказываться от возможности наладить с ней сотрудничество. Ни одну дверь нельзя было захлопывать насовсем, даже если речь шла о Польше или о нацистской Германии. Суриц, кроме того, опасался, что если немцы нападут на Францию, это в первую очередь коснется СССР. Относительно преимуществ пакта Суриц был несколько туманен, но в целом его мнение было таково, что те люди в Берлине, которые выступали за «восточное направления» (против СССР), будут вынуждены замедлить осуществление своих планов. Суриц брал в расчет только немецкую сторону, но такие люди были и в Англии, и во Франции. Суриц отмечал, что прервать переговоры о заключении пакта с Францией было бы непросто, особенно с учетом перспективы советско-немецкого торгового соглашения. Отказ продолжать их «конечно сильно ударит по нашим сторонникам во Франции и будет против нас использован всеми нашими противниками и колеблющимися (в том числе и французскими германофилами). Я понимаю, конечно, что это может привести и к ослаблению связей (если не к полному отпаданию от нас) и с Малой Антантой».

На самом деле со стороны Бенеша и Титулеску оказывалось давление по вопросу взаимной помощи, причем не только на Лаваля, но и на Литвинова[1]. Сам Сталин подумывал о разрыве франко-советских переговоров, но Литвинов убедил его согласиться хотя бы на синицу в руках. Как рассказывалось в книге «Рискованная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера», аргументом в пользу этой «синицы» стало срочное письмо Титулеску Литвинову, переведенное в НКИД и отправленное Сталину[2].

Тем временем газетная война между Москвой и Берлином продолжалась. В конце марта «Правда», «Известия» и «Красная Звезда» выпустили очередной залп. Вышла статья о перевооружении Германии и подготовке к войне за авторством замнаркома обороны Михаила Николаевича Тухачевского. Должно быть, она задела Берлин за живое, поскольку соответствовала правде о намерениях нацистов. Для советской разведки это была давно известная информация, но публикация была способом подчеркнуть

---

[1] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 5 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 107. Д. 31. Л. 64–67.

[2] *Carley M. J.* Stalin's Gamble... chap. 12.

для Британии и Франции то, о чем Литвинов говорил еще с 1933 года. Нейрат приказал Шуленбургу выразить официальный протест НКИД, хотя посол не назвал это протестом напрямую. Литвинов невозмутимо ответил, что правительственные чиновники часто выражают свое личное мнение в прессе, к тому же британское правительство недавно высказывалось в официальном издании на ту же тему. Если немецкому правительству не нравятся данные Тухачевского о перевооружении Германии, оно может доказать его неправоту, опубликовав в прессе свои собственные данные. Мы предпочитаем прозрачность, заявил Литвинов: «Мы знаем, что Гитлер держится другого метода и предпочитает за нашей спиной говорить с англичанами об опасности, которую, якобы, представляет для Германии и для всей Европы наша Красная армия, о наших агрессивных замыслах и т. п. Это дела вкуса. Мы предпочитаем не скрывать того, что мы думаем о политике Германии». Шуленбург попытался опровергнуть обвинения Литвинова, но нарком ответил, что знает из прессы, а также от Идена, что Гитлер «часами» говорит об СССР. Литвинов ни на йоту не уступал Шуленбургу[1].

Несколько недель спустя, когда советско-французские переговоры находились на стадии урегулирования последних трудных моментов, Суриц высказал мнение, что СССР добился некоторых дипломатических успехов и, в частности, избежал изоляции со стороны нацистской Германии. Он имел в виду, среди прочего, вступление СССР в Лигу Наций, готовящееся подписание советско-французского договора, улучшение отношений с государствами Малой Антанты и успех визита Идена в Москву. Это была на удивление оптимистичная оценка политической ситуации, учитывая, что она исходила из Берлина в конце апреля 1935 года. Фактически, Суриц считал, что Германия «потерпела значительное поражение в своей попытке сговориться с Западом в целях освобождения рук на Востоке». Однако это вовсе не препятствовало дальнейшим маневрам Германии, так что угроза немецкой экспансии на Восток сохранялась. Суриц был слишком оптимистичен. Вступление Советского Союза в Лигу Наций было лишь ограниченным преимуществом; это была трибуна, с которой можно было высказать свое мнение; франко-советский пакт был пустышкой; сплоченность Малой Антанты зависела от решимости Франции, а визит Идена в Москву, как вскоре выяснилось, не имел особого значения.

«Носителями восточного направления германской агрессии являлись, как известно, в первую очередь национал-социалистические круги во главе с Гитлером. Здесь нет надобности еще раз воспроизводить эту концеп-

[1] О встрече с Ф. В. фон Шуленбургом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 4 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 103. Д. 1. Л. 40–41.

цию. Однако нужно отметить — ибо в данный момент это приобретает известное значение, что экспансия на Восток рассматривалась Гитлером лишь как этап на пути к последующей всемирной гегемонии Германии. Завоеванные на Востоке территории, по мысли Гитлера, должны стать стратегическим, сырьевым и продовольственным плацдармом, опираясь на который, Германия должна затем нанести сокрушительный удар западным державам для решения проблемы господства над миром».

Это было похоже на правду, но и это было еще не все.

«Сам Гитлер и его ближайшие сторонники отнюдь не противопоставляли восточного направления германской агрессии западному. Напротив, они рассматривали экспансию на Восток как предпосылку и условие последующей агрессии на Запад, являющейся главной и основной с точки зрения большого плана германского империализма. Все это необходимо вспомнить для того, чтобы подчеркнуть, что и в среде германских национал-социалистов никогда не отрицалась неизбежность столкновения с Западом, хотя бы и после завершения восточной экспансии. В военных кругах Германии течение в пользу западного направления германской агрессии никогда, в сущности, не исчезало и всегда находило себе сторонников. Чисто военные соображения склоняли известные круги германской военщины в пользу западного направления. За него говорило не только все прошлое германской военщины, десятилетиями воспитывавшей в планах нанесения решающего удара именно на Западе, за него говорило также развитие новейших средств войны, дававшее надежду на более скорое решение вопросов в условиях концентрированного и близкого западного фронта, нежели в условиях концентрированного и растянутого фронта восточного. Германские военные не могли не понимать, что развитие современных средств войны (авиации, танки), значительно расширяя радиус их эффективного применения, нисколько не уменьшает, однако, относительного значения пространства и расстояния»[1].

Высокая оценка Сурицем успехов советской дипломатии недолго оставалась актуальной из-за англо-германского военно-морского соглашения, Абиссинского кризиса и предательства Лаваля. Все это положило конец первым надеждам Литвинова на создание нового антигерманского союза. Однако по поводу относительной важности западного и восточного направлений немецкой агрессии Суриц был прав, хотя и с некоторыми оговорками, как показали события 1939 и 1940 годов. Не нужно было большого ума, чтобы рассчитать пути немецкого агрессора, и тем удивительнее, что правящие элиты Франции и Великобритании не понимали, что готовит нацистская Германия, с той ясностью, с которой видели это их

[1] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 27 апреля 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 107. Д. 31. Л. 82–87.

советские коллеги. Конечно, были и те, кто обладал более ясным видением ситуации (Майский и Потёмкин пытались найти таковых), но они так и не смогли оказать сколько-нибудь серьезное влияние на политику правительства в Париже или Лондоне.

Литвинов был во многом согласен с мнением Сурица. Он считал также, что заключение советско-французского пакта могло бы, как это ни парадоксально, успокоить немецкую прессу, а в противном случае советская пресса не поскупилась бы на ответный огонь. Размышляя о том, денонсирует ли Германия Локарнские соглашения, Литвинов склонялся к отрицательному ответу. «Германия может даже прийти к заключению, что узкие рамки и неопределенность французских обязательств по пакту дают ей возможность по-прежнему добиваться соглашения с Францией и продолжать соответственные интриги». Литвинов писал: «...так как Лаваль категорически отклонял распространение помощи на случай нападения на Прибалтику, то я счел нужным отказаться от обязательства в случае нападения Германии на Бельгию и Швейцарию в качестве подготовки выступления против Франции или нарушения демилитаризации Рейна. На это уточнение французы, впрочем, немедленно согласились. Переговоры несколько затянулись лишь вследствие того, что мы вновь вернулись к моим предложениям, которые Лаваль отверг ещё в Женеве, но мы, к сожалению, ничего не добились»[1]

Читатели, безусловно, помнят, что Лаваль был полон такой решимости заблокировать действенный пакт о взаимопомощи, словно он делал одолжение советской стороне, соглашаясь на какой-либо пакт вообще. Ни к чему хорошему это не привело: в 1939 году Франция была бы способна куда успешнее противостоять нацистской Германии, имея в союзниках Красную армию, готовую нанести удар с востока.

Через несколько дней Литвинов встретился с Шуленбургом. У них состоялся «весьма дружеский разговор». Согласно записям немецкой стороны, Литвинов надеялся, что за франко-советским пактом последует «общий пакт, подобный тому, что был предложен Германией», то есть о ненападении и т. д. «Он приведет к улучшению отношений с Германией, чего советское правительство желает превыше всего»[2]. В заключение Шуленбург пишет: «Я выслушал его слова без комментариев». Это немецкая версия разговора. Согласно версии самого Литвинова, он выразил желание добиться «более корректных отношений» с Германией[3]. А почему бы и нет? Министр иностранных дел Чехословакии Эдуард Бенеш трусливо пресмы-

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 4 мая 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 30. Л. 11–14.

[2] Schulenburg. No. 76. 8 May 1935 // DGFP, series C. Vol. IV. P. 138.

[3] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 9 мая 1935 г. // ДВП. Т. XVIII. С. 323.

кался перед немецким послом в Праге, почти извиняясь за пакт своей страны с СССР. «Пока он останется министром иностранных дел, он всегда будет проводить только западноевропейскую политику и ни за что не позволит своей стране стать вассалом России». Немецкий посол из его слов понял главное: «Несмотря на неприязнь к Германии [в Праге], чрезвычайно возрос страх перед Германией или даже уважение к ней»[1]. Лаваль также отличился в потворстве своим немецким собеседникам. «Он [Лаваль] хотел просить меня, — сообщал посол Германии в Париже, — на основании наших отношений взаимного доверия, принять меры, чтобы правительство Германии не воспользовалось откровенно раскрытой ему французским правительством информацией таким образом, что у всего мира, и особенно у российской стороны, создалось бы впечатление, что Франция подписала договор, ведь на самом деле это был всего лишь клочок бумаги»[2]. Конечно, именно так Лаваль и воспринимал пакт с СССР, и именно так в конечном итоге стал воспринимать его и Литвинов. В конце весны 1935 года Литвинов все еще был относительно оптимистично настроен относительно своих шансов на организацию нового антигерманского союза, однако его потенциальные союзники уже говорили немецким дипломатам, что их пакты с СССР — просто мусор. Не о чем беспокоиться, говорили они: это фальшивые соглашения. Единственным, кто не скомпрометировал себя в разговорах с немецкими собеседниками, был Титулеску.

В своей речи 21 мая Гитлер ловко обнадежил Лаваля, Бенеша и многих других, пообещав двусторонние пакты о ненападении и предложив гарантии мира в Европе, соблюдение Локарнских соглашений, демилитаризацию Рейнской области и так далее. В Москве елейным речам Гитлера никто не верил, однако в других странах Европы существовали «германофильские» или «полуизоляционистские» элиты, которые предпочитали доверять Гитлеру, чтобы как-то оправдать свой выбор в пользу заключения соглашения с Германией, а не с СССР. Они всего лишь храбрились, притворяясь, что не видят слишком очевидных намерений Гитлера осуществить программу, изложенную в «Майн кампф».

«Мы полагаем, — сообщал Сурицу Литвинов, — что Гитлер продолжает бороться всяких попыток организации коллективной безопасности, ибо в основе его политики остается, в соответствии с книгой “Моя борьба”, собирание сил и подготовка к агрессии в первую очередь в юго-восточном и восточном направлениях. При таком положении вещей нет оснований верить обещаниям Гитлера относительно разоружения». Литвинова беспокоила политика британцев, и он просил их, чтобы в переговорах с Гер-

---

[1] Walter Koch. 15 May 1935 // DGFP, series C. Vol. IV. P. 160–161.

[2] Roland Koster. No. 590. 4 June 1935 // DGFP, series C. Vol. IV. P. 246–249.

манией они избегали производить на Гитлера какое-либо впечатление, которое он мог бы истолковать как согласие с «его концепцией о делении Европы на участки, в которых должен или не должен быть обеспечен мир, что было бы поощрением агрессии против той или иной части Европы». Литвинов также поручил Потёмкину донести эту мысль до Лаваля, который не обратил на нее никакого внимания, озабоченный только тем, чтобы угодить немецкому послу[1]. Конечно, кое-что Москве пока было не ясно. Суриц пришел к выводу, что если региональный пакт с участием Германии ни к чему не приведет, у советского правительства не будет другого выбора, кроме как «заключить аналогичные пакты с рядом других стран, заинтересованных в создании барьера против германской экспансии»[2]. Логичный вывод, но что, если никто больше не захочет объединиться с Москвой? Что тогда?

Шел июнь 1935 года. Именно в это время НКИД начал особенно волновать Абиссинский вопрос. Немцы старательно пытались свести на нет любые попытки оказать им сопротивление. Литвинов получил от полпреда в Риме Штейна сообщение о том, что между Германией и Италией идут переговоры. Немецкая поддержка Италии в Абиссинии обострила бы напряженность в англо-итальянских отношениях и разрушила бы «фронт Стрезы», сформированный Францией, Великобританией и Италией в апреле 1935 года. Втягивание Италии в «в абиссинскую авантюру» — так Литвинов описывал политику Германии. Муссолини шел прямо в подготовленную для него Германией ловушку. По мнению дипломатического корпуса в Риме, он не собирался останавливаться ни перед чем для достижения своих целей в Абиссинии[3].

Итак, Муссолини, Лаваль и Бенеш каждый по-своему подрывали европейскую систему взаимопомощи в борьбе с нацистской угрозой, но Литвинов осмеливался надеяться, что от британцев можно ожидать большего. Читатели уже знают, насколько он ошибался. Его реакция на заключение англо-германского военно-морского соглашения была мрачной: «[это соглашение является] большим дипломатическим достижением для Германии и в тоже время нарушением соглашений как Лондонского, так и Стрезенского»[4]. В каком-то смысле СССР был вынужден играть в ту же игру,

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 3 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 30. Л. 15–16.

[2] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 19 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 107. Д. 31. Л. 116–124.

[3] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу, no. 178/L, secret, 3 июня 1935 // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 30. Л. 17–18.

[4] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 19 июня 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 30. Л. 22–23.

соглашаясь на новое торговое соглашение с Германией. Летом имперский министр экономики Шахт попытался заинтересовать Канделаки кредитом в 1 миллиард марок, но Политбюро не сочло это предложение «серьезным» и предпочло придерживаться цифры в 200 миллионов марок[1].

Озабоченность СССР Абиссинским кризисом и ратификацией советско-французского договора отодвинули отношения с Германией на второй план, хотя в соответствии с новым торговым соглашением советские промышленные заказы поступали в Германию в течение всего лета. Большинство писем Литвинова Сталину касались Абиссинского кризиса. В сентябре произошла краткая вспышка явной враждебности со стороны Гитлера. 13-го числа советник полпредства СССР в Берлине Сергей Алексеевич Бессонов сообщил о слухах по поводу того, что правительство Германии собирается разорвать дипломатические отношения с Советским Союзом. Ожидалось, что 15-го числа, выступая с речью в Рейхстаге, Гитлер сделает антисоветское заявление, равносильное разрыву отношений[2]. Как раз в это время Гитлер произносил свою ежегодную речь на Нюрнбергском партийном съезде, и она была полна неприкрытой злобы по отношению к Москве. Сталина, который тогда был в Сочи, не слишком обеспокоили события в Нюрнберге. Давайте не будем увлекаться «истерией», сказал он. В «Правде» можно опубликовать статью в относительно сдержанном тоне о национал-социализме как «самой дикой форме шовинизма». «Антисемитизм, — писал Сталин, — это звериная форма шовинизма и человеконенавистничества». Впрочем, добавлял Сталин, ничего оригинального в этом нет, поскольку нацисты «рабски повторяют русских погромщиков времен императора Николая II и Распутина». Что касается речи в Рейхстаге, заметил он, посмотрим, что будет[3]. Каганович и Молотов отправили текст речи Гитлера Сталину и рекомендовали оставить ее без ответа. Никакого разрыва отношений не последовало. «Я не вижу оснований для протеста», — заключил Сталин[4].

---

[1] А. П. Розенгольц — Д. В. Канделаки. 22 июня 1935 г. // Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля. Т. III: 1933–1941. С. 125.

[2] А. Ф. Безсонов — в НКИД. 13 сентября 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 53. Л. 64. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову и пр.

[3] И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову. 15 сентября 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 89. Л. 113, 114–117. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... 1935. URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[4] Л. М. Каганович, В. М. Молотов — И. В. Сталину. 17 сентября 1935 г.; И. В. Сталин — Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову. 17 сентября 1935 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 570.

Была ли Москва готова к изменению политики?

Возможно, из-за всеобщего облегчения от того, что разрыва отношений не произошло, в Москве, похоже, появилась некоторая открытость к пересмотру статуса советско-германских отношений. На прощальном приеме по поводу возвращения в Берлин бывшего временного поверенного в делах Твардовски в посольстве Германии впервые с момента прихода к власти нацистов появился Тухачевский. Беседа между ними проходила в дружеском ключе. Тухачевский выразил сожаление по поводу разрыва отношений между советской и немецкой армиями и заявил, что идеологические разногласия не должны «представлять никаких препятствий для нашего сотрудничества»[1].

Были ли слова Тухачевского шагом навстречу или он просто хотел поддержать разговор? Две недели спустя Шуленбург представил Литвинову преемника Твардовски на посту советника посольства — Вернера фон Типпельскирха, и нарком тогда «говорил с необычной для него откровенностью». Он много касался Абиссинского кризиса и Лаваля, «постоянно отпуская в его адрес насмешки». Не обошел он вниманием и Муссолини, чьей кампании в Абиссинии «противостояли итальянские двор и армия». По его мнению, это было «сугубо личное дело дуче, и... очевидно, каждый человек в своей жизни должен совершить хотя бы одну большую глупость». Все это соответствовало секретным донесениям Литвинова. Явно сытый этим по горло, «Литвинов заявил, что Советский Союз “всеми этими делами больше не интересуется”». На тот момент, когда Литвинов произносил такие слова, возможно, это было и преувеличением, учитывая, что скандал с англо-французским соглашением Хоара — Лаваля по поводу Абиссинии был еще в будущем. Шуленбург предположил, что Литвинов «далеко не удовлетворен» тем, что его попытка настроить Лигу Наций против Германии не осуществилась и что «фронт Стрезы» не был консолидирован. Это был проницательный и правдивый комментарий. «Г-н Литвинов, — заметил далее Шуленбург, — поэтому сердится на всех, “кто виноват в происходящем”. Такими “виновными” он, очевидно, считает прежде всего сеньора Муссолини, а затем г-на Лаваля».

Шуленбург также сообщал об инциденте, произошедшем во время празднования годовщины 7 ноября. Он сидел за одним банкетным столом с Литвиновым. Нарком вдруг поднял стакан и сказал громким голосом: «Я пью за возрождение нашей дружбы». Присутствовавший на приеме британский посол лорд Чилстон подхватил: «Что ж, это прекрасный тост». По словам Шуленбурга, японский посол, тоже ставший свидетелем этого

---

[1] Untitled note by Twardowski. 28 Oct. 1935 // DGFP, series C. Vol. IV. P. 778–779.

обмена любезностями, «только фыркнул»[1]. Не секрет, что Литвинов время от времени язвил в присутствии иностранных дипломатов, но немного странно, что он позволил себе сделать это в присутствии немецкого посла. Возможно, в тот вечер он слишком много выпил.

Сурицу, который находился в отпуске в Москве, было поручено активизировать контакты с немецкими политиками для оценки состояния советско-германских отношений. В начале декабря Литвинов доложил Сталину о выводах Сурица следующее: «Все мои общения с немцами лишь укрепили уже раньше сложившееся у меня убеждение, что взятый Гитлером курс против нас остается неизменным и что ожидать каких-либо серьезных изменений в ближайшем будущем не приходится. Все мои собеседники в этом отношении единодушны. У Гитлера имеются три пункта помешательства: вражда к СССР, еврейский вопрос и аншлюс. Вражда к СССР вытекает не только из его идеологической установки к коммунизму, но составляет основу его тактической линии в области внешней политики. Гитлер и его ближайшее окружение крепко утвердились в убеждении, что только на путях выдержанного до конца антисоветского курса Третий рейх сможет осуществить свои задачи и обрасти союзниками и друзьями. Не особенно обнадеживающий характер носила по существу и моя беседа с Нейратом. Он явно дал мне понять, что на ближайший период наши отношения нужно замкнуть в рамки узкоэкономического порядка. Он явно подчеркнул безнадежность всяких попыток добиться улучшения наших отношений в ближайшем будущем».

В то же время Суриц считал, что торговые отношения должны продолжаться, и Литвинов был с ним согласен. «Разрыв экономических отношений мог бы повести даже к разрыву дипломатических отношений».

Литвинов писал Сталину: «Однако, ввиду совершенной безнадежности улучшения политических отношений, я считал бы неправильным передачу в Германию всех или львиной доли наших заграничных заказов на ближайшие годы. Это было бы неправильно потому, что мы этим бы оказали крупную поддержку германскому фашизму, испытывающему теперь величайшие затруднения в экономической области, а также потому, что мы без всякой политической выгоды ослабили бы на ближайшие годы экономическую заинтересованность в СССР более интересующих нас стран». В связи с этим Литвинов рекомендовал ограничить заказы в Германии суммой в 200 миллионов марок, как это было предусмотрено апрельским торговым соглашением. Нарком также добавил несколько жестких контекстуальных замечаний:

---

[1] Schulenburg to Gerhard Kopke. Ministerialdirektor, Berlin, 11 ноября 1935 // DGFP, series C. IV. P. 811–813.

«Антисоветская кампания гитлеровцев не только не ослабевает, но принимает совершенно гомерические размеры. Не говоря уже о бешеных антисоветских выступлениях самого Гитлера в его дипломатических беседах, о распространении посольствами и консульствами Германии за границей антисоветских пасквилей и брошюр, в том числе и отвратительной речи Геббельса в Нюрнберге, почти все органы печати Германии без исключения изо дня в день ведут систематическую антисоветскую кампанию. Достается и Коминтерну, компартии, и советскому государству, наносятся личные оскорбления вождям нашей партии и членам правительства. Несмотря на это, советская печать в отношении Германии заняла какую-то толстовскую позицию непротивления злу. Такая наша позиция еще больше поощряет и раздувает антисоветскую кампанию в Германии. Я считаю эту позицию неправильной и предлагаю дать нашей прессе директиву об открытии систематической контркампании против германского фашизма и фашистов. Только этим путем мы можем заставить Германию прекратить или ослабить антисоветские наступления»[1].

Что же, возможно, Литвинов действительно был подшофе, когда произносил тост за «возрождение» советско-германских отношений. 4 декабря, на следующий день после своей докладной записки Сталину, он написал то же самое Сурицу. «Как Вы знаете, у меня никаких иллюзий на этот счет давно уже не было». Литвинов пишет Сурицу, что уже изложил свои взгляды руководству, а это значит, что ответа от Сталина он пока не получил. Что касается экономических отношений, то, по его мнению, их следует продолжать только в той мере, в какой это необходимо, чтобы избежать полного разрыва дипломатических отношений[2]. В начале декабря Суриц и советский поверенный в делах Бессонов провели беседы со своими немецкими коллегами в Министерстве иностранных дел Германии, заявив, что советское правительство заинтересовано в улучшении отношений[3]. Твардовски, беседовавший с Сурицем, выразил серьезные сомнения относительно советских намерений, полагая, что это может быть просто стратегическим ходом, призванным смягчить отношение французов. Лаваль продолжал лезть из кожи вон, пытаясь привлечь внимание Германии, о чем Литвинов прекрасно знал. Твардовски сказал Сурицу, что не уверен, что кто-либо в московских «влиятельных кругах» действительно заинтересован в улуч-

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 3 декабря 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 123. Л. 152–154.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу, no. 337/L, secret, 4 Dec. 1935 // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 18. П. 80. Д. 1. Л. 102–103.

[3] Memorandum, Conrad Roediger, Auswartiges Amt. 2 Dec. 1935 // DGFP, series C. Vol. IV. P. 870–872.

шении отношений с Германией[1]. Из имеющихся документов неизвестно, получил ли Литвинов согласие Сталина на свои рекомендации от 3 декабря, но политика заигрывания с немцами в тех случаях, когда было необходимо привлечь внимание английских и французских коллег, преследующих свою собственную выгоду в Берлине, исходила и от Литвинова. Казалось, так делали все, и, должно быть, немцы от души смеялись, полные уверенности, что преимущество на их стороне. Это действительно было так, но только потому, что их поощряли европейские партнеры — Муссолини, Лаваль, Бенеш, Иден и другие — все без исключения. Особенно старался Лаваль: бесстыдно заискивая перед немецким послом в Париже, он обвинил «русских» в попытке придать пакту «антигерманский характер». В мае 1935 года в Москве Сталин высмеял Лаваля, когда тот затронул вопрос о том, что советско-французский пакт не должен быть направлен против Германии. Естественно, он был направлен против Германии[2]. Лаваль заверил немецкого посла, что «не позволит втянуть себя в авантюрную политику, которой желает Россия, и знает... что французский народ тоже отвергает любую подобную идею»[3]. Эти высказывания были жалки и отвратительны — и потому, что Лаваль знал, что они не соответствуют действительности, и потому, что он таким образом подрывал интересы безопасности Франции.

Единственной хорошей новостью для Литвинова на начало 1936 года стало падение правительства Лаваля 22 января. В остальном это был непрерывный поток катастрофических событий. Литвинов сообщил Сурицу о состоявшейся в Берлине встрече британского посла сэра Эрика Фиппса с Гитлером. Последний считал, что британскому правительству следует вмешаться в дела Парижа и остановить ратификацию советско-французского договора. Фиппс, как сообщали, с этим не согласился. Имелась также информация от французского посла Андре Франсуа-Понсе о том, что Муссолини предложил Гитлеру разделить Европу таким образом, чтобы Италия имела сферу влияния на юге и юго-востоке, а Германия — в Австрии и остальной части Европы. Франция была парализована пацифистской пропагандой и находилась на грани гражданской войны, так что она не представляла угрозы для Германии, а Гитлер якобы намеревался выжидать подходящего момента для захвата Австрии[4].

Информация, которой владел Литвинов, перекликалась с донесением от Сурица, в котором содержался его анализ внешней политики Германии. По сути, она заключалась в том, чтобы разделять и властвовать по-

---

[1] Memorandum by Twardowski. 10 Dec. 1935 // DGFP, series C. Vol. IV. P. 897–899.

[2] *Carley M. J.* Stalin's Gamble... chap. 12.

[3] Koster. No. 1223. 18 Dec. 1935 // DGFP, series C. Vol. IV. P. 925–926.

[4] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 3 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 44. Л. 1–3.

тенциальными врагами. Это подразумевало «во что бы то ни стало помешать коллективной организации мира как по линии региональных пактов, так и по линии укрепления института Лиги Наций». В 1935 году Германия потерпела неудачу: был заключен советско-французский пакт. По словам Сурица, это было «первым серьезным ударом по воинственным планам Гитлера. Но еще большую тревогу здесь вызывает перспектива присоединения и Англии к коллективному фронту против германских планов. Гитлер был, несомненно, искренен, когда в своем "Майн кампф" предостерегал против одновременной борьбы на два фронта с Англией и Францией и довольно последовательно все время проводил курс на сближение с Англией и предотвращение англо-французского сотрудничества». Первым шагом в этом направлении стало подписание англо-германского военно-морского соглашения. Гитлер был полон решимости не повторить ошибку, которую совершил Вильгельм II, бросив вызов Британии. Военно-морское соглашение было крупным успехом Гитлера, и он мог бы достичь в этом направлении еще большего, если бы не Абиссинский кризис, который вынудил Великобританию вернуться к идее коллективной безопасности, Лиге и более тесным отношениям с Францией. Весьма интересны рассуждения Сурица по этому поводу: «Нет сомнения, что если бы руководителем внешней политики Франции в этот момент оказался кто-нибудь другой вместо Лаваля, то германская проблема в основном была бы разрешена и Гитлер был бы вынужден круто свернуть с теперешнего пути на путь соглашения и примирения». Сомнительно, чтобы Гитлер надолго успокоился в своих агрессивных намерениях, но вот что Суриц пишет дальше: «Все попытки защитников политики Лаваля, вроде Франсуа-Понсе, изобразить его тактику как боязнь потерять в лице Италии союзника в борьбе против Германии. Если бы он руководствовался такими соображениями, то не расхолаживал бы так сильно англичан». Другими словами, британская политика могла бы убедить Муссолини отказаться от абиссинской авантюры. Что ж, вполне возможно, но как знать... Литвинов руководствовался теми же соображениями, что и Лаваль, но вместо того, чтобы уступить Муссолини, он стремился сдержать его, а затем вернуть в ряды противников гитлеровской Германии. Эта политика не сработала.

У Сурица было свое мнение о Лавале: «В мои задачи не входит искать объяснения политики Лаваля. Это, конечно, делают товарищи, ближе меня стоящие к французской обстановке и лучше меня ее знающие, но, наблюдая её отсюда из центра гитлеровской Германии, нельзя прийти к иному заключению, чем к тому, что Лаваль больше, чем кто-либо другой, своей политикой поощряет и развязывает германскую агрессивность и непримиримость. Неудивительно поэтому, что его «победа» встречена здесь

была с такой нескрываемой радостью, несколько, правда, омрачённой неуверенностью в ее прочности»[1].

9 января 1936 года, когда Суриц готовил донесение в Москву, у Литвинова состоялась очередная встреча с Шуленбургом. Посол, среди прочих, встречался в Берлине с Гитлером и Шахтом. Гитлер не возражал против поддержания торговых отношений с СССР, но не предвидел никаких изменений в отношениях политических. Шуленбург добавил, что со стороны Москвы он тоже не видит никакого движения навстречу. Этот комментарий весьма разозлил Литвинова: «Я возразил, что пока нет изменений со стороны Германии, нельзя ожидать изменения нашей позиции, которая в данном случае является ответной. Согласившись со мною, Ш[уленбург] жаловался на поведение нашей прессы, якобы усилившей в последнее время антигерманские выступления». Выходит, Сталин все же одобрил предложение Литвинова ответить на нападки нацистской прессы. Шуленбург пожаловался на статью главы Коминтерна Георгия Димитрова в «Журналь де Моску», еженедельном журнале НКИД. Парадоксально, но факт: немцам статьи Димитрова нравились ничуть не больше, чем британскому Форин-офису. «Я сказал, — записал Литвинов в своем дневнике, — что готов сравнить любой меркой — на вес, на протяжение и на количество антисоветские выступления германской печати и антифашистские выступления нашей, и я уверен, что Ш[уленбургу] придется потребовать приз для своей прессы. Ш[уленбург] и с этим согласился». Посол согласился, лаконично отметил Литвинов[2].

На следующий день, 10 января, Молотов выступал в ЦИК с речью по международным отношениям. Речь состояла из ряда заявлений, касающихся различных стран, в том числе Германии. «Скажу прямо, — заявил Молотов, — Советское правительство желало бы установления более хороших отношений с Германией, чем те, которые существуют теперь». Был ли это шаг навстречу Берлину? Отличалось ли это выступление от предыдущих? На самом деле это было не так. Литвинов и Тухачевский в последние месяцы также делали аналогичные заявления. По сути, подобные слова были обычной риторикой Литвинова и Крестинского в общении с их немецкими собеседниками еще начиная с 1933 года. Это было необходимым напоминанием французам и британцам о том, что нельзя воспринимать СССР как нечто само собой разумеющееся. Это подтверждает и последующая атака Молотова на внешнюю политику Германии, основанную на изложенной в «Майн кампф» программе Гитлера. В конце своего заяв-

---

[1] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 2 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118, Д. 45. Л. 1–4.

[2] О встрече с Ф. В. Шуленбургом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 9 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 115. Д. 6. Л. 1–3.

ления о Германии Молотов задал риторический вопрос, как Советский Союз мог подписать торговое соглашение с этой страной. Он подразумевал, что правительства приходят и уходят, но торговля отвечает долгосрочным интересам СССР и Германии[1]. Это была жесткая речь, но на следующий день Крестинский написал Сурицу, что она имеет «более мягкий характер, чем прошлогодняя, хотя немецкая пресса вполне может назвать ее, как обычно, «в обычных враждебных и клеветнических тонах». Тем не менее, велись переговоры о более крупном кредитном соглашении на сумму 500 миллионов марок. Это не предполагало какого-либо улучшения политических отношений. Ничто не указывает на это, отмечал Крестинский, ни в Берлине, ни в Москве, «ни в других пунктах земного шара»[2]. Крестинский был совершенно прав. Содержание его донесения в Берлин пересекалось с тем, что писал в Москву Суриц. Появлялось все больше признаков того, предупреждал Суриц, что немцы могут прибегнуть к репрессиям против советских граждан в Германии[3].

Суриц в Берлине выполнял свою часть дела, выслушивая различные варианты мнений ведущих нацистских чиновников на официальных обедах и приемах. Разговоры велись вокруг одной-двух тем. Наиболее важной из них, по словам Сурица, была ненормальность советско-германских отношений. Второй темой, не менее интересной, было то, что «почти все» его немецкие собеседники охотно признавали, что ответственность за сложившуюся ситуацию лежит на немецкой стороне. Как заметил Суриц, они «тщательно отмежевывались» от нынешнего курса немецкой политики. Интересно также, что, по мнению Сурица, большинство его немецких собеседников, за исключением Нейрата и отчасти Бюлова, не имели претензий к недавней речи Молотова. Один представитель «Дойче банк» даже увидел в этой речи возможность улучшения политических и экономических отношений. А вот Нейрату она не понравилась: да, начало выступления было многообещающим, но, «к сожалению», остальная часть речи представляла собой «обычные» нападки на Германию[4].

Суриц представил еще один отчет, в котором рассуждал о том, заинтересованы ли немецкие офицеры в восстановлении отношений в соответствии с Рапалльским договором. Были ли слухи о наличии такого интереса серьезными? Суриц не был в этом уверен. Он видел, что немецкие собе-

---

[1] Комментарии В. М. Молотова для ЦИК. 10 января 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 695–705.

[2] Н. Н. Крестинский — Я. З. Сурицу. 11 января 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 25–26.

[3] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 11 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 4. Л. 17–17 об.

[4] Я. З. Суриц — Н. Н. Крестинскому. 27 января 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 45. Л. 14–20. Опубл.: ДВП. Т. XIX. С. 44–49.

седники в своих высказываниях на этот счет крайне сдержанны. Возможно ли, что кто-то с немецкой стороны заигрывал с советским посольством в Берлине? На этот счет у Сурица не было никаких предположений[1].

Все эти вопросы были сразу сняты 7 марта, когда в демилитаризованную Рейнскую область вошли немецкие вооруженные силы. Неспособность британцев и французов занять решительную позицию против Германии вызвала в Москве сомнения относительно будущего коллективной безопасности против Гитлера. Крестинский осознал, что все висит на волоске: «политические перспективы в Западной Центральной Европе очень и очень неясны. Трудно думать, чтобы у Фран[цузского] прав[ительства] хватило твердости в течение долгого времени выдерживать политику отказа от непосредственных переговоров с Германией»[2]. Литвинов разделял этот пессимизм. Мнения в британском правительстве разделились. Подавляющее большинство членов Кабинета министров не восприняло всерьез заявления Гитлера о мирных намерениях, однако возникли разногласия по поводу того, что следует предпринять. Литвинов выражал сомнения в решимости британского правительства. «Я не строю себе, однако, иллюзий насчет английской позиции и считаю, что анг[лийское] правительство в конце концов будет настаивать на переговорах локарнских держав с Германией. Фактически эти переговоры уже начались и будут продолжаться при участии Германии и одной Англии. Дальнейшее будет зависеть от твердости французской позиции и отчасти от исхода французских выборов».

Далее Литвинов переключается на абиссинскую проблему и на отношения с Италией, в которых ситуация начала постепенно стабилизироваться, хотя итальянское правительство не вполне понимало советскую позицию. «Сводится она к тому, что я в Лондоне открыто говорил англичанам, что санкции против Италии нас интересовали лишь в качестве репетиции санкций против агрессивной Германии и что если последней не оказывают сопротивление, то мы, естественно, теряем интерес к абиссинскому вопросу». Мы не ищем ссоры с Италией, по сути, заявляет Литвинов. Идея заключается в том, чтобы побудить Италию вернуться к Стрезскому соглашению и к антигерманскому союзу. «Итальянцы могут быть, конечно, уверены в том, что мы ни в коем случае не будем теперь форсировать абиссинского вопроса в Лиге. Кроме того, я всегда стоял на той точке зрения, что переговоры между Италией и Абиссинией должны вестись вне Лиги и что последняя должна лишь зарегистрировать достигнутое согла-

---

[1] Я. З. Суриц — Н. Н. Крестинскому. 28 февраля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 45. Л. 46–49.

[2] Н. Н. Крестинский — Я. З. Сурицу. 26 марта 1936 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 1. Л. 26–25.

шение, каково бы оно ни было. Это совпадает и с желаниями Италии»[1]. Литвинов все еще надеялся спасти свою первоначальную политику объединения широкого спектра стран, включая Италию, против нацистской Германии. Речи о возвращении к старой Рапалльской политике *не велось*.

10 апреля Шуленбург нанес визит Литвинову, хотя и не сообщил ничего конкретного. Как отмечает Литвинов, он просил не верить в агрессивность намерений Германии по отношению к СССР. Для наркома это было уже слишком.

«Я напомнил ему не только о "Моей борьбе", но и о речах Гитлера, где он говорил об экспансии на Восток (подсчитывал плотность населения у себя и у нас и т. д). Я сказал, что если один и тот же человек говорит нам сегодня, что намерен нас атаковать, а завтра, что атаковать не намерен, то мы поступим благоразумнее, основываясь на его первом заявлении, и примем меры предосторожности. Если мы даже ошибемся относительно намерений противника, то мы ничем не рискуем, между тем как если мы будем основываться на втором заявлении и никаких мер не примем, то рискуем своим существованием»[2].

Это звучало вполне логично.

Пока Литвинов встречался с Шуленбургом в Москве, Суриц подготовил анализ последствий немецкой ремилитаризации Рейнской области. «Акт 7 марта бесспорно укрепил н[ационал]-с[оциалистический] режим внутри страны, позволив ему прикрыть и оправдать растущие внутренние хозяйственные затруднения — неизбежное следствие ускоренной военной подготовки — внешнеполитическим успехом». Личный авторитет Гитлера также возрос. «С международной точки зрения акт 7 марта сильно укрепил прежде всего военно-стратегические позиции Германии, создав для германской армии новый стратегически исключительно выгодный плацдарм для развертывания военных сил и для угрозы соседям, плацдарм, парализующий до известной степени военную готовность Франции и подрывающий тем самым базы французской гегемонии в Европе». Это было действительно так, но и это было еще не все.

«Если у Гитлера и была некоторая оппозиция внутри Германии перед 7 марта по вопросу о ремилитаризации Рейнской зоны, то ход событий неизбежно должен был оправдать его тактику и укрепить его в убеждении, что политика "совершившихся фактов" в раздираемой внутренними и внешними противоречиями в Европе есть единственно результативная политика. Впервые после империалистической войны Германия снова

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 4 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 44. Л. 12–15.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 11 апреля 1936 г. // Там же. Л. 16–17; отрывок опубл.: ДВП. Т. XIX. С. 223–224.

и не без успеха противостояла всей Европе (отклонение меморандума локарнских стран, 4-месячный ультиматум, угроза “ухода в изоляционизм”). Тот факт, что на Западе Европы не оказалось силы, которая могла бы стать центром кристаллизации реальной антигерманской коалиции, в то время как единственная и внушительная сила на Востоке Европы — СССР непосредственно не заинтересован в Локарнском конфликте, этот факт опьяняет не только самого Гитлера и его клику, он опьяняет всю германскую мелкую буржуазию, усиливает элементы шантажа и авантюризма в германской внешней политике».

Особенно жестко Суриц высказался касательно британской внешней политики. В его словах чувствовалось явное презрение: «Совершенно очевидно, что поскольку речь идет о дипломатических акциях, гитлеровская политика и впредь будет направлена на нейтрализацию Англии и изоляцию Франции. Гитлер превосходно учитывает неспособность Англии вести активную политику одновременно на всех уязвимых для Англии направлениях (европейское, средиземноморское, дальневосточное). Он исходит из предположения, что Англия, по крайней мере, на ближайшее время предпочтет добиться какого-нибудь, хотя бы и гнилого, хотя бы и за счет Восточной Европы, компромисса с Германией, с тем чтобы мало-мальски развязать себе руки для других направлений. Вся политика Англии со времени прихода Гитлера к власти склонна подтвердить правильность этого предположения Гитлера. В своей поддержке Лиги Наций и противодействия агрессору Англия, поскольку речь идет о Германии, ограничивалась до сих пор лишь декларациями, в то время как ее действия практически всегда были направлены на поддержку Гитлера. Едва ли есть основания рассчитывать на серьезное изменение этого английского курса».

Определить, где нацистская Германия нанесет следующий удар, было не так-то просто. По мнению Сурица, единственное, что можно было предположить наверняка — это то, что Германия лихорадочно готовит плацдармы на всех направлениях, «как если бы она готовилась воевать со всей Европой». Что касается советско-германских отношений, то начиная с 7 марта Гитлер во всех своих выступлениях соблюдал определенную сдержанность и не упоминал СССР.

«По каким-то причинам он, по крайней мере внешне, не хочет ничем ангажироваться в отношении СССР. На основании всех наших наблюдений в Германии, мы склонны думать, что несмотря на весь антисоветский вой н[ационал-]с[оциалистической] прессы, СССР является единственной страной, перед которой фашистская Германия имеет настоящий респект. Огромная мощь СССР и Красной армии, хорошо известные германским руководителям, импонируют германским руководящим кругам, в особенности кругам военным, которых пугают неопределенные пер-

спективы войны с восточным гигантом, на которого не производит впечатления ни один из трюков, который Германия с таким успехом применяет на Западе».

В заключение Суриц затрагивает вопрос дальнейших торговых переговоров с Германией. Он отмечает, что в этой ситуации возобновление полноценных торговых переговоров представляется своевременным и целесообразным. «Три первых месяца этого года, когда СССР ничего не продавал в Германии и очень мало покупал, до крайности тяжело отразились на некоторых отраслях германского хозяйства. Впервые за последние 1,5 года, вновь стал таять жидкий золотой запас Рейхсбанка. Германские фирмы, работавшие на СССР, осаждают министерства, требуя возобновления переговоров». По сути, Суриц утверждает, что немцы оказались в трудном положении — следовательно, время для возобновления торговых переговоров сейчас весьма удобное.

«Чем бы ни кончился теперешний европейский кавардак — закончится ли он расколом Европы на две Антанты (англо-германскую и итало-французскую), приведет ли он к какому-то общему соглашению с Германией, в которое на каких-то началах включимся и мы, или будет сохраняться теперешнее положение, когда готовящаяся целеустремленно к войне Германия — будет некоторое время противостоять раздробленному и расхлябанному фронту европейских держав, не умеющих договориться друг с другом и по очереди становящихся жертвой тех или иных форм германской агрессии — во всех этих случаях нам нет никаких оснований экономически рвать с Германией. Даже в том случае, если нам заведомо будет известно, что нам суждено стать жертвой германского нападения, — сохранение и даже развитие экономических отношений с Германией, в особенности кредитных, — также имеет свой смысл. Пусть немцы, нападая на нас, испытывают дополнительный удар от болезненного разрыва экономических отношений с нами, чем если они заблаговременно и при нашей поддержке подыщут замену нашему рынку».

Суриц, таким образом, выступал за новые переговоры с Берлином[1]. 4 апреля Политбюро одобрило торговое соглашение с Германией на 1936 год, по-прежнему основанное на кредите в 200 миллионов марок. Предложение о 500 миллионах было отклонено в марте[2]. Таким образом, Политбюро не приняло рекомендации Сурица действовать более решительно. Литвинов не был уверен, держал ли Давид Владимирович Канде-

---

[1] Я. З. Суриц — Н. Н. Крестинскому. 12 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 45. Л. 96–109.

[2] Постановление Политбюро № Р38/232. 4 апреля 1936 г. // Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля. Т. III: 1933–1941. С. 186; Постановление Политбюро № П2784. 20 марта 1936 г. // Там же. С. 180.

лаки (торгпред в Берлине) Сурица в курсе проходивших в Москве дискуссий об экономических отношениях с Германией. Как бы то ни было, Литвинов сообщил Сурицу, что по чисто экономическим причинам не стал возражать против соглашения 1936 года[1]. Это означало, что в апреле 1936 года Политбюро (по сути, Сталин) не рассматривало возможность придать новое направление «старой политике» посредством торговых переговоров.

Через некоторое время после этого длинного донесения, в начале июня, Суриц отправил Крестинскому короткую записку, в которой описывал свой разговор с неназванным немецким собеседником, который от имени других немецких лиц, также неназванных, выступал за сближение с СССР. «Друг наш», как его называл Суриц, сообщил, что экономическая ситуация в Германии «с каждым днем ухудшается», а зависимость от советского рынка возрастает. «При выдержке с нашей стороны мы, по его заверениям, сможем добиться не только лучших экономических условий, но и политических уступок. Изолировав же от политики эконом[ические] переговоры и придав им независимый характер, мы, по его мнению, играем только на руку гитлеровскому окружению, добивающемуся максимально использовать выгоды от торговли с СССР, ни на шаг не отступая от теперешнего антисоветского курса»[2]. Это, безусловно, был важнейший вопрос в отношениях между СССР и нацистской Германией. Советский Союз всегда старался придерживаться на Западе политики, которая заключалась в том, чтобы использовать улучшение экономических отношений для улучшения отношений политических, но к нацистской Германии эта тактика до сих пор *не применялась*. Литвинов неоднократно подчеркивал, что экономические переговоры с Берлином не имеют политического значения. Анонимный информатор Сурица предупредил, что это играет на руку ближайшему окружению Гитлера и что советскому правительству следует попытаться получить из своей прибыльной торговли с Германией политическую выгоду. Пусть французы или британцы беспокоятся по поводу возобновления Рапалльских соглашений, но советская сторона ведь не задумывается о политическом демарше Берлину — разве что в обратном смысле, поскольку Литвинов рассматривает торговлю как способ предотвратить формальный разрыв дипломатических отношений. Это как раз и может послужить источником политической выгоды, так не желает ли советское правительство попытаться использовать торговые отношения для реализации более активной политической стратегии в отношении Германии?

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 11 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 44. Л. 16–17.

[2] Я. З. Суриц — Н. Н. Крестинскому. 3 июня 1936 г. // СССР — Германия. 1932–1941. М.: ИстЛит, 2009. С. 154.

Весной 1936 года ответ на этот вопрос был отрицательным. Суриц хотел вернуться в Москву для консультации, но Литвинов приказал ему остаться в Берлине. Если ситуация изменится, сказал он, мы вызовем вас домой. Все хотят приехать в Москву, но сейчас не время[1]. Затем Литвинов довольно подробно ответил на апрельское послание Сурица. Со своим полпредом он согласился лишь отчасти.

«Одно дело теоретически признавать вероятность провала всяких попыток к отпору Гитлеру, другое дело содействовать такому провалу. Пока провал не стал фактом и есть хотя бы малейший шанс избежать его, мы не должны отказываться ни от каких усилий в этом направлении. Если Лондондери, Ротермиры, Лотьяны и другие друзья или агенты Гитлера рекомендуют предать забвению нарушение Локарно и оставить его совершенно безнаказанным и принять планы Гитлера по организации мира, то это не значит, что и мы должны практически идти по тому же пути. Пока Франция и ее друзья не отказались от борьбы с этими гитлеровскими планами, мы должны не умерять, а поощрять эту борьбу. Наш отказ от экономических переговоров с Германией, в особенности в связи с необоснованными сообщениями печати о полном разрыве экономических отношений с Германией, несомненно поощряет эту борьбу».

Советское правительство (по сути, Сталин) было по-прежнему привержено принципам коллективной безопасности и взаимопомощи, а Франция была «опорой» этой политики.

Такова была политическая сторона проблемы, как ее видел Литвинов. Затем он перешел к вопросу о торговых и кредитных соглашениях с Германией, который, конечно, имел *потенциальный* выход в политическую плоскость. Британские и французские противники соглашения с СССР неверно истолковывали или по идеологическим причинам отказывались понимать советскую политику. Даже Суриц ее не понимал до конца, поэтому объяснение Литвинова стоит процитировать подробно.

«В еще большей мере осуществление рекомендуемого Вами предложения о немедленном возобновлении экономических переговоров в большом масштабе действовало бы охлаждающе на Францию и играло бы на руку Гитлеру. И чего ради? Вы не пытаетесь даже указать, какие выгоды мы могли бы извлечь из форсирования переговоров с Германией. Политически мы укрепим только Гитлера, от которого никакой политической компенсации не получим, а экономически, как здесь было указано т. Канделаки, мы очень мало заинтересованы в большой схеме кредитов. С другой стороны, Вы допускаете возможность общего соглашения с Германи-

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 19 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 44. Л. 18.

ей, в которое на каких-то началах включимся и мы. Такое “включение” не будет добровольным актом со стороны Гитлера, а может быть только вынуждено у него в процессе переговоров со стороны Англии и Франции. В этом вынуждении немалую роль будет играть и наше нынешнее воздержание от возобновления экономических связей с Германией и в этом будет состоять наш единственный вклад в борьбу против принятия полностью гитлеровской программы. Настаивать на том, чтобы Франция и Англия заботились о включении Востока Европы в общий план организации мира, а самим отказываться от малейшего давления на Гитлера — тактика плохая. Я полагаю, что Вы недостаточно продумали проблему и поддались на те увещевания т. Канделаки, которыми он безуспешно пользовался и здесь при обсуждении вопроса. Я ему тут же указал, что германские кредиты от нас не уйдут и что мы их получим, когда захотим. Только после того, как состоится общее соглашение с Гитлером или же обнаружится полная безнадежность вынуждения его к каким-либо уступкам, можно будет принять Вашу рекомендацию, но не раньше»[1].

Что дальше?

Следующие несколько месяцев не предвещали никаких изменений в советско-германских отношениях, кроме ухудшений. 3 мая 1936 года на парламентских выборах во Франции победил Народный фронт. Трудно было сказать, какое влияние окажут подобные результаты выборов на внешнюю политику Франции. Литвинов был настроен скептически. Что касается мнения нацистов по этому поводу, Суриц назвал его неопределенным. С одной стороны, левые, и особенно Коммунистическая партия Франции, добились важных успехов. Так называемые германофилы, похоже, потерпели на этих выборах поражение. Тем не менее, хотя в немецкой прессе писали о «победе Москвы» и «плодах франко-советского пакта», немало было и рассуждений о социальных беспорядках и валютно-финансовой «катастрофе». Это был способ внушить подобные мысли обывателям, а заодно позлить французских консерваторов, читающих немецкую прессу. Тем не менее на французской бирже ситуация оставалась «неожиданно спокойной».

Суриц также обратил внимание на «флирт» немцев с Блюмом, что, должно быть, привлекло внимание Литвинова. «Газеты напоминают, что Блюм, как и другие социалистические лидеры, очень нерешительно и с большими сомнениями поддерживал политику сближения с СССР. Кроме того, отмечают, что Леон Блюм после оглашения “мирного плана” Гитле-

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 19 апреля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 44. Л. 19–21.

ра требовал “поймать Гитлера на слове” и установить, является ли его воля к миру серьезной и искренней»[1]. Действительно ли Блюм говорил такое? Литвинову, должно быть, эти слова показались крайне наивными. А может, это был жест отчаяния? Начало Гражданской войны в Испании в середине июля привело к обострению советско-германских отношений. В конце того же месяца Суриц сообщил в Москву о возобновлении нападок в немецкой прессе. По информации от Крестинского, московские газеты открыли ответный огонь. «Сегодняшняя статья, более крепкая, содержащая в себе переход к наступлению против немцев и итальянцев. Обсуждаем план более планомерного обстрела немецкой политики в нашей печати». Словно прочитав мысли Сурица, Крестинский выступил против формального протеста, поскольку таковой не имел бы практического эффекта, а немцы, так сказать, с удовольствием использовали бы его в своих целях[2].

Через неделю Крестинский сообщил, что, не считая общих дискуссий между Литвиновым и Сталиным, немецкие дела уже некоторое время не обсуждаются. Он добавил, что оценка будущего отношений с Германией остается неизменной. Немецкое правительство не скрывает своей враждебности к нам, отмечал Крестинский, «и все более и более откровенно ставит разрыв с нами условием сближения с ней». Немцев тоже взволновала Гражданская война в Испании, и ни для кого не секрет, что они поддерживали «мятежников». Конечно, они по-прежнему готовы подписать с нами кредитный договор на полмиллиарда или на миллиард марок. Это чисто экономический вопрос, и немецкие чиновники открыто заявляют, что деловые отношения не окажут никакого влияния на отношения политические. В этих условиях, полагал Крестинский, кредитные переговоры возобновляться не будут. СССР не может использовать все предоставленные кредиты и, более того, не имеет мотивации поддерживать немцев политически. Крестинский повторил, что это точка зрения его и Литвинова, и что хотя формально вопрос не обсуждался, их взгляд на ситуацию во многом совпадает с мнением членов Политбюро[3]. Впоследствии Литвинов сообщил Сурицу, что хотя было принято решение не возобновлять переговоры о кредите, по возвращении в Москву из отпуска на юге он узнал, что Канделаки пытался это решение изменить. Тем не менее ему было дано письменное указание сообщить немецкой стороне о принятом

---

[1] Я. З. Суриц — Н. Н. Крестинскому, no. 199/s, secret, 16 May 1936 // АВПРФ. Ф. 082. op, 19. П. 83. Д. 4. Л. 73–64.

[2] Н. Н. Крестинский — Я. З. Сурицу. 26 июля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 44. Л. 25.

[3] Н. Н. Крестинский — Я. З. Сурицу. 4 августа 1936 г. // Там же. Л. 26–27. Опубл.: ДВП. Т. XIX. С. 389–390.

в Москве решении. Ему разрешили спросить немцев, согласятся ли они уступить по некоторым ключевым моментам, и если ответ будет положительным, то можно будет провести дальнейшие переговоры[1]. Далее Литвинов неожиданно поинтересовался мнением Сурица о последней антисоветской кампании в немецкой прессе: «Хотя о причинах усилившейся антисоветской кампании в германской прессе догадываться нетрудно, я все же хотел бы знать Ваши соображения на этот счет. Причин этих очень много, и я затрудняюсь определить, какая из них является доминирующей»[2]. Может быть, это было редкое для Литвинова проявление сдержанного юмора?

На самом деле ситуация была не смешной, как уже отмечал Сурис в двух донесениях конца августа. В первом, датированном 28 августа, подробно рассматривались намерения нацистов и был сделан вывод, что «единственная программа, которой оперируют германские фашисты, это — борьба против большевизма, борьба против СССР». Германия еще «не готова для большой войны на многих фронтах», но ее действия внутри страны и на международной арене «усиливают опасность новых авантюр германского фашизма»[3]. В сообщении от 31 августа Сурис отмечал, что после летних Олимпийских игр вся немецкая пресса развернула яростную кампанию против СССР. Среди прочего, эта кампания муссировала темы угрозы Красной армии и красной «“империалистской” политики СССР», а также советского «невмешательства» в дела Испании. В Испании Германия стала главным бастионом противодействия «красной опасности». Говорили, что кое-кто в окружении Гитлера считал, что логичным выходом из нынешней ситуации будет разрыв дипломатических отношений с СССР. Это была позиция меньшинства. Большинство выступали против разрыва, поскольку это подчеркнуло бы, насколько велика роль Германии в повышении уровня угрозы войны в Европе, и к тому же стало бы ударом по всем сторонникам сотрудничества с Германией. Совсем другое дело, если бы ответственность за разрыв легла на СССР. Среди коллег Сурица по дипломатическому корпусу ходили слухи, что немцы затеяли энергичную кампанию, направленную на разрыв отношений с Москвой. «Сейчас я не могу не высказать удовлетворения, — заключил Сурис, — что и мы перешли в контратаку в нашей печати. «Оставить все эти гнусности без ответа и без должного отпора равнозначило бы капитуляции и разожгло бы только аппетиты». Донесение Сурица было передано в Политбюро, где

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 19 августа 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 44. Л. 30.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 26 августа 1936 г. // Там же. Л. 32.

[3] Я. З. Сурис — Н. Н. Крестинскому. 28 августа 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 118. Д. 46. Л. 23–28. Опубл.: ДВП. Т. XIX. С. 408–412.

по его поводу высказались Каганович и Молотов. По мнению Кагановича, «что нам не следует подаваться на провокации немецкой печати». Молотову не понравились выводы Сурица, он назвал их пафосными и паническими, хотя и в других формулировках. Говорить о «капитуляции», добавил он, «просто неуместно». Очевидно, Молотов не любил, когда его пытались напугать преувеличенными предупреждениями об опасности, хотя время показало, что эти предупреждения вполне соответствовали действительности. Сталин, Орджоникидзе и Ворошилов подписали донесение без комментариев[1].

В начале сентября в Нюрнберге должен был состояться съезд нацистской партии, и немецкая пресса объявила, что он будет характеризоваться резкой антисоветской направленностью. У Сурица была идея приехать на съезд только для того, чтобы демонстративно выйти при первом же антисоветском выпаде, но Литвинов полагал, что пользы от такого жеста будет немного. Кроме того, Литвинов считал, что Сурицу не следует покидать Германию в знак протеста, хотя и посоветовал проконсультироваться по этому поводу с Политбюро. «Кампания германской прессы приняла такие размеры, что я предлагал заявить германскому правительству мотивированный протест и протест этот огласить, но это не встретило сочувствия у товарищей. Решено было предложить Полпредам на местах принять свои меры противодействий германской пропаганде»[2].

Пока разворачивался этот обмен мнениями с Сурицем, Литвинов готовился к поездке в Женеву на ежегодное собрание Лиги Наций. Его беспокоило состояние коллективной безопасности и взаимопомощи против нацистской Германии, и у него были на то причины. 7 сентября он написал Сталину, чтобы предупредить его об опасностях, которые им угрожают.

Тем временем 11 сентября Суриц снова перешел в атаку, требуя дать «сильный и резкий» ответ Нюрнбергскому нацистскому съезду — такой, что встретил бы одобрение многих стран, но не сыграл бы на руку нацистским разжигателям войны. Так, он рекомендовал ноту протеста, заявление члена правительства и «приостановку поставок сырья Германии и ущерб, даже если это сопряжено с оплатой некоторых наших векселей в золоте»[3]. В своих предложениях он зашел довольно далеко.

---

[1] Я. З. Суриц — Н. Н. Крестинскому. 31 августа 1936 г., а также записки Л. М. Кагановичу, В. М. Молотову // Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля. Т. III: 1933–1941. С. 197–200.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 4 сентября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 44. Л. 33–34.

[3] Я. З. Суриц — в НКИД. 11 сентября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 214. Л. 34–36. Копии отправлены И. В. Сталину и др. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

Телеграмма Сурица побудила Литвинова написать Сталину. «Я согласен с тов. Сурицем относительно необходимости реагирования на выступления Гитлера, Геббельса, Розенберга и других. Я считаю, что наше пассивное и терпимое отношение к подобным выступлениям в прошлом поощрило нынешние и поощрит в будущем еще более резкие выступления. Наше презрительно молчание в таких случаях не совсем понятно внешнему миру». В этой записке Литвинов ответил на опасения, высказанные Молотовым и Кагановичем: «Я не думаю, что Гитлер стремится к разрыву отношений или что он провоцирует нас на разрыв. Он позволяет себе неслыханные в международной практике оскорбления по нашему адресу именно потому, что уверен, что мы порывать отношения не будем, дабы не скомпрометировать нашу мирную политику». И Политбюро, и сам Литвинов были озабочены тем, как бы не спровоцировать разрыв дипломатических отношений с Берлином. Поэтому он поддержал первые две рекомендации Сурица, но не одобрил третью, касающуюся приостановки торговли сырьем. По его мнению, это не оказало бы сколько-нибудь заметного влияния на международную торговлю Германии[1]. Литвинову не удалось развеять опасения Кагановича и Молотова по поводу потенциального разрыва отношений, и они категорически выступили против предложений Сурица. Тем не менее последнее слово, как всегда, оставалось за Сталиным. «Против предложения тт. Литвинова и Сурица», — нацарапал он красным карандашом поперек докладной записки Литвинова[2]. «Опыт последнего месяца, — писал Каганович Сталину, — показывает, что применение нами указанной вами тактики недопущения истерики и соблюдения спокойствия и выдержки целиком себя оправдало». Политбюро отказалось поддержать рекомендацию о ноте протеста Берлину[3].

Крестинский сообщил Сурицу о решении Политбюро. Официальной ноты протеста не будет, однако пресса отреагировала на происходящее решительно, не стесняясь прямых нападок на нацистское руководство. Н. И. Бухарин, на тот момент еще редактор «Известий», опубликовал статью в таком духе на следующий день после того, как Сталин наложил вето

---

[1] М. М. Литвинов — Л. М. Кагановичу. 14 сентября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 213–214. Опубл.: Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля. Т. III: 1933–1941. С. 201. Копии отправлены В. М. Молотову и И. В. Сталину.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 564. Л. 108–109. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[3] Л. М. Каганович — И. В. Сталину. 14 сентября 1936 г. // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 676–678; Постановление Политбюро № Р43/181. 20 сентября 1936 г. // Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля... Т. III. С. 200.

на предложения Сурица[1]. В то же самое время Суриц, который еще не слышал о решении Политбюро, сам написал Крестинскому. В своем письме он давал оценку Нюрнбергскому партийному съезду, особо подчеркивая цели внутренней и внешней политики нацистов. Среди прочего Суриц затрагивал возможность разрыва дипломатических отношений, поскольку именно этот вопрос, судя по всему, побудил Политбюро отклонить его предыдущую рекомендацию. «Входило ли в намерение нюрнбергских хозяев вызвать разрыв наших отношений, до сих пор остается неясным. Одно лишь несомненно, что сами они не хотели взять на себя такой инициативы, но с возможностью такой реакции с нашей стороны, по-видимому, все же считались». Суриц выражал уверенность, что немцы не намерены провоцировать разрыв отношений и не ожидают, что советскую сторону можно спровоцировать на такой разрыв. С точки зрения немцев в Москве по-прежнему проводилась политика «дуализма»: торговым отношениям — да, а возвращению к Рапалльскому соглашению — нет. Суриц все еще склонялся к тому, что следует подать официальный протест[2].

На протяжении всей осени Литвинов по-прежнему придерживался мнения, что правительство Германии не станет разрывать отношения с Советским Союзом, даже если эти отношения останутся напряженными. В Москве и Ленинграде были арестованы немецкие граждане, и Литвинов опасался, что советские граждане, работающие в Германии, могут быть арестованы в качестве заложников, чтобы добиться освобождения тех, кто находится в заключении в СССР[3]. Крестинский посоветовал Сурицу ужесточить контроль над посольствами и персоналом торгпредства (торгового представительства), чтобы не дать немецким властям повода для ответных арестов. Он считал, что нужно ожидать худшего. В Новосибирске судили одного немецкого инженера, причастного к «троцкистско-фашистской» организации. Ирония судьбы в том, что вскоре Крестинскому предстояло самому стать объектом подобных обвинений. Очень скоро читатели заметят, что его имя исчезнет из этого повествования. Несправедливые обвинения — трагедия, с которой во время Великих чисток столкнулись многие. Действительно, анализируя деятельность Крестинского как революционного и советского дипломата в течение предыдущих двадцати лет, невоз-

---

[1] Н. Н. Крестинский — Я. З. Сурицу. 19 сентября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 44. Л. 38; статья Н. И. Бухарина в «Известия» от 15 сентября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 145–162. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Я. З. Суриц — Н. Н. Крестинскому. 19 сентября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 46. Л. 65–68.

[3] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 19 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 1. Л. 79–78.

можно поверить, что он мог предать свое правительство. Однако мы несколько забегаем вперед. Крестинский посоветовал Сурицу перевести посольство к «полной боевой готовности» и быть готовым ко всему. Аресты продолжали омрачать отношения с Германией до конца года[1].

Новые попытки зондажа

НКИД по-прежнему пытался прояснить, заинтересована ли Германия в улучшении отношений. В октябре Крестинский направил Сурицу письменный запрос о сообщении ТАСС, появившемся в румынской прессе. В нем говорилось о банкете немецких генералов по окончании военных маневров. Якобы там велись разговоры о желательности сотрудничества с Красной армией, произносились тосты за нее и даже за Сталина. Крестинский счел это сообщение выдумкой, но попросил Сурица выяснить, стоит ли за ним что-нибудь существенное[2].

Через несколько недель Суриц попросил разрешения принять приглашение Геринга «для обмена мнений по вопросу о советско-германских отношениях». Литвинов посоветовал Сталину рекомендовать Сурицу принять это приглашение[3]. В середине декабря Суриц встретился с Герингом и имел с ним долгую беседу. Большая ее часть представляла собой монолог Геринга, который был в основном посвящен экономическим отношениям. Тем не менее ближе к концу разговора Геринг все же перешел к вопросам политическим. Он упомянул политику Бисмарка и даже «ошибку» Вильгельма II. Когда Сурицу удалось вставить слово, он заявил, что советское руководство выступает за улучшение отношений (в этих словах не было ничего нового). Однако Геринг «меланхолически заметил», что, к сожалению, этого не одобряют 99% немцев. Это звучало как попытка прозондировать почву, но Суриц в своем отчете не зафиксировал никакого ответа. Геринг, казалось, играл роль «хорошего полицейского». Как он сказал Сурицу в конце разговора, он не верил, что отношения двух стран могут дойти «до белого каления»[4].

---

[1] Н. Н. Крестинский — Я. З. Сурицу, no. 4751, personal, very secret, 11 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 1. Л. 77–76; Н. Н. Крестинский — Я. З. Сурицу. 19 ноября 1936 г. // Там же. Л. 82–81; М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 26 декабря 1936 г. // Там же. С. 210.

[2] Н. Н. Крестинский — Я. З. Сурицу. 26 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 44. Л. 41–42.

[3] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 9 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 114. Д. 1. Л. 302. Опубл.: Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля... Т. III. С. 219.

[4] Запись беседы с Г. Герингом 14 декабря 1936 г. Выдержка из дневника Я. З. Сурица. 16 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 46. Л. 156–160.

Было ли в этом что-то новое? Только не для Литвинова и не для Сталина. Советская политика всегда заключалась в том, чтобы утверждать, что СССР выступает за хорошие отношения с Германией. Время от времени имели место беседы, в ходе которых пытались найти способы движения навстречу друг другу, но таких способов в очередной раз не находилось. Могла ли эта встреча привести к иному результату? На тот момент так не казалось. Литвинов передал Сталину записи разговоров, в которых говорилось, что война — более вероятный исход, чем улучшение отношений. Один из двух документов представлял собой не предназначенное для публикации интервью, взятое у Геринга британским журналистом «Дейли мэйл» Дж. Уордом-Прайсом. В нем Геринг высказывал уверенность в том, что война с СССР «неизбежна». Сурицу он этого не говорил. Второй документ представлял собой письмо Прайсу от бывшего клерка МИД Германии Отто Шиллера. Оно касалось японо-германских отношений и немецких военных планов. Шиллер, который был специалистом по советскому сельскому хозяйству и в 1931 году служил в посольстве Германии в Москве, сообщал Прайсу, что «Антикоминтерновский пакт», подписанный в конце ноября 1936 года, представлял собой не полномасштабный договор о сотрудничестве, а всего лишь обязательство не ущемлять интересы друг друга. Другая часть письма касалась немецких расчетов касательно условий, необходимых для победы Германии в войне против СССР. Немецкий Генеральный штаб считал, что не сможет начать войну ранее 1938 года[1]. Ни в одном из документов не было ничего, что указывало бы на возможность возврата к рапалльской политике — как раз наоборот. В конце декабря Канделаки подписал с имперским министром экономики Шахтом новое торговое соглашение на 1937 год. Однако все это по-прежнему было в рамках советской «двойной политики»[2].

В январе 1937 года Канделаки прибыл в Москву для консультаций. Там он получил одобрение на демарш немецкому правительству с целью «улучшения отношений»[3]. По возвращении в Берлин 29 января Канделаки вновь встретился с Шахтом. В своем докладе в Москву он указывал, что Шахт возьмет на себя ответственность за организацию встречи Нейрата с Сурицем в присутствии Шахта и Канделаки. Далее следовали какие-то туманные высказывания о необходимости встреч Канделаки и Шахта перед «офици-

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 20 декабря 1936 г. // Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля. Т. III: 1933–1941. С. 220–231. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] Д. В. Канделаки — А. П. Розенгольцу. 24 декабря 1936 г. // Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля... Т. III. С. 231–232.

[3] *Roberts G.* A Soviet Bid for Coexistence with Nazi Germany, 1935–1937: The Kandelaki Affair // International History Review. Vol. 16. No. 3 (1994). P. 466–490.

альной встречей». Предполагалось, что в ходе переговоров между Сурицем и Нейратом Шахт будет поддерживать «личный контакт» с Канделаки, «чтобы нам совместно устранять возникающие затруднения и находить базу для соглашения». Также упоминалось, что экономические переговоры станут предметом обсуждения: «В заключение Шахт заявил, что намечающиеся политические переговоры он считает единственно правильным выходом из теперешнего положения и рад, что обе страны вступают на этот путь»[1].

Суриц и Литвинов как будто на время ушли со сцены, но это продолжалось недолго. «На обратном пути из Женевы, — писал Сталину Литвинов, — я встретился в Варшаве с Сурицем. Он сообщил мне, что Канделаки передал наш ответ Шахту и последний предложил передать дальнейшие переговоры Нейрату и т[товарищу] Сурицу. Когда при этом возник вопрос о том, по чьей инициативе встреча между Нейратом и т[оварищем] Сурицем должна произойти, Шахт сказал, что эту встречу он может устроить. По-видимому, он устроит какой-нибудь обед, на который пригласит Нейрата, Сурица и Канделаки. Шахт выразил некоторое недоумение по поводу последней части нашего заявления, где говорится о конфиденциальности разговоров, и замечание Шахта можно было понять в том смысле, что он отнюдь не склонен придавать переговорам конфиденциальный характер».

Литвинов также пояснил, что Гитлер ищет финансовой помощи у Франции и Великобритании, и естественно предположить, что если советско-германские отношения улучшатся, французы (да и британцы) будут более склонны к переговорам. Канделаки, похоже, думал, что его вызовут в Москву вместе с Сурицем для дальнейших консультаций.

«Мне кажется, что поскольку нами решено ограничиться пока выслушиванием немецких предложений, надобности в приезде Сурица и Канделаки нет. Обоим разъяснено, когда они были в Москве, что инициатива каких-либо предложений должна быть предоставлена германской стороне, которой должно быть разъяснено, что, поскольку ухудшение советско-германских отношений имело место по решению германского правительства, мы ожидаем от него теперь соображений о том, как и в каких пределах эти отношения могут быть улучшены, (тем более что Гитлер еще на днях заявил, что пределом этих отношений являются “необходимые государственные отношения”)».

Никакие другие инструкции, заключал Литвинов, по-видимому, не нужны[2]. Канделаки пытался начать переговоры с Берлином, однако Лит-

---

[1] Д. В. Канделаки — И. В. Сталину, В. М. Молотову, А. П. Розенгольцу. 29 января 1937 г. // Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля... Т. III. С. 233.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 4 февраля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 1. Л. 21–22. Опубл.: СССР — Германия. 1932–1941... С. 152. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу и др.

винов свел все эти попытки к тому, чтобы выслушать мнение немецкой стороны.

Подобные инструкции привели к тому, что Канделаки оказался в ловушке, расставленной немцами. А может, Шахт просто превысил свои полномочия. Возможно, он осознал свою ошибку и попытался отказаться от идеи переговоров. Он написал Нейрату, что переговоры будут возможны только «после того, как российское правительство сделает недвусмысленное заявление об отмежевании своей позиции от агитации Коминтерна, причем это должно сопровождаться необходимыми гарантиями»[1]. Откуда тут взялся Коминтерн? Это всегда был хороший предлог для срыва переговоров с СССР. Сталин никогда не согласился бы на такие условия, и уж тем более с гитлеровской Германией. 10 февраля Нейрат обсудил с Гитлером возможность переговоров с Канделаки и сразу же отмел эту идею. Такие переговоры «не могут привести ни к каким результатам, а <...> напротив, могут быть использованы русскими в лучшем случае для достижения преследуемой ими цели — получения более тесного военного союза с Францией, а также, если возможно, дальнейшего сближения с Великобританией». Такая оценка советских намерений была на самом деле правильной[2]. Несмотря на это, британское и французское правительства нашли причины отклонить советские предложения о взаимопомощи, хотя это и подразумевало риск советско-германского сближения. На тот момент агитации Коминтерна оказалось вполне достаточно в качестве предлога для срыва дальнейших политических переговоров с СССР.

Лишь 16 марта Канделаки встретился с близким соратником Шахта Гербертом Герингом, двоюродным братом Германа Геринга. Это был первый контакт с офисом Шахта с конца января. Сам Шахт на встрече не присутствовал, что уже говорило само за себя. Очевидно, немцы не спешили сообщать Канделаки о своем решении отказаться от каких-либо политических переговоров. Геринг привел две причины: первой было то, что советская сторона не сделала никаких конкретных предложений, а второй — Коминтерн. Канделаки предположил, что Шахт не хотел напрямую отрекаться от своих слов, поэтому и послал кузена Геринга с «наглым» немецким ответом[3]. В демарше советской стороны заведомо не было особого смысла. В некотором роде, как отмечал Нейрат, вся эта затея была частью советской стратегии по консолидации взаимопомощи с Францией и Великобританией. Если французы и британцы искали пути добиться

---

[1] Schacht to Neurath. 6 Feb. 1937, and enclosure // DGFP, series C. Vol. VI. P. 379–380.

[2] Neurath to Schacht. 11 Feb. 1937 // DGFP, series C. Vol. VI. P. 403–404.

[3] Д. В. Канделаки — И. В. Сталину, В. М. Молотову, А. П. Розенгольцу. 17 марта 1937 г. // СССР — Германия. 1932–1941... С. 170.

расположения Берлина, что мешало советской стороне поступить так же? Кроме того, в Испании бушевала Гражданская война, и советская поддержка республиканского правительства в Мадриде имела решающее значение для его выживания. Советские военные «советники» были всего лишь в одном шаге от противостояния немецким и итальянским солдатам, объединившимся с мятежниками. Советский военный атташе в Париже обсуждал с французскими коллегами более тесное военное сотрудничество для закрепления франко-советского пакта 1935 года. Именно к этим событиям мы и обратимся в нашем дальнейшем повествовании.

ГЛАВА IV

РАЗРУШЕННЫЙ БАЛАНС: СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПОПЫТКИ КОНСУЛЬТАЦИЙ МЕЖДУ ГЕНШТАБАМИ, 1936–1937 ГОДЫ

Пока советское правительство реагировало на развязанную в июле — августе 1936 года националистами гражданскую войну в Испании, наркоминдел М. М. Литвинов решил, с согласия генсека ВКП(б) И. В. Сталина, попытаться актуализировать вопрос о взаимопомощи с Парижем. В частности, он старался организовать на уровне Генеральных штабов совещание с Францией. Как ни странно, Пьер Лаваль, французский министр иностранных дел, поднимал этот вопрос в 1935 году в Москве. В тоже время, согласно приказам наркома обороны СССР маршала К. Е. Ворошилова, военный атташе комдив Семён Иванович Венцов, по всей видимости, сказал генералу Виктору-Анри Швайсгуту, заместителю начальника французского Генштаба, что Верховное главнокомандование Красной армии намерено «установить отношения с Генеральным штабом Франции». По словам Венцова, это было бы «логическим следствием» подписания советско-французского пакт о взаимопомощи. Конечно, это было бы логично. Однако военным министром в то время был Луи Морен, и он попросил Лаваля предоставить ему инструкции, в которых бы говорилось на изящном французском, что Генеральный штаб не в восторге от этой идеи. Как видно из рукописного документа без даты, МИД Франции так и не предоставил ответа[1]. Французы начали таким образом тянуть время. Лаваль пытался отказаться от своих благородных, но неосторожно брошенных слов.

[1] Maurin to Laval. No. 1365.29 May 1935 // SHAT 7N 3186.

Все оставалось в подвешенном состоянии, во-первых, из-за того, что Лаваль тянул с одобрением советско-французского пакта, и во-вторых, потому что Генеральный штаб Франции никогда особо не горел желанием продвигаться в этом направлении. После ратификации пакта о взаимопомощи в феврале — марте 1936 года, этот вопрос больше никогда не поднимался. Через неделю после того, как немецкие войска 7 марта вошли в Рейнскую область, Венцов затронул данную тему на обеде с французскими офицерами[1]. Через десять дней Жозеф Поль-Бонкур в Лондоне во время переговоров с Литвиновым взял инициативу на себя. Раньше он был министром национальной обороны и войны, а ныне — государственным министром в кабинете Альбера Сарро. «Нам необходимы немедленные переговоры между Генеральными штабами», — сказал он Литвинову[2]. Поль-Бонкур — не «могильщик» взаимоотношений с Москвой, он всегда выступал в поддержку взаимопомощи, готовности вгрызться зубами в агрессора. Часто самые важные слова говорятся за обеденным столом. В мае Венцов и Евгений Гиршфельд, советский поверенный в делах, снова подняли эту тему на ужине с французскими офицерами. Они высказали сожаление, что после ратификации пакта так ничего и не было сделано для его реализации (*pour le mettre en application*), что Франция «не выступила на марш 7 марта, [так как] она получила бы поддержку от других»[3].

Венцов (Кранц) сыграл не слишком важную роль в этой истории, приключившейся в 1930-х годах, но все же не эпизодическую. В 1933 году, когда он приехал в Париж, ему было всего 36 лет. Его отец, Израиль Кранц, работал адвокатом в Режице Витебской губернии — русскоязычном латгальском городке, в 1920 году отошедшем к Латвии. Таким образом, семья принадлежала к русскоязычной буржуазии. Венцов проучился два года в университете в Москве, а затем его призвали на военную службу. Как и многие представители первого поколения советских офицеров, он служил в царской армии во время Первой мировой войны, в 1918 году примкнул к большевикам и на их стороне воевал во время Гражданской войны. Его отмечали за храбрость в бою. В 1920-х годах он служил во многих частях, в том числе в Штабе РККА, и входил в состав советской делегации, прибывшей на Женевскую конференцию по разоружению в начале 1930-х годов. Париж стал всего лишь вторым его назначением за границу. На нескольких сохранив-

---

[1] Schweisguth's journal, entry of 14 March 1936 // Archives nationales (далее: AN), Paris, Papiers Schweisguth, 351AP/3.

[2] М. М. Литвинов — В. П. Потёмкину. 24 марта 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 186.

[3] Schweisguth's journal, entry of 12 March 1936 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3.

шихся фотографиях мы видим красивого, подтянутого и гладко выбритого военного с короткой стрижкой. То есть он не носил модные в то время длинные свисающие усы, подчеркивающие мужественность, и не брил голову налысо. На самом деле Венцов носил очки с большими круглыми линзами и при близком контакте не был особо привлекательным, но было видно, что он хорошо знает свое дело. И это соответствовало действительности.

Советско-французские штабные переговоры

В июне 1936 года Литвинов был проездом в Париже и снова поднял «запретную» тему: когда уже начнутся переговоры между штабами? Генеральный штаб ответил отказом. Военный министр Эдуард Даладье хотел убедиться, что его коллеги, председатель Совмина Леон Блюм и министр иностранных дел Ивон Дельбос, не купились на аргументы Литвинова. Если начать переговоры, то Польша перейдет на сторону Германии, а Гитлер объяснит свою агрессию тем, что его «окружили»[1]. Министр авиации Пьер Кот стал пугалом для Генерального штаба, постоянно настаивая на сближении с Советским Союзом и, конечно, на начале переговоров между штабами. На протяжении трех лет Поль Баржетон, высокопоставленный чиновник с набережной Орсе, утверждал, что он предпочел бы «военный союз с СССР». Однако именно он вместе с Лавалем саботировал идею взаимопомощи. Казалось, что у генералов были сомнения насчет Дельбоса, которому не стоило разрешать разговаривать с Литвиновым в Женеве до того, как его «проинструктировали» должным образом, то есть сказали бы ему, что говорить[2]. «Чего вы ждете? — спросил Гиршфельд заместителя начальника Генштаба генерала Швайсгута. — Вы просто будете ждать и ничего не делать, пока Германия не подготовиться к нападению?» Швайсгут был обеспокоен. Венцов несколько раз предлагал начать переговоры между штабами. Казалось, что советское правительство не волнуют негативные последствия в виде поведения Польши или Германии[3].

Было решено отправить Швайсгута в СССР, чтобы посмотреть маневры Красной армии и «проверить» положительное заключение, которое дал генерал Люсьен Луазо маневрам 1935 года. «Будьте осторожны, но не угрюмы» («*être prudent sans être renfrogné*»), — проинструктировал его Даладье[4]. В Москве нарком Ворошилов поговорил со Швайсгутом в том же

---

[1] Ibid. Entry of 24 June 1936.

[2] Ibid. Entry of 25 June 1936.

[3] Record of conversation between the Soviet first secretary E. V. Girshfel'd in Paris and deputy chief of staff Schweisguth. 30 June 1936 // AN, Papiers Schweisguth, 351AP/5.

[4] Schweisguth. Instructions reçues pour ma mission en URSS. 4 Sept. 1936 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/5.

Пьер Кот, министр авиации Франции. 1933 год

ключе, что Венцов и Гиршфельд. «Нам нельзя провоцировать немцев», — ответил Швайсгут. «Франции нужно перевооружиться, — ответил Ворошилов, — вы потеряли 12–15 лет». И нельзя рассчитывать на Великобританию. Недостаточно того, что англичане хотят защитить свои интересы, надо, чтобы они еще смогли их защитить[1]. Увы, Франция полагалась только на Англию. Их отношения напоминали несчастливый брак. Но к кому еще она могла обратиться? Уж точно не к Москве.

Доклад Швайсгута оказался в точности таким, каким хотели его видеть нынешний начальник Генштаба генерал Морис Гамелен и Даладье: Швайсгут высказал свое неодобрение, и лишь изредка в его словах сквозила похвала. Казалось, что обычный солдат Красной армии имел хорошую мотивацию и был хорошо вооружен. Военная техника была хорошей. Также имелось несколько прекрасных офицеров, однако командный состав в целом не впечатлял. Отдельный интерес представляли слухи о том, что Красная армия смогла бы оборонять СССР, но была неспособна перейти в наступление. Промышленность и инфраструктура — в особенно-

[1] Schweisguth. Conversation avec le maréchal Vorochilov... 19 Sept.1936 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/5.

сти железные дороги — были недостаточно развиты. Последней каплей стало то, что советское правительство надеялось, что «буря разразится над Францией», то есть что Германия нападет с запада и СССР не будет сильно вовлечен в военные действия, так как у него нет общей границы с Германией[1].

Французам всегда было интереснее, что может сделать для них СССР, чем то, что Франция могла бы предложить взамен. Гиршфельд встретился со Швайсгутом после его возвращения в Париж. Швайсгут очень хвалил маневры Красной армии, но не упомянул откровенно отрицательные моменты, так как приберег их для Даладье и Гамелена с целью подпортить положительное впечатление от сделанного ранее доклада Луазо[2].

Евгений Владимирович Гиршфельд

Гиршфельд встречался со многими важными людьми в Париже летом и осенью 1936 года и вернулся с не очень хорошими новостями. 4 июня, в тот день, когда к власти пришло правительство Блюма, Гиршфельд впервые встретился с министром Котом. Это была летне-осенняя серия встреч. Как написал Гиршфельд в своем дневнике, «Кот. — Резко критикует чисто оборонительную концепцию французского Генерального штаба, которая обрекает французскую армию на полную пассивность, особенно после того, как будут немцами воздвигнуты фортификации на западной границе. Франция должна иметь профессиональную ударную армию для интервенции в случае необходимости, для действия на иностранной территории». По словам Кота, он хотел бы укрепить сотрудничество между французским и советским авиационными ведомствами и производителями авиатехники. «Кот указывает, что если бы он был назначен военным министром, он мог бы сделать гораздо больше как в смысле активизации всей оборонной работы внутри Франции, так и укрепления франко-советского сотрудничества в этой области. Роль военного министра, в данном случае Даладье, сейчас укрепляется, поскольку он ныне будет координировать деятельность трех министров обороны (военного, военно-морского и военно-воздушного) в качестве председателя Совета обороны»[3].

---

[1] Rapport du général Schweisguth... URSS, Manœuvres de Russie blanche de septembre 1936. 5 Oct. // DDF. 2e. Vol. III. P. 511–514.

[2] Беседа с заместителем начальника штаба генералом Ф.-К. Швайсгутом. Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 11 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 76. Д. 111. Л. 202–200.

[3] Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 11 июня 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп.11. П. 76. Д. 111. Л. 126–195.

В июле Гиршфельд встретился с Анатолем де Монзи, французским правоцентристским политиком, который был «очень обеспокоен» тем, что он услышал и увидел в Париже.

«У правительства нет определенной единой внешнеполитической линии. Даладье — как был, так и остался сторонником соглашения с Германией. Дельбос — очень честный человек, но пользуется весьма малым влиянием, и сам точно не знает, чего он хочет. Блюм придается идеологическим концепциям, и ему, де Монзи, трудно судить, какова в действительности линия Блюма. Де Монзи поражен и возмущен фразой в речи Дельбоса, где тот указал, что он питает доверие к словам Гитлера, как бывшего комбатанта. По утверждению де Монзи, фраза эта специально была вставлена Даладье. Дельбос же так и не понял всего ее возможного отрицательного значения». Де Монзи также без энтузиазма относился к Малой Антанте. Пока еще можно вести переговоры с Румынией и Чехословакией, — говорил он, — но Югославия — это «очаг предательства»[1].

Евгений Гиршфельд родился в 1899 году. Ему было всего 35 лет, когда в 1934 году он прибыл в советское полпредство в Париже после того как временного поверенного в делах СССР Марселя Розенберга перевели в Женеву. Гиршфельд был на два года моложе Венцова. Он был новым человеком в НКИД, но при этом прекрасным дипломатом, который смог за четыре года службы в Париже установить большое количество контактов. Гиршфельд заинтересовался Котом, поскольку, как он написал замнаркома Николаю Крестинскому, Кот был единственным из трех министров обороны, с кем он смог установить какой-либо контакт. «Кот, как я уже писал раньше, проявил значительную инициативу в смысле укрепления и расширения сотрудничества, но сейчас, в связи с интерпелляцией Анри де Кериллиса [в Палате депутатов], ему, как он заявил, придется несколько притормозить». Кериллис, ранее поддерживавший возобновление отношений с СССР, начал менять свое мнение осенью 1934 года по мере того, как обострялись разногласия между французскими политиками. По словам Швайсгута, Генеральный штаб бессилен, пока не получит «сигнал» от правительства. Хотя кабинет Блюма был у власти пока еще всего пять недель, Гиршфельд полагал, что долго он не протянет. «Многие собеседники считают, что в конце этого года или начале будущего правительство будет свергнуто или ему придется уйти из-за экономических затруднений или новых социальных конфликтов (массовое занятие фабрик и пр.)». Правительство уже не имело единого мнения насчет внешней политики. «Даладье, который работает против Блюма, как был, так и остался

[1] Беседа с А. де Монзи. Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 11 июля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 76. Д. 111. Л. 180–178.

ярым сторонником соглашения с Германией (в частности, ему приписывают инспирацию интерпелляции де Кериллиса по поводу авиационной пушки, авторство жеста в сторону Гитлера в речи Дельбоса и пр.)». Интриги Даладье были шиты белыми нитками: «Антисоветская кампания естественно связывается с деятельностью компартии и “пагубного влияния” последней на Народный фронт, и, таким образом, является элементом внутриполитическим большого значения»[1].

Через две недели настала очередь журналистки Женевьевы Табуи высказать свое мнение. По ее словам, Франция могла бы быть более твердой во внешней политике, если бы у нее была сильная армия. «Однако Даладье, “предатель”, “агент Германии” — не допустит усиления французской армии с тем, чтобы она могла иметь превосходство над германской»[2]. Табуи была резка, но ее поддержали и другие люди в Париже.

Сопротивление Парижа переговорам между штабами

В конце сентября на переговорах Жорж Мандель, бывший министр и правый депутат, раскритиковал правительство Блюма за внутреннюю и внешнюю политику. «Внешняя политика Блюма свелась к беспомощному следованию за английской указкой. Мандель считает, что последняя [слабая] речь [секретаря по иностранным делам Великобритании Энтони] Идена в Женеве является весьма слабой компенсацией англофильского рвения Блюма. Правительство Блюма явно добивается соглашения с Германией, причем и это связано со стремлением во что бы то ни стало следовать во всем Англии». Затем шел комментарий о советско-французском пакте и Даладье. Он был неодобрительным: «Франко-советский пакт фактически бездействует, хотя любой обыватель уверен в том, что имеется уже соглашение Генеральных штабов, ибо без этого никто вообще не может себе представить цели данного договора.

Даладье после завтрака с [Уинстоном] Черчиллем, на вопрос Манделя о состоянии реализации франко-советского пакта ответил, что он, Даладье, вообще бы его не заключал, поскольку не имеется «пунктов применения» его. Франко-советский пакт неосуществим ввиду отсутствия общей советско-германской границы, а Польша не согласится пропустить войска. Когда Мандель указал Даладье на возможную роль Чехословакии, Даладье ответил, что в течение 6 часов все аэродромы и все базы Чехосло-

---

[1] Е. В. Гиршфельд — Н. Н. Крестинскому. 11 июля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 113. Д. 77. Л. 95–91.

[2] Запись беседы с Ж. Табуи. Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 26 июля 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 76. Д. 111. Л. 184–183.

вакии будут очищены, «снесены с лица земли» германскими войсками, в частности авиацией[1].

Это была капитуляция чистой воды. Мандель испытал отвращение, но представьте себе реакцию Москвы! Можно ли было полагаться на Францию в случае войны?

В начале октября Кот снова встретился с Гиршфельдом в советском посольстве. Выступив от лица правительства, он предложил начать переговоры между авиационными штабами. Блюм и Дельбос дали свое согласие, хотя, как заметил Гиршфельд, Кот не упомянул Даладье. «Он [Кот] уже давно вел по этому поводу подготовку», так что это не стало неожиданностью. Предлагалось начать с переговоров между авиационными штабами, а затем перейти к полноценному совещанию Генштабов.

Враждебность генерала Гамелена

Кот также рассказал о недавнем разговоре с Гамеленом, в котором тот подчеркнул нецелесообразность переговоров между Генштабами с учетом того, что у Германии и СССР нет общей границы и, соответственно, необходимо вести предварительные переговоры с другими странами о возможном проходе через их территорию советских войск (здесь Кот отметил, что во Франции большинство считают Красную армию очень мощной с точки зрения ее оборонных возможностей, но не готовой к наступлению на чужой территории). Кот пояснил, что Гамелен так сдержан в этом вопросе под «влиянием Даладье». Однако генерал согласился на переговоры между авиационными штабами, и Кот хотел их начать. По его мнению, следовало начать с французского и советского штабов, а затем привлечь Чехословакию. В этом вопросе Кот не разделял пессимистического взгляда Даладье на возможности защищать эту страну. Он упомянул слова Даладье о том, что Чехословакия будет «очищена в течение 6 часов». По мнению Кота, «распространение такого рода версий чрезвычайно вредит не только Чехословакии, но и Франции, и всему делу коллективной безопасности». Так оно и было — рассуждения капитулянта. В военные министры Даладье явно не годился; решение было принято в рамках коалиционной политики Народного фронта. Таким образом, слова Даладье услышал не только Мандель. Даже Гамелен не зашел бы так далеко[2]. Не парадоксально ли, что Даладье и Гамелен ругали наступательные возможности Красной армии,

---

[1] Запись беседы с Ж. Манделем. Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 26 сентября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 76. Д. 111. Л. 195–192.

[2] Запись беседы с министром авиации П. Котом. 8 октября 1936 г. Выдержка из дневника Гиршфельда. 11 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 76. Д. 111. Л. 199–196.

при том, что французская армия в случае войны планировала остаться за линией Мажино и вообще не собиралась наступать? Именно эту логику и осуждали Мандель с Котом.

Информацию, полученную от Кота, подтвердили также другие источники. Генерал Гамелен в августе 1935 года приезжал в Варшаву налаживать отношения с польскими коллегами. До советского военного атташе в Варшаве комбрига Николая Александровича Семёнова дошли слухи о том, что Гамелен плохо отзывался об СССР, фактически союзнике Франции. Поляки предложили укрепить отношения между штабами, чтобы обмениваться информацией о немцах, а также чтобы «сотрудничать в борьбе против советского шпионажа». На поляков всегда можно было рассчитывать в деле сеяния раздора между СССР и его потенциальными союзниками. Семёнов услышал, что Гамелен не был «искренним сторонником сближения между Францией и СССР, выражая таким образом взгляды французских военных». Это было правдой. Говорили, будто Гамелен «убедился в ложности слухов о союзе Польши с Германией, в ложности слухов об агрессивной политике поляков против СССР и Чехословакии»[1].

«Нет людей более слепых, чем те, кто не собирается смотреть» — поговорка как нельзя лучше описывает поведение Гамелена.

Даладье против Блюма

В Париже у советско-французского пакта появились неожиданные сторонники. В начале октября 1936 года Литвинов, в соответствии с рекомендациями, данными Сталиным, встретился в Женеве с Блюмом. Блюм с поразительной откровенностью сказал, что переговоры между штабами «саботируются» французским Генеральным штабом и Даладье. Блюм казался уставшим и охваченным предчувствием скорой «гибели». «Разговор с Блюмом оставил у меня тяжелое впечатление, — отмечал Литвинов, — хотя я не сомневаюсь в его добрых намерениях»[2]. Неудивительно, что у Блюма опустились руки: против него работал Даладье.

Через месяц Кот обратился в советское посольство, чтобы передать секретную информацию о встрече 6 ноября, на которой председательствовал Блюм. Там присутствовали Дельбос, Даладье, Кот, а также Гамелен, генеральный секретарь МИД Алексис Леже и несколько других министров. Кот по своей инициативе поднял вопрос о советско-французском пакте, чтобы вывести на чистую воду оппозицию в лице Даладье и Гаме-

[1] Н. А. Семёнов — К. Е. Ворошилову. 26 августа 1936 г. // РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 33. Л. 251–253. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] М. М. Литвинов — в НКИД. 5 октября 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 461–462.

Леон Блюм, премьер-министр Франции

лена («под давлением Даладье»), которые выступали против пакта и переговоров между штабами, как на уровне авиации, так и на уровне Генштаба. Он поднял эти вопросы, когда обсуждался французский договор «для защиты Чехословакии от немецкой агрессии». Затем Кот подробно рассказал о последовавшей дискуссии.

«Кот указал, что имеется уже договоренность насчет контакта воздушных штабов, которую необходимо реализовать в как можно срочном порядке. Даладье и отчасти Гамелен указали на "несвоевременность" контакта французского и советского штабов, ибо, хотя Красная армия и сильна, но она приспособлена в основном "для защиты", затем у СССР нет общей границы с Германией, поэтому нужно добиваться прохода войск через Румынию и Польшу, которые к этому относятся весьма отрицательно. Контакт с советским штабом может вызвать "раздражение" не только в Германии, но и в Англии.

Кот указал на это, что у Франции имеются определенные обязательства в отношении СССР и Чехословакии, которые он, как воздушный министр, считает необходимым проводить в жизнь. В случае несогласия правительства с его точкой зрения, он просит поручить руководство министерством другому лицу.

Блюм, который, как несколько раз подчеркнул Кот, держался весьма твердо, всецело поддержал Кота, указав на необходимость контакта не только со странами Малой Антанты, но и с СССР. Он назвал доклад Швайсгута, на который ссылался Даладье, "тенденциозным" и предложил сравнить его с докладом Луазо и вывести "среднюю". Блюм при этом отметил, что даже и Швайсгут не дает отрицательной оценки, но лишь ставит ряд вопросов относительно возможной эффективности военной помощи СССР. Поэтому надо проверить возможности военного сотрудничества, послав в СССР соответствующего квалифицированного представителя французского Генштаба.

Дельбос, который, по словам Кота, не принял активного участия в дискуссии, высказался в пользу контакта, но тут же указал на необходимость сугубой "осторожности", чтобы не возбуждать "недовольство" Англии и "подозрения" Германии и Италии. Леже держал себя, по словам Кота, весьма неважно (правда, открыто не выступая против контакта), "разоча-

ровав" в этом смысле Кота, считавшего, что Леже займет более положительную и решительную позицию.

[Камиль] Шотан занимал позицию колеблющуюся (между Блюмом и Даладье), в общем весьма сдержанную».

Государственный министр Морис Виолетт отметил, что без реализации советско-французского пакта невозможно будет защитить Чехословакию. Даладье нечего было возразить, и, по словам Кота, он согласился на продолжение переговоров, но на таком уровне, который не привлечет внимания. Из-за этого началось обсуждение, кого отправить в Москву. Даладье предложил военного атташе полковника Луи Симона, который плохо ладил с советской стороной. Венцов встречался со Швайсгутом в середине октября и сказал ему, что Ворошилов «не очень доволен» Симоном в роли военного атташе, так как он не ладит со своими партнерами. В ответ Швайсгут предложил его заменить[1]. Конечно, Даладье проинформировали о рекомендации Швайсгута, и он специально предложил отправить в Москву Симона, чтобы саботировать переговоры. Блюм тоже был в курсе этой ситуации и посоветовал взамен отправить полковника Эдмона Мендраса — первого военного атташе в Москве. Кот думал, что у него получилось помешать Даладье вести грязную игру, но было очевидно, что борьба не окончена. Даладье «ужасно злился», что Кот помешал ему. Поэтому он выбрал новую линию нападения и решил задержать отъезд Мендраса в Москву до весны. Кот «негодовал», и как он сказал Гиршфельду, он решил обратиться к Блюму, чтобы вытащить Мендраса из лап Даладье и Гамелена. «На мой вопрос Коту, каковы будут полномочия Мандраса, Кот ответил, что Мандрас будет уполномочен заявить, что Франция в случае нападения на Чехословакию намерена выступить в ее защиту примерно в таких направлениях и с такими силами. Поэтому французское правительство и французский Генеральный штаб желают знать, какова будет позиция СССР в этом случае и в каком направлении, и в каких пределах возможно сотрудничество французского, советского и чешского Генштабов. Таким образом, по мнению Кота, речь идет, хотя и о первом, но конкретном контакте французского и советского Генштабов, который должен практически наметить пути, методы и средства дальнейшего сотрудничества». В конце разговора Кот предложил связаться с Эррио, на которого всегда можно было положиться в вопросах франко-советских отношений и «обратив его внимание на всю опасность позиции Даладье»[2].

---

[1] Compte-rendu du général Schweisguth. 21 Oct.1936 // AN, Papiers Schweisguth, 351 AP/5.

[2] Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 12 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 76. Д. 111. Л. 231–225.

Швайсгут уже предвидел возможную реакцию Чехословакии летом и предложил вначале французскому и чешскому правительству обсудить между собой, какой вариант советской помощи они готовы рассмотреть. Гамелен согласился с этим подходом так же, как и официальная Прага[1]. В октябре Даладье проинформировал Дельбоса в письменном виде о своих опасениях в отношении переговоров между штабами и предложил Франции и Чехословакии прийти к полуофициальному соглашению о том, что просить у СССР[2]. Это бы помешало Красной армии прийти в Прагу «в обход» Франции. Интересно, осталась ли хоть какая-то хитрость, не использованная Даладье и его генералами для срыва переговоров с СССР?

В тот же день Поль-Бонкур ужинал вместе со Швайсгутом дома у коллеги. За обеденным столом всегда предпринимались некие попытки завязать отношения... Однако Швайсгут не упомянул о важной встрече в тот день. Неудивительно. Бывший министр национальной обороны и войны Поль-Бонкур выступал в поддержку переговоров между штабами. По его словам, Литвинов пребывал в плохом настроении из-за задержки. «Он сожалеет, что мы не выступили седьмого марта, согласен, что это было трудно из-за выборов, но считает, что нам следовало войти в Рейнскую область на следующий день после выборов». Поль-Бонкур красноречиво предложил забыть о Лиге Наций, пакт о взаимопомощи и переговоры на уровне штабов — «современное название союзного договора. Мы начнем с него, и он заложит основу всеобщего “Европейского пакта”»[3]. Поль-Бонкур был совершенно прав, но его идеи невозможно было воплотить в жизнь с учетом того, что в кабинете сидели капитулянты вроде Поля Фора и Даладье, а самого Поля-Бонкура там не было.

Доклад Гиршфельда по разным каналам дошел до Москвы. Венцов отправил туда свой собственный отчет, основанный на том, что он узнал от Гиршфельда. Он добавил несколько интересных подробностей: во-первых, о том, что доклад Швайсгута о маневрах Красной армии «имел отрицательное влияние на взгляды членов правительства». Конечно, Швайсгут сделал это намеренно, выполняя за Даладье грязную работу. Затем Венцов сообщил о попытке Даладье назначить полковника Симона представителем Генерального штаба для ведения переговоров с коллегами из Москвы. Венцов сослался на свой разговор со Швайсгутом, в котором он дал понять, что Симон не подходит на эту роль. Он разговаривал на эту тему с полпредом в Париже Владимиром Потёмкиным, который в свою очередь переговорил с Блюмом, что объясняет вмешательство последнего. По сло-

---

[1] Schweisguth’s journal, entries of 30 June, 2 and 3 July 1936 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3.

[2] Daladier to Delbos. No. 1411. 13 Oct. 1936 // SHAT 7N 3143.

[3] Schweisguth’s journal, entry of 6 Nov. 1936// AN, Papiers Schweisguth, AP351/3.

вам Венцова, «действия Швайсгута в целом ряде случаев были отрицательными. Само собой разумеется, что во всем этом деле, несмотря на ретивые старания Кота, мы будем иметь перед собой явный саботаж Даладье, поддержанный сухопутным штабом»[1].

Венцов был совершенно прав. На следующий день после крупной конференции 6 ноября Гамелен созвал совещание, на котором присутствовал высший командный состав: генералы Альфонс Жорж, Луи-Антуан Кольсон и Филипп Фекан. Гамелен рассказал, как прошла встреча накануне. Были противоборствующие группы: Даладье и Шотан против Кота и министра юстиции Марка Рукара. Сам Гамелен предлагал начать предварительные переговоры между штабами, чтобы «военный министр контролировал их ход и их бы не вел министр авиации». Гамелен велел Швайсгуту пойти к Леже, разумеется, чтобы скоординировать их попытки сорвать переговоры. За неимением лучшего он встретился с Баржетоном, еще одним специалистом по грязной работе, который согласился, что переговоры должны состояться в Париже, а не в Москве, таким образом устранив Мендраса, и объявил, что они будут ждать отъезда Венцова, срок службы которого военным атташе подходил к концу, и прибытия преемника, с тем «чтобы только один русский был в курсе тайны»[2]. Что это значило? Как может такое быть, что только один русский будет в курсе тайны, если он отчитывается перед Москвой? Все эти предлоги были полным вздором. Главной задачей была задержка, саботаж и выведение из игры Кота и всех остальных, кто выступал в поддержку переговоров между штабами.

«Любопытная встреча»

Потёмкин также сообщил о «любопытной встрече» 6 ноября 1936 года. Его беспокоила позиция Даладье и Гамелена, и он поднял эту тему с Блюмом, который попытался его приободрить. «Он не смог меня до конца убедить, — рассказал Потёмкин, — и поэтому я попросил Гиршфельда поговорить с Котом». В результате их разговор «полностью подтвердил мои подозрения». Потёмкин впоследствии передал рассказ Гиршфельда во всех подробностях.

«Оказывается, Даладье и Гамелен действительно пытались сперва “забыть” о решении — установить технический контакт между французской и советской военной авиацией. Когда Кот об этом напомнил, Даладье с Гамеленом подвергли открытому сомнению эффективность той военной

---

[1] С. И. Венцов — С. П. Урицкому. 11 ноября 1936 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 144–146. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... 1936. URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Schweisguth’s journal, entry of 7 Nov. 1936 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3.

помощи, которую СССР может оказать Франции, подвергшейся нападению. Блюм, Кот и Виолет энергично настаивали на необходимости скорейшего выяснения этого вопроса путем технических переговоров между Генштабами обеих заинтересованных стран. Дельбос, Шотан и Леже высказывались уклончиво или склонялись скорее на сторону Гамелена и Даладье. В конце концов Блюму и Коту удалось добиться принятия совещанием их предложения. Тогда Даладье прибег к новой уловке. Он предложил, во-первых, делегировать в Москву представителя французского Генштаба Мандраса не раньше марта 1937 года, и, во-вторых, не начинать пока особых переговоров о сотрудничестве французской авиации с советской. Коту пришлось пригрозить своей отставкой, чтобы вынудить Даладье, поддерживаемого Гамеленом, отказаться от второго предложения. Теперь остается согласовать выбор представителей Министерства авиации и Генштаба и ускорить их отъезд в Москву. Кот решил в ближайшие же дни заняться этим делом совместно с Блюмом. Однако он предупредил нас, что ему придется еще преодолевать противодействие Даладье, занимающего в отношении СССР и франко-советского пакта явно неприязненную позицию. Со своей стороны Блюм усиленно мне рекомендовал обратить особое внимание на Гамелена, — отнюдь, однако, не допуская в отношении его ни попыток давления, ни заискивания дружбы, ни излишней откровенности. “Гамелен сух, сдержан, замкнут, — говорил мне Блюм, — той же монетой нужно платить и ему. Так легче всего можно приобрести его уважение и доверие”. Об этих свойствах Гамелена Блюм советовал предупредить и нашего нового военного атташе».

«Из всего изложенного ясно, — пришел к выводу Потёмкин, — как опасно строить иллюзии насчет расположения к СССР со стороны некоторых влиятельных членов правительства и высшего командования и какую осторожность и сдержанность нужно проявлять в нашей работе по закреплению франко-советского сотрудничества. Менее всего желательно выказывать при этом нашу особую заинтересованность. С другой стороны, нужно заранее быть готовым к тому, что осуществление военно-технического контакта между СССР и Францией будет встречать на своем пути немалые препятствия»[1]. Когда дело доходило до СССР и нацистской Германии, Даладье и Гамелен буквально все делали неправильно. Из-за них Франция попала во все ловушки, которые расставил ей Гитлер.

Даже после «любопытной встречи» заговорщики пытались сократить объем согласованных обязательств. Швайсгут дал свою оценку дальнейшим шагам. «Правительство решило», — отмечал он, что не будет начи-

---

[1] В. П. Потёмкин — Н. Н. Крестинскому. 12 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 113. Д. 77. Л. 183–171.

нать переговоры между штабами, но попытается выяснить через нового советского атташе в Париже (без Мендраса), какую помощь СССР может оказать Франции, «несмотря на отсутствие общей границы с Германией». Швайсгут продолжал возвращаться к этому моменту, предполагая, что это был главный аргумент Франции против ведения переговоров. После получения такой информации «правительство решит, интересна она или нет, стоит ли прекратить это обсуждение или же перейти к переговорам между штабами». Если да, то хорошо было бы связаться с Генеральным штабом Чехословакии — «главной заинтересованной стороной (*principal intéressé*)» — и решить с ним, «о каких решениях нужно договориться с Генштабом СССР»[1]. Представьте себе реакцию Кота на эти записи, если бы он их увидел. Он бы взорвался! Мендраса больше не было. Советской стороне предстояло пояснить, что она может предложить Франции и ее союзникам в Центральной и Восточной Европе. Затем Франция должна была переговорить с Чехословакией, чтобы выступить перед СССР совместным фронтом. Генштаб Чехословакии был «главной заинтересованной стороной». Казалось, что у Франции вообще нет своих интересов. Это была все та же давняя французская надменность. Советская сторона могла рассказать, что она может сделать для Франции, но не что Франция взамен могла бы или сделала бы для СССР в случае войны. СССР в лице наркома Ворошилова просто бы отмахнулся от этих предложений. Возможно, он так вскоре и поступит. Говорили, что через две недели Сталин сказал: «Хм, я никогда не доверял этим французам». И можно ли его за это винить?[2]

Литвинов в конце концов ответил Потёмкину, что «авторитетные товарищи здесь» также предпочли бы отложить переговоры, но лучше пусть Франция проявит инициативу. Литвинов не объяснил, какого мнения придерживаются в Москве, но отметил, что у советского правительства есть «абсолютно достоверная информация о том, что французская военная верхушка решительно настроена против франко-советского пакта и открыто об этом говорит»[3].

Информацию в Москве получили из различных источников, тем более что в Париже никто не делал из нее секрета. Оказалось, что Табуи хорошо проинформирована, и она рассказала все, что знала, Гиршфельду. Падение правительства Блюма было «неизбежным» по многим причинам, в том

---

[1] Untitled, handwritten draft by Schweisguth, n.d. // AN, Papiers Schweisguth, AP351/5.

[2] The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart, 1915–1946 / K. Young (ed.), 2 vols. London: Macmillan, 1973 (entry of 28 Nov.1936. V. I. P. 358–359.

[3] М. М. Литвинов — В. П. Потёмкину. 19 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828, 2. Л. 24–23.

числе из-за финансовых проблем и сложностей с бюджетом. В результате Даладье готовил почву для захвата власти. Он был «против» коммунистов и СССР. Президент Лебрен дал понять, что он попросит Даладье сформировать правительство после падения Блюма[1].

«Сторонники активной антигерманской политики, — по словам Гиршфельда, — весьма опасаются прихода к власти Даладье, особенно после его последнего выступления в Эврэ, когда он позволил себе совершенно беспримерный по наглости выпад против СССР ("Азиатские, варварские страны")». В результате «антигерманские круги» хотели помешать ему прийти к власти[2]. По словам Табуи, «Даладье по-прежнему ведет германофильскую игру. Гамелен, до известной степени, под его влиянием, а также по внутриполитическим соображениям, в последнее время стал более отрицательно относится к военному сотрудничеству с Советским Союзом и считает необходимым реализовать соглашение с Италией»[3]. Такова была политика Лаваля: заменить СССР Италией. Глупая идея.

Игра в «дурака»

Когда дело доходило до переговоров между штабами, генералы делали все возможное, чтобы их заблокировать. В качестве предлога называлось отсутствие общих границ, Польша, сомнительные военные качества Красной армии. О последнем разговоры ходили бесконечно. Французское высшее командование сильно боялось большевизма и разложения армии под влиянием коммунистических идей. Генерал Жорж, один из старших французских офицеров, считал, что Франции следует отказаться от советско-французского пакта. Он боялся распространения коммунизма во Франции после той весны, когда проводились парламентские выборы и чуть не разразилась всеобщая забастовка[4]. После Жоржа очередь дошла до генерала Поля-Анри Жеродью. С его точки зрения советско-французский договор был полезен СССР, но не Франции, так как Красная армия хорошо воевала только в обороне. «Если на нас нападут, — написал он на депеше от Пайара, — Красная армия сложит оружие. Это обман». Это игра в «дурака»[5]. Позднее он обсудил со Швайсгутом тревожные известия о заба-

---

[1] Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 11 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 76. Д. 111. Л. 257–253.

[2] Е. В. Гиршфельд — М. М. Литвинову. 11 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 77. Д. 113. Л. 207–201.

[3] Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 26 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 76. Д. 111. Л. 271–258.

[4] Schweisguth's journal, entry of 22 Oct. 1936 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3.

[5] Gerodius's handwritten comment, n.d., on Payart. 27 Sept. 1936 // SHAT 7N 3124.

стовке на «Рено», которая может перейти во всеобщую забастовку. План заключался в «обезглавливании» армии с помощью убийств. Все были обеспокоены, даже обычно более скептически настроенная спецслужба Сюрте[1].

Париж буксовал. После Жеродью вмешался генерал Мари Эжен Дебени. Он попытался повлиять на Эррио: военное сотрудничество на суше с СССР невозможно, так как у него нет общей границы с Германией. Эррио просто не понимает. Красной армии придется идти через Польшу, а Польша никогда на это не согласится, даже если СССР просто пересечет ее границы на севере и на юге. Покойный премьер-министр Луи Барту был слишком суров с поляками[2].

22 декабря, накануне рождественских праздников, Гамелен пригласил Венцова к себе. Как следует из рапорта Венцова, беседа прошла в теплой обстановке. Пройдясь по истории франко-советских отношений, Гамелен заявил, что приветствовал подписание советско-французского договора. Он припомнил дискуссии с участием Барту и Литвинова, затем посетовал на то, какие непростые условия сложились во французской внутренней политике. У Генерального штаба она, конечно, вызывала беспокойство, однако там считали, что необходимо принимать во внимание более широкий международный контекст. Стремительно назревала опасность войны, и на первый план выходили высшие национальные интересы. «Эти интересы требуют от Франции наилучших отношений с Сов. Союзом. Вот почему он считает необходимым продолжать и укреплять дружественные отношения, существующие между двумя армиями». Венцов, вероятно, поинтересовался у Гамелена, куда он клонит, высказываясь подобным образом. Собирается ли поднять вопрос штабных переговоров? На фоне всех перестановок в правительстве и смены партий у власти, продолжал Гамелен, Генштаб был незыблемым и неизменным элементом во франко-советских отношениях. Так остается и сейчас. В условиях растущей военной угрозы, а также военных приготовлений к отражению вероятной агрессии двум армиям следовало бы сотрудничать еще теснее. Гамелен попросил Венцова передать в Москву, что несмотря на нестабильность обстановки во Франции, армия стойко переносит все потрясения, а «национальный дух французского народа» укрепляется. Нынешнее правительство вкладывает деньги в перевооружение армии. Короче говоря, все идет гладко, за тем лишь исключением, что никто не в силах предсказать момент начала войны.

---

[1] Schweisguth's journal, entry of 30 Nov. 1936 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3

[2] Ibid. Entry of 4 Dec. 1936; Note sur les possibilités de l'URSS en cas de conflit. Ibid. Entry of 20 Sept.1936.

Затем Гамелен поднял вопрос полковника Симона, чем, вероятно, насторожил Венцова. Гамелен упомянул имя полковника Пьера Лелонга, военного атташе в Лондоне. Тот во время Гражданской войны в России служил под началом генерала Мориса Жанена в Сибири. Для назначения в Москву подобная характеристика не слишком подходила. Гамелен также упомянул о полковнике Мендрасе, который был болен, имел «неприятности в семье» и приступить к работе сразу же не мог. Тогда не удалось принять никакого решения, однако это предстояло сделать в ближайшем будущем. Идея Даладье—Гамелена состояла в том, чтобы оттеснить Мендраса, отношения которого с советскими коллегами складывались слишком хорошо, и поставить на его место кого-нибудь из бывших интервентов. Казалось, их хитрости и пакости не было предела.

Венцов ответил Гамелену, что все его усилия в Париже были направлены на укрепление отношений между двумя армиями. Верховное командование Красной армии, сказал он, прекрасно осознает опасность войны, и чем теснее будут сотрудничать между собой миролюбивые правительства, тем тяжелее будет потенциальным агрессорам поколебать безопасность в Европе. По поводу полковника Симона Венцов ответил, что тот оказался не настолько успешен в делах с советскими коллегами, как полковник Мендрас, возвращения которого в Москве ждут с нетерпением. После этого Венцов добавил следующее: рассуждая в общих чертах о советско-французских отношениях на уровне штабов, Гамелен «не поднял ни одним конкретного вопроса о переговорах штабов».

Венцова перехватил высокопоставленный офицер Жан-Луи Петибон и предложил поболтать по окончании встречи с Гамеленом. Петибон служил в штабе у Гамелена со времен Великой войны. В истории советско-французских отношений его имя встречается нечасто, но в тот день именно он захотел побеседовать с Венцовым по поводу сотрудничества вооруженных сил. Петибон перешел сразу к делу. Основная опасность для Европы, говорил он, наступит, если Германия нанесет внезапный удар по Чехословакии. «Совершенно очевидно, что всякая попытка немецкой агрессии против чехов не может не перерасти в общеевропейский конфликт». В силу мощи и географического положения Чехословакия — главная проблема современной Европы, не имеющая ничего общего с проблемой ни Абиссинии, ни любого другого европейского региона. В скобках Венцов замечает, что ни Гамелен, ни Петибон не поднимали Испанского вопроса. Петибон хотел обсуждать Чехословакию. Точно неизвестно, был ли это Петибон или Венцов, но кто-то из них задал вопрос: «Что же будет делать Франция в случае, если Гитлер в один прекрасный день попытается повторить свой мартовский маневр на Рейне и начнет наступление для захвата Праги?» Петибон «заявил

мне самым категорическим образом, что в случае такой агрессии Франция немедленно произведет всеобщую мобилизацию и всеми своими свободными сухопутными, воздушными и морскими силами начнет наступление против Германии. Этот тезис не вызывает ни в Правительстве, ни в Генеральном штабе никаких сомнений». От этого заявления отнюдь не веяло французским упадничеством, мало общего оно имело и с пораженческими замечаниями Даладье о том, что Чехословакия будет уничтожена за шесть часов. Не давая Венцову переспросить, Петибон продолжил развивать свою мысль. «Совершенно очевидно, — сказал он, — решающим фактором будет являться позиция Великобритании и Сов. Союза». Петибон поведал, что по распоряжению Гамелена уже некоторое время пытается прояснить британскую позицию по этому вопросу: она, несомненно, «была бы более ясной», если бы речь шла о нападении на Францию или Бельгию. «Однако, большая часть английского общественного мнения против того, чтобы начать войну из-за нападения немцев на Прагу». Венцов, вероятно, поинтересовался, куда клонит его собеседник. Петибон предположил (на основании неких свидетельств, которые он не стал раскрывать), что британцы мобилизуют по меньшей мере авиацию и флот. В случае, если французам непосредственно придется противостоять вермахту, этого будет недостаточно. Петибон поинтересовался, на поддержку воздушного флота в каком объеме он мог бы рассчитывать с советской стороны. Вопрос был непростой и требовал обсуждения на уровне штабов ВВС. Затем Петибон заговорил о наземных силах, находившихся друг от друга на значительном удалении, и коснулся Польского вопроса. Он полагал — и Гамелен так же думал, что когда до этого дойдет, с Францией объединится Польша, а коли так, то обсуждаться будет совсем другое сотрудничество. Петибон считал вероятным и сценарий, при котором Польша заключит союз с Германией. В этом случае все сложилось бы понятнее: наши страны, согласно Петибону, оказались бы на «смежных рубежах» и сражались бы против общего врага.

Петибон затем поднял вопрос о диалоге на уровне штабов и начал, в частности, с дискуссий между штабами авиации. Венцов ответил, что он доложит о содержании беседы в Москву. Он спросил, уполномочен ли Петибон поднять вопрос о штабных переговорах. «Петибон уклонился от прямого ответа». Он только сказал, что «они» (кто именно, он не уточнил) представят свои идеи Даладье. Гамелен до этого просил Петибона проработать предложения, из которых становилось бы ясно, зачем ему нужно говорить с Венцовым. Гамелен мог одобрить предложения Петибона, а мог и не одобрить, и они отправились бы в архив. Венцов заявил, что не уполномочен обсуждать эти вопросы и что в ответ на «официальный де-

марш французского Генерального штаба» непременно последует реакция Генштаба РККА[1].

О чем только шла речь, когда говорилось об обороне Чехословакии с Британией или без нее? Звучало это вразрез с реальностью. Да французы даже в парк среди бела дня гулять не отправились бы без сопровождения англичан! Действовал ли Петибон по собственной инициативе или по инструкции Гамелена? Что вообще творится? Даладье полагал, что Чехословакию сметут за шесть часов; Гамелен противодействовал межштабным переговорам. Ответ дает Швайсгут. В тот же день, когда Гамелен встречался с заместителями начальника, он видел Венцова, который готовился отбыть в Москву. «Что касается переговоров с русскими, — писал Швайсгут в своем дневнике, — приниматься за них необходимо после отбытия Венцова... Оттягивать их дальше рискованно, поскольку инициативу может перехватить Министерство авиации и натворить дел. По поводу этих тезисов согласовано с Даладье»[2].

Так вот оно что: сделать шаг вперед, чтобы потом сделать два назад! И снова Кот: Гамелен был просто одержим этим человеком. После Рождества Гамелен вновь поговорил со Швайсгутом о советско-французских консультациях и о том, что «мы не позволим Министерству авиации перехватить эту затею»[3]. Кот создавал серьезные трудности, необходимо было его изолировать. Русские оказались бы разделены. Но было проще об этом сказать, чем сделать. Встретившись с Гамеленом, Швайсгутом, Жеродью и другими офицерами, он отправился на Северный вокзал проводить отбывающего в Москву Венцова. В общем-то, он был по-своему молодец и заботился об улучшении советско-французских отношений, пускай даже против воли Гамелена и его заместителя.

Даладье нам «глубоко враждебен»

Знал ли Блюм о том, что планируют генералы и Даладье? Не похоже. Он встречался с Потёмкиным за несколько дней до того, как Венцов — с Гамеленом. Блюм заговорил об отправке Мендраса обратно в Москву, но эта инициатива уже выглядела устаревшей, и, похоже, на ней поставили крест. Блюм также говорил, что имела место другая встреча министров

---

[1] Запись беседы военного атташе в Париже тов. Венцова с начальником Генштаба армии Франции ген. Гамленом и начальником кабинета комданом Птибон 22 декабря 1936 г. 23 декабря 1936 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 151–159. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Schweisguth's journal, entry of 22 Dec. 1936 // AN, Papiers Schweiguth, AP351/3.

[3] Ibid. Entry of 5 Jan. 1937.

обороны с Гамеленом. «Тема дискуссии — вопрос нарастающей военной угрозы со стороны Германии и меры, которые необходимо принять в преддверии грядущего вооруженного конфликта. Блюм признал, что самый уязвимый участок Европы — это Чехословакия. Было решено, не теряя времени, разработать конкретные планы обороны этой страны. Чтобы, если немцы собрались напасть на Чехословакию, Франция в ответ немедленно мобилизовала армию». Ход беседы начал напоминать разговор Петибона с Венцовым. Блюм не поднимал вопрос британской интервенции, но сказал, что помощь в Чехословакию будет направлена по воздуху. Он поднял вопрос о том, как будет действовать СССР. А для этого нужно было «незамедлительно» провести трехсторонние переговоры в Праге между Францией, СССР и Чехословакией. Блюм говорил так, будто не был в курсе планов Франции и Чехословакии встретиться первыми и разработать совместный план для представления его Красной армии. По словам Блюма, он полагал, что Гамелен обсудит этот вопрос с Венцовым. На самом же деле Гамелен избегал дискуссий по конкретным вопросам — их, как отмечал Потёмкин, поднимал Петибон. «Учитывая Ваше сообщение о прохладном отношении руководящих товарищей к проблеме советско-французского военно-технического контакта, я не проявляю здесь в этом вопросе инициативы и то же самое рекомендую и нашим военным сотрудникам». Потёмкин не до конца понимал происходящее. Сами французы вроде бы хотели вернуться к переговорам на уровне штабов, но из нескольких источников поступали сигналы о том, что Гамелен «в интимных разговорах высказывается против сотрудничества с нами, ссылаясь на разлагающую работу, якобы проводимую компартией в рядах французской армии». Потёмкин добавил, что информация из его источников не всегда надежна. В частности, он ссылался на Табуи и де Монзи, чьи сведения на самом деле были достовернее некуда. «Относительно Даладье, — писал Потёмкин, — сам Блюм мне в последний раз говорил, что этот человек нам глубоко враждебен и что рассчитывать на него нам не приходится». Но Потёмкин все же не понимал. «Не исключено, — резюмировал он, — что от слов наши друзья решатся перейти к делу»[1].

Возможно, осторожный оптимизм Потёмкина объяснялся мимолетным страхом французского правительства, связанным с возможной отправкой Германией и Италией военной помощи Франко. Посредники от французов оповестили германское посольство в Париже. «Если высадка войск продолжится, — предостерегали записки, — война будет неизбежна». Не это ли беспокоило Петибона, когда он говорил с Венцовым?.. 23 де-

[1] В. П. Потёмкин — М. М. Литвинову. 26 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 20. П. 167. Д. 828, 1. Л. 185–183.

кабря Дельбос встретился с германским послом графом Йоханнесом фон Вельчеком, дабы передать сообщение и сделать предложение. Содержание сообщения было таково: «Идеологическое противостояние в Испании должно неизбежно привести к мировой войне». Суть предложения была в том, чтобы достичь «понимания с Германией» в обмен на колонии, сырье, займы, в ответ нужно было обеспечить лишь одно — «мир». Среди прочего это означало «локализовать и потушить испанский пожар». Дальнейшие переброски войск непременно бы привели к войне. Дельбос, по словам фон Вельчека, ждал ответа с нетерпением[1]. Вельчек вернулся к поверенному за инструкциями. «В воздухе витает слово «война». У меня нет сомнений, что французское правительство не сможет сопротивляться тому давлению, которое оказывается на него всеми сторонами...»[2] Вельчек ни о чем не волновался — война будет. Но он пока еще не успел хорошо узнать французов: без британцев они бы не пошевелили и пальцем, а британцы, в свою очередь, также не спешили действовать.

Полковник Шарль де Голль

«Перейти к делу», как выразился Потёмкин, был готов один французский офицер — выскочка при штабе Гамелена. Относительно молодой военный, он интересовался тактикой танкового боя и комбинированными операциями. Он даже посвятил целую книгу новой военной стратегии, которую его начальство оставило без внимания. Книга не укладывалась в привычные рамки привычных представлений, сложившихся у них в Великую войну. Этим офицером был полковник Шарль де Голль. Мать офицера видимо спросила его мнение о советско-французском пакте, и вот что он ей писал:

«...Отвечу просто: мы стремительно приближаемся к войне с Германией, и, если обстоятельства начнут складываться не в нашу пользу, этим немедля воспользуется Италия и надерет нам зад. Это вопрос выживания: все остальное — беллетристика. Теперь скажи: на чью помощь оружием мы можем рассчитывать? Польша — пустое место и, более того, ведет двойную игру. У Англии есть флот, но весьма отстала по части армии и авиации. Мы не в том положении, чтобы отказываться от помощи русских, как бы ни был нам отвратителен их режим. Повторяется история Франциска I и его союза с мусульманами...»

Похоже, де Голлю очень полюбилось это сравнение Эррио, даже если французским правым оно успело набить оскомину. Продолжая разъяснять свою позицию, он пишет: «Я в курсе, что гитлеровская пропаганда успеш-

---

[1] Welczeck. No. 794. 24 Dec. 1936 // DGFP, series D. Vol. III. P. 180–182.

[2] Welczeck to Otto von Erdmannsdorff. 24 Dec. 1936 // DGFP, series D. Vol. III. P. 190.

но проникла в умы многих достойных граждан Франции — они поверили, что ему ничего от нас не нужно, достаточно позволить ему занять Центральную Европу и Украину и этим купить мир. Но лично я убежден, что он просто сотрясает воздух подобными высказываниями, что главная его цель — сокрушить Францию, предварительно изолировав, в точности как он писал в «Майн кампф». Отсюда вывод, что мы должны приветствовать всякого, кто может помочь нам в борьбе с Германией, даже русские вооруженные силы... Нужно иметь мужество посмотреть в глаза действительности. Сегодня всё должно быть подчинено единой цели: под любым предлогом сплотить против Германии всех, кто ей противостоит — это разубедит Гитлера идти на нас войной и, в случае необходимости, поможет его разгромить...»[1]

Де Голль — еще один человек в крайне странном альянсе сторонников перехода от слов к делам, наряду с Манделем, Котом, Полем-Бонкуром и другими. К сожалению, слова де Голля не имели веса в Генеральном штабе.

Николай Александрович Семёнов

После новогодних праздников в первые дни 1937 года работа возобновилась. Готовилась встреча с преемником Венцова — комбригом Николаем Александровичем Семёновым. Он родился в 1893 году к югу от Москвы, в Саратове, на берегу Волги, был чуть старше Венцова. Отец его был служащим, работал на Рязано-Уральской железной дороге. В 1914 году Семёнов был призвал в царскую армию и прошел Первую мировую. Как и Венцов, в 1918 году вступил в ряды Красной армии и в том же году — в партию большевиков. В Гражданскую сражался против белогвардейцев. Семёнов был полиглот, в разной степени владел немецким, французским и польским. Служил военным атташе в Латвии, затем в Польше, после чего был назначен в Париж. Иными словами, Венцова на посту сменил весьма умелый и опытный сотрудник, и в этой истории советско-французских отношений ему выпала небольшая, но значительная роль.

5 января Швайсгут на встрече с Гамеленом обсуждал, что скажет Семёнову на предстоящей встрече. По сути, все вновь сводилось к выяснению, какую именно помощь СССР сможет оказать Франции в случае войны с Германией[2]. Согласно рапорту Семёнова, встреча состоялась три дня спустя и прошла более или менее в соответствии с планами Швайсгута: стороны сошлись во мнении, что их общий враг — Германия. Это был за-

---

[1] De Gaulle to his mother, Jeanne, 20 Dec. 1936 // *Gaulle C. de.* Lettres, notes et carnets, 1905–1941. Paris, 2010. P. 828–829.

[2] Schweisguth. Note, 5 Jan. 1937 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3.

метный сдвиг в сторону большей открытости и конкретики: прежде Лаваль неизменно заявлял, что франко-советский пакт не направлен против какого-либо государства. У нас, сказал Швайсгут, общая граница с Германией, и, путем нападения на Германию, мы сможем оказать помощь Чехословакии. Что, в случае германского нападения на Францию и Чехословакию, сможет предпринять для их поддержки СССР — на суше, на море, в воздухе? У вас нет общей границы с Германией, поэтому каким может быть ваш вклад в общее дело, французскому Генштабу неясно.

«Я ответил ему, — пишет Семёнов в рапорте, — что прежде, чем приступать к переговорам по линии штабов, нужно принципиальное политическое решение обоих правительств, и спросил его, есть ли такое решение у французского Правительства». Швайсгут ответил, будто не в курсе — хотя, конечно же, он всё знал — при этом Гамелен уполномочил его провести переговоры с Семёновым и, добавил он, раз их беседа состоялась, то соответствующее решение несомненно принято. Далее Швайсгут начал юлить: мол, решение принципиальное, но не окончательное. Видя, что разговор заходит не туда, Швайсгут вернулся к другой теме разговора — о действиях СССР по оказанию помощи Франции в случае войны. Семёнов в ответ задал свой вопрос: располагает ли Швайсгут информацией о возможности прохода Красной армии через территорию стран, отделяющих ее от Германии? Швайсгут ответил, что в принципе есть возможность пройти через Литву и ударить по Восточной Пруссии или же через Польшу и ударить по Германии. В вопросе оказания помощи Чехословакии необходимо провести переговоры с Румынией «и быть может с Польшей». Швайсгут добавил, что, когда Гамелен был в Варшаве, польские руководители — он упомянул генерала Эдварда Рыдз-Смиглы — не выражали своего одобрения по поводу такой переброски, «хотя окончательного отказа также не дали». Сам Швайсгут, вероятно, знал, что это неправда. Он также заявил, что урегулировать вопрос переброски войск — удел дипломатов, его же интересуют меры, которые СССР мог бы принять для содействия Франции и Чехословакии. Он попросил Семёнова «немедленно» связаться по этому поводу с Москвой, с тем чтобы в дальнейшем заняться определением «преимуществ и трудностей», с которыми сопряжена идея советско-французской взаимопомощи. «Он заявил, — пишет военный атташе в рапорте, — что французский Генштаб полностью разделяет наш взгляд на опасности для дела мира от Германии и считает, что такие две великие державы, как Франция и Сов. Союз, при заключении между ними военного соглашения, в состоянии будут сохранить в Европе мир и в крайнем случае силой оружия прекратить беспредельную агрессию Гитлера».

Швайсгут выразил мнение, что для Советского Союза, с точки зрения французского Генштаба, эффективнее всего будет перебросить помощь по

воздуху в Чехословакию, а также, возможно, через Литву, также помогать боеприпасами и оснащением, хотя «не исключено» взаимодействие наземных сил в Польше и морских сил в Балтийском море.

Затем Семёнов позволил себе следующий комментарий: «Неоднократные ссылки ген[ерала] Швайсгута на то, что мы не имеем общей границы с Германией, по-моему показывают, что в окружении ген[ерала] Гамелена особого перелома в этом вопросе нет».

«Сама постановка вопроса нам, чем мы можем им помочь, не указывая конкретно их наметки, где и в каком размере они желали бы получить эту помощь, по-моему доказывает, что Гамелен пошел на этот разговор через ген[ерала] Швайсгута только под нажимом в Правительстве со стороны Кота и, быть может, в провокационной надежде получить от нас расплывчатый ответ, который позволил бы ему еще раз выступить у себя в Правительстве с утверждением, что Франция может мало вы играть от военного договора с СССР».

Конечно же, именно это и было на уме у Гамелена и Даладье. Семёнов запрашивал указания по поводу того, что ответить Швайсгуту[1]. Потёмкин, конечно же, был в курсе встречи. Он не был доволен ее результатом, в особенности тем, что Швайсгут потребовал сведений об объеме советской помощи Франции в случае войны, не затронув объем французской помощи СССР. О подозрениях Семёнова насчет мотивов французов Потёмкин в своем рапорте Литвинову не упомянул[2].

Шаткая вера французов

После встречи Швайсгут направил отчет Гамелену. «Он [Гамелен] сказал, что необходимо затягивать события»[3]. Швайсгут требовал от Семёнова скорейшего ответа, но сама французская сторона при этом медлила. Перевес теперь явно был на стороне Даладье. В конце января 1937 года Кот попросил Даладье отправить Мендраса и еще кого-нибудь из Министерства авиации в Москву. Даладье отказал[4].

Несмотря на первоначально предпринятые попытки начать межштабные дискуссии с Венцовым и Семёновым, советско-французские отношения стали ухудшаться. Все шло не так. Пертинакс отправился в советское

---

[1] Н. А. Семёнов — К. Е. Ворошилову. 10 января 1937 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 25–29. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] В. П. Потёмкин — М. М. Литвинову. 11 января 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 17–26.

[3] Schweisguth's journal, entry of 8 Jan. 1937 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3.

[4] Ibid. Entry of 25 Jan. 1937.

полпредство с жалобой. Как пишет Гиршфельд, «Пертинакс весьма недоволен нерешительностью и слабостью внешней политики правительства Блюма. Леже, — фактический руководитель внешней политики Франции, — целиком зависит от Англии, не имеет своей линии, неискренен, приспосабливаясь в разговоре к собеседнику»[1].

Литвинов пожаловался Дельбосу на недружественные публикации в передовице «Тан», неофициального органа французского МИД[2]. Несмотря на щедрые советские «уступки», тон парижской газеты оставался прежним. В советско-французских отношениях «Тан» была как заноза. Но не только на нее жаловался нарком: беда, как известно, не приходит одна; французские дипломаты в своей корреспонденции явно вели кампанию против СССР и в частности — за то, чтобы отговорить страну от заключения советско-французского пакта. Литвинов особо выделил французского посла в Токио А. Каммерера[3]. Тот после революции в России служил в МИД вместе с Бертло, был ярым советофобом и сторонником интервенции. На примере Каммерера подтвердилась старая истина, что люди не меняются. Были также проблемы с французской оружейной фирмой «Шнайдер-Крезо», денонсировавшей советские оборонные контракты.

Отказ особенно возмутил Потёмкина — он назвал это «безобразием». Французское правительство пообещало свою поддержку по линии этих контрактов, и все же сделку спустили на тормозах — шесть месяцев переговоров прошли зря. «Я предупреждал Даладье и Блюма, — писал Потёмкин, — что отношение правительства к делу наших военных заказов во Франции является, в своем роде, испытанием готовности французов содействовать укреплению нашей вооруженной мощи. Думаю, что вполне уместно было бы сказать французам сейчас, что такое испытание не дало, по нашему мнению, удовлетворительного результата»[4]. Спустя несколько недель агент «Шнайдер-Крёзо» попытался подкупить сотрудников советского полпредства: мол, если они заставят Блюма остановить проект по национализации фирмы, поддерживаемый Полем Фором, то отмененные заказы будут исполнены. «Ясно, — писал Потёмкин, — что фирма решила прибегнуть к откровенному шантажу...»[5]

---

[1] Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 11 января 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 1–16.

[2] М. М. Литвинов — В. П. Потёмкину. 26 января 1937 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 839. Л. 12–9.

[3] М. М. Литвинов — В. П. Потёмкину. 4 января 1937 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 839. Л. 4–3.

[4] В. П. Потёмкин — М. М. Литвинову. 11 января 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 17–26.

[5] В. П. Потёмкин — М. М. Литвинову. 2 февраля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 011.

Бывший и будущий глава правительства Камиль Шотан попросил Потёмкина о встрече, на которой можно было бы обсудить дела. Она состоялась 19 января за обеденным столом; присутствовал также Жан Зей. Потёмкин воспользовался возможностью развеять тоску и поговорить на привычные темы, а именно о необязательности ратификации франко-советского пакта в Национальной ассамблее, а также межштабном диалоге, о чем, кстати, первым заговорил в Москве Лаваль. Мы уже ответили, сказал Потёмкин, присутствовавший на встрече вместе со Сталиным, Литвиновым и прочими, что советская сторона против таких дискуссий «не возражает». Все вышеперечисленное лишь способствовало советскому «крушению иллюзий». Потёмкин хотел сказать, что Франция смотрит в зубы дареному коню. В экономическом и военном плане Советский Союз достаточно силен, чтобы отразить любую агрессию; о Франции такого сказать нельзя: ей нужны союзники. Шотан ответил, что межштабные переговоры могут спровоцировать Германию и Италию начать воевать на упреждение. Иными словами, лекарство будет хуже болезни. Потёмкин ответил, что Советский Союз ни в коем случае не принуждает Францию к военному сотрудничеству. Однако стоит оглянуться вокруг. «Французское правительство имеет привычку все время оглядываться на Германию в ожидании ее выступления и подчинять свою внешнюю политику указаниям Лондона». Это не сработает. Только «твердость и решительность, — поделился своим мнением Потёмкин, — являются единственным средством воздействия на Германию». Данные качества будут пользоваться уважением и у Британии. «В настоящее же время, видя, что Франция каждую свою акцию спешит согласовать с Лондоном, англичане все больше привыкают к такому положению, приобретают вкус к командованию и порою не только не считаются с мнением Франции, но бесцеремонно ставят ее перед свершившимся фактом». Одним из примеров такого отношения могло служить недавнее англо-итальянское соглашение, «оставившее Францию совершенно в стороне». Шотан признал, что в словах Потёмкина есть смысл, но, в конечном счете, и Франция, и Англия заинтересованы в том, чтобы до последнего оттягивать начало вооруженного конфликта с Германией, к которому они были пока недостаточно подготовлены[1].

28 января Потёмкин провел аналогичную встречу с Леже, дабы как-то скрасить хандру от ухудшения франко-советских отношений. Леже хотел обсудить межштабные переговоры, на что Потёмкин в очередной раз ответил, что это идея Лаваля. Леже не желал предавать эту тему забвению

Оп. 1. П. 8. Д. 76. Л. 43–36.

[1] Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 28 января 1937 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 7. Д. 73. Л. 12–7.

и придумывал разные «интересные аргументы», объясняющие задержки с французской стороны. Он полагал, что межштабные переговоры приведут к тому, что с Францией решит прервать отношения Англия, в результате чего первая потеряет «по крайней мере 60% той военной помощи, которую, в случае нападения Германии, французы могут получить извне». Леже добавил, что, вне зависимости от решения вопроса межштабных переговоров, после формирования правительства Народного фронта Англия стала крайне прохладно относиться к франко-советским отношениям, что в итоге грозило «фактическим разрывом прежней дружбы». К счастью, отношения с Британией потеплели, когда Франция подписала соглашение о невмешательстве в испанские дела. Пертинакс, несомненно, заявил бы, что французы прогнулись под англичан. На фоне улучшения англо-французских отношений проводить межштабные переговоры стало проще, поэтому Леже не преминул поинтересоваться, с чем связана задержка ответа на вопросы Швайсгута. Тот же вопрос — чем объясняется задержка — Гамелен поднял на встрече с Леже. Потёмкин не знал, что Гамелен дал указание Швайсгуту «затягивать процесс». Пустой разговор, да и только! Очевидно, отчет Семёнова о французских уловках Потёмкин не читал: так или иначе, он не упоминает о нем в своем донесении Литвинову и, что удивительно, на фоне скептически настроенного Семёнова, все еще надеется на успех переговоров[1].

2 февраля советский военный атташе вернулся, чтобы встретиться со Швайсгутом. Ему нужно прояснить вопросы, поставленные Генеральным штабом. Он сообщил, что вновь вернется в Москву для консультаций[2]. Тем временем Литвинов предупредил Потёмкина о своих сомнениях по поводу того, что идею межштабных переговоров поддержат в Москве, — что неудивительно, учитывая скептицизм и Венцова, и Семёнова[3]. Читал ли Литвинов их отчеты — неизвестно; тем не менее, к французам он относился скептически. Как, собственно, и Сталин, что следует из интервью Литвинова корреспонденту «Тан» в Москве Жоржу Лючиани. «Сталин был разочарован, — замечает Литвинов, — политикой моральной слабости, которую вела Франция»[4].

Ожидая возвращения Семёнова в Париж, Швайсгут отправился в МИД, чтобы кратко проинформировать хамелеона Леже, который,

---

[1] В. П. Потёмкин — М. М. Литвинову. 28 января 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 71–77.

[2] Compte rendu au Ministre. 23 Feb. 1937 // AN, Papiers Daladier, 496AP/7.

[3] М. М. Литвинов — В. П. Потёмкину. 4 февраля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 109. Л. 16–17.

[4] Coulondre. No. 20. 9 Jan. 1937 // MAÉ, Bureau du chiffre, télégrammes à l'arrivée de Moscou, 1937.

в свою очередь, решил пожаловаться на непрерывные нападки на него в коммунистической газете «Юманите». Пертинакса не упоминали. Затем Леже рассказал о своей беседе с Потёмкиным 28 января 1937 года, дав ей оценку, которая совпадает с оценкой Потёмкина. Он довольно надменно прошелся по Советам, которым в Испанском вопросе пришлось вывесить белый флаг. Также Леже рассказал о своем замечании Блюму о том, что МИД и Министерство национальной обороны и войны «преданно следуют политике правительства в вопросе военных соглашений, но он попросил его не форсировать события». «Англичане, — добавил он, — с большим трудом переварили франко-советский пакт, и военные соглашения им так же трудно принять». Конечно же, Леже думал об англичанах. Все сказанное им о «преданности» не соответствовало действительности: было ясно, что Даладье саботирует политику правительства Блюма, а Кот, хотя и сопротивляется, вынуждает Даладье маневрировать, но полностью помешать его планам не может. Без сомнения, горя желанием спасти правительство, Леон Блюм пытался в отношениях с Москвой продавить свою позицию. Леже добавил, что Коту придется вести дела не спеша. «Когда придет ответ из Москвы, необходимо будет все делать без спешки, при этом не создавая у русских впечатления, что мы с ними играем, иначе их политика может измениться на 180 градусов». Здесь имелась в виду вероятность нового Рапалло, что для французов было извечным кошмаром: СССР и Германия в договорной связке... Не совсем ясно, кому принадлежит эта фраза — Швайсгуту или Леже. Так или иначе, приказ «затягивать дела» отдал Гамелен по указанию Даладье. Политика не изменилась. Леже полагал, что трюк с затягиванием вполне можно провернуть, поскольку советское правительство слишком занято внутренними и внешними «проблемами»[1].

Внутри страны меж тем состоялся очередной показательный процесс: среди обвиняемых в госизмене по надуманным делам на этот раз оказались Карл Радек, Григорий Сокольников, Георгий Пятаков и другие старые большевики, троцкисты. Радек, Сокольников и еще двое получили сроки от 8 до 10 лет, остальных расстреляли. Судебный процесс привлек внимание зарубежной прессы, но никак не повлиял на и без того подпорченные советско-французские отношения. На советские «проблемы» французы взирали свысока. В свою очередь Литвинов, когда речь заходила о французах или о британцах, корчил кислую мину. Из Москвы французский посол Робер Кулондр телеграфировал, что, похоже, затевается еще один процесс, на этот раз над лидерами «правой» оппозиции. Радек оказался связан с другими: Николаем Бухариным, Алексеем Рыковым и даже

[1] Schweisguth's journal, entry of 8 Feb. 1937 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3

маршалом Михаилом Тухачевским, — надо всеми ними уже навис карающий меч[1]. Кулондр не исключал, что и над Литвиновым тоже. Суд над «троцкистским ядром» породил «самые сенсационные слухи», включая тот, что Литвинов якобы вконец себя опозорил и на его место прочат Крестинского. Оказалось, что это слухи. Накануне Сталина видели в театре, и, по всей видимости, он заходил туда с единственной целью: посмотреть спектакль. Что касается Литвинова, то слухи о нем, по всей видимости, были связаны с тем, что его жена-англичанка, Айви, перестала появляться на приемах. Некоторые иностранные информационные агентства сообщали, будто она под домашним арестом, но Кулондр в этом сомневался, поскольку видел Айви неделей ранее. Если она не ходит с мужем на приемы, это вполне может быть связано с семейными ссорами[2]. Возможно, такт не позволил Кулондру сказать всей правды, ведь вся Москва знала, что у Максима Максимовича молодая любовница, англичанка польского происхождения по имени Зина. Безусловно, Айви Вальтеровна и сама крутила романы, и ни она, ни Максим Максимович особо не старались их скрывать друг от друга. Однако Айви не нравилось, что в московской среде, где, как чисто по-русски обожали сплетничать[3], издеваются именно над ней. Действительно, одно дело, когда изменяет мужчина, и совсем другое — когда его супруга.

По-прежнему ждали Семёнова. Швайсгут встретился с Гамеленом, чтобы обсудить свой разговор с Леже. Гамелен заметил, что Англия «не столь прочно стоит на нашей стороне, как нам может показаться». Затем подняли тему военных переговоров. Гамелен выдвинул идею обратиться с просьбой к Румынии открыть канал снабжения до восточной оконечности Чехословакии, а у СССР попросить поддержки в противостоянии с Венгрией и танков[4]. Учитывая враждебный настрой Даладье, эта запись в дневнике Швайсгута выбивается из общей канвы. Что происходило? Объяснения дал Мандель Гиршфельду в одной из регулярных бесед. Произошло «изменение позиции Генштаба по вопросу военного сотрудничества за последнее время. На Генштаб произвела большое впечатление информация французского военного атташе в Мадриде, самым положительным образом характеризующего действия советской авиации как со стороны материальной части, так и летного состава (в отношении танков

---

[1] Coulondre. Nos. 68–69.1 Feb. 1937 // MAÉ, Bureau du chiffre, télégrammes à l'arrivée de Moscou, 1937.

[2] Coulondre. No. 80.10 Feb. 1937 // MAÉ, Bureau du chiffre, télégrammes à l'arrivée de Moscou, 1937.

[3] *O'Keeffe B.* The Woman Always Pays: The Lives of Ivy Litvinov // Slavonic and East European Review. Vol. 97. No 3, July 2019. P. 501–528

[4] Schweisguth's journal, entry of 9 Feb. 1937 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3.

оценка будто бы более сдержанная). Генштаб поставил перед Даладье вопрос о необходимости осуществления франко-советского военного сотрудничества. Однако Даладье отнесся к этому предложению более чем сдержанно». Эдуард Даладье, несомненно, был настроен враждебно, при этом Мандель, вероятно, не владел всей информацией. Он утверждал, что Генштаб «продолжает» поддерживать соглашение. Мандель предъявил эти аргументы Шотану спустя неделю после того, как его видел Потёмкин. Те же аргументы, те же отговорки. Мандель продолжал ругать текущее правительство — ничего нового. «Мандель считает, что все объясняется трусостью французских руководителей, которые боятся сделать какой-либо решительный шаг». Затем он обрушился на МИД. «Весьма пагубную роль во французской внешней политике играет Леже, неустойчивый, нерешительный. Льстящий текущему министру иностранных дел, которого он вместе с тем стремится держать в своих руках. (в особенности Дельбоса). Мандель отмечает, что никогда не мог понять точки зрения Леже ни по одному вопросу, поскольку он постоянно “увиливает”...»[1] Вследствие этого Мандель оказывался в одной лодке с Пертинаксом и коммунистами.

Предложения Семёнова

Советский военный представитель вернулся в Париж и 17 февраля 1937 года встретился с генералами Кольсоном и Жеродью; Швайсгута в тот день в ведомстве не было. Если вкратце, то Семёнов предложил три варианта советской помощи Франции. Если Польша и Румыния разрешат проход войск через свои территории, то Красная армия, в случае нападения немцев, окажет Франции помощь. Если нет, советское правительство все равно будет готово прислать Франции помощь и обеспечить поддержку с воздуха. Были обещаны также морские поставки нефти, бензина, провизии и военной техники. Вопрос помощи в иных обстоятельствах решался бы путем переговоров. В ответ советское правительство интересовалось, какую помощь готова оказать Франция в случае нападения немцев на СССР. Как следует из французской стенограммы, советские предложения были одобрены советским Генштабом и направлены советскому правительству[2]. Любопытно, что в первой черновой редакции советского документа излагался и третий сценарий, согласно которому страны, разделяю-

---

[1] Запись беседы с Ж. Манделем 6 февраля 1937 г. Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 14 февраля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 7. Д. 74. Л. 58–53.

[2] Без заглавия, без даты // ДВП. Т. XX. С. 703–704 (№ 31); Visite du général Semenoff, attaché militaire d’URSS... venant apporter au général Colson, chef d’ÉMA, la réponse aux questions qui avaient été posées par le général Schweisguth. 17 Feb. 1937 // SHAT 7N 3186.

щие СССР и нацистскую Германию, «участвуют в нападении немцев на Францию и находятся в состоянии войны с последней. В этом случае Советский Союз, независимо от того, будут ли нарушены его границы странами, участвующими совместно с Германией в нападении на Францию, немедленно объявит этим странам войну». Но этот сценарий из последней редакции изъяли и оставили лишь положение о том, что при прочих обстоятельствах все будут решать переговоры и дополнительные соглашения. Это было сделано исходя из чувств французов по отношению к Польше, которую в советском Генштабе считали потенциальным союзником нацистской Германии[1]. Так или иначе, Советский Союз дал на вопрос французов весьма солидный ответ. И, вероятно, это было неожиданностью для Литвинова, сомневавшегося, одобрит ли Сталин идею межштабных переговоров.

После встречи Семёнова с Кольсоном и Жеродью состоялась беседа Потёмкина с Блюмом, на которой первый сообщил о советском ответе на вопросы Швайсгута. Блюм отреагировал положительно. «По его словам, — свидетельствует Потёмкин, — он лично должным образом оценивает прямоту ответа, чуждого всяких недомолвок». Блюм попросил Потёмкина выразить признательность за этот ответ советскому руководству и, по возможности, Сталину. Блюм сообщил, что завтра соберет совещание с участием Даладье, Дельбоса и других, чтобы обсудить ответ Москвы. Для Блюма наиболее вероятным сценарием был такой: Польша держит нейтралитет, а Румыния дает согласие на проход советских войск, которые направляются на помощь Чехословакии. По словам Потёмкина, он уже «заранее примиряться с отказом Польши от выполнения союзных обязательств...» Блюм удивился, почему на встречу позвали Жеродью, ведь он был «не вполне своим человеком»[2]. Как мог Блюм быть таким наивным? Естественно, Жеродью позвали, чтобы обеспечить перевес негативной точки зрения на предложения СССР.

23 февраля Блюм встретился с Даладье, Гамеленом и Леже. Интересно, где был Дельбос?.. Непонятно почему, внезапно досталось Швайсгуту. Его записка, по свидетельству Даладье, была написана в «робком, колеблющемся тоне». Вероятно, речь идет о записке министру из досье Даладье. Согласно докладной записке, французы в отношении советского ответа по-прежнему придерживаются стратегии придирок. Начали хорошо, но «не сильно развеяли туман относительно ценности (выделено в оригина-

---

[1] Директивы тов. Семёнову (черновик, сделано всего два экземпляра), без даты [не позднее 10 января 1937 г.] // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 174–175. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] В. П. Потёмкин — в НКИД. 17 февраля 1937 г. // ДВП. Т. XX. С. 88–89.

ле) [советской] помощи». Необходимо продолжать дискуссии; по-прежнему ставился вопрос о том, что Советы могут сделать для нас, а не о том, чем ответит Франция. Даладье на полях отметил, что Швайсгуту следует начать действовать, прекратить медлить. «Ответ генерала по возвращении из Москвы удовлетворительный»[1]. Маневр был в том, чтобы найти виноватого, ведь Швайсгут лишь следовал приказаниям Гамелена, а тот получал их от Даладье. По словам Швайсгута, ровно ту записку, которую Даладье критиковал, Гамелен одобрил[2].

Литвинов был раздражен. Он не понял, почему Семёнов встречался не со Швайсгутом, а с Кольсоном. Из телеграммы Потёмкина, где излагалась реакция Блюма, также не было понятно, удовлетворили советские предложения французов или разочаровали. Литвинова также интересовало, почему поднимался вопрос прохода войск через Литву, ведь он был сопряжен с пересечением польского коридора[3]. Литвинов догадывался о плутовстве французов, и он не ошибался.

Раздражен был и Потёмкин... Вопросы Литвинова казались ему проявлением каких-то капризов. Кольсон — начальник Швайсгута, последний отсутствовал. На вопрос о реакции Блюма на советские предложения полпред отвечал более подробно; это может говорить о том, что он был большим сторонником межштабных переговоров, чем его коллеги-военные.

«По-моему, в словах Блюма, что он “глубоко тронут”, и что он просит передать его благодарность нашему правительству, уже содержалось выражение известного удовлетворения. Я не заметил у него ни тени разочарования, да, признаться, и не вижу, чем бы оно могло быть вызвано. Понятно, что Блюм остерегся конкретно формулировать мне свою оценку московского ответа. На следующий день он собирался созвать совещание с участием Даладье и, по-видимому, Гамелена, которое должно было заняться обстоятельным изучением переданного Блюму сообщения из М[о]ск[вы] Блюм не скрывал от меня, что Даладье и некоторые представители Генштаба относятся скептически к возможности франко-советского военного сотрудничества. Я допускаю, что он предвидел вероятность новой дискуссии по этому вопросу, в связи с нашим ответом. Учитывая это, он и ограничился выражением собственных чувств благодарности нашему правительству, не касаясь конкретных положений нашего ответа».

Потёмкин тем временем докладывал в Москву о реакции главы МИД Ивона Дельбоса: «Сегодня Дельбос мне говорил, что Блюм ознакомил его

---

[1] Compte rendu au Ministre. 23 Feb. 1937 (with Daladier’s marginal Notes) // AN, Papiers Daladier, 496AP/7.

[2] Schweisguth’s journal, entry of 23 Feb. 1937 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3.

[3] М. М. Литвинов — В. П. Потёмкину. 19 февраля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 109. Л. 18–19.

с содержанием моего сообщения, и что он, Дельбос, "восхищен" ответом Москве (Дельбос употребил слово "адмирабль"). Из дальнейших, несколько путанных, фраз Дельбоса, я заключил, что у него нет уверенности в согласии Польши и Румынии на пропуск наших войск. Все же, он не без явного вожделения, говорил о возможностях подкрепления Франции нашей живой силой, а также о снабжении французов нашими самолетами, танками, моторами и т. д. Он размечтался до того, что заговорил о Мурманске, откуда можно будет получать от нас всю эту благодать, не рискуя столкновениями с итальянцами, которые, быть может, захотят ловить наши транспорты в Средиземном море».

Реакция Блюма и Дельбоса на советские предложения объясняет, почему Даладье назвал их «удовлетворительными», хотя, конечно, говорил он не от себя. Потёмкин советовал Семёнову умерить пыл и не стремиться получить от французов скорой реакции. «С Блюмом я рассчитываю увидеться на днях и тогда осведомлюсь, ознакомил ли он с нашим ответом заинтересованных членов правительства и представителей генштаба. Вероятно, он сам скажет мне, как отнеслись его коллеги к нашему заявлению»[1].

Добрый жест Даладье

В марте 1937 года даже Эдуард Даладье стал участником двух бесед с Владимиром Потёмкиным. На встрече в начале месяца министр заверил полпреда, что «процесс продвигается, но с особой осторожностью, дабы не вызвать нежелательных волнений». «Я ответил Даладье, что с нашей стороны соблюдается в этом деле строжайшая дискретность». Нам надо поговорить еще раз, предложил Даладье, «не как "военный министр с послом", но как "человек с человеком"». Весьма любопытно, что же Даладье имел в виду? Владимир Петрович ожидал, что речь пойдет, как и прежде, о межштабных переговорах и о деятельности коммунистов во французской армии[2].

Он и не мог себе предвидеть, о чем на самом деле будет «мужской» разговор, который состоялся 17 марта или около того, и стенограмму которого Потёмкин затем направил в Москву. Нам известно из надежных источников, сказал Даладье, о том, что в немецких кругах рассчитывают подготовить в СССР «государственный переворот при содействии враждебных нынешнему советскому строю элементов из командного состава Красной армии. После смены режима в СССР Германия заключит с Россией военный союз против Франции». Даладье добавил, что военное министерство

---

[1] В. П. Потёмкин — М. М. Литвинову. 26 февраля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 110–112.

[2] В. П. Потёмкин — М. М. Литвинову. 11 марта 1937 г. // Там же. Л. 135–141.

получило информацию о германских планах из русских эмигрантских кругов. Более подробной информацией мы не располагаем, продолжал глава военного ведомства, «но что он считает “долгом дружбы” поделиться с нами этими сведениями, могущими оказаться для нас небесполезными». Потёмкин поблагодарил Даладье за информацию, но выразил «решительное сомнение» по поводу надежности французских источников. В ответ Даладье пообещал передавать советской стороне все сведения, которые станут известны. Не исключаю, — добавил он, — «что в Красной армии имеются остатки троцкистов». Чего Даладье добивался? Уж точно он не считал СССР близким «другом», которому был всем обязан. Он был противником межштабных переговоров и всячески пытался оттянуть их на неопределенный срок. Он ненавидел французских коммунистов и ненавидел СССР. Может, упомянув троцкистский элемент, он метил в Сталина — рассчитывал заронить в нём сомнения и пробудить подозрительность? Или же он искал повод увильнуть от межштабных переговоров — ведь, если в Красную армию проникли германские агенты, чем не повод отказаться делиться с ней разведданными?

За добрым жестом Даладье явно крылся еще один грязный трюк, хотя Потёмкин его не разглядел. Министр, несомненно, посылал «дружеские сигналы», потому что был заинтересован в укреплении «доверия к нему самому». В нем невольно обнаруживается укоренившийся во французах «привычный страх» того, что Советы с немцами плетут против них заговор. «И то, и другое не так уже вредно для нас»[1]. Другими словами, если французы и британцы могут заключать с немцами сделки, то Москва может и должна делать то же самое. Небольшой раунд советских переговоров в Берлине помог бы преодолеть разрыв в отношениях и призвать к честности Париж и Лондон[2].

Очевидно, уже после войны Даладье записал в личном дневнике, что чехословацкий президент Эдуард Бенеш в конце декабря 1936 года известил Блюма о том, что они, французы, должны с большей осторожностью отнестись к переговорам с советским Генштабом. Бенеш оказывал поддержку «частному информационному бюро» в Женеве под руководством Леона Неманова, болгарского журналиста, который впоследствии работал на французов, а затем и на вишистов. Неманов консультировал Бенеша в связи с заговором маршала М. Н. Тухачевского и других высших коман-

---

[1] В. П. Потёмкин — М. М. Литвинову, И. В. Сталину и др. членам Политбюро. 17 марта 1937 г., цит. по: Реабилитация: как это было / под ред. А. Н. Яковлева и др. В 3 т. М., 2000–2004. Т. II. С. 739.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 7 марта 1935 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П.106. Д. 30. Л. 1–2; М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 4 декабря 1935 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 18. П. 80. Д. 1. Л. 102–103.

диров против Сталина. С целью предупредить об этом Сталина, Бенеш информировал советского полпреда в Праге[1]. Каков бы ни был источник этой дезинформации — будь то Германия, круги русской эмиграции или то и другое сразу — схема сработала идеально. В мае — июне 1937 года ряд военачальников (и маршал Тухачевский в их числе) были либо казнены, либо брошены в тюрьму, либо уволены со службы. В первую волну казней под расстрел попал и вечно осторожный, предусмотрительный генерал Венцов. Но не будем забегать вперед.

«Ситуация не изменилась...»

На этом история франко-советских переговоров между штабами не закончилась. В марте 1937 года Блюм и Дельбос утратили прежний энтузиазм.

16 марта на площади Клиши в Париже произошла перестрелка между полицией и членами различных левых организаций, протестовавших против заседания крайне правой Французской социальной партии полковника Франсуа де Ла Рока. С обеих сторон были раненые и убитые, а также обе стороны яростно бросались обвинениями в адрес друг друга. Это произошло перед вторым «мужским разговором» Даладье с Потёмкиным. Через два дня, 19 марта, Гамелен, Кольсон и Швайсгут встретились с Даладье, чтобы обсудить встречу с Семёновым, запланированную на тот же самый день. Даладье одобрил февральские рекомендации Швайсгута в отношении дальнейших вопросов, которые нужно задать Генштабу РККА — то есть тот самый отчет, который он ранее раскритиковал. «Ситуация все еще не изменилась, — писал Швайсгут в своем дневнике. — Они тянут время, чтобы не обидеть русских, но также чтобы не начинать переговоры, так как на это требуется решение правительства». Даладье снова принялся за свою грязную игру, как будто полагал, что «русские» его не вычислят. Однако он не знал, что и ранее Венцов и теперь Семёнов уже обо всем догадались.

Швайсгут в тот день написал кое-что еще. «Сталин написал письмо Потёмкину, которое тот зачитал Блюму. Он прочувствованно призывал к военному союзу. Блюм был тронут. Кот с энтузиазмом относится к советской авиации. Даладье говорит, что настроен скептически, так как не уверен, что СССР сможет развернуться, не предприняв промежуточных шагов. Ведь надо будет убедить Румынию разрешить [Красной армии] пройти по ее территории». Гамелен хотел, чтобы СССР дали «официальную гарантию» Польше и Румынии. По словам Даладье, в случае войны Франция могла бы обойтись без поддержки СССР, но не обошлась бы без Велико-

[1] Handwritten, undated note by Daladier// AN, Papiers Daladier, 496AP/7.

британии. Тут Швайсгут высказал свое мнение: «Англичане не готовы были принять Франко-советский пакт, они с трудом примут военные соглашения»[1]. Таким образом снова пошли в ход все стандартные аргументы. Если бы при этом присутствовал полковник де Голль, он бы ответил, что у Великобритании нет такой армии, которую можно было бы отправить во Францию в случае войны, а поляки — ничтожные двуличные карлики. В Румынии вовсю процветает фашизм. Что вообще такое творится?

На встрече с Семёновым Швайсгут задал ему дополнительные вопросы о том, что СССР может сделать для Франции, в очередной раз не ответив на вопрос, что Франция может сделать для СССР в случае войны. По словам Семёнова, Генштаб Красной армии откажется отвечать на дополнительные вопросы, так как их необходимо обсуждать в ходе «официальных переговоров», одобренных обоими правительствами. Далее военный атташе сообщил, что на следующий день уезжает в Москву, вероятно, для дальнейшего обсуждения. Швайсгут пришел к выводу, что «технические вопросы» будут зависеть от «политической ситуации» в Польше и Румынии[2]. Эти государства были как две старые клячи: одна ослабела, другая упиралась. А нужен был сильный боевой конь.

Через четыре дня, после последней встречи с Семёновым, Дельбос встретился с Потёмкиным, так как тот планировал вернуться в Москву и принять назначение на должность заместителя народного комиссара иностранных дел СССР вместо Крестинского, которого вскоре арестуют по сфабрикованному обвинению. Дельбос пожаловался на перестрелку на площади Клиши, которая могла превратиться в «дипломатический Ватерлоо». Это было поддержкой для врагов и «деморализовало друзей и союзников». Он постарался выразить свое одобрение «исчерпывающим» ответом СССР на первый список вопросов Швайсгута. Также он посетовал на отсутствие контакта между Блюмом и Даладье вследствие инцидента в Клиши. Потёмкин отказался обсуждать реакцию Генштаба СССР на дополнительные вопросы Швайсгута. «Лично мне представляется преждевременным, — сказал он Дельбосу, — не договорившись в принципе, переходить к одностороннему выяснению технических, и притом достаточно деликатных, вопросов, имеющих отношение к эвентуальным действиям Советского Союза»[3]. На следующий день Швайсгут написал в своем дневнике, что он встретил Дельбоса за обедом, где, естественно, обсуждали дела. Дельбос, конечно, упомянул переговоры между

---

[1] Schweisguth's journal, entry of 19 March 1937 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3.

[2] Ibid. Entry of 24 March 1937.

[3] В. П. Потёмкин — в НКИД. 23 марта 1937 г. // ДВП. Т. XX. С. 141–142.

штабами и «кажется сказал, что они скроют их от англичан»[1]. Как это удалось бы французам? Вы видите, к чему вел разрыв в отношениях между Даладье, генералами и Блюмом, Котом и Дельбосом (во всяком случае на тот момент). Последние пытались воткнуть квадратный кол в круглое отверстие. Правительство было слишком уязвимым, и поэтому Блюм не мог выдвинуть ультиматум Даладье и его генералам. Потёмкин уехал в Москву, а Гиршфельд встретился с Блюмом через три дня — 26 марта. Накануне он общался с Даладье и Дельбосом. Таким образом получилось, что двое были за переговоры и один — против, хотя Блюм не мог полагаться в этом сражении на Дельбоса. В тот день, однако, по словам Блюма, они смогли прийти к соглашению. Как сообщил Гиршфельд, «все участники совещания единодушно вынесли положительную оценку нашим предложениям по поводу контакта штабов (по выражению Блюма, участники совещания "поздравили" себя с подобным предложением). По словам Блюма, неудачное изложение вопроса Швайсгутом на встрече с товарищем Семёновым объясняется тем, что Швайсгут "не был достаточно в курсе общей установки правительства по этому вопросу"»[2]. Блюм на следующий день снова встретился к Гиршфельдом, чтобы подробнее рассказать о встрече с Даладье и Дельбосом. «Таким образом, по словам Блюма, — написал в своем дневнике Гиршфельд, — вопрос получил окончательное разрешение. Блюм рекомендовал перед предстоящими разговорами Швайсгута с Семёновым посетить Даладье и переговорить с ним по этому поводу»[3]. Был ли Блюм наивен или просто пытался приободрить Гиршфельда? Даладье говорил одно своим генералам, а другое — премьер-министру. Швайсгута проинструктировал Гамелен, а потом и сам Даладье. Временно он был козлом отпущения, но он прекрасно понимал, что происходит.

Ворошилов разъясняет свою позицию

А в это время Москва прояснила свою позицию. 31 марта маршал Ворошилов встретился с генералом авиации Рене Алуа Келлером, которого Кот отправил в Москву для проведения переговоров с СССР, в особенно-

---

[1] Schweisguth's journal, entry of 24 March 1937 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3.

[2] Е. В. Гиршфельд — Н. Н. Крестинскому. 26 марта 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 146.

[3] Е. В. Гиршфельд — Н. Н. Крестинскому. 27 марта 1937 г. // ДВП. Т. XX. С. 152; Запись беседы с Л. Блюмом 30 (sic) марта 1937. Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 11 апреля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 152–154.

сти для того, чтобы обсудить, что будет, если Германия нападет на Францию и/или Чехословакию. Очевидно, что Кот пытался обойти Даладье. Келлер сообщил Ворошилову, что его отправил «лично» Кот, а не правительство. Проинформировали ли вас, спросил в ответ Ворошилов, о ходе общих переговоров, которые ведут в Париже Швайсгут и Семёнов и о нашем ответе французскому Генштабу? «Келлер, несколько смутившись, ответил, что он этого не знает, причем получилось впечатление, что он действительно не в курсе дела». Тогда Ворошилов ввел его в курс дела, добавив, что «Генштаб РККА до сих пор не поставлен в известность, что думает делать французский Генштаб в дальнейшем». Затем Ворошилов сказал генералу Келлеру следующее: «Попытка ген[ерала] Швайсгута начать обсуждение технических деталей этого вопроса (о чем он недавно говорил с комбригом Семёновым) была сочтена нашим Генштабом преждевременной и нецелесообразной до решения обоих правительств начать официальные переговоры о военном уточнении пакта о взаимопомощи и уполномочить на ведение этих переговоров свои штабы или военные министерства».

Келлер согласился с объяснением Ворошилова, но ответил, что «во Франции необходимо предварительно подготовить положительное разрешение этого вопроса правительством. Министр Кот проявляет в этом инициативу потому, что воздушное министерство — наиболее прогрессивное из всех военных учреждений во Франции». Поэтому Келлер хотел выполнить распоряжение своего министра и «привезти ему аргументы или исходные данные», которые он (Кот) мог бы использовать для получения официального разрешения на проведение переговоров между штабами. «Этими аргументами, — отметил Келлер, — могут быть хотя бы общие ответы на вопросы *чем* (каким количеством самолетов) и *как* мы могли бы “кооперировать” с французской авиацией во время войны...» Келлер считал, что лучше всего Франция может сотрудничать с СССР в небе.

«Я ответил, — писал Ворошилов, — что, по-моему мнению, те “исходные данные”, о которых он говорит, у французского правительства уже имеются: есть пакт о взаимопомощи, имеется, также, представление о наших вооруженных силах, в частности воздушных, существует, наконец, ответ нашего Генштаба на зондаж французского Генштаба. Всего этого вполне достаточно, чтобы без особой “подготовки” [сарказм Ворошилова], с открытыми глазами принять правительственное решение о ведении военных переговоров и рассматривать весь вопрос в целом, совокупно, в отношении всех видов вооруженных сил, что нашим Генштабом признается единственно правильным». В ответ Келлер высказал свои предыдущие аргументы, но Ворошилов стоял на своем. Встреча закончилась на

дружеской ноте, Ворошилов поблагодарил Келлера за предоставленную информацию, а его коллег и министра Кота за их старания»[1].

Ответ Ворошилова в итоге дошел до Парижа. 7 апреля 1937 года Гиршфельд встретился с Дельбосом, чтобы обсудить другой вопрос. Дельбос сам затронул тему переговоров между штабами. Гиршфельд передал слова Ворошилова о том, что «технические вопросы», которые затронул Швайсгут, нельзя обсуждать до официального соглашения между двумя правительствами о проведении переговоров. Как писал Гиршфельд, Дельбос с ним согласился и «обещал сделать соответствующее официальное заявление»[2]. На следующий день Швайсгут отправился в Министерство иностранных дел, чтобы встретиться там с Баржетоном и, предположительно, получить отчет о предмете разговора Дельбоса с Гиршфельдом. Швайсгут сказал только, что они ждут ответа от Семёнова. После его получения правительству придется принять решение. «Министерство авиации и Военное министерство не идут нога в ногу», — сказал он. То есть, конфликт между Котом и Даладье продолжался. Баржетон верно подметил, что советская сторона хочет политического решения и официального военного соглашения, «на которое мы не можем пойти, не подумав о том, что мы потеряем в Англии, Польше, Малой Антанте и так далее. Даже Чехословакия больше не хочет брать на себя какие-либо обязательства перед СССР». Швайсгут передал эту информацию Кольсону, который ответил, что Даладье направляется в Лондон и не будет принимать решения до своего возвращения. В тот же самый день Швайсгут написал в дневнике, что он получил письмо от Семёнова, вернувшегося в Париж. В нем говорилось примерно то же самое, что Ворошилов сказал генералу Келлеру. Швайсгут посчитал его отказом, решив, что на второй список французских вопросов ответа не будет[3].

Кольсон сказал Швайсгуту, что Блюма и Дельбоса к действиям подталкивал Потёмкин, а затем Гиршфельд. Блюм сообщил Даладье, что если «отказ СССР» приведет к тому, что он переметнется на сторону Германии, это может очень плохо сказаться на внутренней политике. Даладье затем проговорил этот вопрос с Гамеленом, который ответил, что ему нечего добавить к сказанному Швайсгутом Семёнову, и что Франция не может

---

[1] Запись беседы К. Е. Ворошилова с начальником ПВО Франции генералом Келлером. 31 марта 1937 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 291–293. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Запись беседы с И. Дельбосом 7 апреля 1937 года. Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 11 апреля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 147–148.

[3] Schweisguth's journal, entry of 8 April 1937 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3.

«действовать тайком от Англии и Польши»[1]. Очевидно, что Даладье и генералы продолжали свои увертки, а помогали им Баржетон и Леже, который, похоже, залег на дно.

Через несколько дней на обеде с военными атташе в Париже Швайсгут сидел рядом с Семёновым, который передал ему, что Ворошилов отказался обсуждать с Келлером в Москве технические вопросы. На этом рассказ о Семёнове заканчивается. В конце апреля его отозвали в Москву. В декабре 1937 года его арестовали в ходе дальнейшей сталинской чистки, обвинили в шпионаже, участии в военном заговоре и казнили в августе следующего года. Он пережил своего предшественника Венцова на год и два месяца.

Обсуждения продолжились в Министерстве национальной обороны и войны, но определенный дискомфорт из-за позиций Блюма и Дельбоса продолжал ощущаться. Гамелен и Жорж были возмущены «двойным шантажом со стороны СССР: угрозой сближения с Рейхом и угрозой развязать руки французским коммунистам».

Этот ложный тезис Гамелен и Жорж почерпнули из слухов — Кулондр считал их германской дезинформацией — о возвращении к Рапалльскому договору. Кот, как и Потёмкин, считал, что эти слухи не так уж плохи, если распространяются недолго, в противном случае они станут вредны[2]. Или уже стали — если судить по реакциям Гамелена и Жоржа. По их беспокойству можно было судить и о нежелании сотрудничать с СССР, и о лицемерии, касающемся восстановления отношений с нацистской Германией. Да, с их стороны проявлялось лицемерие: и Лаваля, и Даладье знали как «германофилов», которые, как и многие другие им подобные во Франции, с радостью пошли бы на мировую с Гитлером, если бы он только предложил такой вариант. Дабы избавить Францию от серьезных обязательств перед Советским Союзом, в ход пускали все имеющиеся средства. Дело подавалось так, как будто Франция уже сделала Москве слишком много уступок, но теперь, мол, хватит. Предпочтительными союзниками были Польша и Англия — брыкающаяся кляча и беззубый лев, как метко описывал их де Голль. Знай де Голль истинное положение дел, он бы взвыл от того, насколько Франция, стараниями его близоруких коллег, стала уязвима перед врагом.

Генерал Келлер, в конце концов, возвратился в Париж, где сообщил своим коллегам о том, что ему сказал маршал Ворошилов. Очевидно, что они в ответ попытались навязать Келлеру свою точку зрения, рассчитывая,

---

[1] Ibid. Entry of 9 April 1937.

[2] Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 26 апреля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 155–165.

что тот сможет повлиять на Кота и умерить его пыл. Сам Кот считал, что Келлер более чем по праву занимает свою должность, поскольку пользуется доверием со стороны генералов армейского Генштаба. Поэтому, вполне возможно, что данная им положительная оценка советского военного потенциала была учтена[1]. Кольсон ожидал, что Даладье вернется из поездки в Лондон, «получив хорошую взбучку» (*sérieusement chapitré*) от англичан. 25 апреля Даладье проинформировал Кольсона. «В Англии г-ну Даладье сказали, что, конечно, против межштабных переговоров Франции с Советами они не возражают, однако Германия держит на этот счет ухо востро, и пусть уж Франция потом не обессудит. Было решено отложить переговоры»[2]. Интересно, кем решено? Даладье или правительством — или Англией?

Дело было в конце апреля 1937 года, Гиршфельд в конце марта так не провел консультаций с Блюмом и Дельбосом, но желал продолжить работу с последним и проверить, грядет ли официальное объявление о начале межштабных переговоров, и если не грядет, то почему[3]. Первый замнаркома Потёмкин сообщал, что переговорил в Москве с Кулондром, который в ходе недавнего своего пребывания в Париже говорил с Блюмом, Дельбосом и Даладье. «Резюмировать содержание этих разговоров можно следующим образом. Франц[цзское] пра[вительство] намерено обсудить проблему вышеуказанного контакта при участии всех членов кабинета, — с тем, чтобы вынести решение, которое будет выражать единодушное мнение всех. Партизанские попытки повести с нами переговоры должны, таким образом, прекратиться. Если правительство решит, что переговоры надо начать немедленно, оно назначит для этого лицо или лиц, снабженных надлежащими полномочиями и имеющих соответствующие директивы». Вариант был неплох — по крайней мере, Ворошилов добивался именно этого. Не совсем ясно, кто имеется в виду под словами про «партизанские попытки». Кот? Тот буквально только что самоустранился. Возможно, речь идет о французских коммунистах. Потёмкин дал указание Гиршфельду «не форсировать решение и воздержаться даже от зондажа у Дельбоса или Даладье. Нам совсем не нужно создавать у французов впечатление, будто мы особенно заинтересованы в скорейшем установлении контакта между нашими штабами, и что обеспокоены медлительностью, проявляемой в этом деле французским правительством». Далее, Кулондр утверждал, что «он нашел Даладье настроенным более или менее положительно

---

[1] Выдержка из дневника Е. В. Гиршфельда. 26 апреля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 155–165.

[2] Schweisguth's journal, entry of 25 April 1937 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3.

[3] Е. В. Гиршфельд — В. П. Потёмкину. 26 апреля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 166–167.

в отношении франко-советского сотрудничества и, в частности, в отношении контакта между французским и советским генеральными штабами». Именно такое впечатление военный министр и стремился создать в глазах Кулондра, но, конечно, своим генералам он говорил нечто совсем иное. Так или иначе, Кулондр советовал лишний раз не раздражать Даладье: тот весьма болезненно реагировал на критику, особенно со стороны французской компартии — и немудрено, ведь французских коммунистов он терпеть не мог. Ослабь они свой шквал критики, глядишь, и «настроение Даладье в пользу франко-советского сотрудничества, несомненно, стало бы еще более устойчивым». Здесь, конечно, типичный случай выдачи желаемого за действительное, но почему бы и нет. «Я рекомендовал бы вам, — пишет Потёмкин, — разумеется, в надлежащей обстановке и форме, просигнализировать руководящим товарищам партии, что мы считали бы полезным несколько умерить агрессивный тон ее печати и ораторов в отношении Даладье».

«Поговорите, если возможно, и с Габриелем Пери. Убедите его в том, что несколько большая сдержанность в отношении Леже и Даладье могла бы существенно облегчить нашу работу с этими людьми».

«Особенно подчеркните, что Леже будет работать в МИД и после возможной смены Дельбоса. При этом можете отметить, что в интересующих нас вопросах франко-советского сотрудничества Леже занимает в настоящее время достаточно определенную положительную позицию. Он это доказал известным вам разговором с Дельбосом о необходимости для франц[узского] пра[вительства] проявить известную самостоятельность в вопросе о техническом контакте наших генеральных штабов»[1].

Потёмкин был готов поощрять сотрудничество с французской стороной в еще большей степени, чем был готов Ворошилов или же несчастные Венцов и Семёнов...

Нарком Литвинов, проезжая через Париж, нанес коллеге Дельбосу визит вежливости. Они затронули разные темы, в том числе набившую Литвинову оскомину тему Польши. Сложилась ненормальная ситуация: Франция оказывала финансовую и военную помощь Польше, которая в свою очередь «плела интриги» против Чехословакии и СССР, с которыми Францию связывали пакты о взаимопомощи. Когда Дельбос попытался поднять тему межштабных переговоров, Литвинов ответил, что СССР едва ли заинтересован в них больше, чем Франция[2]. В сущности, идея межштабных переговоров умерла; советская сторона держала ее как ре-

---

[1] В. П. Потёмкин — Е. В. Гиршфельду. 4 мая 1937 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 3–1; В. П. Потёмкин — Я. З. Сурицу. 4 мая 1937 г. // Там же. Д. 839. Л. 22–20.

[2] М. М. Литвинов — в НКИД. 8 мая 1937 г. // ДВП. Т. XX. С. 233–234.

зервный вариант на случай, если политика Франции изменится. Военные контракты блокировались — «саботировались», как выражался Потёмкин, причем занималась этим не только «Шнайдер-Крёзо», но и Военно-морское министерство, и аппарат Даладье. Потёмкин предполагал также и подрывную деятельность со стороны англичан, но ставить крест на заказах он не хотел. Поезжайте, встретьтесь с Даладье, или же с Блюмом и Дельбосом, напутствовал он Гиршфельда. Напомните им о том, что они обещали привести механизм в действие. В том, что касается штабных переговоров, он приводит комментарии Дельбоса в Париже. По-прежнему была установка на то, чтобы занять выжидательную позицию и позволить французам взять инициативу в свои руки. Потёмкин все еще очень оптимистично смотрел на вещи. Ему казалось, что французы проявляют в этом вопросе большую заинтересованность. Советская позиция по-прежнему состояла в том, чтобы не брать инициативу в свои руки[1].

Коварный Альбион

Оптимизм Потёмкина был неуместен. В начале мая еще наблюдался некоторый интерес Министерства иностранных дел Франции к переговорам между штабами, но даже если такая идея существовала, то она быстро испарилась.

14 мая директор МИД по политическим вопросам Рене Массильи встретился со Швайсгутом в министерстве, чтобы обсудить вклад Генштаба в очевидное улучшение румынско-польских отношений после ухода министра иностранных дел Румынии Николае Титулеску. Швайсгут ответил, что все будет зависеть от того, состоятся ли или отложатся переговоры. Массильи не возражал. В результате этих переговоров также ухудшатся отношения между Францией и Англией. «Это будет ошибка, — сказал Швайсгут. — Мы отдадим синицу в руках за журавля в небе (*de lâcher la proie pour l'ombre*)»[2].

Что касается англичан, то они давили на Даладье в апреле и на Дельбоса в мае, пытаясь заставить их отложить переговоры с СССР. Давление оказывали и Ванситтарт, и Иден. Для последнего это неудивительно, но от Ванситтарта такого никто не ожидал. Есть предположения, что это объясняется ослаблением его положения после провала соглашения Хоара — Лаваля, а также необходимость придерживаться позиции Идена. Французы защищали себя, называя свою политику «компромиссной». Они боялись обидеть СССР и подтолкнуть его к сближению с Германией, но и не

---

[1] В. П. Потёмкин — Е. В. Гиршфельду. 19 мая 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 109. Л. 28–30.

[2] Schweisguth's journal, entry of 14 May 1937 // AN, Papiers Schweisguth, AP351/3.

хотели заходить слишком далеко в другом направлении. Иден относился к этому вопросу без всякого сочувствия: «Слишком многие из тех, кто боялся дипломатического влияния советского правительства в Европе, подумают, что такое сотрудничество Франции с СССР может опасно ограничить свободу действий французского правительства в европейской политике». Комментарий Идена звучал парадоксально, так как ограничить «свободу действий» Франции пыталось как раз британское правительство. Потёмкин уже обращал внимание французов на этот момент. Иден хотел оставить выбор за Берлином и сохранить возможность заключить новое соглашение на Западе — «западный Локарнский договор» — как раз этого опасался Литвинов. В конце концов, дело свелось к защите Чехословакии, «важной для интересов Франции». Как сказал Дельбос: «Мы не откажемся от Чехословакии. Мы не можем так поступить, не исчезнув с карты Европы, так как мы утратили нашу роль державы высшего ранга». Это предсказание оказалось правдой, но вмешательство Идена возымело эффект: французский посол в Лондоне порекомендовал французскому правительству в конце мая «максимально сократить любые дальнейшие обсуждения франко-советского пакта...»[1]. Поэтому Генштабу не нужно было выкручивать руки. 14 мая он выпустил первый из трех документов, в котором высказался против переговоров. Подписали его Кольсон и полковник Морис Гоше, влиятельный начальник Второго бюро (военная разведка) Генштаба. Там были все привычные аргументы о том, что не надо провоцировать или раздражать Польшу, Румынию, Великобританию и нацистскую Германию[2].

Рука помощи Сталина

Раз и навсегда положить конец переговорам между штабами помог Сталин. 22 мая 1937 года арестовали маршала Тухачевского и других старших офицеров, обвинив их в заговоре и шпионаже в пользу нацистской Германии. Обвинения были схожи с теми, о которых Даладье сообщил

---

[1] В. П. Потёмкин — в НКИД. 17 сентября 1936 г. // ДВП. Т. XIX. С. 428–429; Vansittart's note about a meeting with Leger, 13 May 1937, C3620/532/38 // TNA FO 371 20702; "Extract from a record of conversation at a lunch given by the S. of State to MM. Delbos and Leger on 15 May // C3685/532/62 // Ibid.; ntitled note by Vansittart, 28 May 1937, // C3910/532/62, Ibid.

[2] Réflexions sur les conséquences possibles d'un contact militaire franco-soviétique // ÉMA, 2e Bureau, May 1937 // SHAT 7N 3143. Экземпляр, подписанный Л.-А. Кольсоном и М. Гоше от 14 мая 1937 г. см.: РГВА. Ф. 198k. Оп. 9. Д. 18685. Ч. 3. Л. 32–39. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

**Михаил Николаевич Тухачевский,
Маршал Советского Союза.
Около 1935 года**

Потёмкину в марте. Они основывались на признаниях, полученных от других офицеров, которых били и пытали. Тухачевского самого жестоко избили прежде, чем он сделал признание. 11 июня на закрытом заседании Специального судебного присутствия Верховного суда СССР его признали виновным. Приговор был вынесен заранее. Следующей ночью его казнили выстрелом в затылок. Многих других офицеров ожидала та же судьба. В ходе чисток были уничтожены почти все, кто поддерживал Троцкого, работал с ним или кого просто в этом обвинили. Сталин всегда защищал свою власть, даже если это происходило за счет более серьезных интересов СССР. Он считал, что это временные жертвы.

Через неделю после ареста Тухачевского пришла очередь Крестинского, который в конце марта был переведен из Наркомата иностранных дел и назначен на должность заместителя наркома юстиции СССР. Он стал одним из членов группы подсудимых на последнем показательном процессе в 1938 году. Будучи опытным сотрудником, Н. Н. Крестинский верой и правдой служил СССР, когда работал полпредом в Берлине и когда был первым замом Литвинова. Единственными его грехами были периодические контакты с Троцким в 1920-х годах и независимый ум. Порой, с точки зрения Сталина, он слишком не стеснялся в выражениях. Говорили, что вождь не прощает обидчиков, и тогда он был склонен безжалостно с ними расправляться. Это было лишь начало массовых чисток в рядах старых большевиков, в результате которых в период с 1937 по 1939 год большинство из них исчезли из Наркомата иностранных дел. В июне 1937 года Кулондр сообщил, что арестов становится все больше. Ходили слухи об аресте Крестинского, а также Карахана и Розенберга. Последнего отозвали из Испании, а Карахана — из Турции[1]. Карахана арестовали на железнодорожном вокзале, когда он садился в поезд. Его обвинили в «участии в профашистском заговоре с целью свергнуть советскую власть». В 1920-е годы Сталин и Карахан были близки, но дипломату это

[1] Coulondre. Nos. 285, 301–302. 31 May and 7 June 1937 // MAÉ, Bureau du chiffre, télégrammes à l'arrivée de Moscou, 1937.

не могло никак помочь, как не помогло Каменеву или всем остальным. Его расстреляли 20 сентября 1937 года. Новости об аресте Розенберга были преждевременными. Его арестовали лишь в конце года. Тоже обвинили в шпионаже и расстреляли в начале апреля 1938 года.

Польша в качестве отговорки

В это время в Париже Генеральный штаб решил окончательно задушить идею переговоров между штабами. Чистки среди старшего офицерского состава РККА стали идеальным поводом. В отчетах, составленных Вторым бюро, были проблески объективности: несколько строчек были посвящены «преимуществам сближения» с СССР. Далее отчеты были полностью посвящены «недостаткам». В последнем и самом жестком документе среди главных недостатков называлась «бурная реакция» Германии и риск начала войны. А также ухудшение отношений между Францией и Польшей и угроза сближения Польши с Германией. Как говорится, кулаками после драки не машут. Говорилось также, что смена расклада сил угрожает Малой Антанте, хотя главной причиной ее ослабления была вялая внешняя политика Франции. И, конечно же, говорилось про «осуждение со стороны англичан».

Интересна ситуация с Польшей. Во время недавних встреч польский Генштаб «четко дал понять, что Польша выступает против России». «С точки зрения Польши, — говорилось в отчете, — угроза со стороны Германии ограничивается лишь некоторыми уже известными территориальными требованиями. Что касается угрозы со стороны России, то она может привести к полному разрушению страны». Читатели, конечно, поймут, что у СССР не было изначально такой цели. Напротив, как говорил Литвинов, СССР хотел бы улучшить отношения с Польшей и привлечь ее на сторону антинацистской коалиции. В Польше элита смотрела на жизнь иначе: из двух главных опасностей, одна — восточная — угрожала независимости государства, поэтому говорили, что польский Генштаб не только не рассматривал военные контакты с СССР, но и признавал, что в случае советского «вторжения» по каким-либо причинам (имелась в виду Чехословакия), Польша «может принять военную помощь от Германии, даже если такой союз приведет к потере территорий». И в этом, по мнению Второго бюро, была вся суть: «Любое военное сближение между СССР и Францией может лишь усилить эту тенденцию». Установление отношений между Польшей и Германией может привести к созданию «блока из 100 миллионов человек, который с военной точки зрения предоставит вооруженной и оснащенной Германией Польше возможность сопротивляться (*tenir en échec*) Красной армии. Таким образом у немецкой армии будут полностью

развязаны руки в Западной и Центральной Европе. У Германии, таким образом, появится продовольствие, которое поможет ей выстоять». Соответственно, Второе бюро заключало, что любое дальнейшее сближение с СССР, «с точки зрения безопасности Франции», может привести к «отрицательному результату». Другими словами, преимущество СССР может быть нейтрализовано Польшей, пользующейся поддержкой Германии.

Затем в этом третьем и самом разгромном отчете зашла речь о том, как Сталин поступил с высшии военным командованием РККА. Отмечались «опала» Тухачевского и гибель других видных военачальников. Учитывая, какими жестокими были чистки и как неожиданно они коснулись тех, кто, казалось бы, пользовались доверием Сталина, оставалось лишь гадать, кто станет следующей мишенью. Лучше подождать окончания чисток, чем рисковать и заключать соглашения с теми офицерами, которые скоро исчезнут. Конечно, с учетом обстоятельств, это был разумный подход. Однако, тем не менее, в отчете снова вернулись к Польскому вопросу. «По франко-советскому военному договору, вмешательство советских войск для борьбы с Германией возможно только при условии, что они войдут на территорию Германии. Нравится нам это или нет. Таким образом мы можем подтолкнуть 33 миллиона поляков к союзу с Германией. В польской армии 55 дивизий, которых в последующие несколько месяцев может стать 80, так как ее материально поддержит Германия»[1]. По сути, Второе бюро подтверждало, что польский Генштаб, угрожая шантажировать Францию, наложил вето на углубление отношений между Францией и СССР, которое было необходимо для улучшения безопасности Франции и защиты ее от нацистской Германии. Ни одна на самом деле великая держава не допустила бы развитие подобной ситуации. К сожалению, в 1936 году после кризиса в Рейнской области Франция утратила свой статус великой державы и потеряла доверие восточных союзников, которые стали пытаться заключить мир с Берлином. Подобные аргументы, которые приводил Даладье (и такие, как он), были аргументами капитулянтов, которые неизбежно привели Францию к краху.

Потёмкин и Кулондр

Когда Потёмкин был послом в Париже, он много работал над укреплением советско-французских отношений. Будет ли он поступать так же в Москве? Кулондр хотел прояснить этот вопрос и встретился с ним в июне 1937 года после смены правительства в Париже. Наверно, Кулон-

[1] Répercussions possibles d'un contact militaire franco-soviétique sur l'alliance franco-polonaise // ÉMA, 2e Bureau — SAÉ. (probably June 1937) // SHAT 7N 3143.

дру было очень страшно затевать этот разговор. Не сразу, сначала надо было разобраться с текущими делами. Кулондр рассказал, что часть послов отозвали в Париж для того, чтобы они посвятили новый кабинет во внешнеполитические дела. Его непременно начнут расспрашивать про чистки и казни старшего офицерского состава, поэтому он попросил Потёмкина объяснить, что происходит. Конечно, Кулондр был очень вежлив, дал понять, что все очень волнуются из-за антифранцузских пронемецких интриг в Москве. После этого последовала пугающая часть разговора.

«Я ответил Кулондру, — написал Потёмкин в своем дневнике, — что, в качестве объективного наблюдателя нашей внутренней жизни, он не может не засвидетельствовать своему правительству единодушной и горячей поддержки, которую оказала вся страна советскому правительству в деле ликвидации троцкистов, агентов Гитлера и Японии, шпионов международного фашизма и изменников родине и присяге, как Тухачевский и его банда. В стране господствует полное спокойствие. Созидательная работа продолжается с неослабевающей энергией. Решительность и твердость, с которыми правительство уничтожает изменников, невзирая на положение, которое они занимали...» Было ощущение, что Потёмкин заранее заготовил ответ, и дальше он продолжал в том же русле. Последовал долгий монолог.

«Я рассказал Кулондру, как, несколько месяцев тому назад, Даладье, в конфиденциальной порядке, сигнализировал мне, что представители рейхсвера хвастаются своими связями с представителями высшего командования Красной армии. По сведениям Даладье, немецкие генералы рассчитывали осуществить, при содействии своих сообщников из среды военачальников Красной армии, фашистский государственный переворот в СССР, после чего надеялись заключить с новым российским правительством военный союз против Франции. Сообщения Даладье частично подтвердились. Однако, решительная расправа с агентурой Гитлера в среде командиров Красной армии не может не дать удовлетворения нашим друзьям во Франции, как лучшее доказательство несокрушимой прочности нашего строя и неизменности нашего внешнеполитического курса. Я полагаю, что Кулондр именно в этом смысле должен был бы объяснить своему правительству истинный смысл последних событий в нашей внутриполитической жизни».

Но как мог это сделать Кулондр, неожиданно для себя узнавший о демарше Даладье? Не существует доказательств того, что Даладье что-то кому-то рассказал (тем более Кулондру) о своем разговоре с Потёмкиным. Мы можем лишь предположить, что означает отсутствие документов с французской стороны, свидетельствующих об этом поступке. Было ли это счастливое стечение обстоятельств — просто потерялся или был уни-

чтожен документ — или же уловка Даладье была настолько грязной, что он не хотел, чтобы кто-то об этом знал? В любом случае, Потёмкин сообщил Кулондру, что советская политика осталась неизменной. Речь все еще шла об общей безопасности и взаимной помощи. По словам Потёмкина, Кулондр выслушал его «с чрезвычайным вниманием», сказал, что передаст все, что узнал, своему правительству, а также выразил надежду, что таким образом можно будет успокоить Париж[1]. Можно только догадываться, как бегали мысли в голове у Кулондра, когда он с непроницаемым лицом настоящего дипломата слушал подробности демарша Даладье.

Записал ли Кулондр свой разговор с Потёмкиным? Не сразу. Однако он сообщил о нем в депеше, отправленной через пять дней. Вот что он написал:

«Вначале я [говорит Потёмкин] напомню о том, что привлекло ваше внимание. В прошлом феврале на званом ужине член вашего правительства отвел меня в сторону и сказал, что хочет поговорить со мной как мужчина с мужчиной. Он сообщил следующее: «В соответствии с разведданными, полученными Вторым бюро нашего Генштаба, немецкое Верховное командование поддерживает тайную связь с некоторыми командирами Красной армии с целью организовать военный переворот в СССР и в итоге заключить советско-немецкий союз. Теперь вы знаете, добавил Потёмкин, причину и итог наших действий»».

В остальном Кулондр в своем отчете повторяет слова замнаркома.

— Вы теперь довольны? — спросил Потёмкин с легкой улыбкой после того, как закончил свой рассказ.

— Да, — ответил Кулондр. Однако он выразил некоторые сомнения относительно того, какой «шок» пережила Красная армия, узнав, что некоторые из ее командиров были «предателями».

Кулондр тогда высказал свое личное мнение Дельбосу, все еще занимавшему пост министра иностранных дел. Он не знал, что делать с заявлением Потёмкина. Он не хотел оспаривать данную информацию, но предполагал, что в Париже могут захотеть проверить советские предположения. Также Кулондр не хотел подвергать сомнению рассказ Потёмкина. «Я считаю его честным человеком и настоящим профессионалом». Однако у Кулондра сложилось впечатление, что Потёмкин пытался убедить самого себя в верности своих слов. Он ссылался на Второе бюро, которое высказало «предположение» о вине Тухачевского, но не предоставило доказательств. Как видно из расшифрованных данных, невозможно найти никакой информации о советско-немецкой «тайной связи» во Втором бюро. По мнению Кулондра, чтобы создать доказательную базу, необходимы доказа-

---

[1] Запись беседы с Р. Кулондром. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 23 июня 1937 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 7–4.

тельства того, что Тухачевский лично или через посредников контактировал с немецкой стороной, что не действовал по приказу и что эти контакты включали в себя переговоры, которые можно было бы расценить как предательство. Кулондр продолжил формулировать свои взгляды на бумаге. Он ссылался на недавние слухи о возможном сближении СССР и Германии, что, как читатель уже понял, всегда волновало французских и британских руководителей. Однако слухи о сближении не были доказательством или даже предположением о наличии доказательства предательства. Литвинов сам предлагал сохранить торговые отношения с нацистской Германией на определенном уровне, чтобы избежать разрыва дипломатических отношений с Берлином. Советские источники могли распускать такие слухи, чтобы правительства Франции и Великобритании не считали сотрудничество с СССР чем-то само собой разумеющимся. Кулондр все еще не верил в обвинения, выдвинутые против Тухачевского и его коллег. Для него чистка была частью внутриполитических интриг и показателем того, что для Сталина эти соображения были важнее всех других[1]. Это интересное наблюдение, так как Сталин в своей борьбе за власть часто ставил личный интерес выше интересов государства[2]. Точнее, не совсем так. Сталин всегда рассуждал логично. Он считал, что в правительстве все зависело от него, и что выживание СССР было равно его выживанию.

В записях разговоров Потёмкина и Кулондра наблюдаются любопытные расхождения. В телеграмме Потёмкина, отправленной в Москву 17 марта 1937 года, он ссылается на встречу с Даладье у него в офисе, организованную по его приглашению, а не на случайную встречу на приеме в феврале. В отчете Кулондра не говорится о Даладье, а лишь сообщается, что Потёмкин упомянул «члена вашего правительства». Кому мы будем верить? Осторожничал ли Кулондр и не называл имени Даладье из-за соображений безопасности или потому что не знал, кто в курсе этой истории в Париже? Он сообщил, что, по его личным впечатлениям, Потёмкин пытается сам себя убедить в виновности Тухачевского. Кулондр проявил проницательность, ведь Потёмкин сказал Даладье в марте, что он не воспринимает всерьез французские источники, так как они связаны с белогвардейцами. Но Даладье тогда сказал, что у него нет более точной информации. Потёмкин не осмелился бы сомневаться в правдивости обвинений, выдвинутых Сталиным.

В депеше Кулондра есть анонимная приписка на полях, в которой говорится, что по Москве «настойчиво» ходили слухи о том, что Тухачевского и его коллег арестовали «по указанию французского Генерального штаба». А затем говорилось: «Один раз мне даже позвонил американский жур-

---

[1] Coulondre. No. 178. 28 June 1937 // DDF, 2e. Vol. VI. P. 225–228.

[2] См. напр., *Карлей М. Дж.* Тайная война: Запад против России 1917–1930. М.: ИстЛит, 2019 и др.

налист и спросил, действительно ли мое посольство предоставило советскому правительству доказательства их вины»[1]. Неудивительно, что по Москве ходили такие слухи, поскольку их источник хотел бы добавить законности советским обвинениям. Слухи были наполовину правдой. Источником выступал Даладье, а передавал информацию в Москву полпред Потёмкин. Он, как положено, отчитывался перед Народным комиссариатом иностранных дел и напрямую перед Сталиным. Если Сталин искал доказательства вины Тухачевского, то (дез)информация Даладье прекрасно ему подходила.

Знал ли кто-то во французском правительстве о демарше Даладье? Гамелен или Швайсгут? В дневнике Швайсгута ничего не говорится о встрече Даладье и Потёмкина. Неудивительно, учитывая, что могли бы подумать, сказать или сделать другие члены правительства, попади им в руки такая информация. Даладье пытался не дать хода переговорам между штабами Франции и СССР, которые поддерживали другие члены правительства, в том числе Блюм и Кот. Представьте реакцию Кота, если бы он об этом узнал. Он бы обвинил Даладье в предательстве или даже в государственной измене. Утечка могла бы закончиться катастрофой и привести к самому ужасному варианту развития событий. Литвинову было все равно, кто и что знал в Париже. Он писал новому полпреду в Париже Сурицу, кратко поясняя, что «Я не знаю, известно ли Вам, что Даладье как-то в разговоре с Потёмкиным предупредил его, что по сведениям французской разведки, немецкий рейхсвер хвастал тем, что у него имеется агентура в верхушке Красной армии. При случае можно напомнить Блюму и Дельбосу об этом предостережении. Это уменьшит их пыл и несколько успокоит»[2]. Литвинов полагал, что Блюм и Дельбос непременно должны быть в курсе, однако, кажется, они ничего не знали.

Потёмкин проинформировал Сурица о последствиях чистки в рядах высшего командования РККА.

«Как Вы знаете, ликвидация военно-фашистской банды Тухачевского и его единомышленников была весьма широко использована враждебной нам иностранной прессой, для попыток дискредитировать прочность нашего режима и мощь Красной армии. Вся буржуазная печать злорадствовала по этому поводу, особенно же усердствовала, по вполне понятным причинам, печать таких стран, как Германия, Италия, Польша и т. д. Тактической задачей фашистских писак было — внушить международно-политическим партнерам СССР сомнение в ценности сотрудничества с нами и, тем самым, содействовать пересмотру их ориентации в сторону сближе-

---

[1] DDF, 2e. Vol. VI. P. 227, n. 1.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 21 июня 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 109. Л. 35.

ния с государствами враждебного нам лагеря. По-видимому, эта агитация уже приносит кое-где свои плоды».

Потёмкин упомянул о разговоре между турецким послом в Париже Суадом Давазом и одним из заместителей Гамелена. «Этот генерал заявил Суаду, что Франция должна поздравить себя с тем, что воздержалась от заключения с нами военного союза. Всякому де очевидно сейчас, как мало можно положиться на армию, в которой высшее командование изобличается в национальной измене. Из этого разговора Суад делает вывод, что франко-советскому пакту в глазах руководящих политических кругов Франции нанесен непоправимый удар». Дельбос, видимо, думал так же. Похожие истории рассказывали источники из Великобритании, Чехословакии и Румынии[1]. Конечно, можно задать вопрос: а чего ожидал Потёмкин? Учитывая обстоятельства, в которых арестовать могли из-за одного неверного слова, сказанного в неудачный день, что еще мог сказать Потёмкин? Он инструктировал Сурица, что тот должен пытаться противостоять негативной реакции на исчезновение Тухачевского и его коллег. Как видно из его слов, советское правительство все еще хотело действовать исходя из соображений общей безопасности и взаимопомощи в свете угрозы со стороны нацистской Германии. Однако, когда Сергей Сергеевич Александровский, полпред в Праге, рекомендовал опубликовать больше информации о «ликвидации предателей и шпионов», Потёмкин ответил ему отказом. Достаточно того, что уже опубликовано. Остальное будет «избыточным» и «даже вредным»[2].

Делая вывод задним числом (это был декабрь 1937 года), Этьен де Круи-Шанель, личный секретарь Леже, высказался по поводу пакта с СССР и заявил, что «даже до казни советских генералов... у французского правительства никогда не было намерения соглашаться на что-либо мало-мальски обязывающее...». Пакт был бы ценен для Франции, только если Красная армия могла бы «пойти в наступление за пределами своих собственных границ и, в особенности, пришла бы на помощь Чехословакии в случае, если бы на нее напала Германия». Это было весьма забавное замечание, так как французская армия, не говоря уже о британской (которая не могла бы сражаться в Европе), не планировала идти в наступление за пределами своих собственных границ, чтобы помочь Чехословакии или СССР. Круи проецировал слабость Франции на СССР, но какую услугу могла бы оказать Франция в ответ на советскую помощь? Советская сторона всегда задавала эти вопросы, а Франция никогда на них не отвечала. Советско-французские отношения были, если поправить известную эпиграмму, комедией, обернутой иронией внутри трагедии.

---

[1] В. П. Потёмкин — Я. З. Сурицу. 21 июля 1937 г. // Там же. Л. 36–38.

[2] В. П. Потёмкин — С. С. Александровскому. 11 августа 1937 г. // АВПРФ. Ф. 0138. Оп. 18. П. 126. Д. 1. Л. 33–32.

ГЛАВА V

ПОПЫТКИ СПРАВИТЬСЯ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ПРОИЗОШЕДШЕГО, ИЮНЬ — ДЕКАБРЬ 1937 ГОДА

Репрессии в отношении командного состава Красной армии, казнь Тухачевского и других командиров вызвали негативную реакцию на Западе и особенно во Франции. Они были идеальным предлогом для срыва штабных переговоров, однако не стали его непосредственной причиной. Командование французской армии вело себя очень сдержанно практически с того момента, как Лаваль поднял этот вопрос во время разговора со Сталиным в Москве. О реакции Даладье на новость о казни Тухачевского можно только догадываться, задаваясь тем же вопросом, о котором наверняка размышлял и сам Даладье: способствовал ли этому событию его разговор с Потёмкиным в марте? Казалось ли ему, что он взял на себя слишком много? Или, может, он был доволен успехом своей интриги? Судя по всему, информация, которой обладал Даладье, была подброшена советскими агентами. По заданию Сталина Лаврентий Павлович Берия отправил в Париж дальнего родственника своей жены — врача Гегечкори, чтобы тот распространял среди меньшевиков слухи о готовящемся в Москве военном перевороте[1]. Сообщалось также, что какой-то советский агент передал немецким источникам фальшивые сведения, которыми те охотно воспользовались. Этим объясняется и то, откуда получал свои донесения Бенеш. Таким образом, информация, которой обладала французская сторона, происходила из СССР (во всяком случае, частично), а Даладье лишь передал ее обратно в Москву через Потёмкина. Похоже, что Сталин сам сфабриковал заговор, чтобы избавиться от Тухачевского и других командиров Красной армии, которых он в чем-то подозревал.

[1] *Kotkin S.* Stalin... P. 378.

Мало кто во французском правительстве был обеспокоен репрессиями против старых большевиков; по крайней мере, никто из членов правительства не отреагировал на это в письменном виде. Но генералы — совсем другое дело. Французы были склонны воспринимать отношения с Советским Союзом как должное и полагали, что в случае войны с нацистской Германией он останется на их стороне. Генералы любили порассуждать о том, что может сделать Красная армия для них, но не о том, что они могут сделать для Красной армии. Это была улица с односторонним движением. И вот теперь чистки в рядах высшего командования поставили под сомнение (по крайней мере, такое создавалось впечатление) удобную веру в то, что на Красную армию можно рассчитывать в случае войны.

Дело Островского

Кто знает, что на самом деле думал Литвинов о волне кровавого террора, которая уже подступала вплотную и к самому НКИД. После показательного суда над Зиновьевым и Каменевым Михаил Островский, который в то время был в отпуске в Москве, спросил Литвинова, не следует ли его «как бывшего троцкиста» отозвать из Бухареста. Литвинову ничего не оставалось, как поднять этот вопрос в разговоре со Сталиным в феврале 1937 года, за несколько месяцев до ареста Тухачевского. Литвинов навел справки и обнаружил, что никто не высказывал относительно Островского никаких опасений, а потому нарком, как он сам затем проинформировал Сталина, не рекомендовал Островскому оставлять свой пост. Это и неудивительно: Островский установил в Бухаресте, в относительно враждебной по отношению к СССР среде замечательную сеть контактов. Он хорошо ладил с Титулеску — настолько хорошо, что румынский министр иностранных дел доверял Островскому больше, чем своим коллегам по министерству. Пока существовала возможность взаимопомощи, Бухарест оставался важнейшим звеном внешней и оборонной политики СССР в Европе. Одним словом, Островский хорошо справлялся со своей работой, и Литвинов не хотел его терять.

В январе 1937 года Островский вновь написал Литвинову, что побудило последнего поднять этот вопрос в переписке со Сталиным. Литвинов писал, что заменить Островского «нам крайне трудно»: количество сотрудников НКИД, владеющих иностранными языками, сокращается, а в Бухаресте свободное владение французским просто необходимо. Литвинов привел отрывок из недавнего письма Островского. «Я никогда не был троцкистом, — писал Островский Литвинову, — в точном смысле этого слова, так как никогда не вел антипартийной работы, никогда не участвовал ни в каких фракционных антипартийных группировках, никогда не

вел фракционной работы. Остается, однако, верным тот факт, который из моей партийной жизни не вычеркнешь, что в дискуссию 23 года я голосовал за резолюцию троцкистов». Эти слова могут показаться наивными. Островский не то чтобы предлагал добровольно положить голову на плаху, нет, он хотел работать «в Союзе», но можно предположить, что он просто не представлял себе, что происходило у него на родине. Сталин был готов расправиться даже с самыми преданными из чиновников и командиров советского государства. Достаточно было иметь хоть какое-то отношение к Троцкому или даже быть просто заподозренным в каком-либо отношении к нему. Тем не менее, Литвинов делал все, чтобы оставить своего полпреда на посту в Бухаресте: «Островский, по-моему, неплохо себя зарекомендовал в Бухаресте, имеет недурные связи, и вся проделанная им работа пропадет даром, если на его место приедет новый человек. Я просил бы поэтому, если против Островского действительно не имеется решительно никаких подозрений, разрешить мне написать ему, со ссылкой на ЦК, что он по-прежнему пользуется доверием партии и что нет никаких оснований для его ухода с заграничной работы»[1].

Через несколько дней Литвинову сообщили, что Сталин желает, чтобы Островский вернулся в Москву. Литвинов снова попробовал вмешаться. Он настаивал на том, чтобы позволить Островскому пока остаться в Бухаресте. Заменить его было некому. По словам Литвинова, пришлось бы закрыть посольство или, что еще хуже, оставить его под руководством неопытного сотрудника, который может наделать ошибок[2]. Этот аргумент дал Островскому немного времени — еще год. Другим повезло меньше — если, конечно, для Островского это было везением.

Перестановки во французском правительстве

Репрессии в отношении высшего командования Красной армии положили конец советско-французскому сближению, за которое выступал Эррио. Лаваль погасил импульс сближения, и даже когда Фланден и Сарро пытались реабилитировать отношения между странами во время ратификации пакта в Палате депутатов в феврале — марте 1936 года, у них ничего не вышло. Последним ударом стал срыв штабных переговоров — советско-французские отношения так и не наладились вплоть до лета 1939 года. Тем временем правительство Блюма пало, и 21 июня 1937 года был создан новый кабинет под руководством радикального социалиста Камиля Шотана.

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 5 февраля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 126. Д. 1. Л. 21–22. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову, Г. К. Орджоникидзе.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 11 февраля 1937 г. // Там же. Л. 43.

Блюм остался в составе Кабинета министров в качестве вице-председателя Совета министров, фактически поменявшись местами с Шотаном, который в предыдущем правительстве занимал должность государственного министра. Читатели помнят, что Шотан относился к советско-французскому сближению довольно прохладно. Пьер Кот и Жан Зей все еще оставались на своих постах, однако свои должности сохранили и Даладье, и Фор, и Дельбос. В итоге правительство сдвинулось вправо. Сарро занял пост государственного министра. Для отношений с Москвой это было не то чтобы плохо. Просто эти отношения уже были разрушены, от них оставалась одна только видимость, и восстанавливать было просто нечего.

Новый премьер-министр Великобритании

За несколько недель до падения правительства Блюма в британском правительстве тоже произошли перемены: в мае 1937 года Стэнли Болдуина на посту премьер-министра сменил Невилл Чемберлен, занимавший до этого пост канцлера Казначейства (министра финансов). Правда, больших перестановок в Кабинете министров за этим не последовало: Иден остался государственным секретарем по иностранным делам, а Ванситтарт — его постоянным заместителем. Литвинов не мог не задаваться вопросом о том, изменится ли британская внешняя политика при новом премьер-министре: Дэвид Ллойд Джордж, не питавший к Чемберлену особенно теплых чувств, сказал полпреду в Лондоне Ивану Майскому, что первоочередной задачей будет «организация западной безопасности в порядке соглашения с Германией и Италией во что бы то ни стало. В отношении Центральной и Юго-Восточной Европы удовольствоваться туманными обещаниями Гитлера о ненападении с оставлением СССР в стороне. Чемберлен рассчитывает, что проведение этой комбинации даст ему хорошие шансы на предстоящих выборах и обеспечит консерваторам власть на дальнейшие пять лет. Иден будто бы не разделяет этой политики, но не в состоянии проводить свою собственную линию»[1].

Таким образом, уже наметились первые признаки проблем, источником которых могла стать политика британского правительства в отношении нацистской Германии.

На самом деле оценка Ллойдом Джорджем британского правительства и ситуации в Европе была гораздо пессимистичней, чем мнение, высказанное Литвиновым в сообщении Сурицу. Ллойд Джордж и Чемберлен терпеть не могли друг друга, поэтому нельзя было ожидать в этом случае строгой аналитической объективности. Говоря с Майским о британском

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 4 июля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 109. Л. 39–40.

правительстве, Ллойд Джордж не скрывал своего презрения. Его рассуждения полны сарказма. Так называемое правительство, по его мнению, состояло из бездарей и «сопляков». Могло ли такое правительство защитить британские интересы? По мнению Ллойда Джорджа, на это не было никаких шансов. Все они были «жалкие трусы». Ллойд Джордж не жалел презрительных слов и для Блюма с Шотаном. Им противостояли крутые парни в лице Гитлера и Муссолини — те, кто хорошо знал, как добиться своего. Они не просили, а просто брали то, что им нужно. Грубая сила, наглость и запугивание — таков был их метод. Были ли лидеры Франции и Великобритании готовы противостоять «фашистским диктаторам»? Ллойд Джордж задает этот риторический вопрос и сам себе отвечает: «Какая чепуха!» Вот если бы премьер-министром был Черчилль, он бы знал, что делать, «но консерваторы до смерти боятся пустить Черчилля в правительство». Всем заправляли «сопляки». Но и оппозиция была немногим лучше. Она была «лишь придатком» Консервативной партии, это люди с менталитетом рабов: стоит щелкнуть кнутом, и они покорно встанут в строй. Ллойд Джордж представил Майскому довольно безнадежную картину. Исключением, по его мнению, был только Черчилль. Ллойд Джордж признался, что испытывает чувство вины и за себя: во время прошлогоднего визита Гитлер обвел его вокруг пальца. Но Гражданская война в Испании открыла ему глаза: Гитлер — предатель, и ждать от него приверженности каким бы то ни было соглашениям бесполезно[1].

Плохие новости поступали даже из тех столиц, от которых можно было бы ожидать и более теплого отношения к СССР — например, из Праги. Британцы подталкивали чехословацкое правительство пойти на уступки немецкому населению Судетской области. В телеграмме Майскому Потёмкин отмечал, что британская дипломатия ведет активную деятельность в пользу Германии и против СССР в Центральной и Юго-Восточной Европе. Как сообщал Потёмкин, у НКИД также имелась достоверная информация о том, что британцы пытались «дискредитировать» советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи[2]. Эти новые данные, казалось, подтверждали то, что Ллойд Джордж сказал Майскому всего неделю назад.

Майский сообщал из Лондона аналогичные новости: «Могу сообщить, что в течение последних 2–3 месяцев, со времени прогерманского “крена” в анг[лийской] политике, в кругах Форин-офиса действительно наблюдается известная сдержанность и настороженность по отношению к нам,

---

[1] Запись беседы И. М. Майского с Д. Ллойд Джорджем 1 июля 1937 года. 7 июля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 129. Д. 25. Л. 149–158. Опубл.: *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1: 1934 — 3.09.1939 года. С. 166–171.

[2] В. П. Потёмкин — И. М. Майскому. 7 июля 1937 г. // ДВП. Т. XX. С. 363.

чего раньше не было. Процесс Тухачевского и К° явился дальнейшим толчком в том же направлении. Вы знаете, конечно, о той антисоветской кампании, которая в связи с этим делом вспыхнула на страницах газет, а также нашла свое выражение в политических и общественных кругах. Сейчас эта кампания прошла, но далеко не все следы ее изжиты».

Майский отмечал, что хорошую услугу репутации Советского Союза оказал трансполярный перелет советских авиаторов В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова, А. В. Белякова из СССР в штат Вашингтон. Известие о нем временно заглушило антисоветскую кампанию в прессе, хотя и не везде. Были еще «германофильские элементы в Лондоне», которые «размазывать» СССР, утверждая, что лучше и проще «договориться с Германией». Не стоит забывать и про Форин-офис, где говорили, что дело Тухачевского ударило по восприятию СССР в качестве военно-политического фактора в Европе. Впрочем, помощник постоянного унтер-секретаря Сарджент всегда был категорически против сотрудничества с СССР против нацистской Германии. Майский заявил, что сделает все возможное, чтобы противостоять негативному освещению в СМИ событий в СССР[1].

Майский о Чемберлене

29 июля у Майского состоялась продолжительная беседа с Чемберленом. В целом ее содержание было вполне ожидаемым: Чемберлен говорил о «умиротворении» напряженности в Испании и улучшении отношений с нацистской Германией. «Я в этом сомневаюсь», — прокомментировал Майский позицию премьер-министра. Казалось, Чемберлен занял примирительную, совсем не агрессивную позицию. «Общее впечатление от разговора с Ч[емберленом] сводится у меня к тому, что сейчас он серьезно носится с идеей пакта четырех и организации западной безопасности, будучи готов для достижения этой цели идти далеко навстречу Германии и Италии». Если ему не удастся добиться подобных соглашений, думал Майский, он может проявить по отношению к фашистским державам больше жесткости, чем Болдуин[2]. Это оказалось ошибочным впечатлением, и от такого мнения вскоре пришлось отказаться. Литвинов не придал большого значения замечанию Майского. «Боюсь, однако, — писал он Сурицу, — что Чемберлен в душе уже решил обязательно договориться с...»[3]

---

[1] И. М. Майский — В. П. Потёмкину. 8 июля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 129. Д. 25. Л. 179–180.

[2] Запись беседы И. М. Майского с Н. Чемберленом. 29 июля 1937 года // *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. С. 175–177.

[3] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 4 августа 1937 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 10–8.

К началу августа Майский составил собственное мнение о Чемберлене.

«Новый премьер, конечно, значительно уступает Болдуину в интеллектуальном отношении. В Чемберлене нет ничего яркого, глубокого или выдающегося. Он — человек среднего масштаба, как и все остальные члены кабинета (нынешнее британское правительство не без основания называют “правительством посредственностей”); его кругозор ограничен, в нем мало гибкости. Как оратор, он сух, а как государственный человек — лишен живости и воображения. В здешних политических кругах про Чемберлена говорят, что он был бы “прекрасным мэром города в тощий год”, — мэром исполнительным, аккуратным и экономным, прежде всего экономным. Его нередко называют также “бухгалтером в политике”. Ллойд Джордж в недавних парламентских дебатах ядовито обозвал премьера “рыбой с холодной головой”. Все это в общем правильно, но у Чемберлена имеется одно достоинство, которого не хватало Болдуину, — воля. Он несомненно волевой человек, энергичный, откровенный... откровенный до бестактности».

Чемберлен мог незаслуженно обидеть. Так, он подставил Идена, не поддержав его инициативу, когда тот хотел ввести жесткие санкции Лиги Наций против Италии во время Абиссинского кризиса. «Санкции — это безумие», — сказал он как-то в своей речи во время официального обеда в Лондоне. Что Чемберлен знал о международных отношениях? По словам Майского, не так уж и много.

«Несмотря, однако, на то, что все прошлое Чемберлена теснейшим образом связано с промышленностью и финансами, и что никакой международно-политической тренировки у него нет, новый премьер, в противоположность своему предшественнику, очень интересуется внешними делами. И не только интересуется, но хочет проявлять во внешней политике максимальную активность. Сомнительно, есть ли у Чемберлена какая-либо определенная внешнеполитическая концепция, однако по своему возрасту (ему 67 лет), по воспитанию, навыкам, традициям и т. д., Чемберлен целиком принадлежит к людям довоенного поколения, когда ни о каких Лигах Наций еще не было слышно, когда война считалась неизбежным свойством человеческой натуры и к каждой конкретной войне подходили с точки зрения хорошего или плохого гешефта. В области внешнеполитической Чемберлен представляет собой фигуру, несомненно сильно отличную от Идена, — более грубую, более примитивную, более циничную. Поскольку Чемберлен проявляет большой интерес к внешней политике, положение и роль Идена значительно ослабляются. У него сейчас меньше свободы действий и меньше возможностей проводить свою линию через кабинет. Я не очень удивился бы, если бы Чемберлен и Иден, в конце кон-

цов, не ужились бы, несмотря на то, что Иден весьма покладистый человек и хочет делать карьеру. Впрочем, пока нет никаких симптомов, предвещающих уход Идена из Министерства иностранных дел. Это только одно из возможных предположений, но оно отнюдь не невероятно, потому что с тех пор, как Чемберлен стал премьером, Форин-офис оказывается оттесненным на задний план. В частности весь англо-итальянский флирт ведется непосредственно Чемберленом, помимо Форин-офиса, и последний, как это свойственно всякому ведомству, уже начинает проявлять известную ревность и известное недовольство самостийностью премьера. Едва ли можно сомневаться, что итальянская политика Чемберлена не находит полной поддержки в Министерстве иностранных дел[1]».

Это была очень точная оценка того, чего можно было ожидать от внешней политики Чемберлена. С точки зрения Майского, новости были плохие.

Французы недовольны

Судя по всему, французы тоже были не в восторге от действий британского правительства, хотя и не из-за Чемберлена. 7 августа Кулондр нанес визит Потёмкину. Он был не в самом лучшем настроении.

«Посол, к моему удивлению, заговорил о недостаточно корректном отношении Англии к своему долгу ближайшего сотрудника и даже союзника Франции. Посол жаловался на то, что Англия не выдерживает линии согласованной англо-французской внешней политики, что она не в первый раз ставит французов перед фактом своих двухсторонних соглашений с такими партнерами, как Германия и Италия (примеры — англо-германское морское соглашение и англо-итальянский средиземноморский пакт), что в особенности, в Комитете по невмешательству эта неустойчивая тактика Англии ставит Францию в ложное положение».

Кулондр отметил, что французская дипломатическая миссия в Лондоне, представленная Шарлем Корбеном, далеко не всегда блестяще справляется с задачей обеспечения политических интересов Франции за рубежом[2]. Должно быть, Потёмкин, слушая жалобы Кулондра на «коварный Альбион», внутренне улыбался и думал про себя: «Добро пожаловать в клуб». Если уж французы не могли рассчитывать на англичан, кто вообще мог на них рассчитывать?

---

[1] И. М. Майский — М. М. Литвинову. 9 августа 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 129. Д. 25. Л. 196–204.

[2] Запись беседы с французским послом Р. Кулондром. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 7 августа 1937 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 16–14.

Это был хороший вопрос, и Кулондр, конечно, был не единственным, у кого был повод жаловаться. Пару месяцев спустя высказался и Корбен, которого англичане уже несколько раз втаптывали в грязь своим неуважительным отношением. На этот раз Майский лично стал свидетелем ситуации, которая вывела французов из себя. Поводом стало решение Чемберлена в середине ноября послать Эдуарда Вуда 3-го виконта Галифакса, тогдашнего лорда-хранителя печати, в Берлин для переговоров с Гитлером. Лорду Галифаксу не было дано никаких четких указаний, не было заранее подготовленной повестки дня — ему нужно было просто поехать в Германию и «прощупать» герра Гитлера. Иден и Ванситтарт выступали категорически против этого визита, посредством которого Чемберлен пытался взять под контроль внешнюю политику. «Коварный Альбион», — записал Майский в своем дневнике. Корбен пожаловался, что его ни о чем не проинформировали, и он узнал о планируемом визите только из газет. В МИД Франции были «страшно раздражены» «двуличностью» британцев. Корбен надеялся, что встреча провалится. «Посмотрим», — записал Майский. Если он в какой-то мере и сочувствовал Корбену, то в своем дневнике об этом не упомянул[1]. Ванситтарт придерживался мнения, что из этого визита ничего не выйдет. Галифакс пообщался с Гитлером, Герингом и другими партийными шишками. 21 ноября он вернулся очень впечатленный, можно даже сказать, загипнотизированный. Он считал, что сумел передать немецким коллегам мысль Чемберлена о необходимости поиска решения проблем в Европе. Но Ванситтарт был прав: из этих встреч не вышло ничего, кроме демонстрации того, как легко член английской правящей элиты может быть загипнотизирован нацизмом. А вот Чемберлену визит в Берлин казался шагом в правильном направлении.

Майский на светских раутах в Лондоне

Черчилль так не считал. Он повстречался с Майским на приеме в честь короля Георга VI и короля Бельгии Леопольда III. С Майским демонстративно не вступали в разговор. Внезапно Черчилль подошел к нему и завел беседу. Затем подошел король Георг и отвел Уинстона в сторону — как будто для того, замечает Майский, чтобы спасти его от общения с презренным большевиком (хотя сами большевики, как, возможно, помнят читатели, не очень-то охотно признавали Майского за своего). Черчилль немного побеседовал с королем, а затем снова вернулся к Майскому, что

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1: 1934 — 3.09.1939 года. Запись от 18 ноября 1937 г. С. 190.

вызвало переполох среди собравшейся английской элиты и приглашенных гостей. На самом деле у Майского и Черчилля было всего лишь несколько минут для серьезного разговора. Уинстон, похоже, преодолел свой страх перед Гражданской войной в Испании и теперь активно выступал за укрепление советско-английских отношений, что он считал необходимым условием для противодействия нацистской Германии. «Германия — главный враг, — сказал он. — Основная задача для всех нас, стоящих на страже мира, это держаться вместе. Иначе мы погибли». Этой же линии придерживался и Бивербрук. Нам нужна сильная Россия, добавил Черчилль. Он был обеспокоен чистками в СССР и напрямую спросил, что происходит. Майский попытался его успокоить: это просто наведение порядка, мы избавляемся от паршивых овец. Правда, таких овец оказалось чертовски много... «Надеюсь, я не следующий в списке», — возможно, думал Майский в этот момент. Естественно, Черчилль отрицательно относился к Троцкому и был более положительно настроен по отношению к Сталину, который «строит сильную Россию». После непродолжительной беседы Черчилль пожал руку «красному дьяволу», несомненно, вызвав тем самым еще большее удивление собравшихся, и перешел к разговору с другими, как это принято на официальных приемах. Нам следует «почаще встречаться», предложил он на прощание[1].

На том же приеме Майский столкнулся с Ллойдом Джорджем, который предложил встретиться в воскресенье в своей загородной резиденции. Была приглашена и жена Майского Агния. Судя по всему, общение Майского и Ллойда Джорджа переходило на уровень личной дружбы. В те выходные у них состоялся долгий разговор о политике. Ллойд Джордж был в хорошем настроении. Сначала они говорили о визите Галифакса в Берлин. Ллойд Джордж заявил, что хотя Чемберлен ещё не принял решения открыто порвать с Лигой Наций, он, тем не менее, отказался от идеи коллективной безопасности и намерен преследовать во внешней политике исключительно интересы Великобритании. На сталинском экземпляре донесения Майского эти строки отмечены красным карандашом. Чемберлен считал очень важным достичь соглашения с Германией и Италией, и ради этого «он готов пожертвовать Испанией, Австрией, Чехословакией и многим другим». Визит Галифакса был первым шагом в этом направлении. Ллойд Джордж рассказал, кто в правительстве был за и против политики Чемберлена. Ванситтарту политика Чемберлена не нравилась, но это

[1] Там же. Запись от 16 ноября 1937 г. С. 187–189; И. М. Майский — в НКИД. 18 ноября 1937 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 253. Д. 1771. Л. 180–182. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... 1937. URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147; ДВП. Т. XX. С. 608–609. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу, Н. И. Ежову.

не означало, что Чемберлен и Форин-офис противостоят друг другу — возможно, потому что Иден не так уж и возражал против соглашения с нацистской Германией. Италия — вот что было яблоком раздора. «Иден человек слишком популярный в стране, и притом не слишком крепкого характера. Его можно “обработать”. А жаль! Если бы Иден, разойдясь с Чемберленом по принципиальным вопросам внешней политики, вышел в отставку, он стал бы одним из самых влиятельных политических деятелей Великобритании». По мнению Ллойда Джорджа, Иден был еще достаточно молод и мог позволить себе дожидаться своего момента. Эти строчки Сталин также отметил красным карандашом. И Майский, и Ллойд Джордж переоценивали Идена.

А вот чего Ллойд Джордж не переоценивал, так это серьезность международной ситуации. Он был «очень озабочен». Перспективы сохранения мира, отмечал он, выглядят туманно. В ближайшее время Германия осуществит аншлюс. Муссолини слишком завяз в Абиссинии и Испании, чтобы сдерживать Гитлера, а в Англии и Франции не так уж много людей, готовых выступить против «самоопределения наций» (также обведено красным карандашом). Судьба Судетской области, таким образом, тоже предопределена. Для Ллойда Джорджа оставался единственный вопрос: что дальше? Что если Гитлер не остановится на этом и захватит славянскую часть Чехословакии или продвинется на Балканы? Это все изменит. В таком случае Британия не сможет остаться в стороне (отмечено красным карандашом). Майский затронул вопрос об опасности идеи немецкой Срединной Европы. Если бы она воплотилась, это не слишком напугало бы «британскую буржуазию» (опять отмечено красным). Но славянские народы Центральной и Восточной Европы не перешли бы на сторону немцев (отмечено красным). Далее разговор продолжался в том же духе. «Ллойд Джордж ругательски ругал французское правительство за его трусость, слабость и излишнее угодничество перед Лондоном. Шотан, Дельбос, Блюм, Даладье, Эррио — все они оказались настоящими “сопляками”». Особое презрение Ллойд Джордж выразил в отношении Дельбоса (снова красный карандаш). «Французское правительство — добавил он, — совершенно недооценивает своих возможностей и угодничает перед Лондонским кабинетом, в то время как оно могло бы требовать от Лондона и добиваться исполнения своих желаний». Покойный Луи Барту был «совсем другой человек». Он умел разговаривать с английскими министрами. Случай с Испанией — наиболее вопиющий пример трусости французов. «Как французское правительство может смотреть на постепенный захват Пиренейского полуострова итало-германским фашизмом?» — Ллойд Джордж явно не сдерживал эмоций. Если Франко победит, Франция по своим сухопутным границам будет окружена фашист-

скими державами. Тогда она погибла. Этот отрывок Сталин также отметил красным.

По мнению Ллойда Джорджа, политика французского правительства в отношении советско-французского пакта была не менее возмутительной. «Вместо того чтобы его всячески укреплять и развивать, оно стыдится пакта и наполовину от него уже отказалось. Совершенное безумие! В случае войны с Германией и Италией кто может спасти Францию? Не Англия, а только СССР. Ибо Англия сможет помочь Франции лишь морской блокадой и своим воздушным флотом, но не сухопутной армией, которой у нее нет [в оригинале подчеркнуто красным. — *М. К.*]. Между тем победа над Германией может быть решена только большой сухопутной армией. Такая армия имеется лишь у СССР».

В ретроспективе совершенно очевидно, что Ллойд Джордж был прав. «Как жаль, — восклицал он, — что умер Барту! Конечно, одного Барту было недостаточно, чтобы французы увидели ситуацию в том свете, в котором, по мнению Ллойда Джорджа, они должны были ее видеть, и было бессмысленно размышлять о том, что могло бы быть, сложись все иначе. В любом случае, Ллойд Джордж был не первым, кто оплакивал преждевременную кончину Барту.

Он сделал еще одно замечание, которое оказалось весьма дальновидным. СССР «непобедим». Его географическое положение, его многочисленное талантливое население, которому советское правительство дает все возможности для получения образования и повышения культуры (снова красный карандаш), «по меньшей мере учетверяет его мощь» и возможности. Его природные и промышленные ресурсы огромны. «Фактически он почти не зависит от остального мира». Ллойд Джордж продолжал расхваливать СССР, словно не зная о том, что там полным ходом идут чистки, или не желая говорить о них. Затем он вернулся к французам, которых нужно было встряхнуть, дав им пощечину. «Будучи столь неуязвимым, я на вашем месте прямо сказал бы французам: довольно играть в бирюльки! Либо мы превращаем пакт в серьезный альянс, либо — до свидания». По мнению Ллойд Джорджа, это заставило бы французов прийти в себя. Вот только на самом деле этого могло и не случиться. Подобный совет в сложившихся обстоятельствах было легко дать, но следовать ему было гораздо сложней. Тем не менее, Сталин тоже отметил этот отрывок красным карандашом. Единственным слабым местом, которое Ллойд Джордж видел в советской обороне, было отсутствие мощного флота, который при необходимости можно было бы развернуть в Средиземном море. Для СССР это было не менее важно, чем для Франции и Великобритании (Сталин отметил красным карандашом и эту строчку). Он надеялся, что советское правительство сделает необходимые выводы из «испанского

урока» и создаст флот, достаточный для защиты своих интересов[1]. Сталин уделил особое внимание записи этого разговора, потому что во время Первой мировой войны Ллойд Джордж весьма эффективно выполнял роль премьер-министра и потому что его идеи соответствовали представлениям о происходящем, которых придерживалась Москва. Эта запись была рассекречена и опубликована в 1976 году, и читатели наверняка понимают, почему: в нем очевидны потрясающая проницательность Ллойда Джорджа и его умение правильно анализировать ситуацию.

Сталин встречается с Леоном Жуо в Москве

Сталину представилась возможность опробовать советы Ллойда Джорджа на Леоне Жуо, главе Всеобщей конфедерации труда — головной организации французских профсоюзов. Жуо был одним из лидеров Народного фронта. Перед поездкой в Москву его проинструктировал Блюм. Основным рефреном слов Жуо было то, что Лондон — Париж — Москва — это ось, призванная противостоять оси Берлин — Рим — Токио. Сотрудничество между Францией и СССР должно быть как можно более тесным, особенно с целью оказать давление на Англию, чтобы она заняла «более решительную» позицию. Хочется спросить, в каком мире жил Жуо. Идея о том, что Франция окажет давление на Англию, на ноябрь 1937 года представлялась смехотворной. Но давайте посмотрим, что Жуо скажет дальше. Руководство Народного фронта, отметил он, обеспокоено вопросом лояльности Французской коммунистической партии правительству. Он также попросил разъяснить позицию Коминтерна по колониальному вопросу. Можно ли сказать, что это только теоретически принятая позиция, которую не обязательно воспринимать всерьез? «Реакционная пресса» использовала ее как предлог для нападок на Советский Союз.

«Вопрос о взаимоотношении партий внутри Народного фронта, — ответил Сталин, — это семейное дело. Что же касается колоний, то Франция прекрасно знает, что не СССР угрожает французским колониям; им угрожают германский и итальянский фашизм и японская военщина». Это был резкий ответ, и в определенной степени правдивый; в то же время, ни для кого не было секретом, что в Индокитае за независимость борются коммунисты. Французские левые во многом неспособны разрешить противоречия в своей собственной политике; колониальную империю нельзя счи-

---

[1] Запись беседы И. М. Майского с Д. Ллойд Джорджем 2 ноября 1937 года. 22 ноября 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 129. Д. 25. Л. 234–239. Экземпляр И. В. Сталина см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 291. Л. 21–26. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

тать «демократией», добавил Сталин, оставив, однако, это без комментариев. «Мы тоже хотели бы улучшения взаимоотношений между Францией и СССР. Но мы не можем понять, прежде всего, как допускает французское правительство ту разнузданную антисоветскую кампанию, особенно по отношению к руководителям советского правительства, которая ведется во французской прессе». Все это продолжается уже двадцать лет, так что мы более или менее привыкли, в шутку добавил Сталин. Но чего мы не можем понять, так это нападок на франко-советский пакт. Советское руководство не позволяет себе подобных выпадов против дружественных ему правительств. Сталин хотел знать, чем это можно объяснить. Не является ли причиной слабость французского правительства? Разговор приобретал серьезный оборот — Сталин подошел к важнейшему вопросу. «Мы не знаем, как Франция смотрит на франко-советский пакт. Мы видим в пакте оборонительный военный союз на случай нападения Германии на Францию или СССР. Что видит в нем Франция — неизвестно». Затем Сталин упомянул о визите Лаваля в мае 1935 года. По его словам, Лаваль находился в этой самой комнате, и когда его спросили, рассматривает ли он этот пакт как оборонительный военный альянс, Лаваль посмотрел на присутствовавшего на встрече Леже, тот посмотрел на Лаваля, а затем Лаваль сказал: «Нет, это мирный пакт».

«Лаваль — жулик», — ответил Жуо.

«Я иногда задаю себе вопрос, — продолжал Сталин, — что нам может дать этот пакт. Можем ли мы рассчитывать на какую-нибудь помощь со стороны Франции в случае нападения на нас, если Франция ведет себя так по отношению к нам». Это было необычайно откровенное заявление. Разговор Сталина с Жуо уже не был обычной вежливой беседой. Присутствовавшие на встрече Молотов и Ворошилов, должно быть, задавались тем же вопросом. Эту проблему поднимал и полковник де Голль: на кого можем рассчитывать мы в случае нападения, и кто может рассчитывать на нас? Возникает вопрос, был ли Жуо тем человеком, которому можно было поручить донести эту мысль до правительства в Париже. Передал ли он эти вопросы Блюму, нам неизвестно. Что мы знаем точно, так это что даже если вопросы Сталина дошли до французского правительства, толку от этого не было.

Тем не менее разговор на этом не закончился. Сталин задал еще один вопрос: «Это — вопрос о фашизме во Франции».

По словам Жуо, «фашистская опасность во Франции вовсе не так велика, как это себе представляют» и «что Франция никогда не будет фашистской». Фашисты «сделали себя посмешищем в глазах народа».

«Гитлер тоже был посмешищем, — отметил Ворошилов, — в свое время».

«Но Франция, — ответил Жуо, — не Германия».

«Я знаю, что Франция — не Германия, — сказал Сталин. — Но фашизм нужно бить пока он еще не стал силен».

Жуо начал было возражать, но снова вмешался Ворошилов. Он задал вопрос о том, насколько распространен фашизм во французском офицерском корпусе.

«Никогда наша армия не выступит против народа. Наши генералы преданы республике».

В ответ Сталин, по сути, выразил сомнение, и Молотов его поддержал. Оба сказали, что фашизм необходимо раздавить в зародыше, «пока не поздно».

Жуо «ерзает на стуле», явно чувствуя себя неловко. Он повторил свою точку зрения, что французский фашизм слишком слаб, чтобы быть опасным, и добавил, что ведь Франция, в конце концов, поддерживает испанских республиканцев.

Для Сталина это было уж слишком, и он «резко перебивает»: «Франция ничем не помогает республиканской Испании».

Это было почти правдой, если не считать тайной помощи, организованной Блюмом, о которой Жуо, возможно, не был проинформирован. Тем не менее он попытался защититься, сославшись не на правительство, а на профсоюзные организации. Разговор в таком ключе становился слишком неудобным для Жуо, обычного профсоюзного деятеля, которому пришлось столкнуться с матерыми большевиками, и оставшаяся часть беседы прошла в более нейтральном тоне[1]. Здесь нужно подчеркнуть, что Сталин и его коллеги пытались таким образом передать в Париж важное послание, однако Жуо либо не донес его до адресата, либо получение не было зафиксировано документально.

Британское соглашение с Гитлером любой ценой

Вернемся в Лондон. После отчета о разговоре с Ллойдом Джорджем Майский передал в Москву еще более плохие вести. «Я уже не раз сообщал Вам о планах Чемберлена в области внешней политики: он хочет во что бы то ни стало договориться с Германией и Италией о какой-либо форме “западной безопасности” и затем в роли “умиротворителя Европы” пойти на выборы для того, чтобы закрепить власть за своей партией еще на 5 лет».

---

[1] Запись беседы с Л. Жуо в конце ноября 1937 г. Участвовали: тт. И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. Жуо. Разговор продолжался с 10 до 12 часов дня // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 390. Л. 56–59. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

«Иден против этой политики, как близорукой и слишком бьющей в лицо всем принципам Лиги Наций. Факт разногласий между премьером и министром иностранных дел по вопросу о “генеральной линии” британской политики не подлежит сомнению. Однако Иден недостаточно крупен, недостаточно самостоятелен и тверд для того, чтобы быть в состоянии преодолеть линию Чемберлена. Идена поддерживают подающие надежды, но еще не очень влиятельные “молодые” консерваторы, в роде Даф-Купера, Элиота, Стэнли, а также кое-кто из национал-либералов, как, например, Хор-Белиша, и из национал-лейбористов, как, например, лорд Делавар. Наоборот, Чемберлен встречает поддержку своей линии среди более влиятельных “стариков”, вроде Галифакса, Саймона и Хора, причем у двоих последних соображения общеполитического характера перемешиваются с соображениями личной вражды к Идену. В итоге линия Чемберлена, в конце концов, оказывается превалирующей, но ее осуществление на практике до известной степени тормозится сопротивлением группы Идена. Слух о том, что будто бы Чемберлен собирается заменить Идена кем-либо другим, в частности Галифаксом, я принимаю с большой осторожностью. Трудно поверить, чтобы Чемберлен рискнул расстаться с Иденом, как секретарем по иностранным делам, ибо Иден, несмотря ни на что, очень популярен в стране и пользуется респектом со стороны оппозиции. Кроме того, к Идену очень хорошо относится весь лондонский дипкорпус, и его имя очень хорошо звучит в ушах французов. Выбросить Идена означало бы нанести сильный удар престижу Кабинета и придать его физиономии уже окончательно реакционный характер, что должно усилить шансы оппозиции. Да и к чему это делать? Несмотря на все свои расхождения с секретарем по иностранным делам, премьер прекрасно знает, что Иден хочет делать карьеру и что в конечном счете с ним можно “поладить”. Иден сделан не из железа, а из довольно мягкой глины, которая без особого труда поддается пальцам искусного мастера».

Оценка Идена, по сути, была верной, но можно ли было сказать то же самое насчет прогноза, что Чемберлен будет стараться избежать раскола с Иденом? Это еще предстояло выяснить.

О внешней политике Чемберлена Майский к тому времени уже составил собственное мнение. Он считал, что новый премьер-министр готов «пожертвовать» республиканской Испанией. «Он готов примириться с германской гегемонией в Центральной и Юго-Восточной Европе, если только она будет проведена в каких-либо не слишком одиозных формах. Он, само собой, пальцем не шевельнул бы для помощи СССР, в случае нападения на него фашистского блока. Вообще Чемберлен был бы готов заплатить в Европе очень большую цену за организацию “западной безопасности”. В своем отступлении перед агрессорами Чемберлен, как мне

кажется, остановился бы и дал бой только на двух проблемах: колонии и господство Англии на море, причем даже в вопросе о колониях он, по-видимому, готов был бы искать компромисса с Гитлером»[1].

Правильные ли выводы сделал Майский в отношении Чемберлена? Как он сам любил говорить, время покажет.

Майский возвращался с банкета в Лондоне, посвященного 20-й годовщине Октябрьской социалистической революции. Это мероприятие заставило его задуматься о том, на чью поддержку «Союз» может рассчитывать в Британии. «На основании многолетнего опыта, — писал он Литвинову, — все больше прихожу к выводу: единственной серьезной и постоянной опорой дружественной политики в отношении СССР здесь, на Британских островах, является только лейбористское движение во всех его формах».

«Все остальные группы, в особенности консервативные и деловые, поддерживающие линию сближения с Советским Союзом, являются лишь довольно неустойчивыми “попутчиками”, легко впадающими в панику и подверженными всякого рода внезапным колебаниям. Это не значит, конечно, что мы не должны всемерно укреплять и усиливать нашего влияния в только что названных группах, — конечно, мы должны это делать и будем делать, но не надо переоценивать их значения. Иными словами, в активе нашей политики в Англии лейбористская оппозиция (включая тред-юнионы) является величиной постоянной, а все остальные “дружественные” группировки — величиной переменной, размеры которой резко колеблются от конъюнктуры»[2].

Майский переоценивал значение Лейбористской партии: многие лейбористы относились к СССР крайне отрицательно. Основная линия советской политики по-прежнему заключалась в том, чтобы находить союзников везде, где возможно, но при этом не забывать об осторожности.

В начале декабря Майский узнал об организованной Чемберленом встрече с лидерами лейбористов Клементом Эттли и Артуром Гринвудом. Премьер-министр хотел поговорить о внешней политике. Незадолго до этого состоялась встреча французского и британского министров, после которой англо-французские отношения стали укрепляться. По мнению Чемберлена, между двумя сторонами существовало единство взглядов, хотя, если взглянуть на вопрос скептически, это могло подразумевать, что французы просто пляшут под дудку Великобритании. Премьер-министр

---

[1] И. М. Майский — М. М. Литвинову. 22 ноября 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 129. Д. 25. Л. 226–233.

[2] И. М. Майский — М. М. Литвинову. 25 ноября 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05, Оп. 17. П. 129. Д. 25. Л. 222–223; *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1: 1934 — 3.09.1939 года. Запись от 25 ноября 1937 г. С. 195.

Иван Михайлович Майский и Энтони Иден на заседании Лиги Наций. 1938 год

утверждал, что британское правительство будет стремиться «к общеевропейскому урегулированию» и в то же время не будет оказывать никакого давления на Францию с целью ослабить или ликвидировать ее пакт о взаимопомощи с СССР. У лидеров лейбористов сложилось впечатление, что Чемберлен не испытывает оптимизма в отношении шансов на успех британской политики и больше думает о том, чтобы выиграть время для перевооружения. Эттли ответил, что рабочее движение ни в коем случае не примет никакого соглашения, которое давало бы Германии «свободу рук» в Центральной и Восточной Европе. «Чемберлен ответил, — сообщал Майский, — что он это принимает к сведению и будет учитывать в дальнейшем»[1]. Впоследствии Майский встретился с Ванситтартом и Корбеном, и оба они в отношении перспектив британской политики были настроены цинично. Корбен сравнил общеевропейское урегулирование с попытками вставить квадратный колышек в круглое отверстие. По мнению Ванситтарта, все рассуждения об этом были чисто гипотетическими: кто мог знать, состоятся ли когда-нибудь какие-нибудь общие переговоры вообще? Май-

[1] И. М. Майский — в НКИД. 1 декабря 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 214. Л. 115–116. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

ский считал, что в этот раз планы Чемберлена встретили сопротивление, следовательно, Иден одержал маленькую победу, однако битва за британскую политику еще далека от завершения, и всё может пойти не так, как надо. «Итог итогов: надо быть на чеку!» — заключал Майский[1].

С кем Польша?

Читатели, вероятно, задаются вопросом, как в этот период советское посольство в Варшаве оценивало политику Польши. Французский Генеральный штаб отмечал «явное усиление польской антироссийской позиции»; было очевидно, что ему придется сделать выбор между СССР и Польшей. Полковник де Голль заявлял, что Польша ведет «двойную игру» и не является надежным союзником.

Возможно, это чистое совпадение, но спустя немногим более двух недель после того, как де Голль высказал это мнение, Яков Христофорович Давтян, полпред в Варшаве, представил доказательства двойной игры Польши в случае таинственного исчезновения грузовых судов, предназначенных для республиканской Испании. Здесь нам нужно немного вернуться в прошлое. 7 января 1937 года мексиканский поверенный в делах Лусиано Хосе Хублан Ривас нанес визит в советское посольство в Варшаве, чтобы обсудить конфиденциальный вопрос. На Давтяна он произвел хорошее впечатление, что это человек «вообще, очень хорошо к нам относящийся и поддерживающий с нами уже давно отношения». Мексика и мексиканцы в целом не играют большой роли в нашем повествовании, и именно поэтому данная история вызывает особый интерес. Позволим Якову Христофоровичу самому рассказать, что произошло. «Он [Хублан], оказывается, закупает здесь у поляков, оружие для испанцев. Формально оружие покупается для Мексики, но поляки знают, что это для Испании. Знает это и Бек. Оружие покупается новое, с заводов — главным образом, артиллерия, пулеметы, винтовки.

Мексиканец платит за оружие больше деньги и поэтому поляки охотно идут на эти сделки. Мексиканец этими сделками даже объясняет рост золотого и валютного запаса в Польском банке в последнее время».

Читатели, возможно, помнят, что эту идею впервые высказал многострадальный Крестинский. Для перевозки оружия в Испанию Хублан нанял семь грузовых судов. «Из этих семи пароходов только один прибыл по назначению. Два из них... по его сведениям, были потоплены немцами в Балтийском море, один... попал к повстанцам, а об остальных трех — нет

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 1 декабря 1937 г. С. 195–201.

никаких сведений». Хублан попросил Давтяна помочь разобраться, что случилось с пропавшими грузовыми судами. Он попытался разузнать что-нибудь через «своих друзей» пепеесовцев (польских социалистов), но тем не удалось ничего выяснить. Суда были загружены в Вестерплатте (польская военная база в Данциге), их официальным пунктом назначения был порт Веракрус. «Я, конечно, сказал, что мне трудно это сделать, ибо нет у меня таких возможностей». Иными словами, такая секретная работа была подходящим делом для военной разведки, но никак не для советского посла. «Но я высказал предположение, что сами поляки могли об этом сообщить немцам или повстанцам. Кроме того, немцы в Данциге легко могли узнать о погрузке пароходов и их выходе в море». Хублан пришел к такому же выводу и заявил, что будущие поставки будут проходить через латвийские порты. Давтян не хотел слишком глубоко вникать в это дело, но у него «создалось впечатление, что у Хублана отсутствует элементарное представление о том, как нужно делать подобные операции. Поскольку поляки получают деньги авансом, им ничего не стоит потом сообщить немецкой агентуре об отправке оружия». Таким образом, как и говорил полковник де Голль, Польша вела двойную игру. Конечно, капитаны кораблей и сами могли продать свой груз мятежникам. Хублан рассказал, что, по слухам, мятежникам были проданы товары с греческого судна «Сильвия». Давтян сообщил о ситуации Литвинову на случай, если тот захочет обсудить ее с мексиканцами в Москве, но счел за лучшее не вмешивать в это дело советское посольство в Варшаве. «Даже поляки, — отметил он, — продают [Мадриду] (несмотря на свое открытое сочувствие мятежникам), и это надо учесть»[1]. Мексиканцы, греки, поляки — все продавали оружие воюющим в Испании сторонам. Война — это «рэкет», как сказал один американский генерал.

В советско-польских отношениях улучшений по-прежнему не было. Отношения были настолько плохими, что Литвинов распорядился опубликовать на эту тему статью в «Известиях». «С Польшей, — писал он редактору, — надо объясняться полностью... Бек утверждает, что Польша оказала услугу миру, нормализовав отношения с Германией. Если бы речь шла только о нормализации отношений, то никто против этого не возражал бы, а, наоборот, приветствовали бы это. Осуждается лишь раболепие Бека перед Германией». Польша, указывал Литвинов, поддерживает линию Германии и отказ от идеи Восточного пакта. Через свои дипломатические службы она проводит во всех столицах антисоветскую политику. В Румынии она ведет интенсивную агитацию не только против СССР, но также против Франции и Чехословакии, систематически борясь против

[1] Я. Х. Давтян — М. М. Литвинову. 7 января 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 133. Д. 81. Л. 6–7.

организации коллективной безопасности. Литвинов заходил все дальше в своих обвинениях польской политики и ее исполнителей. Сдерживаться больше было невозможно[1].

Особенности политики Литвинова в отношении Польши проявлялись также в его противодействии открытию воздушного сообщения между Москвой и Варшавой. Помимо того, что он не видел в этом особой целесообразности с практической точки зрения (пассажирские и почтовые перевозки были незначительными), у него были и соображения военного характера. Настойчивое стремление Польши наладить такое воздушное сообщение можно было объяснить ее желанием изучить и нанести на карту наземные и воздушные маршруты, которые можно было бы использовать в случае войны с СССР. «За» — написали на рекомендации Литвинова Сталин, Молотов, Каганович и Ворошилов[2].

Борис Дмитриевич Виноградов, бывший тогда советником Давтяна, записал два разговора с секретарем французского посольства Анри Гокье. Занимая не самое значительное место в служебной иерархии посольства, Гокье был одним из таких людей, которые любят поговорить, но в то же время норовят оградить себя от ответственности, прося считать все разговоры конфиденциальными. Он пытался разговорить Виноградова на тему советско-германских отношений. Именно в это время, в апреле 1937 года, ходили слухи о сближении двух стран. Гокье, не дождавшись ответа от Виноградова, перешел к излиянию бессвязного потока собственных мыслей (по крайней мере, так это выглядит в пересказе Виноградова), в котором содержались его наблюдения об Англии, Польше и Малой Антанте[3].

В ходе последующей беседы Гокье пришел к выводу, что слухи о советско-германском сближении не обоснованы: такого сближения не желала Германия. И для Польши это большая удача, продолжал он, потому что советско-германское сближение — это то, чего поляки боятся больше всего. Польша политически уязвима, особенно на востоке, где «национальные меньшинства» (прямо не говорилось, кто это, но подразумевались украинцы и белорусы) тянут ее в сторону СССР. Гокье продолжал: «Если бы не Франция и не политическое и экономическое влияние Англии, поляки уже полностью перешли бы на сторону Германии. Франко-польский

---

[1] М. М. Литвинов — в редакцию газеты «Известия» т. И. А. Ковальски. 11 февраля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 133. Д. 80. Л. 1–2. Опубл.: СПО. Т. III. С. 471–472.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 22 марта 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 570. Л. 19–20. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[3] Запись беседы с А. Гокье 11 апреля 1937 года. Выдержка из дневника Б. Д. Виноградова. 12 апреля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 133. Д. 81. Л. 66–69.

союз будет приведен в действие только в случае нападения Германии на Францию или Польшу. Если Франция, не подвергнувшись прямому нападению, выступит, например, на защиту Чехословакии против Германии, Польша не обязана выступать и не выступит.

Если же СССР выступит на защиту Чехословакии, то Польша несомненно присоединится к Германии и примет участие в войне на ее стороне. Поляки считают, что если Красная армия когда-либо вступит на территорию Польши, хотя бы в целях прохода в Чехословакию, то это неизбежно поведет к советизации Польши. Вот почему они решительно против советско-чешского договора и рассматривают его ка провокацию по адресу Польше. С франко-советским договором поляки готовы помириться, поскольку он обеспечивает дружественный нейтралитет СССР в случае участия Польши в войне против Германии в результате неспровоцированного нападения этой последней на Францию. Поляки хотят окружить СССР санитарным и военным кордоном в целях недопущения влияния СССР в Европе и на Балканах. Но этот кордон запирает СССР также и от военной опасности и нападения. Германии так как Польша не намеревается пропустить германские войска через свою территорию и участвовать в военной авантюре против СССР».

Гокье полагал, что Сталин в целом проводит «национальную политику», но в Испанском вопросе советская политика «продиктована Коминтерном»[1]. Однако, как могли заметить читатели, насчет советской политики в отношении Испании он ошибался.

Несколько дней спустя Виноградов разговаривал с одним польским источником, который сообщил о польской политике примерно то же самое. «Ничего нового», подумал, вероятно, Литвинов.

«Польша никогда ни при каких обстоятельствах не обратится за помощью Красной армии. Но Польше не нужна также и германская помощь. Геринг, как правило, по собственной инициативе приезжает в Польшу. Его предложения о совместных агрессивных действиях против СССР польской стороной неизменно отклоняются... Но в Польше боятся военного нападения СССР. Польша была и будет против системы коллективной безопасности, ибо это втянет Польшу в войну и вызовет на сцену Красную армию. Польша не собирается защищать Чехословакию. Впрочем Гитлер едва ли посмеет напасть на чехов».

Вульгарность выражения здесь не от Виноградова. Говоря об амбициях Польши на Балканах, он цитирует польского военного офицера, в словах которого сквозит обычная для поляков самонадеянность, доходящая до

---

[1] Запись беседы с А. Гокье 21 апреля 1937 года. Выдержка из дневника Б. Д. Виноградова. 27 апреля 1937 г. // Там же. Л. 107–112. Опубл.: СПО. Т. III. С. 484–485.

абсурда. Мол, мы можем и с немцами справиться, и в их помощи против Красной армии не нуждаемся. Офицер определенно ошибался насчет Австрии и Чехословакии. Да и насчет немцев тоже. Не сильно заблуждался он только насчет СССР, поскольку верно полагал, что советское руководство не заинтересовано в нападении на Польшу. Тем не менее в Варшаве его позицию мало кто разделял[1].

Характеристика польской политики, которую давал Давтян, тоже особенно не обнадеживала. Не так давно Бек посетил Бухарест, чтобы укрепить отношения, ослабленные при Титулеску. «Поскольку мы знаем хорошо Бека и ту политику сколачивания антисоветского фронта, которую он проводит во всех столицах Европы, нет особой надобности в каких-либо специальных разъяснениях о тех целях, которые преследовала его поездка в Бухарест». Польская пресса ликовала по поводу польско-румынского сближения и бахвалилась тем, что, возможно, скоро будет организован блок прибалтийских стран под руководством Польши. «Таким образом антисоветское острие визита Бека не представляет никакого сомнения — отмечал Давтян, — и никто это уже не считает нужным скрывать. Можно быть вполне уверенным (что для нас было ясно и априори), что Бек не жалел красок в своих разговорах с королем и румынскими министрами, чтобы всячески очернить Советский Союз». Политика Польши все больше направлена на ослабление Малой Антанты и изоляцию Чехословакии. Переход к профашистской ориентации в Югославии и пропольский уклон в Румынии — шаги в одном и том же направлении. Давтян подчеркивает еще два момента: «Польша с азартом включилась в общую германо-итальянскую обработку Румынии, активно исполняя свои обязанности союзника Германии в надежде на свою долю добычи при перекройке карты Дунайского бассейна, в первую очередь, конечно, Чехословакии». Этот комментарий оказался пророческим. Далее Давтян пишет следующее: «Можно без преувеличения сказать, что последний год польская внешняя политика еще больше сомкнулась с линией германской политики и стала более откровенно антисоветской. Внешним выражением этого стала и польская пресса, которая, правда и раньше не скупилась на антисоветские выпады. Но теперь эта антисоветская кампания польской прессы, в вопросах внешней политики стала более откровенной и более активной. Официозная пресса теперь уже не считает нужным скрывать польских планов в сколачивании антисоветского блока и борьбы с Советским Союзом»[2].

---

[1] Запись беседы с А. Гокье 26 апреля 1937 года. Выдержка из дневника Б. Д. Виноградова // Там же.

[2] Я. Х. Давтян — М. М. Литвинову. 26 апреля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 133. Д. 81. Л. 118–122.

Выводы, сделанные на эту же тему весной того же года Вторым бюро, подтвердили мнение Давтяна.

Виноградов продолжал время от времени посещать посольство Франции. Он и Гокье стали приятелями, по крайней мере Гокье говорил с ним довольно непринужденно. Сближение СССР с Малой Антантой было, по мнению Гокье, излишне форсированным, особенно принимая во внимание опасность установления коммунизма в таких странах, как Румыния или Югославия. А вот Франция, страна старой культуры и внутренней сбалансированности, могла позволить себе такую роскошь, как установление дружеских отношений с СССР. Титулеску вывели из игры, потому что он слишком сблизился с Советским Союзом. Чехословакия тоже слишком уязвима к влиянию СССР, соответственно она стала мишенью со стороны Германии и Польши. Кроме того, в Малой Антанте она находится в особом положении (на границах с Германией). Расстрел Тухачевского, который бывал в Париже и был хорошо знаком французским властям, произвел «тяжелое впечатление». Что бы ни говорил Виноградов, Гокье считал, что СССР переживает «внутренний кризис», и в качестве «дружески» совета предлагал на время затаиться в плане внешней политики и подождать, пока осядет пыль. Гокье по-прежнему не одобрял советскоге «вмешательство» в испанские дела», считая его «очень вредным для дела мира». По словам Виноградова, Гокье «самый “либеральный” из членов французского посольства. Остальные еще более реакционные (советник [Пьер] Бресси, член организации де Ля-Рока)». Гокье был лишь отчасти прав, утверждая, что политическая ситуация во Франции позволяет мириться со сближением с СССР. Подобное было бы возможно только в ситуации относительного спокойствия, однако во Франции о таком спокойствии не было и речи. Попытка «фашистского переворота» на площади Согласия в феврале 1934 года ускорила процесс политической поляризации, что сделало сближение Москвы с Парижем столь же трудным, как и с Бухарестом или с правительством любой другой страны. Коллективная безопасность и взаимопомощь могли работать только в случае существования широкой коалиции, «священного союза» всех партий от правоцентристов до левых — скажем, от Манделя и Фландена до Блюма и, в лучшем случае, до французского коммуниста Габриеля Пери. Но они не могли работать, оставаясь политикой исключительно левых, поскольку такая политика неизбежно становилась объектом критики правых. Гокье был отчасти прав насчет Испании: начало Гражданской войны обрекло правых и левых по всей Европе на раскол и, как того опасался Литвинов и желал Гитлер, сделало коллективную безопасность против нацистской Германии невозможной.

Несколько дней спустя у Виноградова состоялась беседа с французским послом в Варшаве Леоном Ноэлем, который высказал мнение, что

ответственность за разворот в румынской политике и в отстранении Титулеску от власти был во многом виноват он сам: «Титулеску в значительной степени сам способствовал своей отставке. Он никогда не бывал в Румынии и его враги могли спокойно вести интриги против него и, наконец, свалить его. В борьбе с Беком Титулеску допустил ряд ошибок. Например, румынский посланник Вишояну, человек близкий к Титулеску, открыто заявлял, что он приехал в Варшаву за шкурой Бека. Такие бестактности к добру привести не могли. Отставка Титулеску — личный триумф Бека, положение которого, вообще, укрепилось. Ноэль не верит в возвращение Титулеску к власти»[1].

Для Литвинова в этом не было ничего нового — Титулеску порой и его выводил из себя. Он не так уж сильно стремился в объятия СССР, к тому же его проблема была в том, что он предпочитал юг Франции Бухаресту, который в то время был для политика довольно опасным местом. У него не было необходимой политической базы, которая позволила бы продвигать идею коллективной безопасности в правой антисемитской среде Румынии, где еврейские погромы и грабежи еврейских предприятий считались чем-то вроде элитного вида спорта. У Титулеску могло бы быть больше шансов, если бы он нашел в себе мужество оставаться в опасной обстановке румынской столицы. Впрочем, нужно признать, что перед ним, как и перед Литвиновым, стояла непосильная задача. В поединке с Беком он проиграл во многом из-за слабости, продемонстрированной Францией и Великобританией. Так что поляки, как указывал Давтян, могли сколько угодно злорадствовать в польской прессе по поводу своего триумфа в Румынии, но, как вскоре показали события, их злорадство было преждевременным.

Советско-польские отношения окончательно застопорились летом 1937 года во время длительных переговоров о сокращении числа польских консульств в СССР до уровня советских консульств в Польше[2]. В конце концов польскому правительству пришлось согласиться закрыть два из них. Были также незначительные инциденты, такие как ограбление польского журналиста в Москве и проблемы на советско-польской границе. Несомненно, все это не способствовало улучшению отношений.

---

[1] Запись беседы с А. Гокье 3 июля; с Л. Ноэлем 7 июля 1937. Выдержки из дневника Б. Д. Виноградова. 14 июля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 133. Д. 81. Л. 198–201.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 28 апреля 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 572. Л. 43–44. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу.

Дельбос посещает Восточную Европу

На ноябрь у министра иностранных дел Франции Ивона Дельбоса была запланирована поездка в Восточную Европу, и Варшава была в списке столиц, которые он намеревался посетить. Франсуа де Тессан, государственный суб-секретарь на набережной Орсе, встретился с Потёмкиным в Брюсселе, где они оба присутствовали на конференции, призванной положить конец разразившейся летом войне между Китаем и Японией (эта конференция, естественно, ни к чему не привела). Тессан очень хотел поговорить с Потёмкиным, но не о войне на Дальнем Востоке. Как объяснил Тессан, журналист-коммунист и депутат Пери раскритиковал Дельбоса в «Юманите» за то, что тот планирует совершить поездку по столицам Восточной и Центральной Европы, миновав при этом Москву. Пери был очень хорошим журналистом, его перо было острее бритвы, и в этот раз его мишенью стал Дельбос. Министр иностранных дел был «удручен этими нападками», но, очевидно, Москву он посетить не мог, не получив на то приглашения. Тессан, выступая от своего имени, заявил, что Дельбос «был бы рад побывать с визитом в СССР» и что такой визит был бы «полезен» для двусторонних отношений и для «международного общественного мнения», но что сам он не может просить Москву о приглашении. Потёмкин заметил на это, что Тессан не стал бы поднимать вопрос без согласия Дельбоса, а также высказал в качестве «личного мнения» идею, что визит в Восточную Европу без остановки в Москве стал бы сигналом ослабления отношений с Францией. Если предположить, что все обстоит так, как кажется, и Дельбос действительно хочет приехать, отмечал Потёмкин, «я не вижу почему бы нам не поддержать эту мысль?»[1].

Официальные визиты иногда носили демонстративный характер, особенно когда дело касалось встреч представителей СССР и Запада. В таких случаях это было что-то вроде той показной вежливости, когда двое расшаркиваются друг перед другом на пороге: «Только после Вас, Альфонс». — «Нет, сначала Вы, мой дорогой Гастон!» Сообщая о возникшей ситуации в Москву, Потёмкин использовал очень осторожные формулировки, ведь подобные решения принимал только Сталин, и Потёмкин не мог знать, какой будет реакция Литвинова и получится ли договориться о приглашении. Как следует из телеграммы, Потёмкин хотел бы продолжать поддерживать хорошие отношения с Парижем, но рекомендация должна была исходить от Литвинова.

---

[1] В. П. Потёмкин — в НКИД. 16 ноября 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 210. Л. 78–79. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу, Н. И. Ежову.

Литвинов всегда настаивал на равенстве в отношениях. Он предположил, что инициатива поездки Дельбоса в Польшу и в государства Малой Антанты исходила от самого Дельбоса и что этим странам был направлен запрос на официальные приглашения. «Если бы он хотел включить в свой маршрут и Москву, — писал Литвинов Сталину, — то он напросился бы на приглашение до того, как маршрут был опубликован».

«Изменение маршрута в настоящий момент явно указывало бы на какие-то шаги, предпринятые нами в Париже, вызванные обидой с нашей стороны. Помимо этого, я не думаю, чтобы визит Дельбоса, при настоящих обстоятельствах, мог принести какую-либо политическую пользу. Я предлагаю поэтому не реагировать на намеки де Тессана. Можно, однако, сказать французам, что мы рады будем видеть г. Дельбоса, если его визит будет носить самостоятельный характер, а не включен в общее посещение множества стран».

Литвинов запрашивал у Сталина инструкций[1]. Встреча Потёмкина с Тессаном состоялась за шесть дней до визита Майского к Ллойду Джорджу, во время которого последний высказал мысль, что советскому правительству необходимо занять более жесткую позицию во франко-советских отношениях. В этой ситуации лучше было оставить все как есть, а не подходить к вопросу по принципу «все или ничего». Это могло привести к официальному разрыву пакта о взаимопомощи.

Между тем Виноградов сообщил, что польская пресса готовит Дельбосу теплый прием. Поляки, конечно, были рады, что он не посетит Москву. Этот «теплый прием» подразумевал «бешеную кампанию прессы против СССР и полпредства, но и античешскую кампанию». Не было никаких сомнений, писал Виноградов, что Дельбос не в силах повлиять на поляков ни по одному вопросу. Напротив, это «поляки все сделают для того, чтобы запугать и обработать Дельбоса, ослабить франко-советские и франко-чешские отношения и подтолкнуть французов на капитуляцию перед Гитлером по австрийско-чешскому и другим вопросам». Виноградов порекомендовал, чтобы в «Известиях» вышла колонка с разоблачением антисоветской и античешской кампании, что было бы формой протеста польскому МИД[2].

Сообщение Виноградова о намерениях Польши подтвердилось, когда советской разведке удалось перехватить телеграмму от посольства США

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 17 ноября 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 126. Д. 1. Л. 358. Копия отправлена В. М. Молотову.

[2] Б. Д. Виноградов — в НКИД. 1 декабря 1937 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 246. Д. 1732. Л. 232. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147; ДВП. Т. XX. С. 635–636. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову.

в Будапеште в Госдепартамент. Польский посланник в Будапеште сообщал своему американскому коллеге, что Дельбосу не удалось добиться от польского правительства каких-либо обещаний военной поддержки в случае агрессии против Чехословакии. «Он [польский посланник] добавил, что общественное мнение в Польше было бы сильно настроено против того, чтобы рисковать в случае такой агрессии жизнью хотя бы одного польского солдата»[1].

Литвинов отправил Сурицу в Париж телеграмму с указанием съездить к Дельбосу и предупредить его о том, чего ожидать в Варшаве. Его следует, писал Литвинов, проинформировать о развернувшейся антисоветской кампании в прессе и предупредить, чтобы он не верил ни одному слову Бека «о нашем внутреннем положении». Мы рассчитываем на то, что Дельбос не только не поддастся на «интриги» Бека, но также подчеркнет ценность сотрудничества с СССР и заинтересованность Франции в улучшении советско-польских отношений[2].

Сурицу удалось в течение получаса пообщаться с Дельбосом, пока тот готовился к отъезду в Варшаву. Дельбос ответил, что волноваться не о чем: «Я обещал быть тверже кремня (“никому не позволю поколебать франко-советскую дружбу”)». Он также дал понять, что сообщит Беку, что советско-польские отношения вызывают обеспокоенность во Франции. Попутно Дельбос упомянул, что в Лондоне мало интересуются судьбой Австрии и Чехословакии и что британцы «удовлетворены» заверениями Гитлера в отношении Австрии. Эта информация, как видим, подтверждала сообщения Майского[3]. Советская политика, тем не менее, оставалась неизменной: нужно было попытаться улучшить отношения с Польшей или, по крайней мере, предотвратить их дальнейшее ухудшение, а также сохранить отношения с Францией, как бы серьезно они ни были подпорчены.

Виноградов встретился с Дельбосом в Варшаве, и тот рассказал о своих беседах с Беком. Дельбос попытался успокоить советского коллегу: Польша не собирается присоединяться к Антикоминтерновскому пакту. Дельбос говорил с Беком о необходимости улучшения польско-чехословацких отношений, но Виноградову эта идея показалась «сугубо платонической». Отношения Польши с СССР, по мнению Дельбоса, были удовлетворительными, если не считать «инциденты», которые носили локальный характер и были вполне решаемыми. А вот Коминтерн вызывал в Польше

---

[1] Агентурный материал 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР. 9 декабря 1937 г. // Архив Службы внешней разведки России (далее: АСВР). Л. 342. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 1 декабря 1937 г. // ДВП. Т. XX. С. 634–635.

[3] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 3 декабря 1937 г. // Там же. С. 636.

обеспокоенность. Ответ Виноградова представлял собой обычный комментарий официального представителя СССР по поводу Коминтерна и потому прозвучал не слишком убедительно. Он сменил тему, начав обсуждать Австрию и Чехословакию. Первая находилась в серьезной опасности, а вторую, казалось, Дельбос вовсе списал со счетов[1].

Виноградов написал пространный отчет, в котором подвел итоги поездки Дельбоса, а также охарактеризовал в общих чертах состояние франко-польских и советско-польских отношений. Польская пресса со злорадством писала, что Дельбос, по-видимому, приехал в Варшаву после того, как отказался от приглашения в Москву. По этому вопросу Виноградов не был проинформирован. Он еще раз встретился с Гокье и Ноэлем, но те в целом говорили о том же, о чем и на предыдущих встречах. Коминтерн, Испания — одним словом, все те же проблемы. Коммунисты, мол, должны отказаться от коммунизма и принять капитализм. Польша, писал Виноградов, выступает против коллективной безопасности. Он отмечал также, что не уверен, какую позицию занимает Дельбос относительно укрепления советско-французских отношений — за или против. Похоже, Дельбос под каблуком у «реакционной бюрократии с набережной Орсе». О нем поговаривают, что у него вообще нет собственного мнения; нет хребта, как выразился по его поводу Ллойд Джордж в разговоре с Майским. Да и что может поделать Франция? Ей остается только следовать советам своих английских кукловодов. Те не желают воевать за Чехословакию или Австрию, и поэтому Франции не остается ничего другого, как пойти на уступки Германии. Вывод из этого всего заключается в том, что Австрия и Чехословакия обречены. Ясно, что Польша и пальцем не пошевелит для Чехословакии, пока та состоит в «интимных отношениях с Москвой». Польская пресса называет ее очаг коммунистической пропаганды в Центральной Европе. Все это не ново. Польское правительство действует так, будто оно находится в максимально выгодном и неуязвимом положении. Оно выдвигает условия Франции и Чехословакии и грозит пальцем СССР, но его представление о своем привилегированном положении сильно преувеличено[2].

Вскоре после отправки этого донесения Виноградова отозвали в Москву. Давтян был отозван в октябре; 21 ноября его арестовали по обвинению в участии в «антисоветской террористической организации». Виноградов был арестован 3 февраля 1938 года по обвинению в «шпионаже». Безусловно, Виноградов вел разведывательную деятельность, но она велась для советского правительства и под его руководством. Давтян был

---

[1] Б. Д. Виноградов — в НКИД. 5 декабря 1937 г. // Там же. С. 640–641.

[2] Б. Д. Виноградов — М. М. Литвинову. 12 декабря 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 133. Д. 81. Л. 257–266. Опубл.: СПО. Т. III. С. 534–541.

расстрелян 28 июля 1938 года, а Виноградов — ровно через месяц. Судя по всему, он хорошо справлялся как с работой дипломата, так и с работой агента разведки. Говорят, что он соблазнил дочь посла США в Берлине Марту Додд (конечно же, только ради дела). Она даже хотела выйти за него замуж. Виноградову было всего 35 лет. Давтян был старше, опытнее. Оба успели создать в Варшаве обширную сеть контактов, оба писали о польской политике отчеты, в которых демонстрировали большую проницательность. Все изменилось в один миг: сегодня они еще исполняли свои должностные обязанности, а завтра их уже не было в живых. В своих письменных сообщениях в Москву они не выражали никакого беспокойства по поводу своего будущего. Может быть, это и объяснимо, но в то же время очень странно. Почему Сталин решил убрать людей, столь эффективно представлявших интересы советского государства за рубежом? О чем он думал? Ведь избавившись от них, он, образно говоря, ослепил посольство СССР в Варшаве. Поверенный в делах, посланный на замену Давтяну и Виноградову, был совсем новичком — Потёмкину пришлось объяснять ему, что к чему. А с польским послом в Москве в 1938 году нужно было вести серьезные дела... Это была не единственная советская дипломатическая миссия, которую Сталин подобным образом ослепил. Но зачем? Почему он приказал казнить всех этих верных и талантливых служителей Советского государства? По сути, он собственными руками рубил сук, на котором сидел.

ГЛАВА VI

КУДА ИДЕТ РУМЫНИЯ? ИНТЕРЛЮДИЯ, 1936–1938 ГОДЫ

Последствия падения Титулеску

Мы оставили повествование об отношениях СССР с Румынией в конце августа 1936 года, когда Николае Титулеску был смещен с поста министра иностранных дел. Полпред Островский в это время находился в отпуске, но, вернувшись в Бухарест в середине сентября, подготовил отчет о том, что произошло во время его отсутствия. Он пришел к выводу, что еще в июле правительство и король Кароль II договорились избавиться от Титулеску, главным образом по соображениям внутренней политики. Титулеску не нравились гитлеровские методы управления страной, по сути, сводившиеся к охлократии (материальная поддержка фашистских банд, еврейские погромы, двойные стандарты правосудия), что было несовместимо с его внешней политикой. С другой стороны, король, премьер-министр Тэтэреску и министр внутренних дел Инкулец хотели удержать эти бухарестские фашистские банды в узде. Титулеску в этом отношении и сам был не без греха — он поддерживал свои правые группировки и газеты через Министерство иностранных дел. Однако он считал, что правительство обязано обеспечивать в стране некий минимум порядка — следовательно, бандам может быть предоставлена лишь определенная свобода действий, но не более того.

Были и другие факторы, способствовавшие смещению Титулеску. Король завидовал его международному авторитету, а коллегам по Кабинету министров не нравились его бестактность и «отношение». Титулеску взял на себя слишком много, и нужно было его немного осадить. Более того, Румыния оказалась в одиночестве в своей поддержке Чехословакии. Бездействие Франции и нежелание Великобритании хотя бы пальцем пошевелить во время Рейнского кризиса поставили вопрос о том, можно ли

Слева направо: Н. Титулеску, М. И. Розенберг, М. М. Литвинов. Женева. Июнь 1934 года

рассчитывать на Францию, если Германия вторгнется на Балканы. Другими словами, поскольку Франция больше не была надежным союзником, то для Румынии, которой нужно было заключить мир с Берлином, Титулеску стал обузой. Последним гвоздем в крышку гроба стала попытка Франции укрепить отношения с Польшей, несмотря на тот факт, что польское правительство не изменило своей «прогерманской ориентации» и своей враждебности по отношению к СССР. В Польшу нанес визит ряд высокопоставленных гостей, включая начальника Генерального штаба Гамелена, в результате чего Франция предоставила польскому правительству займ в размере 2 миллиардов франков. Если Польше удавалось усидеть на двух стульях, то почему было не сделать того же и Румынии? Это было безопаснее, чем остаться наедине с Чехословакией, СССР и «проблематически» с Францией перед лицом всё укреплявшей свою мощь Германии. Поэтому «Титулеску (sic) должен был уйти, и “его ушли”, так как он не догадался уйти “по своему желанию”»[1].

Доклад Островского настолько изобилует информацией, сарказмом и юмором, что не лишним будет процитировать его еще немного. «Первым

[1] М. С. Островский — Н. Н. Крестинскому. 30 сентября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 81–88.

шагом нового правительства, — продолжал Островский, — было подогреть польско-румынские отношения... Далее следовало ублажить Германию, но ублажить “по-настоящему”, т. е. лягнув при этом СССР и от него открестившись». Новый министр иностранных дел Виктор Антонеску дал в Женеве интервью, в котором изложил, какой будет новая внешняя политика Румынии. Интервью не попало в румынскую прессу, но французская газета в Бухаресте раздобыла его отдельные части и опубликовала.

«Интервью в той части, в которой оно опубликовано, прямо неприлично... Далее, в газетах появилась следующая нотка, явно инспирируемая правительством: мы — малая держава и не можем выбирать “Москва или Берлин”. Мы хотели бы “ни Москва — ни Берлин”, в крайнем случае, “и Москва, и Берлин”. Вот что можно на сегодняшний день сказать о новом правительстве без Титулеску. Все это пока что намеки, тенденции, но как по ушам узнают осла, так из намеков прет фашистское рыло правительства без Титулеску (sic)».

Островский упоминает также о встрече с сербским журналистом, которому нужна была советская виза. В конце разговора журналист прошептал по-французски: «*Vous aurez de la misère avec Tătărescu. C’est lui, qui persuadait longuement Stojadinović pendant son séjour ici de ne pas procéder à l’échange de missions diplomatiques avec vous, évoquant le danger communiste*» («У вас будут проблемы с Тэтэреску. Именно он долго убеждал Стоядиновича во время его пребывания здесь не продолжать обмен дипломатическими миссиями с вами, ссылаясь на коммунистическую опасность»). Эту информацию подтверждали и другие источники. Поляки были не единственными, кто вёл двойную игру — *double jeu*, как говорил полковник де Голль. Можно, конечно, проще смотреть на отношения между государствами, заявив, что не существует такой вещи, как *Niebelungentreue* — «верность до гроба». Только вот в 1930-е годы вообще не могло быть и речи о какой-либо верности, кроме верности тому, в чьих руках сосредоточена власть.

Островский отметил, что все в стране связывают «отставку» Титулеску с инициативой короля. И правительство, и король, судя по заверениям Тэтэреску и Инкулеца, «были убеждены, что уход Титулеску будет встречен страной безразлично, а ведущими кругами Бухареста с удовлетворением, как избавление от коммунистической опасности». Этого не произошло; напротив, наблюдался всплеск общественной поддержки Титулеску. Король, однако, выждал время, буря утихла, и Титулеску не пригласили обратно в Кабинет министров. Островский предполагал, что в конечном итоге такое может произойти. Тем не менее теперь, когда Титулеску был окончательно отстранен от власти, перед СССР встал вопрос, что делать дальше. В идеале, помочь могли решительные действия Франции, но только Франция к этому была совсем не готова. Островский предложил развивать связи

с Румынией в области экономики, культуры и отношений с прессой. «Мы потеряли полтора года, убаюканные пребыванием Титулеску», писал он. По его мнению, вместо того чтобы рассчитывать на одного Титулеску, нужно было заручиться поддержкой сотни влиятельных людей[1].

Особое беспокойство вызывала румынская пресса. «Немецко-польская пресса» без устали поливала СССР грязью. Нужно что-то делать, предупреждал Островский, но лучшее, что он мог придумать, — это организовать визиты представителей прессы в Москву, в частности для того, чтобы «служить живым опровержением тех гнусностей, которые о нас распространяют польско-немецкие наемники»[2]. Это едва ли могло сильно помочь.

Инкулец, к тому времени получивший должность вице-премьера, должно быть, догадался об опасениях советской стороны. Он хотел поговорить с Островским и позвонил в Министерство иностранных дел, где тот занимался своими повседневными делами. Трубку поднял служащий министерства. «Это вас... Ваня [Инкулец]», — сказал служащий.

«Здравствуйте, Михаил Семёнович, видите, как легко вас можно найти».

«Здравствуйте, Иван Константинович, в особенности, когда этим занялся бывший министр внутренних дел».

«Заезжайте ко мне, если можете». Они называли друг друга по имени и отчеству; беседовали по-русски, поскольку многие румынские политики родились в русской Бессарабии и до войны получали образование в российских университетах, хотя Островский со своими румынскими собеседниками часто говорил по-французски. Инкулец отказался от должности министра внутренних дел и стал заместителем премьер-министра. Островский отметил, что теперь он является главным советником короля, и пошутил, что он также стал «уполномоченным по русским делам» Тэтэреску. Учитывая обстоятельства, было неожиданно, что отношения Островского с румынскими коллегами остались столь теплыми. Это дипломатия, мог бы ответить Островский; неудивительно, что Литвинов так старался оставить его в Бухаресте, который до сих пор был одним из ключевых форпостов НКИД в Европе.

Так чего же хотел Инкулец? Обсудив некоторые мелкие вопросы, он перешел к основной теме разговора — советско-румынским отношениям. Взгляд Бухареста по-прежнему был обращен на северо-восток, в сторону советской границы. Начал Инкулец с комментария Тэтэреску о том, что «русские, очевидно, не могут забыть Титулеску — Островский был очень

---

[1] М. С. Островский — Н. Н. Крестинскому. 30 сентября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 81–88.

[2] Там же. Л. 89–90.

холоден». В чем дело? — спросил Инкулец. Он хотел убедиться, что отношения с Москвой не испортились.

Островский отвечал осторожно: «Основная мысль моя была та, что мы будем судить по делам, а не по разговорам». Это была стандартная для советской стороны формулировка. Инкулец, однако, не оставлял эту тему. Он отметил, что отношения между Антонеску и Литвиновым в Женеве, кажется, складываются хорошо. «Что вам пишет Литвинов?»

«Ничего не пишет, он в Женеве. Но соображения, которые я высказывал вам и Татареску, это соображения Москвы, я их получил накануне отъезда».

Затем Инкулец сменил тему, упомянув недавнюю речь Литвинова в Женеве. В этой речи последний весьма жестко высказался в отношении немцев. Инкулец не скупился на похвалы. «Этих излияний я обыкновенно не слушаю», — написал Островский в своем отчете. Инкулец и Тэтэреску просто пытались перестраховаться и оставить приоткрытой дверь в отношениях с Москвой. Дальше Инкулец бросил камешек и в огород Великобритании. «Коварный Альбион», — сказал он[1]. В этом и была главная проблема. В Бухаресте никто не верил, что можно положиться на Англию или Францию как союзников в противостоянии Германии. Как отметил Островский, именно поэтому Титулеску и вытеснили: он был обузой и раздражающим фактором для отношений «Польша — Германия». Даже румыны считали поляков пособниками Германии.

Примерно такую же фразу Островский услышал от Шербана Кристу, двоюродного брата Титулеску и директора Экономического управления Министерства иностранных дел. «Кристу думает, что эта перемена является результатом сложившегося сейчас международного положения и необходимости устранить из состава правительства непреодолимое препятствие для возможной смены внешнеполитической ориентации. Из этого не следует, что правительство завтра же сменит вехи, но сделает это немедленно, если только не будет резкой перемены в международной обстановке». Под этим подразумевалось изменение англо-французской политики.

После формирования нового Кабинета министров, сообщил Кристу, Антонеску вызвал всех руководителей ведомств и предложил им остаться на своих местах. В частности, и даже в первую очередь, он адресовал эту просьбу генеральному секретарю МИД Михаилу Ариону, который, по слухам, хотел уйти в отставку.

Антонеску заверил всех, что ни он, ни правительство не хотят менять линию Титулеску. Арион не поверил этому. В присутствии всех руководи-

---

[1] Запись беседы М. С. Островского с Й. Инкуленцем. 30 сентября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 91–93.

телей ведомств он подал Антонеску прошение об отставке. «Недостаточно, — сказал Арион, — хотеть проводить политику, нужно уметь это делать. Поскольку я не верю в эту определенность и не могу проводить никакую другую политику, кроме политики Титулеску, я сожалею, но вынужден подать в отставку». По мнению Кристу, состав нового кабинета был переходным, а его политика — выжидательной[1].

Собирая информацию в ходе встреч с официальными лицами, Островский обнаружил явную поддержку политики Титулеску внутри правительства и даже среди высшего командования армии. На встрече, устроенной Инкулецем после банкета в шикарном отеле «Атенеэ-Палас», Островский беседовал с начальником штаба. Генерал Самсоновичи был оскорблен тем, что румынских офицеров не пригласили на недавние маневры Красной армии, на которые были приглашены французы и британцы. Он также пожаловался на отсутствие военного атташе в Москве. «И это, — сказал Самсоновичи, — мы засчитываем в вину советской миссии в Бухаресте: как мы, румыны, ближайшие ваши соседи, если ещё не союзники, то, наверное, завтрашние союзники». Повествуя об этом, Островский между делом заметил, что в Бухаресте Самсоновичи «слывет здесь дураком и польским человеком». Возможно, эта репутация была и незаслуженной. Островский также пишет, что когда Самсоновичи назвал СССР «завтрашний союзник», Инкулец, присутствовавший при их разговоре, поморщился[2].

Дискуссия в «Атенеэ-Палас» состояла из двух частей: первая — с Самсоновичи, вторая — с Инкулецем (в этой части разговора генерал не участвовал). Инкулец хотел еще раз поговорить о двусторонних отношениях. Разговор был повторением предыдущих обсуждений. Увольнение Титулеску не означает конец улучшения отношений с СССР, говорил Инкулец, явно стремясь отделить имя Титулеску от советско-румынских отношений. Его отъезд вызвал некоторую политическую нестабильность, которой могло воспользоваться советское посольство. Итак, посыл заключался в том, что «Титу» больше нет, но отношения должны продолжать укрепляться. Инкулец упомянул о произошедшей летом, должно быть, в июле, встрече, на которой он, Тэтэреску и король решили отправить Титулеску в отставку. Тот проявлял слишком большую неуверенность в себе, в то время как правительству требовалась стабильность. Поэтому попрощаться нужно было с Титулеску, а не с советско-румынскими отношениями. Инкулец изложил доводы Румынии следующим образом: даже если Румыния примет прогер-

---

[1] Запись беседы М. С. Островского с Й. Кристу. 29 сентября 1936 г. // Там же. Л. 101–103.

[2] Запись беседы М. С. Островского с генералом Н. Самсоновичем. 21 сентября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 94–95. Опубл.: СРО. Т. II. С. 90–91.

манскую ориентацию, Германия не сможет спасти Румынию в случае войны. Красная армия в этом случае прибудет раньше, и Румыния будет оккупирована советскими войсками. С другой стороны, только СССР может дать гарантии безопасности против Венгрии (а значит, и против Германии). Был еще один фактор — Франция. Румыния и Франция издавна были союзниками. «Мы знаем, — сказал Инкулец, — что Генеральный штаб и правительство Франции считают франко-советский союз незыблемой частью своей национальной обороны. Мы прекрасно понимаем, что между вооруженным до зубов СССР и безоружной Румынией, Франция выберет СССР». Несложно понять, почему Инкулец придерживался такого мнения в начале осени 1936 года, когда Народный фронт только пришел к власти и в Бухаресте было ничего не известно о разногласиях в правительстве по поводу штабных переговоров. Но стоило наступить охлаждению в отношениях Франции с СССР, как эта аргументация потеряла смысл. Без крепких советско-французских отношений у Бухареста не оставалось веских аргументов против улучшения отношений с Берлином. Остряки в Европе, особенно во Франции, называли англичан «коварным Альбионом» — *perfide Albion*. Но и на саму Францию, еще более ослабленную отсутствием поддержки Советского Союза, нельзя было рассчитывать, как и на англичан. Румынам пришлось взвесить все варианты. Здесь имело место серьезное столкновение интересов, но правительства Великобритании и Франции, похоже, не понимали, что происходит в Бухаресте.

Инкулец спросил о советско-германских отношениях. Островский ответил, что ему ничего по этому вопросу не известно, но упомянул появившуюся в прессе информацию о возросшем интересе Германии к торговле. В конце беседы Инкулец сообщил, что слышал «из серьезного иностранного источника», будто Островского переводят на должность в Москве и что его заменит Молотов. Островский опроверг свой отъезд и слухи о Молотове[1]. Впрочем, читатели, вероятно, понимают, что информация, которую озвучил Инкулец, могла возникнуть из дискуссии Островского с Литвиновым о возвращении в Москву. Но откуда взялся слух про Молотова? Может быть, это была просто газетная утка?

Что касается сообщений Островского о том, что румынская политика не изменится после отставки Титулеску, подтверждение этой информации поступило из иностранного отдела НКВД, который перехватил депешу от британского посланника в Праге сэра Джозефа Аддисона. В ней говорилось, что Антонеску и Тэтэреску проинформировали чехословацкое правительство, что «“с Югославией или без нее” будут продолжать политику

---

[1] М. С. Островский — Н. Н. Крестинскому. 27 сентября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 96–100. Опубл.: СРО. Т. II. С. 93–96.

Титулеску в отношении Советского Союза». С этой целью было заключено «молчаливое соглашение», однако на бумаге никаких соглашений зафиксировано не было, «чтобы не вызвать беспокойства других стран». Чехословакия договорилась о финансировании и строительстве железнодорожной линии через Румынию, чтобы соединить СССР с чехословацкой железнодорожной сетью, якобы с согласия Франции. Сообщалось также, что Румыния и Чехословакия за спиной Югославии «до некоторой степени» предпринимали шаги по укреплению отношений с «Россией»[1].

Влиянию Франции в Бухаресте приходит конец

В начале октября 1936 года Островскому нанес визит новый французский посланник Адриен Тьерри. Завязался интересный разговор. Жена Тьерри была еврейкой, и поэтому в антисемитском Бухаресте ему приходилось быть настороже. Его первый вопрос был о положении Франции: сохранилась ли в Румынии настоящая франкофилия?

«Предупредив его о моем кратковременном пребывании в Румынии, — отмечал Островский, — для того, чтобы мои впечатления не могли бы считаться утверждениями, я сказал министру, что франкофилия румын, если не разуметь под этим, что боярство старого королевства, получив воспитание в кабаках Монмартра и в *douairieres du faubourg St-Germen*, бегло говорит по-французски, знает все французские анекдоты и всю генеалогию французского аристократа и по привычке ездит прокучивать остатки своего состояния в кабаках и на ипподромах Парижа, — если это исключить, то франкофилия — это вздор».

Среди этнических румын сильные позиции благодаря экономическим связям занимала Германия. На вновь приобретенных территориях французского влияния не было никогда. После войны Румыния, расширившаяся за счет территориальных приобретений, присоединилась к Версальской системе и оставалась включенной в нее до тех пор, пока Франция, этот гегемон, создавала уверенность в том, что она защитит свою систему. «Первый сильный удар этой уверенности, — сказал Островский, — нанесла [в марте 1935 года] реакция Парижа на восстановление воинской повинности Берлином».

«Впечатление, созданное в Бухаресте, что некоторые правительства Франции 1935 года ищут сепаратных соглашений с Берлином, без ведома и участия Бухареста не восстановило этой уверенности. Решающий удар

[1] Документальный агентурный материал ИНО ГУГБ НКВД СССР (депеша Д. Аддисона). 24 сентября 1936 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 880. Л. 228–229. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

позиции Франции был нанесен 7 марта этого года [оккупацией Германией Рейнской области]. Как следствие из всего этого, позиция Франции в испанских событиях здесь расценивается как чистая капитуляция перед Германией. На сегодняшний день политики клянутся Францией, как произносят молитву в церкви Одновременно, Германия, начиная с после войны, методически работала над восстановлением утерянных было позиций экономического и политического порядка. С [19]33 года эта работа принимает угрожающие для европейского мира размеры: тут созданы и пестуются немцами четыре политические партии: кузистов, либералов-жоржистов, аграрная партия Аржетояну, и, наконец, Железная гвардия. Финансируется пресса в массовых размерах — Германия заняла во внешнеторговой жизни Румынии первое место».

«Престиж же Франции, достигший при Барту зенитной точки, — заключил Островский, — сейчас почти равен нулю».

«Баланс печальный, — ответил Тьерри, — но он нам известен». Румынское правительство организовало новому послу Франции радушный прием на железнодорожном вокзале. Это уже было знаком того, что дела обстоят вовсе не так, как могло показаться, и на следующий день во время приветственного обеда это подтвердил министр торговли, который наклонился к секретарю Тьерри и «цинично ему заявил, что *l'amitie franco-roumaine est morte* [франко-румынская дружбы мертва]».

«Все ясно, — сказал Тьерри. — Я приехал сюда с определенной программой работ». «Программа» заключалась в том, чтобы ограничить общение с «обществом» и сосредоточить внимание на промышленном, торговом, банковском и культурном секторах.

«По моему мнению, — прокомментировал Островский, — якшаться слишком с двором тоже не следует, ибо он весь — немецкий, фашистский».

«Я с собой привез новые кредиты на прессу», — ответил Тьерри. У МИД Франции был выделен большой бюджет на приобретение лояльности прессы и установление связей с ней. То же самое делали и другие посольства в Париже, в том числе советское. Можно ли было повлиять на ситуацию с помощью выплат прессе? «Разумеется, престиж Франции равен нулю здесь, — добавил Тьерри, — ибо значительно поколеблена вера в желание и возможность Парижа идти на войну для защиты границ Румынии. Э то же чувство испытывают все страны Малой Антанты». Это действительно было так. Примечательно, что многие влиятельные люди в Париже не поняли этого принципиального момента и так и не взяли себя в руки. Тьерри упомянул, что Малая Антанта обсуждает взаимопомощь с набережной Орсе. Островский об этом знал. Блюм, Дельбос и даже Леже одобряли это, но только не МИД Франции, который волновало, что подумают

итальянцы. Тьерри заявил, что оппозиции по этому вопросу больше нет. К сожалению, французы и Малая Антанта не смогли договориться по ключевым вопросам, и все застопорилось. Блюм сказал Тьерри, что препятствия будут устранены. Пожалуйста, держите эту информацию в тайне, попросил Тьерри. По словам Островского, разговор длился два часа. Тьерри пообещал поддерживать связь[1].

Пока Островский встречался с послами правительств разных стран в Бухаресте, Литвинов пребывал в Женеве на ежегодных собраниях Лиги Наций. Там он встретился с Виктором Антонеску, преемником Титулеску, и услышал от него те же слова, которые Островский слышал в Бухаресте. Это к лучшему, ответил Литвинов. «Я сказал ему [Антонеску], что Титулеску действительно пользовался нашим доверием, ибо он в качестве большого патриота понимал, что интересы Румынии требуют тесных отношений с СССР. Он вел прямую мужественную политику без всякой маскировки». Тем не менее нарком признал, что у каждого правительства есть право на смену Кабинета министров. «Если будут продолжать политику Титулеску, то наши отношения с Румынией не претерпят никаких изменений. Я подчеркнул, что политическая дружба или близость ценна постольку, поскольку она внешне манифестируется, а не скрывается». Проявления враждебности, продолжил Литвинов, не могут свидетельствовать о дружбе. Причиной для сомнений является успех в Румынии фашистских партий, действующих в качестве агентов Германии[2]. Литвинов и дальше продолжил читать Антонеску нотации. Когда Антонеску еще раз подтвердил, что политика Румынии не изменилась, Литвинов повторил, что все это к лучшему, но добавил: «Если он мне на ухо будет шептать о дружбе, а публично расшаркиваться перед Германией и Польшей, то это не принесет никакой пользы ни нам, ни Румынии». Литвинов проинформировал Антонеску о переговорах по пакту о взаимопомощи, подчеркнув, что инициатива всегда принадлежала Титулеску. Литвинов также сообщил, что на их последней встрече «были улажены почти все спорные вопросы». Антонеску отметил, что у его министерства нет протоколов переговоров, которыми Титулеску ни с кем не делился. Литвинов знал об этом, но от комментариев воздержался[3].

Дошли ли слова Литвинова до Бухареста? Если судить по разговору Тьерри и Антонеску, состоявшемуся через десять дней после разговора Тьерри с Островским, то и да, и нет. Антонеску кратко остановился на от-

---

[1] Отчет М. С. Островского. 6 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 104–107.

[2] М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 20 сентября 1936 г. // СРО. Т. II. С. 89–90.

[3] М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 1 октября 1936 г. // СРО. Т. II. С. 96–97.

ношениях с СССР. Он сказал, что «приходится учитывать общественное мнение, все более антикоммунистическое и враждебное союзу с Советами». Румынское правительство, сообщил Тьерри, похоже, решило не продолжать переговоры по пакту о взаимопомощи с Москвой, однако Антонеску подчеркнул «абсолютную необходимость» поддержания «хороших отношений» с СССР[1].

Слова расходятся с делами

Вопреки всем уверениям в обратном, НКИД отметил признаки перемен в румынской политике. Как Литвинов и Островский часто говорили своим румынским собеседникам, независимо от того, изменится ли румынская политика, «что об изменении или не изменении политики мы будем судить не по обещаниям и словам, а по делам». Крестинский не поверил сказанным Литвинову словам Антонеску о том, что Титулеску не оставил никаких письменных свидетельств переговоров о пакте о взаимопомощи. Похоже, это действительно было правдой в том смысле, что никакого досье с протоколами переговоров не осталось. Тем не менее, Крестинский сделал из ложной предпосылки верный вывод: что румынское правительство не хочет возобновлять переговоры о взаимопомощи и предпочитает оставить за собой возможность выбора вариантов. У НКИД не было подобной информации, но Антонеску в беседе с Тьерри подтвердил этот вывод. По мнению Крестинского, все говорило об ухудшении ситуации. Правительство Румынии только что подписало торговое соглашение с Германией и стремилось улучшить отношения с Польшей и Италией. Хотя это было всего лишь торговое соглашение, все, включая румынское правительство, понимали, что оно облегчит Германии осуществление политического влияния в Бухаресте. При Титулеску Румыния не подписала бы такое соглашение и не стала бы стремиться к улучшению отношений с Варшавой или Римом. Крестинский признавал, что жребий в Бухаресте еще не брошен, но улучшение отношений «с нашими врагами» в конечном итоге приведет к изменению отношений «с нами»[2].

Крестинский также ответил на сообщение Островского о разговоре с генералом Самсоновичи, упрекнув его за инициативу обмена военными атташе. На самом деле, похоже, разговор об этом начал не Островский, а Самсоновичи. Крестинский сказал, что он обсуждал этот обмен с Ворошиловым, который не проявил энтузиазма, поэтому пусть румыны возьмут на себя инициативу и сделают официальное предложение. «Не возвра-

---

[1] Thierry. Nos. 477–483. 16 Oct. 1936 // DDF. 2e. Vol. III. P. 552–553.

[2] Н. Н. Крестинский — М. С. Островскому. 13 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 17–19. Опубл.: СРО. Т. II. С. 99–100.

щайтесь сами к вопросу, — наставлял Крестинский, — а если к Вам обратится неофициально Самсоновичи, то скажите, что, поскольку вопрос этот перед Вами официально не поставлен, Вы не считаете возможным запрашивать об этом Москву. Никаких обнадеживающих намеков при этом не делайте»[1].

По вопросу об отправке группы румынских журналистов в Москву Крестинский высказался без энтузиазма: мол, никогда не знаешь, чего от них ожидать, даже если советское государство оплачивает им дорогу и питание. «Тем не менее, в прошлом году мы готовы были организовать поездку группы румынских журналистов, приурочив эту поездку ко времени пребывания в СССР Титулеску. Наличие Титулеску в составе румынского правительства, на посту министра иностранных дел, служило для нас гарантией, что румынские журналисты по возвращении будут вести себя минимально лояльно и не допустят никаких “неожиданностей”».

«Сейчас положение изменилось. Титулеску ушел, политика правительства ещё не выяснена. Есть все основания опасаться неожиданных выступлений по крайней мере значительной части предполагаемых наших гостей.

Это не значит, что я предлагаю отказаться вообще от приглашения к нам на ближайшее предвиденное время румынских журналистов. Но я хотел бы, чтобы эта поездка была должным образом подготовлена. Надо выждать, пока немножко прояснятся румынские политические настроения.

По возвращении Максима Максимовича, я переговорю с ним, и, если он будет другого мнения, сообщу Вам об этом по телеграфу»[2].

Островский встретился с Антонеску на следующий день после беседы с Тьерри. Антонеску рассказал о своих встречах с Литвиновым в Женеве и об их «брутальной откровенности» разговоре, но не сказал ни слова о прекращении переговоров о взаимопомощи. Опять *double jeu*, сказал бы полковник де Голль. Малым державам в отношениях с потенциально опасными соседями нужно было всегда быть начеку. Когда Островский уходил, Антонеску остановил его в дверях, сказав, что надеется часто видеться с ним и установить не только официальные, но и личные отношения, как с Титулеску[3]. Тем не менее Антонеску был совсем не Титулеску, да и румынский Кабинет министров был уже не тот, что раньше.

Румыны, однако, продолжали заметать следы, убеждая Островского, что желают сохранить хорошие отношения с СССР. Создается впечатление, что они не хотели окончательно захлопывать все двери для сотрудничества. 20 октября Островский встретился с Инкулецем для очередного

---

[1] Там же. Л. 20.

[2] Там же. Л. 21.

[3] Запись беседы М. С. Островского с В. Антонеску. 17 октября 1936 г. // СРО. Т. II. С. 101–102.

разговора за обедом. «Антонеску нам докладывал... содержание его бесед с “Максим Максимовичем” (так и сказал!) В результате этих бесед, количеством — три, у Антонеску да и у всего кабинета создалось впечатление, что отношения с Союзом не только не пострадали в результате ухода Титулеску, но их с течением времени можно будет привести на высшую ступень: как я вам говорил летом, — что не удавалось Титулеску, то, наверное, удастся Татареску».

Инкулец сообщил, что правительство ожидает гостя из Берлина, который выдвинет ультиматум: «с Россией или с Германией». Ожидалось также, что от него поступит такое предложение: Гитлер готов гарантировать неприкосновенность всех границ Румынии, кроме Трансильвании, где речь может идти только о половине границ.

Затем Инкулец осведомился о заявлении короля Бельгии о нейтралитете. «На нас это произвело впечатление разорвавшейся бомбы — и Антонеску совершенно дезориентирован. По нашему мнению, декларация короля является большой победой Германии». Другими словами, гитлеровская политика «разделяй и властвуй» работала на ура. Коллективная безопасность рушилась на глазах.

«Но Румыния — не Бельгия, — сказал Инкулец. — У Бельгии нет Венгрии сбоку. Кроме того, у Бельгии нет и России сбоку, с которой любое, учтите, любое румынское правительство должно будет жить в дружбе. Вопрос о коммунизме — это вопрос не внешнеполитический, а внутренне-полицейский. Мы считаем, и король [Кароль II] с нами согласен, что ближайшая война, это война русско-германская».

Затем Инкулец сказал следующее, повторив то, что Титулеску говорил ранее. «Если по обстоятельствам войны Советам потребуется пройти через Румынию, они все равно пройдут, с нами или без нас, и даже против нас. Так лучше уж, чтобы Советы прошли “с нами”» в дружбе»[1]. Что случилось? Неужели румыны передумали?

Неделю спустя Островский еще раз встретился с Антонеску и Инкулецем за обедом. Они были встревожены. «Весь завтрак, а он продолжался около 4 часов, Антонеску употребил на то, чтобы показать, что Малая Антанта совершенно дезориентирована политикой великих держав, в частности Англии и Франции и в особенности очень обеспокоена непрерывной уступчивостью Франции».

Антонеску казалось, что Франция полностью парализована и что Италия внушает большее доверие малым державам. «Далее Антонеску сказал, что Франция тормозит дело дальнейшей консолидации отношений Малой

---

[1] Из разговора М. С. Островского с Й. Инкулецем на завтраке 20 октября 1936 года. 21 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 119–124.

Антанты. Дельбос в беседах с Антонеску «умолял» его воздержаться от каких-нибудь актов, которые могли бы быть истолкованы, как направленные против Германии или Италии, по крайней мере, до выяснения вопроса о Локарно».

«При этих условиях Румыния и Малая Антанта не могут ничего сделать для завершения своей самоорганизации.

«Мы не можем — мы боимся», — проговорился Антонеску.

«*La peur c'est un mauvais conseiller, surtout dans les problèmes extérieurs* [Страх — плохой советчик, особенно когда речь идет о внешних проблемах]», — ответил Островский.

«*C'est vrai, mais nous sommes obligés d'etre prudents* [Это верно, но мы должны быть осторожны]», — возразил Антонеску.

«Что будет делать Малая Антанта [без СССР], если намечающееся сейчас в контурах Локарно воплотилось бы в пакт четырех?» — спросил Островский.

У него нет никаких шансов на успех, сказал Антонеску. А что, если есть, снова спросил Островский. «Тогда мы посмотрим!», — последовал ответ.

Затем настала очередь Антонеску задать вопрос. «А каковы шансы на возможность немецко-совестского соглашения, о котором говорит радикальная французская пресса?»

«Мне неизвестно о том, стоит ли этот вопрос в Москве, — ответил Островский. — Но мы всегда стояли за договоренность с любой страной, при условии, что эта договоренность не будет иметь острия против третьей страны, как об этом свидетельствуют тексты наших пактов о ненападении».

По словам Островского, «Далее, Антонеску продолжая развивать тему "политика Малой Антанты" — все время возвращался к основной причине нынешнего беспорядка в Европе — отсутствия Франции, нерешительность Франции, которая истолковывается Германией и ее друзьями как слабость и трусость».

«Как трусость в результате слабости, которую мы истолковываем... как слабость вследствие трусости», — закончил цинично Инкулец». «Тема "Франция" варьировалась до тошноты, — заметил Островский, — и сделалось неинтересно». Историки любят говорить, что Франция вела себя не то что бы малодушно, а лишь «двойственно», но у этих представителей Румынии не было сомнений в «трусости» французского правительства.

Разговор продолжился. Стороны поочередно поднимали проблемные вопросы и выражали свое недовольство по поводу создавшейся ситуации. В частности, Островский затронул вопрос о враждебной бухарестской прессе, изъятии из продажи советских газет и прекращении показа совет-

ских фильмов в столице. Все это вызывает подозрения, сказал Островский, и подрывает доверие к заверениям Румынии в дружбе с СССР. Антонеску пообещал разобраться с тем, на что пожаловался Островский, ведь он, по его словам, хотел бы устранить все, что может испортить отношения. Да, но что мог сделать Антонеску такого, чего не удалось сделать Титулеску? Островский заметил, что министр иностранных дел завершил дискуссию «ядовитым замечанием»: «Вы видите, может быть и польза от замены очень большого министра иностранных дел, который сидит за границей, министром среднего масштаба, но который сидит дома»[1]. Судить предстояло по делам, а не по словам.

Островский, тщательно обдумав информацию, полученную им из всех этих источников, в конце октября отправил в Москву длинную депешу с рекомендациями по будущей политике в отношении Румынии. Во-первых, он постарался исправить ошибочное впечатление Крестинского от заявления Антонеску о том, что у Министерства иностранных дел нет материалов о переговорах Титулеску с Литвиновым. На самом деле материалы были у Титулеску, который на тот момент находился в Санкт-Морице. Как читатели, возможно, помнят, он не поделился этими документами со своими коллегами в Бухаресте, опасаясь утечек, способных саботировать его переговоры с Литвиновым. Островский хотел прояснить этот вопрос не просто для протокола, но и, возможно, чтобы успокоить недовольство Крестинского по отношению к румынскому правительству. Иногда казалось, что замнарком склонен занимать более жесткую позицию, чем его начальник Литвинов.

Первый важный момент, который подчеркивал Островский, заключался в том, что при нынешнем положении дел в Европе «румыны едва ли захотят продолжать разговоры о пакте. Это — ясно, — писал он. — Румынское правительство стремится заморозить отношения с СССР». Сложные и пространные объяснения Островского сводились к следующему: французы, видимо, тоже хотят заморозить отношения с СССР, а Румыния делает всего лишь то же, что делает Франция. Напомним, это был конец октября 1936 года, и в Испании бушевала Гражданская война.

На тот момент было распространено мнение, что вероятность войны растет, и если она разразится, то в первую очередь это будет война между Германией и СССР. Исходя из принципа единства и неделимости мира, можно было предположить, что война распространится на Центральную Европу и затронет как минимум двух членов Малой Антанты, а также другие государства, особенно Польшу и страны Балтии. Именно поэтому

---

[1] Запись беседы М. С. Островского с В. Антонеску за завтраком. 25 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 135–139.

страны Малой Антанты начали задумываться о выстраивании более тесных отношений как между собой, так и с Польшей, и о создании «идеи нейтрального блока» для предотвращения войны. Для того, чтобы Малая Антанта работала эффективно, странам нужно было гармонизировать свою внешнюю политику, что означало, по сути, не забегать вперед в отношениях с Германией (это касалось Югославии) или СССР (в случае Румынии или Чехословакии), либо, уже забежав вперед, сделать шаг назад. «Нужно разумеется ждать ухудшения отношений между Румынией и нами, — заключил Островский. — И никакие заверения Антонеску, Тэтэреску и даже короля делу тут не помогут и положения не изменят, до тех пор, пока не выяснится отношения Франции к нам и немцам». Это интересное мнение, поскольку оно указывает на то, что Франция, намеренно или нет, напрямую способствовала краху европейской коллективной безопасности. Конечно, дело было не только во Франции, но и в Великобритании, или, вернее, особенно в Великобритании. Государства Малой Антанты ориентировались на Францию, а Франция смотрела на Великобританию. Франция была готова зайти настолько далеко, насколько зайдет Великобритания, но Великобритания в деле противостояния Германии не двигалась с места. Страны Малой Антанты наблюдали за сложившейся ситуацией с тревогой, однако сделали необходимые выводы и начали сами выходить из системы коллективной безопасности.

Затем Островский обратился к роли Титулеску в развитии внешней политики Румынии: «В чем основная разница между Титулеску и любым министром иностранных дел, который пришел бы ему на смену? — Основное: Титулеску обладал достаточно большим и общепризнанным международно-политическим авторитетом в Европе, чтобы, будучи министром иностранных дел малой страны — Румынии, во-первых, иметь возможность и признанное за ним право иметь свою политическую концепцию, во-вторых, стремиться внушить и навязать свою линию и Франции и Англии, и, наконец, в третьих, если это ему не всегда не удавалось, то все-таки свою линию проводить самостоятельно... Правда, для этого он пользовался методами, только ему свойственными и вытекающими из румынских традиций и обстановки: шантаж, окутывание тайной своих действий, политика свершившегося факта и т. д. и т. д. Вы знаете, что одним из “мотивов” высадки Титулеску из кабинета был тот, что “Титулеско очень великий человек, и слишком великий человек для Румынии”».

Было очевидно, что любой министр, будь то Антонеску или кто-то другой, будет проводить политику, которая не противоречит мнению короля или местным настроениям и по сути является слепым подражанием великим державам. Румыния стремилась улучшить отношения с Польшей — то же самое делала и Франция. Румыния хотела улучшить отношения с Ита-

лией — то же самое делала и Франция. Румыния подписала торговое соглашение с Германией, но ведь и Блюм, а до него Лаваль, «боится пуще смерти огорчить Германию вплоть до того, что допускает вмешательство Берлина в свои внутренние дела». Слабостью Франции всегда объяснялась и даже оправдывалась слабость малых держав Центральной и Восточной Европы. В любом случае, в торговом соглашении с Румынией не было «ничего особенного», выражал свое мнение Островский, тем самым отвечая на предыдущее послание Крестинского. Островский мог бы также добавить, что и СССР ведет торговые переговоры с Германией — хотя бы для того, чтобы не допустить разрыва дипломатических отношений с Берлином, как указывал Литвинов, или для того, чтобы французы и британцы не расслаблялись. В Бухаресте наблюдаются опасные тенденции, отмечал Островский, но те же тенденции можно наблюдать и в других странах, ощущающих растущую угрозу со стороны Германии. Эти тенденции могут выйти боком только в том случае, если Франция или Англия займут враждебную позицию по отношению к СССР. Островский вновь подчеркнул, что в политике Антонеску «никакой специальной антисоветской агрессивности нет» и что Прага тоже старается занять более выгодную позицию по отношению к Берлину, хотя и в меньшей степени, чем Бухарест. Главная причина охлаждения отношений Румынии с СССР — Франция, которая также взяла курс на охлаждение отношений с Москвой. Политика Блюма на самом деле ничем не отличается от политики Лаваля, за исключением того, что Лаваль проводил свою политику по убеждениям, а Блюм — из-за «трусости». Это необходимость, сказал бы Блюм. Однако в Бухаресте, будь то в Министерстве иностранных дел или в советском посольстве, о Франции судят жестко и безапелляционно.

Так какой же должна быть наша политика? — задавал риторический вопрос Островский. Что же нам, просто сдаться, подчиниться тому, что кажется «фатальной неизбежностью»? «Мне думается, что отношения между двумя странами, как бы они ни были, как говорят дипломаты, “сердечны”, всегда хранят в себе возможность ухудшения, и наоборот. Я бы сказал, что хорошие отношения всегда носят в себе, в зародыше отношения плохие, и наоборот». То-то и оно: нет такого понятия, как *Niebelungentreue*. «Задача заключается в том, — говорил Островский, — чтобы мешать этим зародышам вырасти и развиться».

Любой посол желает улучшения отношений со страной, в которой он аккредитован, по крайней мере, на начальном этапе. Но Островского отличало от других то, что его было нелегко привести в уныние и заставить сдаться. У нас начали формироваться хорошие отношения, пока Титулеску был министром, пишет он, и мы не воспользовались этим этапом, как могли бы, «по целому ряду причин». «Потому что мне ясно, что изменение

политики Бухареста определяется в значительнейшей мере изменением европейской обстановки, политикой великих держав, испанскими событиями, и, наконец, обострением классовых противоречий в Европе». Так что же нам делать? — снова вопрошает Островский. Давайте не будем проводить пассивную политику, поскольку это равноценно отсутствию политики и «есть политика свободы действий врага». Антонеску, похоже, хочет сохранить хорошие отношения с СССР или, по крайней мере, видимость хороших отношений. Это явственно следовало из встреч Островского с его румынскими коллегами. Антонеску и Инкулец с готовностью реагировали на любое выражение недовольства. «Возможно, что это делается румынами для выигрыша времени, причина не имеет никакого значения. А разве для нас элемент времени безразличен? Мы должны использовать это нынешнее состояние и делать все, что можно, чтобы не допустить ухудшения отношений, чтобы сохранить статус-кво». Островский вернулся к своим прежним предложениям в сфере экономических и культурных отношений, несмотря на скептицизм Крестинского. Он считал, что терять все равно нечего. «А это не исключено — не надо забывать географического фактора и что одним только Днестром отделяется голодающая, нищая Бессарабия от Молдавской АССР». Островский рекомендовал попытаться выиграть время. «Политика же выжидания — это скверная политика, это отсутствие политики; политика же *mauvaise humeur* и раздражительности по отношению к Румынии — еще хуже»[1].

Литвинов в спорах о том, как вести себя с новым румынским правительством, встал на сторону Островского, а не Крестинского. Ему казалось странным, что у Антонеску нет протоколов переговоров Титулеску, хотя в целом Антонеску проинформирован хорошо, даже если не о деталях предыдущих переговоров. «Мне известно, что бумажка, которую мы с Титулеску парафировали в Монтрё, до сих пор хранится у Титулеску, — писал Литвинов, — и в Бухаресте о ней никто не имеет никакого представления. Я также не считал нужным говорить о ней Антонеску, тем более, что считаю переговоры о пакте с Румынией прекращенными и не думаю, чтобы они возобновились раньше возвращения к власти Титулеску, если это когда-либо будет иметь место». Литвинов выражал согласие с представленной Островским оценкой состояния советско-румынских отношений. «Факт ухода Титулеску сам по себе является значительным ухудшением этих отношений, чтобы ни пел нам Антонеску. Сближение с Польшей является достаточно красноречивым свидетельством этого». Для Бека это была большая победа: в Варшаву уже ехали румынские офицеры для обсу-

[1] М. С. Островский — Н. Н. Крестинскому. 29 октября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 150–160. Опубл.: СРО. Т. II. С. 102–109.

ждения ряда вопросов со своими польскими коллегами. Не скрывайте нашего недовольства по этому поводу, указывал Литвинов. Польско-румынский союз направлен исключительно против СССР. «Мы в этом усматриваем уже первый признак изменения отношения в результате ухода Титулеску».

Литвинов согласился и с оценкой Островским последствий слабости Франции.

«Недостаточное развитие франко-советских отношений, колебания и трусость правительства Блюма не могут, конечно, не влиять на отношение к нам Румынии. Я согласен с Вами в том, что изменения отношения к нам Франции в худшую сторону вызовет параллельное отношение и со стороны Румынии, но из этого отнюдь не следует, что такой же параллелизм непременно будет иметь место и при обратном процессе во Франции. Результатом такого процесса скорее может быть ухудшение отношения Румынии к самой Франции».

Как пишет Литвинов, из-за отказа Германии от новых переговоров в Локарно и бельгийской декларации о нейтралитете, в числе других событий, Блюм начал проявлять признаки желания «активизировать» советско-французские отношения. Не думайте, предупреждает Литвинов, что это изменит позицию Бухареста. Все могло бы быть по-другому, только если бы государства Малой Антанты смогли уладить свои разногласия и в результате этого был бы заключен официальный союз с Францией.

Идею создания нейтрального блока между СССР и Германией Литвинов отверг. «Настолько нелепая» идея, добавил он, призвав Островского высмеять ее, когда представится случай. Страны Балтии и Румыния не могут остановить немецкую армию. Не сможет этого сделать в одиночку и Польша, даже если она и сможет продержаться какое-то время.

Следующим пунктом был Бельгийский вопрос. «Иное дело Бельгия. Она отнюдь не рассчитывает на собственные силы и провозглашает свой нейтралитет только потому, что уверена в неизбежной помощи Англии и Франции. Бельгия не будет самостоятельной целью наступления Германии, а лишь коридором в направлении Франции и Англии». В этом Литвинов был совершенно прав, как показали события 1940 года. Страны Балтии и Румыния, полагал он, могут стать целями немецкой агрессии. Но если СССР решит воздержаться от помощи этим странам, Германия вполне может их одолеть, будь то при помощи внутренних коллаборационистов или без нее. Поэтому сторонникам нейтрального блока, возможно, не мешает задуматься. Даже если они надеются, что советское вмешательство остановит наступление Германии, не лишним будет заключить на такой случай предварительное соглашение. «В эту точку всегда и бил Титулеску, доказывая королю необходимость пакта с СССР».

Литвинов также подтвердил свое согласие с политическими рекомендациями Островского относительно взаимодействия с Румынией без Титулеску. Подразумевалось, что нужно не отказаться от позиции в Бухаресте, а попытаться сохранить «нынешнего уровня отношений, если нельзя его поднять». Литвинов назвал эту политику «пассивной» в том смысле, что он был против инициативы по предложению «никаких пактов или заключения других политических актов»[1].

Таким образом, советская политика была ясна: по возможности поддерживать терпимые отношения с Румынией. Проблема заключалась в том, что полномочия по поддержанию приемлемых двусторонних отношений не принадлежали исключительно правительствам в Москве и Бухаресте. Об этом Литвинову в разговоре в начале ноября напомнил посланник Румынии в Москве Эдмонд Чунту. Он виделся с Тэтэреску в Бухаресте, и, конечно же, глава правительства повторил знакомый рефрен о том, что румынская политика будет продолжаться так же, как и при Титулеску. Тем не менее существовали внешние факторы, которые могли помешать осуществлению этой политики. По мнению Чунту, широкие круги общественного мнения в Румынии были весьма обеспокоены ростом в Европе коммунистического движения, проявившим себя в победе Народного фронта во Франции и в ситуации, сложившейся в Испании. Правые французские газеты, у которых в Румынии был широкий круг читателей, высказывали резкие мнения. «Рассуждают упрощенно, — сказал Чунту. — После заключения советско-французского пакта во Франции усилилось левое движение, образовался Народный фронт, происходит волна забастовок с занятием фабрик и т. д. Если это могло случиться в отдаленной Франции с ее установившимися старыми традициями, то чего может ждать пограничная с СССР слабая Румыния в случае сближения с нами?»[2]

В конце ноября Островский еще раз встретился с Тэтэреску и Инкулецем, когда председатель Совета министров и его заместитель приехали в советское посольство на официальный обед. На повестке дня у представителей Румынии была все та же задача: вести переговоры о сохранении хороших отношений с СССР. Судя по записям Островского, он хорошо ладил со своими румынскими коллегами. Это было частью его работы.

Инкулец был в хорошем настроении и приветствовал Островского, демонстрируя свои познания в латыни: «*Si acum*, Михаил Семёнович,

---

[1] М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 13 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 96. Л. 24–26.

[2] Запись беседы Э. Чунту с М. М. Литвиновым. 2 ноября 1936 г. // СРО. Т. II. С. 110–111.

sunteti multumit? [А теперь, Михаил Семёнович, вы довольны?] — он имел в виду свое выступление в парламенте от 26 ноября по советско-румынским отношениям».

«Познается человек по делам его», — ответил Островский, повторяя обычный аргумент в пользу политики СССР.

«Дела у нас последуют за словами», — парировал Тэтэреску.

«Москва словам не верит», — ответил Островский.

За этими остротами скрывалась суровая реальность: Румыния не будет проводить политику, противоречащую интересам Франции и Великобритании, а СССР не сможет в одиночку организовать взаимопомощь в Центральной и Восточной Европе. Румынское правительство, несмотря на сильное давление со стороны Германии, пытается придерживаться той же линии, что и Западная Европа. Германия по-прежнему остается «главным врагом». «Италия, несмотря на все *seitensprung* [маневры уклонения], в решающий момент будет против Германии, — ее не надо раздражать». По словам Тэтэреску, нацеленный на борьбу с фашизмом Народный фронт препятствовал вступлению Италии в антигерманский фронт и тем самым подталкивал ее в объятия Германии. Румынское правительство, как и прежде, при Титулеску, по-прежнему мечтало создать антигерманский фронт, состоящий из Лондона, Парижа, Рима, Варшавы, Малой Антанты и Москвы. «Испанские события, к сожалению, развернулись не вовремя, нагоняют панику на всю Европу, внеся раскол между государствами, и дробят единство в среде каждой нации». С этим было не поспорить.

Островский хотел поговорить о Гражданской войне в Испании. В конце ноября 1936 года, как читатели помнят, испанские республиканцы отразили наступление националистов на Мадрид. У них был шанс разгромить франкистов. Островский видел в Германии главного зачинщика конфликта в Испании и главную угрозу миру в Европе. «Немецкий план изоляции Франции не ограничивается Испанией, — отметил Островский. — Во всех странах, правительства которых не торопятся признать гегемонию Берлина, правительства находятся в опасности». Румыния ни от чего застрахована; немецкие деньги идут на финансирование подрывной деятельности. Тэтэреску не возражал, но сказал, что круг понимающих эту опасность ограничивается информированной элитой. Другие винят во всем события в Испании, Народный фронт и Коминтерн. Румынскому правительству приходится принимать эти взгляды во внимание. «[Румынское] правительство полностью отдает себе отчет в немецкой опасности, — сказал Тэтэреску, — оно считает, что французское правительство не стоит на высоте своего положения уже в течение 2 лет и этим увеличивает опасность войны». Опять Франция, должно быть, подумал Островский. Франция и Великобритания — особенно Великобритания! —

были ключом к успеху европейской коллективной безопасности против нацистской Германии. Румыния делала все возможное, чтобы консолидировать свои силы и укрепить Малую Антанту, сказал Тэтэреску, и не стала бы пренебрегать своими отношениями с СССР. Посмотрим, подумал Островский[1].

7 декабря Островский организовал официальный ужин в честь Инкулеца. Это была так называемая гастрономическая дипломатия. На приеме присутствовали и другие румынские министры, чиновники и политики. Были также представители Франции и Чехословакии. Такой прием мог оказаться скучнейшим мероприятием, а мог стать фоном для интересных бесед и обмена важной информацией. Шампанское лилось рекой, звучали тосты. «Темой моего десятиминутного выступления, — сообщает Островский, — была: вне коллективной безопасности нет и не может быть безопасности для отдельного государства, в особенности для малых». Инкулец ответил на это, что «принцип коллективной безопасности является основой румынский внешней политики. Отсюда — Малая Антанта, союз с Францией и приверженность Румынии к Лиге Наций. Коснувшись советско-румынских отношений, Инкулец сказал, что правительство Тэтэреску и Национальная либеральная партия горды тем, что именно они восстановили утерянную связь с Союзом и рады нынешнему состоянию этих отношений, которые он квалифицировал, как «отношения дружественного добрососедства». Затем Инкулец поднял тост за Сталина и председателя Калинина. После ужина гости разбились на группы. У Островского завязалась беседа с министром обороны генералом Паулом Анджелеску, который поинтересовался отношениями между советской и чехословацкой армиями.

«Я предупредил генерала, что по миру ходят утки, пущенные немецкой прессой, раздувающие до невероятных размеров эту связь, которая, по моим сведениям, ограничивается обменом делегациями на маневры. Потом к нам подошел полковник [Жюль-Мари] Дельмас, французский военный атташе и стал рассказывать Ангелеске [Паулу Анджелеску] впечатления французской делегации от маневров в Белоруссии, перечисляя при этом количество авиации, танков и артиллерии. Генерал чмокал языком и только спрашивал: *tant que ca* [пока это так]?»

Это был интересный диалог, если учесть попытку генерала Швайсгута испортить благоприятное впечатление о Красной армии. Похоже, полковник Дельмас был не в курсе доклада Швайсгута. «*C'est une armée formidable* [Это грозная армия]», — добавил Инкулец. По словам Дельмаса, румыны

---

[1] М. С. Островский — Д. Г. Штерну. 28 ноября 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 121. Д. 98. Л. 188–191.

закупали у немцев военную технику и заморозили переговоры с Чехословакией по другим военным контрактам. Для Островского это, по-видимому, не было хорошей новостью.

Воспользовавшись окружающим шумом, Островского отвел в сторону чиновник, известный как сподвижник Титулеску. Он «долго говорил о *fripoille* [негодяе] Инкулеце, о *voyou* [бандите] Татареске и о *vieux gaga* ["старой леди"] Антонеску и упорно убеждал меня никому из них не верить. Что единственный настоящий друг Союза — это Титулеско». Конечно, с его стороны вполне естественно так рассуждать, учитывая, что он из окружения Титулеску, наверное, подумал Островский, но это мы еще посмотрим. Чуть позже, когда присутствующие снова собрались все вместе, готовясь расходиться по домам, Григоре Филипеску, который был явно в хорошем настроении, начал говорить нарочито громко, чтобы его все слышали. Филипеску был лидером Румынской консервативной партии, но выступал за большой союз против нацистской Германии и сотрудничество с СССР. Он иногда бывал в советском посольстве. Было уже поздно, и все, должно быть, были изрядно *oiled* шампанским, вином и коньяком. Филипеску начал говорить о Польше в саркастическом тоне. «Я — консерватор, — сказал он, — я не коммунист и не социалист, но я сын [румынского националиста] Николае Филлипеску, и между Польшей и Россией, если речь идет о выборе, — я выбираю Россию, во-первых, потому что она — настоящая великая держава *et pas une dinde*, во-вторых, потому что она не предаст». Островский не уточняет, ответил ли что-то на это он сам или кто-то из его гостей. Все разошлись около 2 часов ночи. Мероприятие было оживленным, как доложил Островский в Москву. Только один из гостей, Инкулец, остался, чтобы поговорить.

«После того, как гости разошлись и торжество прекратилось, — сказал Островский, — можно поговорить начистоту, по-настоящему». Только теперь начался серьезный разговор о политике Румынии. Островский выразил крайнее недовольство двумя моментами. Первым был недавний официальный визит Антонеску в Варшаву, который ознаменовал укрепление румынско-польских отношений. «Нам непонятна политика Бухареста, поездка в Прагу и вслед за этим поездка в Польшу. Нам непонятно, как можно повторять о дружбе румыно-советской и готовиться к войне против Советского Союза». Имелось в виду, что румынско-польский союз мог быть направлен исключительно против СССР.

Вторым таким моментом был случай, когда король вручил награду Станиславу Альфонсовичу Поклевскому-Козеллу, бывшему посланнику царской России в Бухаресте, который до 1934 года оставался в советском посольстве. По мнению Островского, это было ничем не мотивированное оскорбление. О чем только думали правительство и король? Инкулец лишь

отмахнулся. По его мнению, это был всего лишь красивый жест короля по отношению к старику; мнения правительства при этом никто не спрашивал. Сигуранца (румынская разведка) сообщила нам в прошлом году, ответил Островский, что Поклевский возглавляет тайную организацию, планирующую организовать нападения на советских чиновников, в том числе на полпреда СССР.

О визите в Варшаву Инкулец мог рассказать очень мало. «Инкулец сказал, что он ничего не думает, но уверен, что эта поездка не направлена против Союза: «мы должны быть сумасшедшими, чтобы об этом думать». Было уже очень поздно, оба устали и много выпили; пора было заканчивать разговор[1].

На следующий день Антонеску пригласил Островского прийти к нему для обсуждения текущих политических вопросов. По-видимому, утром ему уже позвонил Инкулец. Неудивительно, что первой темой обсуждения стал визит Антонеску в Варшаву. «Пронемецкая страсть» в определенных кругах польской общественности «начинает спадать», отметил министр иностранных дел. Есть сомнения «в искренности» немцев и опасение возможных «сюрпризов». Антонеску повторил обычный аргумент в пользу польской политики, согласно которому Польше угрожала опасность как с востока, так и с запада. Островский отреагировал скептически.

Бек сказал мне, вставил Антонеску, что отношения с СССР «нормально-корректные». Островский ответил, что так не считает. Чехословацкий вопрос также поднимался в обсуждениях с министром иностранных дел Польши, и Антонеску тогда отметил, что для обеспечения мира необходимо улучшение польско-чехословацких отношений. Чехословакия, ответил Бек, остается советским форпостом в Центральной Европе, так что получается, что Польша с третьей стороны окружена СССР (а с запада и севера, можно было бы добавить, она окружена Германией). На это Антонеску возразил Беку, приведя доводы в пользу тесных отношений Польши с Малой Антантой.

На слова о намерениях Польши Островский отреагировал скептически, однако предпочел перевести разговор на советско-румынские отношения. Он сказал, что по-прежнему обеспокоен контактами румынского Генерального штаба с Варшавой. Антонеску парировал: «И, наконец, кто может поручиться, что Литвинов будет вечно руководить внешней политикой Советов? До тех пор, пока Литвинов министром индел — и это надо точно сказать, опасности нападения с этой стороны нет».

«А Антонеску вечен, как мининдел?» — спросил Островский. Разговор явно переходил в опасное русло. «Антонеску начал ерзать», — пишет Ост-

---

[1] М. С. Островский — М. М. Литвинову. 25 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 83. Л. 20–23.

ровский. После этого полпред понял, что зашел слишком далеко. Дискуссия завершилась обычными заверениями[1]. На самом деле отношения между двумя странами становились более напряженными, вопреки тому, чего, по-видимому, хотела каждая из сторон.

Плохие и хорошие новости

26 декабря у Островского состоялась деловая встреча с Вирджилом Маджеару за обедом — это было то, что сейчас называют гастрономической дипломатией. Маджеару еще не фигурировал в нашем повествовании; это был ученый и политик, представитель румынских левых сил, член Национал-цэрэнистской партии, трижды входивший в состав Кабинета министров, и ярый противник фашистской «Железной гвардии», убийцы из которой и расправились с ним в 1940 году. Как и некоторые другие румынские политики, он выступал за сближение с СССР. Он был еще одним из многочисленных информаторов Островского. Они встретились в Синая, небольшом городке к северо-западу от столицы, чтобы обсудить румынскую политику.

В числе тем разговора был король Кароль II, который не являлся другом Национал-цэрэнистской партии. Маджеару в прошлом поддерживал короля, но в политике альянсы и союзники часто меняются, и Маджеару стал критически относиться к внутренней и внешней политике Кароля. «Король — прежде всего немец», — сказал Маджеару; румынский монарх и в самом деле был из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов. «Его конек — это звериная ненависть к Советскому Союзу, к России и коммунистической России. Подготовкой смены внешней политики был уход Титулеско».

Маджеару обвинил Париж в потворстве и содействии смещению Титулеску. Для Островского это, должно быть, стало откровением. У румын, которые выступали за коллективную безопасность против нацистской Германии, был целый список претензий к Франции. По словам Маджеару, французское правительство «облегчило принятие кабинетом решений об удалении Титулеску — Франция потеряла свой престиж... радикальная часть кабинета Блюма была предварительно проконсультирована одним членом [румынского] правительства [возможно, что в виду имелся Рихард Франасовичи. — *М. К.*] и дала понять, что кабинет не будет из-за этого делать трудности Бухаресту... Маджеару утверждает, что это ему известно документально».

---

[1] Запись беседы М. С. Островского с В. Антонеску. 10 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 83. Л. 13–19.

Маджеару назвал увольнение Титулеску «французским 7 марта [вход немецких войск в Рейнскую область] в Румынии», облегчившим во много раз немецкую агрессию в Центральной Европе, раскрывшим полностью все ворота для немецкой работы здесь... Немцы добивались этого в течение двух лет, не брезгуя никакими средствами вплоть до подготовки террористического акта против Титулеско». Он был «последним барьером, сдерживавшим при Татареске пронемецкие и антирусские инстинкты камарильи и короля».

Тэтэреску вел двойную игру, скрывая свое намерение проводить линию короля. «А пока Татареску производит усиленную маскировку своих действительных намерений звонкими декларациями о преданности Малой Антанте, Франции, Лиге Наций и т. д. К сожалению, и теперь Париж дает себя усыпить пустозвонными декларациями Антонеску, принимая их за чистую монету».

«Советы здесь в Бухаресте ненавидят, — продолжал Маджеару, — французы при дворе и в кабинете лишились всякого уважения». Король дал указание изолировать советское посольство и разорвать его связи с румынским Генеральным штабом. Что еще более удивительно, так это то, что Маджеару просил Островского сделать так, чтобы Москва предприняла что-то с целью помешать амбициям короля и «открыть глаза Парижу» на то, что на самом деле происходит в Бухаресте, «пока еще не поздно». Островский не был склонен поддержать ни одно из предложений Маджеару, и на то были веские причины. Тем не менее, он сообщил в Москву, что нужно быть настороже[1]. Здесь мы вновь наблюдаем выражение гнева и презрения к французам, которые, похоже, плохо представляли, насколько сильно пострадал их авторитет в Центральной и Восточной Европе. Островский имел широкие контакты по всему политическому спектру Румынии, за исключением «Железной гвардии» и германофильских элементов, но ему так и не удалось завоевать доверие короля, и, конечно же, из слов Маджеару ясно, почему.

Еще одна встреча Островского с Антонеску состоялась в конце декабря, после возвращения последнего из поездки в Париж. По словам Антонеску, встречи с Блюмом и Дельбосом прошли хорошо. Важнейшим вопросом на встрече в Париже был союз Франции с Малой Антантой, но Островскому не удалось узнать много подробностей. Антонеску был не слишком разговорчив, пока Островский не дал понять, что собирается уходить.

Антонеску удержал его: «*Voyez-vous, je veux vous parler avec franchise* [Видите ли, я хочу поговорить с вами откровенно]», — сказал он. Румынский посланник Чунту сообщал о том, что в советской прессе появились нега-

---

[1] Запись беседы М. С. Островского с В. Маджеару за завтраком в Синая 26 декабря 1936. 28 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 83. Л. 36–40.

тивные статьи, обвиняющие Бухарест в неискренности и двуличности в отношениях с СССР. Антонеску знал, что у Москвы вызвала подозрения его поездка в Варшаву. Он сказал Островскому, что цель его визита — вывести Польшу из орбиты Германии и улучшить ее отношения с Чехословакией. «Над этим мы работаем неустанно». Антонеску постарался защитить правительство, сказав, что его отношения с Москвой улучшаются и что бухарестская пресса успокоилась.

Бек — le valet hitlérien[1]

Разговор был вежливым, однако Островский не мог согласиться с собеседником ни по поводу румынской прессы, ни по поводу Польши. Когда в сентябре Гамелен отправился в Варшаву, все надеялись, что это приведет к изменению внешней политики Польши. К сожалению, никаких изменений не произошло. Бек выступал не в качестве выразителя идей Лиги Наций или французских и румынских представлений о безопасности, он действовал в интересах Берлина. Во французской прессе, от «Популер» до «Эко де Пари» и «Ордр», Бека называли «гитлеровским лакеем» — *le valet hitlérien*. Островский считал, что это преувеличение, но Литвинов, вероятно, с ним бы не согласился. «Изменился ли Бек? — задал риторический вопрос Островский. — Нет. Его последнее выступление в Сенате яркое [тому] доказательство, в особенности пассаж о Лиге Наций, и отсутствие всякого пассажа о Чехословакии».

На этом Островский не остановился: «Поехав в Польшу, вы выдали Беку свидетельство о хорошем поведении, я поэтому считаю, что этим был нанесен ущерб делу мира, так как Бек либо считает, что его политика вам нравится, либо он совсем не считается с вашим мнением». Островский также добавил: «Я этого от вас не скрывал. Поделился этим и с вице-президентом Совета министров»[2].

Затем Островский заговорил о падении престижа Франции. «Зло, разумеется, идет от Франции», — отметил он.

«Странно, как обречена Франция на Лавалевскую политику! То ли действительно она находится в критическом периоде, как утверждают немцы, то ли режим там совершенно изжил себя, но сбоку, отсюда [из Бухареста], следя за французской внешней политикой остаешься с грустным впечатлением, что не только она, Франция, уже не может претендовать на ведущую роль в Европе, но и не может выполнять более или менее самостоятельной роли в политическом концерте и не может выполнять элементар-

---

[1] Гитлеровский лакей (*фр.*).

[2] Запись беседы М. С. Островского с В. Антонеску 30 декабря 1936. 31 декабря 1936 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 83. Л. 2–8.

ных задач по политическому обеспечению своих собственных границ. Отношения с немцами, с итальянцами со своими союзниками, испанские события, — какая грустная непрерывная цепь дипломатических и политических поражений! И здесь все больше, правда, не в правительственных кругах, усиливается сравнение Франции с проституткой, которую чем больше лягаешь, тем более от нее получаешь»[1].

Эта вульгарная и жесткая оценка была основана на мнении, распространенном среди бухарестских обывателей. Ни французский посол Тьерри, ни кто-либо в Париже, за исключением людей вроде Жоржа Манделя, не имел ни малейшего представления о том, насколько низко упал авторитет Франции и насколько это опасно для самой Франции.

Литвинов проинформировал Островского о том, что ему было известно о французской политике. «Вам, вероятно, известно, что автором идеи пакта между Францией и Малой Антантой является Поль-Бонкур, который со мной говорил об этом еще в Монтрё. Он имел в виду пакт между всеми миролюбивыми странами и в частности между Францией и странами Малой и Балканской Антант плюс СССР». Обо всем этом Островский не знал. Но послушаем, что еще говорит Литвинов: «Эта идея ограничена нынешним французским правительством пактом между Францией и Малой Антантой. Блюм говорил мне, что имеется в виду оставить этот пакт открытым для присоединения других держав. Я не думаю, однако, что он на этом будет особенно настаивать, если встретятся возражения со стороны Югославии или Румынии. Возможно, таким образом, что пакт, если он вообще когда-либо будет подписан, станет закрытым пактом. Из этого, однако, не следует, что мы должны вести агитацию и работать против даже такого закрытого пакта. Он может, конечно, сделать излишним для Румынии пакт с нами, но он в то же время будет в некоторой мере удерживать Румынию от политического соглашения с Германией. Эта положительная сторона по своему значению перевешивает соображения о возможном вытеснении этим пактом прямого румыно-советского соглашения».

Югославия по-прежнему оставалась препятствием для достижения соглашения, поэтому Румыния, вероятно, нарочно позволяла Югославии делать то, что могло вызвать критику[2]. Советская политика, таким образом, осталась неизменной, и здесь Островский и Литвинов более или менее сходились во взглядах.

Островский снова встретился с Тэтэреску в середине января 1937 года, чтобы еще раз поговорить о советско-румынских отношениях. Это было, по сути, повторение предыдущих бесед, «свой обычный диск о дружбе»,

---

[1] М. С. Островский — М. М. Литвинову. 3 января 1937 г. // Там же. Л. 47–53.

[2] М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 13 января 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 133. Д. 82. Л. 1–2.

отметил Островский. Тэтэреску проинформировал полпреда «о твердом решении правительства продолжать развивать дружественные отношения с Советским Союзом». Как и в случае разговора с Антонеску и Инкулецем, Островский сказал, что отношения двух стран могли бы быть и лучше, и упомянул враждебную прессу и запрет «Известий» и советских фильмов. Глава правительства заявил, что займется этими проблемами[1].

В конце января Островский отправил в Москву 18-страничный доклад о текущей ситуации. В нем полпред особо подчеркивал широкий диапазон своих контактов с политиками и представителями власти и акцентировал то, насколько неопределенная и опасная обстановка сложилась в Центральной и Восточной Европе. В отчете Островский упоминал беседу с Инкулецем 27 января. Заместитель председателя Совета министров выражал обеспокоенность югославско-итальянскими переговорами по урегулированию нерешенных разногласий и ролью премьер-министра Югославии Милана Стоядиновича в выходе страны из Малой Антанты и сближении с Германией. Его действия были мотивированы теми же опасениями, что и действия румынского правительства: боязнью, что французской мощи и влиянию в Центральной и Восточной Европе скоро придет конец. Инкулец рассматривал югославско-итальянское сближение как признак изоляции Румынии в Восточной Европе. Кабинет министров больше не верил в Малую Антанту. Было ясно, что если Румыния продолжит проводить свою традиционную политику — держать курс на союз с Чехословакией и Францией, — она столкнется с «полной изоляцией».

«О Польше я не говорю, — отмечал Островский в своем докладе, — учитывая состояние чешско-польских и польско-немецких отношений. Инкулец мне неоднократно, в присутствии Антонеско, говорил, что, по его мнению, Польша и Германия — это одно и то же». Во времена Титулеску инициатива принадлежала Румынии, но теперь она перешла к Югославии и Польше. Югославия, по выражению Островского, стала «Балканской Польшей». Румыния также утратила независимость своей политики по отношению к СССР, предоставив Варшаве право на предварительное одобрение любого советско-румынского соглашения. Все разваливалось на части. Румыния оказалась в изоляции; Франция была бессильна и вызывала лишь презрение и жалость. «Союз Румынии с Францией делается все хрупче и эфемернее», — писал Островский[2]. С точки зрения советского посольства в Бухаресте ситуация представала в весьма мрачном свете.

---

[1] Запись беседы М. С. Островского с Г. Тэтэреску. 20 января 1937 г. // Там же. Д. 83. Л. 62–66.

[2] М. С. Островский — М. М. Литвинову. 31 января 1937 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1034. Л. 15–32. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

Дело Шебы

Пока Островский писал в Москву почти ежедневные доклады о сложившейся ситуации, пропагандистская кампания, призванная перетащить Румынию в немецкий лагерь, продолжалась полным ходом, как и при Титулеску. В начале 1937 года объектом нападок стал Ян Шеба, чехословацкий посланник в Бухаресте. В мае прошлого года Шеба опубликовал книгу «Россия и Малая Антанта в мировой политике». В самой книге как таковой не было ничего плохого; предисловие к ней написал его начальник — министр иностранных дел Камиль Крофта. В своей книге Шеба высоко оценивал советско-чехословацкий договор и продвигал идею советско-румынского соглашения. Эта идея едва ли могла понравиться полякам или немцам. Шеба также называл польские восточные границы временными, сожалея об отсутствии общей советко-чехословацкой границы по линии Керзона. Шеба, не жалея красок, представлял в отрицательном свете Польшу и ее политику. Вполне понятно, что поляки в Бухаресте сочли книгу открытой провокацией.

«Весь корпус, все “общество” и общественное мнение сейчас занято “казусом Шеба”», — писал Островский в совершенно секретном донесении Литвинову. «Неужели столько шума поднялось из-за какой-то книги?» — возможно, спросите вы. На самом деле, книга стала лишь предлогом; настоящей проблемой был сам Шеба. По словам Островского, Шеба занимал важное место в румынском обществе и дипломатическом корпусе и сыграл решающую роль в укреплении румынско-чехословацких отношений. Шеба стал представителем Чехословакии в Бухаресте в 1932 году, приехав из Белграда, где несколько лет прослужил посланником. «Говорит хорошо по-румынски», — продолжил Островский.

«За пять лет он установил самые крепкие, самые распространенные связи в румынском обществе, сблизился с двором, имеет корни в обоих самых крупных партиях и друзей во всех прочих группах. Очень много разъезжал по стране с докладами, — поэтому он один из тех посланников, если не единственный, который известен лично румынской провинции.

Густоте посещаемости его приемов завидовали все миссии и только французская миссия приближалась к чешской в этом отношении.

Несмотря на то, что он не старший и даже не третий, а пятый или седьмой по месту в диплисте, он имеет все мыслимые для посланника награды и ордена.

Положению Шебы здесь завидовали все без исключения посланники.

Шеба является главным мастером чешско-румынского сближения.

Он, ломая сопротивление своих промышленников и части своего правительства, начиная с 1935 года, провел все кредитные соглашения по вооружению рум[ынской] армии на самых выгодных для румын условиях...

Он возил короля в Прагу... он привозил и привозит сюда военных, спортсменов, писателей, артистов...

Убежденный сторонник Малой Антанты и нынешней системы чешских политических союзов, — он является последовательным демократом и апологетом чешско-советского и румыно-советского союзов».

Одним словом, тут было нечто большее, чем просто книга, вызвавшая критику со стороны немецких и польских агентов в Бухаресте. Островский пояснял: «Его пребывание здесь персонифицировало Малую Антанту, а после ухода Титулеску, работа его была, по существу, mutatis mutandis, продолжением работы Титулеску, чего нельзя сказать о работе француза.

В особенности это относится к его просоветской работе здесь в обществе, что ему стоило прозвища «большевик» при дворе королевы-матери, действенным экспонентом антифашистского начала.

Все это, вместе взятое, сделало Шебу мишенью польской и немецкой миссий. Для своей работы поляки и немцы до последнего времени использовали (главным образом, поляки, которые играли и играют роль немецких мальчиков) всякие гнусные анонимки, пускали слухи о метрессах Шебы, о его пьянстве и т. д.».

Книга в конечном итоге спровоцировала начало античешской кампании в польской, немецкой и итальянской прессе. «Миланское радио в конце января трактовало Шебу платным советским агентом. Тогда поляки и немцы здесь соединенными усилиями поставили задачей свалить Шебу, сделав из этого политическую антималоантантовскую демонстрацию и одновременно спровоцировать правительство на то, чтобы поставить точки над i в румыно-советских отношениях»[1]. Через неделю после того, как Островский написал эти строки, Шеба попросил отозвать его с должности посланника. Это была еще одна победа Бека и его польских агентов в Бухаресте.

«Сползание к фашизму»

Отставка Шебы произошла в то же время, когда проходили шествия «Железной гвардии» в память двух ее легионеров, которые погибли в Испании, сражаясь на стороне Франко (это были Ион Моца и Василе Марин). Как вы помните, «Железная гвардия» представляла собой румынское фашистское политическое движение и военизированное формирование. Согласно донесению разведки Красной армии, король Кароль II распорядился в целом ряде городов организовать специальные церемонии с участием священнослужителей; участники шествий «осыпались разными по-

[1] М. С. Островский — М. М. Литвинову. 9 февраля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 83. Л. 92–99.

честями». Вопреки ожиданиям, утверждалось в донесении, участников процессий, организованных «Железной гвардией», было немного, а прохожие воспринимали эти процессии «как на цирковую комедию». В этой части советская разведка ошибалась, потому что на самом деле похоронный кортеж привлек большое количество людей. Сообщалось, что Германия, Италия и Польша использовали это событие для укрепления фашистского движения в Румынии. По сути, «Железная гвардия» приобрела от публичных шествий и церемоний выгоду в виде хороших результатов на выборах в конце года. Разведка Красной армии также получила информацию о том, что в Бухаресте с целью отомстить за гибель легионеров «Железной гвардии» создаются специальные отряды смерти для убийства послов Франции, Чехословакии, Испании и СССР[1].

Литвинов был недоволен развитием событий в Румынии, что он ясно дал понять послу Франции в Москве Кулондру. Он винил Польшу в попытке расколоть Малую Антанту и, в частности, отвратить Румынию от Чехословакии. Куда ни глянь, Литвинов всюду видел руку Бека, «гитлеровского лакея», пытавшегося изолировать Чехословакию. Он также был рассержен историей Шебы, которому король Кароль II фактически предложил уйти в отставку. «Я поражен, — отмечал Кулондр в телеграмме в Париж, — тем растущим раздражением, которое вызывает здесь политика Бека». И тем хуже, добавлял он, поскольку французские соглашения с Польшей и СССР могут функционировать только на основе советско-польского союза. «Я, к сожалению, должен признать, — продолжал Кулондр, — что мой польский коллега [Вацлав Гржибовский] ничего не делает для урегулирования ситуации, и его явная враждебность по отношению к Советам не оставляет никаких сомнений относительно настроений самого Бека, который является его другом»[2].

Еще более прямой разговор состоялся у Литвинова с румынским министром Чунту неделю спустя во время приема в посольстве Турции. «Прерываемая улыбками и даже шутками — сообщал Чунту, — беседа была в основном все же крайне неприятная». Похоже, у Литвинова было паршивое настроение, усугубленное недавно перенесенным гриппом.

«Он видит, — продолжал Чунту, — что Румыния неуклонно скатывается к фашизму». Будь то намеренно или по своей слабости, король и правительство позволяли крайне правым бандам бесчинствовать на улицах и избивать прохожих прямо на глазах у полиции. Литвинов также затронул в разговоре дело Шебы. «Непонятно, — сказал Литвинов, — как прави-

---

[1] Донесение начальника РУ РККА С. П. Урицкого К. Е. Ворошилову. 14 февраля 1937 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1034. Л. 12–13. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Coulondre. No. 81. 9 Feb. 1937 // DDF. 2e. Vol. IV. P. 724–725.

тельство позволило этому развиться в публичный скандал, или, лучше сказать, что правительство сознательно разыграло польскую карту». За этим последовал обмен саркастическими замечаниями и упреками; в числе прочего Литвинов упомянул и имя Титулеску как жертвы польской клеветы. Вполне понятно, почему Чунту счел, что беседа «все же крайне неприятная». Слабые надежды Литвинова на Румынию стремительно таяли.

«Продолжая беседу, г-н Литвинов поздравил себя, что оказался ясновидящим в вопросе о договоре взаимопомощи между нами. Подобный договор был бы сегодня основан на песке, то есть формально он бы существовал, однако был бы лишен какой-либо сущности. Отношения между Советами и Румынией сегодня не могут быть, такими, как в прошлом, поскольку Румыния стала пленницей Польши... Чего достигла Румыния в своей политике за последние пять месяцев? — спросил саркастически г-н Литвинов, — Расшатывания Малой Антанты, ослабления Балканской Антанты, ослабления отношений с Советами, протрезвления от неблагодарности Франции — взамен добились улыбки г-на Бека».

Рассказывая об этом последнем выпаде Литвинова, Чунту добавил, что ему было бы очень сложно: «Мне было бы трудно передать все, особенно акцент, горячность или иронию. Все вместе не может быть более неблагоприятным». Это было очень похоже на Литвинова, который мог выражаться весьма язвительно. Чунту не поверил, что румынское правительство могло согласиться представлять любое соглашение с СССР на предварительное одобрение Польши, и сделал соответствующий запрос, чтобы иметь возможность показать Литвинову, что тот плохо информирован[1]. Конечно, Бухарест не смог предоставить такую информацию, ведь то, что сказал Литвинов, было очевидной правдой.

Тем не менее, Антонеску счел себя обязанным отреагировать. «Я ни с кем не вел игры в этом вопросе», — написал он Чунту. Получив от Польши протест по поводу Шебы, Антонеску ответил, что если поляки хотят жаловаться, то они обратились не по адресу, и им следует обсудить этот вопрос с Прагой. Это был корректный дипломатический ответ, но этим дело отнюдь не закончилось. Когда вмешался король, судьба Шебы была предрешена. По словам Антонеску, он сам делал все возможное, чтобы защитить Чехословакию и лично Шебу. Затем Антонеску попытался объяснить, что представляет собой польское вето на внешнюю политику Румынии, которое принял еще Титулеску. Как читатели помнят, польская миссия в Бухаресте по сути в течение нескольких лет стремилась помешать улучшению советско-румынских отношений. «Добавлю также, — отметил Антонеску в конце своего ответа, — что в последнее время г-н Литвинов

[1] Телеграмма Э. Чунту в МИД Румынии. 16 февраля 1937 г. (перевод с румынского языка) // СРО. Т. II. С. 116–117.

мне кажется очень нервным»[1]. Вполне возможно, что так оно и было, поскольку штабные переговоры в Париже шли неважно, и куда бы Литвинов не взглянул, всюду были сплошь неудачи и препятствия на пути советской идеи коллективной безопасности.

Призрак Титулеску

Через несколько дней Литвинов направил Островскому дальнейшие распоряжения касательно того, что следует передать Антонеску. «Мы от Румынии ничего не добиваемся, кроме сохранения ею полной самостоятельности перед лицом германских и польских провокаций, лояльности в отношении Франции и Малой Антанты, дружественных отношений с нами и верности принципам Лига Наций, коллективной безопасности — иначе говоря, сохранения курса Титулеску». К сожалению, полагал Литвинов, румынское правительство движется в неправильном направлении. «Мы видим ослабление малоантантовских связей, господство в Румынии влияния польской и германской миссий и в довершение всего новый пароксизм интимности с Польшей». Литвинов пробежался по некоторым из своих традиционных тезисов, которыми делился с Чунту во время последней беседы, в частности, о том, что единственная держава, против которой направлен польско-румынский союз, — это СССР. Польша и Германия намеренно делают все, чтобы подорвать эффективность Малой Антанты. Представители Румынии говорят «о дружественных отношениях с нами», отмечал Литвинов, но в своих публичных заявлениях утверждают, что никакого пакта с СССР заключено не было, и «торжественно» заявляют, что никакого пакта и не будет заключено[2]. Если судить по программному заявлению Литвинова в ноябре и этому новому заявлению, сделанному в феврале 1937 года, советско-румынские отношения катились под откос.

Тем временем Островский в Бухаресте все еще пытался держать оборону, но его общение с румынскими коллегами становилось все более полемическим, как показывает очень интересный разговор с сенатором Филипеску. Читатели помнят, что Филипеску, влиятельный политик и предприниматель, выступал за добрососедские отношения между СССР и Румынией. Он не был, так сказать, свидетелем противной стороны. Филипеску хотел поговорить с Островским о внешней политике и начал с замечаний о Титулеску. Читатели могут подумать, что он лишь напрасно ворошил прошлое, но все же интересно ознакомиться с мнением Филипе-

---

[1] Телеграмма В. Антонеску Э. Чунту в миссию Румынии в СССР. 17 февраля 1937 г. (перевод с румынского языка) // СРО. Т. II. С. 121–123.

[2] М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 22 февраля 1937 г. // ДВП. Т. XX. С. 92–94.

ску, который, в принципе, должен был бы поддержать Титулеску, добродетельного человека, ставшего жертвой трагических обстоятельств.

«Титулеску имел очень много недостатков, — признал Филипеску. — Главнейшим из его недостатков является трусость, он не *militant*. Стремясь быть в хороших отношениях (*très bien*) со всеми [внутри страны. — *М. К.*], он не создал вокруг себя и своего имени группы преданных друзей.

Стремясь сделать себя незаменимым, он окружил себя как в министерстве, так и заграницей ничтожными лицами, которые его предавали. Титулеску лесть принимал за преданность, а молчание из вежливости — за согласие.

Поэтому его уход не оставил большого впечатления в стране. А между тем, его присутствие на посту министра сейчас более необходимо, чем когда бы то ни было».

Говоря об общем состоянии безопасности Румынии, Филипеску заявил: «Я считаю, что границы Румынии сейчас более оголены, чем когда бы то ни было: те, за которыми мы бегаем и для приобретения дружбы с которыми мы выкинули Титулеску — отвечают нам пинками (Италия), другие — склонны считать нас своей полуколонией, для снабжения их сырьем, полуколонией, в которой все разрешается. *Au moins, il aurait pu garder le prestige du pays, et la dignité nationale* [Он, по крайней мере мог бы сохранить престиж и национальное достоинство нашей страны]».

Затем Филипеску обратился к вопросу советско-румынских отношений в целом. Эта беседа имела место сразу после пышных похорон двух членов «Железной гвардии», погибших в Испании. В их честь немедленно были выпущены почтовые марки. Фашизм, похоже, существовал и даже набирал силу в Румынии, как и в других странах Европы. Филипеску настаивал на том, что правительство «*sincèrement animé*» (искренне воодушевлено) в своем намерении сохранить хорошие отношения с СССР. Островский ответил так же, как и Литвинов. В этой части разговор получился довольно интересным. Филипеску опроверг утверждение Островского об изменении политики Румынии. Он «стал обвинять Францию, в особенности Лаваля как источник зла в Европе и в Румынии. В частности, сказал, что без Лавалевского периода уход Титулеску был бы немыслим». Отстраненное отношение Франции, как теперь, наверное, понимают читатели, имело негативные последствия по всей Европе. «Филипеску считает, что и сейчас еще Франция не освободилась полностью от психоза “лавализма”». Если вам нужны доказательства, говорил он без обиняков, посмотрите на поведение французов по отношению к событиям в Испании.

Дальше разговор зашел о румынско-польских отношениях. Только теперь речь пошла о фундаментальных вопросах и невысказанных или, по крайней мере, не часто признаваемых Румынией опасениях. «Я и сейчас

считаю, — сказал Филипеску, — гораздо более вероятным советско-немецкое сближение, чем советско-немецкую войну. Хотя я абсолютно уверен, что Советский Союз не питает никаких агрессивных замыслов ни по отношению к Польше, и тем менее к Румынии, все же необходимые меры предосторожности против могущих вновь вернуться времен Рапалло следует принимать. В этом, по-моему, говорит Филипеску, заключается смысл поездки Антонеску в Варшаву». Филипеску, как видим, не скрывал страха перед возвращением к Рапалльской системе. Более того, слухи о советско-германском сближении беспокоили и французов. Застала ли Островского врасплох эта внезапная смена темы? Прямо он этого не сказал, но дал витиеватый ответ, который позволяет предположить, что да. «Допуская правдоподобность такой абсолютно неправдоподобной гипотезы, — ответил Островский, — считаете ли вы свой союз с Польшей достаточной гарантией неприкосновенности ваших границ в том случае, если бы Рапалльский договор плюс договор 1926 года облекся в формы военной интимности между Союзом и Германией?». Очевидно, что ответ на этот вопрос был отрицательным; в этом-то и было дело. Островский попытался заверить Филипеску, что Москва не отказалась от коллективной безопасности. Этого на самом деле не произошло, и возвращение к Рапалльской системе пока не представлялось вероятным.

Затем Филипеску задал еще один неловкий вопрос: «Будет ли Советский Союз выполнять свои обязательства по отношению к Чехословакии?» От Островского последовал еще один многословный ответ: СССР всегда выполнял и выполняет свои обязательства.

Тогда Филипеску спросил: «Значит, вы силой пройдете через Румынию?»

«А Румыния своих обязательств, как союзница Чехословакии и член Лиги Наций, — парировал Островский, — разве выполнять не собирается?»

Как читатели, возможно, помнят, это был мучительный вопрос, с которым в прошлом уже приходилось иметь дело Титулеску. В последней строке отчета Островского отмечается, что «Филипеску был смущен»[1]. Для Островского было нетипично заканчивать запись разговора на середине (по крайней мере, такое складывается впечатление), но здесь он, возможно, предпочел остановиться, потому что вопрос был слишком деликатным.

Был конец февраля 1937 года. От своих румынских собеседников Островский, похоже, получал не много информации о внешней политике короля, однако кое-какие сведения ему предоставил Ион Михалаке, бывший член Кабинета министров, который играл важную роль в Национал-цэрэ-

[1] Завтрак М. С. Островского с Г. Филипеску 17 февраля 1937 г. 3 марта 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 83. Л. 111–115. Опубл.: СРО. Т. II. С. 117–121.

нистской партии и в целом благоволил советско-румынскому сближению. О том, что Островскому удалось узнать, он, должно быть, уже знал или догадывался, и ничего хорошего для него в этой информации не было. Михалаке хотел проводить политику, ориентированную на Запад (другими словами, на Францию и Великобританию), и основанную на Лиге Наций — по сути, политику Титулеску. Тем не менее в разговоре с Каролем II Михалаке подчеркивал важность хороших отношений с СССР как необходимого условия безопасности нынешних границ Румынии. По словам Островского, «король ему [Михалаке] сказал, что политика Польши оказалась самой умной политикой: сумев полностью сохранить союз с Францией, ей удалось установить почти союзные отношения с Германией, и к этому следовало бы стремиться». Король хотел подражать этой политике.

По-видимому, довод короля убедил Михалаке; тем не менее он спросил Островского, что тот думает: «Я сказал Михалке, что Польша ведет ложную политику, либо она обманывает Германию, либо Францию. Мы думаем, на основании внешнеполитической акции Польши последних лет, что Польша обманывает Францию и ведет прогерманскую политику. Кроме того, внешнеполитические стремления Польши явно противоположны интересам Румынии: расчленение Чехословакии и создание великой Польши и Великой Венгрии на границе с изолированной Румынией, враждебной Советскому Союзу. Следование политике Польши означало бы, в случае реализации всех стремлений Польши, выдачу Румынии на произвол Венгрии, подпираемой Польшей, Югославией, Болгарией, — сателлитов Германии, при враждебном нейтралитете Советского Союза».

«Я не мог так объяснить королю, — ответил Михалаке, — но понимал, что политика Польши противна интересам Румынии, поэтому я и настаивал на необходимости создания действительно дружественных отношений с Советскими республиками, по образцу чехов».

«По его мнению, — ответил король, — чехи слишком далеко зашли в своих отношениях к Союзу»[1]. Таким образом, король полагал, что ни на Францию, ни на Британию рассчитывать нельзя, а потому Румынии нужно постараться поддерживать мирные отношения с Германией и ее союзниками. Без Франции и Британии не может быть никаких близких отношений с СССР — это слишком опасно. Что же до Чехословакии, она оказалась в рискованном положении и теперь обречена.

Вечером 1 марта 1937 года, после повторной беседы с Михалаке, Антонеску вызвал Островского для продолжительной беседы. Островский собирался отправиться в Москву для доклада Литвинову, и Антонеску хотел

---

[1] Запись бесед М. С. Островского с И. Михалаке 27 февраля и 1 марта 1937. 5 марта 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 83. Л. 118–122.

поговорить с ним до отъезда. Во время этой беседы не было сказано ничего такого, что не было бы уже сказано раньше. Антонеску изложил политику Румынии в отношении Польши, Малой и Балканской Антанты, заверив, что она не направлена против СССР. Нам нужно было бы быть сумасшедшими, добавил Антонеску, чтобы проводить такую политику. Островский вежливо выслушал, а затем объяснил, почему Москва не верит заверениям Антонеску. Читатели уже слышали все это раньше. По сути, это был традиционный для СССР ответ: мы не доверяем пустым словам; берем в расчет только действия. Действия Румынии противоречат ее словам. Снова всплыло дело Шебы; этот инцидент вызвал обеспокоенность НКИД. СССР потерял сильного союзника в Бухаресте. Антонеску сказал, что «сделал для Шебы все, что мог, защищал его, как мог». Здесь дело не только в самом Шебе, ответил Островский. Обстоятельства указывают на то, что свою роль сыграли «и поляки, и немцы, руками которых все это дело смонтировано». Разговор был долгим. Ближе к его завершению Антонеску упомянул события 7 марта 1936 года. Если бы Франция начала тогда действовать, поляки выступили бы против Германии. Островский так не считал. Антонеску настоятельно просил Островского поверить, что Румыния желает хороших отношений с СССР, и попросил передать его заверения Литвинову[1].

Антонеску было о чем беспокоиться. Помимо внешних опасностей, с которыми столкнулась Румыния, росло недовольство политикой правительства. Парламент — в частности, правящая Национальная либеральная партия, — был крайне возмущен интригами иностранных миссий в Бухаресте, а именно польских, итальянских и немецких, о которых ходили компрометирующие разговоры. Как читатели понимают, в этих интригах, конечно, не было ничего нового. Поляки и немцы сыграли активную роль в свержении Титулеску. Похоронная процессия «Железной гвардии» по двум погибшим легионерам вызвала тревогу у представителей традиционных партий, а немцев и итальянцев побудила думать, будто в Румынии настал их час. Для советской миссии в Бухаресте это были плохие новости.

Безнадежное дело

Судя по всему, Островскому удалось еще больше расширить сеть своих контактов в Бухаресте. В числе его собеседников был молодой депутат лет двадцати с небольшим, активист Национальной либеральной партии Александр Попеску-Некшешти. Его жена была дочерью Стелиана Попе-

[1] Запись беседы М. С. Островского с В. Антонеску. 1 марта 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 83. Л. 139–146. Опубл.: СРО. Т. II. С. 128–134.

ску, владельца правоцентристской ежедневной газеты «Универсул». Каким бы молодым ни был Попеску-Некшешти, он уже был хорошо информирован и имел влияние. Наверное, можно также сказать, что он обладал горячим нравом, поскольку в парламенте он был единственным депутатом партии большинства, выступавшим в защиту чешского посланника Шебы. Встретившись с Островским в начале марта, он выразил большое возмущение неэффективностью правительства, столкнувшегося с шествиями «Железной гвардии» и происками иностранных интриганов.

По словам Попеску-Некшешти, «деятельность поляков всем известна, итальянцы ведут себя вместе с поляками, как в колонии, а немец бегает сзади».

«Немец и итальянец открыли себя преждевременно, очевидно, рассчитывая, что уже пора настала, когда железная гвардия представляет единственную и главную силу в государстве. Рассчитали они плохо! И вина в этом — нашего правительства, и Короля. Внешняя политика, вернее, отсутствие внешней политики, выраженная в ничего не заключающей в себе формуле: *être bien avec tout le monde* [быть добрым ко всем], — привела к тому, что образовались трещины в наших отношениях с союзной Чехословакией и Францией, возбудила подозрения в Советской России».

Германия, Польша и Италия — «враг» — начали пробираться «в эти трещины». «Эти господа проделали серьезную большую работу». Об этом знали все — по-видимому, кроме, правительства. У них были агенты повсюду: во дворце, у госпожи Лупеску — *femme fatale* короля, в Палате депутатов и в администрации. Дело Шебы стало первым открытым выпадом против Малой Антанты и выстроенной Румынией системы соглашений и отношений с СССР. «Этот мерзавец (*fripouille*) понимает, что вся система наших союзов рушится, если у нас создадутся враждебные отношения с Советами». Правительство вело опасную игру, выслуживаясь не перед теми людьми. «Когда стоишь у колодца, — гласит старая румынская пословица, — не клянись, что никогда не будешь из него пить». Попеску-Некшешти так и подмывало вступить в конфликт с Антонеску, своим «дядей Витей», которого он знал с детства, но его коллеги-депутаты его от этого удержали[1]. Островский выслушал Попеску-Некшешти и записал разговор с ним, но больше ничего поделать не мог. Румыния оказалась между двух огней, и без Титулеску (а может быть, даже с ним) ей было из этой ситуации не выпутаться. Помощи от Франции или Великобритании ждать не приходилось.

---

[1] Запись беседы М. С. Островского с С. Попеску-Некшешти. 2 марта 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 83. Л. 123–126.

Островский прибыл в Москву — в отпуск, а заодно и для того, чтобы доложить Литвинову о ситуации в Румынии. Во время пребывания в Москве он встретился за обедом со своим румынским коллегой Чунту. Они говорили о румынско-советских отношениях, которые, как оба знали, развивались не слишком хорошо. По словам Чунту, Островский намекнул, что проблема в правительстве Бухареста. Но положение правительства было действительно непростым. «Железная гвардия» только что с успехом обратила себе на пользу гибель своих легионеров в Испании. Король ненавидел СССР и хотел проводить политику, аналогичную политике Польши, то есть политику сближения с Берлином и Римом. Дипломатические представительства Польши, Германии и Италии в Бухаресте совсем вышли из-под контроля. Правительство пыталось усидеть на двух стульях одновременно, но разве можно было его за это винить? Франция и Великобритания бросили Румынию и Чехословакию на произвол судьбы. Островский сказал Чунту, что, по его мнению, Румыния уступила инициативу Польше и Югославии, тем самым повторив слова Литвинова. Чунту сменил тему, задав вопрос касательно слухов об отзыве Островского из Бухареста. Это обычная часть ротации дипломатов, ответил Островский, однако он считает такой шаг маловероятным. Чунту выразил надежду, что Островский останется на своем посту, поскольку без него будет значительно меньше шансов на успех переговоров с Антонеску и Инкулецем[1].

Островский вернулся в Бухарест в конце апреля и сразу же встретился с Антонеску. Момент для этого был неподходящий. Даладье и Гамелен саботировали попытки начать советско-французские штабные переговоры, хотя Блюм и Кот все еще пытались вдохнуть в эту идею жизнь. Бек только что вернулся из Бухареста. Оставалось совсем немного до того момента, когда на головы командования Красной армии, а затем и на головы многих советских дипломатов обрушился молот репрессий. Одним словом, для Литвинова все катилось к чертям. Как и следовало ожидать, встреча с Антонеску прошла не слишком гладко. Антонеску пытался успокоить Островского, но его заверения, как обычно, были слабым утешением. Более того, их беседа получилась местами достаточно резкой. Они обсудили ряд тем и в конце концов дошли до переговоров о пакте о взаимопомощи. «Чего же вы хотите?» — спросил Антонеску. «Мы ничего не хотим», — ответил Островский и добавил, что ведь инициатива переговоров по пакту исходила от румынской стороны. На это Тэтэреску заявил, что желает довести переговоры до успешного завершения.

«*J'en sais rien* [Мне об этом ничего не известно]», — ответил Антонеску.

---

[1] Телеграмма Э. Чунту в МИД Румынии. 1 апреля 1937 г. (перевод с румынского языка) // СРО. Т. II. С. 134–135.

«*Moi, j'en sais* [А мне известно], — возразил Островский. — И если бы румыны предложили нам возобновить переговоры, прерванные уходом Титулеску, или начать заново переговоры... мы приняли это предложение к добросовестному изучению в духе максимальной благожелательности». Это был не совсем ясный ответ, и он не понравился Антонеску, который спросил, о чем договаривались Литвинов и Титулеску относительно Бессарабии. Был ли письменный текст? Островский ответил, что не знает — это была дипломатическая уловка, поскольку такой текст имелся. Антонеску запросил информацию у Литвинова. Встреча длилась около полутора часов, но не дала никаких положительных результатов[1]. Антонеску (в отличие от Островского) в отчете о встрече указал, что будет открыт для обсуждения «договор о дружбе», однако это было совсем не то же самое, что взаимопомощь. Советско-румынские отношения ухудшались.

Островский все же попытался остановить это стремительное ухудшение и направил Литвинову резкое послание касательно критики румынского правительства в «Правде» и «Известиях». «Я думаю, что непрекращающиеся атаки нашей прессы против Румынии должны прекратиться, — прямо заявлял Островский, — потому что они уже не достигают своей цели и дают прямо противоположный эффект». Далее он проанализировал различные статьи: три по одной теме и четыре по другой. Этого было достаточно. Поначалу они, возможно, и возымели некоторый эффект, причем положительный — но эффект этот сошел на нет, и теперь от подобных статей не было никакого проку. Более того, позиция прессы была ошибочной. «Наша пресса, по-моему, неправильно трактует Румынию, как определившуюся страну, уже принявшую пронемецкое направление в своей внешней политике. И вы знаете, что это неверно». Читатели, наверное, уже поняли это из различных отчетов о беседах Островского с румынскими политиками. Само правительство явно колебалось, пытаясь избежать своей главной дилеммы.

«Вы знаете, что за Румынию идет борьба, — продолжал Островский, — что исход ее еще не только не решен, но его невозможно даже сейчас предопределить, ибо зависит не только от желаний румынских господствующих кругов». Большую роль по-прежнему играли «объективные условия», такие как страх расчленения территории, в результате которого Румыния могла быть вовлечена в орбиту Германии, зависимость от французского и чехословацкого вооружения и беспокойство по поводу безопасности на приднестровских рубежах. Следовательно, отмечал Островский, не стоит стричь всех под одну гребенку, нужно иметь в виду, что в Румынии есть

---

[1] Запись беседы М. С. Островского с В. Антонеску. 29 апреля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 83. Л. 212–217. Опубл.: СРО. Т. II. С. 137–142.

люди, выступающие против фашизма, такие как сенатор Филипеску, «консерватор, последовательно и бесстрашно разоблачающий Железную гвардию»[1]. НКИД нужно скорректировать направление своей критики. Хотя это были достаточно резкие формулировки, Литвинов, думается, не возражал, поскольку и сам часто критиковал советскую прессу. Депеша была тем более примечательной, что ее автор наверняка знал, что он находится в поле зрения Сталина. В каком-то смысле в этом не было ничего особенного: он просто выполнял свою работу и имел ценное для полпреда качество: мужество высказывать свое мнение.

Несколько недель спустя Литвинов встретился с Антонеску в Женеве. Это был обычный разговор. Литвинов со свойственной ему язвительностью напомнил Антонеску о его обещании продолжать политику Титулеску и о последующем отказе его выполнять. Вместо этого Антонеску взялся укреплять отношения с Польшей и наградил румынским орденом посла царской России Поклевского-Козелла. Это был пустяк, но очень досадный, и Литвинов, очевидно, этого не забыл. Антонеску ответил, что Титулеску излишне провоцировал поляков и что он — Антонеску — должен исправить ситуацию. Скорее наоборот, ответил Литвинов, имея в виду провокации Бека и польского посланника Арцишевского. У Титулеску было просто ангельское терпение. Антонеску заявил, что хочет заключить соглашение по Бессарабии; Литвинов ответил, что лучше этого не делать. У него и Титулеску было «молчаливое согласие» не поднимать эту тему. Хочет ли Антонеску действовать по тому же принципу при обсуждении взаимопомощи? Главным образом нет, последовал ответ. Общественное мнение Румынии против этого[2]. Нужно отметить, что под общественным мнением здесь не подразумевался румынский обыватель.

Литвинов проинформировал Островского о том, что он сказал Антонеску в Женеве. Поскольку румынское правительство не желало продолжать переговоры о взаимопомощи, советское правительство оставило вопрос о их возобновлении на усмотрение Румынии. Антонеску еще не знал подробностей переговоров о взаимопомощи, а Литвинов «признавался [Антонеску] также, что мы обсуждали с Титулеску устно некоторые формулы, касающиеся обратного отвода Красной армии из Румынии в случае оказания ею помощи Румынии или Чехословакии». Литвинов также сообщил, что советская сторона может быть открыта для обсуждения менее обязывающего договора о дружбе с пунктом об уважении общих границ. Это интересный момент, поскольку он означал, что Литвинов все еще ис-

---

[1] М. С. Островский — М. М. Литвинову. 1 мая 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 83. Л. 220–222.

[2] М. М. Литвинов — в НКИД. 25 мая 1937 г. // СРО. Т. II. С. 146–147.

кал способы удержать Румынию на своей стороне. Он не думал, что Антонеску согласится на какую-либо договоренность, не касающуюся прямо Бессарабии. В этом-то и была проблема. «Я не уверен в серьезности переговоров и предложений со стороны Антонеску и вместе с Вами подозреваю здесь какую-то игру. Не подлежит сомнению, что нынешнее румынское правительство заинтересовано в переговорах, но я отнюдь не уверен в его заинтересованности в завершении их и действительном заключении какого-либо пакта». В связи с этим Литвинов объяснил, как действовать осторожно, чтобы советское правительство не несло ответственности за провал каких-либо переговоров[1].

Титулеску возвращается, но ненадолго

В июне Литвинов встретился с Титулеску, после чего рассказал Островскому подробности встречи. Это была интересная беседа, достойная подробного изложения:

«Как Вы знаете, он [Титулеску], еще будучи в Париже, говорил Гиршфельду, что хочет в июне поехать в М[о]ск[ву], а еще до этого встретиться со мною заграницей. На этой с нашей стороны не было никакого ответа. Он мне затем звонил с Ривьеры по телефону в Лондон, прося встретиться с ним где-нибудь во Франции или в окрестностях Женевы. В результате дальнейших телефонных разговоров из Лондона и Парижа, мы условились, что он по дороге в Лондон остановится на несколько часов на озере Аннеси (около 40 км от Женевы), куда я приеду с ним позавтракать. Ездил я к нему один, но застал у него Радулеску, его секретаря полковника (фамилии не помню) и румынского посланника в Тегеране (кстати, последний говорил Титулеску, будто Вы выразили уверенность в том, что Антонеску стремится к новой внешнеполитической ориентации, т. е. к дальнейшей связи с Польшей, Венгрией, Италией, но что от этого удерживают его король и Татареску. Титулеску очень зол на Вас за Вашу веру в короля и Татареску).

Завтракали мы и беседовали с Титулеску вдвоем, причем у него на столе был толстый портфель бумаг, с которыми он меня ознакомил. Титулеску говорил со мной, исходя из предложения своего возвращения к власти. Он сказал, что никогда не будет больше министром у нынешнего короля. Когда я его, однако, спросил, каким же образом он рассчитывает вернуться к власти при нынешнем короле, он сбивчиво ответил, что если, мол, король примет его программу, то он, конечно, будет ему служить. Когда

---

[1] М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 13 июня 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 133. Д. 82. Л. 19–24.

я его спрашивал об его встрече с Маниу и указывал на сотрудничество последнего с “Железной гвардией”, Титулеско ответил, что против короля он готов работать с кем угодно. Спохватившись, однако, и поняв, что он как бы втягивается в работу с фашистами, он стал говорить о том, что его интересует только внешняя политика, но не внутренняя.

Из дальнейшего ясно стало, что он заключил какую-то сделку с Маниу об открытии кампании против короля. У Титулеску, мол, имеется достаточно доказательств того, что король “обворовывает” страну.

Титулеску пытался продолжать со мною разговоры о пакте на случай его возвращения к власти. Я, конечно, от этого уклонился. Он тогда стал добиваться от меня обещания, что мы ни в коем случае не будем заключать никаких пактов до его прихода к власти. Когда я отказался дать ему такое обещание, он запальчиво заявил, что заключение нами пакта с нынешним правительством он будет считать актом измены ему и неблагодарностью, намекнув при этом, что он, собственно, пострадал за нас».

Титулеску, судя по всему, искал поддержки у Литвинова на тот случай, если представится возможность вернуться к власти. Юлиу Маниу возглавлял Национал-цэрэнистскую партию, вместе с «Железной гвардией» образовавшую избирательный союз, направленный против короля. Национал-цэрэнистская партия выступала за хорошие отношения с СССР; «Железная гвардия» — нет. Как Титулеску и Маниу намеревались разрешить это фундаментальное противоречие — хороший вопрос. Когда Титулеску разговаривал с Литвиновым, он явно не знал на этот вопрос ответа, а может быть, ему это было и не интересно. Идея заключалась в том, чтобы свергнуть короля или, по крайней мере, лишить его возможности вредить.

Титулеску хотел посетить Москву, и Литвинов не был против, хотя и не проявлял особого энтузиазма. Как бы Литвинова ни раздражал Титулеску, он знал, что тот на его стороне, и открыто восхищался тем, как тот себя вел, когда дело доходило до серьезных решений. Литвинов сказал Островскому: «Поехал он [Титулеску], как Вы знаете, в Лондон, где он читает лекции в парламенте и в разных университетах. Как нам сообщают из Лондона, он там весьма успешно защищает идею англо-франко-советского сотрудничества и громит всех, возражающих ему». Литвинов просил Островского уничтожить часть его послания, касающуюся Титулеску. Очевидно, это была конфиденциальная информация. Литвинов также добавил постскриптум: «Наше требование, чтобы румыны выдвинули предложение о пакте можно обосновывать ссылкой на польско-румынское коммюнике, в котором говорится об “абсолютном тождестве” взглядов обеих стран по всем вопросам, интересующим обе страны. Из этого вытекает, что пакт должен отвечать также взглядам Польши. Пусть нам Румыния скажет каковы эти взгляды. По этому поводу надо поиронизировать

насчет самостоятельности румынской политики»[1]. Двумя днями ранее был казнен Тухачевский. С этого времени дипломатическая работа Литвинова значительно усложнилась, но на тот момент его письмо Островскому не подразумевало ничего необычного.

Новые интриги в Бухаресте

Неделю спустя Островский снова встретился с предприимчивым Попеску-Некшешти, который незадолго до этого беседовал с Титулеску в Лондоне. Последний, похоже, пребывал в окружении своих приближенных, как принц в изгнании, ожидающий своего часа, чтобы вернуться к власти. Попеску-Некшешти проинформировал Островского о планах Титулеску, включавших возвращение в Бухарест осенью, несомненно, в рамках подготовки к предстоящим выборам. Он также рассказал о связи Маниу с «Железной гвардией». Маниу намеревался использовать ее «кэпитанула» — Корнелиу Зелю Кодряну — во время предвыборной кампании, а затем выбросить его, как «выжатый лимон». Его замысел не осуществился: «Железная гвардия» преуспела на выборах, заняв 3-е место по числу поданных голосов, а Кодряну оказался крепким орешком, которого не так-то просто было списать со счетов. С явным чувством юмора Попеску-Некшешти заметил, что «Титулеску нашел в себе столько благоразумия, чтобы, несмотря на всю злобу, которая у него накопилась против короля, удержаться и не поддаться на сладкие речи иезуита Маниу». Другими словами, он был намерен держаться подальше от Маниу и Кодряну.

Затем разговор перешел к другим темам внутренней политики Румынии, в частности к враждебности между Антонеску и Титулеску. Новость о встрече с Литвиновым стала достоянием общественности, и Антонеску превратил ее в «орудие борьбы» против своего предшественника. Титулеску, услышл об этом, «засим следовало минут пять отборной ругани на французском и румынском языках по адресу министра иностранных дел — “дядюшки Виктора”... как его здесь называют». Островскому явно нравилось писать о невероятной и удивительной политической жизни Бухареста[2].

Впрочем, было в ней и не столь удивительное и невероятное. В апреле 1937 года в Бухарест наведывался Бек. Он, казалось, старался быть поближе к румынам. Чуть позже, в июне страну посетил президент Польши Игнаций Мосцицкий. Эти события вызвали обеспокоенность СССР, которая усилилась, когда в конце июня ответный визит в Варшаву нанес король Ка-

---

[1] М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 13 июня 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 133. Д. 82. Л. 19–24.

[2] Запись беседы М. С. Островского с Попеску-Некшешти. 19 июня 1937 г. // СРО. Т. II. С. 150–153.

роль II. По словам Островского, поляки намеревались произвести впечатление на короля своей военной доблестью и сыграть на его тщеславии. Антисоветский настрой в программе мероприятий короля бросался в глаза, как «свиное, антисоветское ухо». Островский также слышал от сенатора Филипеску, что Антонеску движется во враждебном СССР направлении, проводя антикоммунистическую линию. Полковник Дельмас, французский военный атташе, предоставил более обнадеживающую информацию. «В беседе со мной, — сообщал Островский, — он [Дельмас] заявил, что как бы ни разворачивались события в Варшаве и чем бы они не закончились, — румынский Генеральный штаб считает, что "через 6–8 месяцев Румыния должна превратиться в союзника Советов, если не хочет погибнуть"»[1]. Поскольку информация была противоречивой, трудно было понять, что происходит.

Литвинов был настроен пессимистично: он не знал, чем закончился обмен визитами между Варшавой и Бухарестом; они, как он сказал Островскому, «для нас пока почти полная тайна». Тем не менее, добавил он, французов и чехословаков это не беспокоит, и они заявляют, что «что ничего плохого не случилось». Румыны отвергли предложения Польши, которые могли бы увести Румынию от Чехословакии и СССР. Литвинов на это не купился. «Подобный оптимизм основан, вероятно, исключительно на заверениях и обещаниях со стороны Румынии. Мы, однако, не должны поддаваться этому оптимизму и признать возможным и вероятным окончательный переход Румынии на бековские рельсы со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Но что же тогда делать? «Мы, конечно, должны изображать в прессе и в разговорах в наиболее мрачных красках нынешнюю политику Румынии, вызывая, по крайней мере этим на опровержение и заявления». Не лишним было бы появление в прессе статей с жесткой линией по Бессарабии — таков был совет Титулеску, хотя это могло бы еще больше подтолкнуть Антонеску в неверном направлении. У Титулеску был свой интерес; он считал, что, затронув вопрос Бессарабии, СССР может предоставить оппозиции, в частности Национальной крестьянской партии, рычаги воздействия в рамках ее кампании против правительства и короля. Конечно, если бы Крестьянская партия победила и Титулеску вернулся к власти, это было бы выгодно не только для Титулеску, но и для СССР. Литвинов не знал, что делать, и спросил мнение Островского[2].

В конце июля Островский направил Литвинову совершенно секретную информацию от неназванного информатора о предложениях, сделанных Беком румынам, сделанным во время визита Бека в Бухарест в апре-

---

[1] М. С. Островский — М. М. Литвинову. 30 июня 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 84. Л. 46–48.

[2] М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 13 июля 1937 г. // Там же. Л. 25–26.

ле, и вновь обсуждавшихся во время визита президента Мосцицкого в июне. К этой информацию, подчеркнул Островский «надо относиться с осторожностью, так как она, я думаю, содержит не столько то, что произошло, сколько то, что нужно сделать известным советскому полпреду. Информатор очень близок с личным адъютантом короля майором Р., и очевидно выполняет поручения Сигуранцы [румынская тайная полиция], либо лично Инкулеца и Татареску, которых он обоих знает»[1].

Так что же Сигуранца или другие румынские источники хотели сообщить Островскому? Его донесение начинается с изложения идей Бека относительно польско-румынских отношений. «Бек во время своего последнего визита в апреле в Бухарест развивал и перед Антонеску и перед королем Кар[о]лем следующую политическую теорию. По сведениям Бека, в настоящее время в кулисах великих держав происходит перекройка сфер влияния в Европе. Англия и Франция, желая расколоть ось Берлин — Рим и обеспечить дело мира на европейском западе, готовы уступить в пользу Германии сферу влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе». Читатели, наверное, понимают, что в этой идее нет ничего нового.

Далее в тексте говорится следующее: «При этом большом политическом торге полукоммунистическая Франция готова продать интересы своих союзников в Центральной и Юго-Восточной Европе. Если в данный момент Франция и делает кое-какие уступки для Польши, Румынии и даже Югославии, то уступки эти далеко не искренни и продиктованы не желанием блага для этих государств, а лишь стремлением увеличить цену за отказ Франции в дальнейшем покровительстве этим государствам. При таких условиях, по мнению Бека, имеющего, по его словам, поддержку Гитлера и Муссолини, Польша и Румыния не должны оставаться инертными и ждать пока состоится продажа их интересов Францией».

Если разобраться, то в этих строках можно разглядеть сильную обиду Бухареста на Францию за события 7 марта 1936 года, за ее отречение от статуса великой державы и фактический отказ от своих восточных союзников. «Предательство» — говорили в Бухаресте. Слова «полукоммунистическая Франция» явно представляют собой насмешку над слабым, насквозь прогнившим Народным фронтом. Франция была готова продать Восточную Европу в обмен на безопасность в Европе Западной.

Продолжим читать донесение Островского. Основная идея Бека, писал он, заключается в том, что Польша и Румыния должны объединиться для создания новой «великой державы» с территориями, простирающимися от Балтийского до Черного морей. Эта новая держава будет достаточно сильной, чтобы занять «независимое положение» и служить точкой притяжения

[1] М. С. Островский — М. М. Литвинову. 30 июля 1937 г. // Там же. Л. 58.

для других государств. По мнению Бека, пришло время действовать. «Ни для кого не секрет, — говорилось в донесении, — что после отставки Титулеску Малая Антанта существует только на бумаге. Ось Берлин — Рим уже практически продлена созданием оси Рим — Белград, и Бек имеет в своем распоряжении согласие Муссолини на дальнейшее удлинение этой оси до Бухареста». В центре всего этого замысла — сам Бек. Именно он примирит Румынию с Венгрией при поддержке Гитлера. Успех будет означать «окончательное крушение мертворожденной Титулесковской Малой Антанты» в той форме, в которой ее задумывал Титулеску, и приведет «к созданию новой жизненной Малой Антанты», воплощенной в жизнь Антонеску и состоящей из Югославии, Румынии, Венгрии и Болгарии — Антанты, за которой стоит Польша и которую поддерживают Германия и Италия.

Что касается Чехословакии и Австрии, у них в этой теории не было будущего. Платой за помощь Германии и Италии в создании «новой» Малой Антанты должно было стать разрушение оси Париж — Прага — Москва. Румынии нужно было отказаться от своих старых связей, если она не хотела оказаться «в одинаковом положении с Австрией и Чехословакией», территории которых будут платить «за все разбитые горшки», ставшие результатом по-новому организованной власти в бассейне Дуная. Австрия станет частью «единого германского государства», а Чехословакия «в той или иной форме удовлетворит ревизионистские планы Венгрии, Польши и самой Германии.

Все это звучало как написанное Беком приложение к «Майн кампф», но как эти идеи были восприняты в Бухаресте? По словам Островского, не так уж и хорошо. План обсуждался на неофициальном заседании Кабинета министров Румынии, где мнения разделились. Хотя Тэтэреску и Инкулец благосклонно отнеслись к идее укрепления румынско-польского союза, они сочли этот план «авантюрным и преждевременным», поскольку все предпосылки, на которых он строился, еще не осуществились и могли не осуществиться, а следовательно, Румынии не следовало рисковать своими отношениями с Францией или Чехословакией, основными поставщиками оружия для румынской армии.

Что касается борьбы с коммунизмом, Тэтэреску и Инкулец считали, что Румыния должна проводить жесткую политику против внутренних коммунистов, но ни в коем случае не должна присоединяться к крестовому походу против СССР: «Так как подобная политическая игра, не давая Румынии никаких преимуществ, могла бы обойтись ей очень дорого». Король поддержал позицию Тэтэреску и Инкулеца, которую Антонеску защищал публично[1].

---

[1] Отчет М. С. Островского. 3 июля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 84. Л. 50–57.

Антонеску, похоже, подтвердил эту информацию в другом разговоре с Островским. Содержание разговора тем более интересно, что он имел место вскоре после казни Тухачевского и других высших офицеров Красной армии. О чистках в разговоре речи не шло. Антонеску начал с обсуждения ситуации в Европе в целом. По его словам, такая ситуация была результатом «желания Англии сохранить мир любой ценой и сознание своей безнаказанности Италией и Германией. Силой вещей Англия сейчас превратилась в единого арбитра положения и до тех пор, пока Англия будет придерживаться принципа “мир любой ценой”, Германия и Италия, в особенности последняя, будут себе разрешать такое поведение, которое будет держать Европу в состоянии предвоенного напряжения, и ничего никто не сможет сделать для ликвидации этого напряжения. Все малые и средние державы будут следовать только за Англией».

Островский задал вопрос о Франции и ее союзниках. «Франция будет следовать за Англией, — ответил Антонеску, — пока не будет войны, это не имеет никакого значения, а если же начнется война в Европе, то где бы она ни началась, — эта война сразу сделается всеобщей и тогда все союзники Франции разумеется будут вместе с Францией». Островский не подвергал сомнению это утверждение, и интересно, насколько Антонеску на самом деле ему верил, учитывая распространенные в Бухаресте резкие мнения относительно Франции. Французские генералы и политики, похоже, забыли (и это было так не только в отношении СССР), что, если им нужны надежные союзники, то нужно и самим быть надежными союзниками.

А что же насчет Польши, поинтересовался Островский.

Антонеску ответил, что Польша присоединится к Франции.

«И в том случае, если бы война началась немецким вторжением в Чехословакию?»

«Это трудно допустить, — ответил Антонеску, — в этом случае, безусловно, Польша останется нейтральной, до тех пор, пока сможет».

«Даже в случае вхождения в войну и Франции?» — спросил Островский.

Антонеску не ответил на этот вопрос, но заметил, «что одно дело — внешняя политика в мирное время, и совсем другое во время войны. Это верно по отношению ко всем странам, верно и по отношению к Польше, в особенности, по отношению к Польше в учете ее географического положения. Положение Польши незавидное и поэтому она должна лавировать».

Далее Островский перешел к польско-румынским отношениям. Антонеску заявил, что отношения Румынии с Польшей строго определяются условиями их союза. Более широкие обязательства не соответствовали бы интересам Румынии. «Румыния ничего не может выиграть, а может

только проиграть. Что касается подчиненности, то Румыния свою политику подчиняет только своим национальным интересам, а не политике иностранной державы, ни Польши, ни Франции, ни даже России, единственной страны, которая по своему географическому положению, своему значению и силе могла бы претендовать на влияние в румынской политике».

Было ли это новой позицией румынского правительства? Вспомним замечание Островского о неопределенности направления внешней политики Румынии. Можно ли сказать, что здесь имел место *отход в сторону* от оси Берлин — Рим? Антонеску заявил: «Румыния ведет политику своих национальных интересов, и эти национальные интересы требуют, во-первых, хороших отношений с Союзом Советских Республик. Это параграф первый румынской внешней политики, первая заповедь. Это сущность вопроса, а остальное все прочее, — видимость, вздор, на котором останавливаться могут только несерьезные политики, либо недоброжелатели, которые ищут повода для ссоры. Серьезные же политики судят не на основании видимости, а существа вопроса».

Это была правда; более того, это был один из основных принципов советской внешней политики. Теперь Антонеску придерживался того же принципа, и это подтверждала совершенно секретная информации, которую Островский чуть позже направил Литвинову.

«А существо румынской политики, — утверждал Антонеску, — категорически требует спокойствия на восточной границе, а, следовательно, хороших отношений с Советами. А Вы вспылили из-за поездки в Варшаву, которая нисколько не изменила характера румыно-польских отношений».

«Дядя Виктор» все-таки оказался не таким уж покладистым стариком. По словам Островского, которого действительно очень волновала упомянутая поездка в Варшаву, в этот момент Антонеску вышел из себя. Дальше перешли к теме Бессарабии. Советское правительство выпустило карты, на которых Бессарабия была представлена как часть СССР; в «Известиях» была опубликована статья на этот счет. И все же мы не обеспокоены, сказал Антонеску, и не подозреваем вас в антирумынских интригах. Таким резким Островский никогда раньше не видел «дядю Виктора».

«Вы делаете ошибку, — продолжил Антонеску, — когда волнуетесь, подозреваете всех и беспокоитесь. Это, очевидно, происходит от того, что вы недостаточно осознаете свою мощь. Такое беспокойство понятно в Чехословакии, страны в 14 миллионов населения, окруженной почти со всех сторон врагами, такое беспокойство малопонятно со стороны величайшей державы мира». Не «величайшей» (Антонеску, должно быть, преувеличил для большего эффекта), но, безусловно, великой державы. Это был интересный комментарий, учитывая, что разговор состоялся спустя месяц по-

сле сталинской расправы над высшим командованием Красной армии. По сути СССР в тот момент был почти так же изолирован, как Чехословакия или та же самая Румыния. Советские отношения с Францией были испорчены почти без надежды на восстановление; отношения с Британией были холодны и непродуктивны. Нацистская Германия представлялась явным врагом, как и Польша, выполнявшая роль «мальчика на побегушках» Германии, и Япония, угрожавшая с востока. Антонеску не был проинформирован о фиаско советско-французских штабных переговоров. У него и внутри собственной страны имелось огромное количество проблем, так что вполне простительно, что он не успевал следить за проблемами СССР.

Островский ответил, что румынская пресса уже год муссирует тему Бессарабии, тем самым нарушая договоренность Литвинова и Титулеску не упоминать этот вопрос.

Антонеску ответил, «что он об этом соглашении ничего не знает».

«Я ему говорил об этом соглашении в апреле месяце», — заметил Островский. Затем он сказал, что даже если бы и было правдой, что Румыния присоединилась к Польше в антисоветском блоке с Германией, что с того? По словам Островского, СССР достаточно силен, чтобы защитить себя, он отразит и уничтожит любого захватчика. Эту линию взяли на вооружение Литвинов и Сталин.

Ответ последовал весьма интересный. «Антонеску заявляет, что и сейчас, как и раньше, он готов в этом смысле подписать с нами пакт. И в свою очередь готов взять обязательство любой формы не участвовать ни в какой политической комбинации, которая могла бы быть интерпретирована нами, как антисоветская, либо могла бы нам внушать хоть малейшее подозрение в этом смысле». Островский спросил, готов ли Антонеску изложить свою идею в письменной форме. Формулу должны предложить Советы, ответил Антонеску. Это был стандартный обмен любезностями. Антонеску заявил, что обсудит этот вопрос в Женеве с Дельбосом, Крофтой и Литвиновым. Это звучало многообещающе, если не считать того, что отношения Франции с СССР были безнадежно испорчены, а Дельбос был не тем человеком, который мог бы контролировать внешнюю политику Франции, и что Чехословакия Бенеша ни на шаг не осмелилась бы выйти за пределы политики, выбранной Францией.

«В заключение Антонеску вновь повторил свои обычные заявления о стремлении жить в отличных отношениях с Советами, что это является *commandement* [заповедью] № 1 румынской внешней политики, безотносительно от состава румынского правительства». Затем он язвительно добавил, что не может понять, почему Островский этого не заметил. Полпред ответил на эту колкость не менее иронично. Наконец, Антонеску за-

явил, что он не намерен обсуждать вопрос пакта лично и что Островский может сообщить о его взглядах в Москву[1].

Двумя днями позже, 24 июля, Островский имел аналогичный разговор с Тэтэреску в Пояне, примерно в 350 километрах к западу от Бухареста. Это была обычная встреча за обедом, но затянулась она до позднего вечера. По большей части она дублировала встречу с Антонеску, за исключением нескольких моментов, которые заслуживают особого внимания. Одним из таких моментов было выражение главой правительства личной неприязни к Титулеску, «одиночке», которому не суждено вернуться к власти и о котором можно забыть. Возможно, это был намек для Литвинова. Тэтэреску подчеркнул, что политика Румынии в отношении СССР не зависит от одного человека. После ухода Титулеску во внешней политике Румынии ничего не изменилось ни по отношению к Франции и Чехословакии, ни по отношению к СССР. Островский ответил комментариями по поводу румыно-польских отношений, но Тэтэреску его претензии оспорил. Это был всего лишь протокольный визит, в результате которого ничего не изменилось. Островский не поверил Тэтэреску, но, по крайней мере, они попытались все обсудить, как того требовала дипломатия. Островский настаивал на своем мнении, и Тэтэреску ответил, что он все это слышал раньше из рассказа Чунту о его встрече с Литвиновым. Оба собеседника за словом в карман не лезли. Если бы Румыния хотела проводить политику, предложенную Беком, добавил Тэтэреску, она бы имела дело с Германией напрямую, а не через какого-либо польского посредника. Островский в ответ на его слова ворчал и недоверчиво хмыкал, но разговор продолжался.

Затем, как пишет Островский, Тэтэреску сказал следующее: «Если румыны до сего времени с нами не подписали пакта, то не потому, что они этого не хотели, а потому что общественное мнение Румынии еще для этого не созрело, но что в 1938 году он с нами пакт подпишет обязательно: о дружбе, о консультации или взаимной помощи — надо будет выбрать наиболее подходящее для румынских и советских интересов». Так что идея заключения пакта, по мнению председателя Совета министров, еще рассматривалась, и это несмотря на сталинские чистки в рядах высшего командования Красной армии. И все же перспективы польско-румынских отношений вызывали у Островского сомнения. Между Варшавой и Бухарестом шел активный обмен визитами, в то время как в Москву визитов никто не наносил. Островский упомянул о враждебности румынской прессы, хотя и сам не отрицал враждебности советской прессы. «Татареску

[1] Запись беседы М. С. Островского с В. Антонеску. 23 июля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 84. Л. 72–78. Опубл.: СРО. Т. II. С. 156–161.

оборвал меня на этом месте, — заметил Островский, — и сказал, что это *absolument faux* [абсолютно неверно]». Как и Антонеску, глава правительства заявил, что Румынии нужно было бы совсем лишиться рассудка, чтобы проводить антисоветскую политику. Впрочем, он также добавил следующее: «Чтобы связать свою судьбу с судьбой Польши, которая в течение 2-х последних столетий подвергалась трем разделам и которой не избежать, по мнению Поль Ре[й]но [правоцентристский французский политик], четвертого, было бы безумием или преступлением против жизненных интересов румынских народных масс, и нет такого человека в стране, который об этом мечтал серьезно, а не в порядке предвыборной демагогии». Шокирующий комментарий, но, как показали дальнейшие события, очень верный. Никто в здравом уме не захотел бы проводить такую политику — если только какой-нибудь авантюрист, но ведь ему никогда не позволят прийти к власти в Бухаресте. Передайте это своему правительству, настаивал Тэтэреску. Рейно, которого процитировал румынский премьер, рассуждал с большой проницательностью, предрекая четвертый раздел Польши. На самом деле, кажется, все в Европе осознавали опасность, исходящую от Польши, за исключением Бека и его соратников. Учитывая события 1940 и 1941 годов, можно сказать, что этот разговор носил трагический характер беседы двух лидеров, бессильных избежать грядущей катастрофы. Разговор начал двигаться по кругу и постепенно завершился около 21:30. Островский отклонил приглашение остаться переночевать и вернулся в Бухарест[1]. Долгая обратная дорога, должно быть, дала ему время обдумать сказанное.

На следующий день Островский отправил Литвинову депешу с еще более противоречивой информацией о внутренней и внешней политике Румынии. Приближались выборы, правительство находилось в неустойчивом положении, но смена правительства вряд ли могла привести к изменению внешней политики. Во всяком случае, так считали многие. Островский отмечал, что после ухода Титулеску внешняя политика стала «исключительной монополией короля». Из отчетов Островского о беседах с Антонеску, Тэтэреску и Инкулецем это совсем не очевидно; имя короля в них почти никогда не упоминалось. Встреч с королем у Островского не было. Информация, поступающая в советское полпредство в Бухаресте, по-прежнему оставалась противоречивой: с одной стороны, каких-либо резких изменений во внешней политике ждать не приходится; с другой стороны, имеют хождение какие-то дикие идеи относительно планирования румынско-польской войны против СССР. Французскую и чехосло-

[1] Запись беседы М. С. Островского с Г. Тэтэреску в Пояне (район Тыргу-Жиу). 31 июля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 84. Л. 88–96. Опубл.: СРО. Т. II. С. 161–167.

вацкую дипломатические миссии не особенно беспокоили польско-румынские отношения. Островский не знал, что делать с информацией, поступившей «из достаточно достоверного источника, которые я получил в самое последнее время». Даже если она правдива лишь наполовину, писал он, это потенциально опасный материал. Сообщалось, что польские и румынские начальники штабов встретились в Бухаресте и разработали план войны против СССР с указанием участвующих подразделений и последующих действий, включая раздел захваченных советских территорий. Островский был ошеломлен, когда узнал, что Ленинград по этому плану должен попасть в руки поляков, а Одесса — в руки Румынии. Все это звучало настолько фантастично, что Островский, передавая эту информацию в своем донесении, сопровождал ее восклицательными и вопросительными знаками. Кроме того, был Бессарабский вопрос, который по-прежнему активно обсуждался в румынской прессе. Островский считал, что советской прессе затрагивать его не следует. Он также повторил то, что слышал от Тэтэреску о переговорах по заключению пакта. Инициативу следует оставить румынам, считал он, особенно ввиду нестабильности правительства.

«Надо дать сейчас румынам разговаривать. Нам следовало бы спустить на румын иностранную прессу. Пертинакс и Табуи, конечно, не плохи, но здесь ни на либералов, ни на двор они никакого влияния не имеют.

C'est l'officine sinistre de Titulescu [Это зловещий кабинет Титулеску], как мне заявил Татареску. Бюре [французский журналист. — *М. К.*] уже больше подходит. Мандель хорош еще, несмотря на свое арийское происхождение. Вообще же говоря, слово Парижа здесь решающего значения не имеет. Иное дело — Лондон. Антонеску мне откровенно заявил, что "все малые и средние державы пойдут за Лондоном, арбитром положения в Европе". Поэтому следовало бы привлечь англоязычную прессу, по возможности. Это будет иметь значение».

Островский также рекомендовал попытаться вывести французов и чехословаков из состояния самоуспокоенности по поводу польско-румынских отношений. Румыния не могла разорвать связи с Францией и Чехословакией, среди прочего, из-за того, что зависела от них в области вооружений. Серьезный франко-чехословацкий демарш «могло бы умерить пропольское рвение Бухареста и его короля». Нам следует пока воздержаться от действий, заключал Островский, «на этом временно приостановить и посмотреть, что будет дальше»[1].

---

[1] М. С. Островский — М. М. Литвинову. 30 июля 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 84. Л. 59–71. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Экземпляр К. Е. Ворошилова см.: РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1034. Л. 198–210.

В начале августа Островский снова встретился с Михалаке. Последний был обеспокоен тем, что советское правительство может оказать поддержку кабинету Тэтэреску. Возможно, именно в связи с этим Антонеску и Тэтэреску в 1938 году рассматривали возможность заключения пакта с СССР. Поэтому Михалаке, выступая в качестве главы Национал-цэрэнистской, напомнил Островскому, что правящие национал-либералы представляют интересы городской промышленной и финансовой элиты, в то время как крестьяне и рабочие находятся в наиболее невыгодном положении. Население страны, если не считать городской элиты, живет в крайней бедности. Михалаке подробно остановился на том, как Тэтэреску и его сторонники пытались скрыть или обойти народное недовольство. По сути, он сказал Островскому следующее: «Мы [советское правительство] бы сделали непростительную ошибку, если бы смешали Татареску с Румынией и ее народом. Татареску — труп; единственное на что он способен, это испортить воздух. Это разумеется неприятно, но труп выносят и воздух очищается». Румынский народ не собирается идти «ни на какие авантюры».

Михалаке также беседовал с Тьерри, французским послом, чей взгляд на положение дел считали в Румынии весьма неординарным. «Михалаке просил у меня объяснений тому факту, что я и Тьерри — представители двух союзных держав — видим те же вещи в различном освещении». Очевидно, Михалаке не понимал, насколько ухудшились франко-советские отношения с начала года. Тем не менее этот вопрос оставался актуальным.

«Перед своим отъездом в отпуск (начало июля) Тьерри посетил Михалаке и сделал ему экспозе румынской внешней политики, которое он закончил тем, что не произошло ничего такого во внешней политике нынешнего кабинета, что могло бы возбудить его опасения в отношениях Румынии к Франции и Чехословакии». По мнению Островского, сближение Румынии с Польшей имело бы фатальные последствия: оно привело бы к изоляции Чехословакии и концу Малой Антанты. «Тьерри сказал Михалаке, что его, Тьерри, заявление на обеде в честь Татареску, что никогда франко-румынские отношения не были более тесными чем сейчас, им, Тьерри, сказаны совершенно искренне». Невысказанный или, по крайней мере, не зафиксированный в этом документе вопрос заключался в том, как французский посланник мог быть настолько слеп в отношении того, что происходило в Бухаресте? Французское правительство, похоже, так и не осознало, насколько низко упали его акции в Восточной Европе. Обычно разговорчивый Островский, по-видимому, во время этого разговора больше слушал, чем говорил[1]. Советская политика заключалась в том,

[1] Запись беседы М. С. Островского с И. Михалаке, состоявшейся 1 августа 1937. 2 августа 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 84. Л. 97–101.

чтобы устанавливать отношения с любым правительством, готовым установить отношения с Москвой. Михалаке напомнил Островскому, что эта политика была не лишена сложностей и недостатков.

Литвинов по прошествии некоторого времени отреагировал на накопившуюся информацию о ситуации в Румынии. По сути, он согласился с Островским в том, что им следует пока затаиться и не вести переговоров с правительством Тэтэреску на основе заключенного Антонеску пакта о дружбе — это был по сути кот в мешке — в обмен на легализацию румынского захвата Бессарабии. «Я не намерен разворачивать бессарабскую проблему в печати, но время от времени придется повторять намеки, сделанные уже в “Правде” и в “Журналь де Моску”. Даем в ближайшем номере “Журналь де Моску” еще одно письмо из Вены, где, между прочим, рассказываем историю прохождения румыно-польских переговоров о [военной] конвенции». Речь здесь идет о донесении Островского касательно польско-румынского соглашения Генеральных штабов о войне с СССР и разделе захваченных советских территорий. Литвинов хотел раскрыть правду об этом соглашении или, по крайней мере, дать всем понять, что советское правительство в курсе событий.

Король Румынии посещает Париж и Лондон

Решив этот вопрос, Литвинов сосредоточился на недавней поездке Кароля II в Париж и Лондон. «Таинственные путешествия», насмешливо писала об этом газета «Журналь де Моску», поскольку целью короля было замести следы своих «опрометчивых действий» в отношениях с поляками[1]. «Король говорил определенно в Париже, — сообщал Литвинов, — что он ни в коем случае не пойдет на союзнические отношения с СССР, о котором он вообще выражался в весьма враждебном духе». Эта информация наверняка не удивила Островского и уж точно не удивила Литвинова, поскольку всем было известно, что король нередко позволял себе враждебные высказывания в адрес СССР. Он был оппортунистом и вел зигзагообразную политику, подстраиваясь к обстоятельствам. У малой державы, лишившейся поддержки французского гегемона, не было другого выбора.

Литвинов таким образом прокомментировал переговоры короля с французами: «Об его парижских беседах один парижский источник сообщает нам следующее. Его беседа с Дальбосом носила будто бы бурный характер, в чем я, впрочем, сомневаюсь, зная лично этого мягкотелого Дельбоса. Допускаю, однако, что он действительно делал упреки королю, в связи с его шашнями с Беком. Король выразил удивление этим упрекам,

[1] Письмо из Вены // Журналь де Моску. 10 августа 1937 г.

указав на совершенно нормальные отношения Франции с Польшей вообще и с Беком в частности. Он напомнил, что правительство Народного фронта дало Варшаве 3-миллиардные кредиты, не поставив условием этого "великодушного, но немного неосторожного факта" уход Бека из правительства. Он также напомнил, что Лаваль в свое время спас Бека и что Дельбос ничего не сделал для провоцирования ухода его. Само собой разумеется, король уверял в своей совершенной лояльности Франции, без которой Румыния была бы ничем. Он сказал, что испытываемые Румынией чувства дружбы и благодарности к Франции неразрушимы. Целью этих слов было получение кредитов для финансирования военных заказов».

Не то чтобы французы ничего не знали о внутренних проблемах Румынии. «Дельбос жаловался, что Румыния сделалась добычей антифранцузской пропаганды со стороны, главным образом, Железной гвардии, на что король ответил, что эта гвардия является ничтожным меньшинством, получающим существенную поддержку от Германии. Он сказал, что даже Железная гвардия настолько любит Францию, что за 2 тысячи лей в месяц она делала бы ту же пропаганду в пользу Франции, которую теперь делает в пользу Германии за 3 тысячи лей». Король ошибался, считая, что «Железная гвардия» не имеет никакого веса; на осенних выборах она заняла 3-е место по количеству голосов. Стоит признать, однако, что у Кароля было хорошее чувство юмора. По словам Литвинова, «в том же духе проходили беседы между королем и Даладье. На упреки по поводу Польши король будто бы ответил, что он не забыл завещания своего предка молдаванина — Этьена Великого [имеется в виду Стефан III Великий — молдавский господарь в 1457–1504 годах. — *М. К.*], гласящего: «Верьте слову разбойника или еретика, но никогда не верьте слову поляка». В порядке лести король сказал Даладье, что, по сравнению с французским парадом 14 июля, парад польской армии напомнил ему маневры пожарной команды Пезна (маленького города во Франции). В отношении кредитов, однако, Даладье был не менее осторожен, чем Дельбос».

Кароль II также воспользовался случаем, чтобы поговорить о Титулеску. «Другому собеседнику король сказал, что он никогда не позовет больше Титулеску к власти. Он называл Титулеску чудовищным и самолюбивым эгоистом, которому мало дела как до Франции, так и до своей собственной страны, готовым всем жертвовать ради своих собственных интересов и готовым сделаться также служителем Германии, если бы это представляло для него выгоду. Означенный собеседник вынес впечатление, что король не намерен передавать власть национал-царанистам»[1].

---

[1] М. М. Литвинов — М. С. Островскому. 8 августа 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 133. Д. 82. Л. 27–29. Опубл.: СРО. Т. II. С. 168–170.

Титулеску, возможно, и был «одиночка», как говорил Тэтэреску, однако сомнительно, что он мог продаться немцам. Он не сделал этого, когда был у власти — даже наоборот. Король только строил предположения, поскольку сам был не против обратиться в подходящих обстоятельствах к немцам. Это был лишь вопрос времени. Все это говорит о том, что надежды СССР удержать Румынию на своей стороне почти иссякли. Это была хорошая попытка, хотя и рискованная, поскольку ее успех во многом зависел от одного человека, Титулеску, но ни этот человек, ни его политика не имели достаточной поддержки среди румынской правительственной элиты. Для Европы это было обычным делом.

Кстати говоря, Борис Дмитриевич Виноградов, еще будучи временным поверенным в делах в Варшаве, совершенно случайно столкнулся с Титулеску на юге Франции. Виноградов не уточнил, чем он там занимался, но Титулеску проводил там много времени, по сути, это был его второй дом. Титулеску завел речь о необходимости пакта о взаимопомощи, и Виноградов промолчал в ответ, давая ему высказаться. Титулеску готовил для выступления в Сенате речь о взаимопомощи, хотя Литвинов сомневался, что тот когда-нибудь ее произнесет. Мужество, которое ему требовалось, чтобы поехать в Бухарест, похоже, было не тем качеством, которым он обладал в значительной степени. Более того, «Железная гвардия», вопреки мнению короля, становилась сильнее, и кто знает, что она могла предпринять? Жаль, сказал Титулеску, что летом 1935 года, «когда он имел полномочия от короля на заключение с нами договора, и текст его по существу был уже согласован между ним и Максим Максимовичем, мы не подписали договора, делая это, чтобы воздействовать на Лаваля... Благоприятный момент был упущен и теперь все это сделать гораздо труднее, но сделать это возможно». Погодите, текст был «уже согласован»? Это прозвучало странно, однако Виноградов никак не прокомментировал ситуацию. Ни Литвинов, ни Островский не поверили бы, что взаимопомощь еще возможна, по крайней мере, до тех пор, пока не станут известны результаты предстоящих выборов в Румынии. Титулеску вновь заявил о себе, однако Виноградов ничем не мог ему помочь, кроме как передать сообщение об этом в Москву[1].

Крушение надежд Советского Союза

До выборов в Палату депутатов и Сенат, намеченных на последнюю декаду декабря, смысла предпринимать что-либо не было. На выборах национал-либералы получили 36,5% голосов (по сравнению с 52%

[1] Б. Д. Виноградов — В. П. Потёмкину. 28 сентября 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 134. Д. 84. Л. 141–143. Опубл.: СРО. Т. II. С. 170–172.

в 1933 году), что меньше 40%, необходимых им для формирования правительства большинства. Они потеряли 148 мест в Палате депутатов, но сохранили большинство в Сенате. Национал-цэрэнистская крестьянская партия набрала 20,7% голосов и получила 86 мест, то есть на 57 мест больше прежнего; в Сенате она получила 10 мест. «Железная гвардия» получила 15,8% голосов и получила 66 мест в Палате депутатов, при том, что до этого мандатов у нее не было вообще. Крайне правая антисемитская Национал-христианская партия получила 9,3% голосов и 39 мест в Палате депутатов. Обычно две ведущие партии в таких случаях формировали коалиционное правительство, чтобы получить большинство в Палате депутатов, но этого не произошло. Король поручил формировать правительство Октавиану Гоге из Национал-христианской партии. Тот не мог получить вотум доверия в палате и правил на основе чрезвычайных полномочий. Новый парламент так и не собрался. Гога, который среди прочего немедленно утвердил законы, лишавшие румынских евреев гражданства, оставался у власти до 10 февраля 1938 года, когда Кароль II снял его с должности, приостановил действие конституции и присвоил себе чрезвычайные полномочия. Для советского правительства результаты этих выборов положили конец всяким надеждам на какое бы то ни было соглашение с Румынией. Невероятно, но в первые дни своего существования новое правительство Гоги все еще заливалось соловьем о том, что хочет хороших отношений с СССР[1].

В то же время Островский был отозван из Бухареста. Он уже не мог быть там полезен. 30 января 1938 года Михаил Семёнович подписал свою последнюю депешу как полпред и 4 февраля вернулся в Москву. На вокзале в Бухаресте его не провожал никто из выдающихся деятелей, с которыми он столько раз встречался; он покидал Румынию почти в одиночестве, в сопровождении пары сотрудников МИД и еще нескольких человек. Какой смысл желать удачи обреченному? По слухам, Островский был не рад отъезду, но у него в Москве оставалась маленькая дочь, о судьбе которой ему нужно было думать. Судя по всему, в руки милиции попало письмо с компрометирующей его информацией[2]. Это вполне вероятно, но не будем забывать, что Сталин хотел отозвать Островского еще в начале 1937 года. Литвинову удалось выиграть для него еще немного времени, еще год. Неясно, что случилось с Островским после его возвращения в Москву. В одном источнике говорится, что он был арестован в феврале 1938 года при пересечении советской границы; другой указывает, что

---

[1] М. С. Островский — в НКИД. 5 января 1938 г. // СРО. Т. II. С. 174–177.

[2] *Argetoianu C.* Însemnări zilnice, 4 vols. Vol. IV. Bucharest, 1998–2002. Entry of 21 Jan. 1938. P. 49, 54.

его арестовали в январе 1939 года. Его обвинили в «шпионаже» и отправили в трудовой лагерь в Норильск, в Сибирь, за Полярный круг, где он умер 30 июля 1952 года. Он был реабилитирован в 1956 году. Разумеется, он не был виновен ни в чем, кроме того, что голосовал за резолюцию, предложенную Троцким в 1923 году. Он был одним из лучших советских дипломатов и заслуживал лучшей участи. Его будущему преемнику было чему у него поучиться[1].

[1] См., например: М. М. Литвинов — П. Г. Куколеву. 11 ноября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 147. Д. 125. Л. 22.

ГЛАВА VII

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС, ПЕРВЫЙ ЭТАП (ЯНВАРЬ — МАЙ 1938 ГОДА)

«Длинный список разочарований»

В конце 1937 года отношения СССР с Великобританией и Францией ухудшились до предела. Для советских дипломатов — по крайней мере, для тех, кого пока не коснулись сталинские чистки, — отношения с англо-французскими коллегами были ежедневным испытанием. В качестве примера можно привести встречи Литвинова с послом Кулондром, во время которых последний неизменно жаловался на советскую «пропаганду». Литвинов был сыт этим по горло, но остановить Кулондра было нелегко. В ноябре 1937 года он выразил недовольство статьей руководителя Коминтерна болгарина Георгия Димитрова, опубликованной в газете «Юманите» по случаю годовщины Октябрьской революции 1917 года. Казалось бы, нет ничего плохого в праздновании 20-й годовщины революции, но это была все та же игра в одни ворота, которую всегда вел Запад: социалистам нельзя прославлять социализм, зато капиталистам можно вовсю превозносить капитализм. Коммунистическая партия Франции отказалась от своей антивоенной политики ради обеспечения национальной обороны Франции, а Димитров активно выступал в поддержку стратегии Народного фронта[1]. Однако для французских правых Народный фронт был настоящей занозой, потому что он дал легитимность ненавистным коммунистам. Еще одним поводом для ненависти правых к Димитрову было то, что он восхвалял Коминтерн, особенно активно действовавший в Испании. Литвинов счел, что предмет жалоб Кулондра — пустяк по сравнению с открытой враждебностью французского правительства и прессы по отношению к советскому правительству.

[1] *Vidal G.* Le PCF et la defense nationale a l'epoque du Front populaire (1934–1939) // Guerres mondiales et conflits contemporains. No 215 (2004). P. 47–73.

Он обратил внимание на «длинный список разочарований, которые политика коллективной безопасности принесла Советскому Союзу»[1].

Как ни парадоксально, советское посольство в Париже выплачивало крупные субсидии некоторым газетам и отдельным журналистам в целях продвижения идеи коллективной безопасности (а не мировой революции). Литвинов задавался вопросом, что сказали бы британское и французское правительства, узнай они о внушительных суммах, которые итальянцы вкладывают в антибританскую и антифранцузскую пропаганду. Советская разведка перехватила «аутентичные документы», в которых была указана цифра в 12,5 миллиона лир — именно такая сумма была потрачена на пропаганду, распространяемую итальянскими консульствами в Дамаске, Бейруте, Каире, Александрии и по всей Северной Африке[2]. Посольства Германии тоже щедро спонсировали прессу, например, в Бухаресте. Литвинов, таким образом, имел в виду, что французы и британцы применяют двойные стандарты в отношении «пропаганды», и это была истинная правда.

Таково было состояние франко-советских отношений в конце 1937 года. Министр иностранных дел Франции Дельбос в декабре совершил поездку по столицам Восточной Европы, минуя Москву. Как помнят читатели, Литвинов не хотел, чтобы визит в СССР был добавлен в программу Дельбоса в последний момент. Высказывания Дельбоса, сделанные им в частном порядке в ходе поездки, быстро дошли до НКИД. Ему явно не следовало жаловаться на то, что Литвинов назвал «мнимым» вмешательством Коминтерна во внутренние дела Франции, принижая при этом ценность советско-французского договора о взаимопомощи. В Варшаве Дельбос рассыпался в любезностях перед Беком вместо того, чтобы попытался добиться изменения враждебной политики Польши. С другой стороны, по сведениям Литвинова, министр иностранных дел Румынии Антонеску также жаловался на «пассивность» французской и британской политики.

«Он, якобы, заявил Дельбосу, что своими непрерывными уступками Германии и Италии Англия и Франция бесконечно увеличивают опасность войны, и он также, якобы, потребовал от Дельбоса, чтобы великие державы хотя бы раз сказали в конце концов веское нет, в ответ на итало-германские притязания. Если бы Лондон, Париж и Москва, образовав блок, заговорили в Женеве твердым языком, то, по мнению Антонеску, все малые и средние державы пошли бы за ними и это значительно уменьшило бы опасность войны».

---

[1] Встреча с Р. Кулондром. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 17 ноября 1937 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 837. Л. 22–19; Coulondre. No. 569. 16 Nov. 1937 // DDF. 2e. Vol. VII. P. 433–435.

[2] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 3 января 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 140. Д. 26. Л. 1–4.

Антонеску и другие румынские политики выражали такое мнение не впервые. К сожалению, французское правительство сообщений об этом не получало — или, вернее сказать, намеренно не замечало. Дельбос считал, что первой мишенью Гитлера в 1938 году будет Австрия, а не Чехословакия. Литвинов понимал, что как только Германия поглотит Австрию, северная граница Чехословакии окажется под угрозой, и она станет следующей целью немецкой агрессии. Не скрывая сарказма, он предположил, что Дельбос получил из Лондона указания побудить чехословаков пойти на уступки судетским немцам, однако у Праги этот совет энтузиазма не вызвал. Литвинов знал о том, что Великобритания оказывает давление на президента Бенеша. Французам было известно еще кое о чем: в декабре Леже сообщил чехословацкому посланнику в Париже, что британские заявления об озабоченности по поводу Восточной Европы — чисто риторические и что Великобритания даже «не пошевелит и пальцем» для решения проблем на Востоке Европы[1]. Советский посол в Лондоне Майский в своем дневнике использовал это же выражение. Сталин был не единственным, кто чувствовал слабость Франции. *Cote d'amour* (престиж) Франции, как выразился один румынский дипломат, был уже не тот, что раньше[2]. В Бухаресте выразились бы и пожестче. Так что в Москве наверняка не удивились словам Антонеску в отношении Франции, хотя в целом Литвинов ему не слишком доверял. Вскоре, с приходом к власти кабинета Гоги, Антонеску было суждено покинуть пост министра иностранных дел. Если Румыния и проявляла неуверенность, то во многом из-за слабости Франции. Многие румыны сказали бы, что сильная внешняя политика — это роскошь для небольшого восточноевропейского государства, окруженного опасными соседями и пользующегося неопределенной поддержкой со стороны предполагаемых союзников. Титулеску, который все еще находился в Лондоне, сказал Майскому, что мир в Европе зависит от создания «мирныого фронта», возглавляемого Великобританией, Францией и Советским Союзом. Если будет установлен такой «мирный фронт», утверждал Титулеску, все будет хорошо. В противном случае произойдет «трагедия в двух актах: первый акт —

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 19 декабря 1937 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 839. Л. 58–53; М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 декабря 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 128. Д. 24. Л. 70–71; Из письма Штефана Осуского министру иностранных дел Чехословакии Камилю Крофте. 14 декабря 1937 г. // Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939. М., 1979 (далее: ДИМС). С. 19–20.

[2] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1: 1934 — 3.09.1939 года. Запись от [...] ноября 1937 г. С. 190–191; Mircea Djuvara to Romanian foreign ministry. No. 9859. 19 Feb. 1938 // Arhiva Ministerului Afacerilor Externe, Bucharest (hereinafter: AMAE). Fond 71 (1920–44) /France. Vol. 3. Fol. 6.

создание Германией “Серединной Европы”[*Mitteleuropa*], второй акт — разрушение Брит[анской] империи “Серединной Европой”. Англичане должны сделать выбор, и притом в срочном порядке»[1]. Титулеску было куда проще высказывать свое мнение: он уже не был у власти и находился вдали от Бухареста.

Подобный «мирный фронт» Москвы, Парижа и Лондона был единственным путем вперед для тех, кто хотел остановить нацистскую агрессию. Литвинов все еще верил в это, все еще держал в уме идею сотрудничества влиятельных держав. «Наиболее правильной политикой было бы признание в качестве факта для данного времени германо-итало-японской коалиции и противопоставление ей другого объединения, хотя бы и не основанного на каких-либо твердых взаимных обязательствах... Вполне мыслимо такое же соглашение без твердых обязательств между остальными великим державами, конечно, не под идеологическим соусом, а под флагом защити мира. Такая политика, однако, предполагает сближение с СССР, на которое, по-видимому, Англия в настоящий момент еще не пойдет»[2]. Следовательно, и Франция тоже.

Суждения Литвинова о французской политике предстают довольно мягкими по сравнению с мнением Сурица, полпреда в Париже, и Потёмкина, замнаркома в Москве. «Я вам писал, — сообщал Суриц Литвинову, — что не встретил до сих пор ни одного француза, который не критиковал бы высшей политики теперешнего кабинета. Независимо от партийной принадлежности все сходятся на том, что Франция “потеряла свое внешнее лицо”, идет на поводу у англичан и растеряла своих друзей. Параллельно с этим, естественно, нарастают и тревоги за завтрашний день». Суриц получал информацию из своих обычных источников в Париже: от Жоржа Манделя, Пьера Кота, Поля Рейно, Женевьевы Табуи и других французских политиков и журналистов. Советское правительство было по-прежнему хорошо информировано. Мандель и Рейно призывали Москву занять более жесткую позицию в отношении Даладье, который все еще оставался министром обороны, но Суриц считал, что это бесполезно. Разногласия во французском правительстве и во французском обществе зашли слишком далеко. Суриц пришел к выводу, что Франция движется к господству фашистской идеологии и потере своей национальной независимости[3].

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1: 1934 — 3.09.1939. Запись от 16 июня 1937 г. С. 165.

[2] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 3 декабря 1937 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 109. Л. 59–63.

[3] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 27 ноября 1937 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 1. П. 8. Д. 76. Л. 186–80; В. П. Потёмкин — Я. З. Сурицу. 19 декабря 1937 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 21. П. 169. Д. 839. Л. 63–59.

Полковник Огюст Антуан Палас, французский военный атташе в Москве, относительно недавно назначенный на эту должность, писал об отчуждении Советского Союза от Франции. Это не было ни для кого секретом. Достаточно было только ознакомиться с советской прессой, которую он подробно цитировал. Французскому руководству было все равно. Литвинов, вернувшись с дипломатических встреч в Брюсселе (очередной пример впустую потраченного времени), с горечью заметил, что французы ведут себя так, как будто нет никакого советско-французского договора. Если Советский Союз оказался в изоляции, то это не наша вина, прокомментировал ситуацию Литвинов. Мы этого так не оставим, даже если это будет означать заключение соглашения с Германией. Похоже, на предупреждение Паласа никто не отреагировал. Его 17-страничный отчет был сразу отправлен в архив[1]. Палас был не первым, кто подавал сигналы тревоги. Он выступал за идею взаимопомощи с СССР, но в Париже к этой идее относились прохладно.

В НКИД больше не могли сдерживать эмоции относительно поведения французов. Потёмкин, который, находясь в Париже, делал все возможное для укрепления советско-французских отношений, тоже потерял терпение. «У нас весьма недовольный нынешней линией французской внешней политики и персонально поведением Дельбос, — писал Потёмкин Сурицу. — Решено держаться от французов подальше, не пускаться с ними ни на какие интимности, и, тем более, не делать им никаких авансов. Они должны понять, что нам ясна их тактика, и что мы не создаем себе иллюзий насчет отношения нынешнего правительства к франко-советскому сотрудничеству. Франция нуждается в СССР; мы же без труда можем обойтись и без французов»[2]. Возможно, так и следовало поступить с французским правительством, но Литвинов, должно быть, счел формулировку Потёмкина слишком жесткой, поскольку в ответ на его письмо сразу отправил собственное.

В «общей директиве» Сурицу относительно советской политики Литвинов предписывал следующее: «...высовываться вперед, не изображать из нас единственных поборников Лиги Наций, стремящихся изнасиловать другие государства, и занимать спокойную выжидательную позицию, поддерживая мои предложения, которые идут в направлении нашей общей политики». Что касается Дельбоса, нарком считал, что не следует давить на него или в чем-либо упрекать[3]. Тактика Литвинова состояла в том, чтобы подождать и посмотреть, что произойдет. Впрочем, перспективы были далеко не оптимистичными.

---

[1] Palasse. No. 427/S. 28 Dec. 1937 // SHAT 7N 3123.

[2] В. П. Потёмкин — Я. З. Сурицу. 11 января 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 9–8.

[3] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 11 января 1938 г. // Там же. Л. 12–10.

Сталинские чистки

Прогноз действительно был неутешительным, и сильнее всего это ощущалось в Праге. Министр иностранных дел Чехословакии Камиль Крофта пригласил к себе Александровского, на тот момент еще полпреда, чтобы обсудить с ним перспективы на новый год. Это было 17 декабря 1937 года, и первое, о чем хотел поговорить Крофта — «о внутреннем положении СССР» — другими словами, он читал о массовых репрессиях и хотел знать, как все это следует понимать. Поскольку СССР был союзником Чехословакии, ее правительство было особенно обеспокоено степенью боеготовности советских вооруженных сил.

Крофта сразу начал с главного, поинтересовавшись слухами об аресте замнаркома обороны СССР по ВВС командарма 2-го ранга Якова Ивановича Алксниса. Последний был арестован несколькими неделями ранее, став еще одной жертвой сталинских чисток. Его признали виновным в участии в военном заговоре и расстреляли в июле 1938 года. Алкснис некоторое время жил в Праге, отметил Крофта, и пользовался там большим уважением. Тревогу чехословаков еще больше усиливали французы, в частности, французская военная миссия, у которой был «пессимистический» взгляд на боеготовность Красной армии. Крофта и хотел бы придерживаться противоположной точки зрения, но это было трудно. Конечно, чехословацкий посланник в Москве Зденек Фирлингер отправлял из Советского Союза оптимистичные отчеты, но без подробностей и доказательств, опровергающих сообщения из враждебных источников «о затруднениях и арестах». «Мы должны серьезно воспринимать эти слухи», — сказал Крофта. Посольство Франции в Москве шлет в Париж очень мрачные донесения. Чехословакам трудно оценивать эту информацию объективно, а французы, в частности Дельбос, дистанцировались от Москвы. Крофта, по его словам, поднял эту тему, потому что хотел предупредить, что французы не верят в надежность СССР как союзника. Для французов разговоры о ненадежных союзниках были проекцией собственных грехов — как говорится, чья бы корова мычала. По словам Крофты, Дельбос хотел бы верить в обратное, но куда бы в Европе он ни поехал, у него складывались только «неблагоприятное впечатление относительно СССР»[1].

Литвинов поручил Александровскому посетить Бенеша и узнать, что именно Дельбос рекомендовал Чехословакии в отношении Германии. Избегая прямых нападок на Дельбоса, нужно было в точности выведать, что

[1] Запись беседы С. С. Александровского с К. Крофтой. 17 декабря 1937 г. 20 декабря 1937 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 6–10. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... 1937. URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

он сказал[1]. Разговор с Бенешем состоялся незадолго до Рождества, и он, как и Крофта, поднял тему чисток, но еще более открыто. Что происходит в СССР, спросил он. О чистках говорят за границей, и это наносит ущерб репутации советского правительства. «Не закрывать глаз, — говорил Бенеш, — на факт ослабления международного значения СССР». Его слова примечательны, поскольку в разговоре с представителями СССР эта тема не часто поднималась так прямо. Румыны, например, никогда не обсуждали с Островским тему чисток. По крайней мере, он, судя по всему, не сообщал об этом.

Александровский сделал длинную и подробную запись своего разговора с Бенешем. Он пытался дать объяснение происходящему: все обвиняемые были предателями, «троцкистами» и так далее. Маршал Тухачевский был «авантюристом» и шпионом. В ретроспективе попытка Александровского оправдать сталинские чистки выглядит как горькая ирония судьбы, поскольку позже он и сам стал их жертвой. В 1941 году он состоял в московском народном ополчении, попал в плен к гитлеровским войскам, затем бежал и, находясь в тылу врага, редактировал партизанскую газету вплоть до октября 1943 года, когда был арестован. Его осудили за шпионаж в пользу нацистской Германии (нелепое обвинение!) и расстреляли в августе 1945 года. В 1956 году он был посмертно «реабилитирован», как и многие другие, но никакая реабилитация была не в силах вернуть к жизни несправедливо обвиненных.

В разговоре с Александровским Бенеш не хотел уходить от темы чисток. Он упомянул о процессах в Москве и поинтересовался обвинениями в адрес Карахана. На самом деле тот уже был мертв, его расстреляли в сентябре 1937 года.

«Я вынужден был ответить, — писал Александровский, — что о подробностях не осведомлен».

Бенеша интересовало, будут ли новые процессы над советскими дипломатами. «Я не предвижу таких процессов», — ответил Александровский. Бенеша такой ответ не удовлетворил. Он спросил о других советских дипломатах: К. К. Юренёве, Б. Г. Подольском, С. И. Бродовском. Юренёв служил в Берлине, а до этого в Токио и еще раньше в Праге; Подольский — в Варшаве и Вене; Бродовский — в Риге. Александровский попытался ответить, но он и сам не понимал, что происходит, во всяком случае, так он написал в своем докладе. Неужели советские дипломаты боялись обсуждать между собой исчезновение коллег? В какой же кошмар превратил Сталин жизнь преданных слуг Советского Союза! Александровский отме-

---

[1] М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 21 декабря 1937 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 257. Д. 1800. Л. 159. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

тил, что Бенеша «явно мало удовлетворили» его объяснениями. «Он сделал общее замечание в том смысле, что подобные процессы “у пугливых людей” только усиливают сомнения при оценке значения событий, происходящих в СССР». Посмотрите на это так, продолжал Бенеш: вы же понимаете, что чехословацкий народ знает советских дипломатов «как живых людей». «Многие из них пользовались известными симпатиями, а то и популярностью. Сведения об их аресте переживаются труднее, чем аресты больших, но лично незнакомых людей». Бенеш никак не хотел уходить от темы чисток; он продолжал задавать вопросы о бывших советских посланниках в Праге: снова о Юренёве, затем о В. А. Антонове-Овсеенко и о А. Я. Аросеве. Александровский ответил пространными объяснениями по поводу Аросева, который на самом деле был арестован в июле и расстрелян в феврале 1938 года вместе с Антоновым-Овсеенко.

Юренёв был арестован в сентябре и обвинен, *в числе прочего*, в «шпионаже». Его расстреляли в августе 1938 года. Возможно, Александровский ничего не знал о судьбе своих коллег, а возможно он просто боялся говорить о репрессиях.

Бенеш выслушал Александровского, помолчал некоторое время, а затем сменил тему на поездку Дельбоса в Восточную Европу. Результаты поездки его весьма воодушевили, но, вероятно, его одного[1]. В этом Литвинов не был с ним солидарен. «Из дополнительных сведений, поступивших из посещенных Дельбосом стран, явствует, что от его визита осталось лишь одно впечатление, что обе державы, от имени которых Дельбос приезжал, то есть Франция и Англия, не прочь договориться с Германией и что они поэтому отнюдь не в претензии на наличие таких же тенденций у других стран». В Варшаве Дельбос ничего не добился. Согласно тому, что слышал Литвинов, «Дельбос ничем не реагировал на заявление Бека [молчаливо соглашаясь] о том, что Чехословакия является форпостом Коминтерна в Средней Европе, и Бек это истолковал... Не возражал Дельбос также против требования Бека о предоставлении Мадагаскара для высылаемых из Польши евреев... Удивляюсь, что французская радикальная печать обошла молчанием такой факт, как поощрение Францией антисемитской политики Польши». «Мадагаскарский план» Польши даже сейчас не привлекает особого внимания историков. Литвинов сообщал, что словоохотливый первый секретарь Франции в Бухаресте сказал Островскому, будто в соответствии с французско-чехословацкими военными соглашениями, внутреннее восстание на судетских территориях будет однозначно восприниматься в каче-

[1] Запись беседы С. С. Александровского с президентом Э. Бенешем 23 декабря 1937 г. 24 декабря 1937 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 11–22. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах. 1937. URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

стве *casus belli*. Блюм обсуждал этот вопрос в Праге. Тем не менее, Литвинов сомневался, что Франция согласилась бы на такое расширение обязательств[1].

Дело Бутенко

В начале 1938 года от коллективной безопасности, за которую выступал СССР, осталось одно название. Чехословакия находилась в наиболее уязвимом положении: ее важнейшие западные союзники были готовы бросить ее на растерзание волкам. В Румынии к власти пришло крайне правое антисемитское правительство. В конце января Островский покинул Бухарест. Его заменил молодой и неопытный поверенный в делах Фёдор Хрисанфович Бутенко. Через неделю после отъезда Островского уехал и Бутенко, хотя соответствующего разрешения не получал. 9 февраля временный поверенный в делах Румынии в Москве сообщил о его исчезновении Потёмкину. Потёмкин ответил, что об этом уже известно, но поблагодарил поверенного за информацию и дал понять, что советское посольство в Бухаресте намерено сотрудничать с местными властями в расследовании исчезновения. «Мы опасаемся, однако, — сказал Потёмкин, — что тов[варищ] Бутенко пал жертвой преступления, совершенного теми, кто хочет испортить отношения СССР с Румынией». По словам Потёмкина, встреча прошла спокойно, без эмоций[2]. По предположению румынского поверенного, Потёмкина беспокоило, что Бутенко мог сбежать, опасаясь отзыва в Москву и ареста[3]. Однако в версии, записанной Потёмкиным, на это нет и намека. Сначала Литвинов подумал, что Бутенко похитили. Он подозревал, что в этом замешано румынское правительство, но уверенности в том, что случилось с бедным Бутенко, у НКИД не было. Литвинов поручил Александровскому поехать в Бухарест для проведения расследования[4]. В начале марта Александровский доложил в Москву о результатах своего расследования, которое выявило множество интригующих подробностей, но не дало никаких определенных выводов[5].

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 8 января 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 6–7.

[2] Запись беседы с румынским поверенным в делах [Ионом] Попеску[-Пашкань]. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 9 февраля 1938 г. // АВПРФ. Ф.011. Оп. 2. П. 20. Д. 205. Л. 70–69.

[3] *Ragsdale H.* The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 68–69 and passim.

[4] М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 16 февраля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 147. Д. 125. Л. 5–7.

[5] С. С. Александровский — М. М. Литвинову. 5 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 147. Д. 126. Л. 33–42.

Выяснилось, что Бутенко не был похищен и что румынское правительство к этому не причастно. Бутенко бежал в Рим, где заручился поддержкой итальянских властей. Судя по всему, Бутенко напугали агенты НКВД в Бухаресте, и его вполне можно понять. Его история стала поводом для гордости итальянцев, предметом шуток в бухарестской прессе и позорным эпизодом для Москвы. Однако ни НКИД, ни Министерство иностранных дел Румынии не хотели, чтобы это дело нанесло ущерб их отношениям. Тэтэреску, используя Крофту в качестве посредника, передал в НКИД через чехословацкого посланника Фирлингера сообщение о том, что румынское правительство и король хотят продолжать поддерживать теплые отношения с СССР. Это была все та же самая политика, которую Румыния проводила после увольнения Титулеску. По словам Фирлингера, румынские власти не имели никакого отношения к исчезновению Бутенко, и Крофта считал эти заявления правдой. Очевидно, что, учитывая опасную ситуацию в Европе, время для ссор среди потенциальных союзников было совсем не подходящим. Тэтэреску передал то же сообщение непосредственно Александровскому, хотя Потёмкин не был полностью убежден в том, что это правда[1]. Не был уверен и Литвинов, но к середине марта он решил, что «инцидент с Бутенко надо считать более или менее ликвидированным»[2]. На повестке были более важные вопросы. В результате отъезда Островского и бегства Бутенко было «ослеплено» еще одно советское посольство. Литвинов все понимал, но не мог открыть глаза Сталину на то, к каким последствиям уже привели его действия. Более того, уже не раз присланные Литвиновым длинные списки вопросов и рекомендаций так и оставались лежать у Сталина на столе, ожидая его решения[3]. Почему же вождь не реагировал на них? Или он был слишком занят расправой над своими бывшими коллегами, чтобы заняться делами НКИД?

Аншлюс

Ситуация в Европе неумолимо ухудшалась. Франция и Великобритания не решались предпринимать какие-либо действия, которые могли бы спровоцировать Гитлера. Попытки Литвинова сформировать антинацист-

---

[1] Запись беседы с чехословацким посланником З. Фирлингером. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 21 февраля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 205. Л. 79–77.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 19 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 15–19.

[3] См., например: М. М. Литвинов — И. В. Сталину. Список из 20 вопросов, требующих внимания Политбюро. 29 июля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 138. Д. 2. Л. 64–66. Копия отправлена В. М. Молотову.

ский альянс терпели одну неудачу за другой. Из-за постоянных неудач Литвинов выглядел наивным, хотя этого о нем сказать точно было нельзя. Все эти неудачи еще и таили в себе опасность того, что Советский Союз мог попасть в изоляцию от нацистской Германии. Политика, которую проводил Литвинов, была не его личной политикой, это была политика советского правительства и, следовательно, Сталина. Тем не менее было ясно, что если коллективная безопасность и взаимопомощь не сработают, придется рассмотреть и другие варианты. Литвинову пришлось отступить, чтобы защитить себя, о чем он сказал Майскому: «Вообще же я Вам еще в Женеве говорил, что мы занимаем сейчас выжидательную позицию по всем вопросам, и свое сотрудничество никому навязывать на намерены»[1].

В Москву, как всегда, поступало большое количество информации и слухов. Даладье якобы пришел в себя и начал разворот к России, поскольку понял, что франко-германское сближение — это *a utopia*[2]. Но действительно ли это было так? Невероятно, но французское правительство тайно отправляло военную помощь испанским республиканцам. Операции осуществлялись в Париже через Гастона Кюзена, заместителя начальника кабинета министра авиации Кота, а в Испании — через Эрика Лабонна, французского посла. Суриц начал контактировать с Полем Рейно, французским политиком правого толка, поддерживавшим советско-французское сотрудничество, и Литвинов тоже рассчитывал провести с ним встречу[3]. В марте был распущен еще один французский Кабинет министров, последнее правительство Шотана — и Дельбос наконец покинул набережную Орсе. Блюм попытался сформировать правительство широкого спектра, которое включало бы даже коммунистов, но из числа правых войти в него согласились лишь немногие, включая Рейно. Последний сказал Сурицу, что невозможно управлять Францией без поддержки рабочего класса, то есть Коммунистической партии: «Меня не пугает, — добавил он, — что коммунисты связаны с III Интернационалом, поскольку интересы III Интернационала, на данной, по крайней мере, стадии, не расходятся с интересами Франции». Суриц писал, что Рейно одинок в своих правых взглядах, что он — «белая ворона»[4]. Впрочем, он был не совсем один, был еще и Мандель, но сторонников у них и впрямь было немного. Блюм сформировал правительство без коммунистов. Оно продержалось меньше месяца.

---

[1] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 140. Д. 26. Л. 10–13.

[2] Е. В. Гиршфельд — В. П. Потёмкину. 11 февраля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 51.

[3] Е. В. Гиршфельд — В. П. Потёмкину. 26 февраля 1938 г. // Там же. Л. 84–83.

[4] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 11 марта 1938 г. // Там же. Л. 90–85; Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 26 марта 1938 г. // Там же. Л. 105–91.

В начале марта Литвинова посетил Кулондр. Он произнес «длинную тираду» о критике Франции в советской прессе и упомянул о «международной пролетарской солидарности». Было очевидно, что Францию критиковать нельзя. Легко представить, как Литвинов закатил глаза, думая: «Опять он за свое». Вместо того чтобы отмахнуться от жалоб Кулондра, Литвинов подробно на них ответил. Он обратил внимание своего собеседника на то, что в недавних публикациях советской прессы нет ничего нового. Если бы, заметил Литвинов, Москва жаловалась на каждый антисоветский выпад, скажем, во французском парламенте, то «мы бы сами себя измотали». Нужно сосредоточиться на том, что сейчас важно, сказал Литвинов: «Весь мир признает, что он находится, может быть, накануне войны». Он напомнил Кулондру, что Советский Союз не «отклоняет сотрудничество с другими странами... эти страны все больше... отклоняют сотрудничество [с нами]». И это была чистая правда! Для читателя этой книги совершенно ясно, что это наблюдение соответствовало действительности. Советская внешняя политика осталась прежней, продолжал Литвинов, однако влиятельные люди во Франции и Великобритании выступают против Советского Союза, и НКИД не может игнорировать этот факт. Вопрос в том, смогли бы Великобритания и Франция добиться сближения с Советским Союзом, если бы не «социальная вражда к нам» их правящих элит. Литвинов напомнил, что у Советского Союза и Франции есть множество «общих политических интересов» и «общих врагов», но этот важный факт растворяется в кипящем котле антисоветской враждебности французской правящей элиты. В своем отчете о встрече Кулондр написал о гневной реакции Литвинова в сдержанных тонах (и, нужно заметить, не в первый раз), однако предостерег свое парижское руководство о том, какое недовольство вызывает в СССР провал системы коллективной безопасности.

12 марта, на следующий день после встречи Литвинова с Кулондром, Гитлер без единого выстрела аннексировал Австрию. Немецкие войска приветствовала восторженная толпа, исключением были только австрийские евреи. На следующий день Блюм сформировал новое правительство, в котором должность министра иностранных дел получил Поль-Бонкур. Состав нового Кабинета министров Франции, похоже, стал для Москвы проблеском надежды. Тем не менее, когда Суриц встретился с Блюмом два дня спустя, тот находился в «буквально в паническом состоянии». Вероятно, дело было в том, что он недавно вернулся со встречи с Даладье, Гамеленом и другими высокопоставленными лицами, которые утверждали, что Чехословакии не смогут помочь ни Франция, ни Советский Союз. Эта неудача не остановила Поля-Бонкура: одним из первых его действий было проинформировать румынского посланника в Париже о намерении начать

переговоры с Бухарестом о правах прохода Красной армии[1]. По словам Александровского, он также заверил Крофту, при поддержке Блюма, что Франция будет рассматривать восстание немецкого населения в Судетской области как *casus belli*. Таким образом, прежние сомнения Литвинова по этому поводу оказались необоснованными, по крайней мере на тот момент[2]. Согласно советским отчетам, Поль-Бонкур был в авангарде усилий по укреплению коллективной безопасности и взаимопомощи.

15 марта Фирлингер встретился с Потёмкиным и сообщил об очевидном: аншлюс — это «серьезная угроза» для Чехословакии. Французское правительство, как сообщил Фирлингер, проинформировало Прагу, что окажет немедленную помощь в случае немецкой агрессии. Потёмкин усомнился в этом, указав на признаки слабости Лондона, от решимости которого зависели действия Франции. Фирлингер задал неизбежный вопрос: какова будет теперь позиция СССР? Потёмкин ответил, что главный вопрос был во Франции. Если Франция выполнит свои договорные обязательства, если она «даст германскому агрессору прямой и действительный отпор», Британия будет вынуждена последовать ее примеру, нравится ей это или нет. «Что касается Советского Союза, то никто и никогда не мог еще упрекнуть его в уклонении от принятых на себя международных обязательств»[3].

В тот же день, 15 марта, в Москве по приговору, вынесенному в ходе очередного показательного процесса, были расстреляны Крестинский и ряд других бывших членов советского правительства. Крестинского жестоко избивали, чтобы выбить признание, но в ходе процесса он заявил о своей невиновности и отверг все предъявленные ему обвинения. Эти обвинения были еще более абсурдными (если это вообще возможно), чем те, что были выдвинуты на предыдущих показательных процессах. Публичное заявление Крестинского о невиновности стало для обвинителей полной неожиданностью. Пришлось провести с ним еще одну «приватную беседу». Крестинскому и другим обвиняемым вменяли в вину организацию заговора с целью покушения на Ленина и других советских чиновни-

---

[1] Встреча с Р. Кулондром. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 11 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 863. Л. 75–78; Constantin Cesianu to Romanian foreign ministry. No. 4773. 21 March 1938 // AMAE. F. 71/France. Vol. 3. Fol. 27–29.

[2] Запись беседы С. С. Александровского с К. Крофтой. 30 марта 1938 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 61–64. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[3] Запись беседы с чехословацким посланником З. Фирлингером. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 15 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 13–15.

ков, а также с целью разрушения советской экономики. На следующий день Крестинский, что ему ни пришлось пережить за эту ночь, признал свою вину. Конечно, обвинения были чепухой, а признания были получены либо под пытками, либо в обмен на какие-либо уступки — например, на обещание, что обвиняемые не будут расстреляны или что членов их семьи оставят в покое. Сталин давал такие обещания и раньше, но выполнять их не собирался. Ложь не причиняла ему угрызений совести. Дельбос обратился к Кулондру с просьбой заступиться за Крестинского и бывшего полпреда в Париже Христиана Раковского[1]. Кулондр ответил, что поднимет этот вопрос в НКИД, предположительно в разговоре с Литвиновым, но в общих чертах, без указания на конкретных лиц. Он чувствовал, что настойчивое вмешательство может принести больше вреда, чем пользы, и даже может быть использовано советскими обвинителями в собственных целях. Это был хладнокровный ответ, но разве французское правительство могло сделать что-то еще? По словам Кулондра, этот процесс стал кульминацией десятилетних усилий Сталина, направленных на то, чтобы «разбить оппозицию»[2].

Что делать?

Для тех, кто пережил суровую реальность сталинских репрессий, жизнь продолжалась. Европа находилась в состоянии кризиса, угроза войны возрастала. 14 марта Литвинов рекомендовал Сталину сделать резкое публичное заявление по поводу исчезновения с карты мира Австрии. Всего лишь год тому назад его замнарком Крестинский находился в своем кабинете в НКИД и был еще товарищем Крестинским. «Захват Австрии, — замечает Литвинов, — представляется величайшим событием после мировой войны, чреватым величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза. Обойти молчанием это событие и сохранить полную пассивность несовместимо с нашей мирной политикой и нашей позицией в Лиге Наций. Я считал бы крайне полезным в каком-нибудь заявлении державам определить нашу позицию, и проект такого заявления, которое я предложил бы сделать Англии, Франции и Чехословакии, а также Америке, при сем прилагается». К информационной записке Литвинова был приложен проект такого публичного заявления. «Я не ожидаю никаких официальных откликов на наше заявление, — писал Литвинов, — в особенности со стороны Англии, которая не хочет свя-

[1] Delbos to Coulondre. No. 139. 4 March 1938 // MAE. Bureau du chiffre, telegrammes, Moscou depart 1938 — 1 octobre 1939. О Раковском см.: *Carley M. J.* Silent Conflict. Chaps 10 and 11, and passim.

[2] Coulondre. Nos. 239–245. 7 March 1938 // DDF. 2e. Vol. VIII. P. 637–638.

зать себя какими бы то ни было практическими заявлениями. Таким образом, это заявление не наложит на нас никаких новых обязательств, достигнув своей цели». Это был важный момент. Далее Литвинов перечислял преимущества публичного заявления: «1) Расшевелить и мобилизовать пацифистские круги и побудить их к штурму на правительство Чемберлена. 2). Укрепить новое правительство народного фронта во Франции. 3) Приободрить Чехословакию, которая ожидает какого-либо нашего выступления (Франция в последнее время несколько раз заявила о своей решимости прийти Чехословакии на помощь), а также другие малые государства, которые могут в противном случае полезть в пасть германской акулы. 4) Возложить ответственность за дальнейший ход событий на Англию. 5) Дать ответ на инсинуации об ослаблении нашего государства в результате процессов. 6) Отвлечь мировое внимание от продолжающейся в заграничной печати свистопляски вокруг только что закончившегося процесса»[1].

Три дня спустя, 17 марта, Литвинов призвал к созыву международной конференции по борьбе с растущей опасностью нацистской агрессии. Как он пояснил Майскому, он «преследовал цель расшевелить немножко пацифистское общественное мнение, снять с нас ответственность за окончательный крах коллективной безопасности, несколько нейтрализовать вызванную [показательными] процессом кампанию на тему о нашем ослаблении. Если, паче чаяния, общественному мнению удастся воздействовать на правительство Чемберлена в духе коллективного обсуждения европейской проблемы — тем лучше». Тем не менее Литвинов попросил Сурица неофициально вмешаться, чтобы заручиться поддержкой Франции. Он считал, что это может помочь повлиять на Великобританию[2].

Ничего не вышло: британское и французское правительства отвергли советское предложение, причем Форин-офис ответил Литвинову с обычным пренебрежением. Сэр Александр Кадоган, который недавно сменил Ванситтарта на посту постоянного унтер-секретаря по иностранным делам, отметил, что советское заявление может создать проблемы в Палате общин: «Оппозиция скажет: “Вот она, коллективная безопасность — вставайте под знамена доблестного Литвинова”». Это было обычным оправданием: *где-то* «могут возникнуть проблемы». Но вот что Кадоган пишет дальше: «Цель русских — ускорить начало войны и хаоса в Европе. Они

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 14 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 137. Д. 1. Л. 118–119. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову и др.

[2] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 19 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. Д. 17. П. 11. Л. 29–28; М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 20 марта 1938 г. // ДВП. Т. XXI. С. 138.

сами не будут в ней участвовать, но надеются извлечь пользу — вполне вероятно, что разразится мировая революция, которую они так ждут.

Что касается нас, я думаю, на данный момент нам нужно только признать факт. Если мы решим проводить наступательную политику — разоблачим немецкий блеф, — возможно, Россия в той или иной степени окажет нам поддержку. Если мы будем действовать по указке Литвинова, я считаю, мы ускорим конфликт»[1].

Многочисленные выдержки из переписки Литвинова показывают, что оценка Кадогана была совершенно ошибочной. Кадоган тесно сотрудничал по вопросам, касающимся СССР, с помощником постоянного унтер-секретаря Сарджентом. Они дублировали ошибки друг друга, одну за другой.

Когда Литвинов писал Александровскому в конце марта, он был настроен пессимистично. Литвинов понимал, что Гитлер может атаковать Чехословакию с трех или даже четырех направлений, а президент Бенеш может поддаться давлению и пойти на уступки. Это могло привести к его ликвидации. «Во всяком случае, в теперешнем окружение Чехословакия долго существовать не может... Аншлюс уже обеспечивает Гитлеру гегемонию в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии»[2].

Это не означало, что СССР намеревался опустить руки в отношении Чехословакии. В конце марта Фирлингер отправился к Потёмкину, чтобы официально попросить о продаже еще 20 двухмоторных скоростных фронтовых бомбардировщиков СБ (АНТ-40)[3]. То есть чехословаки в случае вторжения нацистской Германии намеревались обороняться всеми силами. Потёмкин тут же составил запрос и отправил его телеграммой. Сталин синим карандашом поставил на записке Потёмкина положительную резолюцию. Свои подписи поставили на ней также Молотов, Каганович, Ворошилов и Н. И. Ежов. Как следует из небрежно нацарапанных Сталиным замечаний, в общей сложности предполагалось за 1938 год поставить 60 бомбардировщиков[4]. Полтора месяца спустя, в середине мая, Сталин одобрил отправку советской военной миссии в Чехословакию с целью

---

[1] Cadogan's minute. 17 March 1938, C1935/95/62 // TNA FO 371 21626.

[2] М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 26 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 4–7.

[3] Запись беседы с чехословацким посланником З. Фирлингером. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 27 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 205. Л. 136–135.

[4] В. П. Потёмкин — И. В. Сталину. 28 марта 1938 г. Копии отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову. Экземпляр И. В. Сталина с рукописными замечаниями синим карандашом см. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 588. Л. 21–22. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

изучения обороноспособности ее пограничья[1]. Это были первые шаги по выполнению обязательств в отношении Чехословакии, в отличие от пустых слов англичан и французов.

Румынский фактор

Литвинов разрывался между тем, чтобы занять циничную выжидательную позицию и тем, чтобы попытаться что-то сделать. В этой связи его весьма интересовали новости из Румынии. «Немалое значение для нас, — отмечал он, — имеет, конечно, позиция Румынии. Она действительно как будто обеспокоена, и Татареску иногда теперь заговаривает чуть-ли не языком Титулеску. Но все же не допускаю, чтобы король нашел в себе мужество и имел желание в особенности теперь, бросить вызов Германии и пойти на заметное сближение с нами». По правде говоря, король Кароль II рассчитывал на Францию, а Франция дала понять, что выходит из игры, еще в марте 1936 года. Чехословаки обратились к советскому правительству с просьбой уладить с Румынией вопрос о проходе через нее Красной армии. Для Москвы это было совсем не просто. По словам Литвинова, «В нашем сближении с Румынией больше всех, естественно, заинтересована Чехословакия. Тем не менее и Бенеш и Крофта всегда подходят к этому с чрезвычайно деликатностью, не осмеливаясь предлагать нам уступку Бессарабии. Только Французы уже не в первый раз грубо и цинично предлагают нам расплачиваться за нашу же помощь Чехословакии и Франции отказом от Бессарабии».

Таким образом, советское правительство слишком мало верило в приверженность Румынии коллективной безопасности, чтобы пойти на такую существенную уступку. Французы, казалось, придерживались все той же старой политики. Как всегда, они задавали вопрос, что вы можете сделать для нас, а не что мы можем сделать для вас. Литвинов сообщил Сурицу, что о новом министре иностранных дел Румынии Николае Петреску-Комнене, сменившем Антонеску, НКИД получал противоречивую информацию. Некоторые источники сообщали, что он «германофил», но была также информация из Праги, что он выступает против «гитлеризма» и поддерживает сильную, единую Малую Антанту. А ведь нужно было не забывать еще и про короля Кароля II — кто мог знать, какие у него намерения! В ходе встречи с Александровским в Бухаресте Тэтэреску «при прощальном визите Александровского, говорил последнему, что аншлюс отрезвил малые народы и создал предпосылку для нового обсуждения вопросов о коллективной без-

[1] К. Е. Ворошилов — в Политбюро. 13 мая 1938 г. Экземпляр с резолюцией синим карандашом И. В. Сталина и др. членов Политбюро см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 589. Л. 105. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

опасности и взаимной помощи во всех случаях агрессии и что будто бы даже Югославия склонна к разговорам на эту тему». Это было что-то новенькое; такие новости из Югославии наверняка привлекли внимание Литвинова[1]. Тем не менее без участия Британии и Франции рассчитывать на конкретные результаты не приходилось, так что любые подобные рассуждения звучали утопично. Похожая информация была получена от посла Франции в Бухаресте Тьерри: «События в Австрии вызвали в Румынии настоящий ступор, к которому примешивается чувство сильного беспокойства»[2].

«Татареску известен своей лживостью и неискренностью, — отмечал Литвинов, — и поэтому мог это сказать лишь с целью нашего успокоения, но все же советую проверить ее у Поля-Бонкура». В начале апреля Леже и Кулондр, находившиеся в Париже для консультаций, спросили Сурица, какую помощь советское правительство планирует оказать Чехословакии в случае войны. Вероятно, Кулондр по возвращении в Москву намеревался поднять этот вопрос на официальном уровне. Все опять сводилось к старому вопросу прохода Красной армии через Румынию. Наряду с давлением на румын, полагал Суриц, давление будет оказываться и на нас, по поводу Бессарабии. «Не удивляюсь, что французы сочтут логичным, чтобы за помощь, которую мы должны оказать Чехословакии и Франции, мы должны заплатить уступкой Бессарабии»[3]. Суриц не скрывал сарказма, как и Литвинов. Имейте в виду, словно говорили они оба, советское правительство по-прежнему открыто для сотрудничества с Бухарестом, но не ценой отказа от Бессарабии. Румынии и другим оставшимся независимыми государствам Центральной Европы необходимо объединиться против Германии, иначе они будут вынуждены подчиниться немецкой гегемонии, один за другим. Это был веский аргумент, однако, как Комнен сказал Александровскому, который в апреле направлялся в Москву для консультаций, «что Румыния, как малая страна, может вести лишь политику “ждать и наблюдать”»[4]. Ру-

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 2 апреля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 20–23; М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 26 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 4–7; М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 19 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 15–19.

[2] Thierry. Nos. 294–295. 12 March 1938 // DDF. 2e. Vol. VIII. P. 749.

[3] Я. З. Суриц — в НКИД. 2 апреля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 279. Д. 1942. Л. 187. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и др.

[4] М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 26 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 4–7; М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 19 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 15–19; М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 2 апреля 1938 г. // Там же. Л. 20–23; С. С. Александровский — в НКИД. 14 апреля 1938 г. // ДВП. Т. XXI. С. 196–197.

мыны ждали, что в игру вступят британцы и французы, но те так этого и не сделали.

Донесения советской военной разведки вызывали вопросы относительно намерений короля Кароля II.

«Наш резидент в Бухаресте (корреспондент ТАСС) телеграфно донес, что чешский военный атташе в Румынии, [Отакар] Буда, сделал ему следующее заявление: в разговоре с румынским королем о создавшейся в Европе обстановке, последний, якобы, заверил его, что "в случае прохода Красной армии через Румынию он (король) ограничится заявлением протеста Лиге Наций, но Румыния останется на стороне чехов".

Как заявляет Буда, румынский король настоятельно рекомендует чехам договориться с СССР о гарантировании неприкосновенности румынской территории, ограничившись лишь коридором для прохождения войск»[1].

Возможно, короля воодушевило появление во французском МИД Поля-Бонкура, но что самое важное, на тот момент он был готов выступить против «Железной гвардии». Логически из этого вытекала готовность к сотрудничеству с Францией, Великобританией, Чехословакией и даже СССР. Лояльность Румынии зависела от последовательной поддержки Англией и Францией коллективной безопасности и взаимопомощи. Западные историки редко принимают во внимание нюансы различий между позициями Польши и Румынии по вопросу прохода Красной армии, но такие нюансы, безусловно, имелись. Весной 1938 года Румыния все еще оставалась в игре. Что же до Польши, то она не участвовала в этой игре с самого начала.

Последний луч надежды исчезает

8 апреля 1938 года правительство Блюма пало, и вместе с ним исчезла слабая надежда на изменение политики Франции. Президентом Совета министров стал Даладье, «германофил» и «пораженец». Поль-Бонкур покинул набережную Орсе, и это была большая потеря. Его сменил Жорж Бонне, имя которого стало синонимом пораженчества и политики умиротворения. Кот, которого еще при правительстве Блюма перевели из Министерства авиации в Министерство торговли, теперь вообще был не у дел, и это была еще одна потеря. Не было в составе нового правительства и самого Блюма, что, возможно, тоже было потерей, поскольку он, похоже, склонялся к бо-

[1] Спецсообщение заместителя начальника РУ РККА С. Г. Гендина К. Е. Ворошилову. 2 апреля 1938 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1145. Л. 16. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

лее твердой позиции в отношении коллективной безопасности. В Кабинет министров вернулись Рейно и Мандель, и это был положительный момент. Зей остался в Кабинете министров, но был слишком молод и неопытен, чтобы противостоять Даладье. Народного фронта больше не существовало, хотя с точки зрения внешней политики это не имело значения. Что касается Румынии, ей по-прежнему оставалось «ждать и наблюдать».

Литвинов был раздражен намеками французов на то, что военная мощь СССР ослабла из-за репрессий. Он не мог открыто сказать то, что, вероятно, думал: что Сталин нанес ущерб репутации СССР или что вождь пожертвовал национальными интересами ради укрепления своей власти. В любом случае Сталин ответил бы, что его власть и мощь СССР — одно и то же. Майский сообщал, что британцы придерживаются в отношениях с Москвой той же линии, что и французы, сомневаясь, стоит ли на нее рассчитывать в вопросе защиты Чехословакии. Чемберлен, по словам Майского, пакостил Москве: он пытался разделять и властвовать, оттягивая Францию от ее восточных союзников и утверждая, что Красная армия «находится в состоянии разложения»[1]. Французы на это могли бы заметить, что у Великобритании, которая так пафосно обвиняла СССР в плохой боеготовности, армии и вовсе почти не было, разве что на парадах. В принципе, две дивизии — это все, что Великобритания могла бы в случае войны сразу направить во Францию. Прочитав протокол беседы Майского с Черчиллем, Литвинов проинформировал Сурица, что Черчилль держит в уме создание «великого альянса» во главе с Англией, Францией и СССР. Однако, когда Черчилль посетил Париж, его французские собеседники в этой триаде заменили Советский Союз Малой Антантой. Это была очередная утопия, поскольку Малая Антанта разваливалась на глазах из-за слабости англичан и французов. Франция и Великобритания придерживались позиции, что в шторм хорош любой порт... кроме советского. По отношению к СССР, по словам Черчилля, французы были «более прохладны и даже двойственны»[2]. Надо признать, что чистки были великолепным предлогом для дистанцирования от СССР, однако британцы и французы отдалились от Москвы еще *до* начала показательных процессов. У британцев не было регулярной армии, которая могла бы напугать кого-либо в Европе, а французы построили линию Мажино, готовясь оставаться в обороне. Кто же мог предоставить людей и деньги на наступательные операции? Не Франция и уж тем более не Британия.

---

[1] Запись беседы И. М. Майского с У. Черчиллем 23 марта 1938. 24 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 140. Д. 27. Л. 78–91. Опубл.: *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. С. 225–232.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 3 апреля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 20–23.

Тем временем в Лондоне Майский всячески старался изыскать возможности для сопротивления Чемберлену. Это подразумевало необходимость следить за деятельностью и публичными заявлениями Черчилля, развивать с ним отношения и держать Москву в курсе. «При оценке политической линии Черчилля, — сообщал Майский, — нужно иметь в виду, что его исходной точкой является защита целости Британской империи, и что сейчас главную опасность для последней он усматривает в Германии. Настроения Черчилля крайне германофобские, и целям борьбы с Германией он готов подчинить все остальное». По той же причине Черчилль часто говорил, что «склонен временно забыть о Дальнем Востоке». Он все еще питал слабые надежды на восстановление Стрезского фронта и, таким образом, на раскол «оси», но в целом был настроен скептически. Черчилля все еще беспокоила Гражданская война в Испании и, по предположению Майского, во время своего пребывания в Париже он призывал французов не вмешиваться в испанские дела. «Здесь сказывалась классовая ограниченность Черчилля. Испанское правительство ему все время рисовалось в виде какой-то коммунистической диктатуры. Ради борьбы с Германией Черчилль готов преодолеть свою классовую неприязнь к “красному правительству” в СССР». С учетом классовой точки зрения Черчилля, добавляет Майский, он делает исключение для Германии, но не для Италии, которую «не считает серьезной опасностью». Следует иметь в виду еще одно обстоятельство, отмечал Майский: авторитет Черчилля растет, и люди начинают говорить о его возвращении в Кабинет министров. Поэтому он разыгрывает свои карты осторожно и даже готов пойти на компромисс с Чемберленом, если только это не будет противоречить его основной цели — созданию «великого альянса» против нацистской Германии[1].

Черчилль по-прежнему оставался в стороне от дел — как в Лондоне, так и в Париже. Когда французский Генеральный штаб получил от своего военного атташе в Москве полковника Паласа информацию о том, что Красная армия восстанавливается после чисток и уже представляет собой грозную силу, генералы в Париже закрыли руками глаза и заткнули уши. Им не нужны были аргументы для сотрудничества с Красной армией — они искали аргументы *против* этого. К чести Паласа, его было нелегко запугать. В более позднем донесении он писал, что через год после начала мобилизации Красная армия сможет выставить на поле боя 250 дивизий[2].

---

[1] И. М. Майский — в НКИД. 8 апреля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 277. Д. 1929. Л. 42–43. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и др.

[2] Palasse. No. 458/S. 18 April 1938; Palasse to General Henri-Fernand Dentz. No. 1955. 14 June 1938 // SHAT 7N 3186.

Любой здравомыслящий Генеральный штаб, столкнувшийся с перспективой военных действий и имеющий в распоряжении всего две дивизии, готовые к мобилизации, должен был быть впечатлен такими цифрами.

Литвинов был в ярости. По его мнению, Франция находилась в авангарде «в антисоветской агитации, которая в последнем счете бьет по той же Франции». Это была чистая правда. Неудивительно, что Москва была настроена «неблагоприятно для разрешения разных ходатайств французского правительства». Речь здесь шла о намечавшейся закупке Францией советских противогазов, однако на кону были и более серьезные вопросы[1]. Раздражение Литвинова усиливалось неэффективностью советских «пособий», выплачиваемых французской прессе и отдельным журналистам. Литвинов поручил Сурицу прекратить выплаты, если никаких улучшений так и не будет[2]. Литвинов говорил об этом еще с 1920-х годов. Но что он мог сделать? Ведь все остальные платили прессе, и советское посольство не хотело отставать. Тем не менее чутье Литвинова не подвело: «пособия» *действительно* оказались пустой тратой денег. Это было всё равно что платить метеорологу за то, чтобы тот предсказал хорошую погоду, когда приближается мощный ураган.

Впрочем, наиболее точную из всех представителей официальной Москвы оценку французской политики дал не Литвинов, а Потёмкин. Вот что он написал в начале апреля 1938 года, незадолго до того, как Блюм ушел с поста председателя Совета министров.

«Несмотря на крайнюю напряженность международной обстановки, французское правительство не изменяет своей позиции нерешительности, бездеятельности и легковерия перед лицом событий, создающих непосредственную угрозу для общего мира и прямую опасность для самой Франции. Ни захват Австрии Германией, ни критическое положение Чехословакии... ни появление новых германских и итальянских войск на самой испано-французской границе, ни, наконец, вызывающие заявления Муссолини, грозящего Европе великой войной, не заставили французов встрепенуться, одуматься и что-либо предпринять, хотя бы для самозащиты... Как и раньше, не отрывают глаз от Англии, в которой видят единственную надежную защиту. По-старому не хотят понять, что первое же проявление решимости, твердости и независимости французской внешней политики, как это было при Луи Барту, могло бы немедленно образумить зарвавшихся агрессоров, напомнить Англии об опасности ее собственной изоляции и ободрить к борьбе за мир все здоровые силы демократической Европы».

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 2 апреля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 20–23.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 17 апреля 1938 г. // Там же. Л. 36–34.

Вслед за Сурицем, Потёмкин утверждал, что Франция движется к «катастрофе», если только не произойдет радикальный сдвиг в ее внешней политике. По отношению к Чехословакии французская политика была «трусливой и пассивной... Нечего и думать, чтобы французское правительство пришло на помощь своему союзнику».

Франция была не единственной причиной ярости Потёмкина, он также особо выделил Польшу, заявив, «что активную помощь Гитлеру против Чехословакии оказывает Польша». Даже французский посол в Берлине подтвердил соучастие Польши: в случае распада Чехословакии Варшава намеревалась захватить Тешинскую область с ее польским населением. Германия, по-видимому, поощряла «эти аппетиты» поляков и подталкивала Польшу к конфликту с Советским Союзом. «Гитлер учитывает неизбежность разгрома Польши нашими войсками, — писал Потёмкин. — Когда мы займем некоторые области Польши, Германия сделает то же самое со своей стороны. Фактически выполняя план Германии, Польша готовит себе четвертый раздел и утрату национальной независимости». Но у советской внешней политики была *иная* цель. Потёмкин посоветовал Сурицу начать кампанию в прессе через сотрудничавших с ним французских журналистов (он предложил Пертинакса, Эмиля Буре, Табуи и других), «разъясняя изменническую роль Бека и судьбу, ожидающую Польшу, если она и дальше пойдет по пути, намеченному Гитлером». «Они играют с огнем», — сделал вывод Потёмкин: среди населения Польши тоже есть недовольные меньшинства[1]. Это были достаточно резкие слова для человека, который поддерживал сближение с Францией и всячески боролся за него. Как оказалось, зря. В конце концов Потёмкин потерял терпение — для него слова «трусливый», «пассивный» и «французский» стали синонимами. Конечно, это было не совсем справедливо по отношению к Пери, Полю-Бонкуру, де Голлю, Манделю и подобным им: Потёмкин был далеко не первым, кто предрекал Польше скорую гибель.

Повсюду слабость и предательство

Советский военный атташе в Варшаве полковник Павел Семёнович Рыбалко, будущий прославленный танкист, дважды Герой Советского Союза и маршал бронетанковых войск, направил наркому обороны СССР Ворошилову донесение, в котором предупредил, что Польша «готовит военную авантюру». Варшава и другие крупные польские города приобретали вид вооруженных лагерей. Добровольцы объединялись в территориаль-

[1] В. П. Потёмкин — Я. З. Сурицу. 4 апреля 1938 г. // Там же. Л. 25–30 (есть опубликованная версия этого письма в DIMS, 80–83, но последние абзацы о Польше заменены многоточиями).

ные формирования. Варшавские «коллеги» Рыбалко, то есть военные атташе других стран, спрашивали, что предпримет СССР в случае вооруженного конфликта между Чехословакией, Германией и Польшей. Английский и шведский военные атташе считали, что поляки нападут на чехословаков даже вопреки намерениям Германии. У «коллег» было много вопросов. Они хотели знать, каким образом СССР намеревается выполнить свои договорные обязательства. Как войска Красной армии будут добираться до Чехословакии: через Румынию или через Польшу? Наверняка придется идти через Румынию, ведь поляки откажут в праве прохода. Военные атташе были взволнованы: «Некоторые пытаются определить сроки начала вторжения немцев в Чехию и эти сроки исчисляют июнем месяцем с. г. По данным, требующим проверки, сейчас в Польше по укреплению границ в районах Сарны, Дубно работают немецкие инженеры. Усиливаются гарнизоны на румынской и чешской границах». Все, что слышал Рыбалко, склоняло его к мысли о том, что «Польше готовится к военной авантюре и в первую очередь против Чехословакии». Он не мог сказать наверняка, существуют ли между Польшей и Германией соглашения о разделе территории Чехословакии, но такие подозрения у него были. «Правящая клика, — заключал Рыбалко, — являясь агентурой Гитлера, готова выполнять любой заказ фашизма»[1]. Эти слова звучат как преувеличение, однако они отражают широко распространенный в то время в СССР взгляд на политику Польши.

Чего же можно было ожидать в сложившихся обстоятельствах от нового правительства Даладье? Эдуард Даладье был пораженцем: он был готов отказаться от обороны Чехословакии ещё в 1936 году. «Я считаю Даладье, — писал Литвинов, — и в особенности Бонне, менее расположенными к сотрудничеству с нами, чем даже Дельбоса»[2]. В депеше Сурицу Литвинов сообщал, что Чемберлен не будет противостоять значительному расширению территории и власти Германии в Центральной и Восточной Европе и что в общественном мнении французов произошел заметный сдвиг даже в отношении Чехословакии. По словам Литвинова, у Александровского состоялась встреча с министром иностранных дел Румынии Комненом, и тот избегал любого «обсуждения конкретных вопросов», придерживаясь обычных для румынского правительства формулировок. Сообщалось также, что Тэтэреску покинул Бухарест, чтобы совершить поездку по европейским столицам: десять дней в Риме, длительное пребывание в Лондоне

---

[1] П. С. Рыбалко — К. Е. Ворошилову. 11 апреля 1938 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1147. Л. 32–37: опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 17 апреля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 140. Д. 26. Л. 22–24.

и три дня в Париже. Когда кто-то спросил Тэтэреску, возможно, в шутку, почему в Париже он планирует пробыть всего три дня, тот ответил, что «там ему делать нечего, “ибо ничего хорошего от Франции он не ожидает”. Ее авторитет и значение катастрофически упали»[1]. Когда речь зашла о переговорах Франции с Италией, Литвинов напомнил Сурицу, что советское правительство не будет препятствовать такому соглашению. «Мы готовы были всегда допускать целесообразность соглашения с Италией, при условии, однако, что это будет ослаблять, а не укреплять “ось Берлин — Рим”». Это замечание кажется немного неожиданным, учитывая, что оно высказано Литвиновым в апреле 1938 года; тем не менее оно лишь подчеркивает, что в Советском Союзе ситуацию оценивали реалистично[2].

Вопреки сомнениям СССР, министр иностранных дел Чехословакии Крофта считал, что Прага может рассчитывать на Францию и Великобританию. Какая невероятная ошибка! В Москве в это никто не верил; НКИД приказал советскому посольству в Праге начать паковать архивы документов для отправки домой[3]. Потёмкин пытался внушить Фирлингеру, что позиция Франции полностью зависит от Великобритании: если Чемберлен убедит Францию «не раздражать Германию», с которой англичане надеются начать переговоры, «французы не посмеют занять в чехословацком вопросе самостоятельную позицию». Гитлер, мол, сразу это заметит и будет действовать с «безнаказанностью». Фирлингер ответил, что Чехословакия будет защищать свою независимость с оружием в руках, хотя без поддержки Франции и СССР ее положение «будет весьма тяжелым»[4].

Посланник Чехословакии в Париже Штефан Осуский также сказал Сурицу нечто подобное. Чехословакия рассчитывала хотя бы на минимальную поддержку, особенно в связи со своими предложениями по урегулированию проблемы с судетскими немцами. На самом деле никакие предложения не способны были решить эту проблему. Идея Гитлера заключалась в том, чтобы спровоцировать кризис и пристально наблюдать за британцами и французами. Чехословаки надеялись, что англо-французской поддержки будет достаточно, чтобы отвратить Гитлера от его «авантюр». Осуский сказал, что обороноспособность Чехословакии намного

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 17 апреля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 36–34.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 29 апреля 1938 г. // Там же. Л. 37–38.

[3] Запись беседы С. С. Александровского с К. Крофтой. 30 марта 1938 г. // ДВП. Т. XXI. С. 161–164; Б. С. Стомоняков — М. С. Шапрову. 9 апреля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 23.

[4] Запись беседы с чехословацким посланником З. Фирлингером. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 27 апреля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 25–26.

сильнее, чем предполагают, даже с учетом непосредственного соседства Австрии, где аншлюс был встречен с восторгом. «Чехословакия... смотрит на союзников лишь как на секундантов в борьбе, главный удар которой (в особенности в первые дни) ей придется принять только на себя». Именно поэтому Прага не просила французов о вводе войск. Чехословаки ожидали, что союзники объявят Германии войну. Они уверены, сообщал Суриц, что, выдержав и отразив немецкие атаки в первые дни, они увидят на своей стороне «больше демократических стран»[1]. Это было вполне разумное ожидание, но британское и французское правительства горько разочаровали своих потенциальных союзников.

Фирлингер был обнадежен встречей Даладье и Чемберлена, которая состоялась в конце апреля в Лондоне. Потёмкин не был так уверен, что есть повод для надежды: «объективные данные», писал он, никоим образом не подтверждают готовность Великобритании противостоять немецкой экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе[2]. Это было преуменьшением: Литвинов располагал информацией о том, что «Чемберлен с самого начала категорически заявил, что Англия не может гарантировать теперешний статус-кво Чехословакии», даже несмотря на предложенные уступки судетским немцам. От Бенеша потребовались бы гораздо большие жертвы. По мнению Чемберлена, война не имела смысла: было ясно, что Чехословакия будет разгромлена прежде, чем сможет прибыть какая-либо помощь. Это напоминало слова Даладье о том, что Германии потребуется всего шесть часов, чтобы свести на нет оборону Чехословакии. Фирлингер настаивал на том, что чехословацкое правительство намерено «маневрировать и выжидать»[3]. Информация Литвинова была точной. По словам Бонне, Чехословакия была для британцев не чем иным, как «заплаткой, пришитой нитками Версальского договора». «Ради [ее] защиты умирать не стоило»[4].

---

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 29 апреля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 279. Д. 1943. Л. 56–57. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и др.

[2] Запись беседы с чехословацким посланником З. Фирлингером. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 13 мая 1938 г. // АВПРФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 27–28.

[3] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 мая 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 140. Д. 26. Л. 32–33; Запись беседы с чехословацким посланником З. Фирлингером. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 13 мая 1938 г. // АВПРФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 27–28.

[4] Bullitt to Hull. No. 733. 16 May 1938 // FRUS, 1938, 5 vols. Washington, DC, 1955–1956. Vol. I. P. 500–504; Chamberlain to his sister Ida. 20 March 1938 // NC18/1/1042, University of Birmingham, Neville Chamberlain Papers (hereinafter: Chamberlain Papers).

Невилл Чемберлен, Эдуард Даладье, Жорж Бонне и Эдвард лорд Галифакс. 1938 год

Судя по всему, у французов было в репертуаре всего две песни — одна для СССР, а вторая для англичан и американцев. 5 мая Даладье встретился с Сурицем, чтобы сообщить ему о результатах встреч в Лондоне. По его словам, в разговоре с Чемберленом он подчеркивал важность советско-французского пакта и «мощь» Красной армии. Возможно, Даладье прочитал отчет Паласа. «Без участия СССР, — отмечал Даладье, — нельзя... добиться "прочного равновесия сил в Европе"». Это, конечно, было правдой, но реакция Чемберлена была скептической. Он без обиняков заявил, что у него есть собственные источники информации, которые более критично характеризуют «о положении в СССР». Тем не менее все шло хорошо, продолжал Даладье, пока переговоры не коснулись Чехословакии. Чемберлен в первую очередь винил именно Даладье в том, «что тот добивается превентивной войны». Даладье ответил на это собственными обвинениями: «Англия несет главную вину за то, что Гитлер безнаказанно ввел всеобщую воинскую повинность, занял Рейнскую область, захватил Австрию и тому подобное. Если англичане склонны допустить и захват Чехословакии, то они должны считаться и со всеми последствиями». Следующей будет Румыния, сказал Даладье, и на этом дело не закончится. После этих слов Даладье британцы, похоже, немного уступили и согласились представить вниманию Гитлера заявление о том, «что при известных обстоятельствах они не останутся в стороне», хотя и не сказали ясно, когда

и при каких обстоятельствах такое заявление будет сделано. Чемберлен все еще рассматривал возможность уступок Германии[1]. Какой вывод должна была сделать Москва из этого доклада? Если читать телеграмму Сурица между строк, то создается впечатление, что Даладье сумел отразить нападки Чемберлена, но несмотря на все усилия, мало чего добился.

Примерно в то же время, в конце апреля, Лесли Хор-Белиша, государственный секретарь по военным делам (военный министр) Великобритании, выступил с речью на обеде для американских журналистов. Содержание речи дошло до Майского, который передал эту информацию в Москву. «Экспансия Германии, в сторону Чехословакии, Венгрии, Балкан совершенно неизбежна — заявил Хор-Белиша, — что Англия сейчас не готова к войне, что пока Германия будет оперировать в Европе, войны не будет, но что когда Гитлер поглотит в Европе все, что можно поглотить, он захочет пойти за пределы Европы и тогда уже война между Англией и Германией станет неизбежной, но к тому времени Англии будет достаточно вооружена». Речь Хор-Белиша вызвала настоящий переполох, но, по словам присутствовавшего чехословацкого посланника в Лондоне Яна Масарика, «она несомненно приоткрывает завесу над тем, что действительно думают члены английского правительства»[2]. То, что она вызвала переполох, неудивительно. Идея государственного секретаря заключалась в том, что небольшие государства Центральной и Восточной Европы станут добычей Гитлера и будут принесены в жертву ради того, чтобы Англия могла спокойно оставаться в мире до тех пор, пока она не перевооружится в достаточной степени, чтобы противостоять нацистской Германии. Придерживался ли этой идеи и Чемберлен? На самом деле премьер-министр полагал, что жертвы в итоге насытят Гитлера и таким образом будет достигнут прочный мир, по крайней мере, в Западной Европе. В любом случае в этой мысли было мало приятного для тех государств, которые предполагалось отдать Гитлеру в качестве дани. И, конечно, не было ничего приятного для Москвы в той мысли, которая подразумевалась, хотя и не была высказана напрямую: что Гитлер для удовлетворения своих амбиций двинется дальше на восток.

Неделю спустя, 6 мая, Бонне через посредника передал в Берлин сообщение о том, что французское правительство «решило похоронить» совет-

---

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 5 мая 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 279. Д. 1943. Л. 71–73. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и др.

[2] И. М. Майский — в НКИД. 30 апреля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 277. Д. 1929. Л. 118–119. Опубл: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

ско-французского договор. Как сильно это отличалось от той политики, которую проводила Франция при Поле-Бонкуре! По словам Ллойда Джорджа, Бонне был «скользкий и хитрый радикал крайне правого толка, которому нельзя верить». Ванситтарт и Мандель говорили о нем и в более неприятных выражениях, мол, у него всегда пятый туз в рукаве и всегда на примете плоский камень, под который можно спрятаться. Если Даладье нужен был кто-то для выполнения грязной работы (например, чтобы предать Чехословакию), Бонне для этого идеально подходил.

Был ли во французском правительстве кто-нибудь, способный удержать страну в узде? Ллойд Джордж в этом сильно сомневался. Блюм, говорил он, «милый и культурный человек, он совершеннейшая шляпа». Представлявшие правый фланг Мандель и Рейно «гораздо более надежны в борьбе против фашистских диктаторов»[1]. Впрочем, по мнению Сурица, они были «белыми воронами»[2]. «Эррио крупнее и лучше других и обладает известным минимумом активности, необходимой для создания дееспособного национального правительства, но видимо метит в президенты и поэтому не хочет слишком глубоко вмешиваться в борьбу партий». Что касается Даладье, он был единственным из членов французской делегации в Лондоне, кто отказался встретиться с Ллойд Джорджем[3]. Это было даже смешно, ведь Ллойд Джордж некогда проявил себя как лидер, способный эффективно управлять страной в военное время, чего нельзя сказать о Даладье.

Даладье получил прозвище «Бык Воклюза», по названию своего избирательного округа. Циники шутили, правда, что рога у него не от быка, а от улитки. Он был размазней, если не считать случаев, когда дело касалось коммунистов. Как говорится в пословице, тигру не дано изменить свои полоски — точно так же и улитке не дано поменять свои рожки на бычьи рога. Хотя Ллойд Джордж и упомянул Поля-Бонкура в своем обзоре французских политиков (Литвинов часто произносил его имя), нужно признать, что британцам он был не по душе. Так британский посол в Париже Фиппс активно выступал за то, чтобы Поль-Бонкур не по-

---

[1] И. М. Майский — в НКИД. 9 мая 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 277. Д. 1929. Л. 143–147. Опубл: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и др.

[2] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 26 марта 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 105–91.

[3] И. М. Майский — в НКИД. 9 мая 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 277. Д. 1929. Л. 143–147. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и др.

пал в кабинет Даладье. Он был слишком силен. Слишком силен был и Кот, но ему уже было не суждено больше быть членом французского правительства.

В отличие от Ллойд Джорджа, Форин-офис, похоже, оценивал французское правительство в зависимости от того, в какой степени проводимая им политика соответствовала британской стратегии. Показательный пример — встреча Фиппса с Эррио в конце марта. Они долго обсуждали внешнюю политику. Взгляды Эррио на отношения с СССР не изменились. Он говорил, что это крупная страна с большим населением, огромными природными ресурсами и мощным сектором тяжелой промышленности. «Игнорировать ее было бы абсурдом. Британии и Франции следует сблизиться с ней, поскольку она могла бы стать очень мощным и полезным противовесом Германии». Фиппс спросил, каково его мнение касательно чисток: вряд ли они приведут к увеличению советской военной мощи. «Эррио, похоже, был искренне шокирован этим утверждением, — заметил Фиппс. — Он напомнил мне о поразительной эффективности французской революционной армии в то время, когда огромное количество французских генералов и т. д. было отправлено на гильотину. В этой связи г-н Эррио, который и муху-то не обидит, выразил глубокое сожаление по поводу того, что в 1793 и 1794 годах не были казнены еще несколько французских генералов». Что касается Германии, то она, по мнению Эррио, представляла собой «огромную... опасность», соответственно, Британии и Франции нужно было «слиться в одну мощную оборонительную машину, чтобы противостоять ей». Это, безусловно, соответствовало идеям, которые Эррио высказывал еще в 1922 году. Что касается Италии, сказал он, она «по рукам и ногам связана с Гитлером». Какой смысл вести с ней переговоры? «Его ненависть к фашизму вообще и к Муссолини в частности, — заметил Фиппс, — так сильна, что разговор с ним на эту тему быстро заводит в тупик». Мало того, Эррио в разговоре также осудил политику невмешательства в дела Испании. Служащие Форин-офиса были потрясены. «Г-н Эррио идет вразрез с нашей политикой практически по всем пунктам», — заявил директор Центрального департамента Уильям Стрэнг. «Довольно прискорбно», — отметил Сарджент. Что касается Кадогана, он заявил, что «англо-французскую политику» будет «трудно проводить», если Эррио будет «контролировать ситуацию». Он «ужасный болтун; если бы он был у власти, его взгляды могли бы стать более умеренными». Ванситтарт вмешался, сказав в пользу Эррио, что его слова были «просто выражением здравого смысла». Он добавил, что «если нам когда-нибудь придется воевать с Германией», будет неплохо иметь «Россию» в качестве союзника на востоке. Государственный секретарь по иностранным делам лорд Галифакс тоже вставил свои две копейки, тем

самым прекрасно подведя итог внешней политике Чемберлена: «Я думаю, что миру между нами и Германией не поспособствует, если мы будем “приближаться” к России и тем самым отдаляться от Германии»[1]. Большинство чиновников Форин-офиса воспринимали французов как непослушных детей, за которыми нужно присматривать. Для Фиппса Эррио был «медузой» (выражаясь словами покойного Рамсея Макдональда), а Поль-Бонкур — «убогим»[2]. Любой, кто рискнул бы выступить против британцев, навлек бы на себя подобные оскорбления. В ретроспективе легко понять, как французам следовало бы реагировать на это высокомерие англичан.

Фиппс мог спать спокойно — ему не приходилось иметь дело ни с Полем-Бонкуром, ни с Эррио. Французское правительство было под контролем куда более слабых сил. Бонне и Даладье без лишнего промедления заявили американцам, что ничем не могут помочь Чехословакии. У Франции «закончились козыри» и не хватало оружия, чтобы противостоять Гитлеру. Вступление в войну «означало бы поражение и расчленение Франции». Это было чистое, неприкрытое пораженчество. В случае немецкой агрессии против Чехословакии, «помимо протеста, Франция не сделает “абсолютно ничего”», заявил Шотан, тогдашний вице-председатель Совета министров. Инициативу на себя возьмет Великобритания, поскольку «Франция может только воду мутить»[3]. Мы не можем ничего сделать, поэтому и не будем — так заявило новое правительство.

Бонне против Литвинова

13 мая Бонне встретился с Литвиновым в Женеве. Он сообщил, что в ближайшие три месяца может разразиться кризис, и Франция объявит мобилизацию. Бонне хотел знать, что будет делать Советский Союз, если Польша и Румыния не позволят Красной армии пройти через свою территорию. Литвинову, должно быть, надоело слышать этот вопрос, ведь французы ни разу не сказали, что будут делать *они*. Объявят мобилизацию, и что дальше? Бонне пытался найти выход из сложившейся ситуации и надеялся, что Советский Союз тоже. Но это было не так, и для Бонне это было большой проблемой.

---

[1] Phipps. No. 205 saving. 26 March 1938; minutes by Strang, 28 March; Sargent, 31 March; Cadogan, 2 April; Vansittart, 7 April; and Halifax, 8 April 1938, C2134/1050/17 // TNA FO 371 21612.

[2] Phipps to Sargent. 7 April 1938, C2134/1050/17 // TNA FO 371 21612.

[3] Dirksen to German foreign ministry. 6 May 1938 // DGFP, series D. Vol. II. P. 257–260; Bullitt. No. 739. 9 May 1938 // FRUS, 1938.Vol. I. P. 493–495; Bullitt. No. 745. 11 May 1938 // Ibid. P. 495; Bullitt. No. 773. 16 May 1938 // Ibid. P. 500–504.

Литвинов дал конструктивный ответ, указав, что советское правительство не имело достаточного дипломатического влияния на приграничные государства, чтобы получить право на проход — поэтому придется вмешаться Франции. Он также отметил, что не компетентен обсуждать военные вопросы, необходимы переговоры с участием Генеральных штабов Чехословакии и Франции. Причем необходимость таких переговоров мы предвидели еще в 1935 году, многозначительно отметил Литвинов, но Франция не была в них заинтересована. Бонне заявил, что ответ Литвинова был «в высшей степени уклончивым», но это неправда. У Литвинова также состоялись встречи с лордом Галифаксом и Комненом. Вы совершите ошибку, предупредил он Галифакса, если примете обнадеживающие слова Гитлера «за чистую монету». Гитлера не заботят судетские немцы, он заинтересован в «завоевании земель, а также стратегических и экономических позиций в Европе». Галифакс заявил, что понимает аргументы Литвинова и признает их убедительность, но не будет продвигать их в Лондоне. Что касается Комнена, то он в разговоре с Литвиновым придерживался общих фраз и избегал каких-либо конкретных вопросов. А вот в беседе с Бонне, согласно французским источникам, он довольно откровенно заявил, что Румыния не допустит прохода советских войск через свою территорию. Король, как сообщалось, считал иначе, однако румыны были намерены не высовываться, если британцы и французы решат бросить Чехословакию на произвол судьбы. Комнен более подробно рассказывает о встрече с Бонне: когда последний спросил, разрешит ли Румыния проход советской армии, Комнен ответил, что вопрос слишком важен, чтобы дать немедленный ответ, хотя «общественное мнение» «единогласно» против этого. Если Франция и Великобритания хотят рассчитывать на Румынию, заявил Комнен Бонне, им необходимо сначала восстановить утраченные позиции в бассейне Дуная[1]. Да, именно так, и такую позицию Румыния занимает давно. Пока что Румыния проявляла осторожность, но уже весной она «разрешила пролет самолетов и продвижение как по воздуху, так и по земле российской военной техники», направлявшейся в Чехословакию[2].

---

[1] М. М. Литвинов — в НКИД. 14 мая 1938 г. // ДВП. Т. XXI. С. 262–263; М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 25 мая 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 11–13; Bullitt. No. 773. 16 May 1938 // FRUS, 1938. Vol. I. P. 500–504; Note du ministre, Conversation avec M. Comnène...9 May 1938 // DDF. 2e. Vol. IX. P. 671–673; Comnen to King Carol. No. 5. 12 May 1938 // AMAE. F. 71/URSS. Vol. 85. Fol. 217–220.

[2] Radu Crutzescu to Comnen. No. 1579. 16 June 1938 // AMAE. F. 71/Romania. Vol. 102. Fol. 116; Nicolae Dianu to Comnen. No. 1318. 20 June 1938 // Ibid. F. 170–171; *Ragsdale H.* The Soviets, the Munich Crisis... P. 83–86, 148.

Майский кризис

Действия чехословацкого правительства в мае, казалось, соответствовали предыдущим заявлениям Фирлингера Потёмкину. 19–20 мая 1938 года выяснилось, что немецкие вооруженные силы концентрируются на границах Чехословакии. В ответ на это 21 мая в Праге было решено провести для противодействия им частичную мобилизацию. Гитлер был в ярости и поклялся уничтожить чехословацкое государство. Британцы и французы были застигнуты врасплох и встревожены внезапной опасностью войны. Форин-офис направил своему послу в Берлине инструкции рекомендовать правительству Германии «умеренность». Бонне отправил аналогичные инструкции, но не в Берлин, а в Прагу. Литвинов, возможно, тоже был застигнут врасплох, но 25 мая он через Фирлингера выразил одобрение действиям Чехословакии[1].

Даладье пригласил посла Германии на ужин, чтобы выразить сожаление, как один бывший солдат другому, по поводу вероятности надвигающейся войны. Если разразится война, это будет страшно: «казачьи и монгольские орды» хлынут в Европу. Даладье не заключил союз с Чехословакией и «конечно, этому не рад». Но «если Германия нападет на Чехословакию, французам придется сражаться, поступить иначе будет бесчестьем». Получается, что у французов была одна песня для немцев, вторая для американцев, а третья для Советского Союза[2]. Что же касается Даладье, его не слишком заботило «бесчестье» Франции.

В качестве реакции на разразившийся кризис Бонне вызвал польского посла Юлиуша Лукасевича, чтобы определить, на какую поддержку Польши может рассчитывать Франция, если из-за Чехословакии начнется война. Лукасевич приехал в Париж из Москвы, где Литвинов с трудом дождался окончания его визита. Покладистее Лукасевич со временем не стал и ответил Бонне весьма резко: Чехословакия — нежизнеспособное государство и рассадник коммунистической заразы. «Русские — враги», и Польша будет силой сопротивляться любому вторжению Красной армии на польскую территорию. Если Франция вступит в войну с Германией ради защиты Чехословакии, Польша не будет считать себя связанной обязательствами по франко-польскому союзу[3]. 25 мая Суриц встретился с Даладье, который проинформировал его о переговорах с польским послом.

---

[1] Francois-Poncet. Nos. 2173–2174. 21 May 1938 // DDF. 2e. Vol. IX. P. 815–816; Bonnet to de Lacroix. Nos. 352–354. 21 May 1938 // Ibid. P. 825–826; М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 25 мая 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 11–13.

[2] Welczeck to German foreign ministry. 23 May 1938 // DGFP, series D. Vol. II. P. 326–328.

[3] Note d'audience du Ministre. 22 May 1938 // DDF., 2e. Vol. IX. P. 846–847.

«Не только не приходится рассчитывать на польскую поддержку, — заметил Даладье, — но нет уверенности, что Польша не ударит с тыла»[1]. По словам Сурица, Бонне был менее агрессивен, чем Даладье, но он подтвердил, что давление на поляков будет продолжать оказываться. Бонне также сообщил, что Кулондр и Палас получили указание обсудить с Ворошиловым «ряд практических вопросов, связанных с проведением в жизнь наших пактов в свете чехословацких событий»[2].

«Пятак за пятак»

На краткий миг появился еще один проблеск надежды, что СССР останется в игре. Внезапно и в Париже, и в Москве ощутили необходимость действовать. 28 мая Фирлингер встретился с Потёмкиным, чтобы сообщить ему суть беседы с Кулондром, только что вернувшимся из Парижа. Он подтвердил информацию, которую Суриц передал в НКИД 27 мая, в частности, о том, что Кулондру поручено переговорить в Москве с Ворошиловым. «Ответ Бека, — сказал Фирлингер, — признан в Париже неудовлетворительным, и в правительственных кругах, как утверждает Кулондр, уже высказываются сомнения в целесообразности дальнейшего существования франко-польского договора». Идея заключалась в том, что Франция, СССР и Чехословакия должны договориться о совместных действиях против Германии в случае нападения последней на Чехословакию. «Переговоры по этому вопросу предполагается вести в Москве. Кулондр вернулся сюда, имея директиву — предложить нам эти переговоры, как только получит соответствующее распоряжение из Парижа». Фирлингер подчеркнул: это очень секретная информация; он, дескать, дал Кулондру обещание, что этот разговор останется между ними, но решил сделать для Потёмкина исключение. На самом деле, когда польский военный атташе во время встречи с Кулондром упомянул, что что-то слышал о франко-советско-чехословацких военных переговорах, Кулондр ответил, что понятия об этом не имеет[3].

---

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 25 мая 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 279. Д. 1943. Л. 102–105. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и др.

[2] Я. З. Суриц — в НКИД. 27 мая 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 279. Д. 1943. Л. 106–108. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и др.

[3] Запись беседы с чехословацким посланником З. Фирлингером. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 28 мая 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 206. Л. 192–191.

На следующий день, 29 мая, Потёмкин посетил Кулондра, очевидно, желая удостовериться в том, что сказал ему Фирлингер. После обсуждения некоторых мелких вопросов разговор перешел к Чехословакии. «В Париже настроение несколько окрепло, — сказал Кулондр. — В отношении Чехословакии твердо решено защищать ее в случае нападения со стороны Германии». Таким образом, с начала мая общественное мнение изменилось. Решительные действия чехословацкого правительства произвели «благоприятное впечатление» в Париже, как, по-видимому, и решительная нота протеста правительства Британии, направленная в Берлин и содержащая предупреждение против нападения Германии на Чехословакию. Согласно записям Потёмкина, «Кулондр виделся в Париже с Даладье, Бонне, Блюмом, Гамленом, Леже и другими влиятельными лицами. Он вынес определенное впечатление, что французское правительство придает самое серьезное значение франко-советскому пакту. Более того, — в правительственных кругах созрела мысль о необходимости договориться с СССР и Чехословакией о координированных действиях, в случае нападения Германии на Чехословакию». Французское правительство было заинтересовано в сотрудничестве в области авиации, по крайней мере, так сообщал Кулондр. Он повторил информацию, полученную от Сурица и Фирлингера, относительно Польши и Румынии. Комнен заявлял, что в случае франко-германской войны Румыния выполнит свои обязательства перед Францией, а Бек — что Польша останется нейтральной. Кулондр также строго конфиденциально сообщил, что французы намереваются обратиться к маршалу Рыдз-Смиглы и спросить, считает ли себя Польша по-прежнему союзником Франции. Если нет, ему следует сообщить об этом, используя традиционный язык дипломатии, а французское правительство будет вынуждено сделать «надлежащие политические выводы». Кулондр также подтвердил информацию Фирлингера о встрече с польским военным атташе. Он добавил, что разговаривал с польским послом Гржибовским, заявив, что, по сути, «игра с Германией» Польши в конечном итоге приведет к тому, что она будет обречена на уничтожение «немецким захватчиком»[1]. Таким образом, Кулондр присоединился к Потёмкину и многим другим, кто предвидел гибель Польши. Почему же не предвидели этого сами поляки?

В тот же день, 29 мая, после встречи с Кулондром, Потёмкин телеграфировал Александровскому и Сурицу, чтобы проинформировать их о том, что происходит в Москве. В первую очередь он был заинтересован в том, чтобы предложить военные переговоры для определения меры ответственности в случае войны с нацистской Германией, спровоцированной напа-

[1] Запись беседы с французским посланником Р. Кулондром. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 29 мая 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 206. Л. 197–195.

дением на Чехословакию. Это должны были быть официальные переговоры, одобренные тремя правительствами, представители которых будут иметь неограниченные полномочия. По словам Фирлингера, Бенеш лично одобрил эти условия. «Я не реагировал [касательно штабных переговоров], — сообщил Потёмкин, — ибо на этот счет директив мы пока не имеем, а некоторые прецеденты с теми же французами вынуждают относиться весьма осторожно к их зондажу». Никто (и меньше всего Потёмкин) не забыл противодействия, которое оказывала Франция, и особенно Даладье, предыдущим попыткам СССР начать штабные переговоры[1].

За несколько недель до Майского кризиса Палас нанес визит Ворошилову. Они поговорили об артиллерии, а затем Палас перевел дискуссию на более общие вопросы франко-советского сотрудничества. Ворошилов слушал вежливо, как делал всегда, когда к нему приходили военные атташе. Мы хотели этого сотрудничества, сказал Ворошилов, но его не случилось. Мы все еще хотим его, добавил он, но только если это будет «пятак за пятак». Иными словами, если это будет сотрудничество, основанное строго на принципе взаимности[2]. Что бы ни говорило время от времени французское правительство, оно никогда не шло на реальную взаимность в отношениях с СССР.

Взаимность в отношениях была на уме и у Литвинова, когда тот написал Сталину (это было еще 29 мая) с просьбой разрешить ему подтолкнуть французов к разъяснению своей позиции по Польше. По словам Литвинова, «Польша не скрывает своих намерений использовать наступление Германии на Чехословакию, чтобы отторгнуть часть чехословацкой территории. Такое вмешательство Польши будет прямой помощью Германии. Мы можем соответственной угрозой помешать интервенции Польши, но хотели бы предварительно знать, будет ли в таком случае Франция считать себя союзницей Польши в смысле франко-польского союзного договора». Литвинов хотел сообщить о намерениях Советского Союза через прессу в качестве предупреждения Польше. СССР также мог бы «заставить Францию определить свое отношение к Польше и действительно оказать некоторую помощь хотя бы дипломатическую, Чехословакии. В настоящее время вся заграничная печать пишет, что Европу удалось пока избавить от войны благодаря действиям Англии, а отчасти и Франции». По мнению Литвинова, это было возмутительно[3].

---

[1] В. П. Потёмкин — Я. З. Сурицу, С. С. Александровскому. 29 мая 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 280. Д. 1947. Л. 63. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Palasse to Daladier. No. 462/S. 1 May 1938 // SHAT 5N 579.

[3] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 29 мая 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 137. Д. 1. Л. 303.

Гиршфельд, на тот момент все еще остававшийся советским поверенным в делах в Париже, 31 мая встретился с Бонне и сразу же перешел к главному. «Он [Бонне] считает, что в чешском вопросе Англия, непосредственно незаинтересованная, проявила известное “мужество”, но он опасается, как бы она не “отошла” от этой “твердой” линии (поскольку он несколько раз это повторил, получилось впечатление, что он как бы заранее подготовляет предлог для возможного “отхода” самой Франции)». В глубине души Бонне именно эту идею и вынашивал. Во время апрельских встреч в Лондоне «англичане» сначала не хотели брать на себя никаких обязательств по отношению к Чехословакии под предлогом того, что они не готовы к войне. Лишь позже они согласились на демарш Берлину, дав понять, что не останутся в стороне. Чехословацкая мобилизация и реакция Франции в мае напугали англичан. Бонне осудил Польшу за ее «шаткую “безобразную” позицию» и передал мнение Гамелена о том, что «водворение Германии в Чехословакию создало бы для Польши самое тяжелое стратегическое положение». Бонне сообщил, что он поручил послу в Варшаве Леону Ноэлю встретиться с маршалом Рыдз-Смиглы, чтобы посмотреть, отличается ли его мнение от мнения Бека. Эта информация подтвердила то, что Кулондр сообщил Потёмкину. «Румынскую позицию Бонне считает лучше, хотя и указывает, что Комнен в Женеве отрицательно отнесся к вступлению русских войск на румынскую территорию, поскольку последняя немедленно должна стать театром военных действий. По сведениям Бонне позиция короля изменилась к лучшему». Это говорит о том, что французы располагали информацией, схожей с информацией советской военной разведки. Гиршфельд спросил, какова будет позиция Франции по вопросу о проходе Красной армии, на что Бонне ответил, что должен сделать запрос в Бухарест и Варшаву[1].

1 июня Литвинов встретился с Кулондром. Темой обсуждения была Испания, а не Чехословакия — по крайней мере, не напрямую. Гражданская война в Испании затянулась. Франко явно одерживал верх, а французское и британское правительства с самого начала были склонны позволить ему победить, хотя французы при Блюме и закрывали глаза на тайные поставки республиканцам. Теперь французы и британцы хотели оказать Франко поддержку в военных действиях против Барселоны. Кулондр заговорил о необходимости ценить и поддерживать англо-франко-советскую солидарность, попытавшись связать политику в отношении Испании

[1] Е. В. Гиршфельд — в НКИД. 1 июня 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 279. Д. 1943. Л. 115–116, RF, World War II, 1938. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

с политикой в отношении Чехословакии. Литвинов на это не купился. «Всякая уступка агрессору в одном пункте увеличивает его давление в другом, а потому намеченная англо-французская уступка фашистам в испанском вопросе отразится самым неблагоприятным образом на чехословацкой проблеме. Мы очень ценим солидарность с Францией и Англией, но сейчас от нас добиваются солидарности с Гитлером, Муссолини и Франко». Нет, ответил Литвинов, СССР не пойдет с вами по такому пути. Отчеты об этом разговоре Кулондра и Литвинова более или менее совпадают. Первый в своем докладе цитирует слова Литвинова, сказавшего, что «переходя от уступки к уступке, вы не защищаете мир, вы скатываетесь к войне». Ваша солидарность, добавил нарком (по версии Кулондра), — это солидарность с Германией и Италией, а не с СССР. В другом месте беседы Литвинов добавил: «Вы отдаете Испанию Франко, чтобы заслужить благосклонность синьора Муссолини». Напомним, что Литвинов был не против улучшения отношений с Италией, но только в том случае, если это поможет разбить гитлеровскую «ось». По его собственным словам, Литвинов был категоричен: СССР не согласится на англо-французские предложения о помощи военным операциям Франко путем закрытия французской границы. Согласно записям Кулондра, в конце встречи Литвинов говорил несколько менее безапелляционно[1]. Французы и британцы были неисправимы. Как им можно было доверять? И все же советская сторона по-прежнему оставляла дверь открытой для взаимного доверия.

Как всегда, советская сторона настаивала на взаимопомощи, в данном случае на защите Чехословакии, тогда как французы и британцы тянули с этим вопросом, и их приходилось подталкивать. Конечно, в Англии были Сарджент и Кадоган, которые заявляли, что СССР пытается обманом втянуть Великобританию в войну, однако они страшно заблуждались. На самом деле советская стратегия заключалась в том, чтобы как можно скорее организовать сопротивление гитлеровской Германии и *предотвратить* войну. Нужно было сдержать агрессора раньше, чем война станет неизбежной. Сколько бы раз Литвинов ни говорил о важности этого принципа, французское и британское правительства не спешили его применять. Их по-прежнему мучали кошмары о том, как коммунизм распространяется в самом сердце Европы, и эти кошмары ослепляли их, не давая замечать реальную опасность.

Французский демарш, имевший своей целью отделить Рыдз-Смиглы от Бека, был временно отложен. Посол Франции в Варшаве Ноэль еще до встречи с Рыдз-Смиглы предупреждал Париж, что поляки в целом счита-

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 1 июня 1938 г. // ДВП. Т. XXI. С. 304–305. Копия отправлена И. М. Майскому; Coulondre to Bonnet. Nos. 410–414. 1 June 1938 // DDF. 2e. Vol. IX. P. 980–982.

ют Россию, независимо от того, кто ею правит, «врагом № 1». «Если противником остается немец, он в не меньшей степени является европейцем, человеком порядка, а русский для поляков — варвар, азиат, развращенный и ядовитый элемент, всякий контакт с которым опасен, а любой компромисс смертоносен». Польское правительство считало, что любые агрессивные действия Франции или передвижение советских войск, даже через Румынию, могут побудить поляков встать на сторону нацистской Германии. Это устроило бы многих поляков, сообщал Ноэль: они «мечтают о завоеваниях за счет СССР, преувеличивая его трудности и рассчитывая на его крах». Лучше не заставлять Польшу выбирать между СССР и Германией, потому что ее выбор будет очевиден[1].

3 июня Ноэль встретился с Рыдз-Смиглы. Результат оказался таким, как и предвидел Ноэль. Тщательно подбирая слова, Рыдз-Смиглы избегал любого ответа, который мог бы каким-либо образом ограничить свободу действий Польши, особенно в отношении Тешинской области. Когда Ноэль напомнил маршалу сказанные им Гамелену в 1936 году слова о том, что он не может себе представить ситуацию, в которой Польша не поддержит Францию, Рыдз-Смиглы отказался это подтвердить. Затем Ноэль сообщил то, что ему было предписано. Это взволновало Рыдз-Смиглы, но не заставило его поменять свою позицию. Он не сказал этого вслух, но намекнул, что возможности спасти Чехословакию нет и что когда дело дойдет до критической ситуации, Польша будет действовать так, как ей выгодно[2].

4 июня Сталин, а затем и Политбюро уполномочили Литвинова потребовать от Франции разъяснения ее обязательств по франко-польскому союзу в случае, если Польша присоединится к нападению Германии на Чехословакию. Проект резолюции был написан синим карандашом рукой Сталина[3]. На тот момент Литвинов все еще пользовался поддержкой Сталина в своих попытках остановить немецкую агрессию против Чехословакии.

В тот же день Литвинов поручил Гиршфельду встретиться с Бонне или Леже для одобренного Сталиным демарша. Любое вмешательство Польши Литвинов рассматривал как «прямую помощь» Германии в совместной операции против Чехословакии. «Мы хотели бы знать заранее, в случае нашего решения помешать интервенции Польши будет ли Франция считать себя в таком случае союзницей Польше в смысле франко-польского

---

[1] Noël. No. 293. 31 May 1938 // DDF. 2e. Vol. IX. P. 973–979.

[2] Noël. No. 556. 3 June 1938 // DDF. 2e. Vol. IX. P. 1011–1012.

[3] Выписка из решения Политбюро с резолюцией И. В. Сталина по поводу Докладной записки М. М. Литвинова (от 29.05) с предложением запросить Францию о ее союзных договоренностях с Польшей. 4 июня 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 590. Л. 6. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

союзного договора?» Литвинов отметил, что не лишним будет, если соответствующая информация просочится в прессу: это станет предостережением для поляков. Получите от французов четкий ответ, указывал Литвинов, и скажите, что вы действуете по инструкции[1].

Даладье говорил Сурицу, что опасается удара в спину со стороны поляков, однако Бонне, очевидно, не видел никакой срочности в запросе советской стороны: на ответ ему потребовалась неделя. В свою следующую встречу с Гиршфельдом Бонне сообщил о своем разговоре с Лукасевичем. Он подтвердил заявление Бека о том, что Польша останется нейтральной, но затем сказал, что, если Германия нападет на Чехословакию, а Франция придет последней на помощь, это создаст «“новое положение”, которое Польша “изучит”». Бонне пытался найти какой-либо выход и заявил, что «склонен оптимистично расценивать это весьма туманное заявление». Я не теряю надежды, сказал Бонне: я буду продолжать оказывать давление на Лукасевича. Наконец, в ответ на официальный запрос советского правительства Бонне заявил, что Франция будет считать себя свободной (*déliée*) от любых обязательств по франко-польскому союзу в случае нападения Польши на Чехословакию[2]. Это было неплохо, однако между строк в этом заявлении читалось, что Бонне пребывает в нерешительности. Никаких указаний Кулондру и Паласу встретиться с Ворошиловым дано не было.

В начале июня Литвинов пришел к выводу, что Гитлер «в ближайшее бремя не будет затевать никаких авантюр в Чехословакии», а попытается «выжимать» Бенеша, добиваясь максимальных уступок при посредстве британской дипломатии. Идея Великобритании заключалась в том, чтобы предоставить судетским немцам *home rule* (автономию, гомруль). Ходили даже разговоры о нейтрализации Чехословакии по швейцарской модели, хотя Кулондр утверждал, что Франция не примет такого решения. «Мы ведь знаем, — возразил Литвинов со своей обычной язвительностью, — что пределы французскому сопротивлению ставятся в Лондоне»[3]. Это было очень точное наблюдение. Французы пытались заставить Бенеша пойти на уступки, поддаваясь давлению Великобритании.

---

[1] М. М. Литвинов — Е. В. Гиршфельду. 5 июня 1938 г. // Архив Президента Российской Федерации (далее: АПРФ), Ф. 3. Оп. 63. Д. 186. Л. 52. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, С. С. Александровскому.

[2] Е. В. Гиршфельд — в НКИД. 14 июня 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 279. Д. 1943. Л. 141–142. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову и др.

[3] М. М. Литвинов — Г. А. Астахову. 2 июня 1938 г. // АВПРФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 33–34.

ГЛАВА VIII

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС: КАПИТУЛЯЦИЯ (ИЮНЬ — ДЕКАБРЬ 1938 ГОДА)

Москва проявляет осторожность

Ввиду пессимизма советской стороны относительно намерений Англии и Франции, Литвинов в июне направил Александровскому записку, в которой сообщал, что советское правительство не считает нужным опережать Францию в Чехословацком вопросе, поскольку помощь Советского Союза Праге зависит от помощи ей Франции. «Мы, однако, считаем.., что вопросы [касательно взаимопомощи] должны обсуждаться между представителями французского, чехословацкого и советского Генеральных штабов. Напрашиваться мы с такими разговорами не будем, и Вам не следует возбуждать вопрос, а лишь разъяснять... в случае формального обращения к Вам». Впрочем, это не означало, что Литвинов рекомендовал Александровскому совсем ничего не предпринимать: «При том бешеном нажиме, который производится на Чехословакию со стороны Англии и Франции, Вы, конечно, должны укреплять дух чехословаков и их сопротивляемость этому нажиму». Мы не поддержим силовое решение чехословацкой проблемы, разъяснял Литвинов, но мы вовсе не будем против решения, которое помогло бы полностью сохранить «полную политическую независимость» Чехословакии, снизить напряженность и предотвратить вооруженную конфронтацию. Советский Союз также не примет «нейтрализации» Чехословакии, ведущую к отказу от пактов о взаимопомощи с Францией и Советским Союзом[1]. Одним словом, инструкции Литвинова

[1] М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 11 июня 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 16–18. Сравни: *Steiner Z.* The Soviet Commissariat of Foreign Affairs and the Czechoslovakian Crisis in 1938: New Material from the Soviet Archives // Historical Journal. Vol. 42. No. 3 (1999). P. 751–779.

вполне отражали осторожность советской политики. Советский Союз не собирался подставлять шею под топор нацистской Германии, учитывая, что Великобритания и Франция не желали подставлять свои.

Тем не менее опускать руки Москва тоже была не намерена. Датский посланник в заключение одной из бесед в НКИД спросил Потёмкина, какой тому видится ситуация в Чехословакии. «Я ответил, — записал Потёмкин в своем дневнике, — что чехословацкое правительство заняло в отношении германской угрозы твердую и достойную позицию, которая встречает сочувствие большинства населения страны. Таким образом, сторонники плана насильственного захвата Чехословакии вынуждены были констатировать, что на этом пути им неминуемо пришлось бы встретиться с серьезным сопротивлением. Это содействовало некоторому их отрезвлению»[1]. Возможно, какое-то время так и было. Но Гитлер чувствовал, что в Лондоне и Париже он имеет дело со слабыми противниками — у него вообще было хорошее чутье на слабость, и поэтому продолжал осуществлять свои планы. Тем временем иностранные дипломаты в Москве начинали понимать, что на Потёмкина можно всегда рассчитывать в плане прямых ответов по важным вопросам — по крайней мере, настолько прямых, насколько позволяли обстоятельства. Вероятно, они частенько говорили что-нибудь вроде «зайдем к Потёмкину и узнаем, что происходит». Иногда Потёмкин мог быть очень любезен, а иногда, напротив, сдержан и язвителен. По его записям о встречах с коллегами нередко можно было судить об изменениях в настрое советского руководства; я за это называю его «товарищ Барометр».

Примерно в то же время на встречу с Потёмкиным в НКИД явился польский посол Вацлав Гржибовский. Он хотел уладить ряд нерешенных вопросов, однако разговор в конечном итоге перешел на Чехословакию. Вспомним депешу Потёмкина Сурицу в начале апреля: он выражал жесткую позицию в отношении министра иностранных дел Бека и предрекал «четвертый раздел» Польши. Но если холодный и лишенный сочувствия тон Потёмкина был вполне ожидаемым, сама беседа вышла слегка неожиданной. В заключительной части разговора Гржибовский поделился своими впечатлениями от недавней поездки в Венгрию, Австрию и Чехословакию. По словам посла, у Гитлера с Чехословакией возникли некоторые проблемы.

«Нынешняя политика Польши служит интересам германской агрессии», — сухо заметил Потёмкин.

«Гржибовский ответил горячими возражениями. Он отвергает правомерность определения польско-германских отношений, как коалиции

---

[1] Запись беседы с датским посланником [Лаурицом] Болт-Йоргенсеном. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 7 июля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 206. Л. 233.

двух государств, преследующих агрессивные цели. Он напоминает, что январское соглашение 1934 года [о ненападении] было навязано Польше необходимостью, хотя бы на несколько лет, обеспечить себе безопасность перед лицом вооруженной Германии. Он обвиняет Францию в том, что она своим заигрыванием с Германией и нерешительностью всей своей внешней политики демонстрировала своих союзников и создала разброд в их среде. Он понимает, по его словам, что Германия ведет с Польшей предательскую игру. Для него ясно, что не только постановка вопроса о немецком меньшинстве в Польше, но и агитация среди национальных меньшинств, населяющих Польшу, в особенности украинцев, является выражением стремления Германии внутренне ослабить, а, может быть, и разложить Польшу!»

В общих чертах так и было. Гржибовский высказал мнение, что Польша вместе с другими государствами Центральной и Восточной Европы (кроме Чехословакии) должна создать оборонительный «барьер» против Германии. Потёмкин уже слышал об этой идее от Островского. Такая коалиция была совершенно нереалистична и не имела никаких шансов против вермахта. «В Польше де имеется достаточно дальновидных патриотов, — настаивал Гржибовский, — которые сознают опасность для нее соседства с Германией и задумываются над изысканием новых путей польской политики».

«Нынешняя политика Польши, — резко ответил Потёмкин, — ничем не сигнализирует о наличии изложенных им тенденций... Польше незачем искать новых путей для охраны своей государственной и национальной независимости». Он имел в виду франко-польский союз, но Гржибовский был прав относительно Франции. Была еще Малая Антанта, но она включала в себя Чехословакию. Кроме того, по соседству был СССР, не менее нежелательный союзник, по мнению польского правительства[1]. Гржибовский знал это, как и Потёмкин, поэтому их короткая перепалка не принесла никаких конкретных результатов. Тем не менее Гржибовского можно добавить ко все более удлиняющемуся списку политиков и дипломатов — румын, чехословаков, французов, — которые осознавали надвигающуюся опасность раздела Польши.

Париж перед дилеммой: сражаться или сдаться?

В середине июля Суриц сообщил, что французское правительство, похоже, разделилось на два лагеря по вопросу о помощи Чехословакии. При

[1] Запись беседы с польским послом В. Гржибовским. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 5 июля 1938 // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 206. Л. 237–234.

этом не будем забывать, что Франция была в союзе с Чехословакией и была обязана по договору встать на ее защиту в случае немецкой агрессии. Это вообще не подлежало обсуждению. Разве французы могли проигнорировать подписанное ими обязательство о взаимопомощи? По словам Сурица, раскол в Кабинете министров по этому вопросу произошел между фракциями Манделя — Рейно и Бонне — Шотана. Даладье пытался занять «компромиссную позицию». Суриц не объяснил, в чем она могла заключаться. На самом деле компромиссной позиции не было: Франция могла либо выполнить свои договорные обязательства, либо нет. Либо можно было рассчитывать на Францию как на союзника, либо нет. Мандель «многократно» говорил Сурицу, что Даладье, вероятно, все еще не расстался со своей *idée fixe* о достижении соглашения с Германией, он «навряд ли сам верит, чтобы это сейчас было возможно». Даладье и, более того, Бонне продолжали поддерживать связь с правым журналистом Фернаном де Бриноном, который оставался неофициальным посредником в отношениях с Берлином. «Критикуя и осуждая половинчатую и компромиссную линию Даладье, — продолжал Суриц, — мои собеседники объясняют ее главным образом слухами, что немцы собираются выступить уже в ближайшие месяцы (упорно говорят, что в августе, сентябре), слухами постоянно подогреваемыми “специалистами” по германским делам и уверенностью, что Франция в военном отношения отстала и к единоборству с Германией абсолютно не способна». Эти же «собеседники» сомневались в способности французской оборонной промышленности производить достаточно вооружения для подготовки к войне с Германией и считали, что менять ситуацию уже слишком поздно — даже невозможно, учитывая состояние французских финансов и экономики. «Сотрудничества с одной Англией недостаточно (это особенно подчеркивали Ре[й]но и [Раймон] Патенотр [министр националной экономики]) и что поэтому “нужен военный союз с СССР”». Читатели, возможно, помнят, что так же считал и Ллойд Джордж. Это был *центральный* аргумент «белых ворон» и всех остальных, кто поддерживал Советский Союз.

Одним из важнейших собеседников Сурица был Мандель. Вот что он сказал об отношениях с Москвой: «Мандель мне говорил, что в Генеральном штабе в этом уже давно начинают себе отдавать отчет и что к такой точке зрения [о важности военного альянса с СССР], в частности, склоняется сам Гамелен, но что сопротивление оказывается со стороны реакционных генералов засевших преимущественно в высшем военном совете». По словам Манделя очень большое и отрезвляющее впечатление на военных произведет ход Японо-китайской войны. Успех и упорство, с которым Китай обороняется от японцев приписывается главным образом помощи, оказываемой СССР».

«Я так подробно сегодня остановился, но позиции группы Ре[й]но — заключил Суриц, — так как знаю, что на днях предстоит большой бой в Кабинете по внешней политике, чреватый большими последствиями»[1].

Если во французском Кабинете министров и было некое противостояние, группировка Рейно — Манделя в нем проиграла. А может, и победила, но Бонне все равно это проигнорировал и начал действовать по собственной инициативе. 20 июля он вызвал чехословацкого посланника Штефана Осуского, чтобы прояснить «французскую позицию» по вопросу безопасности Чехословакии. «Чехословацкое правительство должно четко знать нашу позицию: Франция не будет вести войну из-за Судетского вопроса. Конечно, публично мы подтвердим нашу солидарность, как того желает чехословацкое правительство, но наша солидарность должна дать чехословацкому правительству возможность добиться мирного и достойного решения». В конце Бонне повторил, что «чехословацкое правительство должно понять: Франция, как и Англия, не пойдет на войну». Важнее всего, «чтобы не было никаких недомолвок», — сказал Бонне с сокрушением, однако искренность его слов вызывала сомнения[2]

Как раз в это время лорд Галифакс, назначенный государственным секретарем по иностранным делам, сопровождал короля Георга VI и королеву Елизавету во время государственного визита в Париж, приуроченного к годовщине начала Первой мировой войны. 20 июля Галифакс нашел время, чтобы встретиться с Даладье, Бонне и другими и обсудить ряд вопросов, включая чехословацкий. Суриц был хорошо проинформирован об этой встрече, и обо всем, что ему стало известно, доложил в Москву. По большей части это были уже привычные метания в поисках решения, как избежать войны. В очередной раз всплыли права меньшинств. Имело место и обсуждение чехословацкой «нейтрализации». По словам Сурица, эта идея, состряпанная в кругах «германофильских» в Лондоне, не была оформлена в конкретное предложение. Все, кроме Бонне, были против. Особенно враждебно настроены были Эррио и Блюм. Когда Галифакс попытался поднять эту тему, Даладье его прервал: «Давайте не осложнять и без того сложный вопрос». Это положило конец обсуждению темы нейтрализации. Выяснилось также, что французам не понравилась идея Галифакса направить в Прагу посредника (в качестве британского арбитра он предложил кандидатуру Уолтера Ренсимена 1-го виконта Ренисмена Доксфордского).

---

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 17 июля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 279. Д. 1944. Л. 75–77. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] Note du Ministre des Affaires étrangères, sur sa conversation du 20 juillet avec M. Osusky // DDF. 2e. Vol. X. P. 437–438.

Последней темой разговора стал СССР. Даладье упомянул недавний разговор с Блюмом касательно его идеи о тройственном союзе, изложенной в «Попюлер». Он сказал Галифаксу, что «что полностью разделятn точку зрения Блюма», и попросил министра иностранных дел высказать свое мнение. Галифакс ответил, что «сам он не прочь, но что почва для того в Англии еще не созрела». По предложению Даладье Гамелен предоставил британским офицерам, сопровождавшим короля Георга, «данными, свидетельствующими о мощи Красной армии». Эта информация, вероятно, исходила от полковника Паласа. В качестве своих источников Суриц называет Блюма, Эррио, Осуского и двух членов французского Кабинета министров, которыми, должно быть, были Мандель и Рейно. Отметим, что для советского полпреда было нетипично называть в телеграммах имена информаторов. Источники Сурица тем более обращают на себя внимание. Эти имена указывают на то, что многие влиятельные лица в Париже выступали за тройственное соглашение или трехсторонний союз и что они предоставляли Сурицу важную информацию для передачи в Москву. Суриц сообщает, что после того, как король Георг покинет город, он постарается получить ещё и «официальную версию» от Бонне[1]. В свете того, что Бонне сказал Осускому, можно предположить, что эта встреча могла стать весьма примечательной. А что же задумал Даладье? Возможно ли, что он изменил свое мнение об СССР? Значит, он видел отчеты Паласа? Или он просто говорил все это, чтобы помешать некоторым влиятельным лицам создать ему проблемы и дестабилизировать Кабинет? Во французской версии отчета о встрече с Галифаксом все эти моменты, вносящие диссонанс, затушеваны[2].

На следующий день французы *après mûr examen* (после тщательного рассмотрения) изменили свое мнение относительно идеи отправить лорда Ренсимена в Прагу и сообщили об этом Осускому. Предполагалось, что Ренсимен отправится в Чехословакию в начале августа. Бонне постарался сформулировать это решение как можно более деликатно. Конечно, чехословацкое правительство должно само решить, принимать ли посредничество Ренсимена или нет, но если оно решит этого не делать, это может иметь прискорбные последствия. Британское общественное мнение воспримет это очень плохо, и тогда британское правительство может потерять интерес к судьбе Чехословакии. Что касается Франции, то «регресс» бри-

---

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 22 июля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 279. Д. 1944. Л. 83–86. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] Compte rendu des conversations franco-britanniques du 20 juillet 1938 entre lord Halifax, M. Daladier et M. Georges Bonnet // DDF. 2e. Vol. X. P. 434–436.

танского общественного мнения «не сможет не повлиять на значительную часть французского общественного мнения»[1]. Бонне использовал мягкие формулировки, но от этого его слова не стали менее жестокими. Чехословацкое правительство оказалось в почти безвыходном положении. Бонне, как и Чемберлен, становился пособником Гитлера в его планах по уничтожению Чехословакии без единого выстрела.

«В два счета»

В ходе встречи с Сурицем два дня спустя Бонне подробно остановился на Чехословацком вопросе, но не упомянул о своем предупреждении Осускому. Британцы, по его словам, хотели, чтобы французы оказали большее давление на Прагу по вопросу соглашения с судетскими немцами. Галифакс указал на то, что Англия предупреждала Берлин, что ей будет трудно оставаться в стороне в случае войны. Но он также повторил все аргументы со встреч в Лондоне в апреле: «Чехословакия — это искусственное образование, созданное с совершенно иным соотношением сил, и может быть поглощена немцами в два счета. Предотвратить такой исход, оказав помощь извне, будет трудно, если вообще возможно».

Слова «в два счета» звучали очень похоже на «шесть часов», о которых говорил Даладье. Это был язык пораженчества и капитуляции. Галифакс выразил сомнение, что советская помощь может быть эффективной. Против нее будут «большинство общественного мнения и почти все доминионы». Из этого, по мнению Галифакса, следовал вывод, что надо использовать любые необходимые средства, «нужно во что бы то ни стало убедить чехов договориться». В противном случае чехословаки столкнутся с вторжением или, в лучшем случае, с плебисцитом, результатам которого британское правительство не сможет противостоять. Бонне сказал, что Франция оказала давление на Прагу, в частности, чтобы она приняла британские предложения о переговорах с лидером судетских немцев Конрадом Генлейном. «Мы не можем навязать Праге соглашение», которое было бы «несовместимо с суверенитетом и грозящее расчленением Чехословакии», — добавил Бонне[2]. Бонне напоминал змею, притаившуюся под плоским камнем: за его громкими словами скрывалась страшная ложь.

Бонне упомянул о переговорах в Лондоне с немецким посредником Фрицем Видеманом, передававшим от Гитлера совершенно нереалистичные обещания. Бонне хотел бы верить, что Гитлер может немного отступить, столк-

---

[1] Bonnet to de Lacroix. Nos. 672–674. 26 July 1938 // DDF. 2e. Vol. X. P. 487–488.

[2] Я. З. Суриц — в НКИД. 24 июля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 279. Д. 1944. Л. 89–93. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

нувшись с растущим англо-французским единством, «непоколебимым» франко-советским пактом и т. д. Однако «все говорят, — признал Бонне, — что Гитлер готовится к скорой войне». Затем он рассказал о разговоре Геринга с женой французского посла Франсуа-Понсе, состоявшемся несколько дней назад на приеме в Берлине. «Жаль, — сказал, подвыпив, Геринг, — но нам придется, вероятно, драться. Какую глупость мы сморозили, что заодно с Австрией не прихватили и Судетскую область. Кто бы тогда шевельнул хотя бы пальцем, и немало, вероятно, найдется англичан и даже Ваших французов, которые в душе сожалеют, что мы не сняли с них тогда обузу в чехословацком вопросе»[1]. Читая записи Сурица, можно почти поверить, что Бонне говорил честно. Тем не менее, его слова расходились с недавней беседой с Осуским, в которой Праге был дан сигнал, что она предоставлена сама себе, и что лучшее, что могут сделать Англия и Франция, — это продолжать обещать минимальную поддержку, пусть даже не совсем определенную. Однако о войне не могло быть и речи. Была ли у Франции вообще какая-то определенная политика? Или у нее были политика капитуляции Бонне, политика дрейфа Даладье и более жесткая линия «белых ворон», Манделя и Рейно, которую последние так и не смогли провести в Кабинете министров?

Ситуация усложняется

Все разговоры о поиске компромисса с судетскими немцами были фарсом. Их лидер Генлейн получил от Гитлера инструкции всегда требовать больше того, на что, как он знал, согласится чехословацкое правительство[2]. Литвинов понял суть этой игры: вопрос о судетских немцах был уловкой, чтобы прикрыть расширение немецкого господства, он не имел ничего общего с правами меньшинств. Гитлера не интересовало «самоуправление»; он был заинтересован в уничтожении Чехословакии. К сожалению, французы и британцы не слушали предупреждений Литвинова или высмеивали его «нотации». В сентябре, когда французские министры узнали о действиях Бонне, они выразили протест, заявив, что Совет министров их не санкционировал[3]. Таким образом, Бонне действовал по собственной инициативе, но в сентябре с этим уже оставалось лишь смириться. У кого в руках власть, тот распоряжается ею как хочет.

Литвинов все еще не был готов опустить руки. 27 июля он снова встретился с Кулондром в Москве. Их разговор ничем особо не отличался от

---

[1] Там же.

[2] *Parker R. A. C.* Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. London: Macmillan, 1993. P. 147.

[3] *Zay J.* Carnets secrets de Jean Zay. Paris: Editions de France, n. d. [1942]). Entry of 19 Sept. 1938. P. 6.

сотни предыдущих разговоров Литвинова с западными коллегами: «государства-агрессоры», говорил он, — это «хищники», которые нападают на слабых. Стоит показать штык — и они отступят. «Немцы блефуют», — сказал Литвинов. «А если нет?» — ответил Кулондр. Нам нужно «показать единый фронт и храброе сердце», — ответил Литвинов[1].

В тот день происходило много событий. Алексей Фёдорович Мерекалов, новый советский полпред в Берлине, рассказал о разговоре с Франсуа-Понсе, который считал, что неготовность Германии к операции против Чехословакии отодвигает на четыре или пять недель период, когда «что-либо произойдет». Тем временем немцы рассчитывают «обработать» Англию, чтобы добиться ее нейтралитета. Неясно, чьи это были слова, Мерекалова или Франсуа-Понсе, но Мерекалов в своем отчете пишет так: «Немцы предполагают, что пребывание Ренсимена в Праге даст отрицательные результаты, англичане отшатнутся от чехов и руки Берлина будут развязаны. Гитлер хитрит и лавирует, но никаких стремлений к мирной политике у чего нет. Внутренние затруднения могут толкнуть Гитлера на авантюру». Что касается поляков, то они, по-видимому, поняли, «что их прежняя политика к чехам была сплошным предательством... В Польше понимают, что вслед за Чехословакией встанет вопрос о [Польском] коридоре, не понимает этого один Бек — такой же агент Германии, как и [глава правительства Югославии] Стоядинович»[2]. Советскую сторону нельзя обвинить в том, что она не предупреждала поляков. Литвинов впервые сделал это еще в феврале 1934 года. Но Бек всегда считал, что ему виднее.

29 июля, через два дня после разговора Литвинова с Кулондром, Красная армия на Дальнем Востоке была втянута в пограничные бои с японскими войсками в Маньчжурии у озера Хасан, недалеко от Владивостока. Хотя это столкновение и нельзя назвать крупным сражением, это была кровавая битва, в ходе которой Красная армия смогла удержать важные высоты на границе с японской Кореей. С учетом этих обстоятельств, можно сказать, что Советский Союз был не более готов к европейской войне, чем Франция или Великобритания. Напротив, он боялся открытия второго фронта на Дальнем Востоке, как боялись второго фронта французы и британцы, к тому же перед Советским Союзом стояла необходимость охранять протяженную сибирскую границу, одновременно переживая внутренние потрясения, вызванные массовыми репрессиями. Тем не менее советская политика в отношении нацистской Германии оставалась

---

[1] Coulondre. No. 223. 27 July 1938 // DDF. 2e. Vol. X. P. 519–520.

[2] А. Ф. Мерекалов — в НКИД. 27 июля 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 271. Д. 1882. Л. 200–201. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

твердой или, по крайней мере, настолько твердой, насколько это было возможно, учитывая слабость англо-французских войск.

В августе Литвинов направил Александровскому дальнейшие инструкции: «Конечно, мы чрезвычайно заинтересованы в сохранении независимости Чехословакии, в торможении гитлеровского устремления на юго-восток, но мы без западных держав вряд ли можем что-нибудь существенное предпринять, а последние не считают нужным добиваться нашего содействия, игнорируют нас, и между тем нам не известно, чтобы сама Чехословакия когда-либо указывала своим западным "друзьям" на необходимость привлечения СССР. Выступать нам при этих обстоятельствах публично и официально с критикой действий Англии и Франции значило бы вызвать обвинение в нашем стремлении сорвать их "мирную акцию" и в поощрении чехословацкой непримиримости, не принеся этим никакой пользы самой Чехословакии... Достаточно того, что я заявил об отсутствии с нашей стороны давления на Чехословакию и о предоставлении ей полной свободы решений».

Литвинова также беспокоила возможность польской интервенции; он боялся, что Александровский зашел слишком далеко в объяснении советской позиции. Поэтому он напомнил Александровскому, что сам президент Бенеш не хотел, чтобы действие советско-чехословацкого пакта распространялось на агрессию со стороны Польши.

«Это не значит, что мы будем к этому относиться безразлично и что ни в коем случае не будем выступать против нее. Своим демаршем в Париже [в июне] мы, кажется, сделали достаточно чувствительное предупреждение Польше. Мы, вероятно, и в дальнейшем не откажемся предпринимать необходимые шаги, чтобы Польша оглядывалась на нас в своих агрессивных намерениях против Чехословакии... Пакт о ненападении с Польшей [1932 года], как вы должны знать, содержит статью, в которой говорится, что, в случае агрессии одной из сторон против третьего государства, обязательства по пакту исчезают. Таким образом, в случае нападения Польши на Чехословакию, пакт с Польшей нас связывать не может»[1].

Осторожные формулировки Литвинова говорили о готовности поддержать Чехословакию, в отличие от пораженческих высказываний, которые поступали из Парижа и Лондона.

Тем временем на Бонне в Париже оказывали давление, требуя что-то предпринять. Чехословацко-советское военное сотрудничество — «деликатный» вопрос, отметил Бонне в письме Даладье на следующий день по-

---

[1] М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 11 августа 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 24–27. Сравни: *Steiner Z.* Soviet Commissariat... Vol. 42. No 3. 1999. P. 759–760.

сле того, как Литвинов написал Александровскому. В начале мая французское правительство одобрило двусторонние чехословацко-советские переговоры в Москве. Предполагалось, что французские и чехословацкие военные атташе совместно выработают предложения, которые затем будут представлены советской стороне. При необходимости французские военные и военно-воздушные атташе также смогут выступать в роли консультантов по мере развертывания чехословацко-советских переговоров. Трехсторонние переговоры исключаются. Встречи будут проходить в формате «два на два». Ничего не должно быть зафиксировано на бумаге. Читатели наверняка помнят, что в то же самое время, когда французы разрабатывали этот подход, основанный на принципе независимости сторон, Бонне и Даладье говорили американским и немецким собеседникам, что Франция ничем не может помочь Чехословакии. Позиция Франции была очень непоследовательной: один шаг вперед и два шага назад. А после ложной тревоги 21 мая даже эти робкие шаги затормозились. Тем не менее, из-за давления со стороны Бенеша в июле Франция разработала новую политику по отношению к штабным переговорам: прежде чем обсуждать свои позиции с советскими коллегами, чехословаки должны были прояснить их с французской стороной. Бонне был особенно заинтересован в том, каким образом будет осуществляться советская помощь Чехословакии. Это был, по его словам, «фундаментальный политический вопрос». На самом деле камнем преткновения был все тот же вопрос — о проходе Красной армии через Польшу и Румынию. Вопрос о том, должна ли Франция инициировать переговоры в Варшаве и Бухаресте, так и остался без ответа. Бонне предложил лишь совершенно секретный «предварительный обмен мнениями» с чехословацкой стороной, желательно в Париже[1]. Своими действиями он все больше напоминал змею, которая постепенно отползает назад под свой плоский камень — пока, наконец, в сгущающихся тенях не останется видна только голова с раздвоенным языком.

В конце августа Москва могла только догадываться, что французы сказали чехословакам о помощи в случае немецкой агрессии. Александровский получал от своих контактов в Праге информацию о том, что французы дают «обещания», но Литвинов предполагал, что эти «обещания» могли быть воображаемыми или преувеличенными, и их целью было облегчить положение чехословаков на переговорах по вопросу о советской помощи[2]. Таким образом, Литвинов не был информирован об июльском демарше Бонне, а это означало, что чехословаки не сообщили об этом Александровскому. По словам французского посланника в Праге Виктора

[1] Bonnet to Daladier. No. 2430. 12 Aug. 1938 //, SHAT 5N 579.

[2] М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 26 августа 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 30–32.

де Лакруа, Бенеш отреагировал на сообщение Осуского о заявлении Бонне довольно эмоционально, и скорее всего так и было[1]. Близкий союзник передал бы эту информацию в Москву как можно скорее, но Крофта только намекнул об этом Александровскому 27 июля, когда охарактеризовал Бонне как «ужасного труса», который пугается при первых признаках опасности. Хорошо, сказал Крофта, что Бонне не единственный, кто выступает от имени Франции[2]. Было бы и впрямь неплохо, если бы в Париже еще кто-то из людей, способных повлиять на французскую политику, говорил на языке, отличающемся от языка Бонне. Увы, таких было мало.

Возникает соблазн использовать слово «трусливые» для описания «германофилов» в Лондоне и Париже, но это не совсем точно. Они действительно боялись, но не немецкого или итальянского фашизма, которым они во многих случаях восхищались. Они боялись распространения в Европе коммунизма. Фашизм был политической идеологией капитализма в состоянии кризиса. Один британский турист в Германии в 1935 году стал свидетелем нацистского митинга в Нюрнберге. Митинг показался ему «завораживающим». Он увидел 120 тысяч штурмовиков, проходящим мимо шеренга за шеренгой под красными со свастикой нацистскими флагами. По его словам, это было похоже на «гигантское поле тюльпанов». Он, по его словам, словно стал свидетелем «рождения сверхрасы». Правящая элита одновременно боялась этих проявлений военной мощи и мужественности нацистских войск и восхищалась ими. И это не какая-то новая, радикальная интерпретация истории межвоенных лет. Многие (а не только Литвинов) уже *в то время* осознавали эту проблему. «Классовые предрассудки и одержимость собственностью», писал один из корреспондентов «Таймс», — превратили британских «снобов» в «фашистов». Депутат парламента от Национальной лейбористской партии Гарольд Николсон выразился так: «Люди правящих классов думают только о своей собственной судьбе, что означает ненависть к красным... Это создает совершенно искусственную, но наиболее эффективную в настоящее время тайную связь между нами и Гитлером. Наши классовые интересы с обеих сторон пересекаются с нашими национальными интересами»[3]. Николсон, кстати, не был пораженцем; он поддерживал линию Черчилля, направленную на борьбу с нацистской опасностью.

---

[1] De Lacroix. Nos. 1396–1409. 21 July 1938 // DDF. 2e. Vol. X. P. 445–448; de Lacroix. Nos. 1427–1434. 21 July 1938 // Ibid. P. 450–451.

[2] *Carley M. J.* 1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II. Chicago: Ivan R. Dee, 1999. P. 42; С. С. Александровский — в НКИД. 24 июля 1938 г. // ДВП. Т. XXI. С. 402–405.

[3] *Bouverie T.* Appeasement: Chamberlain, Hitler, Churchill, and the Road to War. New York: Tim Duggan Books, 2019. P. 106, 108.

Распространенное среди правящей элиты восприятие нацизма не ограничивалось Великобританией, так было по всей Европе, даже в Чехословакии. Бенеш не сообщил Москве о демарше Бонне либо потому, что боялся ослабить советско-чехословацкое военное сотрудничество, либо потому, что хотел продолжать маневрировать подальше от опасности и поближе к Бонне, чтобы сохранить их хрупкую коалицию (если, конечно, ее можно было так назвать) ради безопасности своей страны. Поступая так, он недооценил Литвинова и Сталина, которые представляли Советский Союз — на тот момент самого решительного союзника Чехословакии. Но Бенеш не хотел сближаться с Москвой, жертвуя связью с Парижем. Как он говорил, даже в июле, *до* демарша Бонне, его позиция оставалась «подчиненной» позиции Франции[1].

16 августа у Александровского состоялась долгая и весьма показательная беседа с президентом Чехословакии. «Бенеш, бьющим в глаза образом, поседел и похудел за последний месяц. Нет также прежней спокойной самоуверенности в разговоре, которая уступила место небольшой, но все же нервозности. Изменилась и манера разговаривать. Бенеш никогда раньше не задавал столько вопросов и не перескакивал так с темы на тему, как в этот раз». Вполне понятно, что кризис подействовал на Бенеша в том числе и физически. От ситуации на Дальнем Востоке он поспешил перейти к ситуации в собственной стране. Он хотел знать, готовится ли Германия напасть на Чехословакию. Александровский ответил, что у него таких сведений нет. Тогда Бенеш спросил, как СССР оценивает военную мощь Германии. Александровский ответил, что Германия, несомненно, обладает большим военным потенциалом, но ей также предстоит преодолеть серьезные трудности, например, в оборонной промышленности. Бенеша интересовало, представляет ли немецкая военная мощь угрозу Чехословакии. Сможет ли чехословацкая армия оказать эффективное сопротивление немецкому вторжению? Разговор некоторое время шел в этом направлении, а затем Бенеш начал задавать вопросы о Великобритании и Франции. Нападет ли Германия до того, как они достаточно перевооружатся? Александровский не мог этого сказать. Бенеш считал, что немецкое нападение произойдет ранней весной 1939 года. Очевидно, время нападения на Чехословакию было предметом его постоянных размышлений. Александровский спросил, есть ли у Бенеша какие-либо определенные разведданные по этому вопросу. Германия искала предлог для нападения, в частности кровь, пролитую судетскими немцами.

Затем Бенеш обратился к вопросу о Польше. Опять же, он хотел знать, присоединится ли она к нападению Германии на Чехословакию или со-

---

[1] Resume d'un entretien avec le president Benes, le 12 juillet 1938, General Eugene Faucher, head of the French military mission in Prague // DDF. 2e. Vol. X. P. 467–468.

хранит нейтралитет. Александровский снова ответил, что у него нет определенной информации, но он считает, что Польша не сможет оставаться нейтральной. Очевидно, что Бенеш пытался оценить шансы Чехословакии на успешное сопротивление. На чьей стороне будет сражаться Польша? Возымели ли какой-либо эффект англо-французские попытки «повернуть деятельность Бека в другую сторону»? Александровский напомнил о попытках прояснить французскую позицию в отношении Польши, предпринятых Советским Союзом в июне. Следующая часть разговора была посвящена обсуждению того, что будет делать Польша. «Я уже не вспомню, как это было сказано дословно, — писал Александровский, — но получилось так, что Бенеш выставил утверждение, из которого мне стало ясно, что в ходе английской мысли Польша должна снова сыграть роль барьера против СССР в том смысле, что должна сделать “излишней” помощь СССР в случае военных событий в Европе». Что это могло значить? Это был аргумент в пользу нейтралитета Польши, ведь как раз в этом случае советская помощь Чехословакии была бы «излишней», отметил Александровский.

«Как бы спохватившись, Бенеш тут же стал усиленно заверить, что при этом ни в малейшей степени не должен быть затронут сам договор о взаимной помощи между Францией СССР. У Франции нет ни малейшего намерения лишаться этого серьезного козыря. Польша не может не понимать, что Германия, усилившаяся за счет Средней Европы, быстро сведет счеты и с Польшей. Бек при всем своем низкопоклонстве перед Гитлером не может хотеть такого результата».

Итак, могла ли Польша оставаться нейтральной? Бенеш согласился, что Польша должна в конечном итоге перейти в лагерь победителей в будущей войне. «Поэтому он думает, что Польша не решится противопоставить себя блоку Англии и Франции, к которому несомненно принадлежит и СССР».

В ответ Александровский пошутил, заметив, «что польская практика во взаимоотношениях с нами за последнее время никак не говорит за то, что Польша считается с нами, как с участниками блока миролюбивых держав, к которому могла бы принадлежать и Польша». Бенеш упомянул статью в «Таймс», в которой утверждалось, что существуют две Польши, борющиеся между собой за будущее страны. Он пришел к выводу, что Польша, Румыния и Югославия «до последней возможности» будут оставаться враждебными СССР, «потому что они боятся коммунизма. Но когда настанет исторический момент последних решений, то они не смогут уклониться от удовлетворения требований своих национальных интересов. А для этого СССР, как государство, совершенно неизбывный для них фактор».

Давайте на мгновение остановимся и рассмотрим ключевые выводы, которые можно сделать из этого разговора между советским полпредом и президентом Чехословакии. Во-первых, получается, что Великобритания и Франция все еще размышляли о способах сдерживания СССР и сохранения изначально организованного Францией санитарного кордона. Если бы Польша встала на сторону Германии, Красная армия в конечном итоге разгромила бы ее, и санитарный кордон был бы разрушен. Советское влияние распространилось бы в самое сердце Европы, как это едва не произошло в 1920 году во время войны с Польшей, и как все-таки случилось в 1945 году, хотя и при иных обстоятельствах, нежели те, что представлял себе Бенеш. Тем не менее польский нейтралитет был невозможен, поскольку Германия в конечном итоге выступила бы против Польши. Бенеша следует добавить в длинный список дипломатов и политиков, которые предвидели уничтожение Польши. В этот список входили также Литвинов, Потёмкин, Рейно, Кулондр, Крофта, Тэтэреску, Титулеску и даже Гржибовский. Проблема была в том, что поляков было не переубедить. Бенеш ошибался насчет Польши: было ясно, что она никогда не примирится с главенством национальных интересов и с правильным определением того, кто является «врагом № 1», а значит и с идеей взаимопомощи с СССР. Поэтому она продолжала верить в сказки, такие как эффективность блока малых держав. В конечном итоге Польша встала на сторону Великобритании и Франции, но продолжала отвергать сотрудничество с СССР и тем самым она (или, скорее, польское правительство) решила свою судьбу. Что касается Румынии и Югославии, то Бенеш на их счет не ошибался. Именно ужасающая слабость Франции заставила их склоняться в сторону Берлина. Румыны предпочли Францию и Великобританию в качестве союзников, а Югославия в последнюю минуту в 1941 году попыталась отойти от Берлина в сторону Москвы. Что касается Франции, Бенеш не увидел, что Бонне и другие действительно подумывали об отказе от своего главного «козыря» с СССР, «спать» или «похоронить» советско-французский пакт. Как и отмечал британский депутат Николсон, проблема была в том, что страх перед коммунизмом для слишком многих перевесил главенство национальных интересов. Конечно, были «белые вороны», но их было слишком мало, чтобы менять политику.

Разговор между Александровским и Бенешем продолжался еще некоторое время. Бенеш все пытался оценить свои шансы на выживание. Он хотел знать, в какой степени Чехословакия может полагаться на СССР. Александровский отвечал сдержанно, пытаясь побудить Бенеша самого больше высказывать свое мнение. Последний отметил, что СССР не может взять на себя инициативу в урегулировании европейских проблем,

и Александровский с этим согласился. Затем он повторил некоторые идеи из сообщения Литвинова.

Бенеш также хотел поговорить о миссии Ренсимена. Французы оказывали на Бенеша давление; они требовали, чтобы он принимал во внимание интересы Франции и не забывал о важности британской поддержки. Это было похоже на шантаж. «Раздавались голоса, что Чехословакия сознательно гонит Европу на войну из-за своих интересов. Бенеша прямо обвиняли в желании вызвать превентивную войну. Франция прямо заявила, что принятием миссии Ренсимена Англия будет ангажирована и что в этом заключается главная задача ее политики». Бенеш чувствовал давление, но он предпочел бы, чтобы мнение общественности по Чехословацкому вопросу опиралось на мнение «арбитра». На самом деле, к предложениям Ренсимена у Бенеша не было никаких претензий. Ренсимен уже признал, что Чехословакия предприняла добросовестную попытку урегулировать вопрос с судетскими немцами. Конечно, она оказалась пустой тратой времени, но требовалось публично продемонстрировать добрую волю, и чехословаки это сделали. Ренсимен понял, что Генлейн действует по указаниям из Берлина, и пришел к выводу, что вопрос о правах немецкого меньшинства был лишь предлогом. На самом деле конфликт был между Прагой и Берлином. Ренсимен понимал, что от его советов это противостояние не разрешится. Бенеш проинформировал Александровского о деталях переговоров. Он надеялся, что в конечном итоге Франция и Великобритания увидят, где находится корень конфликта, то есть что он находится в Берлине, а не в Праге, но боялся, что любая искра может разжечь пожар. Он повторил, что по его мнению Германия не рискнет начать «большую войну» с Великобританией, Францией и СССР. Этого же мнения придерживался и Литвинов, судя по его беседе с Кулондром. На этом этапе встречи Александровский постарался дать возможность высказаться Бенешу. Когда он наконец встал, чтобы уйти, думая, что разговор окончен, Бенеш удержал его, чтобы поговорить еще немного. Разговор продолжался два с половиной часа[1]. Похоже, Бенеш — живой человек, на которого внезапно обрушилось огромное давление, — очень нуждался в дружелюбном собеседнике, с которым он мог бы поделиться своими тревогами о будущем своей страны. В этом он едва ли мог рассчитывать на французских и английских дипломатов. Сможет ли Чехословакия выжить, выпутавшись из сложившейся ситуации? Сможет ли она эффективно противостоять немецкой агрессии? Было очевид-

[1] Протокол беседы с С. С. Александровского с президентом Чехословацкой Республики Э. Бенешом. 16 августа 1938 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 186. Л. 89–100. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

но, что Бенеша тяготили эти вопросы. Какой трагедией было то, что Бенеш, убежденный франкофил, столкнулся с предательством и слабостью со стороны Франции!

Кризис набирает обороты

Тем временем в правительства европейских держав бесконечным потоком хлынули сообщения, содержавшие противоречивые сведения и разнообразные слухи. Георгий Александрович Астахов, советский поверенный в делах в Берлине, сообщал, что немцы, по последним данным, усилили военную активность. Проводились крупномасштабные маневры без приглашения иностранных военных атташе. Вдоль французской, чехословацкой и восточной границ появились объявления о запрете на передвижение. Была введена обязательная трудовая повинность для строительства пограничных оборонительных сооружений. Призывались резервисты. Могли ли оставаться какие-либо сомнения относительно того, к чему готовилась Германия? Немцы не скрывали эти факты, утаивая только подробности, и даже способствовали распространению этой информации, тем самым нагнетая напряженность. «Не представляет сомнения, — добавлял Астахов, —что объектом этой авантюры является *Чехословакия* [курсив в оригинале. — *М. К.*]». Для Гитлера «проблема» была не в судетских немцах, а в Чехословакии в целом. Его сдерживало только присутствие Ренсимена в Праге; он не хотел портить отношения с Великобританией. Ходили слухи о новом секретном оружии — «летучие торпеды ракетного типа, наполненные ядовитым газом», — которое могло использоваться даже для ударов по Парижу и Лондону. Идея состояла в том, чтобы запугать Францию и парализовать любые усилия по поддержке Чехословакии. Блеф — сказал бы Литвинов. Ожидалось, что более активные действия могут быть предприняты начиная с середины сентября. По словам Астахова, разрядка напряженности могла произойти только в случае серьезных изменений в пользу Праги в позиции Англии, с которой Берлин не хотел бы конфликтовать[1]. Вот именно, подумал, должно быть, Литвинов, читая этот отчет. Проявите немного твердости — и Гитлер отступит.

Суриц в своих донесениях из Парижа писал, что всеобщее внимание приковано к немецким маневрам. Бонне дал указания прессе «не создавать паники». Согласно французским источникам, наглость, с которой осуществлялись маневры, позволяла предположить, что их цель — «блеф» и «преднамеренное запугивание». Суриц также придерживался этого мне-

[1] Г. А. Астахов — М. М. Литвинову. 17 августа 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 142. Д. 56. Л. 229–231. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

ния[1]. Александровский, в свою очередь, сообщал о том, что в правительственных кругах в Праге началась паника: Милан Годжа, председатель правительства Чехословакии, выступил за «капитуляцию» перед Генлейном, в то время как в армии развернулась агитация в пользу «политики твердой руки» в отношении судетских немцев[2].

22 августа Литвинов встретился с германским послом Шуленбургом, который спросил его о намерениях Запада и СССР на случай кризиса. Обычно осторожный Литвинов ответил, что чехословаки «как один человек будут бороться за свою независимость, что Франция в случае нападения на Чехословакию выступит против Германии, что Англия, хочет ли этого Чемберлен или нет, не сможет оставить Францию без помощи и что мы также выполним свои обязательства перед Чехословакией». Александровскому он сказал, что Шуленбург, по его мнению, действовал по инструкции, и он, Литвинов, хотел ответить так, чтобы они там в Берлине подпрыгнули. Слухи о заявлении Литвинова дошли до Бонне, который вовсе не собирался «выступать против Германии», и тот попросил у Москвы разъяснений. Французский поверенный в делах Пайяр встретился с Потёмкиным, который подтвердил заявление Литвинова. Пайяр выразил надежду, что Гитлер не развяжет «серьезную войну» из-за Чехословакии. «По этому поводу, я заметил, — писал Потёмкин в своем дневнике, — что позиция Гитлера зависит не только от его настроений, но и от реального учета возможности противодействия его агрессивным замыслам со стороны самой Чехословакии и других стран, заинтересованных в защите европейского мира»[3]. Встреча с Шуленбургом вызвала переполох в иностранной прессе, и Литвинов направил Сталину записку с разъяснением произошедшего.

«Он заходил ко мне перед своим отъездом на нюренбергский партейтаг и по этому случаю ахал и охал по поводу надвигающейся войны. По своей

---

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 18 августа 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 279. Д. 1944. Л. 131–132. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] С. С. Александровский — в НКИД. 18 августа 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 281. Д. 1953. Л. 212. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[3] М. М. Литвинов — С. С. Александровскому, А. Ф. Мерекалову. 22 августа 1938 г. // ДИМС. С. 174–175; Bonnet to Coulondre. Nos. 493–494. 27 Aug. 1938 // DDF. 2e, X, 843; Запись беседы с временным поверенным в делах Франции Ж. Пайяром. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 29 августа 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 206. Л. 319–17; Payart. Nos. 640–642. 30 Aug. 1938 // DDF. 2e. Vol. X. P. 874–875.

инициативе, или по поручению правительства, он явно пытался узнать, какие настроения существуют на этот счет в Праге и Париже. Я счел нужным ему сказать, что в случае германского нападения чехословацкий народ будет отчаянно сопротивляться, а Франция будет вынуждена прийти ему на помощь»[1].

25 августа Бонне встретился с Сурицем, чтобы лично получить разъяснения. Он высказал мнение, что ситуация, сложившаяся в Чехословакии, весьма серьезна: по имеющейся в его распоряжении информации, немцы готовятся действовать в ближайшее время. Маневры немцев на границе с Чехословакией выглядят как подготовка к войне. Они ожидают предлога для начала военных действий в Судетской области и в качестве такого предлога намереваются использовать вооруженное восстание. Немцы приняли угрожающую позу: мол, если не будет удовлетворительного решения на переговорах в Праге, «мы [немцы] сами собственными средствами разрешим конфликт». Бонне попросил Сурица передать в Москву точку зрения французского Генерального штаба о том, что «никогда еще война не была так близка, как сейчас». Бонне сказал, что он проинформировал об этом Лондон и получил заверения в твердой позиции, но в тот же день в британской прессе появились комментарии о том, что любое публичное заявление о солидарности с Францией все «еще преждевременно». Оставалось ждать, чем обернется миссия Ренсимена. Кроме того, Бонне сообщил, что в Париже ожидаются встречи чехословацких офицеров с французскими коллегами и что он «слышал», будто подобные переговоры будут проходить также в Москве. В протоколе встречи Бонне подтвердил, что позиция французского правительства осталась неизменной: «Если Германия вторгнется в Чехословакию с помощью военной силы, Франция будет соблюдать свои обязательства». Читатели помнят, что Осускому Бонне ничего подобного не сообщал, даже совсем наоборот[2]. В Праге об этом знали, в Москве — нет.

26 августа Суриц отправил Литвинову еще один доклад. «Военные приготовления немцев на чешской и французской границах ничего не имеют общего с маневренными упражнениями». Строительство оборонительных сооружений и концентрация войск напоминают действия, предпринимаемые в первые дни после объявления войны. В связи с этим французское

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 29 августа 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 138. Д. 2. Л. 135. Копия отправлена В. М. Молотову.

[2] Я. З. Суриц — в НКИД. 25 августа 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 280. Д. 1945. Л. 8–10. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.; Note du Ministre des Affaires étrangères. 26 Aug. 1938 // DDF. 2e. Vol. X. P. 840.

высшее командование вынуждено было принять контрмеры. Более того, сообщал Суриц, «те же источники представляют позицию Даладье совершенно твердой: военные действия против Чехословакии автоматически развяжут войну Франции против Германии, какой бы ни был исход первых сражений с чехами». По словам Пьера Комера, главы пресс-службы французского МИД, Даладье говорил своим собеседникам в Лондоне, а также различным высокопоставленным чиновникам в Париже, что продвижение немцев на восток с захватом зерновых и нефтяных ресурсов в Румынии поставит Францию «в смертельноопасное положение». Благодушие Франции по отношению к оккупированной Франко Испании также скоро прекратится. Это не было похоже на Даладье, которого советские дипломаты знали на протяжении многих лет как германофила, антикоммуниста, пораженца и сторонника политики попустительства, но Суриц указывал имена своих информаторов, и Комер был серьезным источником. Суриц также сообщал, что чиновники с набережной Орсе говорили, будто 25 августа Галифакс сказал Роже Камбону, французскому временному поверенному в делах в Лондоне, что Великобритания поддержит Францию, если та окажет помощь Чехословакии, хотя, по ряду причин, было бы «вредно говорить вслух». Ожидалось, что военные действия Германии против Чехословакии начнутся в период с 7 по 20 сентября[1]. Обстановка в Париже становилась всё более напряженной; было неясно, что произойдет дальше, ведь война полна неожиданностей. Даладье, кажется, начинал понимать, что к чему. А вот о Бонне этого, к сожалению, сказать было нельзя.

Тем временем Майский, как и Суриц, и Александровский, делал все, чтобы получить достоверную информацию. Он дважды встречался с Ванситтартом за обедом у того в квартире, 28 и 29 августа. Ванситтарт начал разговор с заявления, что считает судьбу Чехословакии крайне важной, поскольку страна занимает ключевую стратегическую позицию в Центральной Европе. Если эта позиция будет потеряна, Гитлеру удастся осуществить свой план по созданию Срединное Европы, что будет опасно как для Великобритании, так и для СССР. Это более опасно для Запада, вставил Майский, чем для Востока. Ванситтарт более или менее согласился с этим замечанием. Настал «критический момент», продолжил Ванситтарт, игнорируя язвительные комментарии Майского, «надо действовать, и быстро». Франция заявила, что вмешается; позиция Великобритании неясна. На самом деле, позиция французов тоже не вполне ясна. А что же

[1] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 26 августа 1938 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1146. Л. 121–123. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

насчет СССР, хотел знать Ванситтарт. Ни в Париже, ни в Лондоне, похоже, никому это было не известно. Майский, конечно, отказался отвечать, как поведет себя СССР в этой пока еще гипотетической ситуации, и вместо этого перешел к рассуждениям о том, кто несет ответственность за соблюдение Версальского договора. Мы всегда уважаем свои обязательства, добавил Майский, но с каких это пор Франция и Великобритания информируют Москву о своих планах? Майский снова язвил, но Ванситтарт сделал вид, что этого не замечает. Ванситтарт выразил мнение, что если не надавить на Гитлера сейчас, то он, едва начав действовать, уже не сможет отступить. Может начаться война. Конечно, Майский и так это понимал. Он спросил, что сделает Великобритания, если ситуация ухудшится. На это Ванситтарт ответить не мог: он не знал. Но Майский тоже не знал, как отвечать на вопросы своего собеседника, и он запросил у Москвы срочных инструкций. На следующий день разговор продолжился в том же духе, но какого-либо определенного четкого ответа относительно британской политики не последовало. 30 августа Майский получил информацию о том, что британское правительство приняло «важное решение»: решение «ничего не делать», как саркастически прокомментировал это Майский. Неужели «коварный Альбион» готовит очередную грязную выходку?[1] Из Москвы Майский никаких указаний так и не получил.

31 августа Бонне в сообщении Пайяру подтвердил позицию Франции и поручил ему встретиться с Литвиновым, чтобы снова спросить, что советское правительство намерено сделать для поддержки Чехословакии в случае войны. Вопрос прохода все еще остается проблемой, отмечал он, «несмотря на все мои усилия»[2]. Трудно сказать, какие усилия имелись в виду, учитывая, что в отношении Польши Бонне заботило лишь то, как бы она не переметнулась в нацистский лагерь. Что касается румын, то Бонне, похоже, вообще не предпринимал никаких действий. Советские собеседники Бонне не могли не задаваться вопросом, можно ли доверять хоть чему-то из того, что он говорит.

В тот же день, когда Бонне направил свои указания Пайяру, он встретился с британским поверенным в делах, чтобы обсудить, что произойдет,

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 28–30 августа 1938 г. С. 255–256; И. М. Майский — в НКИД. 29 августа 1938 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 186. Л. 118–121. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.; И. М. Майский — в НКИД. 29 августа 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 278. Д. 1930. Л. 180–184. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову и др.

[2] Bonnet to Payart. Nos. 498–502. 31 Aug. 1938 // DDF. 2e. Vol. X. P. 899–900.

если Чехословакия откажется принять арбитражное урегулирование, если таковое будет предложено лордом Ренсименом, все еще находившимся в Чехословакии. Если так и произойдет, то «им придется обходиться своими силами, *tant pis pour eux* [тем хуже для них]». Бонне был уверен, что немецкое правительство «не откажется принять справедливое предложение британской стороны», но он не был столь уверен насчет Чехословакии. Справедливое предложение? Еще до того, как Бонне получил ответ от Пайяра, он пожаловался Фиппсу, британскому послу в Париже, что его «донимает» Суриц, который, «действуя по указаниям г-на Литвинова, требует проявить больше твердости в отношении Чехословакии». Затем Бонне сказал: «Единственное желание России — разжечь всеобщую войну и наловить рыбы в этой мутной воде»[1]. Это ложное убеждение было широко распространено среди англо-французской элиты. В отличие от англичан и французов, советская сторона предпринимала реальные усилия, возглавляемые Литвиновым и поддерживаемые Сталиным, целью которых было организовать «великий альянс» против нацистской Германии, чтобы либо сдержать ее, либо победить в войне, если сдерживание не удастся. Бонне по-прежнему продолжал проводить одну линию в общении с Фиппсом и совсем другую — с Сурицем.

«Формы сотрудничества»

В тот же день, 31 августа, Суриц отправился на набережную Орсе для очередной встречи с Бонне. За последние два дня, сообщил Суриц, в Париже возросла напряженность. Из Берлина продолжали приходить «алармистские телеграммы» о подготовке Германии к войне. Бонне сказал Сурицу, что он направил Пайяру указание встретиться с Литвиновым по вопросу о «форме кооперации». Кулондру, который на тот момент находился в Париже, было приказано вернуться в Москву, другие французские послы также получили указание вернуться на свои посты. Франсуа-Понсе поднял вопрос об эвакуации французских граждан из Германии и из посольства в Берлине. Впрочем, по словам Сурица, «паника» затронула не всех. Мандель оставался тверд как кремень. Он встретился с Сурицем в тот же день. «Немцы блефуют», — сказал Мандель. Он внес в Кабинет предложение о мобилизации во Франции в ответ на мобилизацию Германии, но получил согласие только на то, чтобы оставить на службе 100 тысяч резервистов. Демарш Пайяра в Москве был предпринят по инициативе Манделя и Рейно. Оба выражали в Кабинете министров недовольство тем, что

[1] Ronald Campbell, British charge d'affaires in Paris, to Halifax. No. 225. 31 Aug. 1938 // DBFP. 3rd. Vol. II. P. 194; Sir Eric Phipps, British ambassador in Paris, to Halifax. No. 561 saving. 3 Sept. 1938 // Ibid. P. 219–220.

Лондон проявляет нерешительность[1]. Это была попытка вытолкать Бонне из-под плоского камня, под которым он надеялся отсидеться.

1 сентября Суриц опять телеграфировал Литвинову из Парижа: «Я видел корреспондента Гавас [французского новостного агентства] в Берлине. Он полностью разделяет взгляды Франсуа-Понсе на события. Он утверждает, что Гитлер твердо решил воевать, что он полностью подмял под себя колеблющихся рейхсверовцев. Его решение базируется на уверенности, что Франция ничего кроме мобилизации не сможет предпринять. Англия не поддержит, а СССР далеко и не имеет [общих] границ. Этот общий тон почти всех в Берлине. Об этом корреспонденту откровенно заявляли люди, близкие к Герингу и МИД. “На Италию Гитлер в первой стадии” не рассчитывает, но Италия “будет висеть над Францией” и затруднит ее вмешательство»[2].

В Москве Пайяр 1 сентября позвонил Потёмкину и, выполняя указания Бонне, попросил о срочной встрече (Литвинов в тот момент отсутствовал). Потёмкин сделал запись этого разговора. Она начинается с полученной 26 августа телеграммы Сурица относительно усиления напряженности вокруг Чехословакии и возможности проведения штабных переговоров, а также относительно полученных Пайяром от Бонне указаний информировать Литвинова о трудностях, связанных с правом прохода Красной армии, особенно через Польшу. Запись этого разговора Потёмкин продублировал в информационной записке Сталину. Бонне, как сообщает Потёмкин, особенно подчеркивал трудности с правом прохода. Казалось, это была «провокация» в форме привычного вопроса о том, что Советский Союз готов сделать, чтобы помочь Чехословакии. «По-видимому, Бонне рассчитывает получить от нас дополнительный аргумент, которым французское правительство могло бы воспользоваться для оправления своего собственного уклонения от оказания помощи Чехословакии»[3]. Да, именно это и пытался сделать Бонне. За время своего пребыва-

---

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 31 августа 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 01. П. 280. Д. 1945. Л. 16–17. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] Я. З. Суриц — в НКИД. 1 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 280. Д. 1945. Л. 21. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[3] В. П. Потёмкин — И. В. Сталину, В. М. Молотову и др. Запись беседы с Ж. Пайяром. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 1 сентября 1938 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1146. Л. 125–127. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копия отправлена М. М. Литвинову.

ния на посту полпреда в Париже Потёмкин хорошо узнал, насколько двуличны французы.

Оказавшись в Москве, Литвинов приготовился ответить на последний запрос французской стороны. Перед этим он запросил инструкции у Сталина.

«Согласно шифровке из Парижа [31 августа], фран[цузскому] поверенному в делах Пайяру поручено поговорить со мною относительно “форм кооперации” в чехословацком вопросе. Он просится ко мне на завтра, а я совершенно не знаю, какой тактики надо держаться, ибо за последнее время не было обмена мнений по этому вопросу.

В самом начала возникновения чехословацкого конфликта, после оккупации Германией Австрии, я по поручению ЦК выступил с публичным заявлением, доведенным до сведения правительств главнейших стран. В этом заявлении мы рекомендовали международное совещание. Далее на запросы французов и чехословаков касательно возможной военной помощи с нашей стороны, мы отвечали требованием установления контакта между Генеральными шатабами трех стран. Остаются ли в силе эти требования или мы должны кое-что к ним добавить? Я считал бы желательным скорейший обмен мнений по вопросу и получение каких-либо директив»[1].

На следующий день, после почти двухчасовой полуночной встречи с «четверкой» — Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем, — Литвинов проинформировал Пайяра о позиции СССР. «Я напомнил Пайяру, — телеграфировал он Александровскому, — что Франция обязана помогать Чехословакии независимо от нашей помощи Франции, между тем, как наша помощь обусловлена французской, и что мы поэтому имеем большое право интересоваться помощью Франции». Затем Литвинов сказал следующее: если Франция поддержит Чехословакию, Советский Союз выполнит свои обязательства с максимальной решимостью, используя все возможные способы помощи, в полном соответствии с советско-чехословацким пактом. Что касается вопроса о праве прохода Красной армии, то от Польши вряд ли стоит чего-то ожидать. Румыния может оказаться более склонной к сотрудничеству, особенно если Лига Наций вынесет решение против германской агрессии, хотя бы большинством голосов. Должны состояться трехсторонние штабные переговоры, и Советский Союз, подтвердил Литвинов, готов в них участвовать. Также Литвинов еще раз напомнил об идее проведения франко-англо-советской конференции высокого уровня, цель которой — сделать так, чтобы Гитлер отказался от своих

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 1 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 138. Д. 2. Л. 138. Копии отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову; На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953) / [авт.-сост.: А. В. Коротков и др.]. М.: Новый хронограф, 2008. С. 239.

планов вторжения в Чехословакию. Выдвинув предложения, похожие на те, что были им сделаны весной, Литвинов спросил Пайяра, что предлагает сделать Франция, поскольку обязательства Советского Союза будут зависеть от вмешательства Франции. Такой ответ советской стороны Бонне едва ли мог использовать как предлог для уклонения от обязательств Франции перед Чехословакией; единственным вариантом было его исказить.

Следуя обычной для французской стороны схеме, Пайяр уклонился от ответа. Литвинов не оставил эту увертку без внимания: «Гитлер основывает свои расчеты на двойном предположении: Франция предпримет действия, но только если Англия предпримет действия, а Англия не предпримет действий»[1]. Этим метким замечанием Литвинов удачно резюмировал сложившуюся ситуацию — правда, намерения Франции он оценил слишком благосклонно. Сомнительно, чтобы Даладье и Бонне предприняли какие-либо действия, даже в ответ на поворот в британской политике или на общественное возмущение, вызванное сопротивлением Чехословакии немецкой агрессии.

Бонне, получив этот ответ Литвинова, действительно исказил его и в искаженной форме передал Фиппсу, который переслал услышанное в Лондон. «Господин Бонне считает, что Россия проявляет гораздо больше осторожности... чем она хотела бы, чтобы проявляли другие»[2]. Это была проекция собственной позиции Бонне на Литвинова. Даже Даладье почувствовал, что в этом утверждении нужно что-то поправить. Однако Даладье был лишь немногим более решителен, чем его министр, и он разделял ужас Бонне перед красными «казаками», готовыми распространить революцию по всей Европе.

3 сентября Суриц сообщил в НКИД, что он узнал «из очень солидного источника», будто всякий раз, когда во французском Кабинете обсуждалась возможность штабных переговоров, возникало препятствие в виде противодействия со стороны Великобритании. Как мы уже знаем, лучшими источниками информации Сурица в плане того, что обсуждалось в Кабинете министров, были Мандель и Рейно. Один министр (его имени Суриц не знал, но подозревал, что это Шотан) указывал, что британские чиновники произвели на него впечатление, будто британское правительство «больше всего» опасается советского вмешательства в европейские

---

[1] М. М. Литвинов — С. С. Александровскому. 2 сентября 1938 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 186. Л. 139–140. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены в Париж, Лондон, Ригу; Payart. Nos. 653–659. 2 Sept. 1938 // DDF. 2e. Vol. X. P. 934–935.

[2] Phipps. No. 573, saving. 6 Sept. 1938 // DBFP. 3rd. Vol. II. P. 255–256; Phipps. No. 579, saving. 8 Sept. 1938 // Ibid. P. 269–270.

дела, потому что успех советского оружия «может проложить дорогу коммунизму в Центральную Европу». Несмотря на такие идеи, группа министров на последнем заседании французского Кабинета настаивала, «чтобы контакт с нами был установлен, и в результате их давления и явился демарш Пайяра». «Я вполне допускаю, — сообщал Суриц, — что, предприняв под давлением этот демарш, Бонне втайне рассчитывал, что мы дадим ответ отрицательный или, во всяком случае, способный вооружить его доводами против контакта. Вот почему я особо приветствую ответ, который дал Литвинов, и прошу разрешения ознакомить с ним и некоторых других членов Кабинета»[1]. Потёмкин также считал, что Бонне рассчитывает на отрицательный ответ.

5 сентября в Лондоне Майский встретился с Корбеном, французским послом в Лондоне, для очередного обмена информацией. Корбен побывал в Форин-офисе и вернулся оттуда недовольным. Британская политика, сказал он Майскому, отличается «неясностью». Сам он, дескать, полагает или, по крайней мере, надеется, что британская политика на самом деле лучше, чем кажется, и что «настроение членов Кабинета фактически гораздо более благоприятно для Франции и Чехословакии, чем они это хотят открыто показать». Тем не менее, отсутствие ясности и четкого заявления о намерениях «в сильнейшей степени увеличивает опасность войны». Это очень напоминало критику, которой британская политика подвергалась накануне Первой мировой войны. «По сведениям Корбена, — сообщал Майский, — в Берлине господствует уверенность, что Англия и Франция не рискнут воспрепятствовать военному выступлению Германии против Чехословакии». Тем не менее Корбен настаивал на том, «что Франция выполнит все свои обязательства в отношении Чехословакии».

Разговор также коснулся встречи Пайяра и Литвинова. Майский с удивлением обнаружил, что Корбен не был о ней проинформирован. «Чрезвычайно странно, — сообщал Майский, — что, несмотря на французскую болтливость, в английскую печать почти ничего не просочилось об этом разговоре». Как и его коллеги, Майский был обеспокоен тем, что французское правительство пытается «замолчать беседу [с Пайяром] и таким путем свести до минимума ее непосредственный политический эффект». Поэтому он предложил организовать утечку информации в прессу. «Это можно было бы сделать даже не непосредственно от нас, а через третьи руки»[2]. «Третьими руками», о которых говорил Майский, оказался

---

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 3 сентября 1938 г. // ДВП. Т. XXI. С. 477.

[2] И. М. Майский — в НКИД. 5 сентября 1938 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 186. Л. 151–153. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

Уинстон Черчилль. Да и разве кто-то мог лучше подойти на эту роль? Черчилль хотел остановить Гитлера в Чехословакии, и он переслал сообщение Литвинова Галифаксу, однако тот ничего предпринимать не стал. А даже если бы он что-то и предпринял, Чемберлен все равно был убежден, что с Гитлером можно договориться.

8 сентября Майский встретился с Галифаксом, который сказал, что британское правительство настаивает «на мирном урегулировании».

«А разве вас не интересует цена?» — спросил Майский.

«Галифакс пожал плечами и заметил, что цена определяется обстоятельствами». В конце августа Майский записал в своем дневнике, что он встретился также с Ллойдом Джорджем, который выразил уверенность в том, что Англия и Франция не встанут на защиту независимости Чехословакии[1]. В ретроспективе Ллойд Джордж оказался прав, но на тот момент, когда он озвучил свой прогноз, игра еще не была закончена. Галифакс косвенно признал, что Англия не сможет оставить Францию в беде, если та вступит в военные действия, чтобы защитить Чехословакию. Но таких косвенно выраженных обязательств французскому Кабинету министров было недостаточно[2].

Тем временем чехословацкое правительство все еще вело переговоры с Генлейном. Переговоры были пустой тратой времени, но они были необходимы, чтобы не дать Великобритании потерять интерес к Праге. Так или иначе, такая угроза была. Настроение Бенеша то поднималось, то опускалось в зависимости от новостей. Александровский ежедневно отправлял отчеты о быстро меняющейся ситуации. 2 сентября он сообщил следующее: «Источник утверждает, что в кругах, ведущих переговоры с Генлейном и Ренсименом распространены серьезные сомнения в том, что военная помощь со стороны Франции и Англии будет немедленно предоставлена в случае необходимости. Не высказывая сомнений в намерениях СССР, утверждают, что война была бы для него сейчас “не ко времени”. Военные круги утверждениям на эту тему не поддаются». Александровский привел некоторые подробности касательно предложений о самоуправлении, разрабатываемых британцами по образцу швейцарских кантонов. Впрочем, его источник был настроен пессимистично и считал, что Германия оккупирует Судетские территории, отреагировав на призывы немецкого населения, что, по сути, будет представлять собой *coup de force* (захват территории силой). Источник Алек-

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Записи от 20 августа и 8 сентября 1938 г. С. 251, 267–268; *Carley M. J.* 1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II... P. 56.

[2] Corbin to Bonnet. Nos. 2281–2285. 10 Sept. 1938 // DDF. 2e. Vol. XI. P. 111–112.

сандровского был в «панике» и предлагал принять все требования Генлейна[1].

3 сентября Александровский сообщил Бенешу и Крофте о состоявшемся накануне разговоре Пайяра с Литвиновым. Бенеш был воодушевлен, а вот Крофта совсем никак не отреагировал. Возможно, он был лучше информирован о ситуации в Лондоне и Париже. Бенеш, по-видимому, думал, что может рассчитывать на Францию — ее позиция «не оставляет ни малейших сомнений» — и что британский Кабинет министров признал «неизбежной» войну в случае нападения Германии на Чехословакию. Эти впечатления, конечно, не соответствовали информации, поступавшей в СССР из других источников. Бенеш также рассчитывал на СССР и «немедленную» советскую помощь, которая будет предоставлена, как только Франция начнет выполнять взятые на себя обязательства. Именно это, по словам Литвинова, должно было произойти после того, как Франция начнет действовать. Интересно также, что Бенеш рассчитывал на Румынию в вопросе предоставления Красной армии права прохода[2]. Вполне вероятно, что так бы все и случилось, если бы Франция, поддерживаемая Англией, предприняла решительные действия. Но готовы ли были на это пойти Франция и Англия?

По-видимому, нет. Вместо этого разразился новый кризис. Вечером 5 сентября, по данным, полученным Александровским, на Чехословакию было оказано «невероятное давление Англии» в ответ на заявления Гитлера относительно дополнительных уступок судетским немцам. Эти заявления были озвучены им в преддверии запланированного на 12 сентября выступления на партийном съезде в Нюрнберге и переданы через Генлейна. Дополнительные уступки, по словам Александровского, означали капитуляцию. Свою короткую телеграмму он завершил словами, что будет добиваться подтверждения информации, но считает полученные данные «вполне правдоподобным»[3]. Согласно сведениям, полученным от Крофты

---

[1] С. С. Александровский — в НКИД. 2 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 281. Д. 1953. Л. 234–235. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] С. С. Александровский — в НКИД. 3 сентября 1938 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 186. Л. 147–149. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[3] С. С. Александровский — в НКИД. 6 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 281. Д. 1953. Л. 243. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

и из других источников, вечером 3 сентября к Бенешу явился британский посланник в Праге Бэзил Ньютон. Его демарш происходил «с резкими нападками и обвинениями в том, что Бенеш хочет войны». Если бы британскому правительству пришлось выбирать, сказал он, между войной и самоуправлением Судетских территорий — так называемой программой Карлсбада — оно выбрало бы последнее. Каков мерзавец! Затем последовала «бурная сцена», которая побудила Бенеша отправить в Лондон телеграмму с просьбой подтвердить угрозы Ньютона. Такое подтверждение Бенеш немедленно получил. Похоже, теперь англичане снова были на побегушках у герра Гитлера. Это вынудило Чехословакию пойти на новые уступки Генлейну — последние, как заявлялось, на которые было готово пойти правительство. Дальнейшие уступки вызвали бы серьезное противодействие внутри страны. Александровский понятия не имел, что будет дальше[1].

В Москву продолжали поступать телеграммы. «Бенеш... сообщил, — писал Александровский, — что Англия и Франция производят бешеный нажим с прямыми угрозами оставить Чехословакию на произвол Гитлера». Снова замаячила угроза плебисцита. Очевидно, это было нужно, чтобы запугать Бенеша, но в итоге получилось лишь его разозлить. Как он сказал Александровскому, «плебисцит это война». У него была «бурная сцена» с Ньютоном, Ренсименом и де Лакруа. Они выжали из него новые уступки — последние, поклялся Бенеш, опасаясь, что он, возможно, уже зашел слишком далеко. Разговаривая с Александровским, он подробно вдавался в подробности, по-видимому, считая его единственным потенциальным союзником, которому он мог довериться. «Бенеш сознает, что его уступки повлекут за собой еще большую чем теперь гитлеризацию немецких и смешанных районов. Несмотря на все он намерен обороняться и не выпускать из рук армию, жандармерию, финансы и внешнюю политику, которая остается без изменений. В случае прямого нападения намерен воевать, для чего вчера и сегодня приняли меры совместно с Генштабом». Бенеш сообщил, что «Франция приняла практические меры для разработки технических проблем». Он не знал, какие инструкции касательно этого получил Кулондр[2]. В Москве эта телеграмма в Москве, вероятно, вызвала некоторый скептицизм, учитывая восприятие ситуации Бонне и неспособность

---

[1] С. С. Александровский — в НКИД. 6 сентября 1938 г. // Там же. Л. 245–246. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] С. С. Александровский — в НКИД. 7 сентября 1938 г. // Там же. Л. 247–248. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

Франции проинформировать своих союзников и собственных дипломатов о встрече Пайяра и Литвинова. Бенеш, по-видимому, все еще рассчитывал на Францию — либо по наивности, либо из-за дезинформации, либо потому, что по непонятным причинам продолжал доверять этой стране. Его уступки Генлейну (так называемый «четвертый план») не принесли никаких результатов. Инсценированный бунт на Судетских территориях предоставил Генлейну предлог для того, чтобы отклонить предложения раньше, чем на бумаге высохли чернила. Гитлер играл с чехословаками, как кошка с мышью. По сути, то же самое делали французы и британцы. Последние недели Чехословацкой Республики были настоящей агонией.

Посланник Фирлингер получил из Праги телеграммы, в которых сообщалось, что чехословацкие офицеры по прибытии в СССР получили холодный прием. Он отправился к Потёмкину за объяснениями. Потёмкину не понравилось то, что он услышал. По словам Фирлингера, Прага истолковала холодный прием как доказательство нежелания Советского Союза оказать поддержку Чехословакии в критический момент. «Я выразил удивление, — написал Потёмкин в своем дневнике, — по поводу того, что Фирлингер с таким запозданием сообщает нам вышеприведенные факты».

«Я добавил, что ответ, данный нами на официальный запрос французского правительства о возможностях помощи Чехословакии со стороны СССР, и немедленно сообщенный нами в Прагу, совершенно достаточен, чтобы рассеять клевету относительно позиции СССР в Чехословацком вопросе. К сожалению, французское правительство, насколько нам известно, не сообщило полностью содержания нашего ответа в Прагу и в Лондон. Это обстоятельство, по-видимому, и было использовано враждебными элементами, стремящимися сорвать коллективную помощь Чехословакии и пытающимися ответственность за это возложить на СССР путем распространения о нем злостной клеветы.

Фирлингер вынужден был признать, что сам Пайяр лишь тогда информировал его о нашем ответе на французский запрос, когда узнал, что мы уже осведомили об этом самого Фирлингера и Прагу. Тем не менее, уходя, посланник заверял меня, что французское правительство твердо обещает Чехословакии свою помощь. Сами чехословаки сообщили Парижу и Лондону, что последние предложения Бенеша являются окончательным пределом уступок, на которые Чехословакия может идти»[1].

Вряд ли можно винить чехословаков, с которыми французские и британские министры в Праге обращались как со своими подчиненными, за то, что те сомневались в своих союзниках. Очевидно, что за сокрытием

[1] Запись беседы с чехословацким послом З. Фирлингером. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 9 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 207. Л. 23–21.

новостей о встрече Пайяра и Литвинова стоял Бонне. Нельзя винить и советскую сторону за недоверие к потенциальным «союзникам». Телеграммы Александровского, должно быть, производили в Москве мрачное впечатление.

11 сентября в Москве между Кулондром и Потёмкиным произошло выяснение отношений «о некотором недоразумении» из-за ответа СССР на вопросы французского правительства относительно помощи Чехословакии. По словам Кулондра, «Фирлингер сигнализировал ему, что в СССР наблюдается недовольство зависимостью французской внешней политики от Англии, и, по-видимому, даже возникает сомнение в лояльном отношении Франции к обязательствам ее договоров с Чехословакией и СССР». Кулондр упомянул, что Бонне накануне отправился в Женеву, чтобы встретиться с Литвиновым и «убедить его в неосновательности возникающих у нас сомнений». Кто в Москве принял бы это за чистую монету? Советская сторона не верила в независимость французской внешней политики и не доверяла ее заверениям в соблюдении обязательств перед СССР и Чехословакией.

Потёмкин записал в своем дневнике: «Кулондр не отрицает, что французское правительство рассматривает свое сотрудничество с Англией, как одно из существеннейших гарантий мира и как свое надежнейшее обеспечение в случае войны с Германией. Это не означает, однако, что Франция приносит в жертву этому сотрудничеству свои договорные обязательства в отношении Чехословакии или СССР. Конечно, во Франции имеется довольно сильное течение против сближения с СССР, которое, как говорит Кулондр, расценивается в некоторых политических кругах в качестве фактора, обостряющего социальную борьбу внутри страны и грозящего подчинить французскую политику влияниям Коминтерна».

То, что сказал Кулондр, было похоже на правду, за исключением его уверений в соблюдении Францией обязательств перед Чехословакией и СССР, от которых Бонне, по его собственному признанию, хотел бы отказаться. Кулондр продолжал настаивать на том, что Франция уважает свои договорные обязательства. Нужно было только обсудить, каким образом могли бы сотрудничать Франция и СССР в плане поддержки Чехословакии. В этой связи Кулондр заявил, что он разделяет обеспокоенность Бонне относительно ответа СССР Пайяру. «Центр тяжести» советского ответа, согласно телеграмме Пайяра, были дипломатические действия в Лиге Наций и «консультации» между СССР, Францией и Великобританией, в то время как в Париже «ожидалось конкретное сообщение, как и чем может он оказать помощь Чехословакии в случае войны ее с Германией». В телеграмме Пайяра об этом ничего не говорилось. Кулондр также признал (и это интересно отметить), что Леже и Рене Массильи, директор

Службы политических вопросов, не разделяют этой обеспокоенности; им ответ СССР показался «достаточно ясным и положительным». Затем Кулондр сказал, что решимость Франции помочь Чехословакии осталась «непоколебимой», и такая помощь может потребоваться в ближайшие дни. Он хотел четко дать это понять и убедиться, что между Францией и СССР нет «недоразумений».

Выслушав заявление Кулондра, Потёмкин ответил, что не может судить о том, до какой степени точно ответ советской стороны был передан в телеграмме Пайяра, поэтому он повторил те четыре заявления, которые Литвинов сделал Пайяру 2 сентября. В их числе было предложение о штабных переговорах и подтверждение готовности СССР решительно действовать в случае войны, спровоцированной нападением Германии на Чехословакию, и совместно с Францией «выполнить, вместе с Францией, "все свои обязательства по советско-чешскому пакту с использованием всех доступных нам для этого путей"». Потёмкин записал: «Я полагаю, что только явно недобросовестное использование нашего ответа могло создать впечатление о его неясном уклончивом характере. Я добавил, что мы, как должно быть известно Кулондру, немедленно довели до сведения Праги точное содержание нашего ответа, данного французскому правительству. Мы сделали это для того, чтобы поддержать Чехословацкое правительство в самый тяжелый для него момент. Отсюда очевидно, какое значение придавали мы нашему заявлению».

Кулондр ответил, что, очевидно, Пайяр неточно передал подробности ответа Литвинова, и, выслушав объяснения Потёмкина, согласился, что его первоначальное впечатление было ошибочным. Предстоящая встреча Литвинова и Бонне в Женеве, добавил он, развеет любые существующие «недоразумения». Кулондр также положительно отреагировал на предложение о трехстороннем обращении к Лиге Наций. Что касается штабных переговоров, заключил он, «Франция к этому вполне готова»[1].

Литвинов прибыл в Женеву в начале сентября. Он распорядился, чтобы к нему присоединились Майский, Суриц и ряд других советских дипломатов. Майский и его супруга Агния пересекли Ла-Манш, сев на паром в Дувре, и остановились в Париже на ночь. Майский заметил, что в посольстве практически никого не было. Пользовавшийся всеобщим уважением поверенный в делах Евгений Гиршфельд был в отпуске — по крайней мере, так решил Майский. Однако отзыв в Москву всегда был зловещим знаком. На самом деле Гиршфельд, приятный человек и перспективный

[1] Запись беседы с французским послом Р. Кулондром. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 11 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 207. Л. 30–27; Coulondre. Nos. 670–6677. 11 Sept. 1938 // DDF. 2e. Vol. XI. P. 153–155.

дипломат, был арестован в мае 1939 года, а позже, в июле 1941 года, расстрелян — он стал одним из многих политзаключенных, которых поспешили казнить сразу после вторжения нацистов. Гиршфельд хорошо справлялся со своей работой; его дневники и донесения были весьма полезны НКИД — и до сих пор полезны современным историкам. Марсель Розенберг, который был предшественником Гиршфельда, также стал жертвой чисток. Он пользовался большим уважением в Париже и имел прекрасную сеть контактов среди правительственной элиты. Он завязал личную дружбу с Блюмом, а Дельбос лично интересовался его судьбой летом 1937 года, незадолго до его ареста[1]. Он был немного старше Гиршфельда, но принадлежал к тому же второму поколению советских дипломатов. Его арестовали в декабре 1937 года, обвинили в «шпионаже» и расстреляли в апреле 1938 года, через месяц после Крестинского. Это был еще один сокрушительный удар по советской дипломатии и еще одно проявление несправедливости со стороны Сталина. Сам вождь, конечно, ответил бы на это, что, если хочешь управлять государством, нужно забыть о милосердии и о других чувствах. Да, но почему это должно относиться к самым талантливым дипломатам? Впрочем, для некоторых из них, в том числе и для Майского, жизнь продолжала идти своим чередом — по крайней мере, еще некоторое время. Из Парижа в Женеву Майские добрались на машине с шофером, останавливаясь по пути в отелях и наслаждаясь французской кухней и винами. И это в то время, когда коллеги Майского один за другим становились жертвами сталинских репрессий. Вот на таком жестоком и странном фоне разворачивались попытки советской дипломатии спасти Чехословакию не только от Гитлера, но и от ее вероломного французского «союзника», а также, конечно же, от безжалостной Великобритании — или лучше будет называть ее «вероломным Альбионом»? Впрочем, мы забегаем немного вперед.

Как и предполагалось, Литвинов встретился с Бонне 11 сентября, но встреча прошла неудачно. Бонне сказал, что он передал в Лондон предложения Литвинова, но британское правительство их отклонило. Бонне снова кривил душой, так как он сам исказил идеи Литвинова, передавая их Фиппсу. Тем не менее по информации, полученной от Черчилля, предложения Галифакс действительно отклонил. Бонне обвинял во всем Лондон; он сказал, что англичане отказались от одностороннего демарша Берлину или от каких-либо других деклараций. «Но англичане и это отклонили, заявив, что они не считают нужным предпринимать каких-либо шагов в Берлине». Более того, когда «Дейли мэйл» опубликовала передовицу,

[1] Delbos to Coulondre. No. 360. 27 July 1937 // MAE, Bureau du chiffre, telegrammes au depart de Moscou, 16 août 1936 — 31 decembre 1937.

в которой говорилось, что «“Англия будет воевать на стороне Франции”, Галифакс счел нужным сейчас же напомнить французам, что у Англии нет никаких обязательств в отношении Чехословакии и что ее позиция более сдержанная, чем французская».

По словам Литвинова, «Бонне разводил руками, что, мол, ничего сделать нельзя». Относительно Румынии Бонне повторил то, что уже было известно (по словам Комнена) — что она не позволит Красной армии проход, но разрешит пролеты советских самолетов. Если они пролетят на большой высоте, их не будет видно. Бонне постоянно оглядывался по сторонам в поисках виноватых: Румынию, по его мнению, якобы сдерживала Польша. На самом деле это было не так: ее сдерживало отсутствие обязательств со стороны Великобритании и Франции. По словам Литвинова, «Бонне говорил польскому посланнику, что если Польша не хочет ничем помогать Чехословакии, то пусть она не мешает хоть Румынии, посол дал понять, что Польша и на это не пойдет и что Румыния без нее не может принимать никакого решения». Бонне заявил, что Галифакс также призывал поляков занять «более благоприятную для Чехословакии позицию». Как и Комнен, Бонне считал, что Польша немного изменила свою позицию. «Эту песню, — заметил Литвинов, — мы слышим уже давно». Бонне добавил, что Франция не оказывала давления на Чехословакию и не будет этого делать. Это была еще одна песня, которую все уже слышали раньше, притом не менее фальшивая и далекая от действительности. Бонне произвел на Литвинова неблагоприятное впечатление; похоже, наркому с трудом удавалось сдерживать себя. В Москву он сообщил, что Бонне не выдвинул никаких предложений и был закрыт для какого бы то ни было обсуждения[1]. Бонне, в свою очередь, утверждал, что Литвинов во время встречи был уклончив и искал способ уйти от обязательств перед Чехословакией. Сколько раз уже он говорил подобное! Бонне снова проецировал свои собственные намерения на Литвинова. В то же время он фактически дезавуировал то, что Кулондр сказал Потёмкину, тем самым выставив своего посла дураком, который либо не был информирован о политике своего правительства, либо неверно ее истолковал.

Прочитав отчет Бонне о встрече с Литвиновым, Фирлингер отправился к Потёмкину за объяснениями. Потёмкин подтвердил готовность Советского Союза участвовать в штабных переговорах, которые по-прежнему отклоняла французская сторона, и поддержать Чехословакию «совместно

---

[1] М. М. Литвинов — в НКИД. 11 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 01. П. 275. Д. 1907. Л. 37–38. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.; Note du Ministre, conversation avec M. Litvinov. 11 Sept. 1938 // DDF. 2e. Vol. XI. P. 159–160.

с Францией, оказать помощь Чехословакии всеми нам доступными средствами и путями». «Французское правительство, — добавил Потёмкин, — с одной стороны, не осведомило даже некоторых авторитетнейших государственных людей своей страны о содержании нашего ответа, с другой — лишь делает вид, будто, не поняло этого ответа или не замечает в нем наличия весьма обязывающих конкретных предложений». Потёмкин отметил, что, слушая его объяснения советской политики, Фирлингер выглядел подавленным. Несомненно, у него были на то причины, ведь эти объяснения означали, что французы — или, по крайней мере, Бонне — не говорили с чехословацкой стороной начистоту. Потёмкин, в свою очередь, говорил от имени правительства: он встретился со Сталиным вечером 13 сентября, наверняка чтобы получить инструкции относительно того, что нужно сказать Фирлингеру или кому-либо еще, кто придет к нему за объяснениями[1]. Кулондр, услышав от Фирлингера, что сказал Потёмкин, сразу же телеграфировал об этом Бонне. Он, похоже, был смущен этой информацией, по крайней мере, он был определенно встревожен. Потёмкин заявлял, что никакого недопонимания в плане политики нет, «но есть фундаментальное расхождение, и что французское правительство не желает сотрудничества с СССР». По словам Фирлингера, Потёмкин также сказал, что советское правительство не хочет проводить штабные переговоры один на один с Чехословакией, потому что не желает создать у Лондона впечатление, что Советский Союз подталкивает чехословаков к войне. По мнению Кулондра, это означало, что СССР не хочет забегать вперед Франции, и, без сомнения, он был прав. СССР не хотел забегать вперед и оказаться там один на один с нацистской Германией. Советская сторона всё больше укреплялась в своем опасении, что Франция и Великобритания готовы предоставить Гитлеру свободу действий на востоке. Кулондр писал так, будто он верит рассказу Бонне о встрече с Литвиновым, но все же рекомендовал продолжать поддерживать идею штабных переговоров, хотя бы для того, чтобы разоблачить СССР. Это была типичная для дипломатического языка формулировка, но, используя ее, Кулондр оказывал на Бонне давление, вынуждая его перейти к более решительным действиям[2]. В то время как Кулондр сообщил Бонне о разговоре Потёмкина с Фирлингером, Потёмкин телеграфировал Литвинову в Женеву, предоставив собственный отчет о встрече. По сообщению Потёмки-

---

[1] Запись беседы с З. Фирлингером. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 15 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 45–46. Опубл.: ДВП. Т. XXI. С. 494–495; Телеграмма посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера в МИД Чехословакии. 15 сентября 1938 г. // ДИМС. С. 215; На приеме у Сталина... С. 240.

[2] Coulondre to Bonnet. Nos. 687–690. 15 Sept. 1938 // DDF. 2e. Vol. XI. P 245–246.

«Война». Карикатура Б. Е. Ефимова. 1938 год

на, все еще ходили слухи, что Франция ждет от СССР подтверждения его готовности помочь Чехословакии и что советское правительство намерено ограничить свои действия дипломатическими средствами. «Я ответил Фирлингеру, что по Вашим сообщениям из Женевы Бонне все время ссылался на уклончивую позицию Англии, а сам никаких предложений нам не делал». Далее Потёмкин сообщал, что передал Фирлингеру основные положения, высказанные в разговоре Литвинова и Пайяра.

«Из того, что Фирлингер мне рассказал о своих разговорах с французами, ясно, что те продолжают валять дурака, притворяясь, что не поняли нашего ответа и сводя его только к предложению действовать через Лигу Наций или выступить с декларацией от имени СССР, Англии и Франции. Фирлингер умолял не выдавать его и не говорить французам о том, как они информировали его о Вашем разговоре с Бонне»[1].

[1] В. П. Потёмкин — М. М. Литвинову. 15 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 275. Д. 1908. Л. 65. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

Дела явно шли под откос: британцы были на побегушках у герра Гитлера; среди французов произошел раскол, а Бонне лишь сеял взаимное недоверие. Напрасно чехословаки надеялись, что им удастся найти настоящих союзников. И неудивительно, что Фирлингер на встрече с Потёмкиным выглядел таким подавленным.

Бонне, вернувшийся в Париж к концу второй недели сентября, был на грани срыва. По словам Фиппса, он, «похоже, полностью потерял самообладание и готов к любому решению, чтобы избежать войны». Фиппс был настолько обеспокоен, что отправился к Даладье, который подтвердил, что Франция поддержит Чехословакию, если последняя подвергнется нападению со стороны Германии. По словам Фиппса, он признался в этом без особого энтузиазма. Таким образом, Бонне говорил одно, а Даладье — другое. Посланник Чехословакии в Лондоне Ян Масарик узнал о встречах Фиппса с Бонне, очевидно, из источника в Министерстве иностранных дел: «Бонне сказал, что необходимо сохранить мир, даже пожертвовав Чехословакией, и что Франция не готова и не хочет сражаться за нас. Затем Фиппс поговорил с Даладье, который был чуть более решителен, но не намного»[1]. Даладье знал, что Франция должна сопротивляться, но у него не было уверенности, что можно довести дело до конца. В конце концов, рога улитки были всего лишь рогами улитки, а не быка.

12 и 13 сентября в Судетской области начались беспорядки. Немецкие штурмовики творили, что хотели, врывались в правительственные здания. Для противодействия им были направлены чехословацкие армейские части. В результате столкновения обе стороны понесли потери. Бонне был напуган и зол. Он во всем винил чехословаков, не пожелавших капитулировать. «Господин Бонне выразил огромное возмущение чехами, которые, кажется, собираются провести мобилизацию, не посоветовавшись с французами, — сообщал Фиппс. — Поэтому он дал ясный намек господину Бенешу, что Франции, возможно, придется пересмотреть свои обязательства по отношению к Чехословакии». Это было больше, чем намек. «Мы не готовы к войне, — объяснил Бонне. — Поэтому мы должны пойти на самые далеко идущие уступки судетским немцам и Германии... Это нужно сделать вопреки чехам и Советам». И сделать это нужно быстро, добавил Бонне[2].

---

[1] Phipps to Halifax. Nos. 243, 244, 246 (by telephone). 13 Sept. 1938 // DBFP. 3rd. Vol. II. P. 309–312; Телеграмма посланника Чехословакии в Британии Я. Масарика в МИД Чехословакии. 14 сентября 1938 г. // ДИМС. С. 211–212.

[2] Phipps to Halifax. No. 250 (by telephone). 14 Sept. 1938 // DBFP. 3rd. Vol. II. P. 323.

«Хождение в Каноссу»

Вечером 14 сентября появились новости о том, что Чемберлен на следующий день вылетает на встречу с Гитлером в Берхтесгаден. Свой «план Z» премьер-министр предъявил Кабинету уже постфактум. Относительно него у ряда членов Кабинета министров были серьезные сомнения. Ванситтарт был просто потрясен, но был не в силах что-либо сделать. Советский поверенный в делах в Лондоне Самуил Бенцианович Каган сообщил в Москву в срочной телеграмме, что Чемберлен заявил, будто у него нет достаточных полномочий и что любое соглашение с Германией будет являться решением Кабинета министров. Лидеры оппозиции Клемент Эттли и Артур Гринвуд сказали Чемберлену, что Лейбористская партия выступает против любого территориального расчленения Чехословакии. По-видимому, в ответ Чемберлен сказал, тщательно подбирая слова, что «французы трусят», но в подробности вдаваться не стал[1]. Итак, теперь мы можем совершенно ясно видеть, каким было на тот момент положение: британцы обвиняли французов, а французы винили во всем британцев и Советский Союз, оставив Чехословакию на волю случая. Чемберлен не посоветовался ни с французами, ни с чехословаками, ни тем более с СССР. Он был уверен, что сможет договориться с герром Гитлером и избежать войны. «Каково! — написал Майский в своем дневнике. — Глава Британской империи идет в Каноссу на поклон германскому “фюреру”. Вот до чего докатилась британская буржуазия!»[2] У Крофты новость вызвала похожую реакцию: «унизительная капитуляция», сказал он, и только британцы могли этого не заметить. Что же до реакции французов, то Бонне, де Лакруа и Франсуа-Понсе были «пораженцами». Комнен также рассматривал встречу в Берхтесгадене как признак англо-французской слабости и демонстрацию того, «насколько опасно» заходить слишком далеко в деле защиты Чехословакии[3]. И он был совершенно прав.

15 сентября весь день туда-сюда одна за другой летали телеграммы, в том числе и от Литвинова. Накануне, все еще будучи в Женеве, он виделся с Эррио и Полем-Бонкуром. Оба уже были не во власти, но говорили о воз-

---

[1] С. Б. Каган — в НКИД. 15 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 242. Д. 1930. Л. 235–236. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены в Женеву, И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 14 сентября 1938 г. С. 270–271.

[3] Crutzescu to Comnen. No. 3412. 15 Sept. 1938 // AMAE. F. 71/Romania. Vol. 103. Fol. 124; Comnen to Romanian foreign ministry. No. 21. 15 Sept. 1938 // AMAE. F. 71/Little Entente. Vol. 29. Fol. 28.

можности формирования нового французского правительства. Это было довольно интересно. Нарком в подробностях рассказал о своей встрече с Пайяром, о которой его собеседники были плохо информированы. На самом деле они не знали, что делать. В конце разговора Эррио «конфиденциально говорил о маломощности Франции, о трудном финансовом положении, о низкой рождаемости и даже о затруднительности для нее играть роль великой державы». На Эррио нельзя было рассчитывать в кризисной ситуации: вспомните, как он струсил в марте 1936 года. Литвинов отметил, что разговор состоялся до того, как появились новости о поездке Чемберлена в Германию. «Я не сомневаюсь, что если французское правительство и не было заранее осведомлено о поездке — оно радо ей и всему, что может избавить его от заботы о Чехословакии... Что Чехословакия будет предана не подлежит сомнению, вопрос лишь в том примирится ли с этим Чехословакия». Тем не менее Эррио попытался заверить, что если Германия нападет на Чехословакию, Франция будет действовать. Что ж, может быть, будет, а может быть, нет. «Англичане уже заявили, — заключил Литвинов, — что Англия сможет участвовать лишь в блокаде *и ни в коем случае не пошлет сухопутные войска во Францию* [курсив мой. — *М. К.*]»[1]. Складывалось впечатление, что крысы бегут с тонущего корабля. Утверждение Эррио о том, что Франция будет «*act*», было пустой отговоркой, как и у Даладье. Британцы продолжали обещать только то, что для них было удобно, то есть совсем немного. Было ясно, что если придется оплачивать счет кровью, то платить будут другие: Франция, Чехословакия или СССР. Для Великобритании соглашаться на большее было бы слишком опасно.

И все же исход все еще не был предрешен. Встреча Чемберлена с герром Гитлером в Берхтесгадене оказалась не слишком результативной, хотя премьер-министр уехал домой удовлетворенным. Он преподнес Гитлеру Судеты на блюдечке, без войны. Эти территории, по его мнению, не стоили для Великобритании и «ломаного гроша», и что из того, что они критически важны для безопасности Чехословакии?[2]

Тем временем Литвинов продолжал искать варианты. Он написал в Москву, прося разрешения раскрыть содержание встречи с Пайяром в своей речи в Лиге Наций, запланированной на 21 сентября. Это имело бы эффект разоблачения того, как исказил смысл советской политики Бонне. Потёмкин переслал запрос на разрешение Сталину. «Т. Литвинов рассчитывает

---

[1] М. М. Литвинов — в НКИД. 15 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 275. Д. 1907. Л. 47–48. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] *Bouverie T.* Appeasement: Chamberlain, Hitler, Churchill, and the Road to War... P. 251.

разоблачить злостные выдумки французов и англичан о нашей позиции в вопросе о Чехословакии». Это было бы полезно и Александровскому, который просил поддержки в противодействии «антисоветским измышлениям». Потёмкин предложил проявить демонстративное пренебрежение по отношению к французам: вопреки принятым правилам этикета не информировать их делегацию о содержании речи Литвинова. Очевидно, к этому времени Потёмкин уже очень далеко ушел от своего прежнего стремления к консолидации франко-советского сближения. «За», — написал Сталин синим карандашом на своей копии записки Потёмкина[1].

В то время как советское правительство пыталось предотвратить крах обороны Чехословакии, Потёмкину один за другим наносили визиты дипломаты, желавшие обменяться с ним мнениями о нарастающем кризисе в Центральной Европе. Бельгийский посланник признался в своей симпатии к Бенешу и попыткам чехословаков сопротивляться Генлейну. «Что касается Германии, то он заявил, что разделяет существующее мнение о невозможности для Гитлера серьезной войны и о расчетах его только на нерешительность и податливость Франции и Англии»[2]. Настроения бельгийского посланника широко разделяли те, кто хотел оказать противодействие Гитлеру, поэтому вскоре его примеру последовал и шведский посланник. Что происходило в Чехословакии и Центральной Европе, хотел он знать, неизбежна ли война? Потёмкин, «товарищ Барометр», высказал на этот счет свое мнение: «На этот вопрос я ответил, что, по моему личному мнению, Гитлеру нет никакой нужды начинать войну с Чехословакией, когда великие европейские державы — в первую очередь Великобритания — всячески облегчают ему задачу овладения этой страной. Я добавил, что предупредить войну можно было бы действиями и в совершенно ином плане. Для этого было бы достаточно, чтобы Франция и Англия твердо заявили, что они не допустят вооруженного нападения Германии на Чехословакию или отторжения от нее части её нынешней территории. СССР не отказался бы поддержать такую декларацию, и Гитлер несомненно вынужден был бы отступить и отказаться от своих захватнических намерений»[3].

---

[1] В. П. Потёмкин — И. В. Сталину. 17 сентября 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. П. 166. Д. 592. Л. 12. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову, Н. И. Ежову.

[2] Запись беседы с бельгийским послом Г. Хейндриксом. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 16 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 207. Л. 36–35.

[3] Запись беседы со шведским послом В. Винтером. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 17 сентября 1938 г. // Там же. Л. 38–37.

После встречи в Берхтесгадене, произошедшей в воскресенье 18 сентября, Даладье и Бонне отправились в Лондон, чтобы встретиться с Чемберленом и обсудить, что делать дальше. Даладье прямо заявил, что Чехословацкий кризис не имеет ничего общего с самоопределением судетских немцев, это всего лишь предлог, чтобы разгромить Чехословакию. Однако говорить и делать что-то — две разные вещи. Чемберлен хорошо представлял, чего можно ожидать от французов, и в итоге добился своего. Даладье сдался. Затем британское и французское правительства начали давить на Прагу, чтобы та пошла на территориальные уступки Германии. 19 сентября они представили Бенешу предложение ультимативного характера. Самоуправления по образцу швейцарских кантонов теперь уже было недостаточно, и это ни для кого не стало откровением ни в Москве, ни среди «белых ворон» в Париже и Лондоне.

Советское посольство в Париже передало эту новость в НКИД. Суриц был с Литвиновым в Женеве, поэтому с Пьером Комером, главой Службы информации и прессы французского МИД, встретился в тот день Осип Яковлевич Бирюков, временный поверенный в делах. Комер выразил личное мнение, что в случае сопротивления Чехословакии и немецкого вторжения вмешательство Франции будет «неизбежным», а за Францией последует Англия[1]. Таким образом, даже когда Чемберлен и Даладье уже сговорились отдать Чехословакию Гитлеру, их планы еще могли быть разрушены неожиданным поворотом событий. Комер, казалось, еще надеялся на сопротивление и видел способ его добиться. Подчеркнем, далеко не все в Париже и Лондоне поддерживали капитуляцию.

Бенеш колебался, не зная, бороться или сдаться. Всё, что ему нужно было сделать, — это отдать армии приказ сражаться, и это стало бы искрой, которая разрушила бы план Чемберлена о капитуляции. В субботу, 17 сентября, казалось, что Бенеш намерен бороться. В тот день он сказал лидеру чехословацких коммунистов Клементу Готвальду, что правительство готово к любой ситуации и будет защищать свои границы, даже если Франция и Великобритания оставят Чехословакию. Это была политика, которая могла привести к победе. Как сообщал Александровский, в стране шла скрытая мобилизация[2].

---

[1] О. Я. Бирюков — в НКИД. 19 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 280. Д. 1945. Л. 40. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены в Женеву, И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] С. С. Александровский — в НКИД. 19 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 281. Д. 1954. Л. 18–19. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены в Женеву, И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу.

19 сентября Бонне поспешил лишить Бенеша надежды на альтернативный вариант событий. Вызвав к себе Осуского, он сообщил, что сопротивление бесполезно. Согласно отчету Осуского, Бонне сказал: «Вы не можете быть уверены в том, что Франция поможет. Все зависит от того, насколько с Францией будет солидарна Англия. Он [Бонне] заявил, что если президент Бенеш не примет франко-британские предложения, Англия потеряет интерес к Чехословакии, и это будет иметь крайне серьезные последствия»[1]. Находившийся в Женеве Майский слышал, что Осуский покинул МИД Франции в слезах. Чехословацкий посол в Лондоне Масарик отреагировал иначе: он крыл англичан отборными русскими ругательствами[2]. Суки, иначе и не скажешь! Когда 19 сентября французский Кабинет министров был проинформирован о том, что Бонне пригрозил бросить Чехословакию на произвол судьбы, поднялся шум, но его было недостаточно для изменения французской политики: Кабинет единогласно проголосовал за то, чтобы поддержать англо-французский ультиматум Праге[3]. Бонне сказал Фиппсу, что советская сторона «в ярости», но тут посол смешал внешнюю политику с проблемами Франции в сфере прав рабочих. «Я предположил, — писал Фиппс, — что даже когда у советского правительства не было никаких причин злиться на Францию, оно ничего не сделало, чтобы остановить различные забастовки и не прекратило пропаганду злосчастной сорокачасовой рабочей недели. Было бы интересно посмотреть, что еще они смогут сделать теперь, когда они в гневе»[4]. Даже местные забастовки из-за продолжительности рабочей недели были, по его мнению, делом рук СССР. Это звучало не как серьезное заявление, а как светская болтовня в столовой джентльменского клуба. С чего вдруг советское правительство или Коминтерн должны были прекратить забастовки во Франции или отказаться поддерживать сорокачасовую рабочую неделю? Западные элиты были твердо убеждены в том, что Советскому Союзу следует отказаться от социализма, в то время как им самим, конечно, ни за что не пришло бы в голову отказаться от капитализма.

---

[1] Телеграмма посланника Чехословакии Ш. Осуского в МИД Чехословакии. 19 сентября 1938 г. // ДИМС. Р. 235–236; Compte rendu d'un entretien de M. Georges Bonnet avec M. Osusky a 12h.3. 19 Sept. 1938 // DDF. 2e. Vol. XI. P. 347–348.

[2] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 19 сентября 1938 г. С. 273–274.

[3] *Zay J.* Carnets secrets de Jean Zay. Entry of 19–20 Sept. 1938. P. 3–7.

[4] Phipps. No. 605 saving. 20 Sept. 1938, C10251/5302/18 // TNA FO 371 21777.

Вопросы Бенеша

19 сентября, в тот же день, когда Бонне высказал свое предупреждение Осускому, Бенеш вызвал к себе Александровского и спросил, окажет ли советское правительство немедленную помощь Чехословакии, если Франция сделает то же самое. Он поинтересовался также, поддержит ли Советский Союз действия Чехословакии в Лиге Наций, если та обратится с призывом о помощи. Бенеша мучали сомнения. Он сказал Александровскому, что правительство уже решило: англо-французские «предложения» «совершенно неприемлемы»[1].

Телеграмма Александровского пришла в Москву на следующее утро, и Потёмкин тут же сообщил Сталину о вопросах Бенеша. Он просил дать ответ к следующему дню, 21 сентября. «Мы не можем дать иной ответ, — рекомендовал Потёмкин, — кроме положительного». Именно такой ответ следует передать Бенешу и переслать копию французскому правительству[2]. «За», — написал Сталин на предложении Потёмкина красным карандашом; свои подписи также поставили Молотов и другие члены ближайшего окружения Сталина[3]. Это было на следующий день после заседания французского Кабинета министров. Потёмкин немедленно телеграфировал о решении Политбюро Александровскому, который позвонил Бенешу в 7 часов вечера того же дня, 20-го числа, чтобы сообщить ему об ответе из Москвы. В 10:30 вечера позвонил личный секретарь Крофты, чтобы сообщить, что правительство подготовило ответ Франции и Великобритании. Ответ был передан Александровскому, но не должен был пока просочиться в другие советские источники или в советскую прессу.

«По соображениям требований конституции правительство Чехословакии не может принять никаких решений, касающихся изменения границ без решения парламента. По мнению правительства принятие предложения обозначало бы такое уродование государства в экономическом и стратегическом отношении, результатом которого рано или поздно было

---

[1] С. С. Александровский — в НКИД. 19 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 059. Оп. 1. П. 281. Д. 1954. Л. 23–25. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены в Женеву, И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] В. П. Потёмкин — И. В. Сталину и др. 20 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 138. Д. 3. Л. 219.

[3] Проект телеграммы в Прагу. 20 сентября 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 592. Л. 46. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

бы полное подчинение Германии. Если бы Чехословакия согласилась на предлагаемые жертвы, то мир все-таки не был бы обеспечен. Равновесие в Европе было бы нарушено, что повлекло бы за собой тяжелые последствия для ряда стран, особенно же для Франции. Чехи дали много доказательств в готовности служить миру. Несмотря на восстание части судетских немцев, организованное извне, правительство торжественно заявляло, что остается и сегодня на позиции готовности к уступкам для разрешения национального вопроса в Чехословакии».

В связи с этим правительство предлагало передать спор в арбитраж, предусмотренный Локарнским арбитражным договором 1926 года. Подчеркивая свою лояльность к Франции и Великобритании, оно просило их «пересмотреть свои предложения». Оно делало это, будучи убежденным, что защищает не только свои интересы, но и интересы «своих друзей», интересы мира и «здоровое развитие Европы». В эти переломные дни, говорилось в чехословацкой декларации, решается судьба не только Чехословакии, но и других государств. Александровский сказал, что получил официальный текст в 11 часов вечера. «Политическая атмосфера, — добавил он, — явно улучшилась после решения и ответа правительства, которые становятся постепенно известными, хотя и считаются строго секретными, что еще раз прошу учесть на ближайшие дни». В этот же поздний час стало известно, что Чемберлен намеревается снова встретиться с Гитлером 22 сентября. Также поступила информация о движении польских воинских частей к границам Чехословакии. Появились слухи, что Бек, встретившийся с Гитлером и венгерским лидером Миклошем Хорти, поспешил вернуться в Варшаву[1]. Текст чехословацкого ответа был приведен в окончательный вид и передан в Париж.

Прага, вечер 20 сентября: ультиматум

Вечером того же дня, 20 сентября, глава правительства Чехословакии пораженец Годжа вызвал к себе де Лакруа и заявил, что у него есть согласие Бенеша на передачу следующего сообщения: если этим вечером де Лакруа сообщит Бенешу, что в случае войны между Германией и Чехословакией Франция из-за своих обязательств перед Великобританией «не выступит», президент республики немедленно созовет Кабинет министров, который, уступив желанию Англии и Франции, примет предложе-

[1] В. П. Потёмкин — С. С. Александровскому. 20 сентября 1938 г. // ДВП. Т. XXI. С. 500; С. С. Александровский — в НКИД. 21 сентября 1938 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 187. Л. 38–40. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены в Женеву, И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

ние о передаче территорий Германии. Все должно быть урегулировано к полуночи или, самое позднее, в течение ночи. Чехословацкое Верховное командование не будет создавать никаких проблем, поскольку считает войну против Германии в одиночку «самоубийством». Это, сказал Годжа, — единственный способ сохранить мир[1].

«Бонне позвонил Даладье, чтобы проинформировать его и спросить, следует ли созывать Кабинет. Время поджимало. Даладье отклонил заседание Кабинета. Они (Даладье и Бонне) взяли на себя ответственность за ответ чехословацкому правительству. Затем Бонне вызвал Леже на набережную Орсе, чтобы составить проект телеграммы. Набережная Орсе отправила запрошенное сообщение в 12:30 ночи 21-го». Форин-офис послал в Прагу аналогичную телеграмму. Непохоже, что Александровский или даже Крофта знали что-либо о подобных действиях чешского президента[2]. Провернул ли Годжа эту операцию за спиной Бенеша или с его согласия? Сделанная Крофтой запись разговора между Бенешем, де Лакруа и Ньютоном предполагает, что президент не знал о вмешательстве Годжи. Бенеш назвал ночной англо-французский демарш «ультиматумом», в то время как французский и британский министры поначалу настаивали, что это был «совет»[3].

К утру ситуация стала еще более запутанной и странной. 21-го числа Бенеш сообщил Александровскому о новой позиции Чехословакии. Казалось, он пытался сохранить лицо, выдвинув некоторые условия для принятия полуночного англо-французского «ультиматума». Затем Бенеш задал Александровскому дополнительные вопросы: «Пошлет ли СССР в случае нападения Германии, не дожидаясь решения Лиги Наций, воздушные силы и воздушный десант, в каком размере и в какой срок. В случае нападения Чехословакия обратится одновременно к Румынии с просьбой пропустить Красную армию. Пошлет ли СССР наземные войска и что будет делать если Румыния будет возражать?» Бенеш также указал, что получил от Польши требование решить вопрос польского «меньшинства». Он хотел знать, как отреагирует СССР в случае нападения Польши на Чехословакию. Чтобы заложить основу для советской помощи, можно было бы «немедленно» заключить официальное соглашение. Бенеш попросил дать ответ поскорее, так как не думал, что вторая встреча Чемберлена с Гитлером будет успешной. Этот разговор с советским полпредом навер-

---

[1] De Lacroix. Nos. 2219–2220. 20 Sept. 1938 // DDF. 2e. Vol. XI. P. 361.

[2] Note du Departement. 21 Sept. 1938 // DDF. 2e. Vol. XI. P. 394; Note du Ministre... 21 Sept. 1938 // Ibid. P. 397–398; Nuit du 20 au 21 Septembre // MAÉ, Papiers 1940, Papiers Fouques-Duparc. Vol. 67, Tchécoslovaquie. Sept. 1938. P. 57–58.

[3] Запись беседы Э. Бенеша с посланниками Франции и Великобритании в Праге [запись сделана К. Крофтой]. 21 сентября 1938 г. // ДИМС. С 245–246.

няка показался читателю странным, учитывая, что Бенеш — подстрекаемый или заманенный в ловушку Годжей — только что, всего за несколько часов до этого сдался, решившись на странную ночную капитуляцию. Пытался ли чехословацкий президент теперь отказаться от своей капитуляции? Александровский не дал никаких комментариев и просто переслал вопросы Бенеша в Москву. «Только в 5 часов вечера 21-го Бенеш согласился на англо-французский ультиматум, ведь, в конце концов, так оно и было»[1].

Тем временем в Париже Суриц попросил Бонне дать объяснение по поводу того, что произошло вечером 20 сентября. По словам Бонне, после отправки первого ответа на англо-французские предложения о разделе территорий «и после реакции на него Лондона и Парижа Годжа вызвал к себе де Ла Круа и от своего и имени Бенеша дал понять, что чехословацкое правительство готово принять лондонское предложение, но будет сброшено, если примет его “добровольно”, и сам якобы подсказал известное, врученное ночью, представление посланников. Словом, если верить Бонне... французское правительство взяло на себя ответственность за этот отвратительный ультиматум, чтобы покрыть и спасти Бенеша. Все это Бонне просил держать в секрете[2].

В этой версии событий есть только одна нестыковка: вечером 20 сентября у британского и французского правительств не было достаточно времени, чтобы отреагировать на первое чехословацкое предложение. Телеграмма де Лакруа об арбитраже была заменена его второй телеграммой о предложении Годжи. Чехословацкий премьер-министр уже изначально выступал за капитуляцию. Мог ли он действовать по собственной инициативе, поставив Бенеша перед свершившимся фактом и тем самым втянув его в интригу? Так или иначе, в Праге мог разразиться настоящий ад, и он бы разразился, если бы этот прискорбный ночной заговор был раскрыт. Инициатива Годжи отдает изменой. Он ушел в отставку со своего поста 22 сентября, менее чем через два дня после своего предложения о капитуляции. Все это наглядно свидетельствует о том, в какой темной и бес-

---

[1] С. С. Александровский — в НКИД. 21 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 281. Д. 1954. Л. 39–40. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены в Женеву, И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.; 21 septembre 1938 // MAÉ, Papiers 1940, Papiers Fouques-Duparc. Vol. 67, Tchécoslovaquie. Sept. 1938. P. 54.

[2] Я. З. Суриц — в НКИД. 22 сентября 1922 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 280. Д. 1945. Л. 44–45. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены в Женеву, И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

честной обстановке зарождался Мюнхенский кризис. Когда известие об «ультиматуме» достигло Женевы, Майский заметил, что нет предела тому, как низко могут пасть англичане и французы[1].

В тот день, 22-го числа, в Праге прошли демонстрации против капитуляции и за сопротивление немецкой агрессии. «Происходят потрясающие сцены», — телеграфировал Александровский.

«Полпредство окружено полицейским кордоном. Несмотря на это толпы демонстрантов при явном сочувствии полиции проходят к полпредству, высылают делегации, требующие разговора с полпредом. Толпы поют национальный гимн и буквально плачут. Поют ”Интернационал”. В речах первая надежда на помощь СССР призывы защищаться, созвать парламент, сбросить правительство. Имена не только Годжи, но и Бенеша встречаются свистом и криком. Популярны лозунги военной диктатуры. Офицеров качают, заставляют произносить патриотические речи. Гитлер и Чемберлен одинаково возбуждают ненависть. Часты лозунги — Даладье и Бонне не французский народ, который не предаст. Движение явно не имеет руководства, участие компартии мало чувствуется. Делегаций принимаю. Сегодня в четвергом часу ночи только что была делегация рабочих и служащих от митинга перед воротами полпредства. Делегатам заявляю, что СССР дорожит Чехословацкой Республикой и интересами ее трудящихся, а потому готов помочь защитой от нападения. Путь к оказанию помощи усложнен отказом Франции, но СССР ищет путей и найдет их, если Чехословакия подвергнется нападению и будет вынуждена защищаться. Большую часть это (?) удовлетворяет, но в нескольких случаях я подвергся резкой критике. Приезжают делегации из провинции. Там еще резче стоит вопрос о войне. Главный лозунг — не отзывать армию с границ, объявить всеобщую мобилизацию, н допускать германские войска в Судеты, сбросить правительство, заменив его военной диктатурой»[2].

Бенешу достаточно было выйти к толпе, сказать ей, что Чехословакия будет сражаться, и народ бы пошел за ним. Если бы у него хватило смелости возглавить народ, он мог бы разрушить планы Чемберлена и Бонне касательно капитуляции.

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 21 сентября 1938 г. С. 275–276.

[2] С. С. Александровский — в НКИД. 22 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 281. Д. 1954. Л. 43–44. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

У кого «чистые руки»?

Фирлингер сообщал, что поведение французов в Москве характеризовали как «открытое предательство», даже в дипломатических кругах, и это было еще до странных полуночных событий 20 сентября. Потёмкин утверждал, что «самым большим трусом» был Бонне. Он оправдывался нехваткой авиации и военной техники и «нежеланием Советского Союза нам помогать». По словам Фирлингера, личное мнение Потёмкина было таково, что советско-французский пакт «бесполезен». «Очевидно, завтра Советы публично разоблачат мошенничество Бонне»[1].

Потёмкин имел в виду одобренную Сталиным речь Литвинова 21 сентября в Женеве, где он повторил основные пункты своего заявления Пайяру, чтобы Бонне больше не мог их искажать. Речь не произвела большого впечатления, хотя слышавшие ее британские представители в Женеве поняли, что Бонне исказил смысл предложений СССР. «Отвратительная ложь», — заметил один из них. Разгневанный Литвинов заявил британцам, что только у Советского Союза были в отношении Чехословакии «чистые руки»[2]. Трудно согласиться с этим утверждением, учитывая, что руки Сталина были обагрены кровью его бывших соратников, но, очевидно, в отношении внешней политики они были чисты.

На следующий день, 22 сентября, Потёмкин встретился с Фирлингером, чтобы обсудить вторую серию вопросов Бенеша Александровскому. Потёмкин признался, что ему трудно понять, что происходит в Праге. В частности, сомнение вызывало «непонятно умолчание Бенеша о том, в какой степени считает он Чехословакию обеспеченной помощью со стороны Франции против германской агрессии», особенно если Гитлер предъявит новые требования Праге и это приведет к войне. «Я напомнил Фирлингеру, — сказал Потёмкин, — что данный вопрос имеет для СССР капитальную важность». Конечно, так и было. СССР не собирался подставлять свою шею, если французы, британцы и даже Бенеш капитулируют перед Гитлером. Потёмкин также задавался вопросом, какое новое официальное соглашение имел в виду Бенеш. В чем бы ни заключалась его идея, следовало задуматься о том, остались ли еще причины ее реализовать. Вероятно, ни Потёмкин, ни Фирлингер еще не знали о полуночной капитуляции Бенеша. Фирлингер просил от советской стороны ответа, который успокоил бы Прагу[3]. Но какой ответ

---

[1] Телеграмма посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера в МИД Чехословакии. 20 сентября 1938 г. // ДИМС. 240–1.

[2] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 22 и 23 сентября 1938 г. С. 276–280.

[3] Запись беседы с З. Фирлингером. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 22 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 69–70. Копии

мог дать Потёмкин, если Бенеш не собирался сражаться? Что СССР будет воевать за Чехословакию вместо нее? Да и вообще, что еще можно было сказать или сделать, чтобы помочь Чехословакии? Решение сопротивляться Прага могла принять только сама.

Предательство Польши

Тем не менее маневрирование на этом не закончилось, и СССР по-прежнему делал все возможное, чтобы помочь Чехословакии. 22 сентября Крофта сообщил Александровскому, что польские войска концентрируются на границах Чехословакии. Крофта высказал предположение, что «было бы хорошо» напомнить Варшаве, что советско-польский пакт о ненападении прекратит свое действие в тот момент, когда Польша нападет на Чехословакию. Когда в тот же день Суриц поднял вопрос о польских претензиях к Праге, Бонне ответил уклончиво. Он добавил, однако, что нельзя ожидать сопротивления со стороны Великобритании, но что, тем не менее, французская позиция «предопределена и ясна». Суриц продолжил задавать вопросы. Считает ли Бонне действия Польши совместимыми с франко-польским пактом? Бонне ответил, что в случае применения силы они будут «несовместимы». Затем Суриц спросил, что Чемберлен намерен обсуждать с Гитлером на их второй встрече, которая должна состояться сегодня. Бонне ответил, что *не знает* и узнает только завтра или послезавтра. Затем Бонне начал оправдывать позицию Франции: англичане могут выставить не более семи дивизий, а в организации морской блокады есть «технические» трудности. Семь дивизий? Но ведь у англичан их было только две! Что касается Соединенных Штатов, президент Рузвельт отказался предпринять даже «простой» демарш в Берлине. Суриц добавил, что в Париже ходят слухи о том, что советское правительство намерено аннулировать франко-советский пакт[1]. Было очевидно, что ситуация усугубляется. Поляки (и венгры) начали вести себя, как волки, окружившие раненую добычу.

22 сентября Чемберлен встретился с Гитлером в Бад-Годесберге, чтобы передать информацию о капитуляции Чехословакии, но столкнулся с но-

---

отправлены И. В. Сталину и др.; *Александровский С. С.* Мюнхен: свидетельство очевидца // Международная жизнь. № 11 (1988). С. 128–142.

[1] С. С. Александровский — в НКИД. 22 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 281. Д. 1954. Л. 45. Копии отправлены в Женеву, И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.; Я. З. Суриц — в НКИД. 22 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 280. Д. 1945. Л. 42–43. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

выми требованиями со стороны Германии. Гитлер играл с британским премьер-министром в кошки-мышки. А значит, ситуация на тот момент все еще могла кардинально измениться.

В 4 утра 23 сентября Потёмкин вызвал польского временного поверенного в делах, чтобы предупредить его, что если Польша нападет на Чехословакию, Советский Союз денонсирует Советско-польский пакт о ненападении[1]. Затем Потёмкин сообщил об этом Кулондру, который хотел знать, означает ли денонсация военное вмешательство Советского Союза. Со слов Кулондра, Потёмкин ответил, что «этого в заявлении не говорится, но оно представляет собой предупреждение Польше». «Я объяснил, — написал Потёмкин в своем дневнике, — что она является пока лишь предупреждением. Что касается эвентуального денонсирования пакта... то оно освободило бы нас от известных обязательств перед Польшей и вернуло бы нам в отношении её свободу действий». Далее Потёмкин записал ответ Кулондра: «Кулондр заявил, что придает нашей акции крупнейшее международное значение. Положительный ее эффект должен коснуться не только Чехословакии, но и Франции». Кулондр добавил, что «глубоко удручен позицией, занятой правительствами Франции и Англии в Чехословацком вопросе. Тем не менее он не теряет надежды на пересмотр этой позиции». Он все еще надеялся, что Лондон и Париж «пересмотрят» свои позиции. Давление общественного мнения также может иметь определенный эффект, отметил Кулондр, особенно если Гитлер зайдет слишком далеко, как он, по-видимому, сделал в Бад-Годесберге. Кулондр выразил надежду, что Франция и Англия не пойдут на дальнейшие уступки. Французский и советский пакты с Чехословакией, сказал он, остаются в силе. «Кулондр думает, что необходимо рассеять атмосферу обоюдного недоверия, возникшую в последнее время между СССР и Францией. Он просит, в случае, если наметится ожидаемый им поворот в позиции Франции в отношении Гитлера и Чехословакии, дать ему возможность со всей откровенностью и ясностью поставить перед нами те вопросы, обсуждение которых должно привести СССР и Францию к теснейшему сотрудничеству».

Кулондр сделал примирительный жест, который Потёмкин в прежние времена мог бы принять. Но не в этот раз. «В любопытной декларации Кулондра, — писал Потёмкин, — я усматриваю не столько протест против изменнической политики французского правительства, сколько опасения этого представителя буржуазной Франции, как бы такая политика не привела ее к потере такого союзника, каким мог бы быть для нее СССР». Этот комментарий в конце записи Потёмкина выглядит довольно неожиданно.

---

[1] Запись беседы с польским временным поверенным в делах Т. Янковским. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 23 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 207. Л. 47.

В устах «товарища Барометра» он явно указывал на то, что терпение Москвы подходит к концу. А Бонне тем временем стремился добиться «дружественной договоренности», чтобы позволить Польше аннексировать Тешинскую область без боя[1]. В ретроспективе представляется очевидным, что со стороны Кулондра было наивно тешить себя надеждой.

Румыния в резерве

В то время как поляки действовали, словно мальчики на побегушках у Гитлера, румыны придерживались более активной линии. В Женеве Комнен сказал британцам, «что в случае войны поставки в Чехословакию, вероятно, будут проходить через Румынию, и он думает, что в таком случае не возникнет никаких трудностей с разрешением транзита, особенно самолетов»[2]. Он подчеркнул, что существуют трудности перемещения через Северную Румынию, но он расположен помочь, если к Великобритания и Франция присоединятся к борьбе. Ключ к успешной обороне Чехословакии был в руках Лондона. По словам румынского посланника в Праге, Александровский сообщил Крофте, что Литвинов доволен своими переговорами с Комненом: Литвинов, сказал он, «находится под впечатлением». Казалось, они просто искали правильную «формулу, чтобы обеспечить поддержку со стороны России». Польский посол в Лондоне слышал об этих переговорах следующее: «Литвинов ожидал, что они все будут вместе на одной стороне, и тогда вопрос с проходом будет решен». В начале сентября советские самолеты пересекли территорию Румынии, хотя Комнен в случае необходимости был готов это отрицать[3].

СССР и Румыния были достаточно осторожны, чтобы не брать на себя слишком много обязательств, особенно на фоне широко циркулирующих слухов о том, что Великобритания и Франция оставили Прагу на произвол судьбы, и с Чехословакией «покончено». Министр иностранных дел Германии фон Риббентроп хвастался румынскому посланнику в Берлине, что никто не посмеет напасть на Германию. Сталин ничего не может сделать из-за Японии, к тому же армия, которая расстреливает своих генералов, добавил

---

[1] Запись беседы с французским послом Р. Кулондром. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 23 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 207. Л. 51–50; Coulondre. Nos. 713–716. 23 Sept. 1938 // DDF. 2e. Vol. XI. P. 486–487; Bonnet to de Lacroix. No. 881. 24 Sept. 1938 // DDF. 2e. Vol. XI. P. 501.

[2] Herbrand Edward (Buck), Earl de la Warr, Lord Privy Seal. No. 52. 15 Sept. 1938, C9953/5302/18 // TNA FO 371 21776.

[3] Crutzescu to Comnen. No. 2435. 18 Sept. 1938 // AMAE. F. 71/Romania. Vol. 103. Fol. 152–153; Joseph Kennedy, US ambassador in London, to Hull. No. 1018. 25 Sept. 1938 // FRUS, 1938. Vol. I. P. 652–654; Comnen (Geneva) to Romanian foreign ministry. No. 5. 10 Sept. 1938 // AMAE. F. 71/Romania. Vol. 103. Fol. 61.

он, «для нас не существует». Несомненно, немцы намеренно сеяли панику, особенно в Бухаресте. Чехословакия, говорили они, будет «раздавлена, как грецкий орех». Советская и румынская поддержка — просто «фантазия». Франция и Великобритания ничего не сделают, «игра Бенеша» проиграна[1].

В Берлине заместитель советского военного атташе Антон Владимирович Герасимов встретился с румынским военным атташе подполковником Титусом Гарбеа. Встреча была недолгой, всего 25 минут, но этого было достаточно, чтобы Гарбеа выплеснул всю свою желчь на Францию и Великобританию. Румыны ждали, когда они придут в себя, но, конечно же, этого так и не случилось. Гарбеа сообщил Герасимову, что Гитлер недавно встречался с поляками и венграми в Берхтесгадене, чтобы разработать план раздела Чехословакии. Предполагалось, что будут созданы два разъединенных «кантона» — чешский и словацкий. Германия получит Богемию и Моравию, Польша — Тешинскую область и часть Карпатской Руси, Венгрия — большую часть Словакии. Затем Гарбеа обрушил свой гнев на Францию и Великобританию. По словам Герасимова, «он возмущался подлым и грязным предательством Франции; он считает... что Гитлер в Нюрнберге "одурачил" и "запугал" дипломатов; он показал им боевые упражнения и парад специально отобранных и подготовленных... частей, специально вооруженных. Дипломаты поверили тому, что, дескать, вся германская армия вооружена и действует также, как показанные части. А в действительности это обстоит не так и много частей немецкой армии еще имеют устарелое вооружение. После этого запугивания вечером Гитлер произнес угрожающую речь, которой он до конца "перепугал" дипломатов, и в результате Англия и Франция "сдались"»[2].

Советский Союз мобилизуется

Тем временем 21 сентября 1938 года Ворошилов отдал срочный приказ о проведении крупномасштабных маневров в Киевском военном округе[3]. Были также отданы приказы о наращивании численности вооруженных

---

[1] Djuvara. No. 3893. 13 Sept. 1938 // AMAE, Ф. 71/special files. Vol. 343. Fol. 12; Djuvara. No. 3898. 15 Sept. 1938 // Ibid. Fol. 21; Djuvara. No. 38200. 16 Sept. 1938 // Ibid. Fol. 24; Djuvara. No. 38206. 22 Sept. 1938 // Ibid. Fol. 34–35.

[2] Запись беседы помощника советского военного атташе в Берлине А. В. Герасимова с румынским военным атташе полковником Т. Гарбия. 23 сентября 1938 г. // РГВА. № 37967. Оп. 6. Д. 115. Л. 513. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[3] Директива наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова о проведении крупных учений войск Киевского особого военного округа. 21 сентября 1938 г. // РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 479. Л. 1–7. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

сил в районе польской и румынской границ. Эти силы включали в себя 76 пехотных и кавалерийских дивизий, 3 танковых корпуса, 22 танковые и 17 авиационных бригад[1]. Развертывание войск, по-видимому, было частью маневров, которые затем могли быть быстро трансформированы в операцию по обороне Чехословакии. В связи с вторжением немецких добровольческих нерегулярных формирований в приграничные районы чехословацкая армия 22–23 сентября без каких бы то ни было возражений со стороны Англии и Франции начала мобилизацию. 24 сентября французы отдали приказ о частичной мобилизации, а британцы мобилизовали свой флот.

22 сентября Фирлингер встретился с Кулондром в Москве и пересказал ему свой разговор того дня с Потёмкиным, который, по словам Фирлингера, выражал сожаление, что Прага не запросила советской помощи безотносительно франко-чехословацкого пакта о взаимопомощи[2]. Выходит, Потёмкин хотел намекнуть, что советское правительство подумывает об односторонней интервенции? На следующий день, после того как Потёмкин услышал о словах Фирлингера, сказанных Кулондру, он попросил у чехословацкого посланника объяснений. Фирлингер был пойман с поличным. Потёмкин выразил свое «недоумение» тем, что посланник мог так интерпретировать их предыдущую беседу. «Еще более смущаясь Фирлингер признался, что вчера он говорил с Кулондром о нашей беседе, причем, желая-де дать понять французам, что Чехословакия может обойтись и без них, намекнул послу, что СССР как будто не прочь заключить с Чехословакией новый двусторонний договор». Кулондр не стал докладывать в Париж о такой возможности советских односторонних действий, но Потёмкин этого не знал и устроил Фирлингеру разнос за искажение его взгляда на третий из вопросов, поставленных Бенешем (о новом чехословацко-советском пакте), который советское правительство ещё не обсуждало. «Я предупредил Фирлингера, что в предстоящем разговоре с Кулондром мне придется дать послу необходимые разъяснения на этот счет». По словам Потёмкина, «Фирлингер пришел в полное отчаяние. Он стал упрашивать меня ничего не говорить Кулондру, чтобы тот “еще больше не напутал” в данном вопросе». Через 15 минут после своего отъезда Фирлингер позвонил Потёмкину и зачитал ему свою телеграмму в Прагу, сказав, что при пересылке его телеграмм произошла какая-то путаница. Тем не менее факт остается фактом: Фирлингера поймали, причем не в первый раз, на том, что он

[1] *Ragsdale H.* The Soviets, the Munich Crisis... P. 111–126.

[2] Телеграмма посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера министру иностранных дел Чехословакии. 22 сентября 1938 г. // ДИМС. С. 265; Coulondre. Nos. 710–712. 22 Sept. 1938 // DDF. 2e. Vol. XI. P. 446–447.

намекал Праге, будто Советский Союз может вмешаться в одностороннем порядке[1].

23 сентября Литвинов, все еще находившийся в Женеве, телеграфировал в Москву, что Гитлер слишком решительно настроен относительно Чехословакии и что он не отступит, даже столкнувшись с вероятностью трехсторонней англо-франко-советской встречи или декларации. Требовались более убедительные доказательства готовности действовать. «Считая, что европейская война, в которую мы будем вовлечены, не в наших интересах в настоящий момент, и что необходимо все сделать для ее предотвращения, — рассуждал Литвинов, — я ставлю вопрос, не следует ли нам объявить хотя бы частичную мобилизацию и в прессе провести такую кампанию, что заставила бы Гитлера и Бека поверить в возможность большой войны с нашим участием?» Атмосфера в Париже становилась все более напряженной, и, вероятно, Франция могла бы согласиться на одновременные декларации. «Необходимо действовать быстро», — писал Литвинов[2].

Находясь за границей, Литвинов не мог влиять на развитие кризисной ситуации так, как если бы он был в Москве и имел возможность лично встретиться со Сталиным. Пытаясь делать это из Женевы, он только попусту тратил время. Ему нужно было бы вернуться домой после речи 21 сентября. На левом поле отправленной Литвиновым в Москву телеграммы красным карандашом написано одно слово: «Нет!», видимо, рукой Сталина. Если бы Литвинов был в Москве, он бы почувствовал растущее презрение к Великобритании и особенно к Франции и, вероятно, разделил бы его и сам, поскольку был бы куда лучше информирован. Вето Сталина было логичным, учитывая капитуляцию Великобритании, Франции и *особенно* Чехословакии. Для того, чтобы Великобритания перестала играть роль посредника Гитлера, требовались действия со стороны Праги: если бы чехословацкая армия оказала сопротивление, Франции пришлось бы вступить в войну, а Великобритания была бы вынуждена последовать ее примеру из-за своих собственных интересов безопасности в Голландии, Бельгии и Франции. Глядя на Францию и Великобританию, Румыния открыла бы коридор для продвижения Красной армии в Чехословакию,

---

[1] Запись беседы с чехословацким послом З. Фирлингером. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 23 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 72–71; Телеграмма посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера в МИД Чехословакии. 10 сентября 1938 г. // ДИМС. С. 204–205.

[2] М. М. Литвинов — в НКИД. 23 сентября 1938 г. // АПРФ. Ф. 3. П. 63. Д. 187. Л. 87. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

и началась бы война, имеющая целью уничтожение нацистской Германии. Даже если у Великобритании было всего две дивизии (а не семь, как утверждал Бонне), у Чехословакии их было 35, а Красная армия, по словам французского военного атташе Паласа, могла немедленно мобилизовать 100 дивизий, а через год после начала военных действий выставить на поле боя еще 250. У Франции тоже была большая регулярная армия. Италия бы стушевалась, Польша тоже. Франция начала бы борьбу против фашистов в Испании. Чемберлен был бы вынужден уйти в отставку. Решающую роль сыграло бы растущее возмущение в Лондоне и Париже, которое заставило бы замолчать пораженцев и сторонников фашизма. Если бы Литвинов был в Москве, он мог бы попытаться донести это до Сталина. Но с помощью одностраничной телеграммы из Женевы сделать это было нереально. Сталин принял верное решение с учетом имевшихся у него сведений, потому что не хотел оказаться один на один с нацистской Германией, в то время как французы и англичане стояли бы в сторонке и, вероятно, ухмылялись. Он действовал так, чтобы избежать изоляции в Европе, а не из-за какого-то тайного желания реабилитировать Рапалльский договор или распространить коммунизм.

Обстановка в Париже

Атмосфера во Франции действительно накалялась. Правительство едва не разваливалось: пять министров Кабинета (министр юстиции Поль Рейно, министр колоний Жорж Мандель, министр национального образования Жан Зей, министр ВМФ Сезар Кампинши и министр по делам ветеранов и пенсионеров Огюст Шампетье де Риб) пригрозили уйти в отставку. Ряд дипломатов в МИД предпринимал безуспешные попытки добиться более жесткой позиции против нацистской Германии. Как выразился Зей, у Франции еще оставался клочок «достоинства», но это был всего лишь клочок[1]. На самом деле, как Мандель сказал Сурицу, он и Рейно подали в отставку еще 23-го, но договорились, что об их уходе с поста будет объявлено позже. Мандель также высказал свое мнение по поводу ночной капитуляции Бенеша, о которой он услышал от Даладье. Англо-французский ультиматум, дескать, был спровоцирован Бенешем для спасения самого же Бенеша. По мнению Манделя, «чехословацкий президент не имел права пытаться избежать позора ради собственных интересов (Даладье сказал, что раскрытие информации могло бы угрожать жизни Бенеша)». Разговор между Сурицем и Манделем состоялся после встречи в Бад-Го-

[1] *Meltz R.* Alexis Léger dit Saint-John Perse... P. 518–526; *Zay J.* Carnets secrets de Jean Zay... Entry of 21–22 Sept. 1938. P. 7–9.

десберге. Все происходившее вызывало у Манделя отвращение, но, что удивительно, наибольшую вину он возлагал не на британцев, а на французскую сторону «и особенно на Бонне». Бонне исказил советскую позицию по Чехословакии и скрыл готовность СССР участвовать в штабных переговорах. Шотан, добавил Мандель, состоял в сговоре с Бонне. А «Даладье слаб и нерешителен» — он умел говорить, но не действовать. Единственную надежду на противостояние Гитлеру Суриц видел в Эррио, который хоть и не проявлял достаточной твёрдости, но выступал за тесное англо-французское сотрудничество с СССР. И Мандель, и Эррио решительно одобрили речь Литвинова в Лиге Наций[1]. В целом, как отмечал Суриц, росло недовольство «политикой капитуляции» правительства. Журналист и депутат Анри де Кериллис, казалось, в очередной раз перешел на другую сторону. Он был в ярости из-за Бонне и выступал с гневными речами против него и против «политики капитуляции». Популярность Французской коммунистической партии росла, а советское предупреждение Польше повысило советский «престиж»[2].

23 сентября московская пресса выступила с новым предупреждением о том, что на украинских территориях Польши есть недовольные меньшинства. Если поляки встанут на сторону Гитлера, они могут потерять эти территории, и не только их. 24 сентября Кулондр рекомендовал Парижу, чтобы ввиду «неминуемости конфликта» предложение Литвинова о штабных переговорах (сделанное в заявлении Пайяру) было принято «немедленно». Не получив ответа, он вновь телеграфировал через три дня, добавив предупреждение касательно польских планов на Тешинскую область[3]. По словам польского посла в Москве, Бек был убежден в пассивности Англии и Франции и «не намеревался оставлять исключительную выгоду от раздела Чехословакии одной Германии». Предупреждения того же рода поступали из французского посольства в Варшаве. Французского посла Ноэля беспокоило то, что Польша может перейти в немецкий лагерь и тогда разразится «идеологическая война». Польский посол в Берлине сообщил своему румынскому коллеге, что в данный момент идет становление «новой Европы», основанной на идее расы и *Nationalstaat* (национального государства). Сопротивление этому процессу «может стать фатальным».

---

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 24 сентября 1938 г. // ДВП. Т. XXI. С. 527–528.

[2] Я. З. Суриц — в НКИД. 24 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 280. Д. 1945. Л. 54–45. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[3] Coulondre. Nos. 718–719, 720, 724–727. 23, 24, and 27 Sept. 1938 // MAE, Bureau du chiffre, telegrammes a l'arrivee de Moscou, janvier 1938 — 23 août 1939; Bonnet to Coulondre. No. 555. 28 Sept. 1938 // Ibid.

Ходили слухи, что у Бонне случился нервный срыв. Возможно, именно этим объяснялось то, что он не отвечал на рекомендацию Кулондра о проведении штабных переговоров до 28 сентября, а затем ответил, но уклончиво. «Господин Бонне не слишком впечатлен, — сообщал Фиппс, — этой предполагаемой помощью русских — запоздалой и ограниченной. *Теперь он еще больше опасается, что в случае войны Польша также окажется не на той стороне* [курсив мой. — *М. К.*]»[1].

Тем временем на улицах Парижа царило смятение; французские правые обвиняли коммунистов в «подстрекательстве к войне» и подготовке революции для установления «коммунистического режима». Даже в Праге правые возлагали ответственность за капитуляцию на Советский Союз. Потёмкин поручил Александровскому опубликовать женевскую речь Литвинова, чтобы опровергнуть подобные заявления[2].

Последняя неделя кризиса

В последнюю неделю сентября Советский Союз делал все что мог, чтобы помочь Чехословакии. Литвинов оставался в Женеве, но его деятельность представляла лишь отвлеченный интерес для британского и французского правительств, которые были озабочены лишь тем, чтобы избежать кошмарных вариантов развития событий, не дававших им покоя. Вместе с тем они не спешили брать на себя полную ответственность за свои действия. Когда чехословацкий посол Масарик столкнулся с Галифаксом, последний сказал, что Чемберлен — всего лишь посланник, сделался посыльным для убийцы и разбойника Гитлера. «К сожалению, это так», — таков был, по словам Масарика, ответ Галифакса.

Бенеш ничего не сообщал советской стороне об отстраненном отношении англичан и французов, но за него это делал Масарик. Майский, который узнал о словах Галифакса, будучи в Женеве, записал в своем дневнике: «Комедия бежит рука об руку с трагедией»[3].

Советское правительство не отказывалось от помощи в обороне Чехословакии. В ответ на появление польских дополнительных формирований

---

[1] Djuvara. No. 38206. 22 Sept. 1938 // AMAE. F. 71/special files. Vol. 343. F. 36–38; Phipps to Halifax. No. 286. 23 Sept. 1938 // DBFP. 3rd. Vol. II. P. 489.

[2] Phipps to Halifax. 24 Sept. 1938 // DBFP. 3rd. Vol. II. P. 509–510; С. С. Александровский — в НКИД, 21 сентября 1938 г. // ДВП. Т. XXI (см.: С. 735, примеч. № 149); В. П. Потёмкин — С. С. Александровскому, 21 сентября 1938 г. // Там же. С. 510.

[3] Телеграмма Я. Масарика в МИД Чехословакии. 24 сентября 1938 г. // ДИМС. С. 284; *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 24 сентября 1938 г. С. 280–283.

Красная армия начала укреплять позиции на западной границе с Польшей. Ворошилов подготовил список самолетов, которые могли быть отправлены в Чехословакию в случае необходимости[1]. Литвинов, который все еще находился в Женеве, продолжал верить во внезапный поворот судьбы. Он по-прежнему надеялся на трехстороннюю конференцию с Францией и Великобританией, однако он был намерен выдвинуть условия для участия Советского Союза, и на этот счет Потёмкин запросил согласие Сталина.

«Несмотря на оптимистическое изображение Фирлингером позиций чехословацкого правительства, не исключена возможность, что под продолжающимся нажимом Англии и Франции, оно согласится обсуждать меморандумы Гитлера и пойдет на дальнейшие уступки. Тем не менее, допуская, что события могут принять и другой оборот, и что англичане и французы вынуждены будут вернуться к нашему предложению о созыве конференции СССР, Франции и Англии, т. Литвинов высказывается за то, чтобы в этом последнем случае мы поставили англичанам и французам два условия нашего участия в такой конференции:

1. Мы участвуем во всех совещаниях, и переговоры между Англией и Францией отдельно от нас не допускаются.

2. Мы получаем всю информацию о переговорах с немцами и чехословаками, как происходящих до сих пор, так и возможных в будущем»[2].

Занять выжидательную позицию и приготовиться действовать — такова была советская политика. На самом деле, в течение нескольких дней казалось, что обстоятельства еще могут измениться в благоприятную сторону. Потёмкин еще раз написал Сталину в тот же день, в воскресенье 25 сентября, чтобы сообщить новости из Праги.

«В 14 часов 50 минут Фирлингер передал мне по телефону следующее: Радио из Праги сообщает из официального источника, что правительство Чехословакии рассмотрело новый меморандум Гитлера и констатировало, что этот документ содержит требования, идущие значительно дальше англо-французских предложений, которые Чехословакия вынуждена была принять под давлением правительств Англии и Франции. Правительство Чехословакии признает, что, вследствие новых требований Гитлера, всё положение надо считать изменившимся»[3].

---

[1] К. Е. Ворошилов — И. В. Сталину, В. М. Молотову. 28 сентября 1938 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 187. Л. 153–154. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] В. П. Потёмкин — И. В. Сталину. 25 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 138. Д. 3. Л. 232. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову и др.

[3] В. П. Потёмкин — И. В. Сталину. 25 сентября 1938 г. // Там же. Л. 235. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову и др.

Чехословацкое правительство все еще могло изменить свою судьбу. Все, что ему нужно было делать, — это бороться за свою независимость.

В воскресенье 25 сентября в Женеве было относительно тихо. С Литвиновым там были несколько послов, и, конечно, неизбежно был поднят вопрос: «Ну, как, по-вашему, будет война или не будет?» Литвинов считал, что английское и французское правительства сдадутся, Суриц был с ним согласен, но другие присутствующие полагали, что если чехословаки будут сопротивляться, Великобритании и Франции также придется сражаться.

«Устоят ли Чемберлен и Даладье, когда надо будет прямо сказать: война! Пожалуй, не устоят», — подумал Майский.

«Зная моих англичан, я склонен согласиться с вами, — ответил он Литвинову вслух. — Однако в нынешней ситуации имеются и не учитываемые факторы, которые в состоянии сыграть громадную роль. Например поведение чехов в минуту опасности». Невозможно было не задумываться о том, что будет, если Бенеш вдруг сделает «нечто безумное». Фиппс считал, что если чехословаки будут сопротивляться, будет трудно держать французское общественное мнение под контролем больше десяти дней. Однако Бонне был уверен, что Франция не будет сражаться, что бы ни случилось. Проблемы могут создать только коммунисты[1].

В то же воскресенье Даладье и Бонне встретились с Чемберленом, Галифаксом и другими официальными лицами в Лондоне, чтобы обсудить последние события и решить, что делать дальше. Даладье выступал против выполнения дальнейших требований немцев, но в конце концов не стал настаивать, вероятно, поддавшись на уловки Чемберлена. Майский узнал об этой встрече на следующий день. Также он получил информацию о том, что Гамелен отправился в Лондон, чтобы проинструктировать британцев. Бонне «играет самую зловещую роль... на необходимости во что бы то ни стало избежать войны». По словам Майского, Даладье в целом поддерживал Бонне. И действительно, ведь Даладье не отправил Бонне в отставку и не заставил его замолчать. Тем не менее Даладье заявлял, что Франция выполнит свои обязательства перед Чехословакией, а Бонне говорил, что она этого сделать не может. По словам Майского, Гамелен был оскорблен тем, что Бонне поставил под сомнение «честь французской армии». Если начнется война, настаивал Гамелен, Франция в конце концов победит. У немцев не было времени укрепить оборону на так называемой линии Зигфрида на западе, «линия Зигфрида пока лишь стена из мармелада». Примерно то же сказал Даладье во время встречи в Лондоне. Майский был хорошо инфор-

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 25 сентября 1938 г. С. 283–284; Djuvara to Comnen. No. 38202. 17 Sept. 1938 // AMAE. F. 71/special files. Vol. 343. Fol. 27; Phipps to Halifax. No. 290 (by telephone). 24 Sept. 1938 // DBFP. 3rd. Vol. II. P. 509–510; Bullitt. No. 1509. 19 Sept. 1938 // FRUS. 1938. Vol. I. P. 620–621.

мирован. Он слышал также, что Чемберлен заявил лидерам оппозиции, будто Гитлер — «честный человек», который сохранит мир после получения Судет. Впрочем, Гринвуд и Эттли были настроены скептически.

«Читали ли вы “Майн кампф” Гитлера?» — спросили они.

«Да, — сердито ответил Чемберлен, — читал, но я сверх того разговаривал с Гитлером, а вы нет!»

Гринвуд и Эттли поинтересовались, что, если Судеты — не последнее требование Гитлера.

Чемберлен снова раздраженно ответил: «Я видел Гитлера и верю ему!»[1]

Советская военная разведка подтвердила, что Гамелен, по-видимому, занял более жесткую, чем раньше, позицию относительно сопротивления нацистской Германии. Такая информация была получена из Праги и из журналистских источников, в частности, от неназванного корреспондента парижской ежедневной газеты «Пти паризьен» и информационного агентства «Демарш». «За последние 2–3 дня в правительство Франции и политических кругах произошли резкие и решительные изменения в отношении к Чехословакии в пользу защиты последней. Генералу Гамелену и Генеральному штабу удалось сломить сопротивление Даладье и Бонне, которых особенно поддерживал Поль Фор и Марсель Пивер». Во Франции было подсчитано, что «уже мобилизовано до 3 миллионов человек, все в пути к германской границе». Как сообщалось, Гамелен также говорил, «что война, и война длительная, неизбежна. Для Франции она развернется на 3 фронтах: а) немецкий, наиболее тяжелый, б) итальянский, менее серьезный, как по качеству итальянской армии, так и по учету экономического и финансового положения Италии, в) испанский, подлежит ликвидации в короткий срок путем занятия всего Пиренейского полуострова и Испанского Марокко».

Англия вступит в войну на стороне Франции, потому что Чемберлен стал врагом Германии в «силу тех унижений, которые он претерпел перед Гитлером». Другой журналист из «Пти паризьен», Роже Массип, служивший агентом Генерального штаба, сообщал, что война непопулярна среди немецкого населения из-за значительной неприязни рабочего класса к Гитлеру и из-за оппозиционных настроений в Высшем военном командовании[2]. В сентябре такая информация поступала из многих источников.

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1: 1934 — 3.09.1939 года. Запись от 26 сентября 1938 г. С. 284–285. Сравни: Record of an Anglo-French Conversation ... 25 and 26 Sept. 1938 // DBFP. 3rd. Vol. II. P. 520–241; Halifax to Phipps. No. 342. 27 Sept. 1938 // DBFP. 3rd. Vol. II. P. 575–576 and 576 n1.

[2] Меморандум СВР. № 8859. 27 сентября 1938 г. (с пометами красным и синим карандашом) // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1144. Л. 343–344. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

Нацистскую Германию можно было бы одолеть: либо заставить отступить, либо разгромить на поле боя, если бы до этого дошло. Но для такого курса действий требовались решительные лидеры, готовые при необходимости вступить в войну. Даже у Бенеша, игравшего ключевую роль в этой кризисной ситуации, не было необходимой решимости. Ночная капитуляция 20 сентября обернулась для него фиаско. Неудивительно, что Даладье полагал, будто Бенеша могут убить, если его явная потеря самообладания станет достоянием общественности.

27 сентября Рузвельт публично обратился к герру Гитлеру с призывом к мирному решению спора о Судетах. Потёмкину это не понравилось, и он направил проект ответа на одобрение Сталину.

«Я не думаю, чтобы нам следовало, как предлагает Рузвельт, непосредственно обращаться к Гитлеру и Чехословакии с призывом к миролюбивому урегулированию их конфликта. Основные аргументы мои таковы: 1. Мы не должны ставить агрессора Гитлера на одну доску с его жертвой — Чехословакией. 2. Возникший конфликт мы не можем рассматривать как спор, ибо видим в нем одностороннее проявление агрессии. 3. Обращаясь к Гитлеру и Чехословакии с призывом к примирению, мы лишаем себя возможности дать свою оценку позиции обеих сторон[1]. Несомненно, это была правильная оценка конфликта».

28 сентября полковник Палас посетил Разведывательное управление РККА, чтобы наладить более тесные связи и передать некоторую информацию. Обмен информацией между советским военным атташе в Париже и французским Генеральным штабом осуществлялся и раньше. Ответственный за это советский офицер майор Г. И. Осетров сообщил, что СССР перебросил к своим западным границам тридцать пехотных дивизий. Подразделения пополнялись резервистами. Воздушные и бронетанковые части были в полной боевой готовности. По словам Паласа, он был счастлив, что они, французские и советские военные, работают вместе, «рука об руку». «Наши общие противники, — продолжал он, — Италия, Япония и Германия, наблюдая нашу мирную политику и нежелание войны, считают нас слабыми. Но в этом они глубоко ошибаются». Палас предвкушал образование широкого альянса, включающего в себя Францию, СССР, Великобританию и Соединенные Штаты[2]. Он почти правильно

---

[1] В. П. Потёмкин — И. В. Сталину. 25 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 138. Д. 3. Л. 242. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову и др.

[2] Сопроводительное письмо заместителя начальника РУ РККА С. Г. Гендина наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову с записью беседы врид начальника отдела внешних сношений НКО СССР Г. И. Осетрова с французским военным атташе в Москве О.-А. Паласом о мероприятиях французского Генштаба в связи

предсказал события будущего, за исключением того, что Франции в этом «великом альянсе» довелось играть лишь второстепенную роль.

Фиппс подытожил позицию Парижа следующим образом: «Если бы не столь жестокая, кровопролитная и затяжная агрессия Германии, которая возмутила французскую общественность до такой степени, что она потеряла рассудок, война сейчас была бы крайне непопулярна во Франции. Поэтому я считаю, что правительство Его Величества должно осознавать крайнюю опасность даже какого-либо намека на поддержку небольшой, но шумной и коррумпированной военной группировки здесь. Лучшая часть общества во Франции против войны, почти [выделено в оригинале. — *М. К.*] любой ценой». Даже Галифаксу не понравилось упоминание о «шумной и коррумпированной военной группе», но Фиппс не ошибался, описывая взгляды, преобладавшие среди французской элиты. Пытаясь защитить себя, он сказал, что имел в виду «коммунистов, которым платит Москва и которые месяцами работают на войну»[1].

Было все еще 28 сентября. Бонне по-прежнему находился на грани паники, и снова обвинял Бенеша в агитации против британского и французского правительств и в том, что он «старается изо всех сил, чтобы добиться “превентивной войны”»[2]. Это было подлое обвинение, приравнивающее национальное сопротивление нацистской агрессии к желанию «превентивной войны». На самом деле это было типичное утверждение из арсенала антикоммунистической пропаганды. Суриц несколько раз сообщал, что Бонне распространял в прессе дезинформацию, пытаясь манипулировать общественным мнением. Бонне был из тех, кого Мандель наверняка внес бы в список кандидатов на то, чтобы предстать перед военным трибуналом. Уж он-то кое-что знал о том, как иметь дело с пораженцами. Во время Первой мировой войны он работал на «Тигра» Клемансо, верша за него темные дела.

Мандель не испытывал особой симпатии к Бенешу, проявившему слабость во время кризиса, когда на карту было поставлено все. Александровский считал, что Бенешу «так сказать, и хочется и колется» советской помощи. «В последних разговорах со мной он каждый раз судорожно хватался за возможность нашей помощи и вызывал меня для разговора как раз тогда, когда получал очередной крепкий удар от Англии и Франции».

с последними событиями в Европе. 28 сентября 1938 г. // РГВА. Ф. 33987, Оп. 3а. Д. 1146. Л. 152, 154. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[1] Phipps to Halifax. No. 292 (by telephone). 24 Sept. 1938 // DBFP. 3rd. Vol. II. P. 510; Halifax to Phipps. No. 330 (by telephone). 25 Sept. 1938 // Ibid. P. 535; Phipps to Halifax. No. 302. 26 Sept. 1938 // Ibid. P. 543–544.

[2] Phipps to Halifax. No. 320 (by telephone). 28 Sept. 1938 // DBFP. 3rd. Vol. II. P. 588.

Когда непосредственная опасность миновала или когда ему показалось, что он нашел какой-то «новый выход» из ловушки, «он немедленно проявлял значительно меньшую заинтересованность в нашем отношении... с самого начала и до конца целиком надеялся и все еще надеется достигнуть максимума возможного для Чехословакии на путях опоры на Англию и Францию, а о помощи СССР думает как о крайне самоубийственном для чехословацкой буржуазии средстве защиты Чехословакии от нападения Гитлера». Бенеш говорил, что «он никогда не возьмет на себя ответственность за начало новой мировой войны» — подобное чувство вины возникло, возможно, под влиянием англо-французских упреков — и что Германии придется сделать первый выстрел. Но Гитлер его не сделал, отсюда и все проблемы Бенеша. «Насилие, производимое над Чехословакией всеми, начиная от Гитлера и кончая Даладье, недостаточное основание для того, чтобы встать на дыбы и защищаться». По словам Александровского, он никогда не критиковал Бенеша, он лишь выступал посредником, пересылая его замечания в Москву. В любом случае, его комментарии были не настоящей критикой. Скорее это была очень точная оценка дилеммы, возникшей перед Бенешем еще в 1935 году и усугубляемой тем, что он тоже боялся распространения большевизма в Европе. Именно это опасение помешало ему защитить свою страну от Гитлера. Те, кто мог бы поддержать Бенеша, например Сталин, при всем желании не могли быть в большей степени чехословаками, чем сами чехословаки, как заметил Комнен после завершения кризиса[1]. К большому облегчению своих противников, Бенеш не собирался делать «что-то безумное».

В то время как Александровский готовил свой отчет, разворачивался уже финальный акт чехословацкой трагедии. При поддержке Великобритании и Франции Муссолини убедил Гитлера согласиться для урегулирования кризиса организовать конференцию четырех держав, без участия Советского Союза и Чехословакии[2]. Для Чемберлена это был шанс доказать, что он может вести переговоры с Гитлером. Майский, который только что вернулся в Лондон, писал: «В воздухе чувствуется, что Чемберлен готовится к новой капитуляции по чехословацкому вопросу на Мюнхенской конференции»[3]. Так оно и было. В Париже Бонне сообщил Сурицу «официаль-

---

[1] С. С. Александровский — в НКИД. 29 сентября 1938 г. // ДИМС. С. 326–337; *Steiner Z.* The Soviet Commissariat... Vol. 42. No. 3 (1999). P. 769; Comnen to Crutzescu. No. 60886. 10 Oct. 1938 // AMAE. Ф. 71/Little Entente. Vol. 29. Fol. 116.

[2] *Meltz R.* Alexis Léger dit Saint-John Perse... P. 525.

[3] И. М. Майский — в НКИД. 28 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 278. Д. 1931. l. 36. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены в Женеву, И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

но», что Даладье принял приглашение поехать в Мюнхен. Французское правительство было «застигнуто врасплох», «инициатива исходила от англичан». Это «официальная версия», телеграфировал Суриц: более того, похоже, что это все «придумано и вдохновлено» Бонне вместе с Фиппсом[1].

Мюнхенское соглашение

Утром 29 сентября Чемберлен в третий раз за две недели вылетел в Германию, на этот раз в Мюнхен, где должна была состояться конференция. Из кинохроники «Пате газет» видно, как он быстрым шагом идет к своему самолету на Хестонском аэродроме, взволнованный, с горящими глазами, и обращается к провожающим его министрам и сторонникам: «Когда я был маленьким, я всегда говорил: "Если с первого раза не получилось преуспеть, пытайся еще и еще". Что я и делаю. Когда я вернусь, надеюсь, я смогу сказать то же, что говорит Хотспер [Генри Перси граф Нортумберлендский по прозвищу Горячая Шпора (Hotspur). — *М. К.*] в "Генрихе IV": "В гуще крапивы, которая называется опасностью, мы срываем цветок, который называется благополучием"[2]». «Ура!» — отзывается небольшая толпа. Когда самолет премьер-министра взлетает, голос за кадром говорит: «Да поможет вам Бог, мистер Чемберлен!»[3]

Пока Чемберлен направлялся в Мюнхен, лорд Галифакс вызвал к себе Майского. Эта встреча задумана не для того, чтобы обсуждать новый пакт четырех держав, сказал Галифакс. Он объяснил, как возникла идея встречи в Мюнхене. По словам Галифакса, «Английское правительство не подымало при этом вопроса о приглашении в Мюнхен СССР, ибо, подходя к делу "реалистически", понимало, что при известных всем настроениях Гитлера такое предложение сделало бы совещание вообще невозможным и похоронило бы "последние шансы" предупредить войну». Майский поинтересовался, есть ли программа встречи. Времени было мало, ответил Галифакс — повестка дня осталась за Гитлером. Многое будет зависеть от его «настроения»[4].

---

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 28 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 280. Д. 1945. Л. 65. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] *Шекспир У.* Генрих IV (часть 1, акт 2, сцена 3) / пер. Б. Пастернака.

[3] Peace! The Four Power Conference // Pathe Gazette. URL: https://www.britishpathe.com/video/peace-four-power-conference (consulted 26 Aug. 2020).

[4] И. М. Майский — в НКИД. 29 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 278. Д. 1931. Л. 37–40. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены в Женеву, И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

Тогда же, 29-го, с Майским встретился Черчилль. Каждый из них преследовал свой интерес. Майскому нужно было укреплять отношения с Черчиллем, но то же самое нужно было и самому Уинстону: Майский мог стать для него посредником для передачи сообщений Сталину. В тот день Черчилль одобрительно отозвался о речи Литвинова в Женеве 21 сентября и о советском ультиматуме Польше. СССР, сказал он, выполняет свои «международный долг», в то время как Франция и Великобритания «капитулируют перед агрессорами», и с этим было не поспорить. СССР, продолжал Черчилль, постепенно завоевывает уважение не только среди либеральных и лейбористских кругов, но и среди консерваторов, «даже — странно сказать — в твердолобых». Он упомянул о закулисной встрече консерваторов из обеих палат парламента, которые выступали за более тесные связи с СССР, чтобы противостоять нацистской угрозе. Они приняли резолюцию в пользу трехстороннего сотрудничества для поддержки Чехословакии. Эта резолюция была передана Галифаксу, но толку от этого вышло мало, и планам Чемберлена она уж точно не могла воспрепятствовать. Тем не менее Уинстон считал, что это был шаг вперед. Если «твердолобые», «антисоветские зубры», были готовы согласиться на сотрудничество с СССР, значит, действительно происходили перемены к лучшему. По словам Майского, Черчилль критиковал политику правительства «немилосердно». «Чемберлен, несмотря на свое субъективное стремление к миру, объективно ведет к неизбежному развязыванию войны. Его поведение в отношений СССР — стремление игнорировать и отталкивать нашу страну — не только нелепо, но преступно». Подчеркнем, это были слова самого Черчилля. Разговор происходил накануне встречи в Мюнхене. Черчилль отметил, что Кабинет министров далек от единства, и упомянул хорошо знакомые имена, такие как Дафф Купер и Лесли Хор-Белиша. Они выступали против политики Чемберлена, но как далеко они могли зайти, чтобы остановить его? Как оказалось, не слишком. Черчилль упомянул о противодействии поддержке Чехословакии со стороны «чемберленовского окружения», который использовал обычные аргументы о чистках и слабости советских вооруженных сил, а также новые аргументы, исходившие из польских источников, чтобы оправдать отказ от советской помощи. Ах, снова эти поляки, могут подумать читатели: они никогда не упустят возможности очернить СССР. Черчилль и сам, казалось, был обеспокоен последствиями чисток. «Я высмеял их, — пишет Майский, — и успокоил Черчилля».

Майский также мимоходом упомянул, что накануне видел Эттли и Гринвуда. Они сказали, что противодействовать планам Чемберлена лететь в Мюнхен невозможно. Они боялись, что их назовут «партией войны», но в то же время опасались «новой капитуляции» и «нового нажима на Чехословакию, который ее окончательно доконает». Тем не менее, они

разделяли точку зрения Черчилля про «громадный сдвиг в настроении масс», особенно среди рядовых лейбористов. У Майского были на этот счет свои сомнения. Как он выразился, «от вчерашней беседы с лейбористскими лидерами у меня осталось впечатление, что моря они не зажгут»[1]. Искры сопротивления «капитуляция» уже были, но еще не было того огня, который мог бы остановить Чемберлена.

История о том, как Чемберлен принес Чехословакию в жертву, хорошо известна: в Мюнхене было заключено соглашение, которое через полгода привело к исчезновению с карты остатков Чехословацкого государства. В кинохронике «Пате газет» показано, как Чемберлен, Даладье, Гитлер и Муссолини рано утром 30 сентября подписывают Мюнхенское соглашение. После этого Чемберлен наклоняется вперед, с удовлетворенным видом наблюдая за тем, как немецкий чиновник просматривает бумаги в поисках английской версии текста. Премьер-министр, похоже, жаждет получить *свою* копию. Даладье, увидев эту сцену, резко разворачивается и уходит, по-видимому, не желая *своей* копии соглашения. В глаза бросается отсутствие представителей Чехословакии и Советского Союза[2]. Тем временем в Праге Бенеш снова обратился за советом к СССР, но чуть позже в тот же день сообщил Александровскому, что он принял мюнхенскую сделку. Когда Майский в Лондоне увидел Масарика, тот рыдал: «Они продали меня в рабство немцам, как негров когда-то продавали в рабство в Америке». «Я крепко пожал ему руку», — записал Майский в своем дневнике[3].

В тот же день, 30 сентября, Майский встретился с постоянным унтер-секретарем по иностранным делам Кадоганом, чтобы получить подробную информацию по поводу Мюнхенского соглашения. В конце концов Кадоган спросил, что по этому поводу думает Майский. «Я решительно раскритиковал соглашение, подчеркнув, что оно окончательно открывает дорогу для развязывания новой мировой войны». По словам Майского, Кадоган попытался защитить соглашения, но без особой уверенности. «В конце концов, согласился с тем, что результатом Мюнхена, по всей вероятности, будут новые и гораздо более серьезные европейские осложне-

---

[1] И. М. Майский — в НКИД. 29 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 278. Д. 1931. Л. 41–45. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены в Женеву, И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] Munich Signing — Mussolini, Chamberlain, Daladier, Hitler // Pathe Gazette. URL: https://www.britishpathe.com/video/munich-signing-mussolini-chamberlain (consulted 26 Aug. 2020.

[3] С. С. Александровский — в НКИД. 1 октября 1938 г. // ДВП. Т. XXI. С. 552–553; *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 30 сентября 1938 г. С. 289.

ния в ближайшем будущем»[1]. Этот разговор заслуживает особого внимания, поскольку и Майский, и Кадоган были правы. «В ближайшем будущем» наступило менее чем через полгода, а новая европейская война разразилась всего через 11 месяцев.

Около полуночи того же дня Польша выдвинула Праге ультиматум о передаче Тешинской области. Фирлингер сообщил об этом Потёмкину.

«Фирлингер пояснил, что поляки не потому интересуются Тешинской областью, что там имеется до 100 тыс. польского населения. По польско-чехословацкой границе в этой области проходит основная железнодорожная магистраль, соединяющая Чехию со Словакией. Кроме того, в Тешине находятся основные запасы минерального угля, которым снабжается металлургическая промышленность Чехословакии. Требуя передачи Тешина Польше, поляки рассчитывают нанести удар по железнодорожному транспорту и оборонной промышленности Чехословакии»[2].

Фиглингер поспешил сообщить эту новость Потёмкину, нашему «товарищу Барометру», потому что Польша требовала дать ответ к полудню 1 октября. «Если Чехословакия не даст удовлетворительного ответа, Польша оставляет за собой свободу действий с 24 часов того же 1 октября». Чехословацкое правительство предвидит возможность вооруженного конфликта, и «чехословацкое правительство просит Правительство СССР сообщить свое мнение о создавшемся положении».

«Я полагаю, что мы могли бы ответить чехословацкому правительству, — писал Потёмкин в своем дневнике, — что, в случае агрессивных действий Польши против Чехословакии, Правительство СССР немедленно денонсирует советско-польский пакт о ненападении от 25 июля 1932 года»[3]. Он мог бы сказать что-то похожее на то, что сказали чехословакам французы или англичане, но он этого не сделал. Вскоре Александровский телеграфировал, что, как он узнал в 11:45 утра, чехословацкое правительство «капитулировало» перед польским ультиматумом. Два министра уже подали в отставку. «В Праге и стране спокойно, — сообщал Александровский. — В Совете министров апатия и резигнация»[4].

---

[1] И. М. Майский — в НКИД. 30 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 278. Д. 1931. Л. 48–49. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] Беседа с чехословацким послом З. Фирлингером. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 29 сентября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 207. Л. 57–56.

[3] Запись беседы с чехословацким послом З. Фирлингером. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 1 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 207. Л. 61–60.

[4] С. С. Александровский — в НКИД. 1 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 281. Д. 1954. Л. 111. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

Оценка ущерба

Все, что оставалось сделать советскому правительству, — это оценить ущерб. В начале октября Литвинов по пути обратно в Москву заехал в Париж.

Он отказался от приглашения Бонне заехать на набережную Орсе, но затем министр сам появился в советском посольстве. Он хотел поговорить о результатах Мюнхенской конференции. Пришел ли Бонне, чтобы позлорадствовать? По словам Литвинова, нет, но до этого он успел позлорадствовать во время встречи с Фиппсом, очевидно, оправившись от своего долгого мрачного уныния: «Бонне заметил мне, что притязания Советского Союза диктовать Франции внешнюю политику не будут удовлетворены. Он улыбнулся, когда упомянул о вероятном объеме помощи, которую оказал бы Советский Союз в случае начала войны, а также о чрезвычайной доблести России, проявленной с безопасного и почтенного расстояния от места боевых действий». Бонне продолжал проецировать свои собственные недостатки на Советский Союз. Любому, кто читает этот текст, должно быть очевидно, что советское правительство не собиралось «диктовать» что-либо Франции. Эта идея нелепа. Литвинов заметил, что если Даладье стал героем, то Чемберлена европейская пресса и вовсе боготворила. У его двери складывали цветы и подарки, в его честь переименовывали улицы, его выдвинули на Нобелевскую премию мира[1]. Литвинов не упоминал об этом, но «Пате газет» выпустила кинохронику о Мюнхене, где рассказчик взволнованным голосом провозглашал: «Четыре сильных человека сели за стол переговоров — и в Европе воцарился мир!» Было показано, как машина Даладье медленно пробирается сквозь огромные толпы по улицам Парижа; на зданиях были вывешены флаги, на заднем фоне гремит «Марсельеза». Без труда узнаваемый по своему большому крючковатому носу, на заднем сиденье автомобиля с широкой улыбкой восседал Бонне[2]. Все это выглядело ужасно пошло.

Ллойд Джордж тоже был не прочь поделиться своим мнением о Мюнхенском соглашении с Майским, который затем сообщил о его словах в Москву. Это было на следующий день после парижского спектакля. Быв-

---

[1] М. М. Литвинов — в НКИД. 2 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 280. Д. 1945. Л. 71–73. R. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.; Phipps. No. 645 saving. 1 Oct. 1938, C11379/5302/18 // TNA FO 371 21778.

[2] Berlin — Paris — Rome // Pathe Gazette. URL: https://www.britishpathe.com/video/berlin-paris-rome-returns-from-munich/query/Berlin+Paris+Rome (consulted 26 Aug. 2020).

ший премьер-министр сначала пересказал разговор, состоявшийся между Болдуином и Чемберленом. «Вы должны избежать войны ценой любого унижения». Англия не готова к войне, у нее не хватает важного вооружения. «Если начнется война и все эти дефекты обнаружатся, то возмущенная публика просто повесит нас с Вами на фонарных столбах». Таково было мнение Болдуина. Затем Ллойд Джордж высказал свое: «Западные “демократии” понесли жестокое поражение. Франция окончательно стала на положение второстепенной державы (Даладье Ллойд-Джордж считает слабым человеком, а Бонне просто изменником, поддерживающим преступные связи с германским правительством). Лига Наций и коллективная безопасность мертвы. В международных отношениях наступает эпоха жесточайшего разгула грубой силы и политики бронированного кулака. В Англии царит глубокая реакция, и у власти стоят наиболее консервативные круги буржуазии, *прежде всего боящиеся коммунизма* [курсив мой. — *М. К.*]».

Чемберлен теперь будет добиваться пакта четырех, «своей мечты», и роли «умиротворителя» Европы, а затем — еще одного срока полномочий на новых выборах, эти действия «закрепят господство самых черносотенных элементов британских правящих классов». Это были довольно серьезные запросы, но ведь дело было на следующий день после триумфального возвращения Чемберлена в Лондон, обставленного не менее помпезно, чем возвращение Даладье в Париж. «Единственным светлым пятном на этом мрачном фоне остается только СССР, — сказал Ллойд Джордж, — к которому отныне еще более, чем раньше, будут обращаться взоры всех прогрессивных и демократических кругов человечества». Ллойд Джордж сообщил Майскому, что он уже встречался и планирует встретиться снова с руководством лейбористов (он упомянул имена Эттли, Герберта Стэнли Моррисона, Уильяма Веджвуда Бенна). Они намерены выступить против политики правительства в Палате общин. Он также слышал, что Черчилль, Лео Эмери, возможно, также Иден и некоторые другие консерваторы будут голосовать против правительства. С другой стороны, сторонники Чемберлена планировали устроить ему овацию. Вот в этом точно можно было не сомневаться. Ллойд Джордж, тем не менее, настаивал на том, что настроение в стране немного меняется к лучшему. Мнение прессы становилось жестче, даже лорд Бивербрук успел осознать, что происходит, а Дафф Купер, 1-й лорд Адмиралтейства, намеревался уйти в отставку. Тем не менее пока что Чемберлен сохранял контроль как над Палатой общин, так и над общественным мнением[1].

---

[1] И. М. Майский — в НКИД. 2 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 278. Д. 1931. Л. 53–56. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

Тем временем в Риме советский поверенный в делах Лев Борисович Гельфанд встретился с министром иностранных дел графом Галеаццо Чиано, и у них состоялась продолжительная беседа. Чиано охотно поделился своим мнением. Это была «полная капитуляция Франции», — сказал он. «Издевался... над ее политикой и, рассказывая о Мюнхенской конференции, отмечал, что Даладье сопротивлялся очень слабо, “пытаясь защищать дело, в которое явно сам не верил”». Муссолини и Гитлер, по словам Чиано, считали Даладье «человеком, скрывающим союзные отношения Франции с Чехословакией». Это звучало как злорадство и презрение, и таким оно и было. По мнению Чиано, произошедшее в Мюнхене подтвердило, что политика Италии в отношении Франции была правильной. Теперь открылись двери для осуществления других амбиций, как бы намекал он. Сменив тему, Чиано спросил, что СССР теперь намерен делать со своим «односторонним» пактом с Парижем. Он снова насмехался — на этот раз над советской политикой взаимопомощи. «Чиано намекал, что Москве, мол, следовало бы подумать о своих отношениях с Берлином и Римом, однако тут же добавил, что на пути германо-советского сближения стоит антикоммунистический пакт и, в частности, Токио». Гельфанд не отреагировал на этот комментарий (или, по крайней мере, ничего не сообщил о своей реакции), и Чиано перешел к другим темам[1]. Тем не менее мы без труда можем видеть, насколько губительной была встреча в Мюнхене для положения и авторитета Франции, и как она повысила, по крайней мере в представлении Чиано, вероятность советско-германского сближения. Не совсем понятны слова Чиано о Японии. Напомню, что в июле–августе произошли вооруженные столкновения у озера Хасан к югу от Владивостока, в ходе которых Красная армия отбросила японское наступление. Таким образом, Сталин, пытаясь противостоять Германии и Польше по Чехословацкому вопросу, был вынужден также пристально следить за своими дальневосточными границами. Палас был впечатлен отпором, который дали советские войска японцам, какой бы скомканной ни была их атака, но вскоре после этих событий маршал Василий Константинович Блюхер, командовавший советскими войсками, «исчез» — судя по всему, был забит до смерти в московских застенках[2]. Что тут скажешь? Сталин действовал, как всемогущий монгольский хан, который поддерживает свою власть посредством актов массового насилия. Несмо-

[1] Л. Б. Гельфанд — в НКИД. 2 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 282. Д. 1960. Л. 125–126. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] См., например: Palasse. No. 493/S. 21 Aug. 1938; No. 506\S. 14 Oct. 1938 // SHAT 7N 3123.

тря на печальную судьбу маршала Блюхера, результатом боев на Дальнем Востоке стало значительное улучшение репутации Красной армии; чуть позже французский военный атташе Палас сообщил, что японцы высоко оценивают ее боевые возможности[1].

Казалось, повсюду царило возмущение Мюнхенским соглашением. Оно было не слишком заметно в высших кругах, но среди людей, занимавших менее скромное положение, не могло не выплескиваться наружу. Советский военный атташе в Берлине как-то решил без предупреждения заглянуть к двум своим чехословацким коллегам.

«Оба они возмущались предательством их страны со стороны Англии и Франции, обвиняли их в трусости, называли Чемберлена круглым дураком...Они говорили, что Чехословакия перед 30.9. имела больше дивизий, чем немцы, не говоря уже о том, что чехословацкие войска находились в укреплении, обладают первоклассным оружием, лучшей артиллерией и авиацией. Они боялись лишь удара со стороны Польши, т. к. это отрезало бы их с тыла, а СССР не смог бы так скоро прийти на помощь... Мюнхенское соглашение они объяснили страхом четырех держав перед ростом коммунистического движения; этого же испугались и некоторые богатые люди... Чехословакии. Многие «состоятельные люди однако говорят сейчас, что они готовы на принятие Советской власти, на то, чтобы в ЧС были коммунисты, лишь бы не немцы».

Французским офицерам лучше было пока не соваться в Чехословакию, потому что их там могли «разорвать на части, так велико озлобление против измены французов»[2].

В Праге тоже царило возмущение и, что вполне понятно, упадок морального духа. Чехословакия была надломлена. Вокруг был хаос. Жизнь в стране «говорит о парализации жизни», сказал Крофта в разговоре с Александровским. Плетутся «интриги». Вместе с тем Крофта высоко оценил поведение СССР, его «моральную поддержку» и готовность выполнять свои обязательства. «Чехословакия превращена в фикцию, — сказал Крофта, — государство без всякого значения, без собственной линия поведения. Недалеко то время, когда она превратиться в безвольный придаток Германии».

Дальше в отчете Александровского следует такое наблюдение: «Он [Крофта] уверял, что еще за день до Мюнхена Англия и Франция всеми

---

[1] Palasse. No. 531/S. 13 Jan. 1939 and enclosure // SHAT GR7 NN 2-542.

[2] Запись беседы помощника советского военного атташе в Берлине А. В. Герасимова с сотрудниками чехословацкого военного атташе в Берлине о последствиях Мюнхенского соглашения четырех держав. 3 октября 1938 г. // РГВА. Ф. 37967. Оп. 6. Д. 115. Л. 560. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

способами поддерживали у чехословацкого правительства иллюзию неизбежности войны и свое участие в ней. У чехов создалось радужное настроение потому, что весь народ предпочитал войну исполнению гитлеровских требований, а под впечатлением, особенно английского заверения в готовности создать единый фронт с СССР, возникла надежда, что войны не будет, ибо Гитлер должен отступить перед такой могучей коалицией. Поворот произошел так неожиданно, что вызвал глубочайшее душевное потрясение у всех. Старый Крофта действительно находится в тяжелейшем нервном состоянии».

Во внутренней политике страны, сказал Крофта, еще ничего не решено. Останется ли Бенеш президентом или уйдет в отставку? Уходить добровольно он не собирается, но на него могут оказать давление англичане. Крофта еще долго продолжал свои невеселые рассуждения; помимо прочего он обратился к Александровскому с просьбой попытаться ограничить захват поляками земель, примыкающих к Тешинской области. В заключение разговора Крофта сказал без прикрас: «Англия и Франция подло предают и здесь, особенно Франция»[1].

Бенеш ушел в отставку 5 октября. По сути, Англия и Франция обменяли Чехословакию на собственное спасение, пожертвовали ее целостностью и безопасностью, чтобы самим жить в безопасности. Едва ли это можно назвать поведением, достойным человека. Хуже того, раздел Чехословакии фактически привел к образованию немецкой Срединной Европы, и многим, Майскому в том числе, казалось, что это — неизбежный шаг к войне. Кроме того, возникала вероятность открытия третьего фронта против Польши в случае окончательного исчезновения Чехословакии. Те, кто думал, что Польша обречена, теперь еще более уверились в своих пророчествах. А что же будет с Францией? Потёмкин и Суриц считали ее также обреченной. Мало кто в Европе относился к ней теперь с уважением. Могла ли Франция еще взять себя в руки? Некоторые историки считают, что да, но в то время в Европе совсем немногие придерживались такого мнения. Слово «французы» теперь повсюду произносили с презрением.

Москва в ярости

Возмущение против Франции и Великобритании, которым была охвачена Европа, неизбежно отозвалось и в Москве, лишь усилив кипевшую там ярость. Потёмкин, «товарищ Барометр», всегда очень точно отражал

[1] С. С. Александровский — в НКИД. 3 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 281. Д. 1954. Л. 119–121. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

в своих записях изменение настроений советского правительства. 3 октября он в глубоком возмущении написал Майскому: «Вы хорошо знаете, как Англия и Франция на самом деле, “сотрудничают” с СССР. И как, тем не менее, они демонстрируют это сотрудничество перед международным общественным мнением в целях либо самооправдания, либо нашей компрометации, когда творят свои темные дела в Испании или Чехословакии. Сейчас те же Франция и Англия пускают в широкое обращение мошенническую выдумку, будто держали нас в курсе своего сговора с Гитлером в чехословацком вопросе и чуть ли не согласовали с нами решения Мюнхенской конференции. Мы опровергаем это жульничество через ТАСС. Несмотря на провокационный характер выдумок относительно “сотрудничества” Англии, Франции и СССР. Ваши собеседники, как Галифакс и Кадоган, без зазрения совести продолжают разговоры с Вами на эту тему. В передаче Вами этих разговоров мы не видим критического к ним отношения. Создается впечатление, будто Вы принимаете всерьез это очковтирательство, которое, однако, не может не быть очевидным и для Вас»[1].

Мы иногда забываем, что даже самые твердокаменные большевики оставались людьми. Естественно, им не понравилось, что им морочили голову, используя для прикрытия мюнхенской капитуляции. Майский, должно быть, почувствовал, как по спине пробежал холодок, когда он читал эту телеграмму, какой бы несправедливой она ему ни казалась. Копии телеграммы были отправлены, среди прочих, Сталину и Молотову. Очевидно, что в Москве царило всеобщее возмущение. На следующий день Потёмкиным была отправлена еще одна телеграмма, не менее хлёсткая. Она была адресована советским полпредам в Париже, Лондоне, Вашингтоне и Праге.

«Примите все меры к тому, чтобы сообщение ТАСС от 4 октября по поводу жульнической корреспонденции из Парижа и “ПрагерПрессе” было не только возможно шире опубликовано в прессе Вашей страны, но и надлежащим образом использовано дружественными органами печати. Нужно разоблачить англо-французские махинации, имеющие целью либо обелить Англию и Францию нашим соучастием в их расправе с Чехословакией, либо скомпрометировать нас этой инсинуацией перед международным общественным мнением и, особенно, в глазах демократических масс. Сообщите, что предпринимаете в этом направлении».

---

[1] В. П. Потёмкин — И. М. Майскому. 3 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 278. Д. 1933. Л. 49. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову, М. М. Литвинову и др.

Потёмкин распорядился, чтобы в НКИД были направлены отчеты о мерах, принятых для выполнения его указаний[1].

4 октября Палата депутатов проголосовала большинством голосов (535) за Мюнхенское соглашение; против было 75 голосов — это были 73 депутата-коммуниста, а также Кериллис и социалист Жан Буэ. На следующий день настала очередь британской Палаты общин. Представители лейбористской и либеральной оппозиции, предварительно обменявшись колкостями, проголосовали против правительства или воздержались; к ним присоединились не более 30 консерваторов. Окончательный подсчет голосов показал, что в поддержку действий правительства проголосовали 366 депутатов против 144. Чемберлену достались почести, цветы и всевозможные подарки, но его звезде было суждено сиять очень недолго. За цветами и ликованием скрывалась горькая правда: это был упрямый, поверхностный, глупый человек.

СССР дает свою оценку

Литвинов вернулся в Москву в ярости. В первую очередь он выместил ее на Франции; в «Журналь де Моску» была опубликована статья, полная негодования в адрес французов. Комментарии Москвы относительно Великобритании были не менее разгромными. Кто-то даже припомнил продолжение процитированного Чемберленом отрывка из «Генриха IV», в котором говорилось о том, что «дело... опасно», «друзья... ненадежны», а приспешники «трусливы». Шутники из Форин-офиса придумали свою версию остроумной фразы Чемберлена: «Если с первого раза не получилось уступить, летайте еще и еще». Что касается поляков, «они затеяли “слишком тонкую” игру», как заметил министр иностранных дел Румынии Комнен: это была «политика авантюр», рискующая привлечь нежелательное внимание Гитлера. По словам одного французского дипломата (Ролана де Маржери), поляки «были похожи на тех упырей, которые в прежние века бродили по полям сражений, убивая и грабя раненых». Как «стервятники», сказал Даладье, хотя у него вряд ли было право критиковать поляков[2].

---

[1] В. П. Потёмкин — Я. З. Сурицу, И. М. Майскому, К. А. Уманскому, С. С. Александровскому. Копия отправлена М. М. Литвинову. 4 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 293. Д. 2092. Л. 75. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] The diaries of Sir Robert Bruce Lockhart / ed. K. Young. London: Macmillan, 1973. Vol. I: 1915–1938, entries of 4 and 17 Oct. 1938. P. 399, 402; Comnen to Richard Franasovici, Romanian minister in Warsaw. 8 Oct. 1938 // AMAE. F. 71/Romania. Vol. 259. F. 96–100; Bullitt to Hull. No. 1602. 26 Sept. 1938 // FRUS, 1938. Vol. I. P. 667–669.

Суриц писал, что Франция потерпела «второй Седан» — катастрофическое поражение. Он был возмущен ликующими толпами, которые приветствовали Даладье в Париже по возвращении из Мюнхена. Возвращаясь к темам более ранних отчетов для Москвы, Суриц писал, что среди «мюнхенцев» есть такие, кто рассматривает войну с Германией через «идеологическую» призму. Они боятся, что поражение нацистской Германии приведет к торжеству большевизма, при том, что СССР будет союзником Франции. Никакие жертвы или уступки нельзя считать слишком высокой ценой за предотвращение такого исхода. «Все лицемерные и лживые сведения о слабости и неподготовленности СССР, вся эта антисоветская кампания лжи и клеветы, которая в эти дни так обильно и методически облепила страницы продажной печати, предназначены были не только для оправдания капитуляции, но прикрывали и подлинный страх правых перед возможным успехом советского оружия в войне». Франции нужно спасти себя от этого нежелательного и обременительного союзника. Более того, французские правые надеются спровоцировать Советский Союз на денонсацию договора о взаимопомощи. Далее Суриц осторожно отметил, что правительство Даладье не полностью разделяет программу правых. Большинство Кабинета капитулировало из-за «чувства страха и неуверенности в своей силе» и из-за страха поражения. За исключением Манделя, никто из нынешних лидеров Франции не чувствует себя способным вести современную войну. «Ни у кого не было ни воли, ни энергии, ни хватки, ни размаха людей типа Клемансо и даже Пуанкаре». Мюнхен создал совершенно новую ситуацию, заключил Суриц, и предсказать будущее направление французской политики не представляется возможным[1].

Литвинов, в отличие от Сурица, не считал, что к Мюнхенскому соглашению привело широкое распространение пораженческих настроений. Если бы французское правительство было более сильным, оно взяло бы общественное мнение в свои руки. «Французское правительство, — писал Литвинов, — ничего не сделало для разъяснения населению значения Чехословакии с точки зрения интересов и обороноспособности самой Франции». Что касается советско-французского договора, который Литвинов считал достойным подписания в 1935 году, то это не более чем пустая оболочка, которая теперь разбита вдребезги. Суриц сообщал, что радикалы, в числе которых Даладье и Бонне, подумывают о его денонсации, если она даст возможность заключить соглашение с Гитлером. Крайне правые и правые, чьи идеи проникли в сердце французской политики, относятся к советско-французскому договору с презрением. Он укрепил и легитими-

[1] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 12 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 201–192.

ровал «их главного и наиболее непримиримого врага — Коммунистическую партию...Становится совершенно понятным, почему наряду с Испанским вопросом главное давление со стороны правых на правительство проводится по линии нашего пакта, по линии отношений с СССР»[1].

Оценка ситуации Кулондром

Одновременно с советской стороной нанесенный ущерб оценивали французы и британцы. Несмотря на все противоречия между Кулондром и Литвиновым, посол хорошо понимал советскую политику. Резюмируя мнение советской прессы — по сути, мнение Кремля, — он отмечал, что Мюнхенское соглашение, согласно этому мнению, является слишком высокой ценой за временное продление мира в Европе, на Чемберлена возлагается ответственность за «крах демократий», к «униженной» Франции никто не испытывает никакого сочувствия. Кулондр перечислил ключевые даты нарушений Гитлером Версальского договора, которые он назвал «вехами пути». Отказ от помощи Чехословакии стал лишь последней каплей, и именно он, по мнению Кулондра, открыл Гитлеру путь в Юго-Восточную Европу. Представители Советского Союза спрашивали себя, найдут ли Великобритания и Франция достаточно сил, чтобы противостоять дальнейшей немецкой экспансии, которая в конечном итоге будет угрожать СССР. Кулондр даже припомнил планы Гитлера по завоеванию, изложенные в «Майн кампф». В Москве никто не верил, что Франция и Великобритания как-то отреагируют на дальнейшее расширение Германии. Более того, все полагали, что Чемберлен не будет противиться такому развитию событий, если Гитлер оставит в покое Западную Европу. В этом отношении Мюнхенское соглашение, похоже, открывает Германии дорогу для завоевания СССР, являя собой пример «соучастия», как считала советская сторона, со стороны Германии и Великобритании. Это было не такое уж беспочвенное обвинение в свете нелепой показной сцены на Хестонском аэродроме, когда Чемберлен, размахивая над головой бумагой, подписанной им и Гитлером, открыто заявил, что она представляет собой «мир для нашего поколения» (*Peace for our time*). Что касается Франции, то, как отметил Кулондр, СССР ничего большего от нее и не ожидал. В то время как Бонне и Даладье размышляли о том, как бы избавиться от совет-

[1] И. М. Майский — М. М. Литвинову. 25 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 11. Д. 17. Л. 83–76; М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 4 ноября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 75–76; М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 19 октября 1938 г. // Там же. Л. 72; Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 11 ноября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 17. Д. 165. Л. 229–222; Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 27 декабря 1938 г. // Там же. Л. 255–238.

ско-французского договора, советская сторона сохраняла эту «пустую оболочку», и не из-за какой-либо уверенности в ее пользе, а как свидетельство готовности к любому потенциальному повороту англо-французской политики.

Как и Чиано, Кулондр ожидал, что Советский Союз вернется к Рапалльской политике, то есть к более конструктивным отношениям с Германией, а это означало бы конец Польши. На тот момент Гитлер, похоже, не был заинтересован в таком повороте событий, но он мог бы это сделать в будущем. СССР мог попытаться свести некоторые старые счеты в надежде отвлечь Гитлера от Украины. Кулондр упомянул, что слышал, будто Потёмкин говорил с другими дипломатами в Москве о «четвертом разделе» Польши. Неудивительно, что «товарищ Барометр» говорил такое, ведь он впервые упомянул об этой перспективе в разговоре с Сурицем еще в начале апреля. Затем, однако, он дал Сурицу указание организовать кампанию в прессе в Париже, чтобы предупредить поляков об их недальновидности. Капитуляция Чехословакии перед польским ультиматумом, по словам Кулондра, стала «горьким разочарованием». Потёмкин, конечно, был не единственным, кто видел в этом зловещее предзнаменование для Польши. Что касается Франции, посол утверждал, что она вышла из Чехословацкого кризиса с сильно подорванным престижем и моральным духом. На самом деле это было преуменьшением. Как и Суриц в Париже, Кулондр пришел к выводу, что любой подобный «шок» в будущем подвергнет Францию смертельной опасности»[1].

Взгляд из Польши

9 октября Потёмкин как раз обсуждал те же вопросы с польским послом. Это был на удивление откровенный разговор, учитывая, что всего десять дней назад, если бы только Бенеш решил сражаться, Красная армия могла бы пойти на Польшу войной. Гржибовский в течение последних двух недель сентября путешествовал по Европе и теперь рассказывал о том, что он видел и слышал. «Для всякого объективного зрителя было очевидно, что Франция не намерена выступать на защиту Чехословакии. Военные приготовления, происходившие во Франции, имели целью напугать больше французских буржуа, нежели Гитлера. По словам Гржибовского, Польша убедилась, что Франция не способна сотрудничать с кем-либо на основах равноправия: она или подчиняется чужой воле, или старается навязать свою волю другому». Это было очень точное замечание, однако посол упустил из виду растущую опасность для Польши, которую он призна-

[1] Coulondre to Bonnet. No. 265. 4 Oct. 1938 // MAE, Cabinet Bonnet/16, 327–333.

вал в ходе предыдущей встречи. «На мой вопрос, как представляет себе Польша дальнейшее развитие международных отношений в Европе, — записал Потёмкин в своем дневнике, — Гржибовский ответил, что Франция и Англия, по-видимому, постараются наверстать упущенное в области своих вооружений, чтобы, в случае необходимости, иметь возможность противостоять Германии. Дальнейшей экспансии Германии на восток Польша не предвидит, и потому она спокойна». Это была ужасная ошибка. Посол думал, что Германия может атаковать только Румынию или Югославию. Венгрии тоже достался кусок чехословацкой территории, и, по словам Гржибовского, это было «фактором благоприятным». Казалось бы, это способствовало воплощению старой идеи поляков о возведении некоего барьера в Восточной Европе против немецкой экспансии. Но это была утопия: без СССР и Чехословакии ни один барьер в Восточной Европе не имел никаких шансов против Германии, а Польша никогда не рассматривала возможность создания антигитлеровского союза с СССР (или с Чехословакией).

Затем посол сменил тему, спросив, как Москва видит ситуацию с учетом англо-французского «сотрудничества с нами при разрешении Чехословацкого вопроса». Это был тонкий выпад, к которому Потёмкин в своем дневнике не привлекает особого внимания. «Я ответил, что Советский Союз строил свою внешнюю политику совершенно самостоятельно и не подчинял ее никакому внешнему влиянию. Он будет и в дальнейшем укреплять свою хозяйственную мощь и свою оборону, не отказываясь от мирного сотрудничества с любым государством, но и готовый отразить опасность с любой стороны»[1]. А может, это был ответный тонкий выпад со стороны Потёмкина?

Потёмкин случайно встретил Кулондра на дипломатическом приеме (как ни странно, в японском посольстве) несколько дней спустя, и они нашли время поговорить. Кулондр только что получил известие о том, что его переводят в Берлин. Он постарался заверить Потёмкина, что перевод не был его идеей. Он также хотел ясно дать понять, что не поддерживал мюнхенскую капитуляцию: «Во время последних событий, разыгравшихся вокруг Чехословакии, лично он являлся сторонником самого тесного сотрудничества Франции с СССР и даже немедленного созыва совещания представителей Генштабов трех заинтересованных стран. Не его, де, вина, если Чехословацкий вопрос получил иное разрешение». Это было правдой, Кулондр действительно выдвигал такие рекомендации. «Упомянув о том, что Бонне в Париже заверял тов. Литвинова в неизменности фран-

[1] Запись беседы с польским послом В. Гржибовским. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 8 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 207. Л. 79–77.

ко-советских отношений, Кулондр спрашивал меня, как надо понять резкие статьи советской прессы и, особенно, “Журналь де Моску”, направленные против Франции». Кулондр не дал Потёмкину возможности ответить, и очень жаль, так как это могло бы прояснить ситуацию. «Не дождавшись моего ответа, посол сам поспешил констатировать, что во взаимоотношениях Франции и СССР необходимо при нынешних условиях внести полную ясность». Если бы это было возможно! «Все эти заявления Кулондра, — заключает Потёмкин, — оставили впечатление общей его растерянности, тревоги и конфуза»[1].

Последняя встреча Литвинова и Кулондра

16 октября Кулондр в последний раз встретился с Литвиновым. Кулондр признался, что ему очень жаль уезжать, потому что он приехал в Москву, чтобы улучшить советско-французские отношения, но ему это не удалось. Улучшение отношений было единственным путем вперед, и, по словам Кулондра, он по-прежнему выступал за них в своей переписке с Парижем. Ответ Литвинова был довольно язвительным.

«Я ему рассказывал, что в Женеве англичане, включая даже членов кабинета, жаловались на то, что, противясь политике Чемберлена и его планам, они обманулись в своих надеждах получить поддержку со стороны Даладье и Бонне. У меня создалось впечатление, что на этот раз Чемберлену не приходилось таскать за собою французских министров, а что последние сами толкали Чемберлена в ту пропасть, в которую они свалились. Я сказал, что в свете последних событий легче объяснить такое странное явление, что французы, заключив с нами пакт о взаимной помощи, систематически уклонялись от соответственных военных разговоров о методах реализации этой помощи. Уклонялись они от этого даже тогда , когда Чехословакия стала фактически в этой помощи нуждаться. Теперь приходится заключить, что французское правительство и раньше никогда не думало предусмотренную пактами помощь когда-либо реализовать, и поэтому ему незачем было входить в подробные разговоры о методах реализации этой помощи».

Кулондр ответил, что оценка Литвинова была «слишком категорична и что англичане всячески удерживают французов от военного соглашения с нами». Литвинов знал, что его анализ французской позиции по штабным переговорам был в целом верным. Некоторые министры французского

---

[1] Запись беседы с французским послом Р. Кулондром. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 12 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 207. Л. 85–84.

правительства — Кот, Блюм, Поль-Бонкур — выступали за штабные переговоры, но их было недостаточно много, чтобы склонить правительство на свою сторону. Верно было и то, что Форин-офис, особенно Сарджент, выступал категорически против штабных переговоров. Советская сторона делала предложения, а французы и британцы их отклоняли.

Когда Кулондр спросил, что в таком случае можно сделать, Литвинов ответил, что позиции, утраченные в Чехословакии, потеряны и не могут быть восстановлены. Это было катастрофическое поражение. Британцы и французы могут теперь сделать одно из двух: полностью капитулировать или встать с колен и, наконец, решить противостоять нацистской агрессии. Гитлер, вероятно, на некоторое время сделает паузу, чтобы переварить свои завоевания. Затем он может нацелиться на Британскую империю. Если британское и французское правительства решат воевать, сказал Литвинов, они «неизбежно обратятся к нам и заговорят с нами другим языком, а мы с ними тоже»[1].

Кулондр также написал отчет об этой встрече, но постарался сгладить язвительность высказываний наркома. Он подчеркнул главную мысль Литвинова, что общее урегулирование ситуации с нацистской Германией невозможно и что, другими словами, война неизбежна. И все же Литвинов считал, что у Великобритании и Франции еще есть время восстановить баланс сил с нацистской Германией. Если они это сделают и когда они это сделают (и здесь две записи совпадают), по словам наркома, им придется обратиться «к нам, и тогда мы выскажем свое мнение». Кулондр предупредил — советую читателям вспомнить это предупреждение, когда речь будет идти о том, как летом 1939 года была предпринята последняя попытка сформировать антигерманский трехсторонний союз, — что старые способы взаимодействия с СССР больше не будут иметь никакой пользы. «Учитывая опыт прошлого, оно [советское правительство] будет, без сомнения, требовать твердых гарантий помощи и требовать их не только от Франции, но и от Англии».

Чтобы убедиться, что в Париже его сообщение будет понято правильно, Кулондр еще раз предупредил об опасности возможного нацистско-советского сближения и даже указал на возможность неофициальных предложений из Берлина. Ценой такого сближения, подчеркнул он, станет раздел Польши. СССР может повернуться к Берлину из-за отсутствия союзников и во избежание изоляции.

Кулондр изложил то, что должно было стать англо-французской повесткой дня на ближайшие месяцы, подчеркнув важность сотрудничества

---

[1] Запись беседы с Р. Кулондром. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 16 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 863. Л. 11–13.

Польши и СССР в борьбе против общего врага, нацистской Германии. Слабость Великобритании и Франции уже привела Польшу и может привести СССР к союзу с Гитлером. Нам нужно заставить польское правительство задуматься о «более точной оценке его жизненно важных интересов». Кулондр желал бы не трехстороннего, а четырехстороннего союза против нацистской Германии. Это был последний шанс восстановить равновесие в Европе. Времени не хватает, по сути, сказал он: нам нужно знать, на кого мы можем рассчитывать и кто может рассчитывать на нас[1]. Это немного напоминало слова полковника де Голля. Что же до Форин-офиса, его комментарий по этому поводу был типичным для этих, как сказал бы Ллойд Джордж, сопляков: «Господин Кулондр, как и многие другие французы, одержим пугалом советско-германского сближения»[2]. Подразумевалось, что сам Форин-офис не был им «одержим».

Размолвка Литвинова и Кулондра

Предполагалось, что отъезд Кулондра из Москвы будет отмечен проявлениями искреннего радушия; были запланированы прощальные обеды. Увы, этому помешала неожиданная вспышка гнева со стороны Литвинова. 19 октября «Журналь де Моску» опубликовал очередную порцию критики по поводу мюнхенской капитуляции. Франция, говорилось в статье, потеряла все, «Франция все потеряла в Европе без того, чтобы можно было добавить “кроме чести”. Она выдала врагу своя верную союзницу — Чехословакию, она потеряла чехословацкую армию». Это было больше, чем Кулондр мог вынести — даже если написанное в «Журналь де Моску» было правдой, — и он отправился к Потёмкину, а затем к Литвинову, чтобы потребовать опровержения. Вот что Литвинов написал Сталину:

«Кулондр требовал, чтобы я опубликовал в газетах декларацию, что мы отмежевываемся от этой статьи, угрожая в противном случае разрывом своих личных отношений с правительством. Я ответил, что считаю фразу очень неудачной, не могу ее одобрить, но в то же время не могу принять за нее никакой ответственности. Газета является частным органом, в котором отдельные журналисты и другие лица высказывают свои мнения. И не вижу надобности для правительства или для НКИД выступать по этому поводу с публичными декларациями. Я высказал свое удивление, что с подобным протестом приходит ко мне представитель страны, где определенная пресса изо дня в день выливает на нас потоки грязи, употребляя более оскорбительные для нас выражения, чем “Журналь де Моску”, без того, чтобы француз-

[1] Coulondre to Bonnet. No. 283. 18 Oct. 1938 // AN, Papiers Daladier, 496AP/11.

[2] Minute by D. W. Lascelles, Northern Department. 9 Nov. 1938, N5433/5433/38 // TNA FO 371 22301.

ское правительство когда-либо отмежевывалось от этой прессы или реагировало. Я предложил послу предъявить ему букет французских ругательств по нашему адресу. Исключение не составляет даже газета “Тан”, которую все считают органом Министерства иностранных дел. На многократные мои личные указания фран[цузскому] министру на поведение этой газеты, мне всегда отвечали, что эта газета не связана с правительством и с министерством. Я также заявляю, что “Журналь де Моску” не связана с НКИД».

Кулондр, тем не менее, настаивал на опровержении. «Но я ему заявил, — продолжал Литвинов, — что не хочу показаться смешным перед нашим общественным мнением, которое отлично осведомлено о том, что пишут во Франции [в] печати об СССР». Литвинов обо всем докладывал вождю и знал, что тот против любых уступок. «Он [Кулондр] говорил от своего имени, но не по требованию своего правительства. Он через неделю уезжает, будучи переведен послом в Берлин, и все, то он может сделать, это не попрощаться со мною, с чем я могу мириться. По-видимому, Кулондр хочет обеспечить себе этим хороший прием в Берлине»[1]. Вот таким печальным эпизодом закончилось пребывание Кулондра во французском посольстве в Москве. Литвинов мог бы сказать, что «Журналь де Моску» не более «связан» с НКИД, чем «Тан» — с набережной Орсе, но тонкости его не волновали. «Я был бы смешон», сказал Литвинов Сурицу, если бы какое-либо опровержение было опубликовано Парижем[2]. Этот инцидент, каким бы тривиальным и комичным он ни казался, наглядно продемонстрировал, какой неподдельный и яростный гнев испытывала Москва по отношению к Франции, предавшей Чехословакию.

В начале декабря 1938 года Риббентроп посетил Париж, чтобы подписать Франко-германскую декларацию. Литвинов не имел представления, какова была цена этого визита, хотя и предполагал, с обычной для него язвительностью, что Гитлер предложил «бесплатный дар» для укрепления положения Бонне и Даладье во Франции. Гитлеру выгодно, чтобы они как можно дольше оставались у власти, полагал Литвинов. Он задавался вопросом, не дал ли Бонне «каких-то секретных заверений» — не подписывая ничего и, конечно же, без ведома Кабинета министров[3]. В Париже

---

[1] О встрече с Р. Кулондром. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 19 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 863. Л. 9–10; Coulondr. Nos. 770–773. 19 Oct. 1938 // MAE, Bureau du chiffre, Telegrammes a l’arrivee de Moscou, janvier 1938 — 23 août 1939; М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 19 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 138. Д. 2. Л. 156–157. Копия отправлена В. М. Молотову.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 19 октября 1938 г. // ДВП. Т. XXI. С. 741; М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 4 ноября 1938 г. // Там же. С. 618–619.

[3] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 19 декабря 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 88–90.

также ходили слухи о том, что Бонне мог сказать Риббентропу и, в частности, не пообещал ли он предоставить Гитлеру свободу действий на востоке Европы, если Германия оставит Францию в покое.

В последний день 1938 года Литвинову самому было впору пожаловаться на редакционную статью в «Тан» (несомненно, вдохновленную Бонне), которая определенно подготавливала почву для заключения соглашения между Францией и Германией. Литвинов не думал, что Бонне имеет в виду какие-либо определенные условия, кроме «ликвидации» советско-французского и франко-польского договоров. Возможно, он также рассматривал предложение о предоставлении Германии свободы действий на Востоке, но, по мнению Литвинова, со стороны Бонне это был просчет, поскольку Гитлер не собирался ничем платить за свою «так называемую свободу действий на Востоке». Ему это было и не нужно[1].

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 31 декабря 1938 г. // Там же. Л. 100–103.

ГЛАВА IX

ОТЧАЯНИЕ И НАДЕЖДЫ: НОВЫЕ ПОПЫТКИ ОБЪЕДИНИТЬСЯ ПРОТИВ ГИТЛЕРА (ОКТЯБРЬ 1938 — АПРЕЛЬ 1939 ГОДА)

Франция

Раздробление Чехословакии заставило Париж и Лондон провести стратегическую переоценку ситуации. В начале октября Гамелен представил Даладье неутешительные результаты анализа перспектив Франции в случае конфликта с нацистской Германией. Опорных пунктов в Центральной и Восточной Европе у Франции больше не было. Согласно одному отчету, подписанному Гамеленом и датированному 12 октября, положение осенью 1938 года было хуже, чем в 1914 году, «поскольку Франция уже не имела в Восточной Европе того противовеса, который представляла собой царская Россия». Не упоминалось лишь о том, что Франция могла бы иметь в качестве такого «противовеса» СССР, если бы не сопротивление со стороны Даладье (и самого Гамелена). Что гипотетически станут делать Италия, Венгрия и Румыния, задавался вопросом Гамелен, — присоединятся к нацистской Германии или постараются сохранить свою независимость? При сложившихся обстоятельствах вопрос казался странным: о чем Гамелен умалчивал, так это о том, что Франция не оставила малым державам Восточной Европы иного выбора, кроме как заключить мир с Берлином. Что касается Польши, ее будущее, казалось, было в опасности, поскольку она снова оказалась «между Германией и Россией». Гамелен не знал, продолжит ли «двуличная» Польша проводить прогерманскую политику.

Что касается России, она, по мнению Гамелена, представляла собой «загадку» в силу неоднозначной внутренней ситуации. «Загадку»? Но что же в ней было такого загадочного? Неужели Гамелен забыл о том, какую роль

сыграл он сам в срыве штабных переговоров? О «России» в его 9-страничном отчете говорилось лишь в одном примечании и в одном абзаце текста. Куда больше Гамелена беспокоила передача французских колоний Германии. Того или Камерун ни при каких обстоятельствах не должны были быть «возвращены» Германии. Единственный момент, в котором Гамелен, казалось, был уверен (и это подчеркивается в его отчете), заключался в том, что Франция не может справиться с Германией иначе как с помощью «силы»[1].

В тот же день — это было 12 октября — Гамелен направил Даладье «тревожное» письмо маршала Рыдз-Смиглы, в котором ставилась под сомнение серьезность отношения Польши к франко-польскому союзу. Значение Польши для Франции с военной точки зрения остается «существенным», отмечал Гамелен, но, учитывая обстоятельства, французское правительство должно сделать шаг назад от Варшавы. Открыто разрывать отношения не стоит, но нужно позволить полякам осознать опасность своей политики, а Франция тем временем сможет обдумать, стоит ли продолжать поставлять современную военную технику, ставя интересы Польши выше собственных интересов. Тем не менее, добавлял Гамелен как бы между делом, мы не должны исходить из предположения, что все поляки поддерживают взгляды Бека и Рыдз-Смиглы.

В своем письме Гамелену Рыдз-Смиглы высказывал обиду на Францию и защищал политику Польши в отношении Чехословакии. Учитывая Мюнхенское соглашение, спрашивал он, не лучше ли отказаться от «обсуждения Чехословацкого вопроса»? Рыдз-Смиглы также напомнил Гамелену о 7 марта 1936 года, когда вермахт вошел в демилитаризованную Рейнскую область, а Франция никак не отреагировала. Учитывая обстоятельства, Польше упрекнуть себя было не в чем[2]. Гамелен, сообщая обо всем этом, просто отводил душу, ведь на самом деле у Франции не было других альтернатив в Восточной Европе: она не захотела иметь дело с СССР, и теперь ей оставалась только Польша.

Позже Гамелен направил Даладье еще один отчет, в котором немного более позитивно говорилось о будущем, но приводился совершенно нереалистичный отчет о ситуации, подготовленный заместителем начальника Генштаба генералом Луи Колсоном. Пытаясь найти хоть что-то положительное в безнадежной политике Франции, Колсон, похоже, предался фантазиям о формировании в качестве противовеса Гитлеру «восточного блока», состоящего из Польши, Румынии, Югославии и даже Венгрии, на

---

[1] Note sur la situation actuelle no. 853/D.N.3, très secret, signed Gamelin. 12 Oct. 1938 // SHAT 5N 579; La Note sur la situation actuelle du 12 octobre 1938, summary of various opinions from French senior officiers, not signed, n.d. // Ibid.

[2] Gamelin to Daladier. No. 4631/S. 12 October 1938, enclosing Rydz-Śmigły's letter of 3 Oct. 1938 // SHAT 5N 579.

севере подкрепленного Прибалтикой, а на юге — Балканской Антантой. Это было повторением идеи, которую ранее уже высказывала Польша, и в октябре 1938 года эта идея была не более реалистичной, чем раньше. Мало кто во Франции осознавал, что авторитету страны в Восточной Европе пришел конец. Колсон приходил к выводу, что необходимо закрыть глаза на «двуличие» Польши по отношению к Чехословакии. Это было вполне уместно. Вопрос о Тешине «был решен» и уже никого не интересовал. Польша, похоже, осознала, что теперь ей придется защищаться от Германии или «снова исчезнуть». По сути, именно в этом состоял ответ Гамелену и Рыдзу-Смиглы. Колсон по-прежнему рассматривал «восточный блок» как «буфер» между Германией и Россией, предотвращающий любой «сговор» между ними. Эта идея, восходящая к «санитарному кордону» Клемансо, уже совершенно устарела. Слова о возможности советско-германского «сговора» выглядели иронично, учитывая англо-французский сговор с Гитлером в Мюнхене и различные идеи «германофилов» Пьера Лаваля и Даладье, стремившихся прийти к соглашению с Гитлером.

То, что предлагал Колсон, было верным путем к уничтожению не только Польши, но и Франции. Оставался только один способ противостоять немецкой угрозе — союз с СССР, но Франция упускала один шанс за другим. Началось это еще с Лаваля, и теперь явно ничего не изменилось. Речь Литвинова в Женеве 21 сентября Колсон назвал «блефом». «Россия... продемонстрировала свою военную несостоятельность и в то же время свое желание остаться в стороне от конфликта, рискуя подвергнуть свой политический режим тяжелым ударам вооруженных сил Германии». Эта оценка была одновременно ошибочной и парадоксальной, поскольку не СССР, а именно Франция под давлением Англии уклонилась от своих договорных обязательств по отношению к Чехословакии. Но Колсон ошибался не только в этом. «СССР, — добавлял он, — будучи, по сути, в полном смысле слова азиатской державой, скорее всего, вмешается в европейский конфликт только тогда, когда увидит возможность обеспечить триумф своей идеологии на руинах цивилизации, ослабленной войной». Формулировка «азиатская держава» представляла собой польское русофобское клише, а идея о том, что главная цель СССР — «идеологическая», была совершенно ошибочной. Без СССР у Польши не было никаких шансов, как и у Великобритании и Франции. И это не «запоздалое осуждение», не критика задним числом, а логический вывод, который многие (в том числе де Голль, Мандель, Титулеску, Черчилль, Ллойд Джордж и др.) сделали для себя еще до чехословацкой катастрофы. Колсон проводил политику, привычную для Франции, которая всегда старалась «опираться на себя и свою колониальную империю» и держаться ближе к Англии. Гамелен почти никак не прокомментировал доклад Колсона и другие замечания его коллег,

разве что отметил, что все это «едва ли новые идеи»[1]. Безусловно, так оно и было. Вероятно, тем самым Гамелен невольно сигнализировал о банкротстве оборонной политики Франции.

Подписание Франко-германской декларации в Париже 6 декабря 1938 г. не повлияло на оценку Генеральным штабом положения в Европе. Если она и изменилась, то стала еще более пессимистичной после распространения доклада некоего высокопоставленного немецкого офицера о последствиях раздела Чехословакии. Его основная идея заключалась в том, что «Франция потеряла свой престиж и больше не сможет найти союзников в решающий момент». В докладе говорилось, что военная мощь СССР — всего лишь «блеф», Польша обречена на уничтожение, а Восточный блок — «химера». После уничтожения Польши настанет черед Румынии и СССР, но первоочередной целью является Польша. Гамелен счел доклад достойным распространения и пришел к выводу, что шансы Польши на выживание в противостоянии Германии будут зависеть от «реальных возможностей СССР, о которых, надо сказать, мы пока плохо информированы». Смогут ли советские власти подавить «восстание», якобы произошедшее на Украине? Какие военные силы может мобилизовать СССР для противостояния Германии? Эти рассуждения о возможностях Советского Союза всего через два месяца после доклада Колсона позволяют предположить, что произошел небольшой шаг к осознанию того, что у Польши нет шансов на выживание без советской поддержки[2]. В следующей записке, адресованной Даладье, высказывалось предположение, что Гитлер сведет счеты с Польшей, а затем примется за Францию. Италию Гитлер хочет удержать на своей стороне и поэтому предложит ей Тунис в качестве компенсации. Эти утверждения основывались на информации, полученной от все того же неназванного немецкого офицера. Учитывая «смятение настроений во Франции», французскому правительству, возможно, придется пожертвовать Тунисом, уступив давлению со стороны Великобритании, ведь немцы наверняка поспешат нанести новый удар, воодушевленные «непрерывной чередой успехов»[3]. Таким образом, среди французского руководства были те, кто считал, что в вопросе франко-германских отношений и «в интересах мира слабая страна должна подчиниться сильной»[4].

---

[1] Gamelin to Daladier. No. 936/DN.3. 26 Oct. 1938, enclosing «Note sur la situation actuelle», très secret, signed Colson, n.d. // SHAT 5N 579.

[2] Gamelin to Daladier. No. 5705. 19 Dec. 1938, and enclosures, SHAT 5N 579.

[3] Information du president. Section 4e, Defense nationale, secret. 22 Dec. 1938 // SHAT 5N 579; Gamelin to Daladier. No. 5808/S. 27 Dec. 1938 // Ibid.

[4] Citing Paul Baudouin, inspecteur des Finances // *Boyer de Sainte-Suzanne R.* Une politique étrangère: Le Quai d'Orsay et Saint-John Perse à l'épreuve d'un regard: journal, novembre 1938 — juin 1940. Paris: V. Hamy, 2000. Entry of 26 Jan. 1939. P. 48.

Великобритания

В Лондоне не было единого мнения относительно будущего, но преобладающая точка зрения была похожа на французскую, хотя и была не столь пессимистична. Определенные слои британского общества успокаивали себя тем, что Ла-Манш, подобно рву вокруг средневекового замка, защитит страну от немецкого вторжения. Эти идеи нашли отражение в подведении итогов, предпринятом Форин-офисом. Некоторые предположения нашли широкую поддержку у большинства, за исключением Лоуренса Кольера, главы Северного департамента, сэра Реджинальда Липера из отдела новостей и сэра Роберта Ванситтарта, имевшего титул, но не обладавшего властью и большим влиянием. Во-первых, было решено, что Мюнхенское соглашение не так уж и плохо, и оно, конечно, не сигнализирует о неизбежности войны. Как и в случае с французскими отчетами, в рассуждениях Форин-офиса по поводу борьбы с нацистской Германией СССР почти не фигурировал. Возможность создания трехстороннего союза против нацистской Германии не рассматривалась. Как выразился Уильям Стрэнг, все еще возглавлявший Центральный департамент, большевистская революция «ослабила Россию». По существу это заявление было ложным. Но и это было не все. Стрэнг заявил, что коллективная безопасность, «или антиагрессия», «широко отвергается как неэффективная, опасная и влекущая за собой осложнение отношений с Россией и неизбежную войну, от которой выиграет только Россия». По тем же причинам следует отвергнуть «антифашизм», как и идею «общего фронта» Франции, Великобритании и СССР «во имя коллективной безопасности». «Нет необходимости высказывать все возражения против этого, — утверждал Стрэнг. — Это приведет к глубокому расколу мнений в Великобритании и Франции, сплотит трехстороннее антикоминтерновское [так в оригинале] объединение и заставит вступить в него некоторые более мелкие державы Центральной и Восточной Европы. Это спровоцирует войну, в которой поражение будет катастрофическим, но не меньшей катастрофой станет и победа».

В отношении Франции Стрэнг был настроен почти столь же пренебрежительно. «Усиление Германии совпало по времени с ослаблением Франции из-за скрытого конфликта в обществе. Поворотным моментом в послевоенной истории Франции стала *ее* [курсив в оригинале. — *М. К.*] неспособность противостоять повторной оккупации Рейнской области. Это показало, что она больше не может надеяться эффективно выполнять свои обязательства против Германии в Центральной Европе, и значение этого получило признание и реакцию со стороны всех других заинтересованных держав, за исключением Чехословакии». Подождите-ка, но ведь это Иден

помешал Англии и Франции дать решительный ответ на вступление немецких войск в Рейнскую область! Пьер-Этьен Фланден, тогдашний министр иностранных дел Франции, возможно, и хотел бы начать действовать во время Рейнского кризиса, но Великобритания готовности выступить не выразила. Что касается Чехословакии, Великобритания считала ее расходным материалом, который не стоит смерти ни одного британского солдата. «Поскольку Франция теперь не имеет влияния в Центральной Европе, — продолжал Стрэнг, — желательно, чтобы ее обязательства там были ликвидированы». Франко-польский союзный договор «вполне может исчезнуть, особенно после недавнего поведения польского правительства». Франция, «вероятно» уклонится от своих обязательств, «испытывая куда меньшие угрызения совести, чем в случае с Чехословакией». Что касается британских интересов, «мы сами, конечно, не хотим подвергаться риску вступления в конфликт с Германией из-за обязательств Франции перед Польшей». Стрэнг занял несколько противоречивую позицию по советско-французскому договору, признав, что «помощь России может быть полезной».

Так что же все это означало с точки зрения влияния на дальнейшие события? Господство Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе, писал Стрэнг, «неизбежно и не может быть нами предотвращено». Нужно сделать из нужды добродетель. Что касается экономических вопросов, «мы должны быть готовы не требовать строгого соблюдения наших прав». По мнению Стрэнга, средствами обеспечения безопасности в Европе были перевооружение; баланс сил в Европе, в котором решающую роль традиционно играла Великобритания; колониальные уступки и поддержание «барьера против Германии на Западе». Все эти меры были нереалистичны и в совокупности представляли собой формулу катастрофы, которая, по сути, и произошла весной 1940 года с Францией и едва не произошла с Великобританией. Безрассудство Чемберлена в отношениях с Германией явно сказывалось на позиции Форин-офиса[1]. От доклада Стрэнга веяло пораженчеством и обреченностью; в нем также явно ощущался привкус советофобии.

Через несколько дней после Стрэнга свой анализ сложившейся ситуации представил Кадоган. В центре его внимания была слабость Великобритании и Франции, которая привела к «опасному отставанию от Германии в военной мощи». В такой ситуации, считал он, «сложно иметь или проводить какую-либо внешнюю политику». Поэтому первоочередной целью британской политики должно быть «достижение более равных условий». Для Кадогана перевооружение было необходимым первым ша-

[1] Strang. Untitled memorandum. 10 Oct. 1938, C14471G/42/18 // TNA FO 371 21659.

гом, но не политикой. На данный момент были нужны тесные отношения с Францией, и прежде всего для того, чтобы лишить Германию доступа к портам Ла-Манша. По мнению Кадогана, такие отношения были не лишены проблем: Франция не должна «диктовать» политику Лондону — действительно, ведь эта страна «до сих пор вела нас по неверному пути, но, возможно, учитывая утрату ею доминирующего военного положения на континенте, можно ожидать, что она будет более сговорчивой». У большинства представителей руководства Франции эти заявления вызвали бы шок. В чем именно заключался «неверный путь»? В сопротивлении нацистской Германии? И с каких это пор Франция «диктует» политику Лондону? Практически все в Европе считали, что это Англия диктует политику. СССР в тексте Кадогана даже не упоминался, если не считать замечания, «что Россия будет продолжать оставаться такой же отстраненной и бесполезной, как сейчас». Почему британцам и французам было так трудно понять политику Советского Союза? Она совершенно определенно не была «отстраненной», хотя и становилась таковой из-за враждебности Англии и Франции. Можно предположить, что слова Кадогана о «бесполезности» СССР относились к его политике в отношении Испании и Чехословакии. Пройдет несколько месяцев, и эти взгляды на советскую политику сами станут бесполезными, если не сказать больше.

Кадоган предполагал, что «никаких сенсационных перемен в Европе не произойдет». Основываясь на этом неопределенном утверждении, он предлагал Британии «не жалеть разумных усилий для возобновления наших прежних дружественных отношений с Италией». Идея заключалась в том, чтобы отвлечь Италию от Германии. Как и Стрэнг, Кадоган не считал «плохим» то, что Германия имеет мощную экономику и доминирующее положение в Центральной и Восточной Европе. «Пусть Германия, если сможет, найдет там свое “жизненное пространство” и утвердится, если сумеет, как мощная экономическая единица». Любое агрессивное «неэкономическое “окружение” Германии будет бесполезным и разрушительным»[1].

Кадоган поинтересовался у Кольера его взглядами на будущее и получил ответ, который ему, должно быть, показался предсказуемым. Он добавил на полях комментарии, свидетельствующие о несогласии, тогда как к комментариям Стрэнга таких заметок на полях у него почти не было. Тем не менее Кольер сделал важные наблюдения. Во-первых, он отметил, что правительству еще предстоит «определиться с характером опасности», грозящей стране. Это был все тот же вопрос, которым задавался Майский: о том, кто является «врагом номер один». Для Кольера таким врагом были

[1] Cadogan. Untitled memorandum. 14 Oct. 1938, C14471G/42/18 // TNA FO 371 21659.

фашистские государства, с которыми были невозможны нормальные межгосударственные отношения. Это были «хищники, которые укрепляли положение с каждой сделанной [им] уступкой». Осенью 1938 года эта позиция не находила особой поддержки среди его коллег из Форин-офиса. В то же время, как известно читателям, она была центральным положением внешней политики СССР. Кольер также указывал на то, что в Восточной Европе не существует коалиции государств, способной восстановить «баланс сил в Европе, сейчас в значительной мере разрушенный в результате Мюнхенского соглашения и его последствий». Концепции «Восточного блока», предложенной Польшей (и генералом Колсоном), пришел конец. Прямо Кольер этого не сказал, но получалось, что разрушение европейского баланса было делом рук Англии и Франции, и в первую очередь Англии. Он также выражал несогласие с британской политикой в Испании; она, казалось, была «специально предназначена для того, чтобы облегчить победу генерала Франко и сохранить над ним контроль Германии и Италии». Кольер также сразу прямо указал на основной аргумент, лежащий в основе британской политики. Он выразил его очень просто: «Среднестатистическому беспристрастному англичанину трудно понять, как какое бы то ни было британское правительство может демонстрировать такое пренебрежение жизненно важными для Великобритании интересами, если только не исходить из допущения, что на него сознательно или неосознанно влияют классовые или партийные соображения или материальные интересы тех, кто обеспечивает ему финансовую поддержку»[1].

По сути, наибольшее значение имело «фамильное столовое серебро», как выразился один политик-консерватор в 1927 году[2]. Такое взгляд на вещи не изменился с течением времени — разве что только стал еще более выраженным. Вот аналитическая записка британского журналиста по этой теме, переданная в Форин-офис в начале 1939 года.

«Почти все состоятельные люди, с которыми мне довелось встретиться [в Париже], радовались Мюнхенскому соглашению. Для них враг — еврей, а “его союзник” — русский... Представители французского светского общества, с которыми я общался, говорили мне, что всем, кто был “против Мюнхена”, платят евреи... Многие люди скорее согласились бы увидеть, как Гитлер приедет во Францию и “восстановит” порядок, чем оставить всё как есть. Все эти светские люди выступали против войны с Германией и за то, чтобы идти на любые уступки, дабы избежать ее... У меня сложилось отчетливое впечатление, что в Европе формируется новый “интер-

[1] Collier. «Sir A. Cadogan», 29 Oct. 1938, C14471G/42/18 // TNA FO 371 21659.

[2] Arthur Steel-Maitland, minister for labour, to Austen Chamberlain, Foreign Secretary. 27 Dec. 1927 // TNA, FO 800/261. Fol. 716.

национал” — интернационал зажиточных, ибо я слышал в Париже точно такие же аргументы, что и в Лондоне: Гитлеру нужно дать то, что он хочет, в интересах мира, “поскольку Гитлер олицетворяет собой порядок”. Разница между Парижем и Лондоном в том, что Париж выражает свое мнение с большей горячностью»[1].

Кольер увидел и «еще одно объяснение» британской политики: «Баланс сил в Европе можно восстановить, отделив синьора Муссолини от герра Гитлера и в конечном итоге сломав ось Берлин — Рим». Ничего шокирующего в этой идее не было. Именно такую политику проводил Литвинов, то же самое делал и Лаваль. Читатели помнят, что Литвинов хотел, чтобы Италия стала членом антинацистской коалиции, а Лаваль — чтобы она заменила в ней СССР. Британская политика была основана на той же идее, что предлагал Лаваль, *mutatis mutandis*. Кольер считал, что такая политика не сработает, потому что итальянский фашизм — оборотная сторона нацизма, или потому, что Муссолини слишком сильно увяз в своих отношениях с Германией, чтобы теперь уйти от них. По сути, всем этим Кольер говорил: сила (нацистская Германия) привлекает союзников; слабость и робость (Англия и Франция) — нет[2].

Для Кадогана Мюнхен был «многообещающей инициативой», которая может стать упущенной возможностью, если не получит развития. Он признавал, что эта инициатива принесла как отрицательные, так и положительные результаты. «Что касается отрицательных сторон, герру Гитлеру, как говорят, удался блеф. Это не совсем так. Если выражаться покерным языком, то высокая ставка на доставшиеся ему четыре туза не является блефом. Что он сделал впервые в больших масштабах, так это прибегнул к силовой политике». Ему достались «сильные карты», и, по словам Кадогана, «мы вынуждены признать, что... таково положение вещей». Более того, Гитлеру удалось «получить все и даже больше, чем он имел право получить, не пролив ни капли немецкой крови», и это «возможно, укрепило его положение в Германии». Плюс в том, что «мы избежали войны в тот момент, когда были к ней меньше всего готовы». Во-вторых, «люди в Германии осознали, что герр Гитлер едва не вверг ее в войну, чтобы получить то, что у них уже и так было; и это, возможно, пошатнуло их веру в его лидерство». Если в Лондоне преобладали подобные рассуждения, то стратегия, которую рассматривала Великобритания, была проигрышной.

На самом деле у «герра Гитлера» не было на руках «четырех тузов». Если бы у «великого альянса» нашлись смелые лидеры, способные играть

---

[1] Lady Violet Milner’s record of conversations in Paris. 2 Jan. 1939, C792/15/18 // TNA FO 371 22961. (Вайлет Милнер была редактором журнала «Нэшнл ревю» в Лондоне.)

[2] Collier. «Sir A. Cadogan». 29 Oct. 1938, C14471G/42/18 // TNA FO 371 21659.

по-крупному, то у него было бы куда больше шансов, учитывая, что в его распоряжении оказалось бы как минимум 35 чехословацких дивизий и сотня дивизий Красной армии. А поскольку Румыния только и ждала хоть какого-то проявления решимости со стороны Парижа и Лондона, а также учитывая ряд других факторов, которые могли пойти на пользу альянсу, гитлеровская Германия вполне могла быть разбита. Однако в том виде, в каком это преподносил Стрэнг, такой исход вовсе не представал как благоприятный. Где же это видано, чтобы переиграть игрока с такими сильными картами! В комментариях Кадогана ощущалось бессилие или пораженчество, происходящее от признания доминирования Германии. Конечно, всегда лучше избегать войны, если это возможно, но только если последствия уклонения от войны не приводят к тем же последствиям, что сама война и поражение в ней. Кадоган даже не упомянул о том, как плачевно все закончилось для Чехословакии; для него она попросту ничего не значила. Более того, об этом вообще никогда не упоминалось ни в его бумагах, ни в документах Стрэнга. Что касается мнения немецкого народа, то это было маловероятное предположение. Кадоган противоречил сам себе, когда писал, что популярность Гитлера, вероятно, выросла благодаря тому, что он сумел одержать победу в Мюнхене без единого выстрела, а затем отмечал, что немцы, должно быть, хорошенько задумались, осознав, что их чуть не привели к войне.

«Мы вернулись в старую беззаконную Европу, — заключал Кадоган, — и нам надо самим заботиться о своих интересах». Впрочем, тут некоторые представители Франции заметили бы, что коварный Альбион всегда только этим и занимался. Кадоган также упоминает о Рейнской области и задается вопросом о том, не стоило ли Великобритании вытеснить немцев из демилитаризованной зоны. Иден был категорически против этой идеи. Урок, извлеченный Кадоганом из опыта последних пяти лет, заключался в том, что «кажется, сделать что угодно будет лучше, чем не делать ничего». Так что же следовало делать? Если 80% «оставшихся претензий» Германии удастся удовлетворить, задавался вопросом Кадоган, будет ли этого достаточно? Будет ли колоний достаточно, чтобы Гитлер насытился? Скользкий вопрос Польши Кадоган поднимать не стал. Он назвал разоружение единственной компенсацией, которую Великобритания могла бы потребовать в переговорах с Германией (как будто Гитлер мог всерьез заинтересоваться таким предложением). Также он упомянул «некоторые предложения по экономическому сотрудничеству».

Главный вопрос состоял в том, с чего начать. Кадоган выдвинул «идею четырех держав», которая для Советского Союза была неприемлема. «Россия» в аналитических записках Кадогана не упоминается ни разу. Возможно, визит в Великобританию генерал-фельдмаршала Геринга мог бы стать

хорошим началом, пишет Кадоган. Вопрос в том, что Великобритания могла бы дать герру Гитлеру и что она могла бы получить от него взамен[1]. Если это действительно все, на что были способны высшие должностные лица Форин-офиса, то можно констатировать, что Великобритания оказалась в не менее сложной ситуации, чем Франция. Если не считать Кольера, Ванситтарта, Липера и еще некоторых избранных, умы чиновников Форин-офиса, похоже, окутал густой туман самодовольной глупости.

Последняя битва Ванситтарта

Ванситтарт не прокомментировал ни один из этих документов — возможно, его об этом и не просили. Тем не менее в декабре он начал вмешиваться в ситуацию, чтобы попытаться совладать с атмосферой самоуспокоенности и обреченности, которая нашла выражение в идеях Кадогана и Стрэнга и которая по-прежнему была доминирующей в британском правительстве. Основная мысль англичан, похоже, заключалась в том, что французы могли бы вести боевые действия на земле без значительного участия Великобритании. Французам эта идея совершенно не нравилась, и они сообщили о своем отношении британскому посольству в Париже. «Старая история», прокомментировал это посол Фиппс. По данным одного из служащих Центрального департамента, во Францию планировалось отправить только 2 дивизии, или 20 тысяч человек. Французская армия сможет удержаться за линией Мажино «без посторонней помощи» — так, по крайней мере, считала Великобритания. Сами французы ожидали, что им будет предоставлено не менее *20 британских дивизий*. В противном случае, по их мнению, они не смогли бы удержать оборону, учитывая, что Франции, возможно, пришлось бы удерживать сразу три фронта: немецкий, итальянский и испанский. В таком случае, решили англичане, французам нужно задуматься о наиболее выгодных условиях мира с Германией. Помощник постоянного заместителя министра Сарджент заявил, что французы прибегают «в некотором смысле к шантажу»[2]. В отношении Форин-офиса к французам было что-то неправильное и неприятное.

Впрочем, не все в Лондоне разделяли это мнение, и меньше всего Ванситтарт. «Я писал об этом еще до того, как увидел это сообщение, — отмечал он. — Совершенно бесполезно и очень опасно продолжать в этом отношении прятать голову в песок».

---

[1] Cadogan. Untitled memorandum. 8 Nov. 1938, C14471G/42/18 // TNA FO 371 21659.

[2] Phipps. No. 1437. 7 Dec. 1938, covering Colonel William Fraser, British military attache in Paris; No. 1179. 5 Dec. 1938; minutes by Frank Roberts. 11 Dec. 1938, and by Sargent, 19 Dec. 1938, C15175G/36/17 // TNA FO 371 21597.

«Нам лучше признать факты, какими бы неприятными они ни были, потому что от этого зависит наше существование. Если мы не собираемся предоставлять Франции более значительную помощь на суше, чем мы предполагаем сейчас, мы потеряем Францию и проиграем следующую войну. Это настолько точно, насколько что-либо вообще может быть точно в этом мире. Я могу только молиться, чтобы Его Величество пересмотрел этот жизненно важный вопрос, взглянув на него в истинном свете, вместо того чтобы упорно рассматривать его в том ошибочном свете, который подходит нам лучше всего — до определенного времени»[1].

«Наша бесконечно маленькая армия»

Ванситтарт решил вмешаться в ситуацию, обрушившись на внешнюю и военную политику Великобритании с беспощадной критикой. Он вернулся к вопросу о доле «налога кровью», которую должна была заплатить Франция за боевые действия на ее территории, и сопоставил количество французских и немецких дивизий. Даладье утверждал, что Франция может собрать 100 дивизий. По мнению Ванситтарта, это был ложный оптимизм. Военное ведомство подсчитало, что Франция сможет мобилизовать 53 дивизии и поддерживать количество дивизий, участвующих в боевых действиях, на уровне 43. Для сравнения: Германия могла бы собрать 150 дивизий сразу, а в скором времени еще 200. И это даже не учитывая, сколько дивизий могла бы мобилизовать Италия. Франции пришлось бы защищать две или даже три границы «с живой силой, численность которой будет уступать противнику намного более, чем в четыре раза». Это была прямая дорога к поражению. Хваленая линия Мажино, утверждал Ванситтарт, «может продержаться несколько месяцев», но не дольше.

Но и на этом Ванситтарт не закончил разносить в пух и прах британскую политику. «Во Франции очень широко распространено чувство недовольства нами, и свои доводы недовольные высказывают очень свободно и широко».

«Они говорят: “Население у нас, французов, меньше, чем у британцев, и тем не менее британцы говорят нам: мы, британцы, будем сражаться на синем, то есть в воздухе и на море, где потери будут исчисляться сотнями или, возможно, даже несколькими тысячами, а вас, французов, мы оставим сражаться на черном, то есть на суше, где потери будут исчисляться сотнями тысяч. Наших человеческих резервов для этого ни в коем случае не хватит, даже если представить, что распределение обязанностей будет справедливым, а это не так, и мы обязательно потерпим

[1] Vansittart’s minute. 21 Dec. 1938, C15175G/36/17 // TNA FO 371 21597.

крах, если не получим существенной поддержки от британцев *на суше* [курсив в оригинале]"».

По сути, французы говорят, продолжал Ванситтарт, что британцы ведут себя, как нахлебники, заботясь исключительно о своих собственных интересах. Вы, дескать, даете нам «пару дивизий», точнее, *две*; вы направляете свой флот в восточную часть Средиземного моря, оставляя нас незащищенными на западе, и наращиваете военно-воздушные силы, предназначенные для обороны, а не для наступления. Все это в совокупности нельзя назвать иначе как нахлебничеством. «Так вот, я считаю и всегда считал, что в доводах французов очень многое справедливо и что на самом деле нет никаких причин ожидать, что дела пойдут так, как нам хотелось бы, то есть что французы смогут бесконечно удерживаться на суше, в то время как мы будем помогать в меру наших ограниченных возможностей в воздухе и на море». Поставьте себя «на чужое место», говорил Ванситтарт: с двумя британскими дивизиями невозможно противостоять гитлеровской Германии.

«Немцы продолжат стремиться к доминированию в Европе, а затем повернут на запад. Теперь все это будет происходить довольно быстро». А когда это произойдет, можно ожидать одного из трех результатов: Франция будет сражаться и будет «разгромлена»; «она продолжит свою катастрофическую политику 1938 года, которая заключалась в том, чтобы блефовать, а потом уносить ноги, когда придет время настоящего испытания»; или Франция заключит соглашение с Германией. По сути, указывал Ванситтарт, Франции будет легче прийти к соглашению с Германией, чем, скажем, Великобритании. Французское правительство уже постепенно начало поворачивать вправо. Англофобов во Франции столько же, сколько франкофобов в Великобритании, если не больше. Третий вариант для французов, возможно, будет не так уж сложно осуществить. Нам следует проявлять бдительность, заключал Ванситтарт, чтобы идея «Майн кампф» не повернулась таким образом, что именно Англия, а не Франция, окажется главным врагом Германии с запада. Единственным фактом, «фундаментальным и непреложным», писал Ванситтарт, является то, что британская политика основана «на предположениях, которые не имеют шансов на реализацию, и, поскольку песок времени утекает очень быстро, я попросил бы, чтобы то, что я написал выше, было еще раз рассмотрено с предельной серьезностью»[1].

Ванситтарт в пух и прах разнес идеи, изложенные Стрэнгом и Кадоганом и поддержанные Чемберленом и большинством британского Кабинета министров. Ему оставалось только добавить, что как французы не

[1] Vansittart. «Secretary of State». 19 Dec. 1938, C358G/282/38 // TNA FO 371 22922.

хотят платить основную долю «налога кровью» за наземную войну, точно так же не желает его платить и советская сторона. Как всегда, все зависело от того, возьмет ли на себя часть бремени Великобритания. Ванситтарт попросил Галифакса отправить его меморандум Чемберлену. Когда меморандум вернулся «без каких-либо пометок», он обратился к Галифаксу, который подтвердил, что действительно подавал его на ознакомление премьер-министру[1]. Если Чемберлен все же прочитал меморандум, то, наверное, сразу отшвырнул его в сторону, подумав: «Опять он за свое!» Ванситтарт был в бешенстве. Его коллеги не понимали, что ситуация не терпит отлагательств. Увидев полный самодовольства отчет Комитета обороны империи, он не поверил своим глазам. Даже Стрэнг счел отчет «весьма прискорбным», а Сарджент с ним согласился. Даже Сарджент! Что же касается Ванситтарта, британской «вещей Кассандры», он сказал следующее: «В этом бесполезном документе нет ни капли реализма... Здесь нет ничего, что позволило бы нам противостоять войне, которая может вскоре на нас обрушиться. Когда это произойдет?... Если мы не собираемся оказывать Франции больше помощи *на суше* [курсив в оригинале], чем предполагается в настоящее время, Франция неизбежно либо будет разбита, либо покинет нас».

Галифакс по этому поводу записал: «Я полностью отдаю себе отчет в том, какую реакцию вызывает французская политика»[2]. Сложно поспорить с тем, что Франция видела ситуацию вполне четко. Стрэнг выразил это следующим образом: «По мнению французов, именно Великобритания является единственным источником, из которого можно получить замену 34 чешским дивизиям, потерянным в Центральной Европе»[3]. По сути, он говорил: «Это вы, англичане, вы пожертвовали этими 34 дивизиями; теперь собирайте их сами». Интересно, что сотню дивизий Красной армии Стрэнг даже не упомянул.

Выступать в роли вещей Кассандры нелегко, но Ванситтарт был не намерен сдаваться. Великобритании грозила не меньшая опасность, чем Франции, ее положение лишь немного облегчалось наличием Ла-Манша. Тем не менее британский Кабинет министров эту опасность, кажется, не замечал — по крайней мере, так считал Ванситтарт. Именно поэтому в конце января 1939 года он вновь перешел в наступление, выразив недовольство тем, что по его предыдущему документу не было предпринято никаких действий. Чтобы подвести к главной для него теме, он использо-

---

[1] Vansittart to Halifax. 28 Dec. 1938; Halifax's minute. 31 Dec. 1938 // C358G/282/38, TNA FO 371 22922.

[2] Minutes by Strang and Sargent. 19 Dec. 1938; Vansittart. 29 Dec. 1938; Halifax. 31 Dec. 1938, C15175G/36/17 // TNA FO 371 21597.

[3] Strang's minute. 5 Jan. 1939, C16018/36/17 // TNA FO 371 21597.

вал встречу с Корбеном. «Французский посол упомянул в разговоре со мной, что если бы Англия подверглась нападению в одиночку, во Франции наверняка существовало бы такое мнение, что следует отказаться прийти к нам на помощь из-за абсолютного отсутствия военной поддержки с нашей стороны». Корбен выразил мнение, что это «возмущение» было бы в итоге преодолено, но, тем не менее, подчеркнул, что Англия, по мнению французов, уклоняется от боевых действий. Ванситтарт ясно дал понять, что две британские дивизии «без современной артиллерии» нельзя считать реальной помощью и что Франция неизбежно столкнется с тремя вариантами, изложенными в его предыдущем меморандуме. Именно поэтому он просил, чтобы его документ был «рассмотрен с серьезностью» Кабинетом министров. На этот раз Ванситтарт получил от Галифакса более развернутый ответ по поводу двух пресловутых дивизий. В ретроспективе эта ситуация кажется просто вопиющей: как британское правительство могло допустить, чтобы его готовность поддерживать Францию ограничивалась двумя плохо оснащенными пехотными дивизиями? «Трудность состоит в том, чтобы понять, что мы в данный момент можем с этим сделать, — заявлял Галифакс. — У нас нет... и в течение некоторого времени скорее всего не будет достаточного снаряжения для более чем двух регулярных дивизий, и я полагаю, что французы хотят знать: 1) что мы отправим... 2) когда мы это отправим». По словам Галифакса, он был готов снова поднять этот вопрос в Кабинете министров, но медлил, поскольку не мог внести никакого «конструктивного предложения» и не представлял, каким оно может быть[1].

Я вполне понимаю, в чем сложность, недвусмысленно ответил Ванситтарт. «Конструктивное предложение, которое я имею в виду, попросту говоря, заключается в следующем: необходимо сразу дать понять Кабинету министров, что англо-французские отношения окажутся в серьезной опасности и что возможности французского сопротивления очень быстро будут исчерпаны, если мы значительно не увеличим свой военный вклад». Это, указывал Ванситтарт, подразумевает увеличение промышленных мощностей таким образом, чтобы производить оружие в «гораздо больших масштабах, чем сейчас». Франции нужно больше, чем «наша бесконечно маленькая армия»; ей требуется по крайней мере 20 дивизий, и чтобы приступить к реализации этой цели, необходимо получить одобрение Кабинета министров в начале февраля, то есть примерно через две недели. «Я не сомневаюсь, что это предложение встретит все обычные формальные возражения, но если речь идет о спасении собственной шкуры, то было бы

[1] Vansittart. «Secretary of State». 21 Jan. 1939; Halifax's minute. 23 Jan. 1939, C940G/281/17 // TNA FO 371 22922.

желание, а возможность всегда найдется». Таким образом, дело не терпело дальнейших отлагательств. Чтобы подчеркнуть важность поддержки Франции в стратегических интересах самой Великобритании, Ванситтарт добавил также приписку касательно язвительного замечания Кадогана по поводу предоставления сначала двух регулярных дивизий, а затем дополнительных сил. «Разве мы не можем запланировать такое наращивание объемов производства техники, чтобы мы могли сказать французам, что мы это делаем?» — вопрошал Кадоган. Ему следовало бы сказать, отметил Ванситтарт, «чтобы мы могли сказать французам, что мы *хоть что-то* делаем [курсив в оригинале]»[1].

2 февраля состоялось заседание правительства, но дело так и не сдвинулось с мертвой точки. «Я прочитал эти протоколы Кабинета министров с интересом и значительным разочарованием», — писал Ванситтарт Галифаксу. Члены Кабинета министров так и не осознали причину недовольства французов. Нелегко «проникнуть в сознание другого народа и почувствовать себя в его шкуре», но это нужно было сделать, причем как можно скорее. Ванситтарт даже вступил в спор с премьер-министром, которому не нравилась идея обсуждения на уровне штабов вопроса о том, «вносит ли каждая страна свой справедливый вклад». Это был как раз тот вопрос, который нужно было решить. «Основная мысль французов, — указывал Ванситтарт, — в том, что мы этого не делаем и не сможем сделать. Любой, кто способен понять точку зрения другого человека, не будет этого отрицать». Французы не смогут вести оборону на два или три фронта без существенного подкрепления, а это означает как минимум 15 британских дивизий. И при всем этом Кабинет был «возмущен перспективой предоставления даже 8 дивизий».

«По правде говоря, французы не смогут удержать свои позиции, имея с нашей стороны всего лишь 8 дивизий; но оставим это на данный момент, и пусть их будет хотя бы восемь или “на одну больше этих восьми”». Если, предупреждал Ванситтарт, Кабинет министров не согласится на это «немедленно, нас ждут большие неприятности». Как вскоре увидят читатели, Ванситтарт проявил здесь впечатляющую прозорливость. Для Лондона Кабинет министров был намерен раздобыть 3800 зенитных орудий, а для Франции — ничего, достойного называться армией. Французов такое едва ли могло успокоить. Французы назвали это «чрезмерной заботой о внутренних интересах», но это была слишком вежливая формулировка. На самом деле это было стремление увильнуть от боевых действий или оставить грязную работу своему союзнику. Ванситтарт настоятельно просил

[1] Vansittart. «Secretary of State, Sir A. Cadogan». 24 Jan. 1939; Cadogan's minute. 24 Jan. 1939, C940G/281/17 // TNA FO 371 22922.

Галифакса: «Я искренне прошу вас использовать все свое влияние, чтобы донести эти соображения до Кабинета министров и заставить его признать неизбежное. На данный момент есть убедительные признаки того, что большинство из них все еще живет в совершенно нереальном мире. Французы требуют объявить мобилизацию. Вы бы заставили их отказаться от этого требования, если бы предоставили им 15 дивизий. Весьма сомнительно, что вы заставите их отказаться от этого требования, предоставив им 8, и совершенно *очевидно* [курсив в оригинале. — *М. К.*], что вы не заставите их отказаться от него, возмущаясь по поводу 8».

«Этот вопрос снова будет подниматься, — записал Галифакс, — и я буду продолжать на этом настаивать»[1].

«Жизнь в совершенно нереальном мире»

Ванситтарт был абсолютно прав, когда говорил, что члены Кабинета министров «живут в совершенно нереальном мире»; в их число включался и сам Чемберлен, хотя его имя прямо не упоминалось. Читая письма Чемберлена к сестрам, можно заметить, что он ни в малейшей степени не разделял точку зрения Ванситтарта. Мюнхенское соглашение, по его мнению, позволило сохранить мир, а не сигнализировало о неизбежности войны. Любую политику перевооружения должна сопровождать политика умиротворения. По мнению Чемберлена, произнесенные Даффом Купером в Париже слова о том, что «Мюнхен стал поражением», были просто «за гранью». В конце концов, сказал Чемберлен, ведь «Гитлеру я понравился». Однако почти все остальные в Европе от Москвы до Бухареста и даже Парижа, за исключением пораженцев любой части политического спектра, считали это *катастрофическим* «поражением». Даже в феврале 1939 года, когда Ванситтарт отчаянно пытался добиться от Кабинета министров активных действий, Чемберлен писал своей сестре Хильде: «Мы одолеваем диктаторов». Гитлер незадолго до этого произнес речь, которая в его устах звучала даже примирительно. Ванситтарт, насмешливо отмечает Чемберлен, сказал бы по поводу этой речи: «А, это именно то, чего я ожидал. Он успокаивает вас мягкими словами, а сам готовится к следующей весне». По мнению самого премьер-министра, недавние события «склонили чашу весов в сторону мира». В то время как Ванситтарт в Форин-офисе бил во все колокола, Чемберлен рассуждал о «стратегической мощи» Великобритании. Более того, премьер-министр утверждал, что имеющаяся у него информация совершенно отлична от той, которую предоставляет Ванситтарт.

---

[1] Vansittart. «Secretary of State». 7 Feb. 1939; Halifax's minute. 7 Feb. 1939, C1978G/281/17 // TNA FO 371 22922.

«По моим сведениям, Гитлер и Риббентроп пока не вынашивают замыслов против нас, а ищут какие-то способы приблизиться к нам, не рискуя при этом быть с пренебрежением отвергнутыми... Итак, как видишь, я по-прежнему смотрю на ситуацию больше оптимистично». В письмах Чемберлена Хильде такие банальные фразы о Гитлере и мире встречаются сплошь и рядом[1]. Как премьер-министр мог быть таким наивным и так заблуждаться, «жить в совершенно нереальном мире», как сказал Ванситтарт?

Если бы Ванситтарт увидел эти письма, он бы лишь развел руками. Как бы то ни было, ознакомившись с одним из отчетов начальника Штабного подкомитета, он направил Галифаксу еще одну записку, в которой писал, что дела продвигаются слишком медленно. «Кажется очевидным, что все рассматриваемые здесь механизмы будут предполагать максимальную задержку и накопление документации». Нам больше не нужно письменных «европейских оценок»; нам нужны действия и «определенные результаты уже через месяц, потому что через месяц мы окажемся в зоне риска». Ванситтарт написал эти строки 10 февраля; как увидят читатели, в своем предсказании, сделанном за месяц до катастрофы, он ошибся всего на четыре дня. Его сообщение побудило Галифакса обсудить ситуацию с адмиралом Эрнлом Четфилдом 1-м бароном Четфилдом Дитчлингским, министром по координации мероприятий по обороне, который сразу все понял[2].

Москва идет на сближение с Польшей?

В Лондоне Ванситтарт был одинок в своем мнении, но в Москве у него было много единомышленников. После Мюнхенской конференции уровень доверия СССР к Великобритании и Франции упал до нуля. В одном из докладов НКИД Великобритания обвинялась в проведении «политики попустительства» и «непрерывного вымогательства» против Чехословакии, а также в заключении соглашений с агрессором «за счет малых стран и СССР». С этой целью Великобритании «удалось добиться полнейшего подчинения себе французской внешней политики». По мнению Чемберлена, Чехословакия являлась «искусственным государством», которое не должно было стать препятствием для соглашения с Германией. Британский премьер-министр «ненавидит СССР и его социалистический строй», говорилось в докладе, и «стремится парализовать активное участие СССР

---

[1] См.: Chamberlain's letters (Oct. 1938 — March 1939) // The Neville Chamberlain Diary Letters / ed. R. Self, 4 vols. London: Routledge, 2000–2005. Vol. IV, passim.

[2] Cabinet, «Staff Conversation with France and Belgium», C. P. 40 (39). 6 Feb. 1939; Vansittart. «Secretary of State». 10 Feb. 1939; minutes by Halifax. 10 Feb.; by Oliver Harvey, Halifax's Principal Private Secretary. 16 Feb. 1939, C1545G/281/17 // TNA FO 371 22922.

в вопросах организации коллективной безопасности». В другом отчете НКИД отмечалось, что Франция «предала союзную страну», отказавшись выполнить свои договорные обязательства перед Чехословакией. Поскольку влияние Франции в Центральной и Юго-Восточной Европе ослабло, ее правительство попыталось компенсировать это укреплением отношений с Великобританией. Во время сентябрьского кризиса политика Франции сводилась к одобрению британских планов по расчленению Чехословакии и к запугиванию французской общественности, имевшему целью заставить ее поверить в то, что «сговор с агрессором» является «спасением мира». Правые круги игнорировали — «скрывали», как говорится в докладе, — советские предложения по поддержке Чехословакии, поскольку опасались, что в случае войны победа над фашизмом в союзе с СССР может развязать «социальные революции в капиталистической Европе... подрыв позиций капитализма и в самой Франции»[1].

Обвинения НКИД против Британии и Франции были самыми разнообразными — и они были близки к истине, — но Литвинов не нуждался в подсказках своих коллег. Он сообщил Сурицу, что Политбюро еще не провело «предметом серьёзного обсуждения» по поводу Мюнхенского кризиса, но денонсировать франко-советский договор пока не намерено[2]. В начале ноября Литвинов считал, что ситуация в Европе стала ужасной. «Не подлежит сомнению, что старик Чемберлен дойдет до конца по намеченному им, или вернее Гитлером, пути, а Франция волей-неволей будет волочиться за ним»[3].

Следующей проблемой была Польша. Согласно одному из отчетов НКИД, во время Чехословацкого кризиса Польша проводила «политику тесного сотрудничество с фашистской Германией» и присоединилась к разделу Чехословакии[4]. Вскоре после окончания Мюнхенского кризиса посол Польши явился на встречу к Потёмкину и предложил наладить польско-советские отношения. Не обязательно быть специалистом по международным отношениям, чтобы понять почему. «Разговор, — отмечал

---

[1] Обзор основных событий во внутренней и внешней политике Англии за июнь — сентябрь 1938 г. — в НКИД (без подписи) — в НКИД. 20 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 21. Д. 227. Л. 78–53; Обзор основных событий во внутренней и внешней политике Франции за июнь — сентябрь 1938 г. (без подписи) — в НКИД. 20 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 21. Д. 227. Л. 17–1.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 17 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 70–71.

[3] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 4 ноября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158, Л. 75–77.

[4] Ежеквартальный обзор по Польше, июль — сентябрь 1938 г. (без подписи, без даты) — в НКИД // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 21., Д. 227. Л. 104–190.

Потёмкин, — не лишенный симптоматического значения». Гржибовский начал с того, что ситуация в Европе резко изменилась. «Франция резко отступила от своей прежней линии во внешней политике. Она оставила Чехословакию, отвернулась от Малой Антанты, фактически прекратила свое сотрудничество с Польшей, проявила пренебрежение к франко-советскому пакту». Польша не обижена и не напугана, и Советский Союз тоже не должен беспокоиться по поводу «Французской измены». Напоминаю, что посол разговаривал с Потёмкиным, который всего несколько месяцев назад предрекал четвертый раздел Польши. Понимал это и Гржибовский. «В Восточной и Юго-Восточной Европе осталось некоторое “наследие Франции”, как выразилась газета “Журналь де Моску”. Оно пока беспризорно, но может быть и прибрано к рукам». Резкие перемены в европейской ситуации поставили перед Польшей и СССР вопрос, не стоит ли им задуматься об улучшении отношений? По словам Гржибовского, Польша была расположена говорить о сближении. Но заинтересован ли в обсуждении этого Советский Союз? Учитывая непрочность советско-польских отношений, это был резонный вопрос.

«Я осведомился у посла. — писал Потёмкин в своем дневнике, — серьезно ли он убежден, что со стороны Польши имеется желание укрепить и улучшить отношения с СССР». Посол ответил утвердительно, заявив, что знает нравы «правящей клики», поскольку сам к ней относится. Потёмкин отреагировал скептически, напомнив Гржибовскому «двадцатилетнюю историю советско-польских отношений», которая включала в себя, в частности, Советско-польскую войну 1919–1920 годов, сложности переговоров по Договору о ненападении 1932 года, сближение Польши с гитлеровской Германией в 1934 году, противодействие «Восточному пакту» и враждебность по отношению к Чехословакии. «Все эти акты, — сказал Потёмкин, — приводят к заключению, что Польша связала свою судьбу с агрессивными державами, угрожающими общему миру, и что она активно поддерживает их политику, направленную против СССР».

Что ж, все эти факты, ответил посол, «допускают различную интерпретацию». Сближение с Германией было прямым результатом «Пакта четырёх» 1933 года (между Великобританией, Францией, Италией и Германией) и «шаткость» французской защиты польских интересов. Это, конечно, было вполне объяснимо, ведь Польша была не единственной, кто сомневался в обязательствах Франции перед своими союзниками, и совершенно правильно. Гржибовский, проигнорировав большую часть обвинений Потёмкина, сделал вывод, что главная линия польской политики заключается в том, чтобы «ничего с Германией против СССР и ничего с СССР против Германии». Это было правдой лишь в теории; на практике Польша более строго придерживалась второй части формулы, чем первой. Посол

настаивал на том, что «никаких препятствий, мешающих установлению дружественного сотрудничества с СССР» нет.

«К сожалению, — заметил Потёмкин, — в руководящих кругах советской общественности существует глубокое предубеждение против "панской Польши", в каждом шаге которой усматриваются козни, направленные против СССР». Тем не менее, сказал Потёмкин, СССР всегда был открыт для улучшения отношений с Польшей и с самого начала заявлял, что не будет посягать на независимость или территориальную целостность Польши. В нынешних условиях СССР не отказался бы от сотрудничества с любой страной, искренне желающей этого. «Я хотел бы убедиться, — добавил Потёмкин, — что такое желание [улучшение отношений] действительно имеется со стороны Польши». Есть ли у посла какие-либо «конкретные» предложения?

Гржибовский предложил начать с экономических отношений. Для этого необходимо было успокоить прессу, в которой с обеих сторон публиковались довольно резкие высказывания. Эти шаги могли бы подготовить почву для прогресса в других областях. В конце своего рассказа об этой встрече Потёмкин добавляет, что, по его мнению, посол действовал не по инструкции властей. «Думаю, что Гржибовский производил некоторый зондаж, предчувствуя, что в недалеком будущем Польше придется уже на самой себе ощутить давление дальнейшей германской экспансии». Возможно, самые «трезвые» польские политики стали задумываться о том, к кому они могут обратиться за поддержкой в случае немецкой агрессии. «Возможно, впрочем, что, затевая свой разговор, Гржибовский пытался спровоцировать меня на заявления, которые можно было бы использовать как доказательства нашей непримиримой враждебности к Германии и нашего окончательного отказа от сотрудничества с Францией»[1].

Эта запись в дневнике Потёмкина привлекла внимание Литвинова, и он вызвал Гржибовского для продолжения разговора, чтобы определить, действует ли он по инструкциям из Варшавы. Гржибовский отвечал уклончиво, но дал понять, что Бек в курсе его заявления Потёмкину. Литвинов попытался выяснить, что именно Гржибовский предлагает сделать для улучшения отношений, но ответ снова был уклончивым. Посол обещал уточнить, что имеет в виду, как только советское правительство выразит свою заинтересованность в продолжении дискуссии. Литвинов ответил, что подумает над предложением посла и проконсультируется с правительством[2].

---

[1] Запись беседы с польским послом В. Гржибовским. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 20 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 207. Л. 79–77. Опубл.: СПО. Т. III. С. 578–579.

[2] Запись беседы М. М. Литвинова с В. Гржибовским. 22 октября 1938 г. //ДВП. Т. XXI. С. 601–602.

Литвинов информирует Сталина

«Не приходится больше сомневаться в том, — сообщил Литвинов в своем донесении, — что Гржибовский в данном случае действует по прямому поручению Бека».

«Необходимо вспомнить, что аналогичные заявления делались нам поляками в 1934 году в порядке обсуждения совместной декларации о гарантиях для Прибалтики, когда Бек в то же время вел переговоры с Гитлером, приведшие к германо-польскому соглашению. Возможно, что и в данном случае Бек затевает или ведет переговоры с Германией о новой сделке и в качестве перестраховки закидывает удочку и в нас. Допускаю также, что "конкретизация" Гржибовского сведётся к повторению предложений, сделанных им уже т. Потемкину, о заключении торгового договора и об обуздании прессы. Во всяком случае, нам пока остается лишь заявить послу о нашем согласии на ведение переговоров на основе его заявления и выслушать его дальнейшие предложения»[1].

Три дня спустя у Литвинова состоялся с Гржибовским еще один разговор, в ходе которого они перешли к обсуждению конкретики. Речь шла об урегулировании некоторых мелких пограничных вопросов, успокоении язвительно настроенной с обеих сторон прессы и расширении торговли. По словам посла, это были краеугольные камни, на которых можно строить дальнейшие отношения.

«Это все?» — спросил Литвинов.

«В данный момент все», — ответил Гржибовский.

«Заметив недоумение на моем лице, посол спохватился и сказал, что он, конечно, понимает необходимость надстройки в виде какого-либо общего политического соглашения, консультации и т. п., "ведь мы являемся сохозяевами в известном районе"». Гржибовский не попытался объяснить, что он имел в виду. Литвинов ясно дал понять, чего он хочет: более существенного соглашения, чем просто совместное решение утихомирить полемику в прессе или решить мелкие проблемы. Правда, из попыток решить, кто должен проявить инициативу, выходило нечто вроде диалога людей, столкнувшихся в дверях и с напускной вежливостью уступающих друг другу дорогу. После дальнейшего обсуждения истории советско-польских отношений, о которой Гржибовский, похоже, был не очень хорошо осведомлен, посол согласился попросить Бека дать дальнейшие указания. Литвинов записал в своем дневнике:

«У меня создалось впечатление, что Польша не намерена в ближайшее время предлагать нам что-либо конкретное в смысле действительного

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 22 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 138. Д. 2. Л. 160.

улучшения отношений. Учитывая неопределенность новой международной обстановки и польско-германских отношений, которые Гржибовский сам характеризовал как передышку, Бек хотел бы, на всякий случай, лишь закинуть удочку, чтобы, в случае надобности, поудить и у нас». Оставалось дождаться дальнейших указаний от посла[1].

Литвинов снова писал Сталину: «Я сказал послу, что нельзя закладывать фундамент, не имея плана всего дома, что мы хотели бы знать. под что именно закладывается фундамент. Кроме того, я не согласен с послом в том, что должно считаться фундаментом и что надстройкой. Посол признавал, что надо говорить и о других вопросах, но явно хотел, чтобы я взял на себя инициативу и выдвинул какие-либо предложения». Нарком так и сделал, указав «на желательность обеспечения мира и совместного обсуждения средств, ведущих к этому». Литвинов попросил Гржибовского пояснить, что тот имел в виду. Посол ответил, что запросит дополнительные инструкции[2].

Было ли возможно, что эти встречи ознаменуют начало ощутимых перемен в советско-польских отношениях? Через несколько дней Гржибовский вернулся к Литвинову с ответом из Варшавы. Польское правительство, сказал посол, рассматривает «нормализацию отношений» как часть усилий по поддержанию мира «в нашем районе». Взаимное уважение не только буквы, но и духа советско-польского договора о ненападении является лучшей гарантией достижения этой цели. Кроме того, обеим странам следует избегать любых действий, которые могут навредить двусторонним отношениям. Необходимо своевременно решать возникающие вопросы и углублять экономические отношения. Эти идеи остались в основном в рамках существующего договора о ненападении и фундаментальных предложений, которые изначально предлагал Гржибовский. Литвинов не хотел умалить важность предложений польской стороны, но все же спросил, что в них нового. Советское правительство не отрицало важности Договора о ненападении, однако Литвинов не видел ничего нового, что он мог бы представить своему правительству. Конечно, под правительством он имел в виду Сталина. Дальше разговор шел в том же духе. Гржибовский не остался в долгу: он напомнил о советском демарше 23 сентября в отношении польского вторжения в Чехословакию, когда московские дипломаты сочли Договор о ненападении «мертвой буквой». Литвинов ответил, что заявление было сделано при особых обстоятельствах, в контексте воз-

---

[1] Запись беседы с В. Гржибовским. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 25 октября 1938 г. // СПО. Т. III. С. 581–583. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову и др.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 25 октября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 138. Д. 2. Л. 178. Копия отправлена В. М. Молотову.

можности начала военных действий Польши против Чехословакии. Действительно, признал нарком, после Мюнхенского соглашения дипломатический корпус начал относиться к любым международным соглашениям как к клочкам бумаги, «но это не наша точка зрения». Со стороны Литвинова это был примирительный жест. «Дипломатия не имеет иных средств для урегулирования международных отношений, чем договора и соглашения». Этот ответ подразумевал возвращение к вопросу о том, как можно улучшить неудовлетворительное состояние советско-польских отношений и какими средствами это можно сделать. Предложений Варшавы Литвинову было недостаточно. Он сказал, что подумает над идеями посла и передаст их правительству. Наконец, он спросил, правдивы ли появившиеся в прессе слухи о предстоящем визите Бека в Берлин и продлении срока действия немецко-польского договора о ненападении. Гржибовский ответил, что у него нет информации о поездке Бека в Берлин, но слухи касательно договора он слышал и думает, что их не следует игнорировать[1].

Литвинов направил копию этой записи разговора Сталину, а также написал ему письмо. Польское правительство, сообщал он, возможно, опубликует в печати официальное сообщение о встрече с Гржибовским. Мотивы Польши, казалось, были очевидны.

«Добившись некоторых политических успехов (расширение территории за счет Чехословакии) и желая играть большую роль в европейской политике, Польша хотела бы опираться хотя бы на видимость удовлетворительных отношений с СССР. Проявляющийся время от времени польско-советский антагонизм ослабляет позиции Польши. Ей предстоят сложные переговоры с Германией по поводу Данцига, Силезии и Польского коридора, а возможно и о судьбе Литвы и Прибалтики, что также делает для Польши выгодным улучшение, хотя бы на время, отношений с нами. В то же время она не посмеет раздражать Гитлера каким-нибудь серьезным новым политическим соглашением с нами. Далее, опасаясь ухода от нее к Германии среднеевропейских и балканских рынков, Польша стремится компенсировать себя расширением хозяйственных отношений с СССР. Наконец, установленный нами в отношении Польши особый режим бдительности затрудняет, вероятно, разведывательную работу польского Генерального штаба».

Демарш Гржибовского Литвинов оценивал с осторожным оптимизмом. Он написал: «Инициатива теперь за нами. Мы можем пройти мимо польских предложений, заявив, что не находим в них ничего нового и конкретного, но что готовы изучить торговые возможности. Можно так-

---

[1] Запись беседы с В. Гржибовским. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 31 октября 1938 г. // СПО. Т. III. С. 584–586. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову и др.

же уклониться от принятия польских переложений, выступив с далеко идущим контрпредложением. Мы, мол, считаем достаточным пакт о ненападении для наших взаимоотношений, но мы хотели бы сотрудничать с Польшей в деле обеспечения мира на всем Востоке Европы, а поэтому вновь предлагаем ей совместную акцию в этом направлении. В этом случае не надо ограничиваться лишь совместной декларацией, а предложить пакт о совместной защите неприкосновенности Прибалтики, а может быть даже и Румынии. Такое предложение несомненно будет отклонено Польшей, но мы вряд ли от того что-либо потеряем. Наоборот, в агитационном отношении у нас был бы в руках новый козырь. Наконец, можно выбрать средний путь, предложив совместное сообщение в печати подтверждающее верность обоих правительств пакту о ненападении стремление к сохранению мира между обеими странами, а также о консультации по вопросам, касающимся Восточной Европы. В нынешней международной обстановке появление такого коммюнике было бы небезвыгодным для нас»[1].

В конце концов две страны согласились подготовить совместное коммюнике, в котором должно было говориться об улучшении отношений, но даже этот скромный шаг натолкнулся на препятствия. В середине ноября Гржибовский снова посетил Литвинова, чтобы обсудить различные пункты проекта текста. Он предложил ряд поправок, о которых Литвинов затем доложил Сталину. «Польский проект довольно бесцветен и составлен так, чтобы не слишком раздражать Гитлера и в то же время намекнуть ему на возможность польско-советского сближения, если Германия не поспешит договориться с Польшей». Это звучало как повторение того, что произошло в 1933 году в преддверии заключения польско-германского договора о ненападении. Но Литвинов не унывал. Он считал, что даже скромный прогресс в советско-польских отношениях будет стоить затраченных усилий[2].

Затянувшиеся дискуссии не привели к заметному улучшению отношений, хотя совместное коммюнике все же было выпущено в конце ноября. Форин-офис заметил и попытку уладить ситуацию, и недавнее коммюнике. Кольер отметил, что это вряд ли «спасет поляков от последствий их собственных прошлых глупостей»[3]. Высшее руководство Форин-офис

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 1 ноября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 138. Д. 2. Л. 187–188. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову и др.

[2] О встрече с польским послом В. Гржибовским. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 14 ноября 1938 г. // СПО. Т. III. С. 588–589; М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 21 ноября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 138. Д. 2. Л. 213–214. Копии отправлены В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу, К. Е. Ворошилову и др.

[3] Collier's minute. 28 Nov. 1938, N5802/209/38 // TNA FO 371 22294.

не обратил на это особого внимания. Военный атташе в Москве Палас также заметил очевидное улучшение советско-польских отношений и несколько более позитивно оценил их перспективы[1]. В отличие от военного руководства в Париже Палас понимал, что разрядка напряженности в отношениях с Москвой — единственный путь борьбы с нацистской Германией.

Для продолжения переговоров по экономическим вопросам с Варшавой Литвинову было нужно одобрение Сталина[2]. Литвинов, очевидно, не питал особых надежд на значительный прогресс, однако передал дело обратно Потёмкину, где оно оставалось довольно долго — не по вине замнаркома, а потому, что поляки не желали выходить за рамки решения текущих спорных вопросов и успокоения прессы[3]. «Мы не предавались никаким иллюзиям насчет прочности сближения с Польшей», — писал Литвинов. Возможно, это был всего лишь дипломатический маневр, который можно было бы использовать в переговорах с Гитлером. Кроме того, Бек знал, что внутри страны «против него козни» из-за его рискованной внешней политики, «поставившей Польшу лицом к лицу с наиболее реальной опасностью», и поэтому он «решил сделать маленькое исправление своей линии в нашу сторону». Тем не менее терять было нечего, так что можно было и подыграть, даже если «разряжение отношений» окажется недолгим[4]. Польша, по мнению Литвинова, находилась в трудном положении: «Бек, поскольку это от него будет зависеть, будет стараться по-прежнему сохранить свободу действий, лавируя между нами и Германией, не связывая себя слишком прочно ни с той, ни с другой стороны. Но позволит ли ему это Гитлер? Не поставит ли он Польшу перед дилеммой — либо полностью подчинить указке Берлина и включиться в ее политику, либо же подвергаться гневу Гитлера и вытекающим из этого последствиям»[5]. Нужно заметить, что здесь Литвинов дает Беку точную и при этом достаточно высокую оценку. Нарком не всегда был столь великодушен в своих суждениях, полагая, что в поведении Польши

---

[1] Palasse. No. 530/S. 11 Jan. 1939 // SHAT GR7 NN 2-542.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 29 ноября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 138. Д. 2. Л. 232–233. Копии отправлены В. М. Молотову, А. И. Микояну.

[3] Запись беседы с В. Гржибовским. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 23 ноября 1938 г. // СПО. Т. III. С. 590–591; О встрече с польским послом В. Гржибовским. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 2 декабря 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 207. Л. 141–138.

[4] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 4 декабря 1938 г. // АВПРФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 81–84; М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 10 декабря 1938 г. // Там же. Л. 85–87.

[5] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 11 января 1939 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 912. Л. 47–51.

имелся «с заметным креном в сторону» Германии[1]. Тем не менее польско-советские отношения продолжили ухудшаться вплоть до марта 1939 года.

Отношения СССР с Францией и Великобританией

Гржибовский был не единственным, кто надеялся хоть на какое-нибудь улучшение отношений с Москвой; того же самого хотели и Палас, и Пайяр. Был ли какой-нибудь выход из того, казалось бы, безнадежного тупика, в который зашли советско-французские отношения? В ноябре Пайяр позвонил Литвинову, чтобы выяснить это. У поверенного в делах «У него есть вопросы, — записал Литвинов в своем дневнике, — как я смотрю на нынешнее международное положение и дальнейшее его развитие». Этот вопрос, ответил ему Литвинов, лучше задать Франции и Великобритании. Пайяр настаивал на своем. «Я считаю себя сторонником коллективной безопасности, — сказал он. — И я хотел бы знать, [считаете ли вы] и теперь возможной политику коллективной безопасности?»

«На это я сказал следующее, — записал Литвинов в своем дневнике. — Мы считаем Мюнхенское соглашение международным несчастьем».

«Англии и Франции сейчас вряд ли удастся отступить от намеченной ими политики, которая сводится к одностороннему удовлетворению требований всех трех агрессоров Германии, Италии и Японии. Они будут предъявлять свои требования по очереди, и Англия и Франция будут им делать одну уступку за другой. Я полагаю, однако, что они дойдут до такой точки, когда народы Англии и Франции должны будут их остановить. Тогда, вероятно, придется вернуться на старый путь коллективной безопасности, ибо других путей для организации мира нет. Англия и Франция выйдут, конечно, сильно ослабленными из этой полосы, но все же и тогда еще потенциальные силы мира будут превышать потенциальные силы агрессии»[2].

Таким образом, даже если Литвинов и презирал Чемберлена и французов, от коллективной безопасности он не отказался. Он, должно быть, считал, что сохранил доверие Сталина, если спокойно разговаривал вот так с Пайяром, а затем записывал этот разговор в официальный протокол. Вопрос был в том, сможет ли он и дальше сохранить за собой поддержку Сталина? В декабре Пайяр еще раз встретился с Потёмкиным, и эта встреча прошла неудачно. Пайяр пожаловался на критическую статью в «Прав-

---

[1] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 19 января 1939 г. // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 3. Л. 9–12.

[2] О встрече с Ж. Пайяром. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 20 ноября 1938 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 172. Д. 863. Л. 5–7.

де», заявив, что она направлена против политики Франции. Взгляды СССР на французскую политику, кратко ответил Потёмкин, всем известны. «Представляется непонятным, — продолжил он, — как можно ожидать, чтобы общественное мнение и пресса Советского Союза выражали свое сочувствие тому курсу французской политики, который, по нашему мнению, опасен для мира и для самой Франции»[1].

В новом году оценки Литвинова стали столь же резкими, как и оценки его заместителя. Когда Майский, предрекая приближение войны, попросил средства на строительство бомбоубежища у посольства в Лондоне, Литвинов отреагировал скептически. «Я обещал поставить перед СНК [ваш вопрос] и поставлю. Не могу, однако, ничего обещать насчет результатов такого обращения». В любом случае спешить было некуда. Литвинов не исключал возможности начала войны в 1939 году, но не считал это вероятным. «Как Чемберлен, так тем более французы решили избежать войны по крайней мере в ближайшие годы во что бы то ни стало, я бы даже сказал, любой ценой. Неверно, что будто бы иссякли или иссякают ресурсы уступок». Дальше Литвинов перечислял список возможных вариантов развития событий. Он сомневался в утверждении Майского о том, что Гитлер и Муссолини могут выдвинуть невыполнимые требования. «Напоминаю Вам, однако, что и у Гитлера, и у Муссолини имеется достаточно друзей в Англии и всяких надежных источников [информации], которыми они могут быть достаточно хорошо осведомлены заранее о пределах уступок».

«Конечно, — добавлял Литвинов, — я не ручаюсь за абсолютную точность своего прогноза, и возможны любые сюрпризы, но они минимальны»[2]. Относительно предсказаний Майского о войне Литвинов высказывался скептически: ««Вы как будто невольно поддаетесь германо-итальянской агитации и начинаете верить в готовность Гитлера и Муссолини к объявлению войны Франции и Англии... мы будем иметь дело только с шантажом, которому Англия и Франция уступят»[3].

На донесение Майского о встрече с лордом Галифаксом Литвинов ответил, что тот выбрал неправильную тактику, критикуя Францию за «абсолютную пассивность... и ее неготовность к отпору». Беда в том, сказал Литвинов, что Англия оправдывает свою «дряблость» слабостью Франции, а Франция оправдывает свою позицию слабостью Великобритании. «Мы

---

[1] Запись беседы с временным поверенным в делах Франции Ж. Пайаром. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 8 декабря 1938 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 2. П. 20. Д. 207. Л. 146–145.

[2] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 19 февраля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 3. Л. 20–23; И. М. Майский — М. М. Литвинову. 10 февраля 1939 г. // Там же. Д. 4. Л. 6–8.

[3] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 февраля 1939 г. // Там же. Д. 3. Л. 15–16.

должны критиковать Францию в Париже, а Англию в Лондоне». Поэтому нужно «говорить Лондону о возможном сопротивлении со стороны Парижа при соответственной твердости английского правительства, а в Париже — о возможной твердости английского правительства»[1]. Как видим, присущее Литвинову чувство юмора ему не изменяло. К сожалению, британцы и французы слишком хорошо знали друг друга, чтобы купиться на предложенную Литвиновым стратегию.

Даладье и Бонне также вызывали возмущение Литвинова. «Считаю нужным добавить, — писал он в Париж Сурицу, — что в отношении Франции *здесь* [курсив мой. — *М. К.*] чувствуется не меньшее, если не большее недоверие, чем к Англии»[2]. Под словом «здесь» подразумевалось советское руководство; Литвинов не просто выражал своё личное мнение. С другой стороны, когда бывший председатель Совета министров Блюм вновь выразил желание приехать в Москву на встречу со Сталиным для обсуждения «образования широкого антифашистского блока с участием Америки и СССР», Литвинов рекомендовал дать ему положительный ответ. Блюм также посетил Соединенные Штаты, чтобы возглавить кампанию в поддержку этой идеи. «Не возражаю», — нацарапал красным карандашом Сталин на записке Литвинова. Ворошилов и Каганович также выразили свое согласие[3]. Выходит, Литвинов так и не отказался от взаимопомощи против гитлеровской Германии. Ворошилов также, похоже, хотел послать положительный сигнал Паласу, который нанес ему визит 15 января. Это был обычный для начала нового года протокольный визит, но Палас захотел обсудить более конкретные вопросы. Ворошилов не возражал; он отметил, что не считает войну неизбежной, несмотря на недавние тревожные события. Если война действительно разразится, Красная армия будет к ней готова, с какой бы стороны она ни надвигалась. Агрессор будет наказан. Что касается Польши, сказал Ворошилов, то отношения с ней остаются «ненадежными». Создается впечатление, что поляки «более склонны выполнять указания Германии». Позиция Румынии остается «неопределенной», не говоря уже о том, что осталось от Чехословакии. Франция «потеряла всех своих друзей и союзников в Восточной Европе». Ворошилов говорил это без злобы. Напротив, он отмечал, что СССР, как всегда, настроен обсуждать «сотрудничество» с Францией, а вот она не проявляет

---

[1] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 февраля 1939 г. // Там же. Л. 24–25.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 19 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 912. Л. 30.

[3] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 17 января 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 595. Л. 106. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копия отправлена В. М. Молотову.

никакой инициативы в этом отношении. Палас ушел со встречи, воодушевленный «дружелюбием» Ворошилова и его позитивным отношением к разрядке в отношениях[1].

Новости, однако, ничего хорошего не сулили. 7 февраля Литвинов передал полученную от Фирлингера информацию о том, что «германское правительство бесцеремонно, под разными угрозами, предъявляет чехословацкому правительству требования не только в области внешней, но внутренней политики. Министерство иностранных дел получает из германской миссии прямые указания, какие газеты должны закрываться, какие журналы должны быть изгнаны из редакций и какие иностранные корреспонденты должны высылаться. Такое же давление оказывается Германией, в некоторых случаях совместно с Италией, на Венгрию, которая также становится игрушкой в руках Германии». Венгрия также подвергается давлению, превратившись в «игрушку» Гитлера. Тем не менее Литвинов был склонен искать пути вперед:

«Некоторое сопротивление германскому воздействию продолжает еще оказывать Румыния. Фашизируя государственный строй, румынский король, однако, круто расправляется с Железной гвардией и другими креатурами Германии. Румыния несомненно является ближайшим, наиболее важным объектом германской агрессии. Может ли Румыния долго сопротивляться ее давлению? Она фактически изолирована, связи с Францией порваны, с Польшей также ослаблены в результате ее несогласия на присоединение карпатской Украины к Венгрии. Балканская Антанта находится в периоде распада, поскольку Югославия примыкает к оси Берлин — Рим. Можно поэтому опасаться, что Румыния уступит давлению Германии и поступит в ее распоряжение».

Литвинов считал, что «для СССР особенно опасным является хозяйничанье Германии в Румынии». Она стала бы плацдармом для нападения на Украину.

«Мы всегда понимали значение для нас безопасности Румынии и с этой целью предлагали ей пакт о взаимной помощи. Пакт не состоялся, не может состояться и теперь. Мне представляется чрезвычайно важным и своевременным сохранить и укрепить сопротивляемость в Румынии, и в настоящих условиях мы могли бы этого достигнуть только обещанием Румынии односторонней помощи».

Что делать? Литвинов не совсем понимал, как действовать, но предложил предоставить румынскому правительству заверения в готовности Советского Союза помочь в случае вторжения Германии или Венгрии. От Румынии при этом не ожидалось бы какого-либо официального ответа

[1] Palasse. No. 533/S. 15 Jan. 1939 // SHAT GR7 NN 2-542.

из-за опасения спровоцировать Германию. В этом был главный недостаток предложения Литвинова. «Никаких формальных обязательств намеченное заявление на нас не возлагает. Неизвестно, пожелает ли когда-либо Румыния воспользоваться нашей помощью, да и сам размер и объем помощи в заявлении не указаны. Румынское правительство должно понять, что целью заявления является укрепление ее сопротивляемости давлению Германии». Это довольно расплывчатое утверждение не очень согласуется с привычной для Литвинова точностью, однако оно наглядно иллюстрирует сложность положения, в котором оказался СССР. Литвинов считал, что такое заявление улучшит положение Советского Союза в Великобритании, Франции и США. Но можно ли было на это рассчитывать? Литвинов не мог сказать наверняка; он лишь обдумывал возможные решения и не выдвинул пока окончательного предложения[1]. Не получив ответа, Литвинов направил Сталину еще одну записку. Молотов написал на ней красным карандашом только одно слово «Нет» и дату, 16 февраля. Несложно понять, почему Сталину это предложение не понравилось. Оно было слишком расплывчатым и могло повлечь за собой неопределенные односторонние бессрочные обязательства или, что еще хуже, категорический отказ Румынии[2].

Ванситтарт также искал пути улучшения ситуации. В соответствии с записками, отправленными Галифаксу, он убедил Кабинет министров в качестве первого шага к улучшению отношений с СССР направить туда Роберта Хадсона, секретаря (министра) по внешней торговле. Примерно так же в 1935 году Ванситтарт ратовал за поездку Идена в Москву. Хадсон должен был прибыть в российскую столицу во второй половине марта. Литвинов сомневался в целесообразности визита. Это была попытка поддержать контакт с СССР на случай, если Британия и Франция будут вынуждены вступить в войну. Это является, полагал Литвинов «только жестами и тактическими манёврами, а не с действительным стремлением Чемберлена к сотрудничеству с нами»[3]. Говоря о жестах, нужно упомянуть, что 1 марта Чемберлен и ряд его министров явились на прием в советском посольстве. Майский не мог не задуматься о том, что может означать этот визит, если он вообще что-то значит. Посол и премьер-министр даже довольно долго беседовали. Чемберлен сказал, что международная полити-

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 7 февраля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 11. Л. 71–74. Копии отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину, В. М. Молотову. 15 февраля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 11. Л.. 85.

[3] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 3. Л. 27–29.

ческая ситуация улучшается и что Гитлер и Муссолини заверили его, будто хотят достичь своих целей мирным путем. Именно такие вещи он и писал своим сестрам Хильде и Иде. Майский не придал большого значения этому визиту, полагая, что он мог быть всего лишь показательным выступлением, устроенным для Гитлера или для того, чтобы заглушить критику оппозиции в адрес правительства за нежелание улучшать отношения с Москвой[1].

Сталин тоже решил продемонстрировать свою позицию Парижу и Лондону. 10 марта он произнес широко известную речь на XVIII съезде Коммунистической партии Советского Союза. В основном речь шла о внутренних вопросах, но были и важные отрывки, посвященные внешней политике. Сталин гнул обычную для СССР линию о провалах коллективной безопасности и капитуляции Франции и Великобритании перед запугиванием со стороны государств-агрессоров. Он также делал предположения о том, в какую сторону, на восток или на запад, Гитлер повернется для очередного броска за добычей. Было вполне возможно, что нацистская Германия присматривается к Советской Украине, и именно на это, похоже, надеялись западные демократические страны. Тем не менее, шутливо заметил Сталин, нацистская Германия обманула эти ожидания, обратив свой взгляд на запад. Затем Сталин подытожил советскую политику: «Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами». Подчеркивая, что Советский Союз выступает «за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины», Сталин предупреждал, что советская политика направлена то, чтобы «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»[2]. Речь Сталина была своеобразным ответом на предложение Литвинова по Румынии.

Современники, например Риббентроп и Шуленбург, а позже и историки во многом восприняли слова Сталина «загребать жар чужими руками» как сигнал нацистской Германии о том, что СССР заинтересован в урегулировании ситуации. По сути, речь в целом представляла собой более подробное изложение того объяснения советской политики, которое было предложено Литвиновым; упоминание о «каштанах» основывалось на опасении, что Франция и Великобритания в трудную минуту оста-

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 2 марта 1939 г. С. 341–344.

[2] Из доклада ЦК ВКП(б) на XVIII съезде ВКП(б). 10 марта 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939: Док. и мат-лы. В 2 т. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. С. 258–264; Seeds. No. 93. 20 March 1939 // DBFP. 3rd Vol. IV. P. 411–419.

вят Советский Союз сражаться с Германией в одиночку[1]. В правительстве Франции и Англии, в свою очередь, многие опасались, что им придется самим вести войну против Германии, в то время как СССР будет стоять в стороне или вступит в борьбу лишь в последний момент, чтобы распространить коммунизм по опустошенной войной Европе. Несколько дней спустя Черчилль обратился к Майскому за пояснением касательно речи Сталина. Имел ли Сталин в виду, что СССР откажется от «сотрудничества с демократиями»? Майский вежливо ответил — более вежливо, чем тогда, когда услышал аналогичный вопрос от Ванситтарта, — что такая интерпретация «неправильна». «Мы всегда были и остаемся сторонниками коллективного отпора агрессорам, но надо, чтобы и “демократии” готовы были бороться с агрессорами, а не болтать»[2]. В этом и была главная проблема. Принимая во внимание настойчивые усилия СССР по организации антинацистского альянса и столь же настойчивое стремление англичан и французов достичь соглашения с нацистской Германией, что особенно наглядно проявилось в Мюнхене, трудно рассматривать англо-французскую политику как нечто иное, чем идеологически мотивированную враждебность к любым советским предложениям по взаимопомощи.

Очередной успешный маневр Германии

Относительной пассивности советской политики пришел конец 15 марта 1939 года, когда вермахт вторгся в оставшуюся еще суверенной часть Чехословакии и раздробил его. Нацистская Германия поглотила Богемию и Моравию, а Словакия стала марионеточным пронацистским государством. В первые сутки или двое после вторжения нацистов было написано множество донесений, и одно из них, от французского военного атташе в Берлине полковника Анри Диделе, заслуживает того, чтобы его процитировать. «Судьба Чехословакии, — писал Диделе, — только что была решена в результате настоящего грабежа, которым с технической точки зрения нельзя не восхищаться». Он заметил первые признаки мобилизации только благодаря своему упорному труду и везению. Большинство его иностранных коллег ни о чем даже не подозревали, и когда Диделе оповестил некоторых из них о происходящем, большинство отреагировали с недоверием. «По сути, это потому, что наука о маскировке и сохране-

---

[1] См. например: *Watt D. C.* How War Came: The Immediate Origins of the Second World War, 1938–1939. London: Mandarin, 1990. P. 110–111; *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер. Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939 / пер. с нем.; вступит. слово В. М. Фалина; предисл. Л. А. Безыменского. М.: Прогресс, 1900. С. 96–104.

[2] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 15 марта 1939 г. С. 355–356.

нии тайны достигла в Германии очень высокой степени совершенства». Несмотря на мобилизацию, повседневная жизнь, казалось, продолжала идти в обычном ритме. Пассажирские поезда между Германией и Чехословакией ходили нормально, если не считать штатных ситуаций с отменами рейсов. Даже когда немецкие войска уже перешли чешско-немецкую границу, таможня продолжала работать в прежнем режиме. Создавалось ощущение, что никто и понятия не имеет о происходящем. За несколько дней до начала немецкой операции чехословацкий военный атташе, которого Диделе пытался предупредить, присутствовал вместе с дипломатическим корпусом на мероприятии, посвященном памяти павших в Первой мировой войне, не подозревая, что это последнее мероприятие в его военной карьере. И даже через день после вторжения вермахта рабочие продолжали как ни в чем не бывало строить новое здание чехословацкой дипломатической миссии.

Диделе пересказывает беседу, которая у него состоялась за ужином вечером 15-го числа с одним немецким офицером, «умным, образованным и независимо мыслящим», который сказал следующее: «На этот раз вам не о чем сожалеть. Чехи не могли сделать ровным счетом ничего. Они упустили свой шанс в сентябре прошлого года. Тогда они могли бы сражаться с некоторыми шансами на успех». Да, и втянули бы в военные действия французов и англичан, хотели они этого или нет. Продолжая свои размышления, немецкий офицер заметил, что самой большой ошибкой чехов была роль, которую они сыграли в падении империи Габсбургов. «Иго старой монархии, — сказал он, — было переносить легко. А вот то, что им предстоит пережить теперь, очевидно, будет нести куда труднее». Диделе высказал мнение, что чехословакам в этой ситуации нужно было оказать сопротивление — хотя бы для того, чтобы заслужить уважение победителей.

Диделе задался вопросом, где и когда нацистская Германия нанесет следующий удар, воодушевленная легким успехом и огромной добычей в виде чехословацкого оружия, золота и заводов. Он не рискнул выдвигать предположений, однако особо подчеркнул один момент: «Франция не может спокойно жить в непосредственной близости от такой силы, как та, которую сегодня представляют войска немецкой нации, поставленной под ружье, и что она должна немедленно, с сегодняшнего дня, начать принимать важные предупредительные военные меры»[1]. Это было высказывание в духе Ванситтарта или Литвинова.

---

[1] Донесение французского военного атташе в Германии А.-А. Диделе министру национальной обороны и военному министру Франции Э. Даладье. 16 марта 1939 г. // РГВА. Ф. 198к. Оп. 2. Д. 83. Л. 235–239. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

Один из советских коллег Диделе в Берлине, заместитель военного атташе Герасимов, задавал властям в Москве тот же вопрос, однако он не боялся при этом выдвигать собственные предположения. «Захват Чехословакии — первый акт, преддверие новых, более крупных событий. Германия продолжает проведение своих военных мероприятий (вызовы резервистов, частичная пока мобилизация гражданского автотранспорта)». Так в каком же направлении немецкий агрессор нанесет следующий удар? «В здешних иностранных кругах по-прежнему пережевывают вопрос: “Восток или Запад?” Большинство считают, что основной план агрессии направлен на Запад, но для его выполнения Германия должна обеспечить себя сырьем и тылом. Это обеспечение она будет искать на Востоке». Вермахт может дальше двинуться в Венгрию или Румынию и захватить контроль над рекой Дунай, впадающей в Черное море. «Тем самым она подойдет к нам на суше и на Черном море». Вторым вариантом агрессии может стать весенний удар по Польше. Не стоит забывать и про Муссолини, предупреждал Герасимов: он тоже хочет получить свою долю. Его нетерпение может заставить Гитлера повернуться на Запад. Мишенью в этом случае могут стать Тунис и Корсика. Как и Диделе, Герасимов отмечал, что Германия получила в Чехословакии огромные ресурсы и освободилась от угрозы со стороны чехословацкой армии с ее хорошо организованным снабжением[1].

В воздухе витало предчувствие беды; оно явственно ощущалось и на приеме 15 марта в иранском посольстве в Анкаре, где советский военный атташе Константин Константинович Родионов обсуждал захват Германией Чехословакии со своим румынским коллегой. Вопрос о новых границах мог представлять угрозу для Польши, и «румын заявил, что СССР, Польша и Балканская Антанта должны вместе создать блок для заграждения немецкой экспансии на восток». Румыны были довольны улучшением советско-польских отношений и считали предыдущую польскую «политику сговора с Германией» ошибкой. По их мнению, Польше для защиты собственных интересов следовало укреплять отношения с СССР, Францией и Румынией. Интересно также, что румынский военный атташе выразил сожаление по поводу того, что Литвинов отказался вести «активную внешнюю политику» и что СССР стал сопротивляться «пассивно». Он также не скрывал своего беспокойства по поводу возможного вторжения Германии в Румынию, в частности ради ее нефтяных ресурсов[2]. Даже в 1939 году ру-

---

[1] А. В. Герасимов — К. Е. Ворошилову «О захвате Чехословакии Германией». 17 марта 1939 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 162–182. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Запись беседы военно-морского атташе СССР в Турции товарища К. К. Родионова с румынским военным атташе на приеме в посольстве Ирана 15 мар-

мынское правительство и офицеры низшего звена были более склонны к сотрудничеству с СССР, чем с Польшей.

В тот же день, 15 марта, Литвинов встретился в Москве с посланником Румынии Николае Диану. Из протокола неясно, получили ли они к тому моменту известие о событиях в Чехословакии. В любом случае Диану хотел знать, правдива ли появившаяся в лондонской «Дейли экспресс» информация о том, что СССР в случае необходимости в одностороннем порядке придет на помощь Польше и Румынии. «Я ответил, — написал Литвинов в своем дневнике, — что не следует переоценивать наше доверие политике Бека, которую никак нельзя назвать дружественной в отношении СССР. Уменьшилась напряженность отношений, но не больше». Литвинов упрекнул Диану за то, что тот поверил «слуху, пущенному такой известной по своей лживости газетой, как “Дейли экспресс”». Корреспондент ТАСС, ответственный за распространение этих слухов, мог выражать личное мнение, но ему не могли быть известны намерения советского правительства[1].

В Лондоне Ванситтарт был возмущен и потрясен не только беспомощностью правительства, но и двумя сладкоречивыми телеграммами от британского посла в Берлине. «Не могу себе представить, какой эффект мы произведем в мире, когда эти документы будут опубликованы». В этом Ванситтарт был прав, хотя историки последующих поколений и пытались объяснить британскую политику умиротворения отражением «реализма». Ванситтарт так не считал. «Похоже, что в наших чреслах не осталось силы, а в нашем характере нет способности к моральному негодованию, и я боюсь, что нас будут судить соответственно»[2].

Услышав новости о Чехословакии, Гржибовский отправился к Литвинову, чтобы передать позицию Польши и узнать мнение СССР. Внимание Польши, похоже, было сосредоточено на создании «независимой Словакии» под протекторатом Германии. Гржибовский заявил, что польское правительство не возражает против такого развития событий, и это заявление вызвало удивление Литвинова. Бек в своем публичном заявлении, похоже, даже одобрял новое положение как сценарий развития событий, благоприятный с точки зрения интересов Польши. Вы должны понимать, сказал Литвинов, словно читая лекцию не особенно одаренному студенту, что Словакия не будет независимой и окажется под немецким господ-

---

та 1939 г. 16 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 31. Д. 166. Л. 128–126. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[1] О встрече с Н. Диану. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 15 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 74–75. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Vansittart. «S of S». 15 March 1939, C3202/15/18 // TNA FO 371 22966.

ством. Как это может быть в интересах Польши? Неужели Польша «должна делать хорошую мину при плохой игре?» — спросил Литвинов. Гржибовский не был уверен. А как насчет Моравии и Богемии? По мнению посла, они были ценным приобретением для Германии. Есть ли какое-то взаимопонимание между Германией и Польшей? Гржибовский ответил отрицательно. Литвинов заявил, что советское правительство считает чехословацкие события катастрофой. Словакия превратиться в "марионеточное государство, типа Манчжоу-Го». «Подобно Польше, — добавил он. — Мы не можем, конечно, радоваться усилению мощи Германии». Об этом разговоре Литвинов доложил Сталину, который оставил на его записке некоторые комментарии; в числе прочего он просил Литвинова разъяснить позицию Польши[1].

17 марта Майский увиделся с Ванситтартом, который, по-видимому, успел немного воспрять духом. Настроение Ванситтарта было «сильно взволнованное и вместе с тем почти торжествующее», ведь он предупреждал: как аукнется, так и откликнется. Ему явно не терпелось поговорить с кем-нибудь, кто разделил бы с ним его торжество от осознания своей правоты. Он заявил, что говорит как частное лицо и по собственной инициативе, «что аннексия Чехословакии нанесла окончательный удар политике Чемберлена. Все крысы уже побежали с тонущего корабля». Даже леди Астор потребовала в Палате общин, чтобы премьер-министр передал Гитлеру негодование Великобритании по поводу исчезновения Чехословакии. Пресса тоже начала приходить в себя, в том числе «Таймс» и «Дейли экспресс», не самая любимая Литвиновым лондонская газета. Если не считать самых преданных тори из лагеря Чемберлена, все говорили о том, что наступил «поворотный момент»: политика «умиротворения мертва», и надежды на ее возрождение нет. Майский сообщал: «Я несколько раз и в различных формах высказывал скептическое отношение к серьезности происшедшей перемены, ссылаясь на опыт и прецеденты прошлого, однако Ванситтарт упорно доказывал, что я не прав и что внешняя политика премьера потерпела полный крах. Теперь наступает новая эра, которую он, Ванситтарт, давно предвидел и подготовлял, эра, когда должна восторжествовать его линия политики — линия на создание могущественного антигерманского блока».

Ванситтарт хотел поговорить о том, что делать дальше. Терять время было нельзя, ведь Гитлер не собирался сидеть сложа руки. Он был намерен

---

[1] О встрече с В. Гржибовским. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 16 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 4. Л. 84–81. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову; М. М. Литвинов — И. В. Сталину, В. М. Молотову. 16 марта 1939 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 189. Л. 18–19. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

двигаться дальше. Вопрос был в том, куда и в каком направлении, на Восток или на Запад? Следующими целями могли стать Мемель или Данциг, но это была «мелочь». Ванситтарт считал, что немцам нужна более крупная добыча, такая как Румыния. В каком бы направлении Гитлер ни собирался нанести удар, единственным способом остановить его было создание англо-франко-советского блока, который бы включал Польшу, Румынию и Скандинавские государства. По словам Ванситтарта, в ситуации наметилось улучшение: в начале апреля в Лондон собирался приехать Бек. Это стало бы шагом вперед, «хотя личность самого Бека не вызывает во всяком случае никаких иллюзий». Более того, на следующий день в Москву должен был выехать Хадсон. Ванситтарт выразил некоторую обеспокоенность по поводу охлаждения в советско-французских отношениях. Есть ли какой-нибудь выход из этой ситуации, спросил он. Майский в ответ мог только высказать личное мнение, отметив, что возможность проявления инициативы со стороны Москвы сомнительна. Ванситтарт также спросил о дальнейших шагах в отношениях с Польшей и Румынией, но Майский не мог сказать ничего определенного. Ванситтарт продолжил разговор о необходимости объединения и организации сопротивления против нацистской Германии. «Беда 1938 года, — сказал он, — состояла в том, что Гитлер сыпал удары на Европу разрозненную, неподготовленную, — если в 1939 году мы хотим противостоять германской агрессии, Европа должна быть объединенной и подготовленной. Первым шагом для этого должно быть сближение между Лондоном, Парижем и Москвой, выработка общих планов действий заранее, а не в момент кризиса».

Это было совершенно логично. Майский рассмеялся над тем, с каким жаром говорил Ванситтарт: мол, его-то в этом убеждать не нужно. Затем он добавил — и теперь уже он говорил совершенно серьезно, — что именно Великобритания и Франция «систематически саботировали всякий коллективный отпор агрессорам». Ванситтарт, конечно, не мог с этим не согласиться, но при этом подчеркнул, что всё изменилось: «Музыка пойдет уже не та». Ванситтарт выразил желание встретиться еще раз, и Майский запросил инструкций касательно того, как ему ответить[1].

Но разве можно было знать наверняка, будет ли другой музыка в Лондоне? В воздухе все еще висел тягостный запах разлагающегося трупа Чехословакии; он служил убедительным напоминанием о том, почему музыка может остаться прежней. У Великобритании была давняя история вра-

---

[1] И. М. Майский — в НКИД.17 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1 П. 300. Д. 2075. Л. 180–184. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.; *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 17 марта 1939 г.. С. 357–359.

ждебных отношений с СССР, как указал Майский Ванситтарту. Разве можно было после почти четырех лет тщетных усилий по созданию системы коллективной безопасности ожидать, что в СССР и в других странах все вдруг поверят, что Великобритания внезапно осознала ошибочность своего пути?

18 марта Галифакс посетил Майского, чтобы обсудить, среди прочего, вопрос об отсутствии доверия в англо-советских отношениях. Галифакс рассказал о том, какая задача стоит перед Хадсоном, и выразил надежду, что его примут в Москве. Хадсон был готов обсуждать любые вопросы, экономические или политические. «Лично он, Галифакс, очень рассчитывает на то, что Хадсону удастся рассеять те подозрения, которые существуют в Москве относительно намерений и внешней политики британского правительства, и тем самым подготовить почву для более тесного сотрудничества между обеими странами на международной арене». Он также надеялся, что Хадсон, вернувшись из Москвы, сможет развеять сомнения англичан относительно СССР и, в частности, относительно советских вооруженных сил. Майский хорошо понимал, что это значит: по его словам, Галифакс слышал «много антисоветских рассказов о “слабости” Красной армии» и надеялся, что Хадсон вернется с «солидными контраргументами». Ну, по крайней мере, у нас хотя бы есть армия, — подумал, должно быть, Майский.

Что делать?

Галифакс также хотел поговорить о Румынии. 17 марта румынский посол Виорел Тиля спросил Галифакса, на какую помощь от Великобритании его правительство может рассчитывать в случае немецкой агрессии. Прежде чем решить, как ответить румынскому послу, Галифакс хотел узнать, как отреагирует советское правительство. Галифакс, зная о встрече Майского с Ванситтартом, спросил, что еще может рассказать ему Майский. Тот пока не получал соответствующих инструкций, поэтому вынужден был повторять сказанное накануне, то есть использовать общие формулировки и цитировать речь Сталина 10 марта о поддержке жертв агрессии. Очевидно, что Галифаксу нужна была более конкретная информация о намерениях СССР. Он попросил Майского поддерживать с ним контакт и выразил надежду, что Литвинов сможет поделиться с Лондоном более подробной информацией[1].

---

[1] И. М. Майский — в НКИД. 18 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2075. Л. 189–93. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147., Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.; *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1: 1934 — 3.09.1939 года. Запись от 19 марта 1939. С. 360–361.

На самом деле Тиля заявил, что Германия выдвинула Румынии ультиматум, требуя от нее принять жесткие экономические требования, а также угрожала Венгрии. В связи с этим Форин-офис разослал телеграммы соседним государствам, чтобы узнать, какова будет их позиция в случае агрессии Германии против Румынии. В британское посольство в Москве была направлена телеграмма с вопросом, окажет ли Советский Союз помощь румынскому правительству[1]. Утром 18 марта сэр Уильям Сидс, новый британский посол, в соответствии с указаниями, полученными из Лондона, запросил срочную встречу с Литвиновым. О ходе встречи Литвинов доложил Сталину. Сидс рассказал об ультиматуме, выдвинутом Германией, но не предоставил никакой информации, кроме той, которую Майский уже сообщил телеграммой. Сидсу было поручено спросить «о нашей готовности оказать помощь Румынии». Литвинов ответил, что ему придется проконсультироваться со своим правительством (то есть со Сталиным), которое, возможно, также захочет заранее узнать позицию других правительств, «и в частности Англии». Сидс ответил, что у него нет инструкций на этот счет.

«Надо ли понять [ваш] запрос, — спросил Литвинов, — в том смысле, что Англия готова-де прийти на помощь Румынии, при условии, что другие также будут помогать».

«Англия вряд ли стала бы нас запрашивать, — раздраженно ответил Сидс, — из любопытства».

«Я не отрицаю заинтересованности Англии в нашем ответе, — возразил Литвинов, — но все же румынский посланник ко мне не приходил и как будто нашей помощью не интересуется, может быть, даже не желает ее, а запрашивает нас об этом Англия».

«Географически Румыния вам ближе..., — указал посол, — [вы] более заинтересованы».

«Географию знает и Румыния, — заметил Литвинов, — а все же она обратилась к Англии»

Очевидно, на этот вопрос посол ответить не смог, однако пояснил, что получил телеграмму, которая также была отправлена в Париж, и пришел к выводу, что вопрос Форин-офиса был адресован только Парижу и Москве. Он просил дать ответ не позднее вечера. «Прошу срочных указаний, — писал Литвинов Сталину, — ибо оставление вопроса без ответа тоже будет истолковано как ответ»[2].

В качестве ответа Советский Союз предложил в первую очередь провести конференцию пяти держав: СССР, Англии, Франции, Польши и Ру-

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1: 1934 — 3.09.1939 года. Запись от 17 марта 1939 г. С. 357–359.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину.18 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 11. Л. 145–146. Копия отправлена В. М. Молотову.

мынии. В длительном обмене двусторонними запросами не было особого смысла, более эффективной для установления сотрудничества была бы конференция. События разворачивались стремительно. В тот же вечер Литвинов вызвал Сидса в НКИД, чтобы передать этот ответ. Литвинов предложил Бухарест в качестве места встречи, чтобы укрепить позиции Румынии и одновременно послать косвенный сигнал Берлину. Сидс сообщил, что британский посланник в Бухаресте отправил в Лондон телеграмму, в которой просил воздержаться от дальнейших шагов. Сидс не понял, что это значит, но предположил, что, вероятно, Тиля, посланник Румынии в Лондоне, «напутал»[1].

На следующий день Литвинов проинформировал Сталина о том, что услышал накануне вечером от Сидса. Румыны, по словам Сидса, «бьют отбой, что подтверждается и газетными сообщениями». Посланник Румынии в Москве Диану заявил, что «его правительство опровергает слухи о германском ультиматуме и заявляет, что переговоры с германским представителем не выходили за рамки обычных эконмических переговоров». Литвинов предположил, что немцы могли оказать давление на румын, чтобы те выступили с опровержением. Возвращаясь к теме предлагаемой конференции, он добавил, что в ней должна участвовать и Турция, являющаяся союзником Румынии. «Турция несомненно чрезвычайно обидится, если узнает (она наверно это узнает), что мы ее “обошли”». В связи с этим Литвинов просил у Сталина разрешения добавить Турцию в список[2]. «Ну вот, опять», — так, вероятно, подумал Сталин, увидев записку Литвинова. Мы подставляем свою шею, предлагая помощь Румынии, а румыны изволят «бить отбой». Первое предчувствие Литвинова насчет новостей из Лондона оказалось верным: никогда не стоит опережать потенциальных «союзников». Им нельзя доверять.

На следующий день Майский отправился в Форин-офис, чтобы встретиться с Галифаксом и передать содержание телеграммы Литвинова из Москвы. Галифакс уже слышал от Сидса о конференции пяти, а затем шести держав, и в то утро он консультировался по этому поводу с Чемберленом. Они пришли к выводу, что советское предложение «преждевременно» и без уверенности в его успехе может быть опасным. Поэтому Чемберлен выдвинул предложение, а Галифакс сделал встречное предложение, суть которого была в «декларации» четырех держав, поддерживающей це-

---

[1] М. М. Литвинов — И. М. Майскому, Я. З. Сурицу. 18 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 313. Д. 2153. Л. 143. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову и др.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 19 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 11. Л. 147–148. Копия отправлена В. М. Молотову.

лостность и независимость правительств в Восточной и Юго-Восточной Европе. Проект текста должен был быть разослан на следующий день, после получения одобрения Кабинета министров. В случае Чехословакии эта совместная декларация опоздала на полгода. Галифакс хотел ускорить ее публикацию. Тогда к ней могли бы присоединиться другие страны. Позже можно было бы созвать конференцию всех подписавших декларацию сторон, чтобы они взяли на себя обязательства по взаимной помощи против немецкой агрессии. Галифакс, однако, предупредил, что это всего лишь его личные идеи, а предложение, находящееся на рассмотрении в данный момент, ограничивается декларацией четырех держав[1]. Как пояснил Галифакс, это предложение звучало не так уж плохо, учитывая неопределенность позиции Румынии по переговорам с Германией. Как говорилось в телеграмме Майского, объяснения Галифакса не выглядели просто отказом от советского предложения.

Более того, как Майский писал в своем дневнике, в британской политике появились признаки перемен. Один его важный собеседник из Консервативной партии (лорд Бивербрук) сказал, что программу умиротворения уже не воскресить. Чемберлен этому «не особенно рад», но у него небольшой выбор: либо смириться с изменением настроений, либо уйти в отставку. «Страна говорит, — заметил Майский, — Германия — вот враг». Правда, нельзя было утверждать, что Чемберлен смотрит на ситуацию таким же образом[2].

Литвинов был настроен скептически. Она полагал, что если Гитлер сможет хоть немного умерить свои аппетиты и, возможно, даже сделать какой-нибудь «новый миролюбивый жест», Чемберлен и Даладье все равно будут придерживаться своей «мюнхенской линии». Может ли Москва рассчитывать на какое-либо серьезное изменение политики? Фактически «чехословацкие события... полностью укладываются в рамки любезной им [Чемберлену и Даладье] концепции движения Германии на Восток». Литвинов все еще надеялся, что из миссии Хадсона что-то получится, но сомневался, что она рассеет «подозрения и недоверие» *в Москве*. Опять же, Литвинов говорил не только от себя. Хадсон надеялся, что советское правительство внесет конкретные предложения, поскольку он сам не был уполномочен этого делать. «Я думаю, — посоветовал Литвинов Майскому, — что *мы* [курсив мой. — *М. К.*] таких предложений ему делать не будем. Мы пять лет на внешнеполитическом поле деятельности занимались

---

[1] И. М. Майский — в НКИД. 19 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2075. Л. 198–199. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1: 1934 — 3.09.1939. Запись от 25 марта 1939 г.. С. 362–363, 364–365.

тем, что делали указания и предложения об организации мира и коллективной безопасности, но державы игнорировали их и поступали наперекор им. Если Англия и Франция действительно меняют свою линию, то пусть они либо выскажутся по поводу ранее делавшихся нами предложений, либо делают свои предложения. Надо инициативу представить им»[1]. В то время, когда начались дискуссии о предложенной Великобританией декларации четырех держав, Хадсон направлялся в Москву. Готовясь к его приезду, Литвинов направил Сталину длинную информационную записку. «Как Вы знаете из многочисленных шифровок т. Майского, Хадсон имеет поручение подымать не только экономические, но и политические вопросы. Необходимо заранее решить, какую позицию занять в переговорах с ним». События в Чехословакии и других странах всколыхнули британское общественное мнение, а Либеральная и Лейбористская партии, а также некоторые элементы внутри Консервативной партии не одобряют политику Чемберлена и хотят сотрудничества с нами, писал Литвинов. «Это еще не значит, что Чемберлен и его окружение и наиболее твердолобая часть Консервативной партии прониклись уже убеждением в необходимости радикального изменения курса внешней политики». Более того, аннексия Чехословакии и угроза другим странам Юго-Восточной Европы вписываются в концепцию Чемберлена о расширении Германии на восток, на которой основывалось Мюнхенское соглашение. Он не может сказать этого открыто и поэтому вынужден дать свободу общественному мнению. Заигрывание с Советским Союзом могло бы облегчить будущие переговоры Великобритании с Германией, сделав Гитлера более сговорчивым. С другой стороны, у Чемберлена могут быть сомнения относительно способности достичь соглашения с Гитлером и Муссолини. «Надо полагать, — продолжал Литвинов, — что всеми этими соображениями руководился Чемберлен, решившись посетить наше полпредство и послать к нам Хадсона». Ничто из этого не связывает ему руки, хотя и позволяет ему в некоторой степени «зажимать рот оппозиции».

«Чемберлен был бы, однако, более чем рад, если бы переговоры Хадсона не дали результатов и ответственность на это можно было бы возложить на советское правительство. Потому, не строя себе никаких иллюзий насчет искренности и честности побуждений Чемберлена, мы должны избегать всего того, что дало бы ему повод говорить о нашей самоизоляции, об отклонении нами сотрудничеств, и т. п., и этим задним числом как бы оправдать мюнхенскую политику, если не как единственно правильную, то как единственно возможную для Англии».

---

[1] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 19 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66 Д. 3. Л. 30–34.

Это был проницательный взгляд на политику Чемберлена и его образ действий. Итак, что же рекомендовал нарком Сталину? «Насколько нам известно, Хадсон не уполномочен делать нам какие-либо конкретные политические предложения». Нам тоже не следует вносить каких-либо конкретных предложений: «Достаточно будет разъяснить нашу общую позицию в духе Вашего доклада на съезде [10 марта]». Далее Литвинов предлагал текст заявления в таком же ключе; этот текст Сталин одобрил для прочтения Хадсону по его прибытии в Москву[1]. Ирония судьбы в том, что Литвинову пришлось предлагать оборонительную стратегию, дабы не дать Чемберлену обвинить СССР в недостаточной приверженности коллективной безопасности, хотя именно премьер-министр и его сторонники выступали против «антифашистской», «антиагрессивной» политики, как выразился Стрэнг после подписания Мюнхенского соглашения.

Пока Литвинов выяснял детали визита Хадсона в Москву, Гитлер не терял времени даром. Казалось, он всегда был на несколько шагов впереди любой попытки его обуздать. На этот раз его целью стал населенный немцами литовский город Мемель. 20 марта Риббентроп предпринял попытку занять его. Правительству Литвы предлагалось передать город мирным путем, иначе Германия захватит город силой. Что могла сделать крошечная Литва? Немецкие вооруженные силы вошли в город 22 марта, еще до подписания договора, узаконивающего захват. Немецкая военная машина уже работала на полную мощность, в то время как французское, британское и советское правительства по-прежнему размышляли о том, как бы им собраться и хотя бы *обсудить* коллективную безопасность.

Визит Хадсона в Москву

Хадсон прибыл в Москву утром 23 марта. Это было на следующий день после того, как немецкие войска захватили Мемель. В тот день он впервые встретился с Литвиновым. Их разговор заслуживает особого внимания. Согласно версии британской стороны, «Литвинов начал с указания на то, что если бы придерживались его политики, нынешняя ситуация никогда бы не возникла». Собственно, этого убеждения нарком придерживался впоследствии еще долгое время. Примерно то же самое он сказал будущему британскому послу в Москве сэру Стаффорду Криппсу в бомбоубежище в Москве летом 1941 года[2]. Конечно же, Литвинов был прав, и для него самого, наверное, служило утешением, что он был прав все это время. Однако в марте 1939 года это не помогло добиться никаких успехов.

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 20 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 11. Л. 154–158. Копия отправлена В. М. Молотову.

[2] Sir William Seeds. No. 43. 23 March 1939, C3880/3356/18 // TNA FO 371 23061; Sir Stafford Cripps. No. 757. 26 July 1941, N4105/4105/38 // TNA FO 371 29619.

Согласно записям Литвинова, он сказал, что «мюнхенская политика подорвала международное доверие к великим державам и их авторитет среди малых государств. Это правда. После пятилетнего периода инициатив, всевозможных предложений с нашей стороны и безуспешных попыток наладить международное сотрудничество мы имеем право занять выжидательную позицию в ожидании инициатив и предложений от других. Маловероятно, что удастся достичь каких-либо серьезных результатов, если сотрудничество будет сводиться к тому, что одна сторона будет задавать вопросы, а другая — отвечать».

В последней части этого высказывания Литвинов попытался отстоять свое предложение о конференции шести держав.

Сидс, британский посол, передавая слова наркома, язвительно заметил: «Анализ, представленный Литвиновым, был исчерпывающим... С обычным для него знанием предмета он наглядно продемонстрировал отступление западных демократий от одной позиции за другой, кульминацией чего стала мюнхенская капитуляция и подчеркнутое игнорирование Советского Союза». О французах Литвинов говорил с особым пренебрежением.

«Франция практически уничтожена: она... полна немецких агентов, разочарована и разобщена. Он [Литвинов] предвидит в недалеком будущем Европу, полностью немецкую от Бискайского залива до советской границы и как бы ограниченную только Великобританией и Советским Союзом. Даже это не удовлетворило бы немецкие амбиции; но наступление, сказал он, радостно улыбаясь, будет направлено не на восток»[1].

Литвинов отчасти был прав касательно судьбы Франции и будущего Европы, но на самом деле на тот момент он не был уверен, в каком направлении Гитлер нанесет следующий удар. Было ли в словах Литвинова что-то фактически неверное и тем самым заслуживающее насмешливой реакции Сидса? Вовсе нет.

Судя по отчету британской стороны, Литвинов и Хадсон быстро нашли общий язык. «Советское правительство [сказал Литвинов] будет готово консультироваться с правительством Его Величества и другими правительствами относительно всех надлежащих мер сопротивления, будь то дипломатических, военных или экономических. Он дал понять, что имеет в виду возможность сопротивления посредством оружия». В записях Литвинова такого комментария нет, либо потому, что Хадсон преувеличивал, либо потому, что Литвинову приходилось учитывать скептицизм своих коллег[2].

---

[1] Seeds. No. 107. 3 April 1939, C5121/3356/18 // TNA FO 371 23063.

[2] Seeds. No. 43. 23 March 1939, C3880/3356/18 // TNA FO 371 23061; Запись о встрече с Р. Хадсоном. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 23 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 27. Д. 2. Л. 6–8. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147

Вечером 25 марта Литвинов встретился с Хадсоном и Сидсом во время антракта в театре. Запись этого разговора, сделанная Литвиновым, достаточно длинна, так что дискуссия, должно быть, продолжалась довольно долго. Британцы показали ему текст короткой телеграммы, которую они отправили или собирались отправить в Лондон. Литвинов возмутился тем, что содержание встречи, продолжавшейся около часа, было сокращено до 8–10 строк. Литвинову показалось, что ему приписали согласие на широкое политическое, экономическое и военное сотрудничество. «Инсценировка проверки правильности записи на меня произвела впечатление зондажа о нашей готовности идти вплоть до военного союза или взаимной военной помощи, хотя во время первого разговора Хадсон оговаривался, что военный союз отнюдь не имеется в виду»[1]. Чемберлен был бы в ужасе. Хадсон, казалось, зашел слишком далеко, но в этом и заключался весь смысл — ему нужно было найти способ не остаться «с глазу на глаз с Германией». Хадсон пробыл в Москве несколько дней, но его миссия не принесла никаких конкретных результатов. Как и миссия Идена в 1935 году, миссия Хадсона была провалена.

«Каштаны»

Когда Литвинов говорил о том, какого мнения придерживаются «в Москве», или использовал слово «мы», излагая взгляды правительства, он не просто выражал личное мнение. Если же он говорил что-то под свою ответственность, он ясно давал это понять своим собеседникам. 10 марта Сталин сам выступил в своей речи с предостережением, посоветовав Франции и Великобритании не рассчитывать на то, что СССР будет таскать *их* «каштаны» из огня. Как и Литвинов в ходе частных встреч, Сталин открыто говорил о провале системы коллективной безопасности и задавался вопросом, сможет ли Советский Союз положиться на Великобританию и Францию в случае войны.

Пока Хадсон вел переговоры в Москве, Майский прислал ответ на скептический комментарий Литвинова в отношении Чемберлена и Даладье. Конечно, они не отказались от политики «умиротворения»: они будут продолжать ее насколько это возможно. Дискуссии в Лондоне и Париже об изменении политики остались в основном разговорами; было сомнительно, чтобы в руководящих кругах обеих стран было сильно «совето-

[1] Запись беседы Р. Хадсона с послом Великобритании в СССР У. Сидсом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 25 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 27. Д. 2. Л. 9–13. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

фильских настроений». «Достаточно было бы Гитлеру сделать сейчас какой-либо миролюбивый жест для того, чтобы любители “зонтика” немедленно же воспрянули духом и вновь заговорили о необходимости “верить” обещаниям фюрера». Тем не менее Майский не думал, что Гитлер станет утруждать себя какими-либо «жестами». «За Прагой последовал Мемель, за Мемелем — Румыния (торговый договор), за Румынией вырисовываются новые жертвы — Данциг, Дания, Югославия и др.». Не стоило забывать и про Муссолини, присутствие которого в Средиземноморском регионе делало ситуацию еще более напряженной.

«Все труднее выдерживать линию на “умиротворение”. Общественные настроения в обоих странах несомненно повышаются, а главное в сознании масс, в том числе и консервативных, все больше оседает убеждение, что договориться с “диктаторами” о каком-либо приемлемом компромиссе невозможно и что единственным выходом из положения становится создание оборонительного “Великого альянса” всех миролюбивых государств, т. е. по существу возвращение к принципу коллективной безопасности».

Если бы Чемберлена и Даладье удалось убедить в том, что агрессия Гитлера может быть направлена на Восток, в сторону СССР, они могли бы попытаться «убедить массы не волноваться по поводу разных там “Великих альянсов”». Но, возможно, это было и не так. Правящие круги Франции и Великобритании не были уверены, что такая стратегия сработает: Гитлер «десять раз» подумает, прежде чем рискнуть предпринять «авантюру» и напасть на СССР. Дальше Майский рассуждал о том, где Гитлер нанесет следующий удар и какое давление он может оказать на Запад. Как и раньше, здесь можно было только строить предположения. Тем не менее он пришел к выводу, что общественное мнение во Франции и Великобритании движется в сторону идеи великого союза, и попросил Литвинова дать инструкции, как отвечать на вопросы, поступающие к нему по этому поводу. Раньше такие договоры имели другое значение: их идея заключалась в предотвращении войны. «Сейчас мы находимся в полосе второй империалистической войны, которая все больше грозит охватить всю Европу. Обязательства, принимаемые по пактам взаимопомощи, ныне приобретают иное значение, чем до того. Каково же могло бы быть наше отношение, скажем, к предложению Англии (беру гипотетический случай) заключить с ней пакт взаимопомощи или совместно с ней и Францией гарантировать границы малых государств Европы?»[1] Это был фундаментальный вопрос, который советскому правительству предстояло решить в ближайшие недели.

---

[1] И. М. Майский — М. М. Литвинову. 24 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 5. Д. 35. Л. 76–78. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

Декларация четырех держав

Ранее, 20 марта, Форин-офис выступил с предложением о декларации четырех держав и призвал к консультациям в случае угрозы миру в Европе. На следующий день Сидс встретился с Литвиновым, чтобы еще раз поговорить о Румынии, а также об общей ситуации, созданной «слухами» о немецком ультиматуме. По словам Сидса, британскому правительству было ясно: оккупация Чехословакии сигнализировала о том, что Германия намерена проводить политику завоевания, выходящую за рамки поглощения территорий с немецким населением; учитывая такие амбиции, ни одно европейское государство не могло чувствовать себя в безопасности. В этих условиях британское правительство «считает необходимым приступить немедленно к организации взаимной поддержки» государств, заинтересованных в сохранении безопасности Европы. Сидс, похоже, начинал говорить в духе Литвинова. Высказывал ли он собственное мнение или действовал по инструкциям? Литвинов был настолько впечатлен, что записал заявление Сидса слово в слово. Затем Сидс передал Литвинову текст декларации четырех держав, составленный Форин-офисом. Сидс подчеркнул, что декларация не является встречным предложением советскому предложению о созыве конференции шести держав, которая может состояться после принятия совместной декларации. Галифакс надеялся, что это «произведет отрезвляющее действие на Германию». Литвинов по-прежнему выступал за свою идею конференции шести держав, но заявил, что передаст британское предложение «своему правительству». Сидс полагал, что Франция подпишет соглашение без проблем, а если Польша откажется, то Сидс «лично не видит препятствий» с декларацией трех держав. Ожидается, что далее будут привлечены другие державы, а затем организована конференция[1]. Литвинов рекомендовал одобрить британское предложение. «Я не уверен в том, что Бек согласится подписать даже такую декларацию, тем более не следует нам проявлять какие-либо колебания. Как бы то ни было, даже предложенная совместная куцая декларация идет по линии тех кругов, которые выступали против Чемберленовской политики. Нам не следует их обескураживать»[2].

---

[1] О встрече с послом Великобритании в СССР У. Сидсом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 21 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 4. Л. 90–88. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 21 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 11. Л. 162. Копии отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу.

22 марта правительства Франции и СССР выразили согласие с декларацией. Не ответила только Польша. В тот же день Суриц встретился с Даладье, который сообщил ему о принятии Францией британского предложения. Суриц был настроен скептически: британцы просто организовывают переговоры или нужно ожидать действий? Что было особенно интересно, так это то, что Даладье, как и Сидс, опасался, что Варшава заартачится и британцы могут тогда отозвать свое предложение. Даладье сказал, что вполне готов дальше работать с декларацией трех держав[1]. Это явно свидетельствовало о том, что Польша изрядно всем надоела, но, конечно, французам Польша изрядно надоела еще в 1934 году, и никаких изменений в политике с тех пор не произошло.

Опасения Даладье по поводу поляков оправдались. 24 марта Бек наконец сообщил Лондону, что Польша отклоняет британское предложение. Форин-офис не сразу проинформировал Майского о решении Польши. Новость стала известна лишь в последующие несколько дней. 25 марта Литвинов сказал Сурицу, что он не в восторге от британского предложения, даже если оно лучше, чем ничего, и он все еще сомневается, что Польша согласится, но точной информации у него нет[2]. В тот же день Гржибовский встретился с Литвиновым. Он получил из Лондона информацию, что советское правительство поставило участие Польши условием подписания декларации. «Я ответил, — писал Литвинов в своем дневнике, — что условий мы не ставили». В то же время Литвинов сказал Майскому, что без Польши СССР декларацию не подпишет[3]. Гржибовскому он об этом не сообщил, а только сказал, что вопрос о подписании декларации без Польши не поднимался (хотя Даладье рассматривал такую возможность). Нарком заявил, что советское правительство придает большое значение участию Польши.

Литвинов спросил, ответило ли польское правительство на британское предложение.

«Я не получил никаких сообщений из Варшавы», — ответил посол. Лично он считал, что польское правительство, возможно, уклоняется от ответа. «Нельзя не отдавать себе отчета, — сказал Гржибовский, — в том что, английское предложение является первым шагом по пути новой английской политики и что неудача будет использована некоторыми англий-

---

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 22 марта 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 218–219.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 25 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 912. Л. 28–29.

[3] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 22 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 313. Д. 2153. Л. 162–163. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копия отправлена Я. З. Сурицу.

скими кругами, чтобы снова вернуть английское правительство на мюнхенские пути. С другой же стороны, подписание декларации отталкивает Польшу от Германии, с которой она имеет теперь три границы». Правда, можно было сказать, что Польша сама навлекла на себя такие проблемы, однако нарком не стал сыпать соль на рану. Если Великобритания не пойдет дальше подписания декларации, отметил Гржибовский, Польша может остаться «с глазу на глаз с Германией». По словам Литвинова, «Г[ржибовский] понятно, не сказал, что английское предложение идет вразрез с бековский линией устранения СССР от участия в европейских делах»[1]. Копия протокола этой беседы была передана Сталину. Наблюдения польского посла интересны тем, что советское правительство рассуждало примерно таким же образом: что будущее британской политики все еще представляется неопределенным и что СССР также может остаться «с глазу на глаз с Германией». Предстояло принять трудные решения, и очень скоро.

Тем временем Майский передал из Лондона информацию, полученную им от своего французского коллеги Корбена. Читатели не так часто встречали в нашем повествовании упоминания о после Франции в Лондоне, однако он держался ближе к советской политике противодействия нацистской Германии, чем его собственное правительство. Корбен рассказал о сути англо-французских дискуссий по вопросу взаимопомощи. Бонне поднял вопрос о том, что Великобритания должна принять на себя твердые обязательства по взаимопомощи в отношении Польши и Румынии, поскольку в противном случае последние не станут принимать участия в формировании какого-либо антинацистского блока. Дальше было еще хуже: Бонне отмечал, что Польша и Румыния, возможно, боятся «дружбы» с СССР больше, чем «вражды». По словам Корбена, Бонне «зондировал почву, нельзя ли для Польши и Румынии получить военные гарантии Англии с тем, чтобы вообще избежать необходимости привлечения СССР к участию в обеспечении безопасности стран Восточной Европы». Галифакс и Чемберлен воздержались от какого-либо определенного ответа, но, опять же по словам Корбена, были более склонны, чем раньше, принять на себя определенные обязательства в Восточной Европе. Политика Бонне напоминала политику Бека: не допускать участия СССР в европейских делах. Но возможно ли, что Бонне действовал еще и против Даладье? Это был бы верный путь в катастрофе. Бонне уравнивал Польшу и Румынию с точки зрения их отношения к СССР, что, как наверняка уже

---

[1] Запись о встрече с польским послом в СССР В. Гржибовским. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 25 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 4. Л. 107–106. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

понимают читатели, было ошибкой. Румыния, как ни крути, на тот момент как раз втягивалась всё дальше в орбиту Германии; 23 марта она подписала с Германией торговое соглашение. Да и разве оставался у румынского правительства выбор после уничтожения Чехословакии?[1]

28 марта Потёмкин заверил польского посла, что советское правительство желает улучшить отношения. На встрече на следующий день Пайяр спросил Литвинова, действительно ли, как сообщает пресса, советское правительство выдвинуло условия для своего согласия на декларацию четырех держав. На что нарком ответил, «что условий не ставили, но что считаем очень важным сотрудничество Польши, каковое мы всегда ей предлагали». По-прежнему не получив вестей из Лондона, Литвинов продолжал сомневаться в намерениях Польши. «Я полагаю, что пока Польша не получит какого-либо непосредственного удара со стороны Германии, вряд ли удастся изменить линию поведения Бека»[2].

Было уже 29 марта. Литвинов снова написал Сурицу, что у него нет никакой определенной информации о реакции Польши на британское предложение, «но он был, по- видимому, достаточно определённен чтобы понять ее отрицательное отношение, и чтобы дать возможность Чемберлену и Бонне уклониться от дальнейших действий»[3]. В тот же день Кадоган наконец вызвал Майского, чтобы сообщить ему, что, согласно британским данным, вопрос о декларации четырех держав снимается. Он был «явно смущен», писал Майский, возможно, потому что тянул целых пять дней, прежде чем сообщить об этом советскому правительству. Напомним, что Форин-офис получил эту информацию еще вечером 24 марта. Поляки отвергли идею Великобритании, потому что не хотели быть «открыто связанными с советским правительством» или провоцировать Германию[4].

---

[1] И. М. Майский — в НКИД. 26 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2076. Л. 32–33. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.; О встрече с посланником Румынии в СССР Н. Диану. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 26 марта 1939 г . // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 6. Л. 148–145. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] О встрече с В. Гржибовским. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 28 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 143. Л. 16–18; О встрече с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 29 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 910. Л. 23–24.

[3] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 29 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 912. Л. 24–26.

[4] Cadogan's. 29 March 1939, C4692/3356/18 // TNA FO 371 23062; *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 29 марта 1939 г. С. 365–367; Запись беседы И. М. Майского с А. Кадоганом. 29 марта 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 238–240.

Долгое молчание Лондона произвело плохое впечатление на Москву, как и поведение Польши. Непродолжительной разрядке в советско-польских отношениях пришел конец.

Даладье приходилось противостоять оппозиции внутри его собственного Кабинета министров. Бонне на встрече с британцами высказал мнение, что было бы «преимуществом, если бы советскую помощь могли принять и Польша, и Румыния. Важно было, однако, не дать Польше (и, конечно, Румынии) предлога сбежать из-за России»[1]. Более того, имелись сведения о том, что между Даладье и Бонне произошел конфликт. В конце марта французская журналистка Табуи посетила советское посольство, чтобы проинформировать временного поверенного в делах Бирюкова о положении дел. Табуи была удручена тем, насколько «в мрачном виде» выглядит международная ситуация, но Бирюков и сам хорошо об этом знал. «Бесплодные переговоры о создании противовеса фашистской агрессии, — совершенно правильно отметила Табуи, — вселяют в Гитлера и Муссолини уверенность, что им все позволено. По существу, что бы они сейчас ни сделали, где бы ни выступили в Центральной Европе и на Балканах, кроме самой Франции, — они вправе рассчитывать, что все пройдёт гладко». Затем она рассказала о «серьезных трениях» между Даладье и Бонне.

«Даладье хотел бы от него избавиться, но не знает, как это сделать, чтобы избегнуть общего кризиса своего кабинета. Бонне вызвал на днях Бельби (Жур), которому он жаловался на Даладье, говоря, что последний ведет страну к войне, в то время как он, Бонне, добивается мира. Он жаловался ему одновременно на Леже, который тоже якобы ведет кампанию против Бонне. Бонне будто бы даже говорил, не лучше ли ему самому уйти из правительства, пока его не выведут другие. Так или иначе, но до своего ухода из МИД он постарается посчитаться с Леже. После этого свидания послушный секретным фондам МИД, — Бельби написал статью, в которой указывал, что Леже ведет кампанию против Бонне»[2].

Словом, французское правительство, как и всегда, представляло собой настоящее крысиное гнездо. Всем было известно, что на набережной Орсе выделен щедрый бюджет для прессы. Неудивительно, что у советского посольства всегда было недостаточно денег, чтобы составить конкуренцию.

Противодействие Бонне твердой политике не имело решающего значения, однако про Чемберлена этого сказать было нельзя. Британский премьер-министр не винил поляков за отказ сотрудничать с Советским Союзом. Такое сотрудничество спровоцировало бы ответный удар Герма-

---

[1] Record of an Anglo-French Conversation... 21 March 1939 // DBFP. 3rd. Vol. IV. P. 422–427.

[2] Выдержка из дневника О. Я. Бирюкова. 29 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 207. Л. 36–37.

нии, и что бы тогда могли сделать Великобритания и Франция? «Это все равно, что послать человека в львиное логово, — писал Чемберлен своей сестре Иде, — и сказать ему: “Не переживай, если лев тебя все-таки сожрет: я потом его хорошенько вздую”».

«Стоило ли в таком случае продолжать иметь дело с Россией? Я должен признаться в глубочайшем недоверии к России. Я совершенно не верю в ее способность вести эффективное наступление, даже если бы она этого захотела. И я не доверяю ее мотивам, которые, как мне кажется, мало связаны с идеями свободы и направлены только на то, чтобы получить контроль над всеми остальными. Более того, ее одновременно ненавидят и подозревают многие мелкие государства, особенно Польша, Румыния и Финляндия, так что наша тесная связь с ней может легко стоить нам расположения тех, кто гораздо эффективнее помог бы нам, если бы мы могли их привлечь на нашу сторону»[1].

Таким образом, идея декларации четырех держав была обречена. Слабые надежды Литвинова вновь рухнули; подозрения Даладье в отношении британцев подтвердились. Британское правительство (или, по крайней мере, премьер-министр) все еще не было готово идти на нечто большее, чем просто разговоры, но и французы тоже не торопились действовать.

На следующий день после того, как Чемберлен написал Иде, британский военный атташе в Париже сообщил о встрече с полковником Гоше, возглавлявшим Второе бюро: «Он убежден, что демократические страны не могут ожидать никакой военной помощи от России. Сейчас, как и всегда, в интересах Сталина, чтобы демократические и тоталитарные государства перерезали друг другу глотки, что открыло бы путь для большевизма и обеспечило бы эффективную защиту российской территории; но он ничуть не больше заинтересован в том, чтобы сторонники демократии победили тоталитаристов, чем в обратном»[2]. Именно из-за этого идеологического предубеждения сотрудничество с СССР против нацистской Германии всегда отвергалось как недопустимое. Как же долго еще нужно было муссировать эти идеи, чтобы «советское правительство» наконец потеряло терпение? Литвинов выразил свое мнение через «Журналь де Моску», где пожаловался на слабость англо-французов в плане противостояния нацистской Германии: «Не только агрессоры остались агрессорами, но и *Munichois* [«мюнхенцы»] остались *Munichois*»[3].

«“Декларация четырех” из-за сопротивления Польши отпадает, — писал Майский в своем дневнике, — брит[анское] пра[вительство], ничего

---

[1] Chamberlain to Ida. 26 March 1939 // NC18/1/1091, Chamberlain Papers, NC18/1/1040.

[2] Phipps to Halifax. No. 373. 28 March 1939 // DBFP. 3rd. Vol. IV. P. 535.

[3] Payart. No. 229. 30 March 1939 // MAE, Papiers Naggiar/10.

не говоря нам, стало усиленно изыскивать другие методы *to stop aggression* [остановить агрессию]...» Форин-офис, чтобы успокоить оппозицию, заявил через прессу, что он остается «в тесном контакте» с советским правительством, в то время как Майский отмечал: «Вот уже 12 дней (с 19 марта), как я не видел Галифакса»[1]. Позже полпред опроверг прозвучавшее в Палате общин заявление о том, что он был уведомлен о провале декларации четырех держав. «Кадоган никогда не сообщал мне в прямой и ясной форме, что декларация четырёх провалилась». Это было лишь предположение, «но точного заявления такого рода не было». Кадоган всё еще надеялся, что «декларацию» можно реанимировать[2].

Британские гарантии Польше

31 марта Чемберлен объявил в Палате общин о предоставлении Великобританией Польше гарантий безопасности. За два часа до этого заявления Галифакс встретился с Майским, чтобы рассказать ему, что должно произойти. Он показал Майскому заявление Чемберлена и спросил о его реакции. Посол быстро просмотрел текст. «Мне трудно высказать какое-либо продуманное мнение, — ответил Майский. — а в конце нет ясного указания, что Англия готова прийти на помощь Польше вооруженными силами. Какой эффект это произведет на Гитлера? Поверит ли он в серьезность британских намерений? Не знаю. Может быть, и нет». Затем Галифакс совершенно неожиданно спросил, может ли Чемберлен сказать, что советское правительство одобряет это заявление. Майский был ошеломлен. «Я сразу понял, в чем дело, — написал он в своем дневнике. — Чемберлен хотел бы прикрыться от нападок оппозиции нашим именем». Майский ответил: «Я Вас не совсем понимаю лорд Галифакс. Подготовляя свою польскую акцию, вы с нами не консультировались. Настоящего заявления сов[етское] пра[вительство] не видело. Я сам имел возможность с ним ознакомиться всего лишь несколько минут назад. Как же при таких обстоятельствах премьер-министр может говорить, что его декларация одобряется сов[етским] пра[вительством]? Я полагаю, что это было бы неудобно».

«Галифакс смутился, — заметил Майский, — и поспешил заметить: Да, пожалуй, вы правы». Это всё из-за поляков, объяснил Галифакс, а не потому, что британское правительство не желает консультироваться с Москвой. Поляки выступают против «участия СССР в какой-либо общей

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 31 марта 1939 г. С. 367–369.

[2] И. М. Майский — М. М. Литвинову. 15 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 4. Л. 31–32.

с ними комбинации»[1]. Таким образом, как и подозревал Литвинов, Бек по-прежнему делал все, чтобы не допускать участия СССР в европейских делах. Но поляки были не единственным препятствием; вторым был премьер-министр Великобритании. Они объединились, чтобы вместе проводить катастрофическую политику, которая пять месяцев спустя привела к сокрушительному поражению Польши. В роли «могильщиков» были не только французы.

Во время заседания Палаты общин Чемберлен пригласил Ллойда Джорджа к себе для разговора. Это был необычный жест, поскольку премьер-министру не нравился «Эл Джи», «беспринципный маленький негодяй», как он его однажды назвал[2]. Но Ллойд Джордж не скрывал своего негодования, и парламентские организаторы сочли, что премьер-министру следует попытаться его успокоить. Чемберлен хотел поговорить о британских гарантиях Польше и узнать, как обстоят дела с Советским Союзом. Он заявил, что Румыния и Польша «создают трудности» в отношении Москвы и что Великобритания может рассчитывать на то, что Польша станет потенциальным вторым фронтом против Германии и без поддержки Советского Союза.

Ллойд Джордж, изумленный этим предположением, только посмеялся над премьер-министром. «Какая чепуха! — ответил он. — Без СССР не может быть второго фронта. Без СССР гарантия Польше есть безответственная азартная игра, которая может кончиться очень плохо для нашей страны!»[3]

Как пишет об этом разговоре Майский, несомненно, получивший информацию от Ллойда Джорджа, Чемберлен не знал, как реагировать. И это неудивительно. Чемберлен не мог сказать Ллойду Джорджу того, что он в то время говорил в личных беседах более благодарным слушателям, а именно что он выступает против союза с СССР. К счастью, благодаря Польше у премьер-министра Великобритании была удобная отговорка. В некоторой степени в такой же роли могла использовать Польшу и Франция.

В этот же день в Москве Потёмкин вызвал к себе Гржибовского, чтобы тот подтвердил позицию Польши. Мы все еще пытаемся сохранить «политическое равновесие» между Германией и СССР, сказал посол: «Дальнейшая позиция Польши будет зависеть от Гитлера. Если его отношения к Польше примут явно агрессивный характер, колебаниям польского правительства будет положен конец, и оно силою вашей вынужде-

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 31 марта 1939 г.. С. 367–369; И. М. Майский — в НКИД. 31 марта 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939: Док. и мат-лы. Т. 1. 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. С. 351–353.

[2] Chamberlain to Hilda. 27 Feb. 1938 // Chamberlain Papers, NC18/1/1040.

[3] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 1 апреля 1939 г. С. 369–370.

но будет, при помощи великих держав, отстаивать независимость своего государства»[1].

Литвинов направил Майскому длинное послание, в котором со свойственной ему циничностью анализировал сложившуюся ситуацию: «Чемберлен, вероятно, несказанно рад возможности делать такие ссылки и сваливать неудачу декларации [четырех держав] и аналогичных выступлений на Польшу и Румынию». Британцы говорят о некоем блоке, в котором мог бы участвовать СССР, однако нет никакой ясности ни относительно его участников, ни относительно его функций. Идея, по-видимому, заключается в том, продолжал Литвинов, что блок будет включать в себя Великобританию, Францию и Польшу, а также, возможно, Румынию. Они обсудят детали, «а потом нам сообщат, какая роль выделена для нас».

«Если они так думают, то нельзя отказать им в наивности. Данное нами вчера опровержение газетных намеков должно рассеять иллюзии англичан относительно приемлемости для нас какой бы то ни было роли, которая будет предоставлена нам на основании решений какой-то комбинации государств без нашего участия. Англичане и французы так маневрируют, что могут нас заставить отказаться заранее от каких бы то ни было обещаний помощи Польше, Румынии и другим странам. *Мы* [курсив мой. — *М. К.*] предпочтем, вероятно, не связывать себе рук».

Литвинов снова говорит «мы», имея в виду Сталина и Политбюро. Но давайте посмотрим, что Литвинов пишет дальше. Возможно, Чемберлен надеется, что Италия и Испания (а может быть, и Япония) окажут давление на Гитлера и заставят его придержать коней? Может быть, он думает, что сможет напугать Гитлера, но как знать, действительно ли Британия решится вступить в войну с Германией? «Во всяком случае, для нас представляет известную выгоду положение, при котором к нам обратятся, как к последнему решающему фактору». А может быть, Чемберлен надеется подтолкнуть Гитлера в других направлениях, например, на северо-восток, ожидая, что СССР отреагирует на любой такой шаг, тем самым спровоцировав войну на Востоке, «о котором Чемберлен мечтает».

Литвинов недоумевает, почему Великобритания так охотно пошла навстречу возражениям и уловкам Бека: можно подумать, что это Польша предлагает помощь Великобритании, а не наоборот: «Решающее слово должны были сказать Чемберлен и Даладье, а не Бек. Не в первый раз Англия делает нам предложения о сотрудничестве и потом берет их обратно, с ссылками на действительные или возможные возражения то Германии, то Японии, а теперь Польши... Для нас нетерпимо положение человека,

[1] О встрече с польским послом в СССР В. Гржибовским. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 31 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 143. Л. 20–21.

которого приглашают в гости, а затем просят его не приходить, ввиду того, что другие приглашенные гости не желают с ним встречаться. Мы предпочли бы быть совершенно вычеркнутыми из списка приглашаемых. Поскольку Чемберлен посылает нам приглашения под давлением общественного мнения и пытается отыгрываться на общих декларациях о консультации, на разговорах с советским послом и т. п., Вам следовало бы не помогать ему в этом... Надо давать понять англичанам наше нежелание на такого рода “консультации” и “тесное сотрудничество”».

Затем Литвинов переходит к Франции, которая «как будто совершенно стушевалась, предоставив даже разговоры с нами одной Англии. За все это время Бонне только один раз, а именно 31 марта, неожиданно обратился к т[оварищу] Сурицу с вопросом, какова будет наша позиция в случае нападения на Польшу и Румынию. При этом он не скупился, конечно, на общие фразы о намерении не игнорировать СССР, а наоборот, сотрудничать с ним и т. п.»[1].

Литвинов был вне себя от гнева. «Мы отлично знаем, — написал он своему полпреду в Берлине, — что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже к нам обратятся [Великобритания и Франция] за нашей помощью, тем дороже нам заплатят. Мы относимся поэтому совершенно спокойно к шуму, поднятому вокруг так называемого изменения английской политики»[2]. «Мы», — снова пишет Литвинов.

Литвинову, должно быть, было непросто справляться с чередой неудач. И дело было не только в сложностях внешней политики. К началу 1939 года ряды НКИД заметно поредели в результате чисток; Литвинов лишился многих друзей и соратников. Одним из наиболее близких ему коллег был Стомоняков, который с 1934 года занимал должность замнаркома. В декабре 1938 года Стомонякова арестовали — как обычно, по нелепому сфабрикованному обвинению, — а в октябре 1941 года расстреляли. Еще одним верным другом у Литвинова стало меньше, а теперь дракон подкрадывался все ближе к самому наркому. «Как я могу проводить внешнюю политику, — сказал он французскому послу Полю-Эмилю Наггьяру в феврале, допустив минутную неосторожность, — когда напротив это здание [тюрьма на Лубянке]?»[3] Наггьяр сменил на посту посла Кулондра. Ему пришлось возвратиться в Париж по состоянию здоровья вскоре после прибытия в Москву, и вернулся в СССР он только поздней весной.

---

[1] М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 4 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 3. Л. 36–40.

[2] М. М. Литвинов — А. Ф. Меркалову. 4 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 92. Д. 4. Л. 23–22.

[3] Naggiar’s undated, post facto minute on his dispatch. No. 161. 19 July 1939 // MAE Papiers Naggiar/8.

В марте Пайяр отметил, что Литвинов напряжен, так как его политика вызывает критику в Москве. То, что нарком находился в таком состоянии, было неудивительно. Он всегда запрашивал у Сталина одобрения, если дело касалось какой-либо важной политической инициативы, но теперь, казалось, писал Сталину и по менее важным вопросам, например, по поводу подарка на день рождения герру Гитлеру в апреле[1]. Создавалось впечатление, что он боится и шагу ступить, чтобы не выйти за рамки. В дипломатическом сообществе ходили слухи, что дни наркома сочтены[2]. С другой стороны, по мнению многих московских дипломатов, дни Литвинова были сочтены уже давно. Среди немногих коллег Литвинова, оставшихся в живых, были Потёмкин, Суриц и Майский. Пощадили ли их потому, что они занимали должности, которые имели ключевое значение для любой попытки укрепить отношения с Парижем и Лондоном? Или это было просто слепое везение?

Был ли выход?

Даже если Литвинов и был в отчаянии, он не сидел сложа руки: в начале апреля он несколько раз беседовал с Гржибовским, пытаясь заставить того преодолеть враждебность поляков к СССР и предупреждая о том, какую опасность представляют нацисты для Польши[3]. В то же время Майский, видимо, по собственной инициативе, через посредника предложил Литвинову посетить Лондон. В своем дневнике он писал, что эта идея активно циркулирует в правительстве. По словам Литвинова, это была идея Хадсона, но по его возвращении в Лондон ее сразу забраковали. Сарджент решил, что она плоха, поскольку вызовет всеобщие подозрения и не принесет положительных результатов. «Я надеюсь, что мы не позволим надуманным жалобам Майского и мнимым обидам Литвинова заставить нас действовать вопреки здравому смыслу».

«Я согласен, — написал Кадоган. — Лично я рассматриваю сотрудничество с Советами скорее как помеху, чем как преимущество».

Галифакс был менее категоричен: «Нам нужно, если это возможно — не причиняя непропорционально большого вреда... — поддерживать с ними хорошие отношения»[4].

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 14 апреля 1939 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 678. Л. 41. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копия отправлена В. М. Молотову.

[2] Raymond Brugere, French minister in Belgrade. No. 97. 1 March 1938 // MAE URSS/988, F. 59; Payart. Nos. 171–175. 15 March 1939 // MAE Papiers Naggiar/10.

[3] *Carley M. J.* 1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II. P. 118–119.

[4] Record of conversation between W.N. Ewer, correspondent for the *Daily Herald* and I. M. Maiskii. 1 April 1939 г.; minutes by Sargent, 6 April; Cadogan, 7 April;

Были ли «надуманные жалобы» и «мнимые обиды» советской стороны необоснованными? И что думал об англо-советском сотрудничестве Чемберлен? «Я должен признаться в глубочайшем недоверии к России, — писал Чемберлен Иде. — Я не доверяю ее мотивам, которые, как мне кажется, мало связаны с идеями свободы и направлены только на то, чтобы получить контроль над всеми остальными»[1]. Итак, получалось, что Литвинов ломает комедию, а Москва заинтересована только в том, чтобы «получить контроль над всеми остальными».

Чемберлен по-прежнему был не намерен уступать. На карикатуре художника Дэвида Лоу, опубликованной в конце марта, показано, как премьер-министра изо всех сил толкают сзади, но он упорно отказывается пересечь черту с надписью «коллективная безопасность». На другой карикатуре, опубликованной в мае, Чемберлен изображен верхом на лошади по кличке «Англо-Рус», которая никак не хочет бежать[2]. Если карикатуристу Лоу было известно достаточно, чтобы рисовать подобное, значит, более важные люди тем более знали, кто тормозит продвижение в отношениях с СССР. Чемберлен и сам не скрывал своей позиции. «Положение ничуть не облегчает то, что ко мне пристают с требованием явиться на [заседание] парламента, — писал он Иде. — А Уинстон... хуже всех, звонит почти каждый час». Вторым после Черчилля в списке надоедливых коллег премьер-министра был Ллойд Джордж, «подстрекающий» оппозицию своей «жалкой верой в то, что у России в руках ключ к нашему спасению»[3]. Вот как — жалкой верой!

Литвинов был не совсем уверен, что следует делать. Он вернулся к идее использования прессы для представления точки зрения СССР по вопросам, которые он обсуждал со Сталиным. Ему надоели антисоветские выпады в британской и французской прессе, особенно в полуофициальных газетах, таких как лондонские «Таймс» и «Дейли телеграф» и парижская «Тан». Через московские газеты «Правда» и «Известия» можно было дать достойный отпор, но поскольку они были официальными изданиями, необходимо было соблюдать определенные ограничения. В Париже и Лондоне такие ограничения не соблюдались, поскольку все связи с этими газетами как полуофициальными средствами массовой

Halifax, 8 April 1939, C5430/3356/18 // TNA FO 371 23063; *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1: 1934 — 3.09.1939 год. Запись от 20 марта 1939 г. С. 362–363; М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 4 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 11. Л. 189. Копии отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу.

[1] Chamberlain to Ida. 26 March 1939 // Chamberlain Papers, NC18/1/1091.

[2] Towing the Line // Evening Standard, 24 March 1939; Timing the Favourite // Evening Standard, 22 May 1939.

[3] Chamberlain to Ida. 9 April 1939 // Chamberlain Papers, NC18/1/1093.

информации отрицались. Оставалось только еще более интенсивно использовать для нанесения ответных ударов газету «Журналь де Моску» с ее крошечным тиражом. Литвинов предлагал в передовице «потрепать немножко и Польшу и напомнить ее "послужной список", так как Польша ведет себя, как Вы знаете из моих последних бесед с Гржибовским, довольно гнусно». И все же Литвинов был настроен пессимистически; его политические возможности были ограничены, СССР практически оказался в изоляции. «Но я уже не знаю, можно ли и должен ли я это сделать, — писал Литвинов. — Я поэтому посылаю Вам копию передовицы, мною заказанной и сданной сегодня в редакцию "Журналь де Моску"»[1]. Эти последние строки свидетельствуют о том, что уверенность Литвинова пошатнулась; он из последних сил пытался найти выход и сделать так, чтобы голос Советского Союза был услышан сквозь бушующий на Западе ураган советофобии.

Из Парижа ситуация виделась менее безнадежной. Суриц сообщал, что французы уже не столь уверены в себе и наконец-то начинают смотреть правде в глаза: нацистская Германия намерена расширяться за пределы своих границ, а без союзников Франции «капут»[2]. В начале апреля Бонне почти каждый день звонил Сурицу, чтобы узнать, нет ли новостей из Москвы, и подчеркнуть необходимость сотрудничества. Суриц ему не верил. 5-го числа во время очередной такой встречи Бонне говорил о «сотрудничестве», ограничиваясь общими фразами и не внося никаких предложений. Советская сторона все это уже слышала. Читателям, вероятно, вспомнились ложные заверения, данные Гамеленом покойному генералу Венцову в декабре 1936 года. Бонне попытался объяснить Сурицу, что в собственных интересах Москвы оказать помощь Польше и Румынии в случае немецкого вторжения. Он даже процитировал речь Сталина от 10 марта. Суриц отвечал уклончиво, воздерживаясь даже от каких-либо вопросов. «Ясно только одно, — отмечал Суриц, — что Бонне хочется, чтобы мы взяли на себя обязательства и, вероятно, главный удар со стороны Германии». Пусть, дескать, Германия и СССР разбираются между собой. Как для Парижа, так и для Лондона подобные рассуждения были вполне типичны. Когда Суриц уходил, Бонне выразил надежду, что через несколько дней сможет внести «конкретные предложения». Суриц в этом сомневался. «Все эти разговоры со мной имеют лишь цель поддержать во вне впечатление о консультации, тесном контакте и т. д». Это делалось для того, чтобы успокоить критику оппозиции в ад-

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину, В. М. Молотову. 3 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 11. Л. 178–179.

[2] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 26 марта 1939 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 913. Л. 11–25.

рес бездействующего правительства. «Я бы к нему вообще сейчас не ходил, — заключил Суриц, — если бы не текущие дела»[1].

Тем временем британцы, казалось, начали действовать. В начале апреля Бек посетил Лондон, чтобы обсудить условия соглашения о помощи. 6 апреля Чемберлен выступил в Палате общин с заявлением относительно двустороннего англо-польского соглашения о взаимной помощи. Это было временное соглашение, официально оно было оформлено позже. Галифакс сообщил Майскому, что в какой-то момент в будущем будет заключен двусторонний договор о взаимопомощи. По словам Галифакса, Бек отказался быть частью какого-либо блока или соглашения с участием СССР, потому что это противоречило бы основной линии польской политики — «нейтральной позиции» между Германией и СССР, а также потому, что Польша «ни при каких условиях» не согласилась бы на присутствие Красной армии на своей территории. Что касается Румынии, ситуация была неясна, и Бек сказал, что постарается прояснить намерения Румынии по возвращении в Варшаву. Галифакс подчеркнул различие между Польшей и Румынией и выразил определенное нежелание обеспечивать безопасность Польши без участия других держав. Конечно же, под другими державами мог подразумеваться только СССР. Бек также поднял вопрос «о еврейской эмиграции из Польши», спросив, не могут ли евреи поселиться где-нибудь на территории Британской империи. «Мадагаскарский план» оказался неосуществимым. В Польше насчитывалось 3 миллиона евреев. Дискуссия по этому вопросу, по словам Галифакса, «была непрофессиональной и не имела каких-либо практических последствий». То, что Бек поднял этот вопрос, учитывая обстоятельства, было довольно необычно, но одновременно это было явным признаком польского антисемитизма. Разве польские евреи не будут сражаться, защищая свою страну? Галифакс не дал комментариев по этому поводу, но попросил Майского передать в Москву, что он надеется на одобрительную реакцию советского правительства на заключение англо-польского соглашения. Это стало бы первым шагом к созданию широкой коалиции государств, желающих поддерживать мир и противостоять агрессии. Галифакс сказал, что не представляет себе коалицию без СССР, и чем скорее это станет реальностью, тем лучше[2]. Не забегал ли министр

---

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 6 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 302. Д. 2089. Л. 174–175. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] И. М. Майский — в НКИД. 6 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2076. Л. 92–96. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

иностранных дел вперед, говоря о сотрудничестве с Москвой и отбиваясь тем самым от Чемберлена, Сарджента и Кадогана?

Майский считал, что британское правительство постепенно приходит в себя. «Оккупация Праги» заставила изменить свое мнение «широкие массы населения, в частности широкие массы Консервативной партии». В качестве примера Майский привел лорда Бивербрука, бывшего «сторонника изоляции», который наконец осознал, что «средний человек с улицы» не желает больше слышать об изоляционизме. Майский попытался убедить Москву не отказываться от англичан. Все «более ответственные люди», с которыми Майскому удалось встретиться (он упомянул Идена, Ванситтарта, Ллойда Джорджа, Бивербрука, Черчилля и других), были единодушны во мнении, что «Гитлер разбудил в настоящее время в Англии те старые сильные политические страсти, которые в начале нынешнего столетия судил кайзер, а на рубеже XIX века — Наполеон. Вот уже четыре века основным принципом британской политики в Европе является борьба не на живот, а на смерть со всякой державой, стремящейся стать гегемоном континента». Майский перечислял и других людей, бросивших вызов власти Великобритании: короля Испании Филиппа II и Людовика XIV, а также Наполеона и кайзера Вильгельма II.

Майский повторил то, что он уже записал в своем дневнике: что «массовые настроения кристаллизовались в стихийном возгласе: “Германия — вот враг!”» Это был центральный мотив четырехстраничного отчета, однако помимо этого в нем было указание на возможный источник проблем. Майского по-прежнему беспокоил Чемберлен, и не без причины. Поговаривали, будто премьер-министр осознал, что надежды справиться с Гитлером нет, что он отказался от «флирта» с нацистской Германией и готов дать отпор «диктаторам». Из этого предположения вытекало еще одно, а именно что стране не нужен никакой другой премьер-министр и что если все же возникнет необходимость борьбы с Гитлером и Муссолини, ее должен будет возглавить человек, которого нельзя было бы заподозрить в том, что он жаждет войны. Не было никакой необходимости и в перестановках в Кабинете министров, поскольку все члены Кабинета, даже Хоар и Саймон, были на одной волне. Майского мучали сомнения; он не слишком верил в «обращение» Чемберлена. Премьер-министр «остался тем, чем он был, и что все его новые ”жесты” в области внешней политики вызваны давлением общественной волны, которой он следует очень неохотно, упираясь, где возможно, на каждом шагу». Опасность заключалась в том, что он мог вернуться к «“умиротворению” хотя и в несколько модифицированной форме», если позволят обстоятельства. Майского также беспокоило продолжающееся сопротивление Чемберлена улучшению отношений с СССР, несмотря на давление со стороны оппозиции. Под этим давле-

нием премьер-министр заявил в Палате общин, что готов сотрудничать с СССР против агрессоров.

«А что мы видим на самом деле? На самом деле Чемберлен вот уже почти месяц (со времени падения Праги) занимается саботажем действительного англо-советского сотрудничества. Казалось бы, чего проще? Если всерьез хочешь вести борьбу против Германии в современной Европе, особенно в Восточной и Юго-Восточной Европе, то прежде всего надо договориться с СССР. Это ясно каждому ребенку. Чемберлен однако поступает как раз обратно».

Он сотрудничает с Польшей и рассматривает возможность предоставления гарантий Румынии, Греции и Турции и других государств. Все эти государства требуют помощи от Англии, «но которые не в состояния помочь ни Англии, ни самим себе, но он все никак не может добраться до СССР, в руках которого находится ключ к любой системе европейской безопасности». И разве можно знать, что произойдет дальше? «Конечно, обстоятельства могут оказаться сильнее Чемберлена, они могут принудить его серьезно перестроить правительство или по-настоящему взять курс на Москву, они могут также заставить его выйти в отставку, но это уже совсем иное дело». Из всего этого Майский заключал, что последняя возможность, «к сожалению», маловероятна[1].

Депеша Майского была датирована 9 апреля, и ее занесение в архив НКИД заняло почти неделю. В тот же день Литвинов снова написал Сталину, на этот раз по поводу телеграмм Сурица относительно Бонне и французов. Бонне, сообщил он, хочет «открыть переговоры между СССР и Францией на предмет выяснения, какие меры должны быть приняты в случае атаки Германии на Румынию и Польшу».

«Бонне является наиболее последовательным и непреклонным сторонником так называемой мюнхенской политики. Я полагаю, что он и теперь еще готов продолжать прежнюю линию, которая сводится к тому, что Франция отказывается от какого бы то не было вмешательства в дела Европы, с исключением случаев прямого нападения на самое Францию или близлежащие Бельгию и Швейцарию. Он готов пожертвовать всеми остальными странами Европы, включая Румынию и Польшу. Он несомненно поощрял Бека в его антисоветской позиции и вряд ли сочувствует даже тем заявлениям, которые делал Чемберлен в отношении Польши. К сожалению, с ним приходится иметь дело, как с министром иностранных дел, но необходимо всегда иметь в виду, что наши ответы и предложе-

[1] И. М. Майский — М. М. Литвинову. 9 апреля 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 291. Л. 34–37. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147., Копия отправлена И. В. Сталину.

ния он будет пытаться использовать в подкрепление своего тезиса о невозможности сотрудничества с нами и изменения мюнхенской политики. В таком же духе он использует и неполучение ответа от нас».

В связи с этим Литвинов предложил на одобрение Сталину текст, который в итоге стал ответом Советского Союза Бонне: что советское правительство предлагало конференцию шести держав и в итоге согласилось на британское предложение о декларации четырех держав. «Хотя Польша и Румыния к советскому правительству за помощью не обращалась и СССР совершенно свободен от каких бы то ни было обязательств в отношении помощи этим двум странам, советское правительство и впредь готово выслушивать и изучать любые конкретные предложения»[1]. Сталин одобрил текст Литвинова, и на следующий вечер он был телеграфирован Сурицу. Литвинов уполномочил последнего сказать, что у него есть указания направлять в Москву любые «конкретные предложения»[2]. Несмотря на скептицизм Литвинова, для любых предложений из Парижа двери оставались открыты.

Указания наркома пересеклись с депешей от Сурица, в которой говорилось, что Бонне требует от него ответа на предложение о переговорах. «Вчера Бонне неоднократно звонил и спрашивал, нет ли ответа. Сегодня он мне позвонил и попросил к нему заехать. Застал я его в состоянии полной прострации. Он показал мне кучу телеграмм из Рима и Берлина и других мест алармистского характера». В самом деле, 7 апреля Италия вторглась в Албанию, и кто мог знать, что будет дальше? Бонне с нетерпением ждет нашего ответа, сообщал Суриц: вчера он отправил Пайяру инструкции на этот счет. Он хочет немедленных переговоров и готов подписать трехстороннюю декларацию, без участия Польши[3]. С трехсторонней декларацией Бонне немного опоздал, Чемберлен уже отверг эту идею.

Между Парижем и Москвой шел интенсивный обмен телеграммами и депешами. 11 апреля Литвинов снова написал Сурицу; текст его послания дублировал то, что нарком писал Сталину 9 апреля, и был полон недоверия к Бонне и Галифаксу. Возможно, нарком проявлял излишнюю суровость к Галифаксу, который, кажется, был более открыт по отношению к Москве, чем Чемберлен. Литвинов, похоже, был не в настроении про-

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 9 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 11. Л. 204–205. Копия отправлена В. М. Молотову.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 10 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 303. Д. 2093. Л. 7. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[3] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову.10 апреля 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939: Док. и мат-лы. Т. 1: 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. С. 367.

водить различия; по его мнению, лидеры Франции и Англии вели пустые разговоры, которые были всего лишь уловкой, чтобы сказать политической оппозиции, что они «в контакте и консультации» с СССР. Бонне был «мало склонен помогать Польше, Румынии или кому бы то ни было на Востоке Европы», как это было в случае с Чехословакией. Дискуссии с ним были лишь удобным способом получить возможность сказать, что СССР не желает присоединяться к какой-либо помощи другим. Литвинов говорил подобное не впервые, однако теперь он, казалось, был настроен гораздо более яростно в отношении Бонне. «Необходимо поэтому давать ему [Бонне] такие ответы, чтобы он не мог, как в сентябрьские дни, ссылаться на них в оправдание собственной пассивной и капитулянтской позиции». Со времени предложения о совместной декларации, отмечал Литвинов, новых конкретных предложений со стороны Великобритании или Франции по соглашениям с СССР не поступало.

«Если расшифровать эти разговоры, то выясняется лишь желание Англия и Франции, не входя с нами ни в какие соглашения и не беря на себя никаких обязательств по отношению к нам, получить от нас какие-то обязывающие нас обещания. Мы должны перед всем миром, а более формально перед Англией и Францией, обязаться помогать Польше и Румынии по их первому требованию и в тех формах, какие они сами нам укажут. Но почему мы должны принимать на себя такие односторонние обязательства? Нам говорят, что в наших интересах защита Польши и Румынии против Германии. Но мы свои интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют. Зачем же нам заранее обязываться, не извлекая из этих обязательств решительно никакой выгоды для себя?

Все выгоды от последней англо-французской суетни достались пока лишь Беку, который имеет возможность занять более решительную позицию в переговорах с Гитлером и добиться сделки за счет Литвы и Прибалтики. Это ли борьба с агрессией, когда одновременно будут удовлетворены захватнические аппетиты и Германии (отвоевание коридора и Данцига) и Польши? Более того, обязавшись оказывать помощь Польше без всяких оговорок, Англия фактически заключила договор с Польшей также против нас. Мы, правда, не собираемся нападать на Польшу, но тем не менее соглашение с Англией, укрепляя все позиции Польши в отношении СССР, не может не быть неприязненным актом».

Далее Литвинов рассуждал о Румынии. По сведениям, полученным из турецкого посольства, выходило, «что Англия и Франция готовы примкнуть к румынско-польскому договору, заключенному, согласно утверждений самой Польши, исключительно против СССР. Пусть действие этого договора распространяется теперь и на Германию, но все же Румыния получает союзников против нас и ее позиция укрепляется и по Бесса-

рабскому вопросу. Вот итоги “сотрудничества” Англии и Франции с СССР».

Литвинов также прокомментировал выраженную Бонне готовность подписать декларацию трех держав с Польшей, которую сам он назвал бессмысленной. Бонне «легко делать такие либеральные заявления, зная, что на это не пойдет Англия, и предполагая, что декларация неприемлема и для нас». Литвинов добавил также интересный *post scriptum*. Изложенная «аргументация», писал он, призвана объяснить «нашей позиции» (обратите внимание, Литвинов говорил от имени «четверки»). Ее не следует использовать с «посторонними лицами» без наших дальнейших указаний. «Необходимо теперь быть особенно точными и скупыми на слова в переговорах о *нашей* [курсив мой. — *М. К.*] позиции в связи с современными проблемами»[1].

Тогда же, 11 апреля, Галифакс пригласил Майского к себе для очередной беседы. Глава Форин-офис сообщил, что британское правительство сосредоточило свое внимание на Румынии и восточной части Средиземноморского бассейна и планирует сделать заявление в Палате общин. «Что это конкретно означает?» — спросил Майский. Британское правительство, ответил Галифакс, будет рассматривать любое нападение на Грецию «как нечто близкое к *casus belli*». Правительство решило «в принципе» предоставить гарантии Греции. Еще не решено, будет ли гарантия односторонней или будет иметь характер договора о взаимопомощи, подобного тому, который был предложен Польше. Правительство также рассматривает возможность предоставления гарантий Турции, если она того пожелает.

Галифакс сообщил, что он предложил Беку предоставить Румынии совместную гарантию Великобритании, Франции и Польши. Бек отказался от немедленного ответа, заявив, что касательно польско-румынского союза ему необходимо проконсультироваться с правительством Румынии. По словам Галифакса, Румыния не знала, что делать: договор о взаимопомощи мог спровоцировать резкую реакцию Германии. Британское правительство еще не приняло решения о дальнейших действиях. Галифакс снова спросил, что СССР предлагает сделать для помощи Румынии. «Не имею по этому вопросу инструкций из Москвы, — ответил Майский. — Попутно я спросил Галифакса, возражали ли румыны и в какой форме против привлечения СССР к какой-либо комбинации по гарантии ее независимости? Галифакс ответил, что румыны в этом вопросе были далеко не столь категоричны, как Бек, и что их возражения или точнее опасения

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 11 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 206. Л. 40–43. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

вытекали не из каких-либо принципиальных соображений... а из боязни, как бы открытая ассоциация с СССР не дала Германии предлог для нападения на Румынию». Это было очень верное замечание. Румынское правительство всегда занимало менее категоричную позицию по вопросу сотрудничества с СССР, даже после ухода Титулеску с поста министра. Майский отметил, что Галифакс несколько раз возвращался к вопросу о Польше вообще и Беке в частности: «видно», что относительно и того, и другого у него были некоторые сомнения. Галифакс задал несколько вопросов касательно Бека; Майского удивило то, как мало ему было известно о польском министре иностранных дел.

Затем Галифакс спросил о реакции советского правительства на британскую «новую политику». «Что пока, — ответил Майский, — не вижу в ней ничего особенно “нового”». Это был саркастический комментарий, который в ретроспективе кажется довольно неуместным, особенно в свете отчетов Майского о недавних встречах с Галифаксом, которые показывают, что Галифакс, пусть даже и непреднамеренно, старался говорить более откровенно, чем, скажем, Сарджент или Кадоган. Далее Майский высказал свое личное мнение (которое, возможно, ему следовало бы оставить при себе), что единственный способ сдержать агрессию и гарантировать мир — это широкие многосторонние обязательства, а не двусторонние или трехсторонние соглашения. «Галифакс с этим в принципе соглашался, — по словам Майского, — но утверждал, что британское правительство идет к той же цели коллективной безопасности, но с другого конца — от сепаратных соглашений к общему соглашению, может быть, без этого слишком скомпрометированного теперешней “коллективной безопасностью”». Майский ответил довольно жестко: «Я указал Галифаксу на опасность, связанную с английским методом, и также констатировал, что британское правительство вообще движется слишком медленно. Невольно у многих в Европе создается впечатление, что британское правительство не имеет серьезных намерений, и что оно ищет лишь различных предлогов для того, чтобы ничего не делать». Галифакс считал, что британское правительство стремительно движется в сторону твердой позиции против нацистской агрессии, и надеялся, что советское правительство это видит. Майский ответил, что скорость, с которой Великобритания реагирует, могла бы быть достаточной в XIX веке, но ее явно недостаточно, чтобы идти в ногу с Гитлером и Муссолини, потому что нужно не только догнать агрессоров, но и предвидеть их действия и помешать им. Майский еще некоторое время продолжал рассуждать в том же духе, как будто секретарю по иностранным делам нужно было преподать урок дипломатии. С этой встречи Галифакс ушел разочарованным: «Отношение Майского во время нашей беседы было вполне дружелюбным, но по ее завершении у меня не осталось

ощущения, что мы добились какого-либо большого прогресса в решении реальных трудностей, которые правительство Его Величества неизбежно осознает, но которые, как мне кажется, Майский и советское правительство упорно игнорируют»[1].

Литвинову не понравился подход и тон Майского в разговоре с Галифаксом. С разрешения Сталина Литвинов упрекнул своего полпреда в слишком негативном отношении к Галифаксу. «Считаем также неуместной Вашу критику английской политики. Вам следует руководствоваться нашими прямыми указаниями, а не статьями из нашей печати, которая может себе позволить больше, чем официальный советский представитель». Что касается самого дела, о котором шла речь, Литвинов поручил Майскому сообщить Галифаксу, что советскому правительству не безразлична судьба Румынии и что оно хотело бы знать, как Англия относится к возможности помощи Румынии самостоятельно и совместно с другими странами. «Мы готовы, — заявил Литвинов, — принять участие в такой помощи»[2].

14 апреля Бонне предложил укрепить Советско-французский договор о взаимопомощи. Недавно получивший повышение генерал Палас отправился в Наркомат обороны СССР, чтобы сообщить, что французское правительство намерено предложить военную помощь Польше и Румынии против Германии и что «французское Военное министерство согласно вести переговоры с Генеральный штабом РККА». Французская сторона хотела уточнить, какую прямую или косвенную помощь Красная армия могла бы предложить Польше и Румынии[3]. Это, должно быть, стало неожиданностью для Ворошилова и новостью для Бонне, который предлагал в отношении Польши и Румынии только взаимность обязательств, да и то лишь после того, как Суриц сказал ему, что ни на что меньшее в Москве не

---

[1] И. М. Майский — в НКИД. 11 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 276. Л. 109–114. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.; Halifax to Seeds. No. 230.11 April 1939, C5068/3356/18 // TNA FO 371 23063.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 13 апреля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 270; М. М. Литвинов — И. М. Майскому. 13 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 301. Д. 2079. Л. 121. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову и др.

[3] Докладная записка врид начальника РУ РККА А. И. Старунина наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову о намерении правительства Франции оказать военную помощь Польше и Румынии против Германии. 13 апреля 1939 г. // РГВА. Ф. 33987. П. 3а. Д. 1242. Л. 42. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

согласятся[1]. Палас, вероятно, просто делал все, чтобы выполнить полученные им инструкции.

В тот же день британское правительство направило Советскому Союзу приглашение дать односторонние гарантии Польше и Румынии. Таким способом Великобритания пыталась привлечь советскую сторону, при этом не взяв перед ней на себя никаких обязательств. Тем не менее Майский в тот день положительно высказывался относительно британских гарантий в беседе с Галифаксом в Форин-офис, если верить записи, сделанной самим Галифаксом. В соответствии с полученными инструкциями, Майский ознакомил его с советской позицией по Румынии. Галифаксу не терпелось получить ответ СССР, и он просил предоставить его как можно скорее. В своем докладе в Москву Майский упомянул о том, что после Галифакса встретился с Ванситтартом. Последний подтвердил, что полученные Сидсом новые инструкции, включающие просьбу об односторонних советских гарантиях, наглядно демонстрируют, что советско-британские отношения вступают в «новую фазу» консультаций о реальном сотрудничестве[2].

Может быть, так оно и было, а может быть и нет. Литвинов был ни в чем не уверен. Кажется, он из последних сил старался не впасть в отчаяние. «Чемберлен и Галифакс каждые несколько дней выступают публично, говоря о взаимоотношениях с нами, о тесном сотрудничестве и контакте и т. п., — докладывал Литвинов Сталину. — Удобно ли нам отмалчиваться и этим как бы подтвердить правильность замечаний английских министров по нашему адресу. Газетных статей теперь уже недостаточно, и я полагал бы, что нам надо отвечать по крайней мере каким-либо интервью»[3].

15 апреля Сидс встретился с Литвиновым, чтобы обсудить британское предложение. Литвинов дружески рассмотрел предложение Сидса, но ему не понравилась односторонняя декларация, возлагающая обязательства только на Советский Союз, а не на кого-либо еще. Литвинов в своей запи-

---

[1] Bonnet to Payart. Nos. 129–136.15 April 1939 // MAE, Papiers Naggiar/9; Я. З. Суриц — в НИКИД. 14 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 302. Д. 2089. Л. 204–205. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.; Halifax to Phipps. No. 919. 17 April 1939 // DBFP. 3rd. Vol. V. P. 225.

[2] И. М. Майский — в НКИД. 14 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2076. Л. 130–132. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.; Halifax to Seeds. 14 April 1939 // DBFP. 3rd. Vol. V. P. 209–210.

[3] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 15 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1 П. 2. Д. 11. Л. 213.

си изложил беседу несколько иначе, заявив, что не услышал в заявлении посла ничего о том, какую конкретную поддержку, как со своей стороны, так и со стороны СССР, Британия предусматривает для Румынии. Британское правительство, как заметил Литвинов, «по-видимому, предпочитает общие заявления о принципах более конкретным обязательствам о заранее согласованных формах помощи»[1].

Новое советское предложение о трехстороннем союзе против Германии

Поскольку Литвинова терзали сомнения, он говорил с Сидсом прямо, требуя конкретики и настаивая на взаимности. В этом не было ничего нового. Ново было то, что в тот же день, 15 апреля, Литвинов направил Сталину предложение о трехстороннем политическом и военном союзе с Францией и Великобританией. Англичане и французы начали раскрывать свои карты, писал Литвинов Сталину: «Если мы хотим от них чего-либо добиться мы также должны понемногу раскрывать и свои желания. Не приходится ожидать, чтобы другая сторона предлагала нам как раз то, чего мы хотим».

В конце своей информационной записки Литвинов советовал Сталину ожидать срочных и сложных переговоров с Францией и «особенно» с Англией. Это было суждение, основанное на многолетнем опыте. Также Литвинов настаивал на том, чтобы Майский присутствовал на переговорах в Лондоне, и предостерегал от дискуссий с третьими лицами, которые наверняка поймут все неправильно[2].

На следующий день Сидс снова пришел в НКИД к Литвинову. Поскольку Литвинов уже озвучил свою инициативу Сталину, он не собирался ходить вокруг да около, и в разговоре с Сидсом был довольно резок. Одних общих фраз недостаточно; публичных заявлений в принципе недостаточно. Мы хотим слышать о конкретных обязательствах. Кто и что собирается делать? Что собирается делать Франция? Что собирается делать Польша? Чего именно ожидают от советского правительства, если, как утверждается, Румынии не нужна помощь от СССР? Насколько было известно Литвинову, эти страны вполне могли заключить соглашения с Берлином и выставить гарантов дураками. И меня самого выставить дураком, подразумевал нарком, хотя вслух этого не сказал. Возможно, британское правительство знает что-то,

---

[1] О встрече с британским послом У. Сидсом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 15 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 1. Л. 33–34.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 15 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1 П. 2. Д. 11. Л. 218–219. Копии отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу.

чего не знаем мы, заметил Литвинов, но мы должны быть полностью осведомлены, прежде чем делать какие-либо публичные заявления. Пайяр, комментируя сложившуюся ситуацию, сразу сказал: Советский Союз не собирается таскать англо-французские каштаны из огня и не хочет оставаться один на один с нацистской Германией. Тем временем Бонне в Париже сообщил Сурицу, что британское предложение стало для него полной неожиданностью, хотя французское правительство его и поддержало. Во всем, что говорил Бонне, чувствовался какой-то подвох[1].

В тот же день, 16 апреля, пока Литвинов занимался подготовкой своих предложений Сталину, у Пайяра состоялась встреча с Потёмкиным. Пайяр хотел знать, как складываются отношения Румынии с СССР. «Неискренне, — ответил Потёмкин. — Румынский министр почти никогда не навещает нас. В Бухаресте также нет политических контактов между румынским правительством и нашим представительством». Читатели, вероятно, шокированы этим комментарием, учитывая то, какими были эти отношения, когда Островский был еще в Бухаресте. После его отзыва и фиаско Бутенко советское посольство оказалось словно слепым и глухим, отрезанным от окружающего политического мира. Проблема была не только в СССР: румынское правительство не доверяло Франции и Великобритании как союзникам, а если на них нельзя было рассчитывать, то любые отношения с Москвой были потенциально опасны. Пайяр также запросил информацию о реакции СССР на предложения Великобритании и Франции. У меня нет комментариев, ответил Потёмкин. Правительство рассматривает эти предложения, скоро поступит ответ[2].

В тот день Литвинов отправился в Кремль на встречу со Сталиным. Нарком предложил внести некоторые изменения в первоначальный проект предложения; окончательная версия из 8 пунктов получила одобрение Сталина[3]. СССР предлагал заключить формальное пяти- или десятилетнее соглашение о незамедлительной взаимопомощи любого рода, включая военную, «в случае агрессии в Европе против одного из трех договариваю-

---

[1] Seeds. No. 66. 16 April 1939, C5382/3356/18 // TNA FO 371 23063; О встрече с британским послом У. Сидсом. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 16 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 1. Л. 35–37; Я. З. Суриц — в НКИД. 15 апреля 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939: Док. и мат-лы. Т. 1: 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. С. 382–383; Payart. 17 April 1939 // MAE, Papiers Naggiar/10.

[2] Payart. Nos. 273–276.16 April 1939 // DDF. 2e. V. XV. P. 674–675; О встрече с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 16 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1 П. 27. Д. 3. Л. 17–19.

[3] М. М. Литвинов — И. В. Сталину, В. М. Молотову. 17 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 11. Л. 220–222.

щихся государств». В последующих пунктах были прописаны взаимные обязательства, в том числе оказание помощи всем восточноевропейским государствам вдоль советских границ от Балтийского до Черного морей. «В кратчайший срок» для установления деталей военной помощи всем странам, упомянутым в предложении, должны были состояться переговоры между штабами. Договаривающиеся стороны не должны были соглашаться на сепаратный мир. Советское предложение расставило все точки над «i» — по крайней мере, по большинству вопросов. 17 апреля Литвинов передал Сидсу советские предложения. «Огромной важности шаг! — написал Майский в своем дневнике. — Теперь общая линия ясна»[1].

Что заставило Литвинова и, что еще более важно, Сталина изменить свое мнение после заявления о том, что Великобритания и Франция должны взять на себя инициативу? На первый взгляд, такой внезапный сдвиг в политике мог бы показаться примечательным, учитывая недоверие Советского Союза к британскому и французскому правительствам. Нельзя сказать наверняка, но, по-видимому, тут сыграло роль стечение обстоятельств: «паника» Бонне, итальянское вторжение в Албанию, заявления британцев и настойчивость Литвинова. В 1920-е годы Литвинов сравнивал себя с Сизифом, потому что был вынужден вечно преодолевать всевозможные препятствия для защиты советских национальных интересов[2]. Шел 1939 год, а Сизиф-Литвинов все так же толкал свой камень на вершину горы. Сможет ли он бросить вызов богам на этот раз?

Форин-офис в лице Кадогана и Сарджента, все еще враждебно настроенных по отношению к СССР, требовал от Литвинова, как и Бонне, конкретных предложений. И вот теперь они получили то, чего просили. По логике вещей, французы и британцы должны были ухватиться за советские предложения обеими руками. Тем не менее этого не произошло.

Советский демарш вызвал насмешки. «Чрезвычайно неудобно», — отметил Кадоган. Он счел, что советские предложения «едва ли обеспечат дополнительную безопасность», они лишь оттолкнут друзей Великобритании и спровоцируют ее врагов. Правительство Его Величества обращалось к Советскому Союзу с просьбой сделать одностороннее заявление о поддержке, «чтобы успокоить наше левое крыло в Англии, а не для того, чтобы получить какое-либо солидное военное преимущество». «Помощь советского правительства будет доступна, если будет желательна и будет предоставлена таким способом, который будет представляться наиболее удоб-

---

[1] Советские предложения, переданные У. Сидсу. 17 апреля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 283–284; *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 18 апреля 1939 г. С. 376–377.

[2] *Carley M. J.* Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. P. 274.

ным». Вместе с тем, Кадогану пришлось признать, что советские предложения поставили Форин-офис в затруднительное положение.

«Отказаться от советского предложения очень трудно. Мы заняли такую позицию, в которой Советы читают нам проповеди о “коллективной безопасности”, но не делают практических предложений. Теперь они сделали такое предложение и будут ругать нас за то, что мы им отказали. И можно не сомневаться, что левые у нас в стране извлекут из этого максимальную выгоду... Существует также риск — хотя я бы сказал, что он очень отдаленный — что, если мы отклоним это предложение, Советы могут заключить какой-либо договор о “невмешательстве” с правительством Германии»[1].

Французский посол в Лондоне Шарль Корбен позже скажет, что британцы «пренебрежительно отвергли» советские предложения[2]. Так оно и было. Возможно ли, что это Кадоган помешал Галифаксу реализовать более примирительный подход?

К большому раздражению Великобритании, Бонне более благосклонно отреагировал на предложения СССР. Мое «первое впечатление, — сказал он Сурицу, — сложилось очень благоприятное»[3]. Это легко понять: у Франции не было Ла-Манша, который можно было бы использовать в качестве глубокого рва для защиты от нацистского вермахта. Даладье и Бонне никогда не нравилась идея военного союза с СССР. Оба опасались, что новая война принесет с собой распространение коммунизма в Европе. Однако теперь перспектива помощи в виде сотни советских дивизий казалась им куда более привлекательной. Французское общественное мнение, как и британское, активно поддерживало идею альянса с СССР и даже рассчитывало на него, хотя среди правых, особенно во Франции, сохранялась оппозиция более тесным отношениям с Москвой. В конце весны агрессивность французской правой прессы наконец вызвала протест со стороны Потёмкина. Если вы хотите, чтобы мы были союзниками, сказал он французскому послу без обиняков, прекратите нас оскорблять[4]. Пайяр предупредил Париж, что если Франция проигнориру-

---

[1] Cadogan’s note. 19 April 1939, C5460/15/18 // TNA FO 371 22969.

[2] Corbin. No. 409. 25 May 1939 // DDF. 2e. V. XVI. P. 562–566.

[3] Я. З. Суриц — в НКИД. 18 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 302. Д. 2089. Л. 216–217. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу.

[4] Именно «Жур-Эко де Пари» (известный своими связями с французским Верховным командованием) вызвал смятение у замнаркома. См.: О встрече с французским послом П.-Э. Наджиару. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 8 июня 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 7. Л. 87–85.

ет СССР, советское правительство может обратиться к политике изоляции или к сближению с Германией. Посольство Франции в Москве неоднократно предупреждало об этом еще начиная с 1933 года. Корбен сообщил Кадогану, что при реагировании на советские предложения «следует проявлять большую осторожность». «Русские могут воспользоваться резким отказом, чтобы вызывать у обоих правительств чувство вины, поэтому будет лучше, если удастся разработать какие-то практические встречные предложения»[1].

Форин-офис сразу же связался с Фиппсом, британским послом в Париже. «Пожалуйста, сообщите французам, что мы рассматриваем последнее советское предложение и просим их не присылать на него никакого ответа без консультации с нами». Было слишком поздно; к тому времени у Бонне уже состоялась встреча с Сурицем. На следующий день Галифакс попросил французов высказать мнение о советских предложениях «при первой же возможности». Дальше он писал следующее: «Очень важно, чтобы ни условия советских предложений, ни реакция на них правительства Его Величества или французского правительства не были обнародованы». Когда в Форин-офисе поняли, что французы могут сформировать собственное мнение, Фиппс получил еще одну телеграмму: «Желательно, чтобы ответы Его Величества и правительства Франции были примерно в одинаковом духе»[2]. Форин-офис спешил взять ситуацию под контроль и, прежде всего, предотвратить утечки информации в прессу. Как могло британское правительство объяснить, что ему не понравилось советское предложение о создании альянса против нацистской Германии? Только подумайте, насколько необычная сложилась ситуация: Форин-офис упорно отказывался принять предложение о союзе, очередного «дареного коня» Москвы, хотя война казалась неизбежной и это был единственный способ избежать поражения в схватке с вермахтом.

Хотя с Парижем Форин-офис связался очень быстро, в Москву не поступило ни какого-либо сообщения, ни даже подтверждения получения. Литвинов начал проявлять признаки нетерпения: он обрушился с критикой на Сурица за то, что тот предоставил Бонне описание советских предложений не в письменной, а только в устной форме, как будто для Бонне это имело какое-то значение[3]. «Мы считаем все восемь пунктов наших предложений органическими частями единого и неразрывного целого, —

---

[1] Ivone Kirkpatrick to Phipps. 20 April 1939, C5692/3356/38 // TNA FO 371 23064.

[2] Halifax to Phipps. Nos. 172, 175, 153 saving. 19–21 April 1939, C5460/15/18 // TNA FO 371 22969.

[3] М. М. Литвинов — И. В. Сталину, В. М. Молотову. 19 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 11. Л. 229; М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 19 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 32. Д. 178, Л. 90–89.

написал он Сурицу несколько дней спустя. — Предложение в целом составляет минимум наших пожеланий. Хотели бы знать мнение французского и английского правительств по проекту в целом»[1]. Разве эти слова Литвинова звучат так, словно советское правительство не делало серьезных предложений и не желало серьезных ответов?

21 апреля Палас встретился с Ворошиловым. Ему было поручено обсудить советскую помощь Румынии и Польше. Разговор, однако, начался с просьбы Франции закупить советскую зенитную артиллерию и выглядел примерно так:

«Вы имеете свою хорошую промышленность, — заметил Ворошилов. — Почему же она не может удовлетворить Ваших потребностей.»

«Нам нужна зенитная артиллерия скоро, — ответил Палас. — Наша же промышленность не в состоянии удовлетворить Ваших потребностей».

Затем разговор пошел о точности советских зенитных средств, в том числе о точности на больших высотах. Ворошилов дал понять, что СССР не будет продавать свои более мощные орудия, поскольку они нужны стране для обороны.

«Я знаю, что Вы не торгуете, — ответил Палас, — но для друзей это можно сделать. У нас есть сильное конструкторское бюро, хорошие образцы вооружения, и мы можем уступить Вам, если Вы захотите». Слово «друзья» прозвучало словно издевка.

«А что у Вас лучшего имеется из зенитной артиллерии?» — спросил Ворошилов.

«Я сейчас не могу ответить на этот вопрос, — сказал Палас, — но я могу выяснить в Париже».

«Наркомат обороны не занимается продажей оружия, — отметил Ворошилов. —Этот вопрос надо ставить официально перед правительством».

«Я обращаюсь к Вам с этим вопросом по указанию главы нашего правительства Даладье, как к члену правительства СССР», — возразил Палас.

«Хорошо», — ответил Ворошилов, он обещал, что задаст этот вопрос правительству (то есть, конечно же, Сталину).

Затем Палас обратился к теме Польши и Румынии. «Мы обязались помочь Польше и Румынии, — отметил он, — в войне с Германией. Какую помощь могли бы оказать Вы?»

Ворошилов ответил так, как советская сторона отвечала французам и британцам вот уже более пяти лет. Его ответ звучал следующим образом: «Ни Польша и ни Румыния за помощью к нам не обращались и не обращаются, хотя они имеют и свои правительства и своих представите-

---

[1] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 23 апреля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 311.

лей у нас. Какой же может быть разговор о помощи, когда ее у нас не просят» Ворошилов задал этот вопрос, прекрасно зная ответ. Наркома ответ Паласа, вероятно, удивил. «Помощь у Вас просим мы, — сказал Палас, — потому что война Польши с Германией будет, и война Германии с Францией».

«Но ведь Ваше правительство тоже ничего еще не сказало официально нашему правительству», — как ни в чем не бывало заметил Ворошилов.

«У нас об этом разговаривают», — ответил Палас.

«У вас разговаривают давно и уже проговорили Чехословакию, а Чехословакия имела важное стратегическое значение и для Вас».

Это ознаменовало конец разговора, который вышел очень болезненным. Палас был не виноват в том, что его руководство предало Чехословакию, однако Ворошилов был прав, хотя Париж и Лондон, казалось, упорно отказывались это понимать[1]. Литвинов много раз на протяжении многих лет пытался донести до французов и англичан эту мысль, и можно было бы подумать, что в конечном итоге в Париже это осознают, но сложно сказать, произошло ли это на высшем уровне. Неделей ранее Пайяр и Палас виделись с Литвиновым, который не скрывал своего недовольства по поводу Польши и Румынии. По словам Пайяра, нарком был *ulcéré* (уязвлен). Если им нужна помощь, почему они о ней не просят?[2]

Читатели, наверное, не очень хорошо знакомы с Пайяром, поскольку он, будучи поверенным в делах в Москве, играл лишь второстепенную роль в драматических событиях 1930-х годов. Тем не менее он хорошо знал своих советских коллег и очень точно передал информацию об их опасениях и намерениях в Париж, где эта информация была занесена в архив, оставлена без внимания и лишь спустя долгое время обнаружена историками. В начале апреля 1939 года он предупреждал, что у советского правительства создалось впечатление, будто его сначала старательно обхаживали, а потом отпихнули, желая добиться его изоляции и скомпрометировать связями с нацистской Германией. Литвинову надоело холодное отношение англичан и французов, и он был «сыт по горло» враждебностью Польши и Румынии. Он не хотел, чтобы Советский Союз стал громоотводом для нацистской агрессии[3]. Литвинов при этом продолжал использовать местоимение «мы»: излагая Пайяру такие мысли, он выражал мнение «четверки» — то есть Сталина, Молотова, Ворошилова и Кагановича.

---

[1] Запись беседы наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова с французским военным атташе в СССР О.-А. Паласом. 21 апреля 1939 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1242. Л. 55–56. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Payart. Nos. 265–269. 14 April 1939 // MAE, Papiers Naggiar/10.

[3] Payart. Nos. 235–239. 2 April 1939 // MAE, Papiers Naggiar/10.

21 апреля, в тот же самый день, когда Палас беседовал с Ворошиловым, у Литвинова состоялась очень напряженная встреча со Сталиным и Молотовым, в частности, по поводу переговоров с Великобританией и Францией. Официального ответа из Лондона и Парижа не последовало. На встрече присутствовал Майский, вызванный для консультаций. Его не мог не волновать вопрос о том, решена ли уже судьба Литвинова[1]. Вернувшись в Лондон в конце апреля, Майский «дал понять, что пока он был... в Москве, он имел дело не с Литвиновым, а почти исключительно с самим Сталиным»[2]. Хотел ли Майский похвастать этим или пытался предупредить британцев, что положение Литвинова стало очень шатким?

Чем дольше нарком ждал вестей из Лондона, тем больше он волновался. Возможно, Чемберлен и Бонне надеялись, что Гитлер предоставит им возможность «вернуться на мюнхенские позиции». Подобный «такой рецидив» со стороны Чемберлена и Бонне был связан с тем, что, как писал Литвинов, «Чемберлен ведет переговоры с СССР только под влиянием оппозиции, некоторой части консерваторов и общественного мнения»[3]. Москва привыкла не доверять Чемберлену и Бонне. Однако на этот раз Литвинов был немного излишне суров с Бонне, который пытался убедить Форин-офис отказаться от жесткой оппозиции Советскому Союзу. Бонне считал, что необходимо предложить Москве взаимные гарантии и обязательства, однако при этом его представление о взаимности было очень ограниченным. Согласно формуле Бонне, СССР должен был прийти на помощь Англии и Франции, если бы те выступили против немецкой агрессии в Центральной или Восточной Европе, однако французы и британцы не были обязаны прийти на помощь СССР, если бы он вступил в военные действия в аналогичных обстоятельствах[4]. Это была привычная для Франции позиция: речь по-прежнему шла о том, что СССР может сделать для нее, а не о том, что она может сделать для СССР.

Посольство Франции в Лондоне передало идею Бонне в Форин-офис, где ее восприняли прохладно. «Боюсь, это выглядит так, как будто французское правительство хочет позаимствовать кое-что из плана России, —

---

[1] *Челышев И. А.* СССР — Франция: трудные годы, 1938–1941. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 115–116.

[2] Hoare's comment at the Committee on Foreign Policy. 5 May 1939, C6855/3356/18 // TNA FO 371 23065.

[3] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 23 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 912. Л. 11–12.

[4] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 25 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 302. Д. 2089. Л. 242. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

заметил Кадоган, — причем больше, чем мы готовы сделать». «Мне это не очень нравится!» — ответил Галифакс[1]. Несложно понять, почему, объяснил позже Сидс, ведь Бонне «пошел вразрез» с британской политикой. «Имея дело с двумя противоречащими друг другу предложениями, только дурак (а русские не дураки) не пойдет на все ради более выгодного из них»[2].

25 апреля Бонне сделал нехарактерный для него жест независимости от Великобритании, передав Сурицу собственный текст предложения. В пространной депеше Сурица говорится, что он встретился с Бонне утром 25-го числа, чтобы обсудить преобразование французского предложения из двустороннего в трехстороннее соглашение с участием Великобритании. «Он ни словом при этом не обмолвился» об изменении содержания двустороннего французского предложения. Затем Бонне проконсультировался с Лондоном. По результатам этой консультации набережная Орсе направила Сурицу исправленный документ. «Принцип взаимности», который в первоначальном французском предложении прослеживался хотя бы в общих чертах, в нем был сведен к асимметричной «взаимности». Как пояснил Суриц: «Выходит так, что когда Франции и Англии заблагорассудится воевать с Германией из-за статус-кво в Европе, мы автоматически втягиваемся в войну на их стороне, а если мы по своей инициативе будем защищать тот же статус-кво, то это Англию и Францию ни к чему не обязывает. Странное равенство. Характерно также, что совершенно исчезло из текста упоминание о Польше и Румынии. В эд-мемуаре[3] тому дается известное объяснение, но нетрудно догадаться, что сделано это не без давления и указаний со стороны самих этих “заинтересованных” стран».

Замечания Сурица были полны презрения и сарказма и дублировали то, что он писал в предыдущей телеграмме. Он не был уверен в позиции Литвинова, но считал, что дискуссия сводится к обычному фарсу, и за ее провал Чемберлен и Бонне, никогда не стремившиеся к успеху, потом возложат вину на советское правительство. Поэтому Суриц предложил сразу рассеять «туман и тайну переговоров, сделав их публичными». Это бы сразу устроило переполох. В противном случае вряд ли можно было ожидать чего-то хорошего. Тем временем Суриц беседовал со всевозможными представителями общественности, депутатами и журналистами (в их числе он упоминал Манделя), которые были обеспокоены результатом[4].

---

[1] M. [Guy] de Charbonniere, French embassy, conversation and minutes by Cadogan and Halifax. 22 April 1939, C5842/3356/38 // TNA FO 371 23064.

[2] Seeds to Sir Lancelot Oliphant, Assistant Undersecretary. 16 May 1939, C7614/3356/18 // TNA FO 371 23066.

[3] От aide-mémoire (*франц.*) — памятная записка.

[4] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 26 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 5. Л. 5–8. Французские черновики, приложенные к депеше Сурица,

Позже Суриц прислал записку, наспех и очень неразборчиво написанную от руки. Полпред передумал. Основная мысль записки заключалась в том, что все разговоры о проектах соглашений о взаимопомощи могут оказаться пустой тратой времени. «Поверьте, — писал он. — я отдаю себе отчет, что когда гром действительно грянет всем этим бумажкам и параграфам будет грош цена и все повернется иначе. Я, в частности, не представляю себе положения, при котором Англия и Франция воевали бы с немцами из-за того, что те ворвались, скажем, в Румынию, а мы (с бумажкой или без) могли бы остаться в стороне»[1]. В Москве по понятным причинам сомневались, что на англичан и французов можно рассчитывать, хотя Суриц и делал все, чтобы к его идеям прислушались.

«Формулировка [французского] проекта, — ответил Литвинов, — является издевательской, но все же сообщите»[2]. 28 апреля, через 11 дней после внесения предложений Советским Союзом, Литвинов сообщил Пайяру, что Великобритания до сих пор ничего не ответила и что ответ Бонне не привел ни к каким результатам. Лондон и Париж, ответил Пайяр, не информировали ни его, ни Сидса о переговорах[3]. В тот же день Литвинов доложил Сталину, что неясно, было ли предложение Бонне одобрено Великобританией или эта идея исходила лично от Бонне. Суриц слышал, что британцы придерживаются своей первоначальной идеи односторонних гарантий. Ожидалось, что Гитлер вскоре произнесет воинственную речь в Рейхстаге; давайте подождем, рекомендовал Литвинов, чтобы укрепить свои позиции. В принципе, это была хорошая стратегия, поскольку в своей речи 28 апреля Гитлер денонсировал польско-германский договор о ненападении 1934 года и англо-германское соглашение об ограничении военно-морских сил 1935 года. Это должно было бы сделать предложения СССР более привлекательными для Лондона и Парижа. Тем временем Литвинов рекомендовал Сурицу избегать любых дискуссий с Даладье или Бонне, «чтобы не создать у них впечатления о нашей готовности отнестись серьезно к французскому предложению»[4]. Вскоре Литвинов получил еще

в деле отсутствуют. См. также: Я. З. Суриц — в НКИД. 26 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 302. Д. 2089. Л. 239–241. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147., Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу.

[1] Я. З. Суриц (рукопись, без даты) // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 5. Л. 8.

[2] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 26 апреля 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939: Док. и мат-лы. Т. 1: 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. С. 403.

[3] О встрече с Ж. Пайяром. Выдержка из дневника М. М. Литвинова. 28 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 23. П. 176. Д. 910. Л. 32–34.

[4] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 28 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 5. Л. 9–10. Копия отправлена В. М. Молотову.

одну телеграмму от Сурица, в которой говорилось, что Бонне действовал по собственной инициативе и что его предложение было лишь «*официозным*», полуофициальным, и носило «личный характер»[1]. Неужели французы и англичане снова отстранили советское правительство? В случае англичан ответ был положительным.

В конце апреля, на обратном пути в Лондон, Майский заехал в Стокгольм навестить Александру Михайловну Коллонтай, советского полпреда в Швеции. Их разговор она записала в своем дневнике:

«Настроения в Москве тревожно-обеспокоенные. Берлин серьезно готовится к войне. Считают, что свою агрессию Гитлер начнет со стран севера и что Финляндия уже вполне фашизирована... В Москве заняты сейчас переговорами с Великобританией. Поэтому Майский туда ездил [для консультаций], ожидают полномочных представителей из Англии, чтобы договориться не только о формальной стороне, но и чисто практических совместных военных действиях против Гитлера. Англией у нас недовольны. Предложение наше о советской гарантии Польше и Румынии до сих пор повисло в воздухе. Судя по рассказам Майского, нечего и думать об отпуске в Москве. Северные границы Союза и вообще скандинавы под бдительным надзором. Но в первую очередь Финляндия с ее пронацистским правительством Рюти»[2].

29 апреля Галифакс пригласил Майского встретиться с ним после возвращения посла из Москвы. По словам Галифакса, ожидать ответа на демарш Литвинова можно было не раньше чем через неделю. Правительство, согласно донесению Майского, было «слишком занято» и «не имело времени по-серьезному обсудить советские предложения»[3]. Неудивительно, что в Москве были «недовольны Англией». Тремя днями ранее «надежный источник» сообщил немецкому советнику в Лондоне, что британское правительство даст на предложения СССР ответ, «равнозначный отказу». По словам покойного британского историка Дональда К. Уотта, эту информацию передал некий «предатель из Форин-офиса», и это были самые точные сведения, которые удалось получить Москве[4].

---

[1] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову. 28 апреля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 316–317.

[2] Выдержка из дневника А. М. Коллонтай. 29 апреля 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 28. Л. 75–76. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[3] И. М. Майский — в НКИД. 29 апреля 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939: Док. и мат-лы. Т. 1: 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. С. 410–412.

[4] Theodor Kordt to foreign ministry, Berlin. No. 144, urgent. 26 April 1939 // DGFP, series D. Vol. VI. P. 336; *Watt D. C.* How War Came... P. 439. Сравни: *Kotkin St.* Stalin... P. 623.

В Форин-офисе позицию правительства поддерживали далеко не все. В числе несогласных были Ванситтарт и Кольер, все еще возглавлявшие Северный департамент. Похоже, отмечал Кольер, мы хотим «заручиться поддержкой России и в то же время оставить себе руки свободными, чтобы позволить Германии расширяться на восток за счет России». Это плохая идея, поскольку «русские не столь наивны, чтобы не подозревать об этом, и я надеюсь, что мы сами не будем настолько наивны, чтобы думать, что можем получить одновременно и то, и другое». Советская поддержка стоит того, чтобы ее добиваться, настаивал Кольер: «Мы не должны бояться заплатить очевидную цену — дать русским в обмен на их обещание помощи гарантию, что мы не оставим их одних перед лицом немецкой экспансии»[1]. Руководство Кольера было не готово с этим согласиться.

В тот же день, 29 апреля, Бонне вызвал Сурица для срочной встречи. Бонне поинтересовался, есть ли какие-нибудь новости из Москвы по поводу его предложения. Пока нет, ответил Суриц. «Я находился все время в переговорах с англичанами, — сказал Бонне, — но, до сих пор еще не добился согласования». Бонне передал Сурицу новый текст своего предложения, обвинив своего генерального секретаря Леже в «неудачной» неточности в предыдущем проекте[2].

На следующий день, 30 апреля, Литвинов направил Сурицу телеграмму, в которой сообщил, что Галифакс сказал Майскому накануне. Форинофис еще не готов ответить на советское предложение и не сделает этого на этой неделе. «Он [Галифакс] ни словом не заикнулся о неприемлемости наших предложения и лишь высказывал опасения трудностей со стороны Польши и Румынии. Либо Бонне Вам говорил неправду об английском ответе, либо он по соглашению с Лондоном решил прозондировать еще раз не примем ли мы французского предложения»[3]. От встречи с Бонне у Сурица осталось плохое впечатление.

«Роль Бонне в истории с ответом на наше предложение очень загадочна и подозрительна. 29 апреля он показывал мне ответ англичан, который Вам должен быть вручен Сидсом в тот же день. Чем вызвана задержка? Трудно, конечно, допустить, что Бонне выдумал всю эту историю с ан-

---

[1] Collier to Strang, still head, Central Department. 28 April 1939, C6206/3356/18 // TNA FO 371 23064.

[2] Я. З. Суриц — в НКИД. 29 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 059. Оп. 1. П. 302. Д. 2089. Л. 253–254. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу.

[3] М. М. Литвинов — Я. З. Сурицу. 30 апреля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 303. Д. 2093. Л. 53. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

глийским ответом — меморандумом. Скорее всего следует предположить, что речь шла лишь о "проекте" ответа, врученного французам для ознакомления и задержанным по просьбе Бонне. Сделано это было, конечно, не потому, что проект этот был сочтен Бонне "недостаточным и не совсем удачным" (об этом, как Вы припомните, мне говорил Бонне, хотя не заикнулся о том, что вручение его Вам может быть задержано), а из-за желания прибрать от имени обеих стран переговоры с нами в свои руки. Бонне, видимо, обязался перед англичанами прощупать нашу позицию и попытаться добиться от нас такого соглашения, которое не связало бы слишком сильно Францию и Англию, не наложило бы на них никаких особых обязательств в отношении СССР и вместе с тем обеспечило бы нашу помощь странам, в отношении которых Франция и Англия уже связаны обязательствами о помощи. Предложенный нам проект, даже в его исправленной редакции, полностью отвечает этой задаче. Я не совсем только понимаю, зачем понадобился первый вариант — уже слишком беззастенчивый и наглый. Если им хотели вызвать наш отказ и сорвать всю комбинацию, то проделано это слишком неуклюже. Всякому было бы ясно, кто несёт ответственность за такой срыв. Бонне, как Вам известно, пытался все это объяснить своим недосмотром и возлагал всю вину за "неудачную" первую редакцию на Леже. Но навряд ли кто-нибудь поверит, что министр прежде, чем отправить такой ответственный документ не ознакомится с его содержанием. После беседы Майского с Галифаксом [29 апреля] по-видимому отпадает моё первоначальное предположение, что первый вариант явился на свет в результате несогласования с Лондоном, хотя я и сейчас не исключаю возможность, что какую-то роль во всей этой истории сыграл лично Фабс, главный конфидент Бонне и проводник его инспирации в Лондоне. Вероятно вскорости, когда поступит обещанный нам ответ из Лондона, вся эта история вскроется. Вскроется, имел ли Бонне основания выступить с предложением от имени двух стран (правда, оговариваясь, что это пока лишь его личные наметки, что его проект еще с Лондоном окончательно не согласован и т. д.) и насколько основательны его заявления, что все трудности исходят из Лондона. Во всяком случае Бонне менее всего для нас подходящий посредник с Лондоном, и я поэтому приветствую, что наконец восстановлена через Майского прямая связь с Лондоном»[1].

Неприятное впечатление, произведенное на Сурица встречей с Бонне, дошло до Форин-офиса. По информации МИД Франции, Суриц «похоже, заподозрил скрытые цели [!] в характере отношения французского и бри-

[1] Я. З. Суриц — М. М. Литвинову (рукопись). 1 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 207. Л. 99–102. Копии отправлены И. В. Сталину и др.

танского правительств к советскому правительству. В пылу разговора, чтобы рассеять подозрения Сурица, Бонне передал ему текст французского предложения, в который тут же были внесены изменения»[1].

НКИД передал разоблачительную депешу Сурица Сталину и Политбюро. Британцы и французы были уличены в том, что скрывали свои разногласия или даже вели переговоры нечестно, как будто советская сторона была неспособна понять, что происходит. Галифакс сообщил Майскому, что правительство «слишком занято», чтобы рассматривать советские предложения, однако Бонне сказал Сурицу, что постоянно обсуждает их с британцами. Противоречие между этими утверждениями наверняка сразу бросилось в глаза Литвинову и Сталину, когда они прочитали телеграммы из Парижа и Лондона. Бонне хотел найти «компромиссное» решение, но ничего не получилось.

Чемберлен выступил в комитете Кабинета министров по внешней политике и высказался против советского предложения. «Нынешнее предложение Советов касается четко определенного военного союза между Англией, Францией и Россией, — сказал Чемберлен. — Нельзя утверждать, что такой союз необходим для того, чтобы обеспечить малые страны Восточной Европы вооружением». Еще одну проблему представляла собой Польша. Как заявил Чемберлен, нельзя утверждать, что «связи с Россией с идеологической точки зрения неприемлемы — отнюдь. По его [Чемберлена] мнению, суть возражения против публичного объединения Польши с Россией заключается в том, что это вполне может подтолкнуть Германию к агрессивным действиям»[2]. Было ли дело только в вооружении? Или в том, чтобы «уколоть» герра Гитлера? Нет, Чемберлен использовал Польшу как предлог для отказа от заключения союза с СССР. Что до французов, им поляки уже порядком надоели. Леже заявлял, что Бек «совершенно циничен и лжив» и ищет способ «сблизиться с Германией»[3]. Главное опасение заключалось в том, что Бек, если на него слишком сильно надавить, может перейти на сторону Германии. В этом случае победить нацистскую Германию означало бы потерять последний бастион на пути Советского Союза — Польшу.

Дискуссия в Лондоне состоялась 24 апреля. Галифакс поддержал идею односторонних заявлений. Он отметил, что «трехсторонний договор по предлагаемому принципу сделает войну неизбежной. С другой стороны, по его мнению, было бы справедливо предположить, что, если мы отверг-

---

[1] Phipps. No. 258 saving. 3 May 1939, C6541/3356/18 // TNA FO 371 23065.

[2] Minutes of the Committee on Foreign Policy. 24 April 1939, C5812/3356/18 // TNA FO 371 23064.

[3] *Carley M. J.* 1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II. P. 106–107.

нем предложения России, Россия надуется». Затем Галифакс добавил такой комментарий, как будто размышляя вслух: «Всегда существует... небольшая вероятность того, что отказ от предложения России может даже толкнуть ее в объятия Германии»[1]. Но разве кто-нибудь его услышал? Любой в Великобритании и Франции на тот момент сказал бы, что война *уже* неизбежна. Тем не менее Форин-офис в очередной раз счел попытку СССР защитить свои национальные интересы, поводом «надуться» от обиды.

В письме своей сестре Хильде Чемберлен признавал: «Наша главная беда связана с Россией. Признаюсь, я питаю к ней глубокие подозрения. Не могу поверить, что у нее те же цели и задачи, что и у нас, или что она симпатизирует демократии как таковой. Она боится Германии и Японии и была бы рада, если бы с ними сражались другие люди. Но она, вероятно, очень хорошо осознает свою военную слабость и не хочет ввязываться в конфликт, если этого можно избежать. Поэтому ее усилия направлены на подстрекательство других, но сама она обещает лишь неопределенную помощь»[2].

«Обещает лишь неопределенную помощь»? Какой потрясающий комментарий. Именно Советский Союз настаивал на военном союзе с четкими и безотлагательными взаимными обязательствами, а Чемберлен и Галифакс, хотя последний и с некоторыми оговорками, выступали против этого. Литвинов был хорошо обо всем этом информирован и 3 мая доложил Сталину: «Англичане не спешат с ответом, очевидно, ожидая нашего отклика на повторное предложение Бонне. По-видимому, англичане действительно решили вновь повторить свое первое предложение о нашей односторонней декларации, но от этого откажутся, если мы отвергнем даже французское предложение. Я считал бы поэтому желательным, возможно скорее рассеять англо-французские иллюзии насчет приемлемости для нас прежни[предложений». Литвинов хотел бы, чтобы его предложения были приняты полностью, но рекомендовал предоставить советские гарантии Голландии, Бельгии и Швейцарии в качестве компенсации за согласие на гарантии стран Балтии и в качестве ответа на обвинения Бонне[3].

В своей последней, как окажется позже, докладной записке Сталину Литвинов указывал, что в большей или меньшей степени отказался от идеи соглашения с Францией и Англией и хочет обсудить вопрос об Аландских островах у входа в Ботническое море. Эти острова всегда представляли собой проблему с точки зрения обеспечения безопасности, но не критиче-

---

[1] Extract from Cabinet Conclusions. 3 May 1939, C6595/3356/18 // TNA FO 371 23065.

[2] Chamberlain to Hilda. 29 April 1939 // Chamberlain Papers, NC18/1/1096.

[3] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 3 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 2. Д. 11. Л. 253а. Копии отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу.

ски важную. «Обсуждение вопроса об Аландских островах было отложено в ожидании исхода наших переговоров с Англией и Францией, — сообщал Литвинов. — Эти переговоры грозят теперь затянуться надолго, если из них вообще что-то выйдет (я считаю более чем вероятным германо-польское соглашение относительно Данцига и [Польского] коридора, когда весь вопрос о гарантиях для Польши и Румынии потеряет свою остроту)»[1]. Комментарии наркома поражают наповал. В прошлом Литвинов часто говорил, что пока Франция и ее союзники не сдались в борьбе за коллективную безопасность, мы не должны сдаваться. Однако здесь он небрежно заявляет, что сомневается в успехе трехстороннего союза против Гитлера и что Польша, вероятно, пойдет на сделку с нацистской Германией. В первом Литвинов был прав; во втором он ошибся. То, что он предложил сместить приоритеты на Аландские острова, просто ошеломляет. Большинство «товарищей» с трудом отыскали бы их на карте. Неужели Сизиф все же потерял надежду закатить свой камень на вершину горы? Возможно ли, что Литвинов, независимо от того, был он прав или нет, намеренно дал повод снять его с должности, потому что Сталин и Молотов не были готовы отказаться от соглашения с Францией и Великобританией?

Увольнение Литвинова

Днем 3 мая Сталин решил уволить Литвинова и назначить на его место Молотова. Сталин сам составил текст резолюции Политбюро, в соответствии с которой Литвинову давалось три дня на то, чтобы освободить кабинет и передать дела. В конце резолюции Сталин написал большое выразительное «За» и нацарапал свою подпись. Подписали текст и члены Политбюро. Судя по неровному почерку, Сталин был зол и торопился. Вечером того же дня он разослал в советские посольства короткую телеграмму о том, что Литвинов сам просил об освобождении его от должности. Его уход был вызван «серьезным конфликтом» с Молотовым, «возникшим на почве нелояльного отношения т. Литвинова к Совнаркому Союза ССР»[2].

---

[1] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 3 мая 1939 г. // Там же. Л. 254. Копии отправлены В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу.

[2] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О народном комиссаре иностранных дел» (3 May 1939) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1224. Л. 52; Шифртелеграмма генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина полпредам СССР за границей об отставке М. М. Литвинова и назначении наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотова. 3 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 313. Д. 2154. Л. 45. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147

Вячеслав Михайлович Молотов

По словам Сидса, снятие Литвинова с должности стало «полной неожиданностью». В то утро он был на приеме у наркома, который «не подозревал» о грядущем увольнении[1]. Наспех подготовленная резолюция Политбюро предполагает, что Сталин тоже не планировал в тот день увольнение Литвинова. Это «было непредвиденно», телеграфировал Пайяр в Париж, и это было «серьезное событие». «Затягивание» Великобритании с ответом на апрельские предложения, очевидно, разозлило советское руководство. Такого же мнения придерживался и Кольер. Последней каплей, по мнению Пайяра, стала встреча Майского с Галифаксом 29 апреля и намерение Британии придерживаться идеи односторонних деклараций[2]. Казалось, что Литвинова сделали козлом отпущения из-за уклонения англичан от ответа, но, возможно, его уволили, потому что он сам отказался от идеи переговоров с Великобританией и Францией. Были ли у Молотова шансы добиться большего уважения и лучших результатов в Париже и Лондоне, чем у Литвинова? Во всяком случае, в дальнейшем при описании позиции Советского Союза британцы больше не использовали слово «надувается». Они использовали другие уничижительные слова, но не это.

Палас также высказал свое мнение об отставке Литвинова: она не принесет изменений в политике — в этом нет никаких сомнений. «Похоже», что увольнение Литвинова произошло из-за «промедления» Великобритании в ходе недавних переговоров. Сталин не любит проигрывать. По словам Паласа, СССР трижды выступал с инициативой создания союза с Францией и Великобританией, и трижды его предложения были отвергнуты. Задетое самолюбие СССР в сочетании с пошатнувшимся доверием Сталина к Литвинову, чья политика не увенчалась успехом, и привели к его увольнению. Конечно, это была политика не Литвинова, а политика Сталина и формально — Политбюро. Палас отметил, что позиция Литвинова пошатнулась еще в прошлом году. Нарком жил взаймы. На него нава-

[1] Seeds. No 143. 12 May 1939, N2547/233/38 // TNA FO 371 23685.

[2] Payart to Bonnet. Nos. 326–329. 4 May 1939 // DDF. 2e. V. XVI. P. 107–188; Collier's minute. 4 May 1939, N2253/233/38 // TNA FO 371 23685.

лилось слишком много неудач сразу, и это сломило его. «Бурное» развитие событий привело к тому, что советская сторона теперь хотела большего, чем просто «коллективной безопасности»: она хотела «коалиции» сил, способных немедленно противостоять «фашистским и тоталитарным державам». По мнению Паласа, у Литвинова не было достаточно полномочий; Молотов, как формальный глава правительства, был способен придать больше веса советской внешней политике. А если сближение не удастся, может быть заключена сделка между Гитлером и Сталиным за счет Польши и стран Балтии. Это предсказание, как оказалось, оправдалось[1]. Депеша Паласа, похоже, не вызвала особого интереса в Париже, судя по отсутствию пометок на полях. Она была отправлена в архив. и до последнего времени о ней не вспоминали.

Посол в Берлине Кулондр телеграфировал, что Имперское министерство пропаганды в восторге от новости. Литвинову не хватало проницательности, отмечал Кулондр, и у него были личные недостатки. Но что бы о нем ни говорили, Литвинов был «поборником политики сопротивления» нацистской агрессии. Означал ли его уход изменение советской политики и возможное сближение с нацистской Германией? Кулондр так не думал: это не было невозможно, но было маловероятно, учитывая политику сопротивления нацистской опасности, которой Советский Союз всегда придерживался. Кулондр побеседовал с советским поверенным в делах Астаховым, который сказал, что уход Литвинова не означает изменения политики. Дело здесь в межличностных отношениях: Литвинов уже не соглашался с Молотовым, а Сталин хотя и уважал Литвинова, но не любил его[2]. Конечно, у каждого было свое мнение.

Аретас Экерс-Дуглас 2-й виконт Чилстон, находившийся несколько лет в должности британского посла в Москве, в начале 1938 года сделал интересный комментарий по поводу постоянных слухов о проблемах Литвинова с Политбюро, имеющий отношение к предположениям Кулондра. «Если Литвинов пойдет ко дну, то это произойдет не *из-за* [курсив в оригинале. — *М. К.*] какой-либо критики “его” политики... а скорее потому, что Сталин и Политбюро [!] в целом недовольны своей собственной политикой (которую Литвинов лишь умело представляет) и считают разумным отметить изменение ее направления сменой комиссара»[3].

В Париже, как и везде, ходили слухи об отставке Литвинова, а также о его будущем. «Сегодня в Париже ходит история, — сообщал посол США во Франции Уильям Буллит, — о том, что Литвинова назначают послом в Вашингтоне. Я не (повторяю, не) верю, что это так». Но если эта история

---

[1] Palasse. No. 581/S. 12 May 1939 and enclosures // SHAT GR7 NN 2 546.

[2] Coulondre. No. 1203. 4 May 1939 // DDF. 2e. V. XVI. P. 109–110.

[3] Chilston. No. 34. 24 Jan. 1938, N463/26/38 // TNA FO 371 22285.

правдива, продолжал Буллит, то «я надеюсь, что вы позволите мне изложить вам мои причины полагать, что соглашение не (повторяю, не) должно быть заключено»[1]. Спустя три года после его отъезда из посольства США в Москве Буллит оставался все тем же подлым сукиным сыном, который так и не преодолел своей ненависти к Литвинову. Слухи о переезде в Вашингтон оказались ложными, и телеграмма Буллита была отправлена в архив. Следующие два года Литвинову предстояло провести практически без дела, и лишь после этого Сталин отправил его в Вашингтон в качестве советского полпреда. К тому времени Третья республика уже стала военным трофеем нацистов, а Буллита давно не было в Париже.

«Литвинов больше не наркоминдел»

Коллонтай, которая была в то время в Стокгольме, писала в своем дневнике, что в посольстве непрерывно звонят телефоны — журналисты и прочие люди хотят получить хоть какую-то информацию по поводу отставки Литвинова. Коллонтай и Литвинов были старыми товарищами, и для нее его увольнение было «непонятным и загадочным». «Где причина? Что стряслось в Москве? И все-таки должна себе признаться, что где-то в глубине моего сознания уже давно жило чувство, что Москва недовлольна Максим[ом] Максимовичем. Неуловимые симптомы, но эти симптомы имелись. Телеграмма из Москвы была краткая и без объяснений причин смены Литвинова и назначения Молотова». Как и везде, в Стокгольме опасались изменения политики. Коллонтай ничего не знала наверняка и могла лишь предполагать.

«Стокгольм волнуется, — продолжала Коллонтай. — Имя Литвинова у всех на устах. Что случилось в Москве? Почему ушел Литвинов?» Коллонтай не стала говорить о причинах, а попыталась успокоить людей. Читайте советские газеты, говорила она, и сообщения ТАСС.

Оценивая международную ситуацию, она писала: «Это значит, что мы вступаем в новую мировую войну. Виноват, конечно, Лондон. Дух Мюнхена и нас погубит. Советский Союз, это ясно, вынужден обороняться против нацистов, надо готовить советский народ к войне. Это говорю я, старая пацифистка». Затем Коллонтай перешла к увольнению Литвинова: «Я понимаю, что в Москве удобнее иметь не Литвинова, а новую фигуру на посту мининдела. Но разве Молотов такой воинственный человек и военный специалист? Или Сталин сам будет руководить внешней политикой?» На самом деле Сталин всегда, еще с того момента, когда заболел Ленин,

---

[1] Bullitt (Paris) to Hull. No. 900. 8 May 1939 // 701.6111/942, National Archives, Bethesda, MD, RG59, box 3663.

принимал непосредственное участие в разработке внешней политики СССР. Ни одно важное решение (а иногда и не очень важное) Литвинов не принимал, не посоветовавшись со Сталиным. Удивительно, что Коллонтай этого не знала.

Нам пришлось успокаивать людей, «наших и чужих», писала она в своем дневнике, и объяснять происходящее, не имея информации из Москвы. «Нет, твердила я, это не изменение курса нашей внешней политики, но это должно показать Лондону и Парижу, что терпение советского народа истощилось. Что время “уговоров” и “переговоров” с ними кончилось». Это также интересное наблюдение, поскольку оно связывает увольнение Литвинова с неспособностью Франции и Британии реагировать на попытки СССР обеспечить коллективную безопасность против нацистской Германии, причем не только в данный период, но и в предыдущие пять лет. Даже ангельскому терпению приходит конец. «Надо практически готовиться к отпору, т. е. к войне с Гитлером. Значит война? Да, сегодня я почувствовала, как она близка и неизбежна... Но, что думает Литвинов? Что он переживает? С ним связана целая эпоха. Его имя вписано в историю. Прошла ночь и даже рассвет позади. Но она ни в одном глазу». Коллонтай беспокоилась за Литвинова, ведь он был ее старым другом[1].

Но никто, даже Коллонтай, и представить себе не мог, что происходило на самом деле: Литвинов отказался от идеи создания антигитлеровского альянса, и поэтому его решено было заменить.

---

[1] Выдержка из дневника А. М. Коллонтай. 5 мая 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 2. Д. 28. Л. 78–80. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147

ГЛАВА X

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС: АЛЬЯНС, КОТОРЫЙ НЕ СОСТОЯЛСЯ (МАЙ — АВГУСТ 1939 ГОДА)

Через несколько дней после отставки Литвинова британское правительство вновь представило на обсуждение предложение об односторонних декларациях. «Гора родила мышь», — прокомментировал это Майский[1]. Под «мышью» подразумевался отказ от предложений Советского Союза, выдвинутых 17 апреля. Французам не нравилась позиция Великобритании, но они, как обычно, позволили Форин-офису взять на себя инициативу. Позже Пайяр объяснил Потёмкину: на набережной Орсе знают, что озвученные Сурицу идеи французской стороны неприемлемы для Форин-офиса, и поэтому согласились с последними предложениями Великобритании, считая их «некоторым шагом вперёд»[2].

Последствия

6 мая Суриц передал интересную информацию из неназванного «очень солидного источника» — очевидно, с набережной Орсе, поскольку информация была точной и достоверной:

«Я получил документальное подтверждение, что Англия до сих пор противится заключению тройственного соглашения с нами. 3 мая Боннэ через Корбена вручил Галифаксу пространный меморандум, в котором отвечает на английские возражения и вновь настаивает на принятии своего проекта. В меморандуме он приводит положительные отзывы Гене-

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 6 мая 1939. С. 387.

[2] О встрече с временным поверенным в делах Франции Ж. Пайяром. Выдержка из дневника В. П. Потемкина. 14 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1В. П. 27. Д. 3. Л. 20–21.

рального штабы и заверяет англичан, что его проект "благоприятно встречен в Москве" (откуда он это взял я не знаю). 4 мая в беседе с Корбеном Галифакс "хотя и не дал окончательного ответа", но "клонил к отказу", мотивировал он его тем, что тройственное соглашение с участием СССР, даже в том урезанном виде, в каком его предлагает Боннэ, способно "вызвать и усилить осложнения в Европе". Он по-прежнему предлагал ограничиться лишь "параллельными" акциями путем односторонних деклараций. По данным Корбена, сам Галифакс колеблется и склонен был бы пойти на соглашение, но этому противится Чемберлен, поддерживаемый Саймоном и Хоаром»[1]

Сурица не смутило такое отношение Парижа и Лондона, отдающее вероломством. Он сразу написал Молотову, чтобы привлечь его внимание. Главная мысль Сурица заключалась в том, что французы более уязвимы для немецкой агрессии, чем британцы, и поэтому с большей вероятностью будут вести переговоры. По словам Сурица, Бонне сообщил ему, что заминка в переговорах связана с британцами, которые выступают против любого соглашения, включающего в себя слишком много сторон. Как бы ни было трудно поверить Бонне, писал Суриц, в данном случае, похоже, стоит это сделать. Британия стремится к «параллельным акциям» с СССР и не более того. Французы думают о том, как бы расширить существующий франко-советский пакт, в то время как для Чемберлена трехсторонний союз стал бы «резким разрывом с его прошлым». Бонне, желает он того или нет, подталкивает британцев к действиям. Благодаря внесенным Советским Союзом предложениям никто не сможет заявить, что, дескать, «СССР уклонялся от участия в борьбе с агрессором». Тем не менее, отмечал Суриц, наши интересы не ограничиваются только тем, чтобы защитить себя от иностранной критики: «Мы хотели построить и настоящий барьер против агрессора». Советскому правительству, настаивал Суриц, нужно вести переговоры с французами на приемлемых для них условиях, пусть даже они и не пойдут на то, чтобы принять апрельские предложения СССР. Это побудит малые державы Восточной Европы не заключать соглашения с нацистской Германией, а также позволит улучшить отношения с Францией и Великобританией. Если нацистская Германия нападет на Польшу или Румынию, французы и британцы будут вынуждены поддержать эти страны. Независимо от того, удастся ли заключить трехстороннее соглашение, оставаться в стороне будет не в интересах СССР. Придется вступать в войну, «и мне кажется,

---

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 6 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 302. Д. 2090. Л. 5–6. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147., Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.; Communication du Departement a l'ambassade de Grande-Bretagne a Paris, Aide-memoire. 3 May 1939 // DDF. 2e. V. XVI. P. 50–52.

что уже лучше с соглашением [чем наоборот]». Этот аргумент Суриц впервые предложил Литвинову еще 26 апреля. Если разразится война, продолжал он, сотрудничество неизбежно будет расширено. Действуйте через французов, пусть даже через Бонне; уговорите британцев, не позвольте Чемберлену ускользнуть. Соглашайтесь на синицу в руках вместо того, чтобы требовать журавля в небе. Синица в руках, настаивал Суриц, лучше, чем ничего[1]. В 1935 году Литвинов и сам использовал подобные доводы, но на этот раз он придерживался другой точки зрения.

В тот же день, 6 мая, аналогичную информацию прислал Майский после встречи с Галифаксом. Первое, что спросил у него Галифакс, — осталась ли советская политика неизменной после ухода Литвинова. Майский заверил его, что так и есть, к очевидному облегчению собеседника. Решив этот вопрос, Галифакс указал, что британское правительство будет «настаивать» на своем первоначальном предложении об односторонних гарантиях и что помощи от СССР будут ожидать только в том случае, если свою помощь предложат Англия и Франция. Это должно было успокоить Советский Союз, поскольку означало, что ему не придется в одиночку противостоять нацистской Германии. Советское предложение о трехстороннем союзе встретило «оппозицию» со стороны Польши и Румынии. Правительства Великобритании и Франции также не хотели предлагать гарантии странам Прибалтики, опасаясь, что в этом случае у Гитлера появится повод сказать, что Германия допускает «мысли о политике “окружения”». Наконец, Галифакс попросил Майского поверить «искренности» британских усилий по созданию мощного барьера против распространения агрессии в Европе[2]. Вслух Майский этого не сказал, но поверить в подобные утверждения Москве было непросто. Предложение Форинофиса оставляло принятие всех решений относительно войны или обороны Польши и Румынии в руках Великобритании и Франции. Кроме того, получалось, что страны Прибалтики останутся уязвимыми для нацистской агрессии, а СССР будет лишен всякой инициативы в обеспечении собственной безопасности. Трудно понять, как Галифакс мог подумать, будто существует хоть малейший шанс, что такие идеи покажутся Москве приемлемыми. И судя по настрою Чемберлена, можно предположить, что его такой исход вполне устраивал.

---

[1] Я. З. Суриц — В. М. Молотову. 6 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 32. Д. 178. Л. 98–95; Я. З. Суриц — В. М. Молотову. 10 мая 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. 354–355.

[2] И. М. Майский — в НКИД. 6 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2076. Л. 177–179. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147., Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

Климент Ефремович Ворошилов

7 мая британский военный атташе в Москве полковник Рой Ч. Файербрейс встретился с Ворошиловым. Большинство историков представляют Ворошилова невозмутимым человеком, не слишком умным, но преданным Сталину и заслужившим достаточно доверия, чтобы возглавить Наркомат обороны. Климент Ефремович родился в Новороссии в 1881 году, в рабочей семье. Он был из числа «старых большевиков» и сблизился со Сталиным за время Гражданской войны, где они вместе воевали на Царицынском фронте; Ворошилову тогда было около сорока лет. На фотографиях Климента Ефремовича мы видим человека с вполне обычной внешностью, добрым лицом и приятной улыбкой. У него аккуратные коротко подстриженные усы и слегка вьющиеся волосы, зачесанные налево на пробор. Он совсем не похож на сурового вояку, закаленного в боях. Ворошилов был, как принято было говорить, «политическим»: в 1925 году он был назначен наркомом по военным и морским делам СССР (с 1934 года — обороны); в 1926 году стал членом Политбюро с правом решающего голоса, а в 1935 году — одним из пяти первых маршалов Советского Союза. Он всегда оставался близок к Сталину и был членом «четверки» наряду с Молотовым и Кагановичем. Его фамилия была в списке избранных получателей телеграмм НКИД. Похоже, он хорошо ладил с иностранными военными атташе, например, с генералом Паласом. Судя по имеющимся записям разговоров, со своими собеседниками Ворошилов был неизменно искренен и любезен, даже дружелюбен. В каком-то смысле он, наверное, не очень подходил на роль одного из сталинских приспешников, которому приходилось в годы репрессий подписывать расстрельные списки, но, вероятно, выбора у него не было.

Файербрейс в отчете о своей беседе с наркомом, состоявшейся в мае 1939 года, пишет следующее. Когда разговор наконец зашел о международной ситуации, Ворошилов сказал, что он «реалист». «Необходимо сомкнуть фронт против Германии».

Файербрейс ответил, что они «пытаеются это сделать» и добились «определенного успеха».

Однако Ворошилов заметил, что они не полностью сомкнули фронт и именно от Великобритании зависит, «сомкнется он или нет».

Файербрейс записал, что высказывания Ворошилова показались ему искренними, и отметил, что тот еще раз повторил свою мысль о ключевой роли Великобритании «в смыкании фронта». Эту роль, по мнению Ворошилова, должна была сыграть не Франция. Он также отмечал, что Германия и Италия оказались в тяжелом экономическом и финансовом положении, а у Японии проблемы с Китаем. «Японцы — как охотники, которые

поймали медведя и хотят, чтобы тот спокойно шел с ними, — сказал Ворошилов. — А медведь не понимает, что его поймали, и не желает спокойно идти с охотниками». Иначе говоря, Япония откусила больше, чем была в состоянии проглотить.

«На протяжении всей нашей беседы, — писал Файербрейс, — маршал говорил очень дружелюбно и открыто. Мне показалось, что он очень сильно постарел со времени моей последней встречи с ним в апреле 1938 года. Это человек, наделенный обаянием и проницательностью, которые встречаются у многих русских крестьян, и его нынешнее положение не лишило его этих качеств». Только вот Ворошилов был не совсем крестьянского происхождения — по крайней мере, если говорить о его родителях. Британская элита имела дурную привычку считать всех русских, за исключением аристократов, недалекими «крестьянами». Файербрейс считал, что из Ворошилова не выйдет «великий полководец», однако он ошибался. «От него выходишь с мыслью, — писал Файербрейс, — что хотя он руководит Красной армией, им самим руководят другие»[1]. Ну да, а разве могло быть иначе в Москве в 1939 году?

В донесении, полученном Северным департаментом от неназванного источника в Москве, указывалось, что Ворошилов «и его окружение против военных действий на западе... Гораздо важнее для них сконцентрироваться на Дальнем Востоке». Сообщалось, что на специальном совещании в Кремле 22 апреля он заявил, что поскольку СССР не имеет общих границ с Германией, в войне с ней нет необходимости, особенно потому, что вмешивающиеся в ситуацию государства «ненадежны». Следовательно, Советскому Союзу следует оставаться «пассивным» в случае войны в Европе и сосредоточить все свои усилия на Дальнем Востоке[2]. Эти замечания, если они и были переданы достоверно, были сделаны накануне развернувшегося летом серьезного столкновения с Японией на реке Халхин-Гол, на границе СССР с Маньчжурией. Это донесение не могло не привлечь внимание за пределами Северного департамента — но это, конечно, при условии, что на него вообще кто-то обратил внимание.

Отголоски прежних проблем

Тем временем Пайяр телеграфировал в Париж, что британское предложение, мягко говоря, неуместно «в то время, когда нам нужно привлечь СССР и поверить ему на слово, а не давать ему новые причины замкнуться

---

[1] Seeds to Halifax. No. 148. 16 May 1939 // N2546/57/38, enclosing Firebrace's report (no. 6, secret, 12 May) on the meeting with Voroshilov // TNA KV2 779.

[2] «Voroshilov's attitude» report no. 34, Northern Department. 10 May 1939 // TNA KV2 779.

в себе»[1]. Впрочем, что бы ни говорил Пайяр, позиция Парижа была ненамного лучше позиции Лондона. Даже когда Бонне пытался навязать Лондону «французскую формулу», он подчеркивал, что ее оформление важнее содержания. Мы говорим не о «постоянном союзе» с Москвой, сообщал Бонне Корбену, а лишь о «временном соглашении (*occasionnel*), относящемся к четко определенной конкретной ситуации»[2].

Кадоган вел себя с Корбеном почти так же бесцеремонно, как и с Литвиновым. Он не видел необходимости в предварительных консультациях с французами по поводу британских предложений Москве. «Но мы, безусловно, должны не забывать держать французов в курсе», — указывал Кадоган своим коллегам[3]. Возможно, британцы думали, что СССР будет вести себя так же, как и Франция. «Наша проблема... состоит в том, чтобы держать Россию на заднем плане, — объяснял Чемберлен своей сестре Хильде, — не вызывая при этом у нее враждебной реакции»[4]. Пайяр был не согласен с мнением Великобритании и Польши, что нужно постараться не обижать Гитлера. Приняв решение противостоять нацистской Германии, необходимо было принять все меры для того, чтобы эта политика начала реализовываться. 11 мая Молотов встретился с Пайяром, чтобы обсудить некоторые из тех же вопросов; он подчеркивал, что важно именно реальное сотрудничество, а не пустые обязательства на бумаге[5].

Словно для того, чтобы еще раз указать, что советская политика не изменилась, Молотов 8 мая вызвал польского посла для обсуждения предложений СССР. Он слышал, что поляки восприняли их в штыки. Молотов, не теряя времени, сразу перешел к делу. Показав Гржибовскому проект предложений, он спросил, что в них противоречит интересам Польши. В ходе последовавшей дискуссии Гржибовский, как обычно, сказал, что Польша оказалась зажатой между двумя великими державами и не желает провоцировать Гитлера. Советской же стороне нужна была уверенность в том, что, какое бы соглашение ни заключила Польша, оно будет направлено против немецкой агрессии, а не против СССР. В этом контексте Молотов упомянул польско-румынский союз, направленный исключительно против СССР. Либо придайте этому договору характер общего соглашения в целях защиты от потенциальных агрессоров, предложил Молотов,

---

[1] Payart. No. 338. 8 May 1939 // MAE, Papiers Naggiar/10.

[2] Bonnet to Payart. Nos. 167–171. 16 May 1939 // MAE, Papiers Naggiar/9.

[3] Cadogan's minute. 18 May 1939, C7266/3356/18 // TNA FO 371 23066.

[4] Chamberlain to Hilda. 29 April 1939 // Chamberlain Papers, NC18/1/1096.

[5] Payar. Nos. 339–342. 8 May 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Запись беседы В. М. Молотова с Ж. Пайяром. 11 мая 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939: Док. и мат-лы. Т. 1: 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. С.449–451; Payart. Nos. 362–366. 12 May 1939 // DDF. 2e. V. XVI. P. 327–328.

либо расторгните его. Гржибовский возразил: это, по его мнению, звучало как «диктат». Молотов попросил посла обсудить этот вопрос с Варшавой, заявив, что договор уже не соответствует нынешним обстоятельствам. Посол пообещал это сделать[1].

В тот же день Молотова посетил Сидс, который представил ему британское предложение. Молотов разговаривал вежливо, но настроен был скептически; он хотел знать, готова ли Великобритания провести штабные переговоры и заключить военное соглашение. Молотов дал понять, что сбит с толку различными предложениями Франции и Великобритании и хочет получить объяснение. Простого объяснения у Сидса не было. Далее последовали все те же вопросы о позиции Польши. Сидс дал привычный ответ: поляки боятся нанести оскорбление нацистской Германии. Затем Молотов выразил недовольство по поводу задержки Великобритании с ответом на предложения Литвинова: «Советское правительство всегда отвечало... в течение трех дней, а не трех недель». Сидс сухо ответил: «Снимаю шляпу перед эффективностью работы советского правительства». Молотов «от души рассмеялся», но ничего смешного в сложившейся ситуации не было[2].

Тогда же, 8 мая, Молотов телеграфировал Сурицу и Майскому с просьбой дать совет, что делать с предложением Великобритании. Также он отправил телеграмму Потёмкину, который в рамках поездки по столицам Восточной Европы находился в Варшаве. «Как видите, англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, — писал Молотов Сурицу, — не берясь оказывать нам эквивалентную помощь. Это очень похоже на известную Вам издевательскую формулу Бонне — Леже, которую потом Бонне исправил». По словам Сидса, французы не возражали против британского предложения, которое заменило собой и упразднило формулу Бонне — Леже[3]. Суриц придерживался того же мнения, что

---

[1] О встрече с послом Польши В. Гржибовским. Выдержка из дневника В. М. Молотова. 8 мая 1939 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1236. Л. 275–277. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] Seeds. No. 87. 8 May 1939, C6804/3356/18 // TNA FO 371 23065; Seeds. No. 142. 9 May 1939 // DBFP. 3rd. Vol. V. P. 483–487; О встрече с британским послом У. Сидсом. Выдержка из дневника В. М. Молотова. 8 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 8. Л. 6–8. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[3] В. М. Молотов — Я. З. Сурицу. 8 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 303. Д. 2093. Л. 60–61. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

и раньше. Да, у британского предложения есть различные недостатки, особенно то, что СССР отведена своего рода «роль слепого спутника», который послушно идет за французами и британцами, не имея возможности рассчитывать на их поддержку, даже несмотря на то, какие последствия подразумевают обязательства Советского Союза перед ними. Тем не менее Суриц советовал не отвергать британские предложения сразу, так как это послужит интересам Бонне и Чемберлена, которые переложат ответственность за разрыв переговоров на Советский Союз. Суриц по-прежнему рекомендовал принять последнее предложение Бонне (от 29 апреля) в качестве основы для обсуждения. «Мы перед всем миром декларируем нашу готовность помочь нашим соседям, подвергшимся нападению и кладем конец всем сказкам о нашей якобы двойной игре с Германией». Советское правительство тем самым продемонстрировало бы свою готовность идти на компромисс и принимать разумные встречные предложения. Более того, принятие предложения Бонне в качестве основы для обсуждения могло бы получить мощную общественную поддержку во Франции, что усилило бы давление на британцев и помешало бы Чемберлену добиться своего в парламенте[1].

Потёмкин ответил из Варшавы 10 мая: «Без участия СССР Франция и Англия не могут обеспечить действительную помощь Польше и Румынии против Германии». Потёмкин повторил то, что он слышал в Анкаре от самого президента Турции Исмета Инёню: что Франция не сможет вести войну против Германии без Советского Союза. Такое наблюдение звучало во многих кругах, и именно оно было самым сильным аргументом в пользу «великого альянса». Тем не менее «весьма характерно», отмечал Потёмкин, что Британия выдвигает предложения, в которых просит нашей помощи, не желая ничего давать взамен и желая единолично распоряжаться нашей поддержкой всякий раз, когда это отвечает ее интересам, не принимая во внимание наши. Несмотря на это, Потёмкин, как и Суриц, выступал против того, чтобы просто отклонить британское предложение. Он утверждал, что принятие этого предложения с оговорками, по сути, дало бы советскому правительству определенные преимущества: повышение международного престижа, возможность избежать явного союза с Польшей и Румынией и обойтись менее серьезными обязательствами, выполнять которые нужно было бы только в случае активных действий Франции и Великобритании. Мы могли бы, отмечал Потёмкин, указать на недостатки британского предложения, согласившись

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 10 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 302. Д. 2090. Л. 10–13. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

с ним в принципе на условиях, выдвинутых, по существу, в советском предложении от 17 апреля[1].

Что касается Майского, он выступил против принятия британского предложения, хотя и не прокомментировал при этом встречное предложение Франции. Он сообщил о разговоре с Галифаксом 9 мая, в котором британский секретарь по иностранным делам снова попытался успокоить советское правительство, убеждая его не опасаться, что британцы оставят его в беде против Германии. Майского заверения Галифакса не убедили: предложенная Великобританией декларация по-прежнему оставалась односторонним обязательством. Но затем Галифакс заявил, по словам Майского, что «если нам эта формула не нравится, он попросит нас предложить другую формулу», отвечающую пожеланиям каждой стороны о взаимности. Майский в полной мере поддержал заявления Галифакса о доброй воле; более того, он обратил внимание, что Галифакс дважды подчеркивал стремление британского правительства к соглашению с Советским Союзом. В то же время Майский выразил недовольство тем, что новое предложение Великобритании практически не изменилось по сравнению с первоначальным предложением от 14 апреля, и это при том, что совсем недавно Гитлер вышел из германо-польского пакта о ненападении и англо-германского военно-морского соглашения. Создавалось впечатление, что лондонские сторонники умиротворения готовы бесконечно мириться с оскорблениями со стороны герра Гитлера. Майский указал на новую кампанию, развернутую «Таймс» «сделать еще одну попытку» договориться с Германией и Италией. «Лично я считаю, что предложение, вчера сделанное Вам Сидсом, неприемлемо, но думаю, что это не последнее слово англичан»[2]. Надежда на создание «великого альянса» против нацистской Германии еще была жива.

10 мая Майский сообщил, что имеет место «известное оживление в лагере сторонников мюнхенской политики». «Мне уже не раз приходилось указывать на то, что “душа души” Чемберлена в области внешней политики сводится к договору с агрессорами за счет третьих стран. Однако с середины марта дальнейшее проведение такой политики в открытом виде сделалось для премьера очень затруднительным». События марта, особенно исчезновение Чехословакии с карты Европы, всколыхнули общественное мнение. Так что теперь Чемберлену приходится лавировать,

---

[1] В. П. Потёмкин — В. М. Молотову. 10 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 296. Д. 2046. Л. 122–125. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] И. М. Майский — в НКИД. 9 мая 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 348–349; Сравни: Halifax to Seeds. No. 351. 9 May 1939, C6812/3356/18 // TNA FO 371 23065.

отказавшись от своих первоначальных позиций и уступив место «так называемой новой политике». Но он вернется к «умиротворению», если сможет, хотя и сталкивается с большими препятствиями. Общественность настроена «раздраженно, антигермански и настойчиво требует сопротивления агрессорам». Майский упомянул также опрос Гэллапа, показавший, что 87% опрошенных поддерживают «идею немедленного союза с СССР».

«В высшей степени любопытна была также здешняя реакция на уход тов. Литвинова. В течение первых трех дней вся английская пресса усиленно спекулировала по вопросу о причинах ухода и о значении данного факта. Было выдвинуто много самых разнообразных, подчас совершенно фантастических теорий. Однако, как красная нить через все эти рассуждения английской печати проходил один тревожный вопрос: а не означает ли это отказа СССР от сотрудничества с Англией и Францией. И не только в печати. Мне известно, что 4 мая, то есть на другой день после того, как уход тов. Литвинова стал известен в Англии, в Форин-офисе царила настоящая паника, и настроение там стало несколько успокаиваться лишь с 5 мая после того как были получены сравнительно успокоительные сообщения от Сидса в том смысле, что уход тов. Литвинова отнюдь не означает смены политики».

«Я склонен прийти к выводу», писал Майский, что «нынешний рецидив политики “умиротворения” едва ли имеет шансы на долгую жизнь, и что логика вещей должна толкать Англию по линии сопротивления агрессорам»[1]. Галифакс настаивал на том, чтобы советское правительство изложило свои возражения против британского предложения, что оно и сделало в официальном сообщении ТАСС от 10 мая и в передовице «Известий», опубликованной на следующий день.

Молотов не стал ждать дальнейших известий от Гржибовского. Он отправил Потёмкину, все еще находившемуся в Варшаве, телеграмму с разрешением сообщить Беку, *что СССР готов поддержать Польшу в борьбе с Германией*[2]. На следующий день польский посол передал отрицательный ответ. Молотов предложил ряд возможностей советско-польского сотрудничества. Все они были отклонены. У Гржибовского были письменные инструкции, и он придерживался их с точностью до буквы. «Вся беседа, — записал Молотов в своем дневнике, — свидетельствовала о том, что Польша не хочет в данный момент связывать себя какими-либо соглашениями с СССР или

---

[1] И. М. Майский — В. М. Молотову. 10 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 4. Л. 35–38; Corbin. No. 1428. 4 May 1939 // DDF. 2e. V. XVI. P. 100–102.

[2] В. М. Молотов — В. П. Потёмкину. 10 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 296. Д. 2047. Л. 92. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копия отправлена И. В. Сталину.

согласием на участие СССР в гарантировании Польши, но не исключает последнего на будущее». Как позже сообщил посол Потёмкину, Бек начал вроде бы понимать, что происходит, но все же в итоге так и не понял[1].

В попытках разобраться в ситуации Потёмкина посетил посол Италии в Москве Аугусто Россо. «Польское правительство испытывает тревогу, — ответил замнарком, — за свои собственные территориальные интересы, находящиеся под угрозой со стороны Германии». Россо выразил мнение, что правительство Германии ощущает серьезное сопротивление своей экспансии в Восточную Европу, и ему это не нравится. «Естественно, что опорой противодействия натиску Германии на востоке Европы служит СССР». Посол признал, что его собственные взгляды не полностью отражают взгляды правительства Италии, что было скорее преуменьшением. Потёмкин не записал, что он ответил на замечания Россо[2]. В конце июня Бек разрешил Гржибовскому взять летний отпуск. *«Incroyable indifférence et optimisme polonais* [невероятное безразличие и оптимизм со стороны поляков]», — заметил по этому поводу французский посол в Москве[3]. В июле польскими солдатами был убит советский пограничник, что еще больше испортило отношения. В ходе встречи с польским поверенным в делах Потёмкин отказался обсуждать какие-либо другие вопросы, даже несмотря на обострение европейского кризиса[4]. Советско-польские отношения снова зашли в тупик.

Переговоры возобновляются

14 мая, несомненно, предварительно обсудив варианты с остальными членами «четверки», Молотов сообщил Сидсу, что односторонние гарантии неприемлемы и что минимальные условия Советского Союза включают в себя трехсторонний пакт о взаимопомощи, гарантии государствам Центральной и Восточной Европы, в том числе Прибалтике, и четко сформулированное военное соглашение. По сути, именно такие условия были

---

[1] О встрече с польским послом В. Гржибовским. Выдержка из дневника В. М. Молотова. 11 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 26. Д. 18. Л. 110. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. См. также: *Carley M. J.* 1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II. P. 140–141.

[2] О встрече с послом Италии А. Россо. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 15 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 7. Л. 42–40.

[3] О встрече с польским послом В. Гржибовским. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 14 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 143. Л. 22–23; marginalia on Naggiar. No. 556. 24 June 1939 // MAE, Papiers Naggiar/10.

[4] О встрече с поверенным в делах Польши Т. Янковским. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 20 июля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 143. Л. 30–33.

изложены в апрельских предложениях СССР. Когда Молотов говорил о гарантиях Прибалтике, Сидс «издавал звуки недовольства», постукивая пальцами по бумаге, на которой были изложены советские предложения. Вы наверняка помните, что эти требования были выдвинуты со стороны Советского Союза еще Литвиновым в 1934 году. Британское правительство не хотело предоставлять гарантий странам Прибалтики, потому что они сами были против. С чего же тогда «звуки недовольства»? Молотов, как бы он ни был раздражен, вежливо выслушал собеседника, но позиций не уступил[1].

Как бы то ни было, мнение советской стороны услышано не было. Сарджент по-прежнему будто нарочно медлил; Кадоган, правда, вроде бы начал немного приходить в себя, но и он не был способен признать обоснованность требований Советского Союза — поставить себя на место другого, как сказал немного ранее Ванситтарт в отношении французов. Кадоган заявил:

«Если бы в позиции русских была хоть какая-то доля искренности они бы согласились с нашим планом, который, хотя и непременно в ограниченном виде, *все-таки* [курсив в оригинале. — *М. К.*] делает что-то для "коллективной безопасности", о которой так много говорит Россия. Настаивая на достижимом (и логичном) идеале, Россия заставляет меня с подозрением относиться к ее истинным мотивам. Если бы она действительно хотела помочь, она могла бы согласиться на наши предложения, не понеся никакого ущерба и не подвергаясь никакому риску»[2].

Как следует понимать это любопытное заявление? Звучит так, будто если бы советская сторона вела себя разумно, она согласилась бы на британские предложения без ущерба и риска. Но с чьей это точки зрения? Разве советское правительство не должно было само определять собственные национальные интересы, памятуя о том, что Великобритания в течение последних четырех лет выступала против предложенного Советским Союзом курса? Ведь, по сути, контекст принятия этого решения не ограничивался одним лишь месяцем весны 1939 года. Кадоган, судя по всему, предлагал забыть прошлое, но как можно было требовать этого от Сталина и его соратников? Слишком уж осложнилась ситуация за прошедшее время. Британцы и французы не вызывали у советской стороны доверия, на них нельзя было положиться. Впрочем, до Кадогана, по-видимому, это не доходило. Литвинов и Майский пытались объяснить советскую позицию, но Сидс, напри-

---

[1] Seeds. No. 93. 15 May 1939, C7065/3356/18 // TNA FO 371 23066; Seeds. No. 148. 16 May 1939 // C7328/3356/18, Ibid; Запись беседы В. М. Молотова с У. Сидсом. 14 мая 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939: Док. и мат-лы. Т. 1: 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. С. 460.

[2] Cadogan's minute, n.d. [mid-May 1939], C7665G/15/18 // TNA FO 372 22972.

мер, счел объяснения Литвинова смехотворными. То, что пыталась сказать советская сторона, лишь отчасти проникало сквозь плотную завесу непонимания; эти слова слышали очень немногие — например, Кольер. Британцы пытались проводить два противоречащих друг другу политических курса одновременно: старую политику, ориентированную на сдерживание коммунизма и опирающуюся на Польшу, Прибалтийские страны и Румынию, и новую, рассчитанную на крайний случай и подразумевающую кратковременное сотрудничество с СССР против нацистской Германии.

Тем временем Сидс вернулся в НКИД — на этот раз, чтобы встретиться с Потёмкиным, — получив указание сообщить, что британское правительство обдумывает свой ответ на отказ Советского Союза от британского предложения. Французское контрпредложение было оставлено без внимания. Молотов заявил, что сообщит об ответе Великобритании правительству, конечно же, имея в виду Сталина. Сидс заметил, что британское правительство сделало все возможное, чтобы достичь соглашения.

«Если бы это не удалось, — добавил он, — нельзя было бы винить в том мое правительство».

«Если бы соглашение не удалось, — ответил Потёмкин, — переговоры Англии и Франции с другими государствами о защите против агрессора, очевидно, повисли бы в воздухе»[1]. «Товарищ Барометр» всегда неизменно точно чувствовал изменения в политической атмосфере Москвы. Теперь он, по сути, сказал Сидсу, что лучше прийти к более или менее удовлетворительному соглашению, чем искать оправдания для провала. Это, безусловно, был единственно верный ответ для любого, кто хотел достичь соглашения. А советское правительство по-прежнему этого хотело.

Что же касается британского правительства, тут уверенности быть не могло, что бы там ни писал Галифакс и даже, если уж на то пошло, Майский. Препятствием на пути к соглашению по-прежнему оставался Чемберлен. Он считал СССР не возможным союзником, а потенциальной угрозой, которую следует по возможности держать на расстоянии. Всякий раз, когда Чемберлен позволял себе высказать мнение об СССР, в его словах сквозили враждебность и недоверие. «Я боюсь, что русские доставят нам еще больше хлопот», — написал он своей сестре Хильде 14 мая, в день, когда Молотов отклонил британское предложение о советских односторонних гарантиях.

«Это странный способ ведения переговоров — на нашу хорошо аргументированную и учтивую депешу ответить публикацией в их печати [10–11 мая] тенденциозного и однобокого возражения. Но у них нет понимания менталитета и условий других стран, нет никаких манер, и они рабо-

[1] О встрече В. М. Молотова с У. Сидсом. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 20 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 069. Оп. 23. П. 66. Д. 1. Л. 42–43; опубл. ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 384–385.

тают рука об руку с нашей оппозицией. Последняя не хочет видеть ничего, что не превозносило бы и не прославляло бы Россию; а может быть, понимает, что если союз, не способный оказать эффективную помощь, оттолкнет Испанию или загонит ее в лагерь Оси, мы потеряем гораздо больше на Западе, чем мы когда-либо могли надеяться получить на Востоке»[1].

«Хромая лошадь»

Чемберлен все время искал какой-нибудь предлог, чтобы отказаться от трехстороннего союза. Последним гамбитом премьер-министра, не получившим поддержки в Кабинете министров, стала Испания. Чемберлену с трудом удавалось держать Кабинет министров под контролем, но сдаваться он был не намерен. Галифакс отправил Ванситтарта к Майскому — они были старыми приятелями и, возможно, «Ван» смог бы убедить Майского лоббировать в советском правительстве идею согласиться на «синицу в руках» — правда, на самом деле британцы все еще придерживались односторонних обязательств, то есть предлагали гораздо меньше «синицы». Можно подумать, что тем самым они оказывают СССР услугу. Ванситтарт сказал, что если СССР откажется от своих требований о трехстороннем союзе и гарантиях странам Прибалтики, британское правительство будет готово провести штабные переговоры. Это была все та же уловка, которую британцы использовали, чтобы успокоить французов и бельгийцев в 1936 году, когда вермахт вошел в Рейнскую область. Предложение Великобритании представляло собой, по сути, кота в мешке, но советскую сторону тоже было непросто провести. Майский сообщил Ванситтарту, что контрпредложение Молотова от 14 мая — это ультиматум Советского Союза. Ванситтарт попытался возразить, но неубедительно, поскольку Галифакс не оставил ему никаких возможностей для торга. Да и имело ли смысл торговаться? Как англичане собирались воевать с вермахтом, имея в распоряжении лишь две дивизии? Майский рассуждал логически: либо Англия заключит союз с Советским Союзом, либо ей грозит неизбежное поражение в войне с гитлеровской Германией. Но Чемберлен все еще был психологически неспособен переварить идею союза с СССР, «ибо он раз и навсегда отбросил бы его в антигерманский лагерь и поставил бы крест над всякими проектами возрождения “appeasement” [умиротворения]. Поэтому Чемберлен торгуется с нами, как цыган, и снова и снова пытается подсунуть нам хромую лошадь вместо здоровой. Не выйдет! Но он все-таки не теряет надежды». Это было очень верное замечание. Майский задавался вопросом, почему Ванситтарт позволил втянуть себя в игру Чембер-

[1] Chamberlain to Hilda. 14 May 1939 // Chamberlain Papers, NC18/1/1099.

лена. Несомненно, он надеялся склонить премьер-министра к проведению более активной политики, вот только советская сторона больше не готова была принимать асимметричные обязательства и бессмысленные соглашения. Впрочем, подобное сопротивление со стороны СССР наверняка устраивало Чемберлена, который мог бы использовать его как аргумент против Ванситтарта и оппозиции[1].

Майский обсудил предложения Великобритании со своим французским коллегой Корбеном. Согласно формулировке этих предложений, вполне возможен был такой вариант, что СССР придется сражаться с нацистской Германией, в то время как Великобритания будет стоять в стороне. СССР хотел создания трехстороннего союза. Для Майского это была единственная комбинация, которая могла бы сдержать Гитлера. Ему также не нравилась идея о том, что воля трех великих держав должна быть подчинена «опасениям» по поводу «вторичных состояний». СССР хочет сотрудничества, но «без обиняков и полумер». Корбен возразил, что для Великобритании и это уже большой прогресс, но его аргумент Майского не вдохновил — это была все та же синица в руках[2].

Майский направил отчет о своей беседе с Ванситтартом в Москву и получил отрицательный ответ. Утром 19 мая Майский проинформировал Ванситтарта, который сказал, что попробует еще раз добиться улучшения формулировки. Ванситтарт получил некоторую поддержку в Палате общин, где развернулись дебаты по англо-советским отношениям. Ллойд Джордж и Черчилль были в ярости. Они, как и многие другие, критиковали правительство за нежелание создать альянс с Советским Союзом. «Я прошу правительство Его Величества усвоить некоторые из этих жестоких истин, — сказал Черчилль. — Без эффективного Восточного фронта не может быть удовлетворительной защиты наших интересов на Западе, а без России не может быть эффективного Восточного фронта». Затем настала очередь Ллойда Джорджа. «В течение нескольких месяцев, — сказал он, — мы смотрели в зубы этому грандиозному “дареному коню”». Что же происходит, почему правительство тянет с ответом на советские предложения, почему на Польшу не оказывают давления с целью заставить ее сотрудничать? Это были очень хорошие вопросы. Чемберлен не мог во всеуслышание заявить, что альянс с Советским Союзом ему не нужен. Именно поэтому правительство Великобритании тянуло время, в очередной раз заглядывая в зубы «дареной лошади». Тем не менее Ллойд Джордж и Черчилль продолжали оказывать давление на Чемберлена: они не собирались позволить Невиллу

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 18 мая 1939 г. С. 393; *Carley M. J.* 1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II. P. 146–148.

[2] Corbin. Nos. 1560–1565. 18 May 1939 // DDF. 2e. V. XVI. P. 425–426.

так легко уйти от ответственности. Глядя на все это, можно было подумать, что британцы не решают вопрос мира и войны, жизни и смерти целых народов, а торгуются на рынке из-за персидского ковра. Ванситтарт понимал, что стоит на кону, вот только на этом этапе нашего все более трагического повествования его роль постепенно стала сходить на нет.

20 мая Галифакс по пути в Женеву встретился в Париже с Бонне и Даладье. Британский секретарь по иностранным делам заявил, что трехсторонний альянс с участием СССР — слишком рискованная затея. Нужно позаботиться о том, чтобы не спровоцировать Германию, а Красная армия не может поддержать Францию и Англию, не пересекая территорию Польши и Румынии. Таким образом, и здесь право прохода войск вновь оказалось камнем преткновения на пути к соглашению. Одно дело пойти на помощь малым странам Восточной Европы, сказал Галифакс, совсем другое дело — пойти напрямую на помощь Советскому Союзу, «в то время как половина населения Великобритании возлагает на Советы и нацистов ответственность за все трудности, от которых мы страдали в течение последних десяти лет». Какие «трудности»? Какая половина «половина населения Британии»? Видел ли Галифакс результаты опросов Гэллапа? По большому счету, министр иностранных дел Великобритании недалеко ушел в этом отношении от премьер-министра.

«Выбор, стоящий перед нами, неприятно очевиден»

Из Парижа Галифакс направился в Женеву, где встретился с Майским. Британский секретарь по иностранным делам в очередной раз предпринял попытку поколебать решимость СССР создать официальный альянс. Основная его идея, по словам Майского, заключалась в том, что нужно предотвратить войну, а единственный способ сделать это — «организовать такую комбинацию сил, на которую Германия не осмелилась бы напасть», или, как выразился Майский, силу настолько мощную, что Гитлер увидел бы, что у него нет никаких шансов на победу. «Герр Гитлер не дурак, он никогда не вступит в войну, которую обречен проиграть... Единственное, что он понимает, — это сила». Майский сделал вывод, что британское правительство хочет избежать трехстороннего союза, чтобы «не сжигать мосты в отношениях с Гитлером и Муссолини». Галифакс по результатам этой встречи сообщал, что ему не удалось разубедить Майского. «Выбор, стоящий перед нами, — отметил он, — неприятно очевиден»: провал переговоров или соглашение о трехстороннем альянсе[1]. Можно подумать, что Май-

[1] *Carley M. J.* 1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II. P. 148–150.

ский пытался сделать Великобританию и Францию безоружными, а не предлагал им способ избежать неминуемого поражения от рук вермахта.

Чемберлен продолжал жаловаться сестрам. На этот раз он написал Иде: «У меня была очень утомительная неделя из-за русских, методы ведения переговоров которых включают публикацию в прессе всех их депеш и постоянное тесное общение с оппозицией и Уинстоном. Хотел бы я знать, что из себя представляют те, с кем нам приходится иметь дело. Может быть, они всего лишь простые и прямолинейные люди, но я не могу отделаться от подозрения, что их больше всего заботит, чтобы "капиталистические" державы рвали друг друга на куски, а они сами при этом стояли в стороне. Похоже, на следующей неделе нам придется принять судьбоносное решение: вступить с ними в союз или прекратить переговоры. Сторонники первого варианта говорят, будто, если мы не договоримся, Россия и Германия придут к взаимному согласию, что, на мой взгляд, является довольно зловещим комментарием к вопросу о надежности России»[1].

Чемберлен наконец-то начал поддаваться давлению. Как выразился Кадоган, премьер-министр, «я думаю, пришел к мнению, что, возможно, необходимо принять советский принцип тройного пакта, но он подошел к этому вопросу очень неохотно и очень обеспокоен всем тем, что это подразумевает». По мнению Кадогана, Чемберлен «хотел сделать все возможное», чтобы предотвратить войну из-за Данцига[2]. Здесь он ошибался: конфликт разгорелся не из-за Данцига, а из-за немецкого господства в Европе. И потом, что имелось в виду под словами «все возможное»?

22 мая 1939 года Германия и Италия подписали «Стальной пакт», который обязывал правительства двух стран поддерживать друг друга в случае войны. На следующий день Гитлер собрал своих генералов, чтобы сказать им, что при первой же возможности нападет на Польшу. Стало ясно, что повторения чехословацкого сценария не будет. 25 мая британское правительство, разумеется, с согласия Франции, предложило Советскому Союзу пакт о взаимопомощи, но только ограниченный. По этому документу решение о начале конфликта зависело от согласия третьих стран, которым угрожала опасность, и такое предложение было сформулировано в контексте дискредитировавшей себя Лиги Наций. Чемберлен так объяснил выбранную стратегию в письме своей сестре Хильде:

«Пока что у меня довольно радостное настроение. Худшие времена для меня и единственные, которые поистине вызывают у меня беспокойство, — это когда мне приходится принимать решение и я не совсем ясно представляю, каким оно должно быть. Именно такое время было в начале

---

[1] Chamberlain to Ida. 21 May 1939 // Chamberlain Papers, NC18/1/1100.

[2] Cadogan to Halifax. 23 May 1939, C7469/3356/18 // TNA FO 371 23066.

прошлой недели. Галифакс написал из Женевы, что ему не удалось поколебать решимость Майского добиться трехстороннего альянса, а Даладье настаивал на том, что это необходимо...

С другой стороны, у меня были и остаются глубокие подозрения в отношении целей Советского Союза и глубокие сомнения относительно его военного потенциала, даже если он искренне желал и намеревался помочь. Но хуже всего было мое ощущение, что альянс определенно будет представлять собой объединение противоборствующих блоков и ассоциацию, которая сделает любые переговоры или дискуссии с тоталитаристами трудными, если не невозможными...

В сложившихся обстоятельствах я послал за Орасом Уилсоном, чтобы посмотреть, может ли дискуссия с ним дать проблеск в мыслях, и постепенно возникла идея, которой мы с тех пор придерживались. По сути, она дает русским то, чего они хотят, но по форме и подаче избегает идеи альянса и заменяет декларацию наших *намерений* [курсив в оригинале. — *М. К.*] при определенных обстоятельствах выполнением наших обязательств по статье XVI Пакта [Лиги Наций о коллективном сопротивлении агрессии]. Это поистине просто гениальная идея, поскольку она рассчитана на то, чтобы провести всех дураков, и в то же время, привязав эту штуку к статье XVI, придать ей временный характер. Я не сомневаюсь, что не сегодня завтра статья XVI будет изменена или отменена, и это должно дать нам возможность пересмотреть наши отношения с Советами, если мы того захотим»[1].

По сути, это был тот же план, что и предложенный ранее Бонне, поэтому вполне резонно возникает вопрос, не имела ли идея Чемберлена французское происхождение. Она выглядела как продолжение британской «политики попустительства», применявшейся против Чехословакии. Это было что угодно, но только не честная сделка. Кстати, в начале июня Черчилль опубликовал в «Дейли телеграф» статью, в которой поставил под сомнение добросовестность ведения переговоров правительством[2].

Важным фактором при выборе политики в Лондоне и Париже было общественное мнение. Чемберлен был не единственным, кого беспокоила оппозиция в прессе и Палате общин: аналогичные опасения испытывал и Бонне. «Сегодня во Франции и Великобритании существует такое сильное движение общественного мнения в пользу соглашения с СССР и такое убеждение во Франции и во всем мире, среди столь многих людей, даже среди самых умеренных, что от этого зависит судьба мира, что если переговоры провалятся, то необходимо, чтобы вина любой ценой была возло-

---

[1] Chamberlain to Hilda. 28 May 1939 // Chamberlain Papers, NC18/1/1101.

[2] *Manchester W.* The Caged Lion: Winston Spencer Churchill, 1932–1940. London: Cardinal, 1989. P. 471.

жена на СССР, а не на нас»[1]. Этот последний комментарий перекликался с замечанием Сидса Потёмкину, на которое тот ответил, что вопрос взаимопомощи без СССР «повис бы в воздухе». Правительства Франции и Великобритании так и не поняли: переговоры нужны были вовсе не для создания определенной видимости и не для того, чтобы произвести хорошее впечатление на прессу.

Посол Корбен — еще один актер второго плана в этом драматическом повествовании, малоизвестный, но, тем не менее, заслуживающий внимания читателя. Ллойд Джордж был о нем невысокого мнения, однако совершенно незаслуженно. Среди французских дипломатов Корбен был одним из лучших. Он хорошо представлял, что происходит в Лондоне, и пытался объяснить Бонне суть сложностей, с которыми столкнулись британцы при заключении сделки с СССР. И зачем, спросите вы, он терял время на такого негодяя, как Бонне? Ну, зато, по крайней мере, Корбен зафиксировал его мнение в своих бумагах, и теперь у нас есть возможность с ним ознакомиться.

Корбен был озадачен тем, что при почти единодушном сдвиге общественного мнения в пользу союза с СССР правительство Чемберлена так и не смогло заключить соглашение с Москвой. В Великобритании часто случалось так, что общественное мнение по поводу отношений с СССР намного опережало мнение правительства. В Лондоне почти все политики и правительственные чиновники говорили, что Россия «незаменима» и что любая структура безопасности без нее рискует оказаться хрупким «фасадом». Правительство быстро приняло меры, чтобы предоставить гарантии Польше, Румынии и Греции, но не спешило привлекать СССР. Прессу наводнили статьи, в которых подчеркивалась срочность заключения соглашения с Москвой, но соглашения так и не последовало. Это какой-то парадокс, отмечал Корбен. Выдвинутые Советским Союзом в апреле предложения о трехстороннем альянсе *accueillie très fraîchement* [были встречены прохладно]; очевидно, перспектива ассоциации с СССР *ne causait visiblement aucun plaisir* [не давала повода для радости]. Даже смешно, насколько Корбен преуменьшает серьезность ситуации в своих дипломатичных комментариях. Последующие контрпредложения Великобритании были «далеки от концепции трехстороннего военного союза». Правительство Чемберлена явно не хотело никакого «прямого взаимодействия» с СССР. Все доводы в пользу такой позиции («уязвимость соседних государств», строгие требования взаимности, которых требует Москва), по

[1] Visite de Monsieur Souritz du 26 mai 1939... // MAE Papiers 1940, Cabinet Bonnet/16. P. 266–268. См. также AN Papiers Daladier, 496AP/13. Второй документ имеет менее негативную окраску.

словам Корбена, «плохо маскировали нежелание англичан рассматривать советское правительство как союзника».

Чем можно объяснить «чрезвычайную сдержанность» британского правительства по отношению к Москве? — задавался вопросом Корбен. Конечно, дело было не в прессе — пресса, если не считать «Таймс», совершила поворот на 180°. Представители власти заявляли, что проблемы создают Польша и Румыния. Корбен отвергал этот аргумент, считая его лишь предлогом, а не истинной причиной. Были также возражения и со стороны Португалии и Испании, но с каких это пор мелкие сошки командуют великими державами? Корбен приходил к выводу, что лидеры правительства видят «нечто дискредитирующее в прямом союзе с коммунистическим правительством», хотя общественное мнение, «более *réaliste*», уже давно привыкло к этой идее.

Более или менее осведомленные представители британской общественности пребывали в замешательстве от упорного сопротивления правительства идее союза с СССР. Всем было ясно, что Великобритания не может допустить провала советско-английских переговоров и что в конечном итоге правительству придется пойти на уступки, которых требует Москва. Майский был «прекрасно информирован об этой ситуации», и поэтому шансов на то, что советская сторона примет односторонние гарантии, оставалось очень мало. Молотов отверг стратегию Сурица. Это и привело к появлению последних предложений Великобритании, которыми так хвастался Чемберлен. Корбен счел, что они напоминают первоначальные предложения СССР, но он ошибался. Вопрос заключался в том, почему правительству потребовалось целых полтора месяца, чтобы пойти на уступку? Выглядело все так, будто Великобритания «капитулировала» (конечно, это было не так), оставив СССР «моральную выгоду» от принятия на себя ответственности за сдерживание агрессора. Сложно было сказать наверняка, как следует расценивать поведение англичан. Впрочем, одно было очевидно: «многие англичане сожалеют» о том, как их правительство ведет переговоры с Москвой. Это создавало впечатление «нерешительности» и «слабости» и того, что у правительства «нет четко определенной политики». Хотя Чемберлен все еще пользовался поддержкой народа, он уже по большей части утратил доверие. Внушал ли он хоть какое-то доверие, было под вопросом[1].

Сам Чемберлен считал, что всех облапошил и что советскому правительству будет трудно отказаться от нового британского встречного предложения. Но Молотов был вовсе не глуп и сразу понял стратегию премьер-министра: принятие этого предложения превратит предполагаемый аль-

[1] Corbin.No. 409, confidential. 25 May 1939 // DDF. 2e, XVI, 562–566.

янс в «клочок бумаги». В ходе бурных обсуждений на встрече с Сидсом и Пайяром 27 мая Молотов обвинил правительства Великобритании и Франции в вероломстве. В англо-французских предложениях, сказал Молотов, нет плана эффективной взаимопомощи в случае войны. Эти предложения создают впечатление, что Франция и особенно Великобритания на самом деле не заинтересованы в союзе. После этого он перешел к ссылкам на Лигу Наций. Мы не против Лиги, заметил Молотов, но ее механизмы противодействия агрессору совершенно недостаточны. «Если один из наших городов подвергся бомбардировке, и мы обращаемся в Лигу Наций, и предоставление помощи нам может заблокировать любое государство, скажем, Боливия». Почему в предложения включены такие ссылки на Лигу Наций, спросил Молотов, если в британских гарантиях Польше подобные положения не фигурируют?[1] Галифакс, по-видимому, предвидел реакцию Молотова, поскольку он направил Сидсу дополнительные инструкции, в которых говорилось, что ссылки на Лигу Наций были добавлены только для того, чтобы удовлетворить британское общественное мнение. Этот предлог был неубедителен, учитывая слова Корбена о том, что общественное мнение полностью *за* Советский Союз[2]. Большинству людей было наплевать на дискредитированную Лигу Наций, особенно если она стала препятствием для соглашения с СССР. Чемберлен и Галифакс увязли в собственной лжи. Это был далеко не лучший способ ведения дел с предполагаемым союзником.

Сидс и Пайяр изо всех сил старались заверить Молотова в добросовестности Великобритании и Франции, но Чемберлену и Бонне добросовестности явно недоставало. Два дня спустя, 29 мая, Сидс вновь приехал к Молотову, чтобы попытаться исправить положение. Он зря тратил время. Молотов вновь поднял вопрос о странах Прибалтики, которые советское правительство хотело включить в гарантии безопасности, предусмотренные соглашением. Сидс ответил, что британское правительство выступает против предоставления гарантий государствам, которые их не хотят. Молотов привел прецедент Чехословакии, поглощенной Гитлером номинально с ее согласия. То же самое может произойти в Прибалтике. Смогут

---

[1] В. М. Молотов — Я. З. Сурицу. 26 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 303. Д. 2093. Л. 91–93. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147; О встрече с английским послом У. Сидсом и французским поверенным в делах Ж. Пайяром. Выдержка из дневника В. М. Молотова. 27 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 41–47. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147; Payart. Nos. 400–405. 27 May 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Seeds. No. 103. 27 May 1939, C7682/3356/18 // TNA FO 371 23066.

[2] Halifax to Seeds. No. 120. 25 May 1939 // DBFP. 3rd. Vol. V. P. 680–681.

ли Франция и Великобритания, спросил Молотов, «сохранять надменную невозмутимость, если, например, Бельгия заключит соглашение с Германией?».

В своем докладе Сидс назвал Молотова «совершенно неосведомленным в международных делах» человеком, «которому идея переговоров — в отличие от навязывания воли своего партийного руководителя — совершенно чужда». По мнению Сидса, Молотов обладал «глупой хитростью» крестьянина, но это было всего лишь проявление высокомерия, типичного для британского высшего класса. Молотов не был глуп, не был он и крестьянином, и искусству дипломатии он учился очень быстро. С такими оппонентами, как Чемберлен и Бонне, иначе было нельзя[1].

Пайяр, а позже и Наггьяр, вернувшийся в Москву в конце мая, воспринимали Молотова иначе. Они сообщали о глубоком недоверии Советского Союза к англо-французским предложениям, которое было подкреплено событиями в Мюнхене. Даже Пайяр не считал аргументацию Сидса в защиту британского предложения убедительной. Что касается Молотова, то именно его недоверие, по мнению Наггьяра, проявлялось в резкости, пренебрежении традиционным дипломатическим языком. Эта «грубая простота», столь отличавшаяся от манеры общения Литвинова, кажется, была нарочитой. Молотов не собирался удовлетворяться крохами взаимности, в которой ранее отказывали Литвинову и на которую так неохотно решили пойти после его ухода. «Новый комиссар... теперь намерен получить более широкие преимущества»[2].

2 июня Молотов выступил с контрпредложением о железных, четко определенных обязательствах, в котором, по сути, вернулся к советскому предложению от 17 апреля о гарантиях всем государствам от Балтийского до Черного моря. В контрпредложении был указан список стран, которым будут предоставлены гарантии, включая страны Прибалтики, и, в отличие от предыдущего англо-французского предложения, помощь не зависела от согласия подвергшихся агрессии третьих стран. Более того, предложение Молотова, как и предложение Литвинова, предусматривало заключение военного соглашения «в кратчайшие сроки», подробно описывая обязательства договаривающихся сторон[3]. Реализация целей альянса была не-

---

[1] Seeds. No. 105. 30 May 1939 // DBFP. 3rd. Vol. V. P. 722–723.

[2] Payart. Nos. 406–407. 29 May 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Payart. Nos. 408–414. 30 May 1939 // DDF. 2e. V. XVI. P. 599–601; Naggiar. Nos. 416–422. 31 May 1939 // MAE Papiers Naggiar/10.

[3] Ответ СССР на англо-французское предложение от 26 мая, переданный 2 июня 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 26. Д. 18. Л. 146–147. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

возможна без заключения этой военной конвенции. Касаемо последнего пункта Молотов пояснил Сидсу, что советское правительство извлекло уроки из своего опыта отношений с французами. Советско-французский договор о взаимопомощи «оказался... иллюзией на бумаге». Без военной конвенции политическое соглашение было бы бесполезным. Вернувшись в Лондон, Сарджент прокомментировал это так: «Русские в течение многих лет настаивали на необходимости штабных переговоров для реализации своего [так в оригинале] франко-советского пакта, а французы, в основном по нашему наущению, всегда отказывались от них»[1]. Это был редкий случай, когда Сарджент и Молотов были едины в своем мнении.

Новые предложения Молотова подробно обсуждались в Лондоне. Галифакс на заседании Комитета по внешней политике признал, что «действительно, мы должны прийти на помощь Голландии, если она подвергнется нападению Германии, без какой-либо просьбы со стороны Голландии сделать это». Чемберлен, тем не менее, выступал против гарантий странам Прибалтики, и его позиция в итоге возобладала[2]. Иден, все еще находившийся на скамейке запасных, отправился к Галифаксу, чтобы предложить ему поехать в Москву для облегчения переговоров. Форин-офис хотел отозвать Сидса для консультаций, но тот заболел и не смог поехать. Было решено, что в Москву поедет не Иден, а Стрэнг. Это был интересный выбор. Стрэнг был главой Центрального департамента, который занимался Германией, а не СССР. Северный департамент, который занимался Советским Союзом, возглавлял Кольер. Так почему был выбран Стрэнг, а не Кольер, если Форин-офис хотел, чтобы в Москву поехал кто-то более низкого ранга, чем член парламента или министр? Читатели, возможно, помнят отчеты Стрэнга и Кольера после событий в Мюнхене. Первый выступал против сближения с СССР, против коллективной безопасности, против антифашистского фронта. Это была та позиция, которую занимали Сарджент и Кадоган. Кольер высказывал противоположное мнение. Он бы одним из соратников Ванситтарта. Бумагам, телеграммам, депешам о переговорах с Москвой присваивались номера Центрального, а не Северного департамента. Историки могут задаться вопросом, почему. Была ли это просто причуда? Маловероятно, чтобы Сарджент и Кадоган хотели скрыть информацию от Кольера и Ванситтарта и тем самым сохранить в своих руках контроль над политикой, хотя в новом году Ванситтарт все же бросил им вызов. Кольера не допускали к делам, хотя тот и вмешивался, когда только мог, с назойливостью овода. Именно это противодей-

---

[1] Sargent's minute on Seeds. No. 161. 30 May 1939, C7937/3356/18 // TNA FO 371 23067; Seeds. No. 181. 20 June 1939, C8840/3356/18 // TNA FO 371 23069.

[2] Meeting of the Committee on Foreign Policy. Monday, 5 June 1939, C8138/3356/18 // TNA FO 371 23067.

ствие Кольера большинству в Форин-офисе, вероятно, стоило ему продвижения по службе. Майский выдвинул предложение, что поехать должен сам Галифакс, но тот отказался. Молотову идея понравилась, и он поручил Майскому «намекнуть», что Галифаксу будут рады в Москве. Когда Галифакс снова отказался, Молотов дал Майскому знак «пока» не заниматься больше этим вопросом[1]. Молотов по-прежнему был настроен конструктивно.

Куда менее конструктивно был настроен Чемберлен, как он и объяснил в письме своей сестре Иде. «Между тем, с большевиками мы далеко не продвинемся». Почему «с большевиками»? Со времени Октябрьской революции прошло уже 22 года. Большинства «большевиков» уже не было в живых — кто-то умер, а кто-то бесследно исчез в годы сталинских репрессий. Слово «большевики» выдает презрение и враждебность Чемберлена по отношению к СССР. Он не питал никакого уважения к «Советам». Но послушаем, что еще он расскажет Иде:

«Я хотел вернуть Сидса, но он вскоре заболел гриппом, поэтому вместо него нам пришлось отправить Стрэнга. Я никак не могу понять, обманывают ли нас большевики, пытаясь намеренно чинить нам препоны, или они только проявляют крестьянскую хитрость и подозрительность. В целом я склоняюсь к последней точке зрения, но уверен, что их очень воодушевляет оппозиция и группа Уинстон — Иден — Ллойд Джордж, с которой Майский поддерживает постоянную связь.

Сложно поверить, чтобы кто-то мог совершить такую глупость, но Энтони [Иден] обратился к Галифаксу с предложением отправить его специальным посланником в Москву. Он нашел сочувствующего слушателя; тем не менее, когда я предположил, что послать министра либо бывшего министра было бы с нашей стороны худшей тактикой с учетом такого жесткого оппонента, как Молотов, Галифакс согласился и отказался от этого предложения. Тем не менее, Ллойд Джордж еще раз высказал его [Рэбу] Батлеру [парламентскому унтер-секретарю по иностранным делам] и даже добавил, что если мы не согласны на Энтони, то ехать должен Уинстон! Я не сомневаюсь, что они обсуждали это втроем и видели в этом средство проникнуть в Кабинет министров, а может быть, даже и заменить премьер-министра на более сговорчивого!»[2]

На самом деле, если бы премьер-министр действительно хотел заключить соглашение, он послал бы Черчилля: его приезд произвел бы на Молотова нужное впечатление. Чемберлен, должно быть, чувствовал себя, как Братец Кролик, сражавшийся с Братцем Лисом и Смоляным Чучел-

[1] *Carley M. J.* 1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II. P. 155–156.

[2] Chamberlain to Ida. 10 June 1939 // Chamberlain papers, NC18/1/1102.

ком в сказках дядюшки Римуса. Чем больше усилий прилагал Братец Кролик, чтобы вырваться от Смоляного Чучелка, тем сильнее он прилипал к смоле. Вот и для Чемберлена СССР был чем-то вроде Смоляного Чучелка. Он совершал ту же ошибку, что и Братец Кролик, считавший себя умнее Смоляного Чучелка и самого Братца Лиса.

А где же были французы во время всех этих событий? Их было не видно и не слышно. Они были очень заинтересованы в заключении соглашения, причем Даладье хотел этого даже больше, чем Бонне. Если верить сообщениям журналистки Табуи, эти двое рассорились. В начале июня Корбен посетил Галифакса, чтобы запросить информацию о переговорах в Москве. Удивительно, что ему пришлось специально запрашивать такую информацию, но англичане полностью перехватили инициативу, а французам оставалось только наблюдать, стоя в стороне[1]. Французам следовало настоять на том, чтобы им была предоставлена возможность на равных правах участвовать в переговорах, но они все никак не могли набраться смелости. Точнее, Бонне не мог. Он скорее был готов передать всю инициативу Форин-офису. Позже Майский скажет о Франции, что она была для Великобритании «блестящим № 2» и начиная с 1936 года все в большей степени находилась под британским доминированием. Во время Гражданской войны в Испании Франция превратилась в «“аппендикс” Великобритании». «Париж всегда ориентировался на Лондон в принятии всех важнейших решений по вопросам внешней политики»[2]. Это было правдой, что бы ни утверждали современные историки.

Тон инструкций, полученных Стрэнгом, который 11 июня прибыл в Москву, был не конструктивным, а скорее сварливым и придирчивым. По-прежнему много упоминалась Лига Наций, хотя совместные действия уже не ставились в зависимость от одобрения Лиги. Что касается гарантий прибалтийским странам, говорилось в инструкциях, «наша цель, конечно, состоит в том, чтобы не допустить, чтобы Россия втянула нас в войну из-за какого-нибудь прибалтийского государства, не предоставив нам никакого права голоса в этом вопросе». На первый взгляд это была разумная позиция, однако Молотов мог бы использовать тот же аргумент в отношении Бельгии (кстати, этот самый аргумент, *mutatis mutandis*, Галифакс, играя роль адвоката дьявола, выдвинул в Комитете по внешней политике). Форин-офис также предвидел, что военные переговоры могут затянуться, и не хотел, чтобы политический договор ставился в зависи-

---

[1] Phipps. No. 344 saving. 7 June 1939, C8137/3356/18 // TNA FO 371 23067; Phipps. No. 224. 8 June 1939 // C8212/3356/18, Ibid; Halifax to Phipps. No. 1400. 7 June 1939, C8213/3356/18 // Ibid.

[2] И. М. Майский — В. М. Молотову. 22 декабря 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 6. П. 36. Д. 8. Л. 6–1.

мость от них[1]. Одним словом, советской стороне предлагалось именно то, чего опасался Молотов, — очередной никчемный клочок бумаги вместо соглашения.

По поводу нового британского проекта соглашения Корбен заметил в беседе с Кадоганом, что этот вариант вряд ли будет принят: «Корбен сказал, что он полностью осознает все трудности [британской позиции] ... но факт остается фактом: если бы русские ознакомились с таким документом, какой мы подготовили, их бы переполнили самые мрачные подозрения»[2]. Тем временем Стрэнг сообщил Наггьяру, который только что вернулся в Москву, что ему было дано указание не двигаться навстречу советской стороне, а даже, напротив, отступить назад от уступок, сделанных в предыдущем англо-французском предложении в конце мая. «У меня сложилось впечатление, — сообщал Наггьяр в телеграмме, — что [Стрэнг] прибыл сюда с указанием оставаться в рамках уже взятых обязательств и не выходить за рамки тех, которые были приняты нашими двумя правительствами в нашем предложении от 26 мая»[3]. Это совсем не соответствовало тому, что Галифакс сказал Майскому 8 июня, когда сообщил, что Стрэнг едет в Москву, чтобы оказать содействие в переговорах. Напротив, Галифакс заявил, что британское правительство желает заключить трехстороннее соглашение «возможно скорее». Галифакс также поднял в разговоре с Майским Прибалтийский вопрос. Он возражал против советского предложения, поскольку страны Прибалтики, «особенно финны», выступали против «открытых гарантий». Тем не менее Галифакс выразил готовность «поискать компромисс в формулировке», в которой не упоминались бы названия конкретных государств. Можно было бы просто «сказать, что обязательства пакта приводятся в силу в случае прямой или косвенной угрозы безопасности одного из участников соглашения». Галифакс поднял и некоторые другие вопросы, касающиеся политических и военных соглашений, а также положения об отказе от сепаратного мира, но они, похоже, не играли решающей роли.

Молотовская копия телеграммы Майского испещрена пометками синим и красным карандашом, тут и там встречаются подчеркивание и галочки на полях, но без каких-либо комментариев[4]. Телеграмма Майского

---

[1] Instructions for Sir W. Seeds. FO. 12 June 1939 // DBFP. 3rd. Vol. VI. H. 33–41.

[2] Cadogan. Record of a meeting with Corbin. 8 June 1939, C8405/3356/18 // TNA FO 371 23068.

[3] См.: Naggiar's handwritten notes on his nos. 481–483. 14 June 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Naggiar. Nos. 502–506. 16 June 1939 // Ibid.

[4] И. М. Майский — в НКИД. 8 июня 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2077. Л. 43–46. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

явно привлекла большое внимание. В его версии встреча с Галифаксом выглядела как разумная дискуссия потенциальных союзников. Однако в то же время складывалось ощущение, будто Галифакс говорил Майскому одно, а своим коллегам по Кабинету министров другое. Англичане не слишком четко представляли себе сложившееся положение, не сопоставляли свою слабую позицию с сильной позицией Советского Союза — иными словами, свои две дивизии с сотней дивизий СССР. Неужели самонадеянные британцы все так же свысока смотрели на своих потенциальных союзников? Если да, то почему? Ведь с двумя дивизиями мало что можно было сделать против вермахта, а вот с сотней можно было легко охладить пыл общего врага или вообще порвать его в кровавые клочья.

Ответ Молотова Майскому по Прибалтийскому вопросу был однозначным: без удовлетворительного решения по этому пункту не может быть успешного завершения переговоров. Речь шла об обеспечении безопасности советских северо-западных границ с Финляндией, Эстонией и Латвией, и этот вопрос играл для заключения соглашения ключевую роль. Тон телеграммы Молотова не был агрессивным. Просто в этом случае имели значение не «технические формулировки», а сама суть вопроса. Если бы удалось достичь решения по существу дела, формулировку соглашения найти было бы нетрудно. Молотов подтвердил отъезд Стрэнга и указал, что вопрос политических и военных соглашений может быть решен путем переговоров. В этой же телеграмме Молотов сообщал, что в Москве были бы рады приезду Галифакса[1].

Британские инструкции, с которыми согласились и французы, подразумевали, что никакое соглашение не может быть заключено, пока советское правительство твердо придерживается своей позиции по странам Прибалтики. Сидс сообщил Наггьяру, что расстроен и смотрит на перспективы переговоров пессимистично. Переговоры не увенчаются успехом, если французы и британцы не примут советские условия[2]. 15 июня Сидс, Стрэнг и Наггьяр представили Молотову англо-французскую позицию, основанную на инструкциях, направленных Стрэнгу. Советские обязательства, согласно этой позиции, должны были вступить в силу, если бы под угрозой оказалась безопасность любого из пяти упомянутых государств — Польши, Румынии, Греции, Турции и Бельгии, — но не безопасность одной из стран Прибалтики. Таким образом, французы и британцы требовали асимметричных обязательств: широких для СССР и ограниченных для себя. «Это значит, — как выразился Молотов в телеграмме, от-

[1] В. М. Молотов — И. М. Майскому. 10 июня 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 301. Д. 2079. Л. 186–187. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Naggiar. Nos. 463–470. 11 June 1939 // MAE Papiers Naggiar/10.

правленной в Париж и Лондон, — что французы и англичане ставят СССР в унизительное неравное положение, с чем мы не можем ни в коем случае мириться». Ответ, который Молотов дал на следующий день, был предсказуемым: он повторил то, что уже говорил ранее. Советское правительство непреклонно в вопросе гарантий странам Прибалтики, то есть в установлении «линии перехода» на советских северо-западных границах. Переход через нее служил бы сигналом для вступления в силу союзнических обязательств. Если англичане и французы не хотят достичь соглашения по этому вопросу, заявлял Молотов, лучше отложить вопрос о гарантиях восьми рассматриваемым государствам и сосредоточить внимание на договоре о взаимопомощи, действующем только в случае прямого неспровоцированного нападения на любое из трех государств, подписавших договор. «Нам кажется, — отметил Молотов, — что англичане и французы хотят получить договор с нами, выгодный им и невыгодный нам, то есть не хотят серьезного договора, отвечающего принципу взаимности и равенства обязательств»[1]. Был ли Молотов прав? Комментируя предложение Советского Союза касательно трехстороннего пакта о взаимопомощи, Галифакс заявил в Кабинете министров, что это «в определенной степени свидетельствует о том, что Молотов не ищет предлога для разрыва переговоров»[2]. Более того, телеграммы Молотова в Париж и Лондон свидетельствуют о готовности вести переговоры и искать решение. Однако гарантия советской северо-западной границы была так же важна для Москвы, как Бельгия и Голландия — для Лондона и Парижа. Обеспечение безопасности СССР на границах Балтийского моря не было новой проблемой, эта проблема возникла уже в 1920-е годы.

В середине июня последовало еще несколько встреч. Сидс при поддержке Стрэнга и Наггьяра пытался переубедить Молотова, но безуспешно. «Кажется, у меня ни в чем не получается добиться прогресса, — жаловался Чемберлен Хильде. — Русские только и делают, что публикуют в прессе сообщения о том, что наши предложения неудовлетворительны. С ними невозможно вести дела»[3]. Наггьяр предупреждал, что у Москвы вызывает подозрения любой, кто предлагает более слабые формулы соглашения: «Я не устаю повторять... [эту мысль] Стрэнгу и его послу». Британские варианты предложений по договору, ослабляющие советскую позицию, были бесполезны и только усиливали подозрения СССР. Мы можем выставить на фронт не менее сотни дивизий, говорил Молотов своим со-

---

[1] В. М. Молотов — И. М. Майскому, Я. З. Сурицу. 16/17 июня 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 313. Д. 2154. Л. 107–108. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Cabinet Conclusions. 21 June 1939, C8914/3356/18 // TNA FO 371 23069.

[3] Chamberlain to Hilda. 17 June 1939 // Chamberlain papers, NC18/1/1103.

беседникам. Неужели сто дивизий не стоят того, чтобы предоставить гарантии прибалтийским странам?[1]

Стрэнг был вынужден признать, что позицию Англии и Франции на переговорах нельзя назвать сильной и что Молотов не откажется от гарантий странам Прибалтики. 22 июня Сидс, как и Наггьяр несколькими днями ранее, пришел к выводу, что либо британское и французское правительства должны принять советскую позицию по странам Прибалтики, либо им остается вести переговоры о простом трехстороннем союзе против прямой агрессии. По словам Сидса, советская сторона в прошлом уже обожглась, поэтому она «хочет, чтобы обязательства, которые берут на себя три державы, были изложены черным по белому и были совершенно ясны». СССР также опасается, что страны Прибалтики могут присоединиться к нацистской Германии «добровольно или под давлением», став тем самым угрозой советской безопасности. Стоило принять непосредственное участие в переговорах в Москве, и сразу стало яснее, в чем суть разногласий. Главная проблема заключалась в том, что правительственные чиновники в Лондоне словно находились в пузыре из мутного стекла, сквозь которое было совершенно не видно, что происходит снаружи. Впрочем, нужно признать, что Галифакс, кажется, немного лучше представлял себе реальность, чем Чемберлен[2]. Куда лучше Чемберлена понимали происходящее и Черчилль, и Ллойд-Джордж, и простые британские обыватели.

Бонне, получив в Париже телеграммы Наггьяра, сразу понял главную мысль и поспешил сообщить ее Корбену. Вызвать недоверие советской стороны очень легко, причем даже если речь идет о второстепенных вопросах, например, об отсылках к Пакту Лиги Наций. Давайте избавимся от этих формулировок и урегулируем все как можно быстрее, телеграфировал Бонне Корбену. Поговорите с Галифаксом и внушите Форин-офису, что необходимо спешить. Любая задержка чревата опасными последствиями, говорить о которых излишне[3]. Бонне, конечно, был прав, но полностью доверять его словам было нельзя. Корбен сообщил Кадогану, что французское правительство готово согласиться с британскими предложениями. А несколько дней спустя Бонне на встрече с Фиппсом высмеял министров Манделя и Рейно за то, что те находятся под «советским влиянием»[4].

---

[1] Naggiar. Nos. 525–527. 21 June 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Naggiar. Nos. 528–533. 22 June 1939 // DDF. 2e. V. XVI. P. 937–938.

[2] Strang to Sargent. 21 June 1939, C9010/3356/18 // TNA FO 371 23069; Seeds. No. 139. 23 June 1939, C8928/3356/18 // Ibid.

[3] Bonnet to Corbin. Nos. 1188–1192. 17 June 1939 // DDF. 2e. V. XVI. P. 878–879.

[4] Cadogan's untitled note on a meeting with Corbin. 17 June 1939, C8773/3356/18 // TNA FO 371 23069; Phipps to Halifax. 22 June 1939// DBFP. 3rd. V.VI. P. 150–151.

19 июня Форин-офис направил Сидсу еще один вариант проекта соглашения для обсуждения с Молотовым, не заручившись при этом предварительным согласием Франции. В обновленной версии проекта британцы по-прежнему придерживались своей позиции по прибалтийским гарантиям и, кроме того, упоминали два других государства на Западе, Голландию и Швейцарию, как имеющие большое значение для Франции и Великобритании. 21 июня пересмотренное предложение обсуждалось на очередной встрече с Молотовым, который, конечно, не увидел никаких улучшений. Молотов не мог понять, почему в текст были введены еще два западных государства, и пришел к выводу, что Форин-офис решил выдвинуть дополнительное требование, не удовлетворив при этом требование Москвы относительно гарантий трем или четырем (если считать Финляндию) Балтийским странам. Наггьяр сообщил Бонне, что, по его мнению, новый британский вариант соглашения еще больше усложняет переговоры, и предложил дать «полемический» ответ[1].

23 июня Галифакс вызвал Майского, чтобы пожаловаться на безрезультатные переговоры в Москве и «абсолютную неуступчивость» Молотова. По словам Майского, Галифакс обвинил советское правительство в том, что оно использует «германский метод», называя цену и требуя стопроцентной оплаты, из-за чего заключение соглашения затягивается.

«Хотите вы договора или не хотите?» — спросил Галифакс.

«Я с изумлением посмотрел на Галифакса, — записал Майский в своем дневнике, — и ответил, что не считаю возможным даже обсуждать такой вопрос». Затем он привел секретарю по иностранным делам некоторые статистические данные. Переговоры ведутся с 15 апреля, то есть уже 67 дней. Из них СССР потратил 16 дней на подготовку своих предложений и ответов, а Англия потратила 51 день на всяческие «задержки и промедление». Так кто же из нас тормозит процесс, поинтересовался Майский. Обратите внимание, что о Франции полпред даже не упомянул.

«Конечно вам хватило 16 дней, — парировал Галифакс. — Не нужно много времени для того, чтобы каждый раз отвечать “нет”!»

«Извините, лорд Галифакс, — сказал Майский, — советское правительство не только отказало вам, но и представило вам три подробных рабочих проекта встречных предложений». Из Майского вышел бы неплохой лидер оппозиции в британской Палате общин.

Галифакс решил не продолжать перепалку и перешел к обсуждению последних встреч, прошедших в Москве. Он не мог понять, в чем камень преткновения по Прибалтийскому вопросу. Майский ответил, что не был проинформирован о деталях московских встреч, но спросил, почему нель-

[1] Naggiar. Nos. 528–533. 22 June 1939 // DDF. 2e. V. XVI. P. 937–938.

зя просто перечислить в соглашении Прибалтийские страны, о которых идет речь. Галифакс прибегнул к привычному аргументу о том, что эти государства якобы сами не хотят гарантий. Снова развернулась ни к чему не ведущая дискуссия. Майский упомянул доктрину Монро как прецедент для ситуации с Прибалтийскими странами. Это, конечно, было преувеличением, но главная мысль была в том, как сам Галифакс признал в беседе с коллегами по Кабинету министров, что Великобритания не стала бы спрашивать у небольших государств, скажем, Бельгии, согласия на гарантии, если бы речь шла о британской национальной безопасности. Это был всего лишь обмен дежурными аргументами: англичане по-прежнему предлагали асимметричные обязательства.

Согласно отчету Галифакса о встрече, Майский сказал, что, вероятно, было ошибкой со стороны советского правительства с самого начала заявить о своем «непреодолимом минимуме». Следовало бы с самого начала попросить большего, чтобы иметь возможность в дальнейшем пойти на уступки. Галифакс отметил, что беседа прошла ««в дружеском ключе». Он попросил Майского передать своему правительству, «что мы хотим соглашения и что если оно тоже этого хочет, то мы, несомненно, сможем без дальнейших затруднений достичь согласия». Майский заключил, что Галифакс был «раздражен и недоволен»[1].

Если Галифакс и был «раздражен», то же самое можно было сказать про Молотова, который 23 июня отправил Майскому и Сурицу телеграммы с разъяснением позиций СССР. В «новых» британских предложениях не было ничего нового, британцы и французы (хотя в данном случае британский проект соглашения не был одобрен французами) по-прежнему придерживались своей позиции касательно как гарантий прибалтийским странам, так и обязательств СССР по отношению к странам Западной Европы. К пяти странам, упоминавшимся в предыдущих версиях соглашения, добавились еще две — Голландия и Швейцария, с которыми СССР не имел дипломатических отношений. Поскольку «новая» версия была лишь повторением старых, все они советским правительством «отклоняются, как неприемлемые»[2].

Британское правительство было в итоге вынуждено принять несколько трудных решений. Вопрос Галифакса «Хотите вы договора или не хотите?» с таким же успехом можно было задать и Лондону. Именно этот вопрос был поставлен перед Комитетом по внешней политике 26 июня. Галифакс, на этот раз проявив себя как реалист, вступил в спор с Чемберленом, все еще

---

[1] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 23 июня 1939 г. С. 415–416; Halifax to Seeds. No. 488. 23 June 1939, C8979/3356/18 // TNA FO 371 23069.

[2] В. М. Молотов — И. М. Майскому, Я. З. Сурицу. 23 июня 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 313. Д. 2154. Л. 120–122. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

не желавшим уступать Советскому Союзу. «Русские ведут себя чрезвычайно подозрительно, — сказал Галифакс, — и боятся, что наша настоящая цель — заманить их в ловушку обязательств, а затем бросить в беде. Они страдают выраженным комплексом неполноценности и считают, что Западные державы со времен Великой войны относятся к России с высокомерием и презрением». Такое восприятие британцами советской позиции как «комплекса неполноценности» заставляет вспомнить замечания о том, что советская сторона ведет себя, как «параноик». Тем не менее у советских лидеров были на то причины. В качестве примера «высокомерия и презрения» читателю достаточно вспомнить реакцию Кадогана и Сарджента на предложение Литвинова касательно визита в Лондон или на его апрельские предложения о трехстороннем альянсе. Чемберлена не убедили аргументы Галифакса, и он заявил, что Молотов «торгуется, как на базаре». Забавно, что и Майский, и другие представители советской стороны использовали то же сравнение в своих отчетах. Британцы действительно торговались, предлагая более слабые формулировки, а Молотов твердо держался своей позиции. К концу дискуссии Чемберлен остался в меньшинстве и был вынужден пойти на уступку Молотову по гарантиям странам Прибалтики, однако при этом он настоял на том, чтобы в список были добавлены Голландия и Швейцария. Как отметил один из министров, «необходимость достижения соглашения с Россией была куда значительнее, чем риск обидеть малые страны»[1]. Именно так оно и было: в этом была суть логики власти, и у нее были сторонники во всех трех правительствах.

В тот же день, 26 июня, Майский встретился со своим старым другом лордом Бивербруком. Разговор зашел о неизбежности войны. Бивербрук всегда отвергал подобные прогнозы как «несерьезные», но и он теперь поменял свое мнение. «Война близка, — сказал Бивербрук. — Вероятно начнется нынешней осенью». Германия мобилизуется, готовится к войне. Спусковым крючком для кризиса станет Данциг. При этом, по словам Бивербрука, Риббентроп, находящийся на пике своего влияния, убедил Гитлера, что Англия и Франция плохо подготовлены «к серьезной войне» и что переговоры о трехстороннем пакте ни к чему не приведут. Англия не готова к войне, и поэтому Германия спешит ковать железо, пока горячо. Одним словом, все данные, которыми располагал Бивербрук, указывали на то, что кризис разразится в конце лета или начале осени[2].

---

[1] Cabinet, Committee on Foreign Policy. Monday, 26 June 1939, C9315/3356/18 // TNA FO 371 23069.

[2] И. М. Майский — в НКИД. 26 июня 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2077. Л. 95–96. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. . Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

Бивербрук был не единственным, кто считал, что война неизбежна. Из многих источников поступали сведения о том, что Германия готовится напасть на Польшу. Бенеш, находившийся на тот момент в Вашингтоне, передал советскому посольству информацию от своих европейских агентов. Главная мысль заключалась в том, что немцы не собираются дожидаться осени, чтобы напасть на Польшу. Даже удивительно, насколько точными оказались разведданные. Расчет немцев заключался в том, что британцы и французы не смогут отреагировать немедленно. Польшу решат принести в жертву, и операция будет завершена за 2–3 недели. А потом немцы начнут новое «мирное» наступление[1].

У тех, кто поверил сообщениям о подготовке Германии к вторжению в Польшу и хотел заключить соглашение с СССР, теперь было еще больше причин для спешки. В начале июля британское правительство уступило по некоторым пунктам, которые были до этого камнем преткновения: оно согласилось на исключение из текста большого количества ссылок на документы Лиги Наций, на отсутствие отдельного положения о мире, а также на предоставление гарантий странам Прибалтики и перечисление их в тексте. Тем не менее никакого соглашения достигнуто не было. 1 и 3 июля состоялись встречи Молотова с Сидсом и Наггьяром. Молотов согласился на секретный протокол с перечислением государств, которым предоставляются гарантии, но отказался включить в него Голландию, Швейцарию, а также Люксембург, который был добавлен Великобританией к списку последним. Молотов также попросил включить в договор упоминание о «косвенной агрессии». Вопрос о военной конвенции и ее привязке к политическому соглашению остался нерешенным. Обеспокоенность Молотова по поводу косвенной агрессии, то есть повторения чехословацкого прецедента, должно быть, не вызвала особого удивления — он много раз поднимал эту тему в прошлом. То же самое можно сказать и о настойчивом стремлении СССР связать политическое и военное соглашения. Гарантии Голландии и Швейцарии также не были чем-то новым — хотя Чемберлен и выдвинул их в качестве дополнительного требования Великобритании. В начале мая Литвинов рекомендовал Советскому Союзу принять гарантии Голландии, Бельгии и Швейцарии в обмен на гарантии странам Прибалтики[2]. Молотов теперь выступал против гарантий этим странам, выдвигая аргумент юридического характера: эти дополнительные гарантии якобы не одобрил Верховный совет.

---

[1] К. А. Уманский — в НКИД. 1 июля 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 215. Л. 53–54. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] М. М. Литвинов — И. В. Сталину. 3 мая 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 325–326.

Конечно, большинство читателей понимают, что такие решения принимал Сталин, а не Верховный совет. Было ли это просто брюзжанием или на этот раз Молотов сам пытался затянуть переговоры? Молотов также потребовал, чтобы условием дополнительных гарантий западным странам стало заключение пактов о взаимопомощи с Польшей и Турцией[1]. Взаимопомощь с Турцией была вполне реальна, но с Польшей это было почти так же вероятно, как то, что ад покроется льдом. Эти последние контрпредложения казались неожиданными. Впрочем, может, советская сторона решила проучить британцев и французов, используя против них их же собственные методы?

Затягивание переговоров не особенно беспокоило Чемберлена. В начале июля он написал Хильде: «У меня выдалась еще одна скверная и довольно тревожная неделя... Русские продолжают создавать все новые трудности, и даже Галифакс начинает проявлять к ним нетерпение, в то время как у меня вызывает все большие подозрения их добросовестность. На прошлой неделе у меня был двухчасовой разговор с [Уолтером] Ситрином, [Гербертом Стэнли] Моррисоном и [Хью] Далтоном [лидерами Лейбористской партии и профсоюзного движения], в ходе которого мне, кажется, наконец удалось убедить их, что мы сделали все, что могли, чтобы заполучить соглашение. Однако положение усугубляют постоянные утверждения в английской и французской прессе о том, что мы на пороге заключения соглашения, тогда как на самом деле им пока и не пахнет. Мои коллеги так отчаянно стремятся к нему и так нервничают из-за последствий нашей неспособности его достичь, что мне приходится действовать очень осторожно, но я настолько скептически отношусь к ценности помощи со стороны России, что не сказал бы, будто наше положение значительно ухудшится, если нам придется обойтись без них. В любом случае, мы не можем долго продолжать следовать нынешнему курсу»[2].

Нет, на самом деле обойтись без СССР Великобритания не могла. Тогда же, в начале июля, Сарджент признался Корбену, что британские гарантии Польше и Румынии были ошибкой. Советское правительство, получив таким образом преимущество, могло настаивать на своих условиях. Молотов твердо придерживался основного положения позиции, изложенной в советских апрельских предложениях. Французам и англичанам придется вести переговоры, иначе их гарантии окажутся бесполезными. При-

---

[1] В. М. Молотов — И. М. Майскому, Я. З. Сурицу. 3 июля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 313. Д. 2154. Л. 131–132. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Chamberlain to Hilda. 2 and 15 July 1939 // Chamberlain Papers, NC18/1/1105 and 1107.

знание Сарджента «немного запоздало», отметил Наггьяр; «чтобы исправить эту ошибку, придется заплатить ту цену, что требует Россия»[1].

Переговоры затянулись еще на несколько недель, при этом советское правительство настаивало на строгой взаимности и конкретности обязательств, британцы держали оборону, а французы тихо стояли в сторонке. Майский назвал подход британской стороны «базарной торговлей», но добавил, что «даже на базаре, когда просят шиллинг, не предлагают взамен два пенса». У Москвы сложилось впечатление, что британское правительство, «по сути, против пакта, и его неохотно и постепенно против воли подталкивают к его заключению». По словам Майского, это убеждение «стало одной из главных причин подозрительности русских и привело к ужесточению позиции Москвы»[2].

Базарный торг — хорошая метафора для описания трехсторонних переговоров, идущих в ситуации стремительно надвигающейся войны. Чемберлен, кажется, так и не понял, что у Великобритании нет выбора. Галифакс проявлял нерешительность, но по большей части соглашался с Чемберленом. Некоторые их коллеги понимали происходящее куда лучше, но только не эти двое. Для них оставались камнем преткновения гарантии для Голландии и Швейцарии, «косвенная агрессия» и ее определение, а также увязка военного и политического соглашений. Британцы без энтузиазма относились к идее военных переговоров, а Галифакс и другие министры сомневались, что такие переговоры приведут к подписанию соглашения. Как такое вообще было возможно в ситуации надвигающейся войны? Галифакс считал, что британскому правительству нужно постараться в этом вопросе потянуть время. Как он пояснил на июльском заседании Комитета по внешней политике, военные переговоры, возможно, в конечном итоге и не будут играть большой роли, но они помешают Советскому Союзу «войти в немецкий лагерь». Это был все тот же аргумент, который использовала Франция для оправдания советско-французского договора. Именно для того, чтобы исключить возможность появления очередного никчемного клочка бумаги, Молотов упорно придерживался своей позиции по необходимости увязать политическое и военное соглашения. Что касается косвенной агрессии, точнее, ее определения, Галифакс был непреклонен: «Поощряя Советскую Россию в вопросе вмешательства во внутренние дела, мы нанесем неисчислимый ущерб нашим интересам как внутри страны,

---

[1] Naggiar's marginal note on Bonnet to Naggiar. Nos. 333–338. 5 July 1939 // MAE Papiers Naggiar/9; см. также: Payart's earlier. Nos. 383–388. 24 May 1939 // Ibid./10; Naggiar. Nos. 442–445. 3 June 1939 // DDF. 2e. V. XVI. P. 655–656; Naggiar. Nos. 543–549. 22 June 1939 // Ibid.. P. 951–952.

[2] Mr. [W.N.] Ewer's [diplomatic correspondent, Daily Herald] account of his talk with M. Maisky, n.d. [9 June 1939], C8701/3356/18 // TNA FO 371 23068.

так и во всем мире». Чемберлен предложил «выторговать» британскую формулировку косвенной агрессии за согласие на военные переговоры[1]. Галифакс боялся, что Советский Союз получит возможность угрожать независимости Прибалтики или распространять коммунизм. Советское правительство опасалось немецкой агрессии через страны Прибалтики — будь то с их согласия или без него. Тем временем сами Прибалтийские страны с тревогой наблюдали за происходящим. Им год нацистской оккупации казался лучше одного дня советской власти — в этом-то и была проблема[2].

Британцы, конечно, утверждали, что ведут переговоры добросовестно и что именно советская сторона продолжает повышать требования. Это было совсем не так. Советский Союз сформулировал свои цели еще в апреле–мае и продолжал их придерживаться на протяжении всего времени переговоров. В числе основных спорных вопросов было право прохода Красной армии через Польшу и Румынию для создания фронта против вермахта; этот вопрос, впервые затронутый в 1934 году, в дальнейшем каждый год поднимался снова и снова. Вопрос о гарантиях безопасности для стран Прибалтики также впервые был поднят в 1934 году. В следующем году Литвинов предложил Лавалю гарантии безопасности французских восточных границ со стороны СССР в обмен на предоставление Францией гарантии безопасности советских границ в Прибалтике. Лаваль отмахнулся от этого предложения. Литвинов уже в 1920-е годы осознавал, что Прибалтика может стать потенциальным плацдармом для нападения на Ленинград[3]. Вопрос о проведении штабных переговоров — еще один важнейший для советской стороны пункт — также возник впервые в 1935 году и в дальнейшем вновь поднимался каждый год. Позволю себе напомнить: ни французы, ни британцы не хотели их проведения. 1939 год в этом смысле не принес ничего нового. Не новым был и щекотливый вопрос о «прямой или косвенной угрозе независимости». Сам Чемберлен использовал такую терминологию в отношении Польши в заявлении в Палате общин 6 апреля.

«Что значит слово “косвенная”? — в тот же день спросил Майский у Галифакса. — И кто должен определять, имеется ли налицо такая угроза» Это были обоснованные вопросы. Согласно британской версии отчета, Майский задавал их с «настойчивостью инквизитора»[4]. Таким обра-

---

[1] Cabinet, Committee on Foreign Policy, meeting of Tuesday, 10 July 1939, C9761/3356/18 // TNA, FO 371 23070.

[2] Naggiar. Nos. 449–454. 6 June 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Seeds. No. 139. 23 June 1939, C8928/3356/18 // TNA FO 371 23069.

[3] *Carley M. J.* Silent Conflict... P. 110.

[4] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Записи от 6 апреля 1939 г. и 21 мая 1939 г. С. 370–371, 395–398; Halifax to Seeds. No. 255. 6 April 1939 // DBFP. 3rd. Vol. V. P. 53–54.

зом, когда Молотов позже поднял те же вопросы, это не было повышением ставок. Если британцы вносили половинчатое предложение, Молотов всегда старался их осадить. Это напоминало игру в крестики-нолики. На вопрос итальянского посла в Москве, что происходит, Потёмкин ответил: «Вполне естественно, что позиции сторон подвергаются внимательному рассмотрению, ибо дело идет о весьма серьезных взаимных обязательствах»[1].

Отстоять свою позицию Великобритании так и не удалось, и Молотов добился удовлетворения своих требований по некоторым пунктам, хотя и не по всем. Один из представителей Кабинета министров (это был Хоар) обеспокоенно спросил Майского, есть ли способ побыстрее завершить переговоры. «Есть один очень простой способ, — полушутя- полусерьезно ответил Майский. — принять советские предложения»[2].

Наггьяр вел себя все более раздраженно и встревоженно. Он и Сидс неоднократно жаловались на утечки информации в прессу, раскрывающие важные детали переговоров. Это был настоящий цирк. В начале июля Бонне в конце концов обратился с жалобой в Форин-офис, заявив, что большая часть утечек исходит из Лондона[3]. 7 июля Бонне позвонил Сурицу, чтобы развеять сомнения Советского Союза в добросовестности англичан и французов. По словам Бонне, именно эти сомнения были «корень всех трудностей». Даладье и он сделали все возможное, сказал Бонне, чтобы оказать влияние на англичан и добиться от них согласия «на тройственный пакт, а потом на балтийские гарантии»[4]. Можно только догадываться, какую реакцию вызвали комментарии Бонне, если они дошли до Лондона или хотя бы до посольства Франции в Москве. Судя по всему, это высказывание Бонне стало доступно достаточно широкому кругу лиц. Французский журналист в Берлине сообщил его в несколько видоизмененной версии советскому пресс-атташе[5]. Наггьяр умолял Париж поторопиться. Он просил предоставить ему, по сути, неограниченные полномочия на подписание соглашения; мол, если Кабинету министров это соглашение не понравится, набережная Орсе может дезавуировать его действия. Бонне обратился с запросом в Министерство иностранных дел, но британцы от-

---

[1] О встрече с итальянским послом А. Россо. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 4 июля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 7. Л. 121–119.

[2] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 22 июня 1939 г. С. 414–415.

[3] Naggiar. Nos. 601–603. 2 July 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Bonnet to Corbin. Nos. 1356–1359. 4 July 1939 // DDF. 2e. V. XVII. P. 154–155; Seeds to Sargent, personal letter. 3 Aug. 1939, C11927/3356/18 // TNA FO 371 23073.

[4] Я. З. Суриц — в НКИД. 7 июля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 529–530.

[5] Выдержка из дневника советского пресс-атташе в Берлине А. А. Смирнова. 26 июня 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 509–510.

клонили эту идею, а Бонне не стал настаивать[1]. И о чем только думали в Лондоне и Париже? Война была неизбежна. Для поддержки французской армии, которая, по словам Ванситтарта, не смогла бы в одиночку противостоять вермахту (а может быть, еще Италии и Испании), Великобритания по-прежнему была способна направить только две дивизии.

Майский обвинял Форин-офис в использовании «тактики замедления». Он слышал, что даже президент США недоумевал «по поводу тех [британских] методов». Лондон, писал он, ведет себя не так, «как будто бы британское правительство занято не вопросом о заключении важнейшего международного договора, а покупает на базаре персидский ковер: торгуется из-за каждой мелочи и прибавляет по пенсу через каждые полчаса»[2]. Снова сравнение с базаром! За обедом с Майским Ллойд Джордж высказал собственное мнение: «Чемберлен до сих пор не примирился с идеей англо-советского пакта, направленного против Германии, и под любым подходящим предлогом хотел бы от него уклониться»[3].

Угроза нового «Рапалло»

Летом британский политический карикатурист Дэвид Лоу нарисовал целых три карикатуры, на которых представители нацистской Германии сидят в приемной Молотова или стоят у его двери в ожидании ухода британских и французских дипломатов[4]. Если Лоу осознавал опасность такого развития событий, то почему не замечали ее те, кто находился у власти в Лондоне и Париже? На самом деле, некоторые люди в правительстве такую опасность видели. Британских генералов беспокоила возможность поворота СССР в сторону Германии, поэтому они выступали за альянс. Польша, говорили они, не сможет оказать «серьезное сопротивление немецкому вторжению»; нужно привлечь на свою сторону Советский Союз. Чемберлену не нравилось слышать эти аргументы, и он старался ограничить дискуссию «политическими соображениями»[5].

---

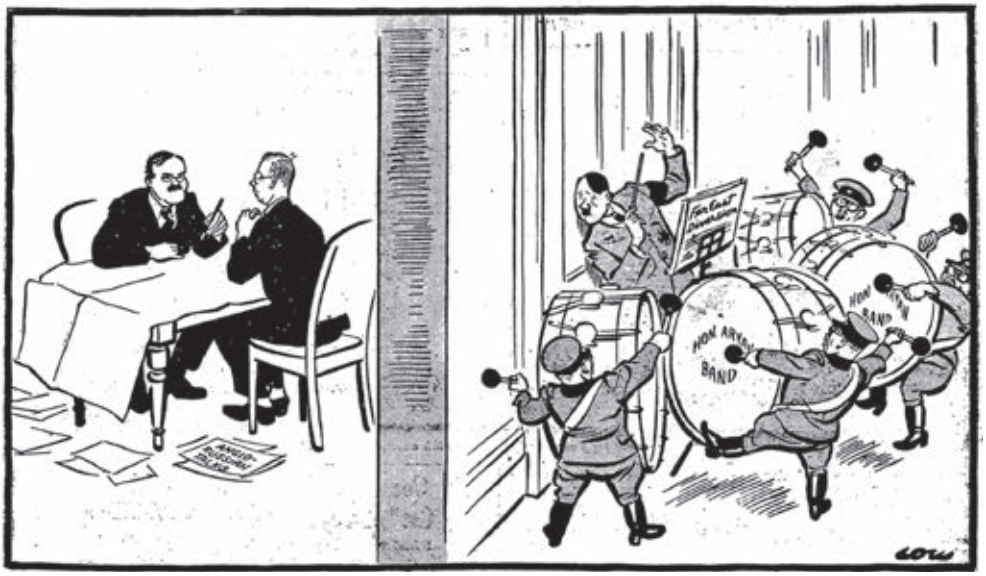
[1] Naggiar. Nos. 580–586. 29 June 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Naggiar. No. 589. 1 July 1939 // Ibid; Naggiar. Nos. 642–644. 7 July 1939 // Ibid; Bonnet to Naggiar. Nos. 444–448. 15 July 1939 // Ibid.

[2] Запись беседы И. М. Майского с профессором [Гарольдом] Ласки. 10 июля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 013а. Оп. 1. П. 14. Д. 2. Л. 29.

[3] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 14 июля 1939 г. С. 424–425.

[4] Axis Serenade // Evening Standard. 19 June 1939; If the British don't, maybe we will // Evening Standard. 29 June 1939; Expert Assistance // Evening Standard. 19 July 1939.

[5] Minutes of the Committee on Foreign Policy. 16 May 1939, C7401/3356/18, TNA FO 371 23066.



«Серенада стран Оси». Карикатура Дэвида Лоу. *Evening Standard*. 19 июня 1939 года

Французы также были обеспокоены, как сообщил Даладье на встрече в Женеве с британскими министрами в середине мая. По словам Галифакса, «он [Даладье] полагает, что их [советской стороны] отношение ужесточилось после ухода г-на Литвинова и что теперь они требуют к себе уважения и не хотят принимать ничего, кроме полного равенства и взаимности».

Считаете ли вы, что существует «опасность выхода Советского Союза из переговоров», спросил Галифакс. Есть «серьезная опасность» этого, ответил Даладье. «Уход Литвинова, безусловно, имел значение, и вполне возможно, что советское правительство сочтет наилучшей политикой уйти в изоляцию и позволить Европе уничтожить саму себя, если она того захочет». Присутствовавшие на встрече французские министры были того же мнения: существует, признали они, «серьезная опасность того, что если нам не удастся договориться с русскими, будет достигнуто соглашение между Германией и Россией».

Когда кто-то отметил, что, по мнению Сурица, соглашения можно достичь «без лишних трудностей», Галифакс выразил в ответ на это сомнение. «Российская политика совершенно непредсказуема и подвержена внезапным изменениям. Невозможно уследить за тем, как изо дня в день меняется логика советской стороны»[1]. На самом деле Суриц действитель-

[1] Halifax to Foreign Office. No. 8 L.N. 21 May 1939, C7551/3356/18 // TNA FO 371 23066.

но считал, что соглашения можно достичь. То же, что он сказал французам, он говорил и Молотову[1]. Но что имелось в виду под «внезапными изменениями»? СССР, начиная с декабря 1933 года, последовательно проводил одну и ту же политику. «Четверка» была возмущена до предела тем, что *годы* попыток остановить гитлеровскую Германию не принесли никаких плодов. Советскому Союзу порядком надоело, что ему без конца подсовывают ничего не стоящие соглашения.

А что же можно сказать по поводу опасений о возвращении Советского Союза к рапалльской политике, то есть к более тесным отношениям с Германией? Действительно ли советское правительство вело тайные переговоры с Берлином? Позволю себе напомнить, что в переговорах с герром Гитлером не было ничего предосудительного с «моральной» точки зрения. Похоже, все вокруг стремились договориться с ним, чтобы спасти собственную шкуру. Одним из первых государств, заключивших с ним соглашение, стала Польша. Если это и было грехом, то небесные судьи должны были бы первыми ввергнуть в ад англичан и французов за Мюнхенские соглашения, а заодно с ними и поляков. Даже Литвинов советовал Сталину оставить дверь приоткрытой для отношений с Берлином, чтобы французы и англичане не забывали о призраке Рапалло. В эту игру можно было играть и вдвоем. Впрочем, эта стратегия работала лишь до определенного момента.

В последний раз мы касались советско-германских отношений, говоря о весне 1937 года. Они были плохими тогда и продолжали оставаться плохими в 1938 году. В начале 1939 года произошел краткий всплеск активности в плане торговых переговоров между Москвой и Берлином, но результатов эти переговоры не принесли. В январе в Москву должен был приехать Карл Шнурре, возглавлявший немецкую торговую делегацию, однако Берлин отменил поездку. Эта новость некоторое время интенсивно обсуждалась в британской прессе, но вскоре о ней забыли[2].

До середины марта, когда Чехословакия прекратила свое существование, англо-франко-германские торговые переговоры шли куда интенсивнее, чем какое-либо взаимодействие СССР с Берлином. Что до Москвы, для нее Германия оставалась врагом. «Германия сама не прочь использовать советский козырь в свой игре с Англией и Францией», — отметил тогда Литвинов[3]. В апреле разгорелись советско-германские дискуссии по

---

[1] Я. З. Суриц — В. М. Молотову. 6 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 32. Д. 178. Л. 98–95.

[2] *Carley M. J.* 1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II. P. 89–92.

[3] М. М. Литвинов — К. М. Михайлову, советскому полпреду в Афганистане. 9 марта 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 173–174.

«Если британцы этого не сделают, возможно, это сделаем мы». Карикатура Дэвида Лоу. *Evening Standard*. 29 июня 1939 года

экономическим вопросам, в основном из-за невыполненных заказов Советского Союза заводами «Шкода» в Праге, которые на тот момент уже находились под контролем Германии. Некоторые историки придают большое значение встрече советского полпреда Алексея Фёдоровича Мерекалова и статс-секретаря МИД Германии барона Эрнста фон Вайцзеккера, состоявшейся 17 апреля — в тот же день, когда Литвинов представил окончательный вариант советских предложений по альянсу с Францией и Великобританией. Основываясь на отчете Вайцзеккера об этой встрече, ее интерпретировали как сделанный Советским Союзом шаг навстречу Германии, который в конечном итоге привел к подписанию в августе 1939 года советско-германского пакта о ненападении. В советских источниках нет никаких свидетельств того, что это был шаг навстречу немцам; единственной целью встречи было, в соответствии с указаниями Литвинова, потребовать прекращения вмешательства Германии в выполнение заводом «Шкода» заказов СССР. В отчетах Мерекалова ничего не говорилось о том, что в ходе встречи он так или иначе высказывал политические взгляды, если не считать замечания о том, что Советский Союз надеется, что войну можно предотвратить. Мерекалов, по его словам, задал Вайцзеккеру ряд вопросов о франко-германских и польско-германских отношениях. Он также пожаловался на нападки немецкой прессы на Советский Союз, отметив, что они не позволяют говорить о «об изменении линии герм[ан-

ской] прессы». В ответ «В[айцзеккер] разводит руками и вздыхает». Советский Союз уже не в первый раз выражал по этому поводу свое недовольство. Затем Мерекалов спросил, как Вайцзеккер видит будущее советско-германских отношений. Статс-секретарь пошутил по поводу того, насколько они плохи, а затем сказал, что улучшению мешают «идеологические» факторы, но он надеется на развитие отношений экономических. Отчет Вайцзеккера, на котором основывают свою версию событий многие историки, говорит о том, что Мерекалов явно указал на возможность улучшения политических отношений. Не исключено, что версия Вайцзеккера верна и что Мерекалов просто умолчал о своих высказываниях на тему политических отношений, но если это и так, то он действовал явно не по указанию Литвинова[1].

5 мая, через два дня после увольнения Литвинова, Шнурре сообщил Мерекалову, что приостановленные контракты с компанией «Шкода» будут выполнены[2]. В тот же день новый посол Германии в Анкаре Франц фон Папен нанес визит своему советскому коллеге Алексею Васильевичу Терентьеву. Папен был в прекрасном расположении духа и вел себя очень дружелюбно. Несмотря на напряженные отношения между отдельными странами, Папен был уверен, что войны не будет, «так как ее никто не хочет». По поводу Польского коридора и Данцига он отметил, что «это последнее требование Германии». Что касается нацистско-советских отношений, Папен тоже был настроен оптимистично: «Меня лично очень огорчает, что между нашими обеими великими странами нет должной сердечности во взаимоотношениях».

«Папен не видит никаких вопросов, — сообщал Терентьев, — которые могли бы затруднить сближение между обоими государствами». Советский посол в свою очередь довольно подробно рассказал «об основных принципах внешней политики СССР», сославшись на речь Сталина от 10 марта и подчеркнув, что советское правительство не виновато в том, что между СССР и нацистской Германией установились недружественные

---

[1] Запись беседы А. Ф. Мерекалова с Э. Вайцзеккером (подписана Г. А. Астаховым). 17 апреля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. 291–293; А. Ф. Мерекалов — М. М. Литвинову. 18 апреля 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939: Док. и мат-лы. Т. 1: 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. С. 389; Memorandum by the State Secretary. Berlin, 17 April 1939 // DGFP. Vol. VI. P. 266–267. Сравни: *Roberts G.* Infamous Encounter? The Merekalov-Weizsacker Meeting of 17 April 1939 // Historical Journal. Vol. 35. No. 4 (1992). P. 921–926; *Roberts G.* The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German Relations and the Road to War, 1933–1941. London: Macmillan, 1995. P. 69–71; *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер. Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939... С. 119–129.

[2] А. Ф. Мерекалов — в НКИД. 5 мая 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 338.

отношения. Через несколько дней Терентьев нанес ответный визит Папену, и тот снова твердил о добрых намерениях Германии. А как же насчет Чехословакии, спросил Терентьев. Молотов отчитал своего полпреда за «неправильный тон», который он позволил себе с Папеном: «Вам надо быть с ним таким же вежливым как с французом или другим послом, не отворачиваться от него, выслушивать его заявления, если он их захочет сделать. Тогда Вы правильно выполните обязанности советского полпреда»[1]. Одним словом, как бы говорил нарком, дипломатия — это язык скрытых знаков в своей высшей форме, и способность внимательно выслушать другую сторону имеет решающее значение. Да, Молотов быстро учился искусству дипломатии!

В начале мая разведка Красной армии получила «особо интересное» донесение о планах Германии относительно развития экспансии в Европе. Донесение было основано на заявлениях одного из сотрудников Риббентропа, Петера Клейста; они были переведены с немецкого на русский и отправлены Сталину. В начале донесения сообщалось о следующем заявлении Гитлера Риббентропу: «За беспощадным очищением Востока последует “западный этап”, который должен будет окончиться поражением Франции и Англии, будь то военным или политическим путем. Лишь после этого можно будет рассчитывать на осуществимость разгрома Советского Союза». Мы укрепляем наши военные позиции на Востоке, говорилось далее в донесении: следующая на очереди — Польша. В марте уже началась подготовка к агрессии против Польши — создание имперского протектората Богемии и Моравии, формирование правительства «независимой» Словакии и «присоединение» Мемеля. Дальнейшая задача — «поставить Польшу на колени». Военные действия планируются на июль — август. Польская армия будет «сломлена» за 8–14 дней. В донесении подробно рассказывалось о том, как будет осуществляться уничтожение Польши. В Восточной Галиции будет создано украинское правительство, и ее можно будет использовать как плацдарм для нападения на СССР. Разрушение Польши можно будет «локализировать», поскольку Англия и Франция не готовы к военным действиям. Англия проведет несколько актов демонстрации силы своего флота, а Франция «побряцает оружием» на линии Мажино, и на этом шоу закончится. На донесении рукой Ста-

[1] Запись беседы полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева с послом Германии в Турции фон Папеном. 5 мая 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 336–337; Запись беседы полномочного представителя СССР в Турции А. В. Терентьева с послом Германии в Турции фон Папеном. 9 мая // Там же. С. 350–352; В. М. Молотов — А. В. Терентьеву. 9 мая 1939 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 3. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копия отправлена И. В. Сталину.

лина написан вопрос о том, кто являлся его источником[1]. Кто бы это ни был, Клейст, похоже, был не прочь с ним поболтать.

«Четверка» не питала иллюзий относительно намерений немцев, несмотря на примирительные жесты со стороны Германии, о которых продолжали сообщать советские дипломаты. Планы Германии в любом случае не были секретом: в немецкой прессе писали о предъявляемых к Польше требованиях уступить Германии «коридор» и Данциг без начала военных действий. Здесь нужно отметить одно важное отличие от информации, раскрытой Клейстом. Согласно одному из донесений Астахова, в прессе говорилось, что «Англия не будет сражаться за Данциг, в то время как во Франции немцы могут доверять Бонне». Это был, конечно, сарказм, но такой вывод и в самом деле напрашивался. Помимо информации в прессе были также предложения Шнурре и Вайцзеккера Астахову и посла Шуленбурга Потёмкину и Молотову. В тот самый день, 17 мая, когда разведка Красной армии передала информацию, полученную от Клейста, Астахов отправил телеграмму, сообщавшую о разговоре со Шнурре, который решительно заявил «об отсутствии у Германии агрессивных планов в отношении СССР»[2]. Несколько дней спустя Шуленбург встретился с Молотовым, который был настроен не слишком доброжелательно. У нас сложилось впечатление, сказал Молотов, что правительство Германии «ведет своего рода игру» с периодически возобновляемыми переговорами по экономическим вопросам. В такие игры можно играть с другими государствами, но не с СССР. Шуленбург попытался настаивать на том, что «политическая атмосфера между Германией и СССР значительно улучшилась за последний год», но, учитывая слова Клейста, такие заверения были бесполезны. Молотов не закрыл полностью дверь для дальнейших дискуссий, однако посол ушел расстроенный. На встречу к Потёмкину Шуленбург явился «растерянный и смущенный». Неужели, вопрошал он, из этой ситуации нет выхода? Потёмкин ответил, что ему нечего добавить к словам Молотова, кроме как посоветовать послу передать слова наркома в Берлин. Это был осторожный ответ, учитывая, что Советский Союз уже был

---

[1] Агентурный материал 5-го Управления РККА «Дальнейшие планы агрессии германского фашизма в оценке сотрудника германского Министерства иностранных дел [Бруно Петера] Клейста от 2 мая 1939 г.». И. В. Сталину с сопроводительным письмом начальника 5-го Управления РККА И. И. Проскурова. 17 мая 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 436. Л. 25–31. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Г. А. Астахов — в НКИД. 17 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 294. Д. 2036. Л. 79. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

в списке желанной для Гитлера добычи. Одним словом, немцы пытались всячески оказывать на СССР давление, но Молотов оставался невозмутим[1]. В конце июня Шуленбург снова увиделся с Молотовым. Теперь сомнений быть уже не могло: это было открытое приглашение на танец. Какой танец вы имеете в виду, спросил Молотов. Политический, ответил Шуленбург: правительство Германии хочет не только нормализации, но и улучшения отношений с СССР. Шуленбург продолжал, а Молотов слушал и скептическим тоном задавал вопросы. Очень скептическим. Шуленбург упомянул, среди прочего, о возобновлении советско-германского Договора о нейтралитете, заключенного по инициативе самого Гитлера в 1933 году. А насколько этот пакт совместим с Антикоминтерновским пактом, саркастически спросил Молотов, или с германско-итальянским союзом?

О, давайте не будем вспоминать понапрасну прошлое, ответил Шуленбург, добавив, что германско-итальянский союз не был направлен против СССР. Затем Шуленбург предложил успокоить советскую прессу, ведь немецкая пресса, по его словам, вела себя сдержанно.

«Я ответил, что наша пресса, — заметил Молотов, — не дает никаких поводов для обвинения в резкостях, чего нельзя сказать о германской прессе, которая дает не мало доказательств враждебности в отношении к СССР»[2]. Кстати говоря, эти формулировки совершенно не отличались от тех, что использовал в своих беседах с немецкими дипломатами Литвинов.

Три дня спустя, 1 июля, Шуленбург снова встретился с Потёмкиным, но без особого успеха. «В ответ на явно провокационную болтовню Шуленбурга, — записал замнарком в своем дневнике, — я ограничился сухим замечанием, что ничто не мешает Германии доказать серьёзность своего стремления улучшить свои отношения с СССР»[3]. По сделанным Потёмки-

---

[1] О встрече с германским послом Ф. В. Шуленбургом. Выдержка из дневника В. М. Молотова. 20 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 26. Д. 1. Л. 1–3. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147; О встрече с германским послом Ф. В. Шуленбургом. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 20 мая 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 7. Л. 61–60. См. также: *Carley M. J.* 1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II... P. 160–162; *Roberts G.* The Soviet Union and the Origins of the Second World War... P. 173–175.

[2] О встрече с германским послом Ф. В. Шуленбургом. Выдержка из дневника В. М. Молотова. 28 июня 1939 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 373–375. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу.

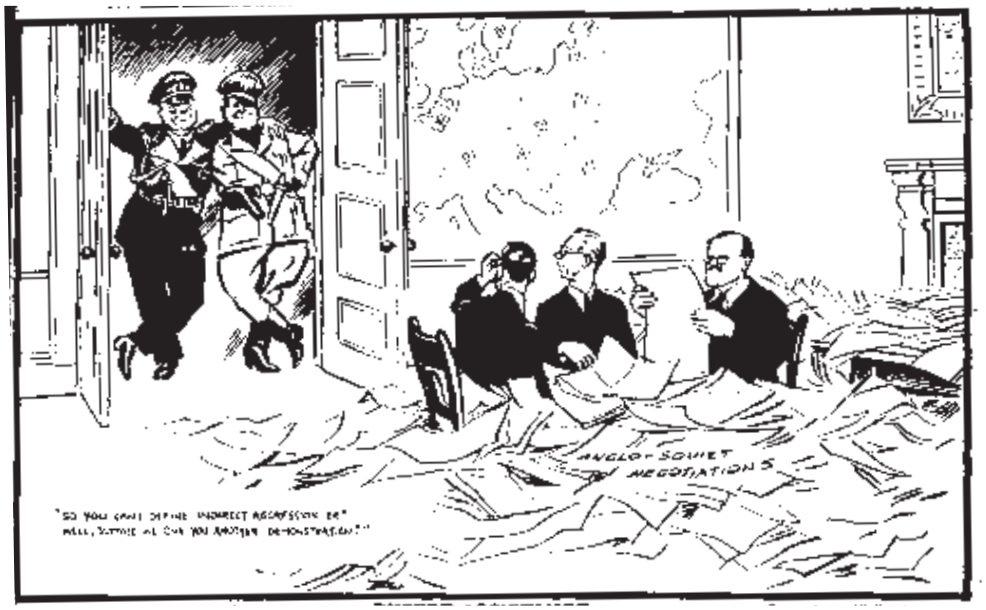
[3] О встрече с германским послом Ф. В. Шуленбургом. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 1 июля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. ор, 4. П. 24. Д. 7. Л. 114–110.

ным записям о встречах можно было зачастую судить о настроении советской стороны. Потёмкин мог быть очень любезным или, напротив, сдержанным и язвительным. Он был настоящим барометром, который очень точно сигнализировал об атмосфере в советском правительстве, и в начале июля для Шуленбурга прогноз погоды был по-прежнему неутешительным.

Тем временем в распоряжении Советского Союза оказалась новая информация о планах Германии по уничтожению Польши. Одним из источников по-прежнему оставался Петер Клейст, у которого состоялся разговор с «источником» советской разведки, посетившим Берлин в середине июня. Напомним, что Клейст служил чиновником в министерстве у Риббентропа и был хорошо осведомлен о намерениях Германии. В беседе с советским источником он подтвердил информацию, переданную им в мае. Гитлер твердо вознамерился укрепить безопасность Германии на Востоке, «путем ликвидации Польского государства в его теперешней территориальной и политической структуре». Донесение (на нем имеются пометки, судя по всему, сделанные Ворошиловым) было весьма нетривиальным: «Фюрер сказал, что он до конца будет расчитывать на мирное разрешение польской проблемы, но одновременно прикажет все подготовить для быстрого и успешного проведения военной кампании против Польши. Если дело дойдет до скрещения германо-польского оружия, то германская армия будет действовать жестоко и беспощадно. Немцы во всем мире ославлены как гунны, сказал дальше Гитлер, но то, что произойдет в случае войны с Польшей, превзойдет и затмит гуннов. Эта безудержность в германских военных действиях необходима, чтобы продемонстрировать государствам на Востоке и Юго-Востоке [Европы], на примере уничтожения Польши, что означает в условиях сегодняшнего дня противоречить желанию немцев и провоцировать Германию на введение военных сил».

Дальше следовали такие комментарии по поводу трехсторонних переговоров в Москве: «Фюрер не позволит, чтобы исход англо-франко-русских переговоров о пакте сказал влияние на его волю в деле радикального разрешения польского вопроса... Впрочем ни фюрер, ни Риббентроп не верят в то, что Советский Союз примет участие в военных действиях Англии и Франции против Германии. Это мнение выработалось у руководителей империи не только ходом англо-франко-русских переговоров, но и, прежде всего, поведением за последнее время Москвы по отношению Берлину. Москва дала нам понять, что она хочет вести с нами переговоры, что она совсем не заинтересована в конфликте с Германией и что она не заинтересована также в том, что бы биться за Англию и Францию».

Ни для кого не было секретом, что советское руководство не хочет остаться один на один в борьбе с вермахтом, пока его так называемые союзники будут сидеть в стороне и наблюдать. Не было секретом и то, что



«Экспертная помощь» Карикатура Дэвида Лоу. *Evening Standard*. 19 июля 1939 года

кое-кто в Англии, в частности бывший премьер-министр Стэнли Болдуин, предполагал такой исход. Тем не менее советские записи разговоров не указывают на то, что Молотов был намерен вести переговоры с Германией — по крайней мере пока.

Если Клейст был так хорошо осведомлен о намерениях Гитлера, откуда же могла возникнуть идея о том, что Москва готова пойти на сделку? В немецких источниках инициативу начала переговоров приписывают советской стороне, тогда как в советских версиях записи встреч утверждается, что инициатива принадлежала Германии[1]. Клейст упоминает якобы полученное Шнурре от советской стороны приглашение посетить Москву, но на самом деле Молотов не давал согласия на такой визит. Эта информация была неверной.

Клейст сообщил, что Риббентроп поручил ему «установить неофициальную связь с Советским Союзом». Мы, немецкая сторона, отметил он, уверены, что СССР сохранит нейтралитет в случае войны с Польшей, даже если подпишет «какой-нибудь бумажный пакт». Гитлер даже сказал Риббентропу, что предвидит наступление «нового рапалльского этапа» в советско-германских, как политических, так и экономических. Все это напоминало слова, сказанные Шуленбургом в Москве. Гитлер считает, сооб-

[1] См.: *Roberts G.* The Soviet Decision for a Pact with Nazi Germany // Soviet Studies. Vol. 44. No. 1 (1992). P. 57–78.

щал Клейст, что мирные советско-германские отношения в течение следующих двух лет являются «предпосылкой разрешения проблем» в Западной Европе. Военные действия против Польши начнутся в конце августа или начале сентября. В Восточной Пруссии подготовка уже завершилась, теперь она идет в Словакии. В Восточной Пруссии размещена тысяча самолетов разных типов, приведенных в состояние боеготовности. Наступление будет разворачиваться «со всех сторон». Военные действия будут осуществляться стремительно и нанесут такие удары по польской армии, что «конфликт будет решительно локализован прежде, чем англичане и французы придут в себя». В случае польских репрессий против немецкого населения Гитлер заявил, что за каждого погибшего немца «он поставит к стенке сто поляков». В донесении довольно подробно говорилось о том, каким образом Германия намерена изменить границу с Польшей[1]. Итак, советская военная разведка была хорошо информирована.

Переговоры Великобритании с нацистской Германией

Молотов пока не спешил отвечать на предложения Германии, но зато большой интерес к улучшению отношений с Берлином начали проявлять англичане. Майский не раз отмечал, что Чемберлен не хочет сжигать мосты в отношениях с Гитлером — да и Галифакс тоже, мог бы он добавить. В публичных выступлениях оба высказывались осторожно, оставляя открытой возможность рассмотрения новых предложений из Берлина. 18 мая Галифакс вызвал посла Германии Герберта фон Дирксена, чтобы дать выход своему возмущению по поводу прекращения существования Чехословакии и предупредить, что нападение на государство, которому предоставлены гарантии Великобританией, будет означать войну. Дирксен возразил, что Гитлер не будет оспаривать британские гарантии. В конце концов Галифакс спросил, можно ли убедить Гитлера сделать какое-нибудь публичное заявление об отказе от применения силы и приверженности мирным переговорам. Гитлер ничего подобного говорить не стал, поэтому 8 июня Галифакс сам произнес в Палате лордов речь, в которой повторил сказанные Дирксену слова о том, что путь к переговорам открыт, если только Гитлер не прибегнет к силе или угрозам[2]. Чемберлен так пояснил это в письме Иде:

---

[1] И. И. Проскуров — К. Е. Ворошилову. 7 июля 1939 г. (приложение: «Запись беседы с главой Восточного отдела Министерства иностранных дел Германии») // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 376–383. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] *Aster S.* 1939: The Making of the Second World War. London: Simon & Schuster, 1973. P. 226–234; *Parker R. A. C.* Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War... P. 260–262.

«Мы оба [я сам и Галифакс] учитывали опасность того, что немецкий народ могут ввести в заблуждение, заставив его думать, что мы планируем напасть на него, как только разберемся со своими делами, и поэтому мы оба старались изложить свою позицию для них предельно ясно. Очевидно, что нацисты боятся нашего успеха, поскольку они, похоже, уже оповестили свою прессу, а также итальянскую прессу, что нужно представить это как "шаг", продиктованный нашими затруднениями в отношениях с Россией. И, конечно, наша собственная оппозиция делает все возможное, чтобы подкрепить это впечатление, очевидно, полная решимости пресечь любую попытку предотвращения войны. Что ж, остается только идти дальше и не обращать на них внимания, надеясь, что хоть что-то из сказанного нами сможет проникнуть через официальные барьеры в Германии и Италии. Я по-прежнему считаю, что лучший план для нас — поддерживать контакты с Римом, где, я уверен, на перспективу войны смотрят с ужасом»[1].

На данный момент Чемберлен и Галифакс были больше заинтересованы в переговорах с Германией, чем Молотов, но для этого требовалось, чтобы герр Гитлер проявил «здравомыслие». Беда была в том, что немцы хотели говорить с Молотовым, а не с Чемберленом. 13 июня Вайцзеккер встретился с британским послом в Берлине Невиллом Гендерсоном и дал ему понять, что заключение советско-британского договора затруднит взаимопонимание между Англией и Германией[2]. Это был умный ход: немцы не стали сидеть сложа руки, дожидаясь, пока Молотов передумает. Наггьяр тем временем сообщал, что заявление Галифакса в Палате лордов и выступления Чемберлена и Саймона в Палате общин лишь усилили недоверие к Советскому Союзу. До французов также дошли слухи о том, что нацистское правительство хочет «говорить» с Москвой[3]. Но что же случилось с Чемберленом и его соратниками? Почему они совершали один неправильный шаг за другим? Чемберлен даже дошел до того, что обвинил оппозицию в препятствовании мирным усилиям. Это заявление было не только совершенно несправедливым — оно свидетельствовало о том, что Чемберлену даже в голову не приходило, *что* вскоре случится с Великобританией и Францией.

---

[1] Chamberlain to Ida. 10 June 1939 // Chamberlain Papers, NC18/1/1102.

[2] Henderson to Halifax. No. 688. 13 June 1939 // DBFP. 3rd. Vol. VI. P. 59–62.

[3] Naggiar. No. 484. 15 June 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Note rédigée par un des fonctionnaires de la delegation francaise au Conseil de la Societe des Nations. 16 June 1939 // DDF. 2e. Vol. XVI. P. 866–867.

Ничего кроме правды

Чемберлену не мешало бы ознакомиться с написанным в середине июля отчетом генерала Паласа. Возможно, тогда бы премьер-министр осознал, насколько отчаянным стало положение и насколько острой — необходимость заключить соглашение с СССР. Палас играет в этом повествовании второстепенную роль, подобно Корбену и Пайару, но всё же эта роль была значима. Он осознавал необходимость срочно наладить отношения с СССР, но его отчеты оставались без внимания и лишь значительно позже были оценены по достоинству историками. Палас писал, что Польше придет конец, если она не согласится позволить СССР прийти ей на помощь. Ее положение напоминало положение Чехословакии в 1938 году. Окруженная с трех сторон, Польша не могла устоять перед немецким вторжением. Она была полностью изолирована от своих союзников, Франции и Великобритании, и ситуация усугублялась тем фактом, что польское правительство умышленно *par sa propre volonté* [по своей собственной воле] лишило себя военной помощи СССР, отказав Красной армии в праве прохода. Палас указывал на то, какую помощь могут оказать военным усилиям союзников советские военно-морские и военно-воздушные силы. Советское правительство могло бы также предоставить Польше военную технику, если она того пожелает, и даже могло бы мобилизовать для помощи ей свои человеческие ресурсы, если она «наконец-то согласится принять помощь». Опасность заключалась в том, что советское вмешательство могло произойти слишком поздно, когда польская армия уже будет разбита. Более того, разгром Польши мог осуществиться задолго до начала Англией и Францией сколько-нибудь эффективных военных действий. Эти соображения наверняка не ускользнули от внимания высшего командования Красной армии и самого Сталина. По сути, оценка Паласа совпадала с тем, что ранее сообщил своему советскому «источнику» Клейст.

Видя, что советские договоры о взаимопомощи с Чехословакией и Францией остаются «мертвой буквой» (ведь они так и не были подкреплены штабными переговорами, которых Франция всегда избегала), СССР не желал повторять те же ошибки. На этот раз если советское правительство и пошло бы на риск вступления в войну, то только убедившись в наличии четкого определения и решения проблем военного плана — только в этом случае можно было надеяться на успех в борьбе с общим врагом. Подозрения, возникшие у советской стороны в ходе нынешних переговоров, можно было развеять, по мнению Паласа, только путем разработки точно сформулированных соглашений, определяющих обязательства каждой стороны в случае немецкой агрессии. Политическое соглашение было бы неэффективным без детально и точно сформулированных военных соглашений. Поэтому

Палас рекомендовал срочно провести переговоры на уровне штабов. Он процитировал сказанные Наггьяру и Сидсу слова Молотова о том, что, по расчетам советской стороны, ее участие в любых совместных действиях на начальном этапе может составить сотню дивизий. Палас отмечал, что такая поддержка по прикрытию незащищенного правого фланга Польши сделала бы альянс целесообразным, и обрисовал в общих чертах, как советские войска могут в дальнейшем действовать совместно с поляками. Такая группировка сил могла бы остановить немецкую агрессию и, возможно, даже предотвратить войну. Тем временем, было важно подготовить «польский менталитет» к тому, что за таким решением стоит здравый смысл. Если мы ни о чем не договоримся в Москве, полагал Палас, мы рискуем увидеть, как СССР сохранит нейтралитет, а затем заключит соглашение с Германией о разделе Польши и стран Прибалтики[1]. Это было очень верное замечание.

Наггьяр попросил у Паласа копию этого доклада и продолжил свою кампанию по приведению в чувство французского Министерства иностранных дел. Телеграммы Наггьяра дублировали слова Паласа: по всей видимости, эти двое тщательно обговорили и согласовали свои аргументы. Сделанный ими вывод был таков: без согласия Польши на проход Красной армии не может быть и речи об эффективности Восточного фронта. Польша и Румыния не смогут устоять без поддержки СССР. А если Восточный фронт будет прорван, Германия и Италия смогут повернуть все свои силы против Запада. Это был вопрос не безопасности Польши или Румынии, а безопасности Франции, не говоря уже о безопасности Советского Союза. Советская сторона не стала бы подвергать себя риску со стороны Германии, не имея «точных и конкретных военных гарантий». Читатели наверняка понимают, что все это были далеко не новые аргументы. Кулондр выступал с аналогичным предупреждением в октябре 1938 года, после подписания Мюнхенских соглашений. Наггьяр хотел поддержать Паласа, надеясь, что их доклады не будут сразу отправлены в архив. Прекратите торговаться, как бы говорил Наггьяр; новые англо-французские предложения могут лишь спровоцировать со стороны Советского Союза ответ в форме контрпредложений. Пришло время признать, что отношения между государствами регулируются только путем уравнивания сил. Нам нужен «классический» военный союз с конкретными условиями.

[1] Записка французского военного атташе в СССР О.-А. Паласа военному министру Франции Э. Даладье о стратегической обстановке на востоке Европы и ее влиянии на позицию правительства СССР по вопросу заключения англо-франко-советского договора о взаимопомощи. 15 июля 1939 г. // РГВА. Ф. 198k. Оп. 2. Д. 466, Л. 43–52. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147 (также этот документ см.: DDF. 2e. Vol. VII. P. 356–359).

К сожалению, как позже отмечал Наггьяр, «мы ничего не предприняли в этом отношении, разве что в последнюю минуту». Телеграммы Наггьяра представляли собой решительную критику англо-французской политики[1].

10 июля, за три дня до того, как Палас завершил подготовку своего доклада, начальник Генштаба РККА Борис Михайлович Шапошников представил Ворошилову свою оценку ситуации. В подготовленном им документе на семи страницах предлагались различные варианты военных действий СССР в Восточной Европе в союзе с Великобританией и Францией. Палас в своем докладе предвосхитил многие ключевые пункты этого плана. Ворошилов передал бумагу Шапошникова Сталину. Польша, следовало из доклада, играет важную роль, но не решающую. Идея «великого альянса» по-прежнему остается на повестке дня. Советская сторона готова вступить в военные действия при условии серьезного, незамедлительно и четко определенного обязательства англичан и французов вести войну против нацистской Германии[2].

Англия и Франция в нерешительности

Но готовы ли были правительства Великобритании и Франции наконец выполнить свою часть сделки? Едва ли. Наггьяр, например, был совсем в этом не уверен. Он очень метко описывал ситуацию в своих телеграммах и заметках на полях: набережная Орсе рассчитывает на «психологический» эффект, который должно произвести на Гитлера советско-англо-французское политическое соглашение. «Идея состоит в том, чтобы заставить Гитлера отступить одними словами, без того единственного реального обстоятельства, которое могло бы заставить его задуматься: без согласия Польши на военное соглашение с Россией». Несколько дней спустя Наггьяр снова написал: «Лондон и Париж по-прежнему не хотят понять, что в этих переговорах главное — военное соглашение, которое позволило бы России установить территориальный контакт с Германией, воссоздав военные условия 1914 года»[3].

---

[1] Naggiar. Nos. 629–639. 5 July 1939; Nos. 674–683. 11 July 1939; Nos. 686–691. 13 July 1939; Nos. 699–703. 15 July 1939; No. 707, 16 July 1939, Nos. 723–737. 18 July 1939 // MAE Papiers Naggiar/10.

[2] Проект записки начальника Генштаба РККА Б. М. Шапошникова о вариантах действий вооруженных сил антифашистской коалиции в случае начала войны в Европе (отправлен К. Е. Ворошиловым И. В. Сталину) [10 июля 1939] // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 220. Л. 3–9. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[3] Naggiar's marginalia on Bonnet. Nos. 505–511. 25 July 1939; Bonnet. No. 548. 30 July 1939 // MAE Papiers Naggiar/9.

В Лондоне царило мрачное настроение. 19 июля Галифакс и Чемберлен пожаловались в Комитете по внешней политике на то, как «унизительно для нас» будет пойти на дальнейшие уступки Молотову, в то время как он не сделает ни одной. Галифакс «сказал, что следует также иметь в виду, какое влияние на сознание герра Гитлера оказало то, что мы опустились на колени перед Советской Россией, чтобы умолять ее о помощи. Герр Гитлер очень невысокого мнения о России, и наши действия укрепят его в мысли, что мы — слабый и немощный народ. Соображения такого рода следует принимать во внимание»[1]. Галифакс был категорически неправ. Привлечь внимание Гитлера могло только одно: скрепленный подписями и печатями трех сторон военный альянс — и, как следствие, заряженные и нацеленные ему в голову пушки.

Чемберлен так объяснил свою позицию в очередном письме Хильде: «Я рад сообщить, что Галифаксу наконец-то “надоел” Молотов, который, по его словам, просто выводит из себя, и поэтому мы направили Сидсу довольно жесткую ноту о том, что наше терпение уже почти исчерпано. Она могла бы быть еще более жесткой, если бы не французы, и даже они начинают чувствовать, что эта задержка несколько унизительна. Если мы добьемся соглашения (а я думаю, мы это сделаем), боюсь, для меня это не станет триумфом. Я придаю столь же мало значения военному потенциалу России, как и немцы. Я считаю, что в трудной ситуации они нас подведут, и даже переговоры с ними уже привели нас к неприятностям с нашими друзьями. Мне бы хотелось на протяжении всего времени проводить с ними более жесткую линию, но мне не удалось убедить в необходимости этого своих коллег»[2].

А где же в это время были французы? На дворе было 14 июля, во Франции праздновался День взятия Бастилии. Даладье наблюдал со смотровой площадки за ежегодным военным парадом. Кто мог подумать, что этот парад станет для Третьей республики последним? Пока проходило торжественное шествие, Даладье подошел к Сурицу. «Есть что-ибудь новое из Москвы?» — спросил он. Ничего нового, ответил Суриц. «Нам нужно быстро прийти к соглашению, — сказал Даладье, — тем более, что сейчас я не вижу никаких серьезных разногласий». Действительно, переговоры по соглашению следовало завершить как можно быстрее; более того, их следовало завершить уже давно. Что же мешало это сделать? У участников переговоров был общий враг: нацистская Германия угрожала им всем — это должно было бы стать решающим аргументом. Врага мог остановить только «великий альянс», однако Чемберлена больше беспокоило то, что

---

[1] Committee on Foreign Policy, 19 July 1939, C10267/3356/18 // TNA FO 371 23071.

[2] Chamberlain to Hilda. 15 July 1939 // Chamberlain Papers, NC18/1/1107.

подумают о трехстороннем альянсе «наши друзья» — Польша, Румыния и страны Прибалтики. Они все могли перейти на сторону нацистов. Но ведь могли и не перейти — вполне возможно, их убедила бы решимость трех партнеров по альянсу противостоять Гитлеру! Только вот премьер-министр в это не верил; в глубине души он отказывался даже поверить в то, что герр Гитлер — неисправимый агрессор. В этом и заключалась главная проблема.

Вместо того, чтобы пожать друг другу руки, заключив соглашение о великом альянсе, обе стороны бросались взаимными обвинениями. Молотову все это надоело не меньше, чем Галифаксу и Чемберлену. По поводу определения «косвенной агрессии» по-прежнему существуют разногласия, писал Молотов Майскому и Сурицу: «Наши партнеры прибегают ко всевозможным хитростям и позорным увертками». Они хотят отделить политическое соглашение от военного, а наша позиция — что необходимо заключить «весь договор сразу». В противном случае политическая конвенция будет всего лишь «пустым заявлением». «Только жулики и мошенники... могут, прикидываясь, делать вид, что будто наше требование одновременности заключения политического и военного соглашений является в переговорах чем-то новым... Непонятно только, на что они рассчитывают, когда пускаются в переговорах на такие неумные проделки. Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет. Тогда пусть пеняют на себя»[1]. Из «бесконечных переговоров» ничего не выйдет. Точно так же говорил в начале мая Литвинов. Вот только его за такие слова сняли с должности, а Молотова — нет.

Англичане по-прежнему относились к Молотову и его соратникам без особой благосклонности. «Мы обеими руками даем им все, что они хотят, — писал Кадоган в дневнике, говоря от имени своих коллег, — а они просто все это отбрасывают. Молотов — невежественный и подозрительный крестьянин». «Грязные негодяи», — презрительно резюмировал Кадоган в конце июня[2].

Можно ли было загладить обиды?

Но может быть, у Англии и СССР все же был шанс наладить отношения? Не исключено. Вскоре события начали развиваться так быстро, что на время им пришлось забыть о взаимных обидах. Вопрос о предоставле-

---

[1] В. М. Молотов — И. М. Майскому, Я. З. Сурицу. 17 июля 1939 г. // СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сент. 1938 — август 1939 г.): документы и материалы. М.: Политиздат, 1971. С. 496.

[2] The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945 / D. Dilks, ed. London: Cassell, 1971 (entries of 20 and 28 June 1939). P. 189–190.

нии гарантий Голландии, Швейцарии и Люксембургу был снят, как и выдвинутые советской стороной условия по заключению пактов о взаимопомощи с Польшей и Турцией. 23 июля Молотов заявил, что его в большей или меньшей степени удовлетворит политическое соглашение и что оставшиеся трудности с определением «косвенной агрессии» могут «легко» быть разрешены позже. Это наверняка стало приятным сюрпризом для многих в Париже и Лондоне, но, вероятно, не для Чемберлена. Молотов хотел, чтобы военные переговоры начались немедленно, и Наггьяр с Сидсом настаивали на принятии советского предложения. Правительства Франции и Великобритании согласились на удивление быстро, выразив готовность отправить в Москву военные миссии. Британцы, в отличие от французов, не были готовы позволить временно отложить вопрос определения «косвенной агрессии» и сделали согласие по этому пункту условием для заключения военной конвенции. В конце концов, однако, французы согласились с позицией англичан[1].

В других отношениях позиция Франции, похоже, стала жестче — по крайней мере, так Леже сказал Фиппсу в июле. Даладье был настроен решительно и «твердо убежден в необходимости продемонстрировать категорический отказ вести переговоры с режимом, слову которого нельзя доверять и с которым любой договор наверняка будет бесполезным». Более того, «Даладье был настолько убежден в разумности сдержанной позиции, что даже отдал приказ запрещать любые проявления дружбы по отношению к Германии, такие как обмен визитами для участия в спортивных соревнованиях и тому подобное: на данный момент лучше было отказаться от естественной склонности вести себя “*en gentleman*”». По поводу переговоров с Советским Союзом Леже никаких замечаний не высказал (или Фиппс просто не записал их)[2]. Это было очень типично для французов. Всякий раз, когда уже казалось, что они наконец-то решили проявить характер, обнаруживалось, что на самом деле это не так.

Летом англичане в очередной раз продемонстрировали свою недальновидность. Два представителя британских властей — главный советник Чемберлена сэр Орас Уилсон и секретарь (министр) по внешней торговле

---

[1] Seeds. No. 170. 24 July 1939, C10319/3356/18 // TNA FO 371 23071; Naggiar. Nos. 744–751. 23 July 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; И. М. Майский — в НКИД. 25 июля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2077. Л. 168–170. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.; Corbin to Halifax. 19 July 1939, C10291/3356/18 // TNA FO 371 23071; Kirkpatrick’s minute. 21 July 1939, C10292/3356/18 // TNA FO 371 23071.

[2] Phipps. No. 929. 21 July 1939, C10410/90/17 // TNA FO 371 22912.

Роберт Хадсон — вступили в Лондоне в переговоры с высокопоставленным немецким чиновником Гельмутом Вольтатом. Основная линия, которой придерживался в общении с немецким послом в Лондоне и сам Галифакс, заключалась в том, что, если Гитлер прекратит свою агрессивную политику, между Германией и Англией еще возможен союз[1]. 22 июля новость о встрече Хадсона с Вольтатом просочилась в прессу, а через два дня возникли неудобные вопросы в Палате общин. Чемберлен был расстроен, и свои чувства он, как обычно, изливал в переписке с сестрами. На этот раз он написал Иде. Подобное внимание общественности к контактам англичан с немцами, жаловался он, «лишает меня возможности вступать в разговоры с немцами на какие-либо темы». Заметим, что Чемберлен был расстроен не потому, что разглашение информации могло подорвать переговоры с Москвой, а потому, что оно подорвало его собственные планы переговоров с Берлином. Дальше он писал следующее: «Одно мне кажется ясным, а именно то, что Гитлер пришел к выводу, что мы серьезно настроены и что еще не пришло время для... большой войны. В этом он оправдывает мои ожидания. В отличие от некоторых моих критиков, я иду дальше и заявляю, что чем дольше откладывается война, тем менее вероятно, что она вообще начнется, поскольку мы продолжаем совершенствовать нашу оборону и наращивать оборону наших союзников. Это то, чего Уинстон и компания, похоже, так и не поняли. Нам не нужны наступательные силы, достаточные, чтобы одержать сокрушительную победу; нужны оборонительные силы, достаточно мощные, чтобы сделать невозможной победу другой стороны, кроме как такой ценой, которая сделает ее неоправданной. Именно это мы и делаем».

Когда немцы это поймут, заключал Чемберлен, «тогда мы сможем поговорить. Но время для разговоров еще не пришло»[2]. Премьер-министр был уверен, что еще можно найти выход из войны путем переговоров. Интересно, какой ценой? Его раздражение было вызвано не столько утечкой информации в прессу, сколько тем, что Хадсон украл *его* идеи и идеи других коллег. А чего стоит его замечание, что не нужны «наступательные силы, достаточные, чтобы одержать сокрушительную победу»! Хорошо, что Чемберлен написал это только Иде, ведь иначе его бы в пух и прах разнесли критически настроенные коллеги. Например, Уинстон Черчилль. Почему Чемберлен так враждебно относился к идее альянса с Советским Союзом? Если исходить из логики премьер-министра, несомненная оборонительная мощь Красной армии должна была бы стать важным активом

---

[1] С *Carley M. J.* 1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II. P. 179–181.

[2] Chamberlain to Ida. 23 July 1939 // Chamberlain Papers, NC18/1/1108.

для Польши в частности и для «великого альянса» в целом. Большинство военных источников оценивали оборонительную мощь Красной армии как огромную, и это, похоже, было оправдано тем, что советские войска нанесли тогда серьезный удар японской Квантунской армии на маньчжурской границе у Халхин-Гола. Позиция Чемберлена по отношению к СССР была нелогичной, учитывая его взгляды на оборонительную военную стратегию, и непонятной, если не принимать во внимание того, что определяющим фактором для его взглядов было отвращение к англо-советскому альянсу.

В письме Хильде в конце июля Чемберлен еще раз выразил свое мнение по поводу Хадсона и отношений с нацистской Германией — это было как раз в тот момент, когда советское руководство получило новые предложения со стороны нацистской Германии.

«Оплошность Хадсона принесла много вреда... Между тем, есть и другие, более осторожные каналы, через которые можно поддерживать контакт, поскольку важно, чтобы те люди в Германии, которые хотели бы, чтобы мы пришли к взаимопониманию, не разочаровались... Мои критики, конечно, думают, что было бы ужасно прийти к какому-либо соглашению с Германией, не задав ей предварительно основательную взбучку... Но я не разделяю этих взглядов. Давайте убедим ее, что шансы выиграть войну, не измотав себя полностью в процессе, слишком малы, чтобы оправдать эту войну. Но следствием этого должно быть то, что у нее есть шанс получить справедливое и разумное отношение и обращение с нашей стороны и со стороны других, если она откажется от мысли, что может заставить нас это сделать, и убедит нас, что действительно от нее отказалась»[1].

Чемберлен еще раз намекнул, что контакты с Германией желательны и что проблема заключается лишь в том, что они стали достоянием общественности из-за оплошности Хадсона. Легко представить себе реакцию Советского Союза на появление информации об этих контактах как раз в тот момент, когда немцы возобновили свои попытки добиться его расположения.

Майский писал об утечках информации в прессу и о событиях в Лондоне следующее: «Считаю необходимым сигнализировать, что сведения о намерениях Чемберлена, переданные мной Вам со слов Ллойд Джорджа все больше подтверждаются. Премьер делает сейчас отчаянную попытку ускользнуть от выполнения взятых на себя весной обязательств по гарантии Польши и одновременно оживить свою прежнюю политику “умиротворения”». Британское правительство, по его мнению, оказывало давле-

[1] Chamberlain to Hilda. 30 July 1939 // Chamberlain Papers, NC18/1/1110.

ние на поляков, чтобы те показали свою «умеренность» в отношении Данцига. В то же время Лондон использовал в отношении Германии «кнут и пряник» — «кнут» в виде маневров военно-морского флота и «пряник» — в виде крупного международного кредита, предложенного Хадсоном в обмен на отказ Гитлера от «агрессивных намерений (читай: оставит в покое Запад и повернется лицом к Востоку)». Майский был убежден, что, несмотря на официальные опровержения, Хадсон «выражал настроение премьера». Чемберлен использовал неофициальных эмиссаров», чтобы связаться с Гитлером либо для решения «Данцигской проблемы», либо, по крайней мере, для того чтобы отсрочить какое-либо обострение ситуации. Если бы эти попытки увенчались успехом, необходимость в быстром завершении советско-британских переговоров отпала бы. Информационный отдел Форин-офиса в последние дни «на ухо шептал» журналистам о возможной «отсрочке» переговоров. Но Чемберлен стремился найти выход, а не просто получить отсрочку. Палата общин вскоре должна была уйти на каникулы, и это освободило бы правительство от нежелательных вопросов со стороны оппозиции. «Правительственные круги наводняют сейчас Лондон всевозможными сплетнями и измышлениями, — добавлял Майский, — чтобы возложить ответственность за возможный срыв переговоров на Советское правительство». Ну вот, опять. Британцы больше беспокоились о том, чтобы свалить на СССР вину за провал переговоров, чем о создании «великого альянса» против нацистской Германии[1].

Тем временем Суриц в Париже также сделал неприятные выводы из информации, просочившейся в лондонскую прессу. «Всякий честный сторонник соглашения с нами спрашивает себя, какое доверие Москва может иметь к переговорщикам, когда в момент переговоров настилается мост к соглашению с Германией, а во время военного конфликта между СССР и Японией делаются позорные авансы Японии»[2].

Коллеги Сурица в Москве осознавали, что сложилась опасная ситуация. В конце июля Сидс и Наггьяр обратились к своим правительствам с предупреждением, что им лучше готовиться к серьезному разговору с Москвой. Сидс писал: «Я убежден, что прибытие в Москву британской военной миссии — это единственное доказательство нашей искренности,

---

[1] И. М. Майский — в НКИД. 24 июля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2077. Л. 165–167. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[2] Я. З. Суриц — в НКИД. 25 июля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 302. Д. 2090. Л. 192. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу.

которое советское правительство, вероятно, примет... Каждый из членов Политбюро [так в оригинале] считает, что нынешнее британское правительство поддалось настроению "капитулировать", если это возможно, перед державами оси, но наиболее влиятельные слои полагают, тем не менее, что наша пресса и общественность, а также давление со стороны России, неустанно оказываемое, могут заставить нас прийти к соглашению с этой страной. Но такое соглашение должно быть абсолютно однозначным и в нем должны быть четко прописаны военные действия»[1].

Несколько дней спустя Наггьяр отправил аналогичное послание в Париж. Советское правительство, писал он, придает большое значение штабным переговорам; их успех будет определять окончательный успех любого соглашения. Советские власти не удовлетворятся поверхностным отношением к военным обязательствам — вопросу, который занимал их с 1935 года, с момента заключения франко-советского пакта. Мы не хотели военной конвенции, заметил Наггьяр, но теперь и Молотов, и Потёмкин говорят, что если не будет соглашения на уровне штабов, то не будет и сделки[2].

Неужели в Лондоне и Париже вообще не знакомились с корреспонденцией? Может, телеграммы просто отправляли в архив не читая? Так или иначе, но предупреждения из Москвы так и не дошли до адресатов. После скандала с Хадсоном Великобритания не прекратила искать подходы к Германии. В конце июля Джеймс Берри 1-й барон Кемсли, владелец «Санди таймс» и ярый сторонник политики умиротворения, встретился с Гитлером. Разговор прошел в дружеском ключе. Гитлер выразил желание получить колонии и добиться «отмены» Версальского договора. С подачи Кемсли он предложил, чтобы каждая сторона, немецкая и британская, изложила свои требования на бумаге, дабы затем можно было начать их обсуждение. По возвращении в Лондон Кемсли встретился с Уилсоном; затем Галифакс и Чемберлен согласились принять предложение Гитлера; было подготовлено и отправлено по секретным каналам соответствующее письмо. Уилсон также встретился 3 августа с послом Германии и сообщил ему, что если Гитлер предпримет нужные меры для ослабления напряженности, могут последовать переговоры по общим вопросам. По словам Уилсона, Дирксен предложил список тем для обсуждения, которые могли бы заинтересовать Гитлера. По словам Дирксена, Уилсон повторил те предложения, которые он озвучил в июле Вольтату, включая договор о ненападении и торговые переговоры. Уилсон также предупредил, опять же по словам Дирксена, что если новости об этих переговорах просочатся в прессу, Чемберлен может быть вынужден уйти в отставку. Но как бы сильно ни

---

[1] Seeds. No. 172. 23 July 1939, C10325/3356/18 // TNA FO 371 23071.

[2] Naggiar. Nos. 774–80, 28 July 1939, MAE Papiers Naggiar/10.

был заинтересован Чемберлен в более тесных связях с Германией, главной проблемой по-прежнему оставалось то, что Гитлер хотел заключить сделку не с Великобританией, а с Советским Союзом[1].

«Не добиваться никакого результата»

Лондон тем временем совершал один безрассудный поступок за другим. И во Франции, и в Великобритании предпринимались определенные шаги в преддверии предстоящих штабных переговоров, хотя ни французское, ни британское правительство не ожидало быстрого соглашения или, возможно, какого-либо соглашения вообще. Было очевидно, что переговоры затянутся на некоторое время, а в конечном итоге, может быть, и будет подписан какой-нибудь документ, предусматривающий сотрудничество. Это не беспокоило Галифакса, который был уверен: пока идут военные переговоры, «мы не даем Советской России проникнуть в немецкий лагерь». Чемберлен не возражал, поскольку «не придавал большого значения» переговорам. Как он сказал адмиралу сэру Реджинальду Планкету-Эрнлу-Эрлу-Драксу, главе британской миссии в Москве, «Палата общин подтолкнула его дальше, чем он того хотел бы»[2].

Поскольку военное соглашение было возможно только в случае принятия советской стороной британского определения «косвенной агрессии», британским представителям было дано указание на военных переговорах «действовать очень медленно»: если соглашения в итоге и не будет, то, по крайней мере, это позволит выиграть время до осени или зимы, отсрочив начало войны[3]. Ранее летом Оливер Харви, личный секретарь Галифакса, записал в своем дневнике, что с переговорами в Москве «настоящий бардак — главным образом из-за медлительности и нежелания, с которыми мы изначально вели дела с Советской Россией. Это правительство не добьется никакого результата»[4].

---

[1] *Parker R. A. C.* Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. P. 266–268; *Aster S.* 1939: The Making of the Second World War. P. 254–258.

[2] Committee on Foreign Policy, 10 July 1939, C9761/3356/18 // TNA FO 371 23070; *Admiral Sir Reginald Drax*. Mission to Moscow, August 1939 // Churchill Archives Centre, Cambridge (hereinafter: CAC), Drax Papers, 6/5. Fol. 7.

[3] Cabinet conclusions, 26 July 1939, C10629/3356/18 // TNA FO 371 20371; *Drax R.* Mission to Moscow, August 1939 // CAC, Drax Papers, 6/5. Fol. 6; Rapport de mission a Moscou, Capt. de corvette [Jacques Antoine] Williaume, Aug. 1939 // SHAT 7N 3185.

[4] The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey, 1937–1940 / J.Harvey, ed. London: Collins, 1970 (entry of 1 July 1939. P. 301.

«Не добиваться никакого результата» — складывается ощущение, что именно этого принципа Великобритания намеренно придерживалась в деле создания «великого альянса». Никогда еще это не было более очевидным, чем тогда, когда министры инструктировали Дракса по поводу ведения переговоров. У него возникло впечатление, что переговоры могут провалиться. Дракс отметил, что когда в разговоре с Галифаксом «он попросил дать указание на случай провала, последовала недолгая, но выразительная пауза, а затем секретарь по иностранным делам заметил, что в целом было бы предпочтительнее затянуть переговоры как можно дольше. Эта перспектива выглядела непривлекательно, однако мы согласились, что это будет наилучший курс»[1]. «Наилучший курс»? Осознавали ли в высших правительственных кругах Великобритании, что в тот момент происходило в мире?

Когда Дракс спросил, стоит ли ему нанести визит Майскому, Галифакс ответил: «Если вы это вынесете». Вот какого мнения глава Форин-офиса был о Майском! «Времени очень мало», — заметил Дракс. На самом деле времени не было вовсе, однако никто, кажется, не воспринимал переговоры в Москве как дело большой срочности; скорее чувствовалось характерное для Великобритании неуважение к Советскому Союзу. Майский зафиксировал подробности своего разговора с Драксом, состоявшегося за обедом. Беседа протекала вполне мирно, пока Майский не спросил, почему делегация не летит в Москву самолетом или не отправляется на быстроходном крейсере. Дракс вежливо ответил, что у него слишком много багажа и что это доставит много неудобств. «Я ушам своим не верил», — писал Майский в своем дневнике. Дракс сообщил, что делегации доберутся на зафрахтованном торговом судне «Сити оф Эксетер». По словам советника Майского, максимальная скорость судна составляла 13 узлов. Майский был изумлен и язвительно заметил: «Возможно ли это?», Европа горит у нас под ногами, а англичане и французы плывут в Москву на пароходе! «Поразительно! — писал Майский. — Да подлинно ли хочет брит[анское] пра[вительство] соглашения?» Похоже, Чемберлен так и не бросил свои трюки. «Ему не нужен не тройственный пакт, а переговоры о пакте, чтобы подороже продать эту карту Гитлеру»[2]. Майский был недалек от истины. Его обед с Драксом состоялся всего через день после того, как Уилсон с Дирксеном встретились, чтобы обсудить план улучшения англо-германских отношений.

Британское правительство выбрало зафрахтованное торговое судно, поскольку пролету современных воздушных судов препятствовали плано-

---

[1] *Drax R.* Mission to Moscow, August 1939 // CAC, Drax Papers, 6/5. Fol. 6.

[2] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1. Запись от 4 августа 1939 г. С. 432–434.

вые маневры флота. Один служащий Форин-офиса предложил отправить миссию на быстроходных крейсерах. Это, дескать, послужит сигналом «миру в целом и державам оси в частности, что относительно этих переговоров мы настроены серьезно». Вот только британское правительство не было «настроено серьезно». Государственный секретарь «обдумывает» это предложение, отметил в своих записях Сарджент. В итоге Галифакс «счел, что послать крейсер в Балтийское море может быть... довольно провокационно»[1]. Переговоры представлялись настолько незначительным делом, что Галифакс «едва ознакомился» с инструкциями Форин-офиса. Кроме того, британской делегации было рекомендовано в ходе переговоров избегать обсуждения советской помощи Польше и Румынии; предполагалось, что Советы должны вести переговоры напрямую с правительствами Польши и Румынии. И это при том, что было хорошо известно, насколько решающее значение имел вопрос о правах прохода для советского правительства[2].

Французы не вполне разделяли самоуспокоенность Великобритании. На набережной Орсе с нетерпением ждали начала переговоров и были недовольны тем, что они по инициативе британцев откладывались. На этот раз в МИД Франции торопились — в отношениях с Москвой это было редкостью. Корбен получил указание оказать на британцев давление. Французы хоть и выразили недовольство в отношении разработанного британцами плана поездки, но в итоге, по своему обыкновению, согласились на всё[3]. Инструкции, данные главе французской делегации генералу Жозефу Думенку, были краткими и расплывчатыми — по словам британского генерала Гастингса Л. Исмея, «почти бесполезными»; впрочем, гораздо более длинные британские инструкции были ненамного лучше. Французские генералы, казалось, были настроены так же скептически, как и их британские коллеги. Как выразился Исмей, французские инструкции «касаются... исключительно того, чего французы хотят от русских, и не проливают никакого света на то, что будут делать сами французы». Старая история! «У русских могут возникнуть некоторые вопросы по поводу того, какой вклад внесли в дело Франция и Великобритания», — заметил Исмей. В ответ его собеседник генерал Луи Жаме «улыбнулся и пожал пле-

---

[1] Anglo-French-Soviet Negotiations. Skrine Stevenson, FO, 25 July 1939, C10634/3356/18 // TNA FO 371 23071; Sargent's minute. 28 July 1939 // Ibid; Committee on Foreign Policy, 1 Aug. 1939, C10826/3356/18 // TNA FO 371 23072.

[2] Extract from the minutes of a meeting of the Committee of Imperial Defence... 2 Aug. 1939, C10952/3356/18 // TNA FO 371 23072; Strang. Anglo-Franco-Soviet Negotiations. 27 July 1939, C10507/3356/18 // TNA FO 371 23071.

[3] Bonnet (signed Leger) to Daladier. No. 3207, 28 July 1939 // SHAT 5N 579; Frank K. Roberts' minute, 2 Aug. 1939, C10822/3356/18 // TNA FO 371 23072.

чами». Когда французские и британские генералы собирались вместе, они, казалось, только усиливали самодовольство друг друга. Когда Исмей спросил Думенка, что он ответил бы на вопросы русских по этому поводу, тот сказал: «Я не буду много говорить, лучше послушаю»[1]. Было ли это шуткой или ориентировкой на срыв переговоров в Москве? Как и в британских инструкциях, во французских мало говорилось о советской поддержке Польши и Румынии, за исключением того, что Польша вряд ли согласится на проход Красной армии через свою территорию[2]. Думенк жаловался Леже, что он едет в Москву *les mains vides* (с пустыми руками) — не лучшая позиция для просителей на переговорах. Леже согласился. В таком случае, почему бы что-нибудь с этим не *сделать*? Бонне и Даладье призвали Думенка вернуться с подписанным соглашением. «Давайте обещания, если придется», — сказал Бонне. «Какие обещания?» — спросил Думенк. «Пообещайте все, что считаете необходимым», — ответил Бонне, добавив, что «если переговоры провалятся, война неизбежна»[3]. Таким образом, было ясно, что ставки на переговорах в Москве высоки.

Майский относительно исхода переговоров сохранял оптимизм. Хотя он и не доверял Чемберлену, но, тем не менее, считал, что постепенно формируется советско-британский блок. «Медленно, но неудержимо — с зигзагами, рецидивами, провалами — англо-советские отношения улучшаются, — писал Майский в своем дневнике. — От дела “Метро-Виккерс” [крупный англо-советский дипломатический скандал 1933 года по поводу ареста советскими властями четырех британских граждан и суда над ними. — *М. К.*] до поездки военной миссии в Москву!»[4] Дистанция между позициями Великобритании и СССР сократилась до минимума. Как это получилось? — задавался вопросом Майский и сам отвечал: «Потому, что объективный фактор — основные интересы двух держав — оказываются совпадающими», и эти интересы куда важнее идеологических факторов, разделяющих две страны. Если бы Молотов прочитал такие рассуждения, он посчитал бы их как минимум сомнительными, а может, и вовсе неверными[5].

Мандель, 2 августа встретившийся в Париже с Сурицем, не был настроен столь оптимистично. Думенк едет в Москву без подробных ин-

---

[1] Cabinet extract... Major General H. L. Ismay’s conversations in Paris on 29 July 1939, C10811/3356/18 // TNA FO 371 23072.

[2] Gamelin to Doumenc. No. 1522/DN.3. 27 July 1939 // SHAT 7N 3186.

[3] Doumenc. Souvenirs de la mission en Russie, août 1939. F. 11–12 // SHAT 7N 3185.

[4] Подробнее о деле Метро-Виккерс см.: *Карлей М. Дж.* Рискованная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера 1930–1936 гг. М.: Кучково поле, 2023. С. 106–162.

[5] *Майский И. М.* Дневник дипломата... Кн. 1: 1934 — 3.09.1939 года. Запись от 5 августа 1939 г. С. 434–435.

струкций, заявил он. Лондон и Париж (под давлением общественного мнения) хотят избежать срыва переговоров, но не видно никаких признаков желания достичь серьезного соглашения, которое должно быть немедленно реализовано. Французский Кабинет министров даже не обсуждал эту миссию, и это, учитывая важность переговоров в Москве, — ситуация просто из ряда вон выходящая[1].

И снова одна оплошность следовала за другой. Рэб Батлер, парламентский унтер-секретарь по иностранным делам, 31 июля выступил в Палате общин с заявлением, оправдывающим позицию правительства в отношении «косвенной агрессии». Батлер поставил под сомнение приверженность Советского Союза независимости стран Прибалтики. Возможно, в свете будущих событий это выглядело оправданным, но в тот момент, когда английская и французская военные миссии собирались отправляться в Москву, его заявление было неуместным. Молотов был в ярости. ТАСС опубликовало опровержение: «ТАСС уполномочен завить, что если г. Батлер действительно сказал вышеупомянутое, то он допустил искажение позиции Советского правительства. На самом деле разногласия состоят не в том, чтобы посягать или не посягать на независимость балтийских стран, ибо обе стороны стоят за гарантию этой независимости, а в том, чтобы в формуле о “косвенной агрессии” не оставить никакой лазейки для агрессора, покушающегося на независимость балтийских стран»[2]. Батлер отправился к Майскому, чтобы уладить ситуацию. Посол вел себя примирительно; он «выразил надежду, что инцидент не будет иметь серьезных последствий»[3]. Да и что еще оставалось сказать Майскому?

А вот Молотову было что сказать. Заявление Батлера стало главной темой его разговора с Сидсом и Наггьяром 2 августа. Сидс, у которого не было копии заявления, безуспешно пытался смягчить раздражение собеседника. Молотов также пожаловался на утечки информации в прессу в Париже и Лондоне. Характер информации указывал на то, что она поступала из правительственных источников. «Эти методы», сказал Молотов, отрицательно сказываются на ходе переговоров.

Молотов этого не сказал, однако утечки были сделаны преднамеренно, вероятно, для того чтобы подготовить общественное мнение к провалу переговоров и возложить вину на советское правительство. И французы,

---

[1] Я. З. Суриц — в НКИД. 3 августа 1939 г. // СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 526–527.

[2] Сообщение ТАСС о причинах затягивания англо-франко-советских политических переговоров, опубликованное в газете «Известия». 2 августа 1939 г. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[3] Butler’s untitled note. 4 Aug. 1939, C11018/3356/18 // TNA FO 371 23072.

и британцы начали выстраивать аргументацию для оправдания провала московских переговоров еще до их начала. Молотов хотел знать, будут ли военные миссии наделены необходимыми неограниченными полномочиями. Как оказалось позже, этот вопрос был не праздным. Возможно ли, что соответствующую информацию получили источники советской разведки в Лондоне и Париже? Сидс, подводя итоги встречи, отметил: «Молотов стал словно другим человеком по сравнению с тем, каким он был во время нашей последней беседы, и я чувствую, что нашим переговорам нанесен серьезный ущерб». Перефразируя вопрос Галифакса, можно задать вопрос: а хотели ли правительства Великобритании и Франции соглашения? Сидс полагал, что нужно дождаться, пока «буря» утихнет. Наггьяр тоже отзывался о встрече в критическом тоне; он также отмечал, что в течение последних двух месяцев жаловался на утечки информации в прессу, но безрезультатно[1].

В личном письме Сарджента Сидс выразил свое мнение куда более откровенно. «А теперь позвольте мне выплеснуть обиду на некоторых негодяев, среди которых, сильно подозреваю, главными виновниками являются ваши друзья, [Кабинет министров]. Неужели ничего нельзя сделать, чтобы люди у нас в стране держали язык за зубами?»[2]

3 августа Наггьяр встретился с Потёмкиным, чтобы обменяться списками делегатов для предстоящих переговоров. Это был тот же день, когда Уилсон встретился с Дирксеном в Лондоне. По словам Потёмкина, ничто так явно не указывало на серьезность намерений СССР, как состав советской делегации. Ее возглавлял нарком обороны СССР Ворошилов; также в нее входили нарком ВМФ СССР Николай Герасимович Кузнецов, начальник Генерального штаба РККА Шапошников, маршал Семён Михайлович Буденный и ряд других военных. Думенк и Дракс не соответствовали им по уровню. В списке французских делегатов был один более или менее соответствующий по статусу генерал — командующий французской авиационной дивизией в Реймсе Мариталь Вален. Советская сторона о нем почти ничего не знала. Думенк командовал войсками Лилльского военного округа и был членом Высшего военного совета в Париже (он получил это назначение в 1938 году). Паласа добавили, чтобы список французских делегатов выглядел хоть немного внушительнее. Британская делегация была укомплектована ненамного лучше. Дракс по-прежнему состоял на действительной службе, но не занимал никакой командной должности. Возможно ли, что низкий ранг состава французской и британской делега-

[1] Seeds. No. 185. 2 Aug. 1939, C10821/3356/18 // TNA FO 371 23072; Seeds. No. 188. 3 Aug. 1939, C10886/3356/18 // Ibid; Naggiar. Nos. 810–819. 2 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/10.

[2] Seeds to Sargent. 3 Aug. 1939, C11927/3356/18 // TNA FO 371 23073.

ций тоже был обусловлен стремлением обезопасить себя на случай провала переговоров?[1]

Советская делегация имела все полномочия для ведения переговоров и подписания военной конвенции с англо-французской делегацией[2]. Шапошников подготовил подробный план, пересмотренный в трех проектах, последний из которых был представлен в начале августа. В плане были предусмотрены различные непредвиденные обстоятельства и указана численность войск, которые Красная армия могла использовать для выполнения своих обязательств. Согласно советскому плану, в ходе войны против Германии на западном направлении вклад британской, французской и бельгийской армий должен был быть значительным, действия — активными, наступательными. План также предусматривал различные варианты действий СССР на востоке и подчеркивал важность права прохода через Польшу и Румынию для возможности атаковать противника[3].

Еще более важными были указания, написанные рукой маршала Ворошилова на бумаге со штампом Наркомата обороны, хотя неясно, писал ли их Ворошилов для себя или для того, чтобы предложить Сталину. Среди этих записей следующие: прежде всего предъявить полномочия советской делегации и запросить уровень полномочий французской и британской стороны. «Есть ли у них так же полномочия от своих правительств на подписание военной конвенции с СССР. Если не окажется у них полномочий на подписание конвенции, выразить удивление, развести руками и “почтительно” спросить для каких целей направило их правительство в СССР». Если они ответят, что направлены для обсуждения военного соглашения, спросить, привезли ли они с собой конкретные планы обороны на случай агрессии против будущих союзников. Если нет, поинтересоваться у англичан и французов, на основании каких планов они предполагают вести переговоры с советской стороной.

---

[1] Naggiar. Nos. 820–822. 3 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Список представителей НКО СССР и НКИД СССР, приглашенных на прием перед началом англо-франко-советских военных переговоров в Москве. Не позднее 11 августа 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 120. Л. 43. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Полномочия наркома обороны СССР и главы советской военной миссии К. Е. Ворошилова на англо-франко-советских военных переговорах в Москве (подписи В. М. Молотова и М. Хломова). 5 августа 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 16 П. 16. Д. 5. Л. 1. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[3] Проект записки начальника Генштаба РККА Б. М. Шапошникова «Соображения по переговорам с Англией и Францией». 1 августа 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 120. Л. 6–13. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

«Если французы и англичане все же будут настаивать на переговорах, то переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а так же через Румынию. Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что *без этого условия соглашение невозможно* [курсив мой. — *М. К.*], так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал, что мы не считаем возможным участвовать в предприятии за ранее обреченном на провал»[1].

Эти указания были сформулированы с учетом всех слабых мест англо-французской делегации, и их пренебрежительный тон не предвещал ничего хорошего. Штабные переговоры были на грани провала, и это в тот самый момент, когда немцы предпринимали попытки наладить контакт на всех уровнях советского правительства, от самых низких до самых высоких. Что касается политики англичан и французов, она, похоже, была направлена на оправдание провала московских переговоров, а не на то, чтобы сделать все возможное для достижения соглашения.

Немцы пытаются наладить отношения с Москвой

Немцы с нетерпением ждали своего часа — буквально стояли под дверью у советского правительства, как на карикатурах Лоу. В июле они продолжили предпринимать шаги по сближению с Москвой. В последний раз мы упоминали о немецких предложениях 1 июля, когда Шуленбург встретился с Потёмкиным в НКИД. Шуленбург ушел с этой встречи недовольным. Затем, в середине июля, Политбюро неожиданно, как могло показаться, одобрило возобновление торговых переговоров с Германией. Судя по всему, к этому решению привело предложение Германией льготных условий кредитования. Политику оно не затрагивало, речь шла исключительно о кредитных и торговых показателях. Предполагалось, что советские заказы в течение последующих двух лет должны составить скромную сумму в 170 миллионов марок[2]. Это был не первый раз, когда советское

---

[1] Инструкция наркому обороны СССР и главе советской военной миссии К. Е. Ворошилову по ведению переговоров с военными миссиями Великобритании и Франции. 7 августа 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 16. П. 27. Д. 5. Л. 34–38. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Решение Политбюро ЦК ВКП(б). 14 июля 1939 г. // СССР — Германия. 1932–1941 / АПРФ, Фонд «История Отечества», Герм. ист. ин-т в Москве; Гл. ред. С. В. Кудряшов. М.: Ист. лит-ра, 2019. С. 257–258.

правительство вело торговые переговоры с нацистской Германией, даже невзирая на очень плохие политические отношения. Это была хорошая тактика: держать приоткрытой дверь для отношений с Германией, тем самым не давая Франции и Британии забыть, что СССР также может вести торговые переговоры с Берлином, причем такие переговоры могут как оставаться чисто экономическими, так и служить первым шагом к обсуждению вопросов политических. И все же довольно странно было вступать в торговые переговоры со страной, с которой вскоре могла начаться война.

18 июля, через четыре дня после одобрения Политбюро новых торговых переговоров, советский торговый представитель в Берлине Евгений Иванович Бабарин встретился со Шнурре. Встречу, которая продолжалась два часа, Шнурре начал заявлением о перспективах улучшения советско-германских отношений «на широкой основе». Бабарин ответил, что надеется на успешное завершение торговых переговоров. Оставшаяся часть разговора была сосредоточена на торговых, а не политических вопросах[1]. Сталин и его соратники были отнюдь не дураки, и они наверняка понимали, что хочет сказать своим заявлением Шнурре. Ответ Бабарина был способом сказать: нас интересует только торговля, никакой политики... по крайней мере пока. 22 июля ТАСС опубликовало краткое коммюнике, в котором объявило о возобновлении торговых переговоров.

По мнению Астахова, положение было похоже на затишье перед бурей. Все руководство Германии разъехалось из Берлина, разговоры о Данциге поутихли на фоне новостей о Мюнхенском театральном фестивале. Хотя немцы и не возобновили действий «по линии заигрывания с нами», писал Астахов, они не упустят возможности «косвенно» заявить, что готовы изменить политику и только ждут изменения отношения с нашей стороны. В посольство приходили анонимные письма, в которых говорилось, что не стоит пытаться договориться с англичанами, а лучше дружить с Германией и заключить с ней сделку по Польше[2]. 21 июля Астахова посетил загадочный господин Клейст, это была очередная попытка флирта с советской стороной. А три дня спустя Шнурре пригласил советского поверенного нанести ему визит. Обсудив экономические вопросы, Шнурре перевел разговор на советско-германские политические отношения. Он предложил трехэтапный процесс улучшения экономических, культурных и политических отношений. Шнурре также спросил о переговорах с Великобританией. Он был убежден, сообщал Астахов, что мы не достигнем соглашения с англичанами, так как тогда на нас в случае войны падут тяжелейшие

---

[1] Е. И. Баратин — А. И. Микояну. 18 июля 1939 г. // Там же. С 258–260.

[2] Г. А. Астахов — В. М. Молотову. 19 июля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 22. Д. 8. Л. 109–107. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

обязательства, а вклад Великобритании будет минимальным[1]. Это казалось очевидным выводом, если исходить из тех двух дивизий, которые британцы намеревались отправить во Францию в случае начала войны с Германией. Об этом же говорил ранее в том же году Ванситтарт.

Дальше — больше. 25 июля Астахов телеграфировал, что Шнурре пригласил его и Бабарина на ужин, чтобы продолжить уже знакомую дискуссию на новом уровне. Шнурре посетовал, что НКИД не отреагировал на инициативы Германии по улучшению «политических отношений». Он надеялся, что Астахов и Бабарин смогут как-то прокомментировать их в неофициальном порядке. «Если имеете указание, — телеграфировал Астахов в НКИД, — телеграфируйте немедленно»[2].

Ответа из Москвы по-прежнему не было — пока не было. За обедом 26-го числа Шнурре решил сразу взять быка за рога. «Скажите, каких доказательств Вы хотите? — спросил он. — Мы готовы на деле доказать возможность договориться по любым вопросам, дать любые гарантии». Астахов, по его словам, продолжал отвечать уклончиво; более того, он счел, что разговор зашел слишком далеко, и перевел его на общие темы. Он спросил об амбициях Германии на Украине, имея в виду «Майн кампф». Эта книга была написана 16 лет назад, сказал Шнурре, «в совершенно других условиях». «Сейчас фюрер думает иначе. Главный враг сейчас — Англия». С Литвиновым такое точно не сработало бы, но Астахов снова запросил указаний. «Я не сомневаюсь, — написал он Потёмкину, — что если бы мы захотели, мы могли бы втянуть немцев в далеко идущие переговоры, получив от них ряд заверений по интересующим нас вопросам». Если действовать осторожно, это не принесет вреда[3]. Все это Астахов изложил в длинном отчете, который поступил в НКИД только 3 августа. А 27 июля, на следующий день после встречи со Шнурре, он телеграфировал только краткое описание встречи, «на интимном обеде», и попросил инструкций, как реагировать[4].

---

[1] Выдержка из дневника Г. А. Астахова. 20–26 июля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 547–551; Запись беседы Г. А. Астахова с К. Ю. Шнурре. 24 июля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 554–556.

[2] Г. А. Астахов — в НКИД. 25 июля 1939 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 42. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[3] Из дневника временного поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова, запись от 26 июля. 27 июля 1939 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 43–47. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147; Г. А. Астахов — В. П. Потёмкину. 27 июля 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939: Док. и мат-лы. Т. II: 2 июня — 4 сентября 1939 г. С. 139–140.

[4] Г. А. Астахов — в НКИД. 27 июля 1939 г. // СССР — Германия. 1932–1941. С. 261.

Телеграмма Астахова побудила Молотова действовать более решительно. На следующий день нарком телеграфировал, что одобряет сдержанность Астахова в отношениях со Шнурре и обещает передать его заявления правительству. 29 июля, несомненно, обсудив этот вопрос со Сталиным, Молотов дал понять, что улучшение экономических и политических отношений возможно. До недавнего времени, отметил он, немцы только оскорбляли нас и отказывались от какого-либо улучшения политических отношений. Если сейчас они желают изменить курс, им придется пояснить, как конкретно можно улучшить отношения. «Дело зависит здесь целиком от немцев. Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы»[1].

31 июля советский пресс-атташе Андрей Андреевич Смирнов встретился в Имперском министерстве иностранных дел с заместителем руководителя пресс-бюро Густавом Брауном фон Штуммом.

Штумм перевел разговор на тему об отсутствии у Германии каких-либо агрессивных планов против СССР. «Не забываем о том, что написано в книге Гитлера [”Майн кампф”]», — ответил Смирнов.

«Ах, — воскликнул Штумм, — имеется большая разница между тем, что написано и что проводится. Книга была написана давно, в тюрьме, на скорую руку... что написано в этой книге, устарело, и вы не должны принимать всерьез»[2]. Литвинов имел подобные беседы с немецкими дипломатами в 1933–1934 годах. Позиции сторон с тех пор не изменились.

2 августа Астахов встретился с Вайцзеккером по обычным делам. Проговорив уже привычные для немецкой стороны фразы о надеждах на улучшение отношений, Вайцзеккер заявил, что Астахова хотел бы видеть Риббентроп, что стало для того неожиданностью: для поверенного в делах встречаться с самим министром — дело исключительное. Явившись в кабинет Вайцзеккера, Риббентроп заявил, что Германия изо всех сил стремится к улучшению торговых отношений: у Советского Союза много сырья, в котором нуждается Германия, а «у нас есть много готовой продукции, которая вам нужна». Далее Риббентроп перешел ближе к делу, отметив, что заключение экономического соглашения может стать началом улучшения отношений политических. Между нами, сказал он, нет причин для вражды, если мы договоримся не вмешиваться во внутренние

---

[1] В. М. Молотов — Г. А. Астахову, 28 июля 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939: Док. и мат-лы. Т. II: 2 июня — 4 сентября 1939 г. С. 145; В. М. Молотов — Г. А. Астахову. 29 июля 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 295. Д. 2038. Л. 94–96. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Выдержка из дневника А. А. Смирнова. 31 июля 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 564–565.

дела друг друга. Астахов ответил такими же общими словами, а затем вернулся к знакомой фразе о том, что советское правительство не считает идеологические или внутренние разногласия несовместимыми с дружественными международными отношениями. Риббентроп отреагировал положительно. Мы наверняка сумеем прийти к согласию по всем территориальным вопросам от Черного моря до Балтийского, подчеркнул он несколько раз.

Затем Риббентроп перевел тему на предстоящие штабные переговоры в Москве. «Конечно, дело ваше. Что касается нас, то мы не обращаем внимания на крики и шум по нашему адресу в лагере так называемых западноевропейских демократий». Риббентроп изо всех сил старался показать: мы достаточно сильны, чтобы позаботиться о своих интересах. «Не будет такой войны, которую проиграл бы Адольф Гитлер». Что касается Польши, то Данциг так или иначе «будет наш», и очень скоро. Мы не воспринимаем военную мощь Польши всерьез. Поход против Польши будет для нас делом 7–10 дней. Конечно, мы надеемся, что в этом не будет необходимости. И так далее и тому подобное. Обо всем этом уже ранее сообщал Клейст. По словам Астахова, это был длинный, напыщенный монолог. Риббентроп просил передать его слова в Москву. Астахов заявил, что сделает это, добавив: «Не сомневаюсь в том, что мое правительство готово приветствовать всякое улучшение отношений с Германией»[1].

По указанию Риббентропа Шуленбург 3 августа отправился к Молотову, чтобы продолжить разговор, начатый в Берлине. Это было на следующий день после того, как Молотов встретился с Сидсом и Наггьяром по поводу заявления Батлера в Палате общин, и в тот же день, когда Уилсон встретился с Дирксеном в Лондоне. К этому моменту линия Германии уже была ясна, но Шуленбург еще раз изложил основные идеи, с некоторыми вариациями повторив предложения Шнурре по трехэтапному улучшению отношений — в экономике, прессе и культуре. Это должно было стать предпосылкой для улучшения политических отношений. Молотов ответил в духе своей последней встречи с Шуленбургом в конце июня, но уже без сарказма. Он сказал, что надеется на заключение экономического соглашения, но политические проблемы при этом остаются. Нужно упомянуть также «Антикоминтерновский пакт», который советское правительство не может игнорировать, поскольку он поощряет агрессию Японии на Дальнем Востоке. Кроме того, Молотов напомнил послу, что правительство Германии отказывалось участвовать в международных конференци-

[1] Запись беседы Г. А. Астахова с И. Риббентропом [2 августа 1939.]. 3 августа 1939 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 397–402. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

ях, на которых присутствовал Советский Союз. Молотов поинтересовался, каким образом Шуленбург считает возможным совместить эти враждебные действия с нынешними примирительными шагами немецкого правительства.

Я не намерен пытаться оправдать политику, которую Германия проводила в прошлом, ответил Шуленбург без обиняков. Я лишь хочу найти способ улучшить будущие отношения. Молотов отреагировал положительно и повторил то, что он сказал ранее, то есть что «Советское правительство всегда стояло и стоит на страже нормализации и улучшения отношений с Германией и другими странами». Шуленбург добавил, что его правительство готово с уважением относиться к интересам СССР в Прибалтике и в Польше. Германия не откажется от своих притязаний на Данциг, но надеется, что вопрос может быть решен мирным путем, если только ей не будет навязан «другой путь». Молотов заметил, что именно от Германии зависит, станет ли этот «другой путь» необходимым. Шуленбург возразил, что Германию провоцируют «грязные выходки» со стороны Польши.

Посол еще раз подчеркнул, что не хочет ворошить прошлое и что нужно смотреть вперед. Молотов согласился, но отметил, что советское правительство не может забыть прошлую политику Германии. В отчете Шуленбурга этот разговор выглядит в несколько более позитивном ключе, чем в пересказе Молотова: «В сегодняшнем разговоре... Молотов отказался от своей привычной сдержанности и казался необычайно открытым». В остальном их версии во многом совпадают, что не всегда имело место в случае протоколов советско-германских встреч. Шуленбург заключил: «По общему отношению Молотова к обсуждаемым вопросам было очевидно, что советское правительство, надо признаться, все больше готово к улучшению германо-советских отношений, хотя старое недоверие к Германии сохраняется. У меня сложилось общее впечатление, что советское правительство в настоящее время полно решимости заключить соглашение с Англией и Францией, если они выполнят все пожелания советской стороны. Переговоры, однако, могут продлиться еще долго, тем более что недоверие к Великобритании также велико. Полагаю, что мои заявления произвели на Молотова впечатление; тем не менее, потребуются значительные усилия с нашей стороны, чтобы добиться разворота курса советского правительства»[1].

---

[1] Schulenburg to German foreign ministry, most urgent, 4 Aug. 1939 // *DGFP*, series D. Vol. VI. P 1059–1062; О встрече с германским послом Ф. В. Шуленбургом. Выдержка из дневника В. М. Молотова. 3 августа 1939 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1237. Л. 404–409. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

5 августа Молотов телеграфировал Астахову, что желательно продолжить «обмен мнений об улучшении отношений». Многое будет зависеть от того, как будут развиваться торговые переговоры[1]. В ответ Астахов сообщил, что в соответствии с указаниями Молотова еще раз беседовал со Шнурре. Шнурре заявил, что урегулирование торговых переговоров займет, возможно, две недели и что торговое соглашение не должно задерживать обсуждение общего улучшения отношений. Он предложил подписать коммюнике или секретный протокол о совместном желании улучшить отношения[2].

В следующей ответной телеграмме Астахову содержались дальнейшие инструкции от Молотова. Копия этой телеграммы была направлена только Сталину. Молотов не считал нужным смешивать торговое соглашение с другими вопросами общего улучшения отношений. Это значило бы забегать вперед. «Что мы действительно хотим улучшить политические отношения, уже заявлено германскому правительству. Если германское правительство расположено верить нам, то этого нашего заявления должно быть вполне достаточно на первое время». Молотов также отверг идею добавить к торговому соглашению секретный протокол[3]. Советская сторона не торопилась действовать, дожидаясь прибытия в Москву британцев и французов.

Между тем ситуация в Берлине накалялась. 8 августа Шнурре вновь встретился с советским поверенным в делах. «По всем признакам подписание торгово-кредитного соглашения не за горами (если, конечно, не произойдет каких-нибудь сюрпризов, на которые немцы такие мастера)», — записал Астахов в начале своего отчета о встрече. Шнурре хотел поговорить об общем улучшении отношений, в том числе о прессе и культурных отношениях. Но самый важный вопрос касался территорий вдоль советской западной границы от Балтийского до Черного моря. Судя по тому, что Астахов слышал из неофициальных источников, немцы были готовы «объявить свою незаинтересованность (по крайней мере политическую) к судьбе прибалтов (кроме Литвы), Бессарабии, русской Польши (с изменениями в пользу немцев) и отмежеваться от аспирации на Украину. За это они желали бы иметь от нас подтверждение нашей незаинтере-

---

[1] В. М. Молотов — Г. А. Астахову. 4 августа 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 295. Д. 2038. Л. 101. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Г. А. Астахов — в НКИД. 5 августа 1939 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 69. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[3] В. М. Молотов — Г. А. Астахову. 7 августа 1939 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 70. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147., Копия отправлена И. В. Сталину.

сованности к судьбе Данцига, а также бывш[ей] Германской Польши (быть может с прибавкой до линии Варты или даже Вислы) и (в порядке дискуссии) Галиции». Это уже было похоже на разговор по существу. Правда, был один нюанс. Подобные дискуссии могли проходить лишь «на базе отсутствия англо-франко-советского военно-политического соглашения». Более того, Астахов не верил в долгосрочное соблюдение Германией таких обязательств: любое соглашение могло носить только тактический характер, «чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае своей войны с Польшей»[1]. Отчет Астахова поступил в НКИД 10 августа.

Днем ранее к Молотову зашел польский посол Гржибовский. Он только что вернулся в Москву из рабочего отпуска. Гржибовский снова предпринял путешествие по Европе и делился с Молотовым своими впечатлениями о ситуации в различных странах. В основном это был просто вежливый разговор о пустяках, как часто бывает в мужской компании, когда единственная цель общения — поддержать контакт. Ситуация в Данциге остается напряженной, отметил Гржибовский, но в последнее время немцы немного расслабились. «Так как Германии трудно повернуть на мирные рельсы ввиду напряженного политического и экономического положения страны, то не исключены и новые агрессивные выступления». Молотов записал в своем дневнике, что разговор в основном свелся к тому, что посол рассказывал о своей поездке, а он сам лишь время от времени задавал уточняющие вопросы. Другими словами, Гржибовский, похоже, либо не был хорошо осведомлен о намерениях Германии уничтожить Польшу, либо не говорил об этом, и Молотов предпочел не просвещать его на этот счет. В конце разговора произошел интересный обмен мнениями о недавнем инциденте на советско-польской границе, в результате которого был убит советский пограничник. Посол предложил принять меры по устранению мелких инцидентов, вызванных чрезмерным рвением молодых солдат. Если бы были даны соответствующие указания с обеих сторон, отношения на границе могли бы нормализоваться. Молотов был с этим согласен: «Если соответствующие меры будут проведены с польской стороны, то такие же меры возможно провести и с советской стороны»[2]. Гржибовский часто казался более расположенным к улучшению советско-

---

[1] Г. А. Астахов — В. М. Молотову. 8 августа 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 27. Д. 61. Л. 129–126. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] О встрече с польским послом В. Гржибовским 9 августа 1939. Выдержка из дневника В. М. Молотова // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1236. Л. 256–258. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу, А. И. Микояну и др.

польских отношений, чем министр иностранных дел Бек и другие официальные представители Варшавы. Это, конечно, было немного, но это вполне *могло бы* стать основой для поворота в отношениях (время еще было!), *если бы* польское правительство проявило интерес. Иначе зачем Молотову было направлять копию этого разговора «тройке», в которую теперь входил Анастас Иванович Микоян? Ворошилов сделал на своей копии ряд комментариев, в том числе относительно последних строк Молотова по поводу советско-польской границы. В дипломатии небольшие шаги могут иногда привести к большому продвижению вперед.

Тем временем 10 августа Астахов снова встретился со Шнурре в Берлине. Предлогом были обычные рутинные вопросы, но вскоре разговор перешел на политические отношения. «Со своей стороны германское правительство наиболее интересуется вопросом нашего отношения к польской проблеме. Если попытка мирно урегулировать вопрос о Данциге ни к чему не приведет и польские провокации будут продолжаться, то возможно начнется война. Германское правительство хотело бы знать какова будет в этом случае позиция Советского правительства». В случае войны Германия не выйдет за уже обозначенные «пределы». Немецкое правительство «готово», сказал Шнурре, «сделать все, чтобы не угрожать нам и не задевать наши интересы, но хотело бы знать, к чему эти интересы сводятся». Астахов сообщил в своем отчете, что ничего определенного в ответ не сказал. В конце разговора Шнурре отметил, что заключение соглашения с Францией и Великобританией было бы плохим началом для переговоров с Германией[1].

Изложение встречи, сделанное Шнурре, в основных чертах совпадает с отчетом Астахова. По словам Шнурре, у Астахова не было инструкций относительно обсуждения Польши или переговоров в Москве. Но если Астахов в отчете сообщал, что не сказал в ответ ничего определенного, то Шнурре указал, что советский поверенный был не против высказать личное мнение. «Переговоры с Великобританией начались в то время, когда со стороны Германии еще не было никаких признаков готовности прийти к взаимопониманию», сказал Астахов. Советское правительство вступило в переговоры «без особого энтузиазма, но какой у нас был выбор в сложившихся обстоятельствах? Теперь ситуация изменилась, но уже нельзя просто так обрывать то, что было начато по веским причинам»[2]. Это было по-

---

[1] Г. А. Астахов — в НКИД. 10 августа 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 294. Д. 2036. Л. 174–175. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу, А. И. Микояну и др.

[2] Schnurre's memorandum. 10 Aug. 1939 // DGFP, series D. Vol. VII. P. 17–20. Сравни: *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер. Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939... С. 225–237.

хоже на правду. В 0:10 12 августа Молотов в подтверждение получения доклада Астахова от 8 августа отправил в Берлин телеграмму, состоявшую из 4 строк (копия была сделана только для Сталина): «Перечень объектов нас интересует. Разговоры о них требуют подготовки и некоторых переходных ступеней от торгово-кредитного соглашения к другим вопросам. Предпочитаем вести разговоры по этим вопросам в Москве»[1].

Штабные переговоры в Москве

В субботу, 5 августа, «Сити оф Эксетер» вышел из порта в Тилбери и направился в открытое море. У делегатов, находившихся на борту корабля, который шел с максимальной скоростью в 13 узлов, не было недостатка в свободном времени. Сначала делегаты пробовали собираться для выработки проекта соглашения, но, поскольку полученные ими инструкции были «неопределенными», они не совсем знали, что делать. Дракс упоминает в своем отчете, что для того, чтобы скоротать время, был устроен турнир по палубному теннису, который он выиграл, «одолев в финальном матче первого помощника капитана “Сити оф Эксетер”». Пока делегации развлекались игрой в теннис, Шнурре в Берлине играл в игры иного рода, пытаясь воздействовать на Астахова. Уровень легкомыслия и самоуспокоенности, который демонстрировали в отношении переговоров с Москвой как французы, так и англичане, просто ошеломляет.

Английская и французская делегации прибыли в Ленинград ранним утром 10 августа, а в Москву — утром следующего дня, ночным поездом. Дракс отмечал, что немецкая пресса «делала все возможное, чтобы дискредитировать нашу миссию», в качестве примера ссылаясь на анекдот, который он увидел в «одном из их юмористических изданий». Вопрос: «Почему миссию, которые англичане посылают в Москву, возглавляет адмирал?» Ответ: «В последнее время у них происходило слишком много дипломатических кораблекрушений, и они надеются, что хоть адмирал сможет уберечь их от подводных камней».

По прибытии в Москву делегации направились каждая в свое посольство. В тот же день главы делегаций и послы нанесли официальные визиты Молотову и Ворошилову, строго протокольно, без обсуждения каких-либо вопросов. Вечером был банкет, где рекой лилась водка, и концерт, который вели Ворошилов и ряд представителей НКИД и вооруженных сил. Кстати, сразу после полуночи 12-го числа, после банкета, Астахову была

---

[1] В. М. Молотов — Г. А. Астахову. 12 августа 1939 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 78. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копия отправлена И. В. Сталину.

отправлена та самая телеграмма Молотова, в которой выражалась заинтересованность в немецких предложениях по установлению более тесных отношений. Дракс описал в своем отчете атмосферу на банкете: «Большинство моих коллег сочли русских дружелюбными и приветливыми, но мне постоянно казалось, что в воздухе витает призрак железной руки в бархатной перчатке. На наших светских встречах на виду была бархатная перчатка; на наших заседаниях временами проявлялась железная рука, но тонко завуалированная, и становилось совершенно ясно, что сделка, которую намерены заключить с нами Советы, будет для нас невыгодна». Дракс старался держать нос по ветру. «Мои первые 24 часа в Москве, казалось, указывали на то, что Советы, возможно, готовы прийти к соглашению с нами, но в их чувствах к нам нет искренней дружбы или сердечности»[1].

Во второй половине дня 11 августа Думенк пообщался с послом Наггьяром. Французский генерал уже не выглядел таким самоуспокоенным, каким Наггьяр помнил его по Парижу. Они оба чувствовали, что грядет катастрофа, по сути, организованная их правительствами, и хотели хоть что-то предпринять. По словам Думенка, Наггьяр не скрывал своего беспокойства и чувства беспомощности от невозможности повлиять на события. Переговоры с Молотовым в целом проходили безрезультатно, «потому что Париж и Лондон постоянно возражали, а потом уступили, но слишком поздно, и потому создали у русских впечатление, что не знают, чего хотят».

«У вас есть какие-нибудь четкие инструкции по поводу прохода через Польшу?» — спросил Наггьяр. Думенк ответил, что Даладье дал ему указание *не* соглашаться ни на какое военное соглашение, предусматривающее пропуск Красной армии через территорию Польши. Он также поручил Думенку сообщить советскому правительству, что Франция и Великобритания просят только о поставках военной техники в Польшу и другой такой помощи, которую в конечном итоге может запросить польское правительство. «Если русские не согласятся на этих условиях, — добавил Даладье, — у меня есть еще одна карта, и я разыграю ее, если потребуется». Что это могло значить, Думенк не знал (или знал, но не сказал), а Даладье нигде больше не упоминал о том, что он имел в виду. Но в конце 1930-х годов «другой картой» могла быть только сделка с Гитлером.

«Они не читали моих депеш и не поняли, что я пытался донести до них», — пожаловался Наггьяр: он имел в виду, что права прохода являются ключевым вопросом, который никак нельзя обойти. Когда Думенк сообщил, что Драксу были даны инструкции затягивать подписание соглашения, Наггьяр был потрясен; он ответил Думенку, что такие инструкции положат переговорам конец.

---

[1] *Drax R.* Mission to Moscow, August 1939 // CAC, Drax Papers, 6/5. F. 9–11.

У Думенка был еще такой вопрос: «Судя по тому, что русские пригласили нас сюда, выходит, что они хотят военного соглашения. Как вы думаете, они действительно этого хотят?»

Да, ответил Наггьяр, «я полагаю, что они действительно хотят военного соглашения». Генерал Палас, присутствовавший при их беседе, присоединился к этому мнению[1].

Как отмечал впоследствии посол, «я рекомендовал заключить четко определенное военное соглашение, а они послали в Москву из Парижа и Лондона две миссии, которым было дано указание ни на что подобное не соглашаться. Кажется невероятным, но это так»[2]. Наггьяр неоднократно предупреждал о необходимости решить вопрос о правах на проход, и теперь был просто в замешательстве. Он немедленно телеграфировал в Париж, что инструкции британского правительства противоречат тому, о чем пытаются договориться три страны. Указания, полученные из Лондона, чрезвычайно опасны, если только британцы «втайне не надеются на провал переговоров». Советское правительство уже и так с большим подозрением относилось к мотивам англичан и французов, а теперь это подозрение еще больше усилилось. Наггьяр попросил Бонне повлиять на Лондон[3]. Но на Бонне едва ли можно было положиться. Да и на Даладье тоже. В 1946 году он заявил, что настойчивое требование Советского Союза о проходе Красной армии стало «чрезвычайной» неожиданностью для французского правительства, но ведь ничего неожиданного в нем не было[4]. Да и как оно могло стать неожиданностью, если вопрос о проходе неоднократно поднимался еще с 1934 года? Даладье лгал: он поручил Думенку *не соглашаться* на предоставление права прохода.

Набережная Орсе в ответ на телеграмму Наггьяра от 12 августа попросила Форин-офис «смягчить инструкции» для Дракса. Сидс телеграфировал Галифаксу с той же просьбой. «Французскому генералу даны инструкции сделать все возможное для скорейшего заключения военного соглашения, и такие инструкции явно не соответствуют тем, которые были даны Драксу». Сидс попросил уточнить, действительно ли правительство хочет какого-либо прогресса в переговорах, «помимо расплывчатых общих фраз». Если нет, это очень прискорбно, «поскольку пока все указывает на

---

[1] Naggiar's marginal note on his cable. Nos. 860–863. 12 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Doumenc. Souvenirs. P. 56–58 // SHAT 7N 3185; The little-noted confirmation of Daladier's instructions in Leon Noël // L'Agression allemande contre la Pologne. Paris: Flammarion, 1946. P. 423.

[2] Naggiar's retrospective minute on his cable no. 707. 16 July 1939 // MAE Papiers Naggiar/10.

[3] Naggiar. Nos. 860–863. 12 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/10.

[4] *Namier L. B.* Diplomatic Prelude, 1938–1939. London: MacMillan, 1948. P. 204–206.

то, что советские военные переговорщики действительно настроены на результат»[1]. Заместители начальника штаба в Лондоне поддержали мнение Сидса, и Форин-офис решил, что инструкции для Дракса можно смягчить, хотя и не совсем. Галифакс был озадачен комментарием Сидса по поводу инструкций, полученных Думенком, поскольку французская миссия, находясь в Лондоне, не проявляла никакого энтузиазма относительно заключения соглашения. «*C'est très juste* [Совершенно верно], — записал Наггьяр, — инструкции Даладье Думенку заключались в том, чтобы не заключать никаких соглашений с русскими»[2]. Наггьяру удалось сделать так, чтобы Думенк оставил тот самодовольный тон, в котором высшие британские и французские офицерские чины привыкли говорить об СССР. По крайней мере, Думенк осознал, в какую непростую ситуацию он попал в Москве по милости французского правительства.

Заседания делегаций начались в субботу, 12 августа. Пришло время заняться делом и узнать, кто настроен серьезно, а кто нет. И это стало ясно почти сразу. Ворошилов, как и было запланировано, сразу предъявил письменное подтверждение своих полномочий, а затем запросил соответствующие бумаги у Думенка и Дракса. Думенк предоставил подписанный Даладье *ordre de mission* (приказ о миссии), в котором говорилось, что он может «*traiter* [рассматривать] любые военные вопросы». Дракс, по его собственным словам, «немного растерянно», а по словам Думенка, «чрезвычайно смутившись и закашлявшись», «после долгой паузы» был вынужден ответить, что у него ничего нет. «Маршал Ворошилов выглядел очень разочарованным тем, что английской и французской миссиям не были предоставлены неограниченные полномочия». После краткого совещания с Шапошниковым Ворошилов встал со стула и зачитал заявление, в котором говорилось, что советская делегация сожалеет о том, что ее англо-французские собеседники не имеют полномочий для подписания военной конвенции. Думенк попытался развеять их опасения, заявив, что у них есть полномочия предложить проект документа на утверждение своим правительствам. Ворошилов наконец согласился продолжить, а Дракс телеграфировал в Лондон с просьбой дать письменные инструкции авиапочтой. Каким нелепым это кажется в ретроспективе! Форин-офис удовлетворил его просьбу: Дракс получил право обсуждать и вести переговоры, но ничего не подписывать. «Просто поразительно, — писал позже Дракс, — что правительство и Форин-офис позволили нам отплыть, не предоставив

---

[1] Seeds. No. 196. 12 Aug. 1939; Strang's minute. 14 Aug., C11275/3356/18 // TNA FO 371 23072.

[2] Halifax to Seeds. No. 209. 15 Aug. 1939; Chatfield to Drax. No. 1. 15 Aug. 1939, C11275/3356/18 // TNA FO 371 23072; Bonnet to Naggiar. No. 585. 15 August 1939 // MAE Papiers Naggiar/9.

никаких верительных грамот или какого-либо подобного документа». Думенк сделал похожее наблюдение: инцидент на первом заседании подчеркнул, среди прочего, *legereté* (беспечность), проявленную англичанами в подготовке к штабным переговорам[1]. Если Сталин и его коллеги и рассматривали возможность заключения соглашения с нацистами, то сначала они, похоже, хотели убедиться вне всякого сомнения, что их британские и французские собеседники относятся к заключению военной конвенции недостаточно серьезно.

Правительства Франции и Великобритании хотели, чтобы переговоры не выходили за рамки общих вопросов. Если они и готовы были что-то подписать, то только очередное формальное соглашение, которое будет иметь силу только на бумаге. Но Ворошилову было нужно совсем другое. Он напомнил своим французским и британским собеседникам, что ему нужны всеобъемлющие, детальные планы защиты от общего врага с использованием всех родов войск. Днем в воскресенье 13 августа, выслушав доклад Думенка, Ворошилов, среди прочего, спросил, сколько британских дивизий будет отправлено во Францию. Это был один из ключевых вопросов. Генерал-майор Томас Дж. Хейвуд, один из заместителей Дракса, ответил в общих чертах, упомянув при этом 16 дивизий из состава регулярной и территориальной армии — это была значительная цифра, которая наверняка порадовала бы Ванситтарта. Тогда Ворошилов спросил, сколько дивизий англичане смогут отправить во Францию уже в начале войны. Хейвуд ответил, что 5 пехотных и 1 механизированную дивизию, которые полностью укомплектованы (Ванситтарт, опять же, был бы очень рад это слышать, но это была не более чем выдумка: к бою были готовы только 2 дивизии, и те не были укомплектованы полностью). Ворошилов на этом не успокоился. Сколько еще дивизий, спросил он, последуют во втором эшелоне, за первыми шестью? Всего 19 дивизий, ответил Хейвуд, но формирование 13 из них еще продолжается. 16 превратились в 19. Тут явно что-то было нечисто; Хейвуд оказался в неловкой ситуации. Ворошилов, вероятно, заметил нестыковку, потому что задал еще один уточняющий вопрос: значит, 16 дивизий в первом эшелоне и 16 во втором? Так? Задачка явно не сходилась с ответом, но Ворошилов сделал вид, что не замечает этого. Так точно, ответил Хейвуд. Тогда на помощь пришел Думенк: он

[1] Seeds, military mission no. 1. 12 Aug. 1939; Instructions. 15 Aug. 1939, C11276/3356/18 // TNA FO 371 23072; Drax R. Mission to Moscow // CAC, Drax Papers, 6/5. F. 14–15; Doumenc. Souvenirs // SHAT 7N 3185. F. 65–66; Запись первого заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции в ходе англо-франко-советских военных переговоров в Москве. 12 августа 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 120. Л. 44–51. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

сменил тему, заговорив о бельгийской армии, а потом перейдя к вопросу о франко-польском союзе и о взаимных обязательствах Франции и Польши. Тут Ворошилов снова прервал его, чтобы задать ряд уточняющих вопросов. Думенк не знал подробностей и мог лишь сказать, что каждая сторона в случае немецкой агрессии обязана оказать помощь всеми имеющимися у нее силами. Затем Думенк снова сменил тему.

Ворошилов продолжил свои попытки выудить информацию касательно важнейших вопросов: как Генеральные штабы Франции и Англии представляют себе роль Советского Союза в случае агрессии против Польши и Румынии (вместе или по отдельности) или против Турции? Иными словами, как они, французская и британская миссии, представляют себе взаимопомощь и коллективную защиту от агрессора или агрессоров в случае нападения? Думенк ответил так, как будто или не понял вопроса, или не желал понять. Поэтому Ворошилов еще раз спросил, как Генеральные штабы Англии и Франции представляют себе совместные действия с СССР против агрессора или блока агрессоров. Думенк дал понять, что ответит на следующем заседании, но Ворошилов все еще не был уверен, что его поняли, поэтому еще раз уточнил: «Как известно, Советский Союз не имеет общей границы ни с Англией, ни с Францией. Поэтому наше участие в войне возможно только на территории соседних с нами государств, в частности Польши и Румынии». Думенк повторил, что ответит на следующий день. В своем отчете Думенк описал это так: «Маршал с какой-то, как показалось, спокойной прямотой припер нас к стенке»[1].

На следующий день, 14 августа, Ворошилов повторил свой вопрос о Польше и Румынии. Думенк, соблюдая указания Даладье, ответил, что каждый союзник будет защищать свою территорию, при необходимости обращаясь за помощью.

«А если они не потребуют помощь?» — возразил Ворошилов.

«Нам известно, что они нуждаются в этой помощи», — ответил Думенк.

«Если же они своевременно не попросят этой помощи, это будет значить, что они подняли руки кверху, что они сдаются», — заметил Ворошилов.

«Это было бы крайне неприятно», — сказал Думенк.

«Что тогда предпримет французская армия?»

Думенк дал довольно пространный, но расплывчатый ответ, сказав, по сути, что французы будут защищать свой собственный фронт. Ворошилов извинился и сказал, что ему «не ясно. Я очень извиняюсь за откровен-

---

[1] Запись второго заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции в ходе англо-франко-советских военных переговоров в Москве. 13 августа 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 120. Л. 59–66. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147; Doumenc. Souvenirs // SHAT 7N 3185. F. 67–68.

ность, но мы, военные люди, должны быть откровенными». Какое положение занимает на этой схеме Красная армия? «Положение вооруженных сил Советского Союза не совсем ясно. Непонятно, где они территориально пребывают и как они физически принимают участие в общей борьбе». Развернув карту СССР, Думенк указал на западную границу и сказал, что это тот фронт, который немцы не должны перейти. На это театральное объяснение Думенка Ворошилов ответил столь же театрально: «Этот "фронт", который мы всегда занимаем и который, можете быть уверены, господин генерал, фашисты никогда не перейдут, договоримся мы с вами или нет». «Фашисты» — интересная формулировка. Была ли это оговорка или указание на личные взгляды Ворошилова относительно потенциального общего врага?

За этим последовал обмен мнениями, после которого Ворошилов вернулся к своему первоначальному вопросу о том, где будут вооруженные силы СССР, если Германия нападет на Францию и Великобританию. Думенк снова попытался ответить. В случае нападения Германии на западе Польша окажется втянута в войну. Советские силы будут сосредоточены на границе. Польше и Румынии понадобится помощь СССР в снабжении. Ворошилову этот ответ не понравился. Что бы ни происходило, отметил он, мы расположены так, чтобы успешно защищать свои границы. Но в совместной борьбе с врагом этого расположения будет недостаточно. В этом случае, ответил Думенк, против Германии будут задействованы советские воздушные силы.

Ворошилов по-прежнему не был удовлетворен ответами Думенка. Думенк не был глуп и понимал, к чему клонит Ворошилов, но не мог дать удовлетворительного ответа, потому что его руки были связаны указаниями Парижа, а по большому счету и Лондона. «Я хочу получить ясный ответ на мой весьма ясный вопрос относительно совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и Советского Союза против общего противника — против блока агрессоров или против главного агрессора, если он нападет. Только это я хочу знать и прошу дать мне ответ, как себе представляют эти совместные действия и Генеральные штабы Англии и Франции... Предполагается ли, что наши вооруженные силы будут пропущены через польскую территорию для соприкосновения с противником и борьбы с ним на юге Польши — через Галицию. И еще: имеется ли в виду пропуск советских войск через румынскую территорию, если агрессор нападет на Румынию» Затем Ворошилов задал тот же вопрос о Румынии. «Вот эти три вопроса больше всего нас интересуют». Думенк постарался уйти от прямого ответа или хотя бы отсрочить его, но Ворошилов и тут не отступал, а продолжал настойчиво требовать ответа. «Я прошу ответить на мой прямой вопрос. Я не говорю о концентрации советских сил, а спрашивал

насчет того, предполагается ли Генеральными штабами Англии, Франции пропуск наших войск к Восточной Пруссии или к другим пунктам для борьбы с общим противником».

«Я думаю, что Польша и Румыния будут Вас, господин маршал, умолять прийти им на помощь», — ответил Думенк.

«А может быть не будут. Пока этого не видно. У нас с поляками есть пакт о ненападении, а у Франции с Польшей имеется договор о взаимной помощи. Поэтому названный мною вопрос не является для нас праздным, поскольку мы обсуждаем план совместных действий против агрессора». Ворошилов задал свой вопрос еще раз — наверное, уже в пятый или шестой раз. У Франции и Англии, подчеркнул он, должно быть четкое представление о том, какова будет наша конкретная роль в войне. Это замечание заставило Хейвуда и Дракса долго обсуждать подходящий ответ. Почему им понадобилась эта длительная дискуссия наедине? Вопрос ведь был очень простой: хотите ли вы, чтобы мы были настоящими союзниками или нет? Дракс и Думенк знали истинный ответ или к тому времени уже догадывались о нем, но они не могли сказать напрямую, что Лондон и Париж не хотят, чтобы СССР был полноценным союзником. Им просто нужен был кто-то, кто будет делать за них всю грязную работу. «Если Польша и Румыния не потребуют помощи от СССР, — заявил наконец Дракс, — они в скором времени станут простыми немецкими провинциями, и тогда СССР решит, как с ними поступить. Если, с другой стороны, СССР, Франция и Англия будут в союзе, тогда вопрос о том, попросят ли Румыния и Польша помощи, становится совершенно очевидным». Дракс по-прежнему ходил вокруг да около. «Я повторяю, господа, что этот вопрос для Советского Союза является весьма кардинальным вопросом». Дракс еще раз повторил свой ответ, но затем добавил, что «по моему личному мнению», для получения точного ответа следует спросить Польшу. «Я очень сожалею, — ответил Ворошилов, — что военные миссии Великобритании и Франции этого вопроса для себя не поставили и не привели на него точного ответа».

Дракс еще раз попробовал уладить ситуацию. Если человек тонет в реке, сказал он, а другой человек стоит на берегу и предлагает бросить тонущему спасательный круг, откажется ли последний от предложенной помощи? «Спасательный круг будет на хорошем месте, если мы будем совместно действовать».

А что произойдет, если расстояние будет слишком большим, чтобы добросить спасательный круг до утопающего? — спросил Ворошилов. Эта притча была еще одним способом задать вопрос о том, что случится, если Польша будет ждать слишком долго, прежде чем попросить о помощи, или так о ней и не попросит.

Думенк и Дракс опять попытались увернуться от ответа, но Ворошилов не стал этого терпеть.

«Я на этом вопросе остановлюсь в двух словах. Самого мнения о том, что Польша и Румыния, если они не попросят помощи у СССР, могут стать очень быстро провинциями агрессивной Германии — я не оспариваю. Должен, однако, заметить здесь, не в наших интересах, не в интересах вооруженных сил Великобритании, Франции и Советского Союз, чтобы дополнительные вооруженные силы Польши и Румынии были бы уничтожены. А ведь если они, Польша и Румыния, не попросят своевременно помощи Советского Союза, то по концепции адмирала, вооруженные силы Польши и Румынии будут уничтожены».

Ворошилов озвучил горькую правду. «*Le terrible* [несносный] Ворошилов», — отметил Думенк в своей записи этой встречи[1]. Британское и французское правительства попросту бросили глав своих миссий на произвол судьбы, и они оказались в безвыходном положении — честные солдаты, вынужденные защищать лживых, бесчестных министров, решивших, что смогут обойтись без союза с СССР.

В этот момент Дракс попросил сделать пятнадцатиминутный перерыв. Когда все снова собрались, Думенк заговорил первым. Вместо того чтобы отвечать на вопросы Ворошилова, он попытался сменить тему, начав обсуждение того, какие советские войска будут располагаться на Восточном фронте. Ворошилов был добродушным человеком, но тут он, должно быть, вышел из себя, поскольку ничего не стал слушать и снова потребовал ответов на свои вопросы. Получим ли мы право прохода по Виленскому коридору на севере, через Галицию на юге и через Румынию? Да или нет? «Для Советской миссии ответы на эти прямо поставленные вопросы являются кардинальнейшими. Без точных и недвусмысленных ответов на эти вопросы дальнейшие разговоры наши не будут иметь актуального значения». Советская миссия изложит свои планы после того, как будут получены ответы на эти вопросы. Согласно советским протоколам, Думенк, Дракс и Хейвуд опять взяли перерыв, чтобы посовещаться еще раз. Генерал Хейвуд в конце концов ответил, что французская и британская миссии со своей стороны ответили на вопросы Ворошилова как могли. Поскольку Польша и Румыния — независимые государства, отвечать должны их правительства. Поэтому СССР должен поставить эти вопросы перед ними — это будет самый простой и прямой путь. Тем не менее, если Ворошилов настаивает, британская и французская миссии свяжутся со своими правительствами и попросят их задать вопросы Варшаве и Бухаресту. Тем не менее, учитывая, что Германия может со дня на день

[1] Doumenc. Souvenirs // SHAT 7N 3185, fol. 80.

напасть на Польшу, Хейвуд предложил не прерывать работу, ожидая ответов из Парижа и Лондона.

Теперь советская сторона, в свою очередь, попросила пятнадцатиминутную паузу. После перерыва Ворошилов зачитал ответ, в котором, по сути, повторил то, что он уже много раз говорил на совещании. Поскольку у Великобритании и Франции имеются формальные соглашения о взаимной обороне с Польшей, а у СССР — нет, то именно им надлежит связаться с польским правительством, чтобы получить согласие на предоставление СССР права прохода. Советская военная миссия, сообщил Ворошилов, «выражает сожаление», что британская и французская миссии не смогли дать однозначного ответа. Поскольку данный вопрос находился на столе переговоров с 1934 года, это выглядит как отказ правительств в Лондоне и Париже его рассматривать или оказать необходимое давление на Польшу, чтобы она уступила по этому вопросу. На карту поставлено существование Польши как независимого государства. Мы с вами, конечно, знаем, почему англичане и французы не желали оказать давление на Варшаву: они боялись, что поляки перейдут в нацистский лагерь со всеми вытекающими из этого последствиями.

Но давайте послушаем, что Ворошилов скажет дальше. «Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неуспех. Поэтому военная миссия Советского Союза не может по совести рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, явно обреченном на провал».

Советская сторона впервые ясно и четко изложила суть своей позиции. Ворошилов пока еще оставлял дверь немного приоткрытой; он просил своих французских и британских коллег поторопиться с ответом на заданные им вопросы. Тем временем, в ожидании ответа, советская сторона была готова рассказать, в чем состоит ее план военной помощи в Европе, основанный на предложениях Шапошникова. Ворошилов завершил заседание, выразив сожаление по поводу того, что оно было целиком посвящено «одному ответу на один вопрос»[1]. На это ушло 4 часа, в течение которых Ворошилов пытался донести до своих собеседников прописные истины, признавать которые упорно отказывались их правительства. Дракс и Думенк были не виноваты, что министры в Париже и Лондоне поставили их в такое глупое положение. Но уже близился час расплаты за то, что на

[1] Запись четвертого заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции в ходе англо-франко-советских военных переговоров в Москве. 14 августа 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 120. Л. 70–80. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

протяжении многих лет Советский Союз принимали как должное, относились к нему враждебно, нечестно, с презрением, отказывались от его предложений о взаимопомощи.

Обсуждения проходили в бывшем царском дворце, в большом зале заседаний. Август в Москве выдался теплым, к тому же все курили (русские — свой крепкий черный табак). Русские были одеты по погоде, в отличие от французов и британцев. К концу встречи помещение, должно быть, пропахло табаком и потом. Французская и британская делегации были рады поскорей уйти. Дракс вышел из зала заседаний ошеломленный: он думал, что на этом его миссия закончена. «Мы... считали, что сможем получить поддержку русских, не отвечая на их вполне законные вопросы», — отметил Думенк. Наггьяр не был готов сдаться. «Я вас предупреждал», — без обиняков телеграфировал он в Париж, отметив, однако, что еще не поздно получить ответ от поляков и румын. Сидс телеграфировал в Лондон, подтвердив запрос Наггьяра. Мы являемся «в этом вопросе просителями», писал Сидс; ответственность за получение ответа из Варшавы лежит на Лондоне и Париже[1].

На следующий день, 15 августа, совещание возобновилось. Дракс сообщил, что участники миссий отправили телеграммы своим правительствам и ждут ответа. После этого начальник советского Генерального штаба Шапошников изложил планы советской стороны. Предполагалось, что Советский Союз выставит на фронт 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, а также танки, артиллерию и авиацию. Численность советской дивизии в военное время составляла 19 тысяч солдат, то есть в дивизиях это было в 68 раз больше, чем те британские войска, которые предполагалось отправить во Францию на начальном этапе войны. Учитывая, что обсуждение этого вопроса тянулось уже около 5 лет, такая численность войск должна была бы стать весомым основанием для предоставления Красной армии права на проход. Шапошников довольно подробно остановился на «вариантах» действий, предусмотренных Генеральным штабом Красной армии. Его доклад звучал довольно впечатляюще; создавалось ощущение, что такую армию любой бы хотел иметь в качестве союзника. Напряженных моментов, как накануне, в тот день не было[2].

Тем временем в Лондоне некоторые правительственные круги пребывали под впечатлением от решительного вмешательства Ворошилова в ход

---

[1] Doumenc. Souvenirs // SHAT 7N 3185. Fol. 76; Naggiar. Nos. 869–872. 14 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Seeds, mission no. 3. 14 Aug. 1939, C11323/3356/18 // TNA FO 371 23072.

[2] Запись пятого заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции в ходе англо-франко-советских военных переговоров в Москве. 15 августа 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 120. Л. 84–93. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

переговоров. Заместители начальника Генерального штаба, мнением которых Чемберлен время от времени пытался манипулировать, больше не были намерены уступать премьер-министру. «Учитывая скорость, с которой развиваются события, вполне возможно, что этот отчет в значительной степени устареет ещё до того, как будет распространен, но мы считаем, что было бы полезно предать огласке, — недвусмысленно заявили они, — некоторые общие замечания по широкому вопросу использования польской и румынской территории русскими войсками». Маршалу Ворошилову было бы наверняка очень приятно прочитать эти строки. Сейчас «не время для полумер», заявляли заместители начальника Генерального штаба. «Самое сильное давление» должно быть оказано на Польшу и Румынию, и «русским должны быть предоставлены все возможности для приложения максимально ощутимых усилий на стороне держав, сопротивляющихся агрессии».

«Совершенно ясно, что без своевременной и эффективной помощи России поляки не могут надеяться противостоять нападению Германии... в течение более чем ограниченного времени. То же самое относится и к румынам, за исключением того, что время будет еще более ограничено.

Запасов оружия и военной техники недостаточно. Если русские будут содействовать в сопротивлении немецкой агрессии в отношении Польши или Румынии, они смогут сделать это эффективно только на польской или румынской земле, а... если предоставление разрешения на это будет отложено до того момента, когда разразится война, будет слишком поздно. Максимум, на что тогда могут надеяться союзники, — это отомстить за Польшу и Румынию и, возможно, восстановить их независимость, нанеся поражение Германии в долгой войне».

Эту «неприятную правду», говорилось в документе, необходимо «с абсолютной откровенностью» предъявить Варшаве и Бухаресту. Заключение соглашения с Советским Союзом — «лучший способ предотвратить войну». Если заключить соглашение не удастся, Польша и Румыния могут за это дорого заплатить, и ценой будет сближение СССР и Германии[1]. Возникает вопрос, ознакомились ли с этой бумагой чиновники Форин-офиса? Сомнительно, учитывая, что они по-прежнему рассуждали о «косвенной агрессии», думая только о том, как бы советская сторона их не одурачила. «Это было бы смешно, если бы не было так грустно», — отметил Наггьяр[2].

---

[1] Committee on Imperial Defence, Deputy chiefs of staff sub-committee, meeting of 16 Aug. 1939, C11506/3356/18 // TNA FO 371 23072.

[2] Naggiar's minute on Bonnet to Naggiar. No. 601. 18 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/9.

16 августа, в тот же день, когда заместители начальника Генерального штаба попытались побудить британское правительство как можно скорее получить согласие Польши и Румынии на право прохода, военные миссии встретились снова. Британские и французские военные представили информацию о возможностях своих воздушных сил. Ничего особенного в тот день не происходило — все были в ожидании ответа из Варшавы. На следующий день, после заседания, которое уже представляло собой по большей части беседу о пустяках, Ворошилов заявил, что не видит смысла продолжать заседания до тех пор, пока не будут даны ответы на «кардинальные вопросы» Советского Союза. После обсуждения следующую встречу было решено назначить на 21 августа. Тем временем Ворошилов предложил французским и британским коллегам чувствовать себя в Москве как дома и осмотреть достопримечательности[1].

Думенк был впечатлен услышанным от советской делегации. СССР готов направить против общего врага вооруженные силы, эквивалентные 70–100% того, что может быть задействовано западными державами. Думенк отметил, что настойчивость Советов в отношении права прохода ясна: СССР не хочет, чтобы его призвали на помощь лишь когда будет слишком поздно для предотвращения разгрома Польши и Румынии. Ведь в этом случае Красной армии придется противостоять вермахту в одиночку. Советские военные не хотят терять времени, не хотят, как выразился Думенк, сидеть «на балконе». «Нет сомнений в том, что СССР нужна военная конвенция, и он не хочет получить от нас формальную конвенцию, не имеющую конкретного значения». Ворошилов заявил, что все технические вопросы можно решить быстро, если будет удовлетворительно решен «кардинальный вопрос»[2].

Фиаско в Варшаве

Но мог ли этот «кардинальный вопрос» быть наконец решен? Пытались ли правительства Франции и Великобритании получить из Варшавы согласие на право прохода? Пытались, но без особого энтузиазма. Ультиматум Ворошилова и телеграммы Наггьяра вынудили МИД Франции вмешаться, однако польское правительство, которое в течение 5 лет отказыва-

---

[1] Запись седьмого заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции в ходе англо-франко-советских военных переговоров в Москве (с приложением списков дополнительных вопросов к советской военной миссии). 17 августа 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 74, Оп. 2. Д. 120. Л. 121–134. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Doumenc to EMA. Paris, no. 4. 17 Aug. 1939 // SHAT 7N 3186; Doumenc. Souvenirs // SHAT 7N 3185. Fol. 90.

лось сотрудничать по этому вопросу, не изменило своей позиции и теперь. 15 августа Бонне вызвал польского посла Лукасевича, который заявил, что Бек, безусловно, сразу отвергнет советское требование о проходе[1]. Бонне поручил Ноэлю, французскому послу в Варшаве, встретиться с министром иностранных дел. Военному атташе, генералу Феликсу-Жозефу Мюссе, было приказано вернуться в Варшаву. В разгар полномасштабного кризиса, как прокомментировал Наггьяр, «военный атташе находился в отпуске в Биаррице». Хуже того: ни Ноэль, ни Мюссе не были готовы применить на деле полученные ими жесткие инструкции. Ноэль боялся поставить под угрозу свое личное положение в Варшаве. Мюссе находился под сильным польским влиянием и, подобно полякам, ставил под сомнение добросовестность Советского Союза. «Ненависть, которая разделяет поляков и русских», по мнению Мюссе, сделала невозможным какое-либо соглашение между ними. Ноэль был немного более восприимчив к аргументам, но его беспокоило, что давление на поляков может привести их к «новому флирту с Германией»[2].

«История повторяется дважды: первый раз как трагедия, второй раз как фарс» — это высказывание кажется подходящим способом описать фиаско, которым все закончилось для Варшавы. 18 августа Ноэль встретился с Беком. Польское правительство было непреклонно и не согласилось предоставить права прохода: оно считало, что это сделает войну неизбежной (на самом деле война уже была неизбежна, и предотвратить ее могла только капитуляция Польши), да и в любом случае советскому правительству нельзя доверять, а Красная армия не сможет оказать Польше реальную помощь. Эта была стандартная для поляков позиция. В тот же день генерал Мюссе снова услышал ее от начальника польского Генерального штаба. Поляки не уступят в вопросе о праве прохода. Да, возможно, они обратятся к СССР после начала военных действий, но, конечно, подразумевается, что Польша сама сможет продержаться достаточно долго[3]. Кроме поляков, никто не считал это возможным. Британцы давали им в лучшем случае две недели. Советская сторона придерживалась аналогичного мнения. Думенк хотел отправить в Варшаву для помощи в переговорах генерала Валена, но Париж отвел его кандидатуру, опасаясь нежелательной огласки. По словам Наггьяра, «они сочли генерала Валена слишком важным для роли посредника в критической ситуации». Вместо этого Думенк послал одного из младших членов делегации, капитана Андре Бо-

---

[1] Bonnet. Conversation du Ministre des Affaires étrangères avec M. Lukachiecvicz. 15 Aug. 1939 // AN Papiers Daladier, 496AP/13.

[2] Doumenc.Souvenirs // SHAT 7N 3185. F. 96–97.

[3] Noël to Naggiar. Nos. 5–15. 18 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/9; Musse to Daladier. No. 163/AM. 24 Aug. 1939 // DDF. 2e. Vol. XVIII. P. 471–481.

фра, у которого было совсем мало шансов повлиять на Ноэля или Мюссе. Бофр старался изо всех сил, но у него не было необходимого веса, чтобы мотивировать своих коллег в Варшаве. Идея Думенка, которую должен был донести до них Бофр, заключалась в том, что полякам нужно вести игру так, чтобы Думенк и Дракс могли продолжать переговоры в Москве до осени, когда для Германии уже будет невыгодно вести наступление из-за плохой погоды. Так незаметно наступил бы 1940 год, а уж там, как выразился Думенк, «будет видно». Этой политики придерживались и британцы. Франция и Великобритания предполагали, что советское руководство пойдет на это, но они ошибались.

Думенк был озадачен позицией поляков. За десять дней до начала войны Варшава выглядела «совершенно обычно». Город имел «элегантный и изысканный» вид западной столицы. Никаких оборонительных мер для защиты от нападения предпринято не было. Ни зенитных орудий, ни временных укреплений в виде мешков с песком возле зданий, ни заклеенных бумажными полосками окон — ничего. Чем можно объяснить этот невероятный факт? По мнению Думенка, слово «беззаботность» тут не подходило — реакцию Польши на демарши Франции и Великобритании куда лучше описывало слово «неосведомленность». Бофр попросил Ноэля и Мюссе предпринять еще одну попытку добиться от поляков большей гибкости. «Если поляки хотят играть в Дон Кихота, это их дело, но мы должны очень четко подчеркнуть, насколько шатко их военное положение и что речь идет не о каких-то эфемерных переговорах, а о самом существовании Польши». Чтобы выжить, советская поддержка была «необходима». Однако поляки не сдвинулись с места. Для них по-прежнему оставалось актуальным изречение маршала Юзефа Пилсудского: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — свою душу»[1]. Душа — это штука метафизическая, в отличие от свободы. А вот свобода либо есть, либо ее нет. При том, что Пилсудский к тому времени уже умер, его слова вряд ли можно было считать хорошим руководством к действию в ситуации, когда вермахт сконцентрировался на польских границах, готовясь разорвать страну на куски.

На обратном пути в Москву Бофр опоздал на свой самолет в Риге, что было вполне в духе этих переговоров и вызвало у Наггьяра еще более саркастические замечания. С такими посланниками шансов на успех точно не было. Советы устроили так, писал Дракс, что мы вынуждены самим себе стрелять в ногу из-за вопроса о праве на проход. Точнее было бы сказать, что это Париж и Лондон устроили так, что их военные миссии были вынуждены «стрелять самим себе в ногу» из-за прав на проход. Наггьяр дал

[1] Doumenc. Souvenirs // SHAT 7N 3185. F. 95–98.

ясно понять, что если поляки не согласятся, переговоры в Москве будут сорваны[1]. В Москве это было очевидно для всех. Разве уместно было со стороны правительств Франции и Великобритании допускать, чтобы Польша ставила под угрозу их собственные интересы национальной безопасности? Заместители начальника Генштаба в Лондоне так не считали.

Форин-офис направил своему послу в Варшаве сэру Говарду У. Кеннарду указание поддержать французов, однако и он не добился успеха. «Мы сделали все, что могли», — сказал Кеннард, однако польское правительство осталось непреклонным. «Проход русских войск стал камнем преткновения, о который разбились все предложения касательно коллективного договора в Восточной Европе». К этому можно было бы добавить, что «камень преткновения», из-за которого всегда терпела крах коллективная безопасность, был делом рук англо-французской, а не советской стороны. Были и другие причины сопротивления со стороны Польши. Помимо многовековой национальной вражды, определяющими факторами для позиции поляков были «сильные внутриполитические причины», то есть наличие крупных украинских и белорусских меньшинств в Восточной Польше. «Почти немыслимо, — отмечал Кеннард, — чтобы нынешняя политическая структура Восточной Галиции смогла пережить ввод российских войск, тем более что коммунизм имеет определенную привлекательность для молодых украинцев. Многочисленное белорусское население в районе Вильно является политически незрелым и легко поддается влиянию советской пропаганды»[2]. Аналогичные выводы представил в Париж и Ноэль. Форин-офис направил дополнительные инструкции, но Кеннард ответил, что он уже использовал свои лучшие аргументы и намерен «воздержаться от дальнейших действий»[3]. Набережная Орсе поручила Ноэлю попытаться еще раз. 21 августа, уступив призывам Наггьяра, французское правительство уполномочило Думенка (хотя британцы Драксу подобных инструкций не отправляли) подписать любое возможное соглашение с СССР. «Слишком поздно», — записал по этому поводу Наггьяр[4].

---

[1] Colson to Doumenc. No. 2388-EMA/2-SAE. 15 Aug. 1939 // SHAT 7N 3186; Naggiar. Nos. 873–874. 15 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Charles-Jean Tripier, French minister in Riga. 20 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/9; Drax to Chatfield. 16 and 17 Aug. 1939, C12064/3356/18 // TNA FO 371 23073.

[2] Kennard. No. 279. 19 Aug. 1939, C11585/3356/18; Kennard. No. 273. 18 Aug. 1939, C11582/3356/18 // TNA FO 371 23073; Roger Cambon, French charge d'affaires in London. No. 2642. 21 Aug. 1939 // AN Papiers Daladier 496AP/13.

[3] Kennard. No. 282. 21 Aug. 1939, C11701/3356/18 // TNA FO 371 23073; Noël. Nos. 1203–1212. 20 Aug. 1939 // DDF. 2e. Vol. XVIII. P. 217–220.

[4] Naggiar. Nos. 895–901. 20 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Naggiar's note on Bonnet to Naggiar. No. 615. 21 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/9; Seeds, mission

Самое большое, на что смогли в конечном итоге пойти поляки, — это 23 августа согласиться с тем, что в случае немецкой агрессии может быть не исключена некоторая форма советско-польского сотрудничества. Как отметил Наггьяр, этого было недостаточно. По мнению Ноэля, нежелание Польши заключить соглашение с Советским Союзом напоминало что-то вроде политической «болезни»[1]. Бонне в тот же день отправил в Бухарест телеграмму, в которой содержалось *ложное* утверждение о том, что поляки якобы согласились предоставить СССР право прохода, поэтому румынское правительство должно сделать то же самое. Наггьяр прокомментировал это как «непоследовательность» и акт отчаяния. «В дела Бухареста и Варшавы нам надо было вмешиваться в апреле»[2]. На самом деле даже в апреле, возможно, было уже слишком поздно. Слабость, проявленная англичанами и французами по отношению к нацистской Германии, подорвала доверие к любым их заявлениям касательно обеспечения взаимной безопасности в Восточной Европе. В результате Лондон и Париж утратили свое влияние, которое они хотели теперь использовать. Кулондр телеграфировал из Берлина Наггьяру, что у него есть конфиденциальная информация от высокопоставленного немецкого чиновника о том, что между немецким и советским правительствами пока не решено ничего конкретного. Они договорились лишь на весьма общих условиях. Есть еще время что-то предпринять в отношениях с Москвой[3]. На самом деле времени уже не было. «*Finis Poloniae* [*лат*. Польше конец], — отметил Наггьяр, — и по тем же причинам, что в 1772 году»[4].

Заключение советско-германского договора

Прежде чем перейти к развязке, вернемся на 11 дней назад, к 12 августа. В тот день Астахов передал Шнурре полученное им накануне сообщение Молотова о том, что советское правительство готово рассмотреть вопрос о политических переговорах после соответствующей подготовки и поэтап-

---

no. 9. 22 Aug. 1939; Strang's minute of the same day, C11729/3356/18 // TNA FO 371 23073; Bonnet to Noël. Nos. 612–620. 19 Aug. 1939 // AN Papiers Daladier 496AP/13; Bonnet to Noël. Nos. 624–627. 20 Aug. 1939 // Ibid.

[1] Naggiar's minute on Noël to Naggiar. No. 21. 23 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/9; Naggiar. Nos. 946–947. 23 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/10; Noël. Nos. 1203–1212. 20 Aug. 1939 // DDF. 2e. Vol. XVIII/ P. 217–220.

[2] Bonnet to Thierry (Bucharest). Nos. 565–568; Naggiar. Nos. 637–641; and elsewhere, 23 Aug. 1939 and Naggiar's minutes // MAE Papiers Naggiar/9; Roberts to Cadogan. 23 Aug. 1939, C11814/3356/18 // TNA FO 371 23073.

[3] Coulondre to Naggiar. Nos. 1–4. 23 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/9.

[4] Naggiar's minute on nos. 958–961. 25 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/10.

ного перехода от торгового соглашения. А как насчет Польского вопроса, спросил Шнурре. Астахов не смог ответить ничего определенного. Он сообщил Молотову, что время на исходе и что немцы не заинтересованы в поэтапном развитии переговоров: они хотят обсудить «территориально-политические» вопросы, «чтобы развязать себе руки на случай конфликта с Польшей». Более того, немцы обеспокоены переговорами Москвы с англичанами и французами и, чтобы помешать заключению соглашения с ними, готовы сделать выгодные предложения: заявить об отсутствии заинтересованности в Прибалтике, Бессарабии, Восточной Польше, не говоря уже об Украине. Взамен немцы хотят лишь «обещание невмешательства в конфликт с Польшей»[1]. В последующем донесении того же дня Астахов предупреждал, что война в Польше может разразиться в любой момент, «если, конечно, не разыграются другие мировые события, могущие изменить обстановку». Другими словами, если только не произойдет прорыв в московских переговорах. Ускоренная отправка войск к восточным границам, реквизиция автомобилей и нехватка бензина — явные признаки неминуемости войны. Территориальные амбиции Германии также, похоже, растут. В Берлине люди, кажется, думают, что можно вести свою маленькую войну с Польшей, не спровоцировав тем самым начало мировой войны. Они все еще надеются, что смогут просто продолжать тактику запугивания или что им удастся нанести такие удары по Польше, что Англия не успеет вмешаться, и тогда смирится «с реальными фактами», особенно учитывая постоянную угрозу со стороны Японии на Дальнем Востоке. (Советская сторона уже слышала эти идеи от Клейста.) Похоже, в Германии никто особо не волнуется: немецкие обыватели вовсю говорят «о новой эре советско-германской дружбы». Все уверены, что в случае германо-польской войны СССР сохранит нейтралитет, а новое торговое соглашение позволит предотвратить нехватку ресурсов и сельскохозяйственной продукции. Что может пойти не так?[2]

В воскресенье 13 августа, когда в Москве начались военные переговоры, Шнурре обратился к Астахову с еще более недвусмысленным заявлением: «События идут очень быстрым темпом и терять время нельзя». Советскому Союзу придется решить, друг он Германии или враг[3]. 15 августа Шуленбург

---

[1] Г. А. Астахов — В. М. Молотову. 12 августа 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 70. Л. 1–2. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147; Schnurre to Schulenburg. 14 Aug. 1939 // DGFP, series D. Vol. VII. P. 58–59.

[2] Г. А. Астахов — В. М. Молотову. 12 августа 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 27. Д. 61. Л. 133–130. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[3] Запись разговора Г. А. Астахова с К. Ю. Шнурре. 13 августа 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 603–604.

предложил Молотову встретиться с Риббентропом в Москве для урегулирования оставшихся разногласий. Он зачитал длинное письмо имперского министра, в котором выражалось стремление правительства Германии к улучшению отношений. Молотов отбросил прежнюю сдержанность и подозрительность. Готово ли правительство Германии подписать пакт о ненападении, спросил он. Готово ли оно оказать влияние на Японию, чтобы прекратить боевые действия на маньчжурской границе? Хотя Молотов уклончиво ответил на вопрос о дате визита Риббентропа, отметив, что «необходимо провести подготовку определенных вопросов», немецкая инициатива его явно заинтересовала. Шуленбург был настроен еще более оптимистично в отношении заключения соглашения, чем после предыдущей встречи с Молотовым[1]. Это был день после заседания военных миссий, на котором Ворошилову стало очевидно, что его французские и британские коллеги не смогут обеспечить права на проход Красной армии. Не стало ли это заседание в Москве толчком к изменению позиции Молотова?

Астахов продолжал ежедневно слать телеграммы. Немцы пребывали в нетерпении, они были готовы пойти на крупные уступки по Прибалтике: мол, просто скажите нам, чего вы хотите, и мы вам это дадим[2]. Война была неизбежна, и советскому правительству едва ли хотелось участвовать в ней с такими ненадежными союзниками, как Великобритания и Франция. Думенк и Дракс все еще ждали ответов из Парижа и Лондона, но придут ли ответы, было неизвестно. Время было на исходе, советское правительство находилось в состоянии цейтнота. 16 августа Молотов заявил послу США, что время пустых заявлений прошло и что для Москвы приемлемы только «о конкретных обязательствах» по взаимопомощи против агрессии. Советское правительство уделило много времени переговорам с Англией и Францией, но их успех зависел не только от советской стороны[3]. Именно такие слова мог бы произнести уже забытый всеми Литвинов. Теперь это была гонка наперегонки со временем, и если немцы были готовы в ней участвовать, то британцы и французы — не особенно.

---

[1] Запись беседы В. М. Молотова с Ф. В. Шуленбургом. 15 августа 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 606–608; Schulenburg to German foreign ministry.16 Aug. 1939 // DGFP, series D. Vol. VII. P. 76–77.

[2] Г. А. Астахов — в НКИД. 17 августа 1939 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 673. Л. 94. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[3] Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом США в СССР Л. Штейнгардтом в связи с обострением международного положения. 16 августа 1939 г. // Советско-американские отношения. 1934–1939 / Сост. Б. И. Жиляев. М., 2003. С. 733–735.

Последняя за день телеграмма Астахова прибыла в Москву как раз в тот момент, когда Ворошилов сообщал Думенку и Драксу, что заседания следует отложить до тех пор, пока из Лондона и Парижа не поступят известия по вопросу о проходе. В тот же день, 17 августа, Шуленбург еще раз позвонил в НКИД. Пока Ворошилов общался с французами и англичанами, Молотов разговаривал с Шуленбургом, который сказал, что советские предложения, обсуждавшиеся на их предыдущей встрече, приемлемы для правительства Германии. Шуленбург попросил разъяснить советскую позицию по странам Прибалтики; Молотов уклонился от прямого ответа, заявив, что этот вопрос должен решаться обоими правительствами. Шуленбург повторил, что правительство Германии торопится, оно не намерено «терпеть польских провокаций». Это означало, что будет война. Шуленбург попросил согласия советской стороны на встречу с Риббентропом либо на этой, либо на следующей неделе, ему был нужен быстрый ответ. Молотов вручил Шуленбургу меморандум, в котором предлагалось заключить пакт о ненападении или подтвердить Берлинский договор о нейтралитете 1926 года с протоколом, определяющим внешнеполитические интересы СССР и Германии. Товарищ Сталин уже проинформирован, сообщил Молотов, и согласился с этими предложениями. Конечно, ведь Сталина всегда обо всем информировали. Прежде чем начать политические переговоры, сказал Молотов, необходимо заключить торговое соглашение. «Это будет первым шагом, который надо сделать на пути улучшения взаимоотношений». Говоря о визите Риббентропа, Молотов высоко оценил готовность немецкого правительства направить в Москву высокопоставленного чиновника, в отличие от британского правительства, которое в июне отправило на переговоры только Стрэнга. До прибытия Риббентропа, добавил Молотов, нужно сделать необходимые приготовления; нам не нужна преждевременная бурная реакция со стороны общественности. Отчет Шуленбурга о встрече совпадал с отчетом Молотова; в нем указывалось, что советская политика в отношении Германии проделала за две недели большой путь, в то время как из Парижа и Лондона по-прежнему ждали ответа по вопросу о правах на проход[1]. Неожиданная пощечина миссии Стрэнга со стороны Молотова красноречиво говорила о том, какой взгляд на ситуацию сложился у советской стороны. Но оставалось ли еще время у Дракса и Думенка?

Это был вопрос, который задавали себе многие. «8 августа турецкий Кабинет министров одобрил заключение пакта о взаимопомощи с СССР»[2].

---

[1] Запись беседы В. М. Молотова с Ф. В. Шуленбургом. 17 августа 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 609–612; Schulenburg to German foreign ministry. 18 Aug. 1939 // DGFP, series D. Vol. VII. P. 114–116.

[2] А. В. Терентьев — в НКИД. 10 августа 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 298. Д. 2059. Л. 164–165. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL:

В принципе, это решение должно было укрепить советскую позицию для заключения союза с Францией и Англией. Посол Турции в Москве Али Хайдар Актай 17 августа встретился с Молотовым, чтобы передать, что президент Турции Исмет Инёню надеется на скорое заключение соглашения с Францией и Великобританией. Оно необходимо для сохранения мира и отвечает общим интересам Турции и Советского Союза. «Переговоры затянулись, — ответил Молотов, — но не по нашей вине. Мы делали и делаем все необходимое, но не все в этом отношении зависит от нас»[1]. Возможно, у Дракса и Думенка все-таки оставалось немного времени. Но если и так, это были часы, а не дни.

К субботе 19 августа английская и французская военные миссии находились в Москве уже восемь дней, но ответа из Парижа и Лондона на «кардинальный вопрос» Ворошилова по-прежнему не было. В тот же день Шуленбург снова отправился к Молотову. Посол просил извинить его за настойчивость и за беспокойство в выходной день, но ситуация, сказал он, «необычная», и для достижения соглашения нужны «скорые методы», поскольку «в Берлине опасаются конфликта между Германией и Польшей». Малейший инцидент может спровоцировать военные действия. Шуленбург всегда использовал это предисловие, чтобы добиться согласия Молотова. Германии нужно знать, что будет делать Советский Союз в случае войны, сказал Шуленбург. Риббентроп торопится: по всем вопросам в целом уже достигнуто согласие. «Гитлер готов принять во внимание все, чего пожелает СССР... заключить всякое соглашение, которого бы желало Советское правительство». Весьма нетипично для него... Посол настаивал на скорейшем согласии на поездку Риббентропа в Москву. Согласно записи беседы, сделанной советской стороной, Молотов сказал, что сообщит о визите Шуленбурга правительству, то есть Сталину. Он положительно отозвался о возможности визита министра иностранных дел Германии, но сказал, что до его приезда нужно «более или менее» определиться по соглашению. К тому же, отметил он, пока не завершены торговые переговоры. Посол Германии был раздосадован такой неторопливостью и обилием нерешенных вопросов; он настаивал на немедленном согласовании даты прибытия Риббентропа в Москву. Молотов немного поиграл с Шуленбургом, невинно спросив, связан ли такой ажиотаж с германо-польскими отношениями. Шуленбург ответил утвердительно, напомнив Молотову, что немецкое правительство желает принять во внимание советские интересы

---

https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу и др.

[1] Запись беседы В. М. Молотова с послом Турции в СССР А. Х. Актаем. 17 августа 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 612–613.

«до взрыва конфликта». Игра продолжилась еще немного — Молотов медлил, Шуленбург почти отчаянно пытался на него давить. К концу дня игра завершилась: Молотов снова вызвал посла, вручил ему проект пакта о ненападении и сообщил, что Риббентроп может приехать в Москву 26–27 августа. «Молотов не объяснил причин своего внезапного изменения мнения, сообщал Шуленбург, но «я предполагаю, что вмешался Сталин»[1]. Готовность Турции заключить пакт с Москвой была недостаточной, чтобы предотвратить катастрофу для Франции и Великобритании. Если это так и было, то возможно ли, что Молотов при этом по-прежнему не отказывался и от союза с французами и англичанами? Не исключено.

Пока Молотов беседовал с Шуленбургом в Москве, в Берлине советские представители приостановили подписание торгового соглашения. Шнурре заявил, что задержка не имеет ничего общего с самим соглашением. «Причины, выдвигаемые русскими, явно не более чем предлог. Очевидно, что они получили из Москвы указание отложить заключение договора по политическим мотивам». 20 августа Гитлер, стремясь уладить дело с СССР и выступить против Польши, направил Сталину телеграмму, настаивая на более ранней встрече. На следующий день Сталин дал согласие[2]. 21 августа ТАСС объявило о подписании советско-германского торгового соглашения, а 22 августа — о том, что завтра в Москве ожидают приезда Риббентропа для заключения пакта о ненападении[3]. Игра была окончена.

Фарс и трагедия

21 августа состоялось последнее и самое продолжительное заседание военных миссий. Должно быть, это был трудный день: встреча продолжалась почти 5 с половиной часов, включая перерывы. Тяжело читать протокол этого заседания, в котором сплелись фарс и трагедия. Сначала Дракс объявил, что получил, наконец, письменные «полномочия»: они прибыли авиапочтой. Это было фарсовое начало; за ним последовал трагический

---

[1] Запись беседы В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. В. Шуленбургом. 19 августа 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 615–617; Schulenburg to German foreign ministry. 20 Aug. 1939 // / DGFP, series D. Vol. VII. P. 149–151. Сравн. *Roberts G.* The Soviet Union and the Origins of the Second World War... P. 90.

[2] *Сиполс В. Я.* За несколько месяцев до 23 августа 1939 года // Международная жизнь. 1989. №. 5. С. 124–136; Schnurre's note. 19 Aug. 1939 // DGFP, series D. Vol. VII. P. 132–133. Сравни: *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер. Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939... С. 249–265.

[3] Г. А. Астахов — в НКИД. 19 августа 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 619–620; Сообщение о советско-германских отношениях, опубликованное в газете «Известия». 22 августа 1939 г. // Там же. С. 626.

финал. Ворошилов заявил, что не видит смысла в дальнейших заседаниях Комитета «на более продолжительный период времени, в надежде, что за этот период будут выяснены все те вопросы, которые одинаково всех нас интересуют». Имелся в виду вопрос о праве на проход. Кроме того, членами советской миссии были наркомы и старшие офицеры Генштаба, и у них были другие обязанности, к которым пора было вернуться. Это был вежливый отказ. Дракс и Думенк выразили протест, попросив Ворошилова более точно указать срок, на который приостанавливаются совещания миссий. Ворошилов ответил, что не в состоянии сказать точно. Судя по протоколу, он говорил это искренне и с некоторым сожалением. Если из Парижа и Лондона поступят положительные ответы, заседания могут возобновиться. Если же ответы будут отрицательными, то он, Ворошилов, вообще не видит смысла продолжать. Эти вопросы, сказал он, являются для нас «решающими, кардинальными». Выступив от имени обеих миссий, Дракс призвал к продолжению встреч, утверждая, что ответы на вопросы Ворошилова могут поступить в любой момент. После заявления о приостановке заседаний Ворошилов извинился за отсутствие наркома Кузнецова, который в этот момент был занят другими делами. Это был еще один признак того, что переговоры подошли к концу.

Затем Ворошилов официально изложил позицию СССР, освежив в памяти присутствующих ход летних политических переговоров. «Намерением Советской военной миссии было и остается — договориться с английской и французской военными миссиями о практической организации военного сотрудничества вооруженных сил трех договаривающихся стран. Советская миссия считает, что СССР, не имеющий общей границы с Германией, может оказать помощь Франции, Англии, Польше и Румынии лишь при условии пропуска его войск через польскую и румынскую территории, ибо не существует других путей для того, чтобы войти в соприкосновение с войсками агрессора.

В качестве примера аналогичной ситуации Ворошилов привел присутствие американских и британских войск на территории Франции во время Первой мировой войны, поскольку это было единственным способом атаковать противника на земле. «Это — военная аксиома» и «твердое убеждение» советской военной миссии. «К нашему удивлению», продолжал Ворошилов, английская и французская миссии «не согласны» с советской точкой зрения. Более того, ими было получено *указание* не соглашаться; Ворошилов не мог этого знать наверняка, но, вероятно, он об этом догадывался. Советская миссия, продолжал Ворошилов, «не представляет себе», как правительства и Генеральные штабы Англии и Франции могли направить свои миссии в Москву без «точных и положительных указаний по такому элементарному вопросу, как пропуск и действия советских во-

оруженных сил против войск агрессора на территории Польши и Румынии, с которыми Англия и Франция имеют соответствующие политические и военные отношения».

Затем Ворошилов, отбросив условности, сказал следующее: «Если, однако, этот аксиоматический вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР». Ворошилов также не преминул бросить в лицо своим иностранным коллегам обвинение, возложив ответственность за затягивание и прерывание военных переговоров «на французскую и английскую сторону». Это было абсолютно верное утверждение. Ситуация получалась довольно странная: Ворошилов по-прежнему говорил об «агрессоре», которым могла быть только нацистская Германия, а Молотов и Сталин тем временем собирались заключить с этим самым агрессором сделку.

За заявлением советской стороны последовало продолжительное совещание между Драксом и Думенком, которые знали, что выводы Ворошилова совершенно обоснованы. Что они могли сказать? Дракс пытался тянуть время, избегая при этом прямого ответа на вполне уместные замечания Ворошилова. Тем не менее он добился от Ворошилова признания, что заседания смогут продолжиться, если Париж и Лондон дадут положительные ответы на «решающий, кардинальный» вопрос. Произошла небольшая дискуссия по поводу заявлений в прессу. В итоге было решено их не делать. Говоря, что делегации приостанавливают свою работу, Ворошилов не использовал формулировку «на неопределенный срок»; как и в начале совещания, он сказал — «более или менее продолжительный период времени». Последняя встреча делегаций завершилась заявлением Дракса о том, что он был бы «удивлен», если бы ответ на обсуждаемые «политические вопросы» не пришел до 27 августа[1]. К тому времени, конечно, было бы уже слишком поздно, но нужно отметить, что четкие ответы из Парижа и Лондона так и не были получены Москвой. Сталин и его соратники не были наивны. Советское правительство хорошо представляло себе, какой была реакция Польши на демарши Англии и Франции. Советский полпред в Варшаве сообщал, что польская пресса полна насмешливых комментариев по поводу возможностей сотрудничества с Советским Союзом[2].

---

[1] Запись восьмого заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции в ходе англо-франко-советских военных переговоров в Москве. 21 августа 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 120. Л. 135–141. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] Н. И. Шаронов, полномочный представитель СССР в Польше — в НКИД. 19 августа 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 619.

Вечером 22 августа Думенк встретился с Ворошиловым наедине, чтобы в последний раз попытаться спасти ситуацию. Он сказал, что французское правительство уполномочило его подписать военную конвенцию, включающую положение о проходе Красной армии через Польшу (Виленский коридор) и, в случае необходимости, через Галицию и Румынию. На самом деле телеграмма из Парижа давала Думенку полномочия подписать, с согласия Наггьяра, любое соглашение, которого только удалось бы добиться, при условии последующего его одобрения правительством, но в ней ничего не говорилось о проходе Красной армии через Польшу[1]. Вопрос о проходе все еще был на обсуждении.

«Это сообщение от французского правительства?» — спросил Ворошилов. Думенк ответил утвердительно.

«А как английское правительство?» — продолжил Ворошилов.

«Я не знаю», — ответил Думенк.

«Стало быть, английская делегация уведомлена об этом сообщении?» — допытывался Ворошилов.

«Да, я сказал адмиралу, что ответ правительства Франции получен, — ответил Думенк. — И я почти уверен в том, что такой же ответ должен быть и от английского правительства. Но так как я являюсь ответственным за военные вопросы, а адмирал Дракс больше за морские, этого ответа достаточно для продолжения работ конференции». В словах Думенка на этот раз слышался просительный тон. «Почти уверен»? Французский ответ «достаточно»? А главной целью, значит, было «продолжение работы конференции», а не подтвердить право прохода Красной армии? У Ворошилова были причины сомневаться в сказанном, и он заявил, что без ответа британского правительства возобновить заседания комитета будет «трудно». Думенк ответил, что, по его мнению, ответ от британского правительства будет получен «очень скоро». На самом деле ответ так и не пришел.

Ворошилов сменил тему. Он спросил, как обстоит дело с правительствами Польши и Румынии (этого вопроса Думенк ранее старался избегать). Были ли они проинформированы о демарше Франции или он был сделан без ведома Польши и Румынии? Ворошилов был неглуп и видел каждый промах и каждую уловку французов и англичан. Он понимал, что едва ли стоит идти на риск быть ввязанными в войну, имея таких ненадежных союзников. Думенк был вынужден признать, что не знает, какие переговоры велись с Варшавой и Бухарестом. Его работа, по его словам, состояла в том, чтобы заключить военную конвенцию с советским правительством. Думенк поинтересовался, придерживается ли такой же позиции маршал Ворошилов, ведь «время идет».

---

[1] Colson to Palasse. No. 2461 2/EMA-SAE. 21 Aug. 1939 // SHAT 7N 3186.

«Время идет, — согласился Ворошилов, — это бесспорно, но не наша вина, это представители Франции и Англии так долго тянули с этими вопросами». Опять же, это было очевидно правильное утверждение. Думенк согласился, «возможно, что вначале мы имели затруднения, которые были естественными и от нас не зависели». Затем Думенк еще раз заявил, что готов вернуться к работе совещания для заключения соглашения.

Похоже, Ворошилов питал некоторое уважение к Думенку, понимая, какая перед ним стоит дилемма, но это не помешало ему ответить в довольно резком тоне: «Но вот прошло 11 дней, и вся наша работа за это время сводилась к топтанию на месте». Не в этом ли заключалось главное указание Галифакса Драксу: затянуть переговоры и тем самым «топтаться на месте»? Ворошилов повторил, что пока не будут даны ответы на его главные вопросы, возможности возобновления переговоров нет. Он добавил, что не сомневается в получении Думенком новых инструкций из Парижа, но как насчет Польши, Румынии и Англии? Их мнение по-прежнему было неизвестно. «Поэтому наша дальнейшая работа может свестись к одним разговорам, которые в политике могут принести только вред». Ворошилов говорил на удивление откровенно. «Я убежден, — продолжал он, — что поляки сами захотели бы участвовать в наших переговорах, если бы они дали согласие на пропуск советских войск. Поляки непременно потребовали бы своего участия, их Генеральный штаб не пожелал бы остаться в стороне от вопросов, которые обсуждаются и которые так близко их касаются».

«Это возможно», — признал Думенк.

«Подождем, пока все станет ясным».

«Я с удовольствием могу подождать, но я не хотел бы ждать без оснований. Я откровенен с маршалом, — сказал Думенк. — Вместе с тем уже объявлено о том, что кто-то должен приехать, и мне эти визиты не доставляют удовольствия».

«Это верно. Но виноваты в этом французская и английская сторона. Вопрос о военном сотрудничестве с французами у нас стоит уже в течение ряда лет, — ответил Ворошилов, — но так и не получил своего разрешения. В прошлом году, когда Чехословакия гибла, мы ожидали сигнала от Франции, наши войска были наготове, но так и не дождались». Думенк ответил, что Франция тоже была готова, но это прозвучало не очень убедительно. «В чем же тогда дело? — спросил Ворошилов. — У нас не только войска были готовы, но и правительство, вся страна, весь народ — все хотели оказать помощь Чехословакии, выполнить свои договорные обязательства». Разговор опять свелся к тому, что было сказано уже много раз. Ворошилов не хотел продолжать переговоры, хотя и оставил для них приоткрытой дверь, точнее, узкую щель — возможно, из вежливости или просто потому, что советское правительство предпочитало всегда оставлять запасные вари-

анты[1]. Этот разговор производит впечатление, что Ворошилов, возможно, жалел, что события приняли такой оборот, но за долгие годы, в течение которых Англия и Франция проявляли недобросовестность в отношении СССР, последние источники терпения советской стороны иссякли. Ворошилов заявил, что Франция и Англия сами навлекли на себя такой исход, и с ним невозможно не согласиться. Сталин, по словам одного из его недавних биографов, был «живым человеком», и его соратники тоже были живыми людьми[2]. Злоупотреблять доверием людей можно очень долго, но не бесконечно.

В тот же вечер, после беседы Думенка с Ворошиловым, Сидс нанес визит Молотову. Встреча получилась бурной. Молотов гневно отверг обвинения Сидса в недобросовестности. Он сказал, что не позволит британцам «выносить суждения по поводу советского правительства».

«Вы должны были нас предупредить», — без обиняков приступил к обвинениям Сидс.

«Английское правительство никогда не сообщало нам об изменениях в своей политике», — ответил Молотов.

«Это другое дело», — парировал Сидс.

Британское правительство отнеслось к переговорам несерьезно, сказал Молотов. «Верхом неискренности было то, что военные миссии прибыли в Москву с пустыми руками» и не желали решать вопрос о проходе Красной армии через Польшу и Румынию. Вы просто «играли с нами», обвинял Молотов. В итоге советское правительство решило (как предположил Сидс, это случилось «либо вчера, либо позавчера») принять немецкие предложения.

Сидс отрицал, что британская миссия прибыла «с пустыми руками», хотя именно это выражение использовал и Думенк, когда обсуждал полученные им инструкции с Леже в Париже. Молотов отмахнулся от объяснений Сидса, заявив, что вопрос о проходе поднимался «несколько раз в прошлом» и что французы так и не соизволили «дать четкий ответ»[3]. Как замечает Наггьяр, даже в 1935 году, когда Советский Союз предлагал определенные договорные обязательства, «мы отреагировали на них расплывчатыми формулировками»[4]. В предыдущих главах читатели сами имели возможность убедиться, что ни Ворошилов, ни Молотов не преувеличи-

---

[1] Запись беседы наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова с главой французской военной миссии Ж. Думенком. 22 августа 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 120. Л. 148–154. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

[2] *Kotkin St.* Stalin... P. 1.

[3] Seeds. No. 211. 22 Aug. 1939, C11740/3356/18 // TNA FO 371 23073.

[4] Naggiar's minute on his cable reporting Seeds's meeting with Molotov. Nos. 941–943. 23 Aug. 1939; Naggiar. No. 944. 23 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/10.

Вячеслав Михайлович Молотов подписывает пакт о ненападении с Германией. Стоят Иосиф Виссарионович Сталин и Иоахим фон Риббентроп

вали незаинтересованность или недобросовестность Англии и Франции относительно заключения соглашений о взаимопомощи с СССР. Отношение англичан и французов к Советскому Союзу неизбежно должно были повлечь за собой последствия, которые в то время были очевидны даже карикатуристу Дэвиду Лоу. Пришло время платить по счетам.

23 августа в Москву прибыл Риббентроп в сопровождении своего ближайшего окружения. Рано утром следующего дня Риббентроп и Молотов подписали Договор о ненападении. Пакт включал в себя секретный протокол, условия которого сегодня хорошо известны. Кратко их можно резюмировать следующим образом: «В случае территориально-политического переустройства областей» Финляндия, Эстония, Латвия, Бессарабия и Польша к востоку от рек Нарев, Висла и Сан попадают в советскую «сферу интересов». Литва и остальная часть Польши отходят Германии. «Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития». Обе стороны обязались хранить протокол «в строгом секрете»[1].

[1] Германо-советский договор и секретный протокол, подписанный В. М. Молотовым и И. Риббентропом. 23 августа 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 630–632.

Риббентроп хотел добавить несколько красивых фраз о советско- германской дружбе, но Сталин отказался: мы годами выливали друг на друга «ведра с дерьмом»; пройдет время, прежде чем советское общественное мнение привыкнет к этой идее. За официальной частью последовал банкет: участники встречи один за другим поднимали стаканы с водкой и отпускали шутки, а фотографы спешили запечатлеть это событие. «Мне пришлось произнести тост за Гитлера, — вспоминал Молотов. — Такова дипломатия»[1].

В тот момент, когда члены немецкой и советской делегаций поднимали тосты за подписанное соглашение, британская и французская военные миссии все еще находились в Москве. Можно представить, как тяжело им было слышать эту новость. 25-го числа Дракс и Думенк в последний раз побывали у Ворошилова. Они спросили, считает ли он возможным продолжение переговоров. «К сожалению, — ответил Ворошилов, — политическая ситуация настолько изменилась, что сейчас наши переговоры теряют всякий смысл». Уже уходя, Ворошилов сказал: «В тот момент, когда мы разговаривали относительно организации единого фронта против агрессии в Европе, польская пресса и отдельные политические деятели особенно энергично и непрерывно заявляли о том, что они не нуждаются ни в какой помощи со стороны СССР. Румыния хоть молчала, но Польша вела себя весьма странно: она кричала на весь мир, что советских войск не пропустит через свою территорию, не считает нужным иметь дела с Советским Союзом и т. д. При этих условиях рассчитывать на успех наших переговоров, разумеется, было невозможно».

Дракс и Думенк в ответ выразили надежду, что в будущем обстоятельства станут более благоприятными для следующей встречи. «Мы желаем того же», — ответил Ворошилов[2]. В конечном итоге обстоятельства действительно стали более благоприятными в 1941 году, когда под шквальным огнем нацистских орудий сложился «великий альянс». Без Франции, конечно, и без генерала Думенка: вермахт разгромил французскую армию еще в мае 1940 года.

---

[1] *Read A., Fisher D.* The Deadly Embrace: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact, 1939–1941. New York: W.W. Norton, 1988. P. 252–259; Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics, Conversations with Felix Chuev / A. Resis, ed. Chicago: Ivan R. Dee, 1993. P. 12.

[2] Запись бесед К. Е. Ворошилова и начальника Генштаба РККА Б. М. Шапошникова с главами военных миссий Великобритании и Франции, адмиралом Р. Драксом и генералом Ж. Думенком на приеме по случаю окончания переговоров. 25 августа 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 120. Л. 158–159. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147.

Предоставим «товарищу Барометру» подвести итоги. В начале сентября ему нанес визит Пайяр. Он порой выражал свои чувства достаточно открыто, вот и в этот раз открыто выразил сожаление относительно подписания пакта о ненападении. «Сам он, будто бы, всегда был и сейчас остаётся, — сказал Пайяр, — сторонником франко-советского сотрудничества. Поэтому он с огорчением констатирует утрату “одной из своих иллюзий”». На эти причитания Потёмкин ответил резкой отповедью. «Я ответил на эти ламентации, — писал он в своем дневнике, — что сами правительства Франции и Англии должны принять на себя ответственность за неудачу попытки советско-англо-французского политического соглашения»[1]. Наггьяр, один из самых резких критиков французского правительства, назвал пакт о ненападении прямым следствием Мюнхенских соглашений — мол, как аукнется, так и откликнется: «*Après Munich, c’est la réponse du berger à la bergère* [После Мюнхена это последнее слово в споре]»[2].

---

[1] О встрече с временным поверенным в делах Франции Ж. Пайяром. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 2 сентября 1939 г. // АВПРФ. Ф. 011. Оп. 4. П. 24. Д. 7. Л. 156–154.

[2] Naggiar’s marginal note on his cable nos. 965–972. 25 Aug. 1939 // MAE Papiers Naggiar/10.

ЭПИЛОГ:
НЕИЗБЕЖНЫЙ И ТРАГИЧЕСКИЙ КОНЕЦ ИДЕИ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

За две августовские недели в советской политике произошел ошеломляющий — хотя и не совсем неожиданный — разворот. Две страны, которые на протяжении всех 1930-х годов были заклятыми врагами, урегулировали свои разногласия. По крайней мере, так казалось. Это событие потрясло международную общественность; ей потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить произошедшее. «Все изменилось в одночасье, — писал американский журналист Уильям Ширер из Берлина. — Теперь уже не будет никакой протяженной линии [немецкого] фронта против России»[1]. Лондон и особенно Париж были охвачены тревогой и гневом. Но почему? Ведь пакт о ненападении стал вполне логичным результатом политики Великобритании и Франции! Перефразируя язвительное высказывание Алена Дж. Тейлора, можно сказать, что беспринципные люди часто жалуются, когда их обманывают другие, столь же беспринципные[2]. Иными словами, как, вероятно, подумал Сталин, честная игра не запрещает разворот.

В Варшаве заявили, что это был «удар в спину», хотя из уст поляков это звучало как явное преувеличение. Всего полторы недели назад эти же поляки насмехались над «русским Иваном». «Россия не в счет», — заявляли они, по словам Ширера, который в то время находился в Варшаве[3]. Ворошилову и его соратникам это было известно даже слишком хорошо. Мнение, что «Россия не в счет», будь то высказанное вслух или невысказанное, слишком долго принималось в Лондоне и Париже за аксиому. Да, были и «белые вороны», которые думали иначе (в Великобритании это была парламентская оппозиция), но им было не под силу склонить правительство на свою сторону.

---

[1] *Shirer W. L.* Berlin Diary... (entries of 23–24 Aug. 1939). P. 180–183.

[2] *Taylor A. J. P.* The Origins... P. 319.

[3] *Shirer W. L.* Berlin Diary... (entry of 20 Aug. 1939). P. 177.

Для политических карикатуристов это событие стало настоящим подарком. Гитлер и Сталин на их рисунках становились то собутыльниками, поднимающими тост в пивной, то приятелями-толстяками, которые, держа друг друга под руку, смеются над «прелестным кусочком Польши», словно это аппетитный кусок колбасы. Сами поляки позволяли себе шутить еще более жестоко: на одной из карикатур Гитлер и Сталин были изображены в виде головорезов, стоящих над польскими могилами. Дэвид Лоу, никогда не упускавший возможности прокомментировать ситуацию, изобразил, как эти двое, стоя над трупом Польши, приветствуют друг друга, приподняв шляпы. Похожую карикатуру опубликовал и британский журнал «Панч». Лоу еще через несколько недель представил парочку заговорщиками, которые с довольным видом гуляют по Восточной Европе рука об руку, пряча друг от друга за спиной пистолеты. Пистолеты на случай вероломного предательства — этот элемент в карикатурах на Сталина и Гитлера в дальнейшем стал привычным и очень уместным элементом.

Гитлер был доволен тем, что смог разгромить Польшу, не опасаясь вмешательства Советского Союза, а Сталин был рад, что ему не пришлось вступать в конфликт с Германией имея за спиной таких сомнительных союзников, как Великобритания и Франция. В Лондоне и Париже в советских посольствах без конца звонили телефоны и встревоженные голоса один за другим вопрошали, что, черт возьми, произошло в Москве. Послы Майский и Суриц сами были плохо информированы и затруднялись ответить на этот вопрос. Тем не менее ответ был, казалось бы, очевиден. Сколько депеш было направлено за эти годы в Форин-офис и на набережную Орсе с предупреждением о том, что СССР может заключить сделку с нацистской Германией, если Великобритания и Франция оставят его в беде? Такие предупреждения обычно отвергались как маловероятные, и подобные депеши сразу отправлялись в архив; историки обнаружили их лишь спустя десятилетия.

Учитывая контекст предыдущих шести лет, можно сказать, что в заключении соглашения с герром Гитлером не было ничего предосудительного. Польша в январе 1934 года сама подписала пакт о ненападении с нацистской Германией. Великобритания в июне 1935 года заключила с Берлином военно-морское соглашение, при этом ни с кем не советуясь, и меньше всего с Францией. Последнее представляло собой двустороннюю денонсацию важных положений Версальского договора, и потому французы и итальянцы восприняли его как предательство. Литвинов был просто ошеломлен подписанием подобного соглашения. Британцы должны были по крайней мере проконсультироваться с Францией и Италией, которые вместе с ними подписывали соглашение в Версале. Во Франции политики тоже часто заводили разговор о необходимости заключения со-

глашения с Гитлером, чтобы обеспечить мир и безопасность в Европе — как минимум в Западной. Даладье, долгое время возглавлявшего Военное ведомство, считали «германофилом», который при первой возможности заключил бы сделку с Гитлером. Наиболее неоднозначное положение занимала Восточная Европа, и это очень беспокоило Литвинова и «четверку» — Сталина, Молотова, Ворошилова и Кагановича. Но и малые страны Центральной и Восточной Европы в итоге стали стремиться к заключению договоров с Берлином, и едва ли их можно за это упрекнуть. Желательность такой тактики стала очевидна после того, как правительства Великобритании и Франции не предприняли ничего, чтобы прогнать войска вермахта из Рейнской области в марте 1936 года. Югославия, Румыния и даже Чехословакия начали подумывать о том, как бы заключить соглашение с Гитлером, чтобы обезопасить себя, не говоря уже про Польшу, которая уже вовсю стелилась перед нацистской Германией. Неправда, негодующе воскликнули бы поляки; тем не менее такого мнения придерживались почти повсеместно. Отрицать это было невозможно. На Францию и Великобританию рассчитывать было нельзя, хотя французское и британское правительства, похоже, так и не поняли, насколько низко упали их «рейтинги» в Европе. А СССР, конечно, пытался проводить идею взаимопомощи против нацистского экспансионизма, но для Восточной Европы союз с Москвой был немыслим без партнерства Великобритании и Франции. Франция была готова предпринимать решительные шаги, только если такие шаги предпримет Великобритания, однако этого так и не произошло... разве что были сделаны шаги в неправильном направлении.

Кульминационным моментом стали Мюнхенские соглашения — «сделка» с Берлином, смысл которой был в приобретении мира на Западе ценой сначала Чехословакии, а в дальнейшем бог знает чего еще. Чемберлена, для которого отданные территории не стоили «ломаного гроша», этот расклад вполне устраивал. Что же касается Даладье, он просто молча проглотил Мюнхенские соглашения, слегка смущенный тем, что пришлось безвольно бросить на произвол судьбы союзника, с которым его страна была связана формальным договором о взаимопомощи. Было что-то неприличное в том, чтобы обеспечить себе удобное существование (по крайней мере, так это на тот момент представлялось) за счет другой страны, чье удобство при этом было принесено в жертву. Журналисты из газеты «Манчестер гардиан» совершенно правильно отметили: смысл Мюнхенских соглашений заключался в том, чтобы продать своих союзников, дабы подкупить врагов. Так что едва ли кому-то следовало удивляться, когда СССР сделал нечто подобное в августе 1939 года — после того, как французские и британские военные делегации, прибыв в Москву, в очередной раз продемонстрировали, что Франция и Великобрита-

ния несерьезно относятся к военному союзу против нацистской Германии. Можно было бы сказать, что нечестно мерить всех разными мерками — и некоторые в то время так и говорили, например, посол Наггьяр. В отличие от ситуации с Чехословакией, которой Франция была обязана оказывать поддержку по договорным обязательствам, в данном случае Советский Союз ничего не был должен Польше. Он стремился к улучшению отношений с Варшавой с 1932 года, но не смог этого добиться, несмотря на все усилия со своей стороны. Война была серьезным делом, за которое нельзя было браться без основательной подготовки, и уж точно не следовало браться вместе с государствами, полностью отказавшимися от советской поддержки или только притворявшимися, что им она нужна, под давлением общественного мнения внутри страны.

На самом деле СССР был единственной европейской державой, последовательно выступавшей за систему взаимопомощи в случае германской агрессии. Сталин и Литвинов спустили на воду свою спасательную шлюпку под названием «Коллективная безопасность» еще в декабре 1933 года. Сев в эту шлюпку, они пытались зазывать в нее и остальных. Некоторый интерес к советским предложениям проявил Франклин Д. Рузвельт, однако Госдепартамент отверг эту идею. Некоторое время казалось, что согласится Франция. Жозеф Поль-Бонкур даже выступил с инициативой по заключению пакта о взаимопомощи, но у его предложения не осталось никаких шансов на успех под шквалом обрушившихся на него ударов, нанесенных Лавалем, Даладье, чиновниками МИД и генералами из Верховного командования с одобрения англичан, которым была ненавистна мысль о сближении между Францией и СССР. Еще одним человеком, который хотел попасть в лодку, был министр иностранных дел Румынии Титулеску, но шансов не было и у него. Осмелившись вернуться домой, он не нашел в Бухаресте ни одного единомышленника. Румыния не вступила бы в военные действия без Франции, а Франция не сделала бы этого без Великобритании. Тут все было предельно просто. Ключом к коллективной безопасности была Великобритания, но она вообще отказывалась вступать в военные действия. Да и как она могла это сделать, учитывая ее готовность предоставить Франции лишь две жалкие пехотные дивизии и нескрываемое желание помириться с гитлеровской Германией? Чехословакию вообще оставили на произвол судьбы. Польша саботировала коллективную безопасность и с самого начала выступала против любого союза, включающего в себя СССР.

Ситуация еще больше усугублялась поляризацией европейской политики: наиболее очевидным проявлением этого процесса стали беспорядки на площади Согласия во Франции в феврале 1934 года, а после начала Гражданской войны в Испании он и вовсе стал необратимым. Коллективная

безопасность могла работать только в случае создания «священного союза» всех партий, от левых до правоцентристов, например, во Франции — от Пери до Манделя. У нее не было шансов, пока она оставалась политикой левых сил или Народного фронта. Но неужели все усилия СССР были напрасны? Советский Союз не мог сделать для взаимопомощи против нацистской Германии больше, чем уже было сделано, и в августе 1939 года наконец был вынужден признать, что в одиночку больше ничего сделать не может. И вот тогда Сталин отказался от коллективной безопасности — раз больше она никому по большому счету была не нужна — и заключил соглашение с нацистской Германией.

Критики говорят, что советское правительство никогда не относилось к идее создания антинацистской коалиции серьезно. Сталин просто пытался обманом заставить Францию и Великобританию вступить в войну, в то время как Красная армия оставалась бы в стороне. Дождавшись подходящего момента, она бы вмешалась, когда воюющие стороны будут обескровлены, чтобы распространить идею коммунистической революции по всей Европе. Чемберлен был убежден в этом до самого конца, как и многие чиновники Форин-офиса. Подобные утверждения, целью которых было оправдать англо-французскую политику умиротворения, являлись, по сути, проецированием собственных мыслей на других — ведь все то же самое можно было, хотя и с некоторыми поправками, сказать о самих Великобритании и Франции. Оснований для подобных выводов относительно СССР было мало или не было вовсе, если не считать идеологических различий между странами. Более того, советские архивные документы не оставляют сомнений в том, что Сталин поддерживал коллективную безопасность, даже несмотря на многочисленные препятствия. Что же до наркома Литвинова, его вообще не было в Москве, когда в ноябре — начале декабря 1933 года произошел кардинальный сдвиг в политике СССР.

Некоторые современники полагали, что советская политика коллективной безопасности во многом была личной политикой Литвинова, в то время как Сталин и его тройка ближайших соратников предпочитали вернуться к политике Рапалльского договора. Даже если это правда (а существует очень мало архивных документов, которые бы подтверждали это утверждение, что бы ни писали Сергей Зиновьевич Случ или Сабин Дюллен), это было не более чем отзеркаливанием политики Франции и Великобритании. Стрэнг писал об этом в октябре 1938 года, и это было не только его личное мнение. Советская политика заключалась в том, чтобы поддерживать определенный минимум в связях с Берлином, не допуская разрыва дипломатических отношений и, как следствие, избегая опасности изоляции в Европе и тем самым напоминая Франции и Великобритании, что они не единственные, кто может играть в игры с герром Гитлером.

На самом деле Литвинов всегда предварительно запрашивал у Сталина подтверждения не только по любой крупной инициативе в политической сфере, но и по многим менее значимым делам. Нам это известно из его многочисленных писем и информационных записок, направленных Сталину за много лет, начиная с середины 1920-х годов. Отношения между Сталиным и Литвиновым были более или менее нормальными для отношений между главой государства и его главой внешней политики. В течение долгого времени Сталин не особо интересовался внешней политикой и, например, позволил Литвинову «убедить его» в целесообразности коллективной безопасности[1]. Можно сказать, что для их многолетних довольно непростых отношений, начавшихся еще в 1923 году, всегда был характерен разумный диалог со взаимными уступками, наглядным свидетельством чего может служить их спор по поводу франко-советского пакта и советской политики во время Гражданской войны в Испании. Что было *не нормально*, так это репрессии, жертвами которых стало так много преданных режиму сотрудников НКИД. Для Литвинова было вполне естественно опасаться за свою безопасность, в чем он и признался как-то раз в беседе с послом Наггьяром зимой 1939 года. Тем не менее Литвинов продолжал выполнять функции наркома до мая 1939-го. Вероятно, причиной его увольнения стала недобросовестность Франции и Великобритании, а также его собственное разочарование невозможностью добиться трехстороннего союза против Гитлера[2].

Историки иногда задаются вопросом, мог ли Литвинов в 1939 году, пока он все еще работал со Сталиным, все же добиться создания великого альянса. Конечно, это всего лишь альтернативная история, и нам не дано знать наверняка ответ на этот вопрос. Большинству западных историков нравится помещать весенне-летние переговоры о создании альянса в ограниченный контекст пяти месяцев 1939 года. Но реальный контекст — это почти шесть лет, начиная с декабря 1933 года. В течение всего этого времени Советский Союз неоднократно предлагал взаимопомощь Франции, Великобритании и даже Польше, и раз за разом получал отказ. Вполне понятно, почему Сталин и «тройка» в итоге перестали верить в ценность каких бы то ни было англо-французских обязательств по взаимопомощи против нацистской Германии. Какой еще вывод они могли сделать из Мюнхенских соглашений? Литвинов и посол Майский не раз пытались объяснить своим собеседникам катастрофические последствия такой политики для авторитета Великобритании. В награду за все свои старания они получали только насмешки. Французы и британцы недооценивали

[1] *Haslam J.* Spectre of War... P. 270.

[2] Сравни: *Haslam J.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. New York: St. Martin's Press, 1984. P. 213–215.

Литвинова и не проявляли к нему элементарного уважения. Сталин это видел. Даже сегодня кажется просто возмутительным, что совершенно четко сформулированные идеи советской стороны так и не дошли до адресатов. Хорошим примером того, на каком этапе эта информация стопорилась, является поведение послов западных держав в Москве — британца сэра Эдмунда Ови и американца Уильяма К. Буллита. Маловероятно, что что-то пошло бы иначе, если бы Литвинов все еще находился на своем посту в августе, когда в Москву прибыли британская и французская военные делегации — «с пустыми руками», как позже заметил генерал Думенк.

Могло ли получиться так, что Сталин выдержал бы паузу и дождался бы, пока французы и англичане, наконец осознав опасность положения, сами бросятся договариваться с СССР? Если только в сказке. Но даже если бы мы оказались в такой сказке, где адмирал Дракс и генерал Думенк все же подписали бы в Москве какую-нибудь бумагу, вероятно ли, что она вызвала бы должное уважение в Лондоне и Париже? А Польша? Вспомните, что полковник де Голль писал своей матери в декабре 1936 года: у британцев нет армии, достойной так называться, а поляки, по сути, ведут себя, как шуты, которые только и знают, что над всеми потешаться. В 1939 году у Великобритании по-прежнему не было армии, достойной этого названия, а Польша продолжала вести политику двойной игры. Сталин мог бы сказать то же самое, добавив, что у французов больше нет независимой внешней политики, поскольку они полностью зависят от англичан. Французская армия не собиралась идти в наступление против вермахта. Для всех, за исключением Гитлера, ситуация в Европе была безнадежной, будь то с Литвиновым или без него. Сталин не хотел, чтобы его стране пришлось в одиночку расплачиваться за так называемый «великий альянс», в котором британцы и французы не разделяли бы бремя союзнических обязанностей поровну с СССР. Именно так Сталин со своим привычным цинизмом и сказал небольшой группе товарищей через две недели после заключения пакта о ненападении: пусть, дескать, французы и британцы сражаются с немцами. «Мы предпочли бы соглашения с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели, чтобы мы стали батраками, причем бесплатно! Мы, конечно, не собирались становиться батраками, тем более, не получая за это ничего взамен»[1]. Наивно предполагать, что Литвинов мог бы убедить Сталина поступить как-то иначе. Коллонтай, давний друг Литвинова, отмечала, что это даже к лучшему, что его сняли с должности в мае 1939 года. В любом случае он к этому моменту уже почти отказался от идеи соглашения с Францией и Велико-

[1] The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949 / I. Banac (ed.). New Haven, CT: Yale University Press, 2003 (entry of 7 Sept. 1939). P. 115–116.

британией. Задолго до открытия советских архивов к аналогичному выводу пришел А. Дж. Тейлор. Можно гадать сколько угодно, писал он, но «трудно представить, по какому еще пути могла пойти Советская Россия»[1]. Конечно, гораздо приятнее представлять себе сказочный финал, но в нашем повествовании о «грязных 30-х» такому финалу было не место.

Тейлор, всегда излагающий свое мнение с безжалостной резкостью, пишет следующее: «Несомненно, было позором, что Советская Россия пошла на соглашение с главным фашистским государством; но этот упрек исходил от тех самых государственных деятелей, которые участвовали в Мюнхенской сделке и которых затем поддержало в их странах подавляющее большинство. Русские, по сути, сделали всего лишь то, что надеялись сделать сами государственные деятели западных стран, и горечь Запада была горечью разочарования, смешанного с гневом по поводу того, что заверения относительно коммунизма оказались не более искренними, чем их собственные заверения относительно демократии».

К такому же выводу, хотя и сформулированному гораздо короче, пришел в свое время и Наггьяр. Тейлор далее сравнивает пакт о ненападении с Мюнхенскими соглашениями. «Англичане и французы навязали чехам раздел». Это действительно было так, а Бенеш был не из тех, кто мог им противостоять. «Советское правительство не предпринимало подобных действий против поляков, — продолжает Тейлор. — Они [Советский Союз] просто пообещали [немцам] сохранять нейтралитет, о чем их всегда просили поляки и что также подразумевала политика Запада»[2]. Как бы британское и французское правительства ни старались обвинить Москву в провале переговоров 1939 года, именно их увиливание и отсутствие доброй воли в контексте пяти лет враждебного отношения к концепции взаимопомощи стали причиной заключения пакта о ненападении, а не изменение советской политики, приведшее к срыву переговоров. Конечно, на тот момент французы и британцы отказывались признавать, будто сами виноваты в том, что своими действиями приблизили заключение советско-германского пакта о ненападении. Более того, они не сделали этого и впоследствии, как и многие западные историки[3].

Первоначальный шок, произведенный новостью из Москвы, быстро прошел. После нескольких дней смятения британское правительство приступило к подготовке к войне, а французское взялось сводить старые счеты. В конце августа французское правительство запретило коммунистическую ежедневную газету «Юманите», а уже в следующем месяце объявило вне

---

[1] *Taylor A. J. P.* The Origins... P. 319.

[2] Ibid. P. 318

[3] Последний пример: *McMeekin S.* Stalin's War: A New History of World War II. New York: Basic Books, 2021.

закона Коммунистическую партию Франции и арестовало депутатов-коммунистов[1]. За исключением нескольких «белых ворон», вся консервативная французская элита между коллективной безопасностью против гитлеровской Германии и конфронтацией с коммунистами всегда выбирала второе. Тем не менее, сложно понять, какое отношение к сталинской политике имели французские коммунисты. Что касается Великобритании, лейбористы поначалу были настроены против Сталина очень резко, но Кабинет министров, хотя и чувствовал себя обманутым, проявлял в выражении своего мнения сдержанность. Заявив, что альянс с СССР является «не более чем ненужной роскошью», отмечает Тейлор, британское правительство, должно быть, хотело «выглядеть неустрашимым»[2]. В Форин-офисе поворот в советской политике восприняли довольно болезненно — в первую очередь Кольер, в значительной меньшей степени Ванситтарт.

Ранним утром 1 сентября почти шестьдесят немецких дивизий вторглись в Польшу. 2 сентября Чемберлен выступил в Палате общин с речью — но не об объявлении войны, а о продолжении переговоров. Разгневанные члены парламента подумали, что Чемберлен снова готов струсить — «устроить еще один Мюнхен», говорили некоторые. Эта идея уже некоторое время активно муссировалась в Лондоне; Майский сообщал об этом еще накануне[3]. Когда на трибуну поднялся один из лидеров оппозиции, кто-то из парламентариев перебил его, выкрикнув: «Защищайте интересы Англии!» В зале раздался одобрительный гул. Чемберлен был ошеломлен. Он понимал, что перед ним стоит выбор: либо готовиться к войне, либо увидеть крах своего Кабинета. Правительству Франции потребовалось три дня, чтобы набраться решимости и предъявить ультиматум Германии, и то оно сделало это неохотно, вынужденное следовать примеру британцев. Польша, осаждаемая немецкими войсками, хотела знать, где же французская армия, однако французское командование, которое столько лет подряд критиковало Советский Союз за его неспособность проводить наступательные операции, вместо масштабного наступления начало *drôle de guerre* («Странную войну») войну, тем самым позволив разгромить Польшу за две недели. Это было очень похоже на то, что предрекал адмирал Дракс в разговоре с Ворошиловым несколькими неделями ранее. Если Франция и Великобритания ничего не сделали для Польши, разве они сделали бы

---

[1] *Amouroux H.* Peuple du désastre. Paris: R. Laffont, 1976. P. 121–154.

[2] *Taylor A. J. P.* English History, 1914–1945. Oxford: Oxford University Press, 1965. P. 450.

[3] И. М. Майский — в НКИД. 31 августа 1939 г. // АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2078. Л. 11–12. Опубл.: Вторая мировая война в архивных документах... URL: https://www.prlib.ru/en/collections/1298147. Копии отправлены И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу, А. И. Микояну и др.

что-то большее для СССР? Наблюдая за катастрофой в Польше и бездействием англичан и французов, Сталин мог прийти только к одному выводу: что пакт о ненападении был правильным решением, даже если это был непривлекательный план «Б».

Польский «второй фронт» на востоке, идею которого так расхваливал в апреле Чемберлен, рухнул, не успев появиться. В то время как люфтваффе безжалостно бомбили Польшу, на Западе шла *guerre de confettis* («война конфетти»). Британцы сбрасывали бесполезные пропагандистские листовки на немногочисленные немецкие дивизии, занимавшие линию Зигфрида. Немецкие солдаты, вероятно, использовали эти листовки вместо туалетной бумаги, что было бы очень символично. В намерения Британии, конечно, не входило заботиться о гигиенических потребностях немецких солдат — просто французы и британцы не хотели провоцировать врага[1]. *Drôle de guerre*, кажется, была продолжением политики умиротворения, только под другим названием.

Между тем польские солдаты продолжали вести заведомо проигранную битву. Не их вина была в том, что Бек и пилсудчики проводили катастрофическую внешнюю политику. 5 сентября Гржибовский наконец обратился к Молотову с просьбой предоставить Польше материальную поддержку. А ведь всего неделей ранее польская пресса потешалась над «свиньей-Иваном»! Молотов по этому поводу ничего не сказал, но и от предоставления материальной помощи отказался, объяснив это тем, что СССР сохраняет нейтралитет и не желает, чтобы его втягивала в войну какая-либо из сторон[2]. Четырьмя месяцами или даже четырьмя неделями ранее Молотов мог бы дать Гржибовскому совсем другой ответ. Посол СССР в Лондоне Майский был поражен тем, как стремительно Польша потерпела крах: польская армия отступала всюду: «Похоже на то, что нынешнее польское государство гнило насквозь»[3]. Наверное, можно сказать, что из уст Майского подобные слова звучали слишком грубо. 4 сентября польское правительство покинуло Варшаву и направилось к границе с Румынией. Да, *la Pologne est foutue* [Польше конец], думал генерал Гамелен, но то, что случилось с поляками, с нами не произойдет. «Франция — не Польша!»[4] И все же оказалось, что

---

[1] *Horne A.* To Lose a Battle, France 1940. London: Papermac, 1990. P. 138–142.

[2] Запись беседы с польским послом В. Гржибовским. 5 сентября 1939 г. // СПО. Т. IV. С. 24.

[3] *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: в 2 кн. / отв. ред. А. О. Чубарьян; сост.: Л. В. Поздеева и др. М.: Наука, 2006. Кн. II. Ч. 1: 4 сентября 1939 — 21 июня 1941 г. Запись от 7 сентября 1939 г.. С. 10–11.

[4] *Alexander M. S.* The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1933–1940. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 317, 346–347.

Франции суждено было стать второй Польшей: на ее завоевание потребовалось почти столько же времени, плюс-минус несколько недель. Гамелен ошибался в расчетах; как оказалось, точно так же ошибался и Сталин. Оба рассчитывали на пат, не ожидая, что Гитлер поставит мат. Что ж, война полна неожиданностей и парадоксальных поворотов судьбы.

Посол Шуленбург потребовал от Молотова, чтобы советские войска заняли часть Восточной Польши, указанную в секретном протоколе. Поначалу Молотов был против. По его словам, время было неподходящее[1]. Ему нужно было попытаться потянуть время, ведь Красной армии были ни к чему обвинения в том, что она объединила усилия с нацистской Германией против поляков. Однако события развивались быстро, и долго медлить Молотов не мог. 17 сентября польское правительство пересекло границу Румынии и было интернировано. Румыны с готовностью приняли на своей территории формальных союзников, предвкушая «четвертый раздел» Польши. Титулеску, вероятно, по этому поводу сказал, что поляки получили по заслугам.

В 2 часа ночи 17-го числа в польском посольстве в Москве раздался звонок из НКИД, Гржибовского подняли с постели, сказав, что через час у него должна состояться встреча с Потёмкиным. Замнарком зачитал послу официальную ноту, в которой говорилось, что авторитет польского правительства рухнул и что Польша фактически больше не существует как государство. Польская армия не в состоянии удержать военные силы третьей стороны (то есть вермахта) от продвижения к советским границам. Ввиду краха польского правительства советское правительство не может оставаться безучастным к судьбе белорусов и украинцев, безопасность которых теперь оказалась под угрозой. Следовательно, с этого дня части Красной армии вынуждены выдвинуться в Западную Белоруссию и Западную Украину. Гржибовский начал протестовать. «Посол, от волнения с трудом выговаривавший слова, заявил мне, — сообщал Потёмкин, — что не может принять вручаемую ему ноту Он отвергает оценку, даваемую нотой военному и политическому положению Польши. Посол считает, что польско-германская война только начинается, и что нельзя говорить о распаде Польского государства». Завязалась болезненная дискуссия. Гржибовский отказывался принять советскую ноту; Потёмкин настаивал на том, что он должен это сделать. Если посол не пожелает принять ноту, сказал Потёмкин, ее доставят в посольство Польши и вручат под роспись. Спор по поводу ноты может показаться фарсом, но на самом деле ситуация была трагичной. Гржибовский пытался доказать, что Польша ни в коем случае не побеждена и что Англия и Франция уже оказывают реальную помощь. Ни одно

[1] Памятная записка, врученная В. М. Молотовым послу Германии в СССР Ф. В. Шуленбургу. 5 сентября 1939 г. // СПО. Т. IV. С. 23.

из этих утверждений не было правдой, и Потёмкин, без сомнения, это знал. Вступление советских войск на территорию Польши, воскликнул посол, « будет означать четвертый раздел и уничтожение Польши».

Интересно, что думал про себя Потёмкин по поводу этого трудного разговора? В своем дневнике он об этом ничего не пишет. Он, конечно, мог бы напомнить послу о беседах Литвинова с Беком или даже о собственных беседах с Гржибовским, в которых он предупреждал последнего о том, чем рискует Польша, укрепляя отношения с нацистской Германией. Потёмкин мог бы также упомянуть, что тот четвертый раздел, который теперь грозил Польше, он неоднократно предрекал во время встреч иностранных дипломатов в Москве, надеясь, что эти слова дойдут до Варшавы. Ничего этого он, конечно, не сказал. Да и какой в этом был смысл? Польша уже билась в предсмертных конвульсиях. Да и вообще, что мог сказать русский поляку? Потёмкин лишь попросил Гржибовского передать своему правительству, если тот сможет его найти, одно: советские власти надеются, что не случится вооруженных столкновений с польскими войсками, поскольку такие столкновения приведут к бессмысленным человеческим жертвам[1]. Польские военные власти отдали соответствующие приказы, однако по мере продвижения Красной армии на запад стычки все же имели место.

Информация о встрече Потёмкина с Гржибовским вскоре дошла до Сидса. По его словам, Гржибовский высокопарно заявил, что СССР вступил в союз с «врагами славянской расы». Конечно, польскому послу можно лишь посочувствовать, но ведь его правительство само стало архитектором собственного краха! Что касается Потёмкина, он «категорически отрицал» создание какого-либо союза с нацистской Германией. В своем отчете Сидс пишет об этом с явным недоверием, высмеивая слова замнаркома о том, что в глазах у него стояли слезы, когда он сообщал Гржибовскому новость[2]. Да, похоже, даже для невозмутимого «товарища Барометра» работа в тот день была не в радость.

С Польшей было покончено, и для советской стороны это был подходящий момент для укрепления своих позиций. Крах Польши не только предотвратил продвижение немецких войск к советским границам, но и дал СССР дополнительное преимущество в виде возвращения украинских и белорусских территорий, захваченных поляками во время советско-польской войны 1919–1920 годов. В передаче Би-би-си от 1 октября Черчилль, которого Чемберлен наконец-то ввел в состав своего Кабинета министров на должность 1-го лорда Адмиралтейства, с присущим ему

---

[1] О встрече с польским послом В. Гржибовским. Выдержка из дневника В. П. Потёмкина. 17 сентября 1939 г. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 143. Л. 34–37.

[2] Seeds. No. 288. 17 Sept. 1939, C13953/13953/18 // TNA FO 371 23103.

рационализмом объяснил, как он видит ситуацию. Мы, возможно, надеялись увидеть несколько иные обстоятельства — чтобы Польша и Советский Союз были союзниками, — отметил Черчилль, однако русские войска теперь стоят в Польше, чтобы предотвратить любое дальнейшее продвижение нацистов на восток. Трудно разобраться в хитросплетениях советской политики. «Россия — это загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки, — сказал Черчилль (эта фраза впоследствии стала крылатым выражением), — но, возможно, есть ключ». Этот ключ — «холодная политика» «русских национальных интересов»[1]. Конечно, советские национальные интересы не были «тайной» для тех, кто внимательно следил за тем, что Литвинов и другие советские дипломаты говорили в течение многих лет. К сожалению, их слова редко доходили до адресатов.

Сталин и Молотов были хорошо осведомлены о позиции Запада. Сталин дал ясно это понять в разговоре с министром иностранных дел Турции в Москве в начале октября, в тот же день, когда Черчилль выступал в эфире Би-би-си. Он попытался объяснить, почему Советский Союз сделал выбор в пользу пакта о ненападении. «Кто виноват, — задал риторический вопрос Сталин, — что так повернулись дела, неблагоприятные для заключения с Турцией пакта? Никто. Обстоятельства, развитие событий. Акция Польши сыграла свою роль. Англичане и французы, особенно англичане, не хотели соглашения с нами, считая, что могут обойтись и без нас. Если есть лица виноватые, то мы тоже виноваты — не предвидели всего этого»[2]. Сталин, конечно, говорил это, чтобы расположить к себе турецкую сторону, но это не значит, что его объяснения не стоит принимать всерьез. «Особенно англичане», — добавил он, и это была чистая правда.

После поражения Польши Советский Союз в течение 21 месяца формально оставался нейтральным государством — до начала операции «Барбаросса», то есть до вторжения нацистов в СССР в июне 1941 года. За это время советское правительство заключило с Эстонией, Латвией и Литвой пакты о взаимопомощи, которые предполагали размещение гарнизонов Красной армии в Прибалтийском регионе, тем самым обезопасив уязвимые границы СССР от удара немецких войск[3]. Этот вопрос долгое время

---

[1] *Churchill W. S.* The Gathering Storm. Boston: Houghton Mifflin, 1948. P. 449.

[2] Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова и И. В. Сталина с министром иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу. 1 октября 1939 г. // ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 146–153

[3] *Roberts G.* Soviet Policy and the Baltic States, 1939–1940: A Reappraisal // Diplomacy and Statecraft. Vol. 6. No. 3 (1995). P. 672–700; Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис, 1939–1940 гг.: Сборник документов / Сост. Н. Н. Кабанов, А. Р. Дюков, В. В. Симиндей. — М.: Русская книга, 2019. С. 7–39.

беспокоил Литвинова, и вот теперь опасность была устранена — по крайней мере, так казалось. Затем советское правительство попыталось заключить аналогичное соглашение с потенциальным пособником нацистов — Финляндией. Соглашение подразумевало, помимо прочего, обмен территориями, в результате которого советско-финляндская граница должна была отодвинуться от Ленинграда, находящегося от нее всего в 29 километрах, а финны в обмен на это получали обширные неосвоенные территории в Восточной Карелии. Финны отказались от заключения сделки с Москвой, и тогда Сталин решил применить силу. Красная армия начала войну против Финляндии, рискуя при этом тем, что воевать также придется с Францией и Великобританией. Финны нанесли тяжелые потери советским войскам, но в конце концов в марте 1940 года были вынуждены просить мира. Это была победа советского оружия, и она досталась СССР дорогой ценой. После падения Франции в 1940 году СССР аннексировал страны Прибалтики, а также Бессарабию и Буковину на юге, чтобы защитить советские границы от возможного вторжения нацистов. Советские органы безопасности тайно казнили большое количество польских офицеров и других должностных лиц, взятых в плен в 1939 году. Тела казненных, которых назвали «непримиримыми врагами» Советского Союза, были захоронены в братских могилах под Смоленском — в Катынском лесу и его окрестностях. С учетом этих событий советская власть уже не казалась противникам фашизма приемлемой альтернативой, какой она представлялась в 1930-е годы, даже несмотря на кровавые сталинские репрессии.

А тем временем на западе Европы все шло не так, как ожидал Сталин. Франция в мае–июне 1940 года была полностью разгромлена вермахтом, как и предрекал Ванситтарт. Сталин не предполагал, что нацисты одержат такую легкую победу, и теперь клял французов и британцев за их шокирующие неудачи. Великобритания избегла участи Франции только благодаря Ла-Маншу и Королевским военно-воздушным силам. Как немцы, так и французы считали, что исход войны решен и Великобритании придется просить мира. В мае должность премьер-министра занял Черчилль; он отказался капитулировать. Галифакс и некоторые из его коллег-консерваторов выступали за мирные переговоры с Берлином, но Черчилль всех переиграл. Форин-офис предпринял попытку улучшить отношения с Советским Союзом, но безуспешно. Жалкий вид британских частей, вернувшихся из Дюнкерка, лишний раз свидетельствовал о ненадежном уровне британской обороноспособности. Сам Черчилль не мог сказать, как обернутся события, даже если попытаться заглянуть вперед всего на несколько месяцев. Мы «не будем опускать руки», говорил он. Тем не менее это было слабым утешением для Сталина, который оказался именно в той ситуации, которой наде-

ялся избежать, — один на один с гитлеровской Германией. По данным его разведывательных служб, СССР, оставшись без союзников, столкнулся с наращиванием немецких вооруженных сил на своих границах. Советский Союз продолжал придерживаться «нейтралитета», отказывался от предложений Великобритании, которые в любом случае имели мало смысла, и надеялся как можно дольше отсрочить начало войны. Все это очень напоминало политику умиротворения, которую проводили Англия и Франция в 1930-е годы.

Сталин отказывался верить предупреждениям своих разведслужб о готовящемся вторжении, думая, что это дезинформация со стороны Великобритании, и полагая, что Гитлер не настолько глуп, чтобы напасть на Советский Союз сейчас, когда Великобритания еще находится в состоянии войны. Когда 22 июня 1941 года вермахт начал вторжение в СССР, Красная армия оказалась практически в одиночестве. Советские войска были не в состоянии отреагировать на немецкий натиск, и это было результатом просчета Сталина. Агенты американской и британской разведки полагали, что боевые действия закончатся через месяц-полтора. К концу года Высшее командование Красной армии было вынуждено вывести из боевого состава 177 дивизий. Это была катастрофа. И все же Красная армия не прекратила сопротивление ни через месяц, ни через полтора. В декабре советские вооруженные силы одержали стратегическую победу в битве под Москвой. Блицкриг нацистской Германии провалился. Это был первый случай, когда вермахт потерпел стратегическое поражение.

Задумывался ли когда-либо Сталин о том, что пакт о ненападении мог быть ошибкой? Не исключено, что именно об этом он думал в мрачные первые дни после начала операции «Барбаросса». Тем не менее СССР не собирался сдаваться; более того, у него появились союзники: «великий альянс» наконец стал чем-то более ощутимым, чем просто концепция, которой придерживались только «белые вороны»; он приобрел реальные формы, хоть и без Франции, но зато с Великобританией и Соединенными Штатами в качестве союзников. Август 1939 года и июнь 1941 года стали переломными моментами в советской внешней политике, а то, что произошло в этот период и после него, — уже совсем другая история.

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

АВПРФ — Архив внешней политики Российской Федерации
Антанта — большевистское наименование союзных держав: Великобритании, Франции, Соединенных Штатов
АФТ — Американская федерация труда
ВКП (б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет ВКП (б) Генсек — Генеральный секретарь Политбюро, И. В. Сталин
Госбанк — Государственный банк СССР Замнарком — заместитель народного комиссара
ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического интернационала Коллегия — исполнительный комитет комиссариата (до 1934 г.) Коминтерн — Третий Коммунистический Интернационал
Нарком — народный комиссар
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКВТ (Наркомвнешторг) Народный комиссариат внешней торговли НКИД (Наркоминдел) — Народный
комиссариат иностранных дел НРП — Независимая рабочая партия
НСДАП — Национал-социалистическая рабочая партия
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление (секретная служба)
Политбюро — руководящий орган Российской коммунистической партии, советского правительства, Коминтерна
Полпред — советский посол, полномочный представитель
РКП — Российская коммунистическая партия
СИС — британская секретная разведслужба
Торгпред — советский внешнеторговый представитель
Торгпредство — советское торговое представительство за рубежом
«тройка» — В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК — Центральный комитет

БИБЛИОГРАФИЯ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Франция

Archives nationales, Paris.

Ministère des Affaires étrangères, Paris.

Ministère des Finances, Paris.

Service historique de l'Armée de terre, Château de Vincennes.

Великобритания

National Archives of Great Britain, Kew, Surrey.

Neville Chamberlain Papers, University of Birmingham British Cartoon Archive, University of Kent, Canterbury. URL: https://archive.cartoons.ac.uk/.

Российская Федерация

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), Москва.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Документы И. В. Сталина. URL: https://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality//cards/4462/childs.

Российский государственный военный архив (РГВА), 1939 год: От «умиротворения» к войне. URL: https://1939.rusarchives.ru/documents-list.

Накануне и после Мюнхена. Архивные документы рассказывают. К 80-летию Мюнхенского сговора. URL: https://munich.rusarchives.ru/o-proekte.

Вторая мировая война в архивных документах (комплекс оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов). Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. URL: https://www.prlib.ru/collections/1298142.

США

Franklin D. Roosevelt Presidential Library, Hyde Park, NY.

National Archives, Bethesda, Maryland.

William C. Bullitt papers, Yale University.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ДНЕВНИКИ

1941 год. Документы: в 2 т. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Военная разведка информирует: документы Разведуправления Красной Армии, январь 1939 — июнь 1941 г. / сост. В. А. Гаврилов. М.: Международный фонд «Демократия», 2008.

Глазами разведки. СССР и Европа. 1919–1938 годы: сб. документов из российских архивов / сост. М. Уль, В. Хаустов, В. Захаров. М.: Историческая литература, 2015.

Год кризиса: Документы и материалы: в 2 т. М.: Политиздат, 1990.

Документы внешней политики СССР: в 26 т. М.: Политиздат; Международные отношения; Полиграф-Юг, 1958–2016.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т.Т. 6: 1933–1938; Т. 7: 1939–1943 гг. М.: Наука, 1969–1973.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений: в 3 т. Т. 3: Июнь 1934 г. — март 1939 г. М.: Наука, 1978.

Документы по истории Мюнхенского сговора, 1937–1939. М.: Политиздат, 1979.

Коллонтай А. М. Дипломатические дневники, 1922–1940: в 2 т. М.: Академия, 2001.

Коминтерн и Вторая мировая война, 1939–1941 гг. М.: Памятники исторической мысли, 1994.

Коминтерн и Гражданская война в Испании. Документы. М.: Наука, 2001.

Майский И. М. Дневник дипломата / ред. А. О. Чубарьян. Лондон, 1934–1943: в 2 кн. М.: Наука, 2006–2009.

Майский И. М. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 т. М.: Наука, 2005.

Москва — Берлин: Политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Сб. документов: в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянова. М.: Наука, 2011.

Москва — Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921–1941. Сб. документов: в 3 т. М.: Наука, 2009.

Москва — Рим: Политика и дипломатия Кремля, 1920–1939. Сб. документов. М.: Наука, 2002.

Москва — Токио: Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931. Сб. документов: в 2 кн. М.: Наука, 2007.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне, 1939–1945: в 6 т. М., 1995–2014.

Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Коминтерн: 1919–1943. Документы. М.: РОССПЭН, 2004.

Политбюро ЦК РКП (б) и Европа. Решения «Особой папки», 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001.

Прибалтика и геополитика, 1935–1945 гг. М.: РИПОЛ классик, 2009.

Россия и США: экономические отношения, 1917–1941: в 2 т. М.: Наука, 1997–2001.

Секреты польской политики, 1935–1945 гг. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации. М.: РИПОЛ классик, 2010.

Советско-американские отношения, 1934–1939. Документы. М.: Издательство «Материк», 2003.

Советско-американские отношения. Годы непризнания, 1927–1933: Документы. М.: Издательство «Материк», 2002.

Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: в 4 т. / под общ. ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. М.: «Аспект Пресс», 2017.

Советско-румынские отношения, 1917–1941. Док. и материалы: в 2 т. М.: Международные отношения, 2000.

СССР — Германия, 1932–1941. 2-е изд-е. М.: ИстЛит, 2019.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

Халхин-Гол: исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны [Текст] / Т. С. Бушуева, А. В. Серегин; отв. редакторы А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М.: ИКЦ «Академкнига», 2009.

Documents diplomatiques français, 1re série, 13 vols. Paris: Imprimerie nationale, 1964–1984; 2e série, 19 vols. Paris: Imprimerie nationale, 1963–1986.

Documents on British Foreign Policy, 2nd series, 19 vols. London: HM Stationery Office, 1947–1984; 3rd series, 9 vols. London: HM Stationery Office, 1949–1957.

Documents on German Foreign Policy, series C, 7 vols.; series D, 13 vols. London, Paris and Washington, DC: Government Printing Office, 1949–1956.

Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1936, Europe. Washington, DC: Government Printing Office, 1954.

Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1938, General. Vol. 1. Washington, DC, 1955.

Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers: The Soviet Union, 1933–1939. Washington, DC: Government Printing Office, 1952.

КНИГИ И СТАТЬИ

1939 год: начало Второй мировой войны / предисл. А. Н. Артизов, С. В. Кудряшов. М.: Фонд президентских грантов, 2019.

1939 год: уроки истории / отв. ред. О. А. Ржешевский. М.: Мысль, 1990.

Александровский С. С. Мюнхен: рассказ очевидца // Международные отношения (Москва). 1988. № 12. С. 119–132.

Алексеев М. А. «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае, 1930–1933 гг. М.: Кучково поле, 2010.

Алексеев М. А. «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии, 1933–1941 годы: в 2 т. М.: Кучково поле, 2017.

Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала сб. ст. / под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. М.: Издательство «Кучково поле», 2019.

Безыменский Л. А. «Второй Мюнхен»: Замысел и результаты (из архивов Форин-офис) // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 93–110; № 5. С. 143–160.

Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой: военные тайны XX века. М.: Вече, 2000.

Безыменский Л. А. Советско-германские договоры 1939 г.: Новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 3–26.

Безыменский Л. А. Третий фронт: секретная дипломатия Второй мировой войны. М.: Вече, 2003.

Волков В. К. Мюнхенский сговор и балканские страны. М.: Наука, 1978.

Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис, 1939–1940 гг.: Сборник документов / авт.-сост. Н. Н. Кабанов, А. Р. Дюков, В. В. Симиндей. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга»,2019.

Европа между миром и войной, 1918–1939 / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1992.

Карлей М. Дж. Новая история Второй мировой, индоктринированная и ненадежная // Журнал российских и восточноевропейских исторических. 2021. № 6. С. 226–249.

Круглый стол: Вторая мировая война — истоки и причины // Вопросы истории. 1989. № 6 (июнь). С. 3–33.

Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1946 гг. М.: Наука, 1971.

Мельтюхов М. И. 17 Сентября 1939: Советско-польские конфликты 1918–1939. М.: Вече, 2009.

Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М.: Алгоритм, 2015.

Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения 1933–1939. М.: Изд. Московского университета, 2004.

Мюнхен 1938. Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. М.: Издательство «Кучково поле», 2018.

Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность: материалы Международной научной конференции, Москва, 15–16 октября 2008 г. / Российская акад. наук, Ин-т всеобщей истории; ред. Н. С. Лебедева; сост. Ю. М. Коршунов. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2009.

На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953) / [авт.-сост.: А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев]. М.: Новый хронограф, 2008.

Нежинский Л. Н. Пути и перепутья советской международной политики в 1934–1941 гг. Тула: Гриф и К, 2008.

Платонов Н. Н. Гражданская война в Испании, 1936–1939. М.: ОЛМА-Пресс, 2005.

Позняков В. В. Советская разведка в Америке, 1919–1941. М.: Международные отношения, 2015

Рац С. В. Сотрудники НКИД СССР в Испании, 1936–1939. СПб.: Фонд «Креатив», 2013.

Реабилитация: как это было. Док. Президиума ЦК КПСС и др. материалы / авт.-сост. А. Артизов и др.: в 3 т. М.: Международный фонд «Демократия», 2000–2004.

Сафонов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2001.

Севостьянов Г. Н. Москва — Вашингтон: на пути к признанию, 1918–1933. М.: Наука, 2004.

Севостьянов Г. Н. Европейский кризис и позиция США. 1938–1939. М.: Наука, 1992.

Севостьянов Г. Н. Москва — Вашингтон. Дипломатические отношения, 1933–1936. М.: Наука, 2002.

Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза, 1933–1935 гг. М.: Наука, 1980.

Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны [Текст] / В. Я. Сиполс. М.: Международные отношения, 1989.

Советская внешняя политика, 1917–1945 гг.: Поиски новых подходов / Ин-т рос. истории РАН; [Л. Н. Нежинский и др.]. М.: Международные отношения, 1992.

Сталинское Политбюро в 1930-е годы. Сборник документов / авт.-сост. О. В. Хлевнюк и др. М.: АИРО-XX, 1995.

Фляйшхауер И. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938–1939 / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. Л. А. Безыменского. М.: Прогресс, 1991.

Хормач И. А. СССР в Лиге Наций, 1934–1939 гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

Хормач И. А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций в 1919–1934 гг. М.: Кучково поле, 2011.

Хормач И. А. СССР — Италия, 1924–1939 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1995.

Челышев И. А. СССР — Франция: трудные годы, 1938–1941. М.: Ин-т рос. истории, 1999.

Шевяков А. А. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности, 1932–1939. М.: Наука, 1977.

Шейнис З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989.

Adamthwaite A. France and the Coming of Second World War, 1936–1939. London: Routledge, 1977.

Adamthwaite A. Grandeur and Misery: France's Bid for Power in Europe, 1914–1940. London: Hodder Arnold, 1995.

Alexander M. S. The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1933–1940. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Alphand H. L'Étonnement d'être. Paris: Fayard, 1977.

Amouroux H. Le people du désastre, 1939–1940. Paris: R. Laffont, 1976.

Andrew Ch. Secret Service: The Making of the British Intelligence Community. London: Sceptre, 1987.

Aster S. 1939: The Making of the Second World War. London: Simon & Schuster, 1973.

Beaufre A. 1940: The Fall of France. London: Cassell, 1967.

Beevor A. The Battle for Spain. New York: Penguin, 2006.

Bell P. M. H. France and Britain, 1900–1940: Entente and Estrangement. London: Routledge, 1996.

Bennett E. M. Franklin D. Roosevelt and the Search for Security: American-Soviet Relations, 1933–1939. Wilmington, DE: Scholarly Resources, 1985.

Berstein S., Becker J.-J. Histoire de l'anti-communisme, 1917–1940. Paris: Orban, 1987.

Berthon S., Potts J. Warlords: The Heart of Conflict, 1939–1945. London: Politico, 2005.

Bilainkin G. Maisky: Ten Years Ambassador. London: Allen & Unwin, 1944.

Birkenhead, Earl of. Halifax. London: Hamish Hamilton, 1965.

Bonnet G. Défense de la paix: De Washington au Quai d'Orsay. Geneva: Bibliothèque du Cheval ailé, 1946.

Bonnet G. Défense de la paix: Fin d'une Europe. Geneva: Bibliothèque du Cheval ailé, 1948.

Bouverie T. Appeasement: Chamberlain, Hitler, Churchill, and the Road to War. New York: Tim Duggan Books, 2019.

Boyer de Sainte-Suzanne R. Une politique étrangère: Le Quai d'Orsay et Saint-John Perse à l'épreuve d'un regard. Journal, novembre 1938 — juin 1940. Paris: V. Hamy, 2000.

Brogan D. W. The Development of Modern France, 1870–1939, 2 vols. Gloucester, MA: Peter Smith, 1970.

Broué P. Histoire de l'Internationale communiste, 1919–1943. Paris: Fayard, 1997.

Cairns J. C. March 7, 1936, Again: The View from Paris // European Diplomacy between Two Wars, 1919–1939 / *H. W. Gatzke* ed. Chicago: Quadrangle Books, 1972. P. 172–189.

Cairns J. C. Reflections on France, Britain and the Winter War Prodrome, 1939–1940 // Historical Reflections. Winter 1996. No 22. P. 211–234.

Caquet P. E. The Balance of Forces on the Eve of Munich // International History Review. 2018. V. 40. No. 1. P. 20–40.

Caquet P. E. The Bell of Treason: The 1938 Munich Agreement in Czechoslovakia. London: Profile Books, 2018.

Carley M. J. 'Only the USSR Has ... Clean Hands': The Soviet Perspective on the Failure of Collective Security and the Collapse of Czechoslovakia, 1934–1938 // Diplomacy and Statescraft. 2010. V. 21. No. 2. P. 202–225; No. 3. P. 368–396.

Carley M. J. 1933–39: La 'drôle d'avant guerre' et l'alliance de la dernière chance // Histoire(s) de la dernière guerre, 1939–1945: Au jour le jour. 2009. No. 1. P. 14–20.

Carley M. J. 1939: The Alliance That Never Was and the Coming of World War II. Chicago: Ivan R. Dee, 1999.

Carley M. J. An Eye on France from the Soviet Embassy on the rue de Grenelle, 1924–1940 // Diplomacy and Statecraft. 2006. V. 17. No. 2. P. 295–346.

Carley M. J. Behind Stalin's Moustache: Pragmatism in Early Soviet Foreign Policy, 1917–1941 // Diplomacy and Statecraft. 2001. V. 12. No. 3. P. 159–174.

Carley M. J. Down a Blind-Alley: Anglo-Franco-Soviet Relations, 1920–1939 // Canadian Journal of History. 1994. V. 29. No. 1. P. 147–172.

Carley M. J. End of the 'Low, Dishonest Decade': Failure of the Anglo-Franco-Soviet Alliance in 1939 // Europe-Asia Studies. 1993. V. 45. No. 2. P. 303–341.

Carley M. J. Fiasco: The Anglo-Franco-Soviet Alliance That Never Was and the Unpublished British White Paper, 1939–1940 // International History Review. 2019. V. 41. P. 701–728.

Carley M. J. Five Kopecks for Five Kopecks: Franco-Soviet Trade Relations, 1928–1939 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1992. V. 33. No. 1. P. 23–58.

Carley M. J. Prelude to Defeat: Franco-Soviet Relations, 1919–1939 // Historical Reflections. 1996. V. 22. No. 1. P. 159–188.

Carley M. J. Resurgent France or Decadent France: War Origins Once Again // Canadian Journal of History. 2002. V. 37. No. 2. P. 311–317.

Carley M. J. Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014.

Carley M. J. Soviet Foreign Policy in the West: 1936–1941: A Review Article // Europe-Asia Studies. 2004. V. 56. No. 7. P. 1080–1092.

Carley M. J. Stalin's Gamble: The Search for Allies against Hitler, 1930–1936. Toronto: University of Toronto Press, 2023 (издание на русском языке: *Карлей М. Дж.* Рискованная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера, 1930–1936 гг.).

Carley M. J. The Early Cold War, 1917–1939 // Relevance. 1996. V. 5. No. 4. P. 6–11.

Carley M. J. Who Betrayed Whom? Franco-Anglo-Soviet Relations, 1932–1939 // Gab es einen Stalin-Hitler-Pakt? Charakter, Bedeutung und Deutung des deutschsowjetischen Nichtangriffsvertrages vom 23. August 1939 / C. Koch ed. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. P. 119–137.

Carley M. J. Who Was Iosif Vissarionovich Stalin? // Europe-Asia Studies. 2015. V. 67. No. 7. P. 1030–1044.

Carley M. J. Years of War in the East, 1939–1945: A Review Article // Europe-Asia Studies. 2007. V. 59. No. 2. P. 331–352.

Carswell J. The Exile: A Life of Ivy Litvinov. London: Faber & Faber, 1983.

Cassella-Blackburn M. The Donkey, the Carrot, and the Club: William C. Bullitt and Soviet-American Relations, 1917–1948. Westport, CT: Praeger, 2004.

Catros S. La guerre inéluctable: Les chefs militaires français et la politique étrangère, 1935–1939. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2020.

Charmley J. Churchill: The End of Glory. Toronto: Macfarlane, Walter & Ross, 1993.

Chauvel J. Commentaire, de Vienne à Alger (1938–1944). Paris: Fayard, 1971.

Chips: The Diaries of Sir Henry Channon / R. R. James ed. London: Weidenfeld & Nicolson, 1967.

Churchill W. S. The Gathering Storm. Boston: Houghton Mifflin, 1948.

Colton J. Léon Blum: Humanist in Politics. New York: Knopf, 1966.

Colvin I. Vansittart in Office. London: Victor Gollancz, 1965.

Comité international d'histoire de la Deuxième guerre mondiale, Colloque franco-britannique. Les relations franco-britanniques, 1935–1939. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1975.

Coulondre R. De Staline à Hitler: Souvenirs de deux ambassades, 1936–1939. Paris: Hachette, 1950.

Cowling M. The Impact of Hitler: British Politics and British Policy, 1933–1940. London: Cambridge University Press, 1975.

Craig G. A., Felix G. The Diplomats, 2 vols. New York: Atheneum, 1965.

D'Agostino A. The Rise of the Global Powers: International Politics in the Era of the World Wars. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Dalton H. The Fateful Years: Memoirs, 1931–1945. London: Frederik Muller, 1957.

Davies S., Harris J. Stalin's World: Dictating the Soviet Order. New Haven, CT: Yale University Press, 2014.

Dessberg F. Le triangle impossible: Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Brussels: Peter Lang, 2009.

Dessberg F. Les attachés militaires français dans l'Union soviétique des années 1930 // Experts et expertises en diplomatie / É. Schnakenbourg, S. Jeannesson, F. Jesné, eds. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2018. P. 65–82.

Dimitrov and Stalin, 1934–1943: Letters from the Soviet Archives / A. Dallin, F. I. Firsov, eds. New Haven, CT: Yale University Press, 2000.

Diplomacy and World Power: Studies in British Foreign Policy, 1890–1950 / M. Dockrill, B. McKercher, eds. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Du Réau E. Édouard Daladier, 1884–1970. Paris: Fayard, 1993.

Dullin S. Des hommes d'influences: Les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930–1939. Paris: Payot 2001.

Dullin S. Le rôle de Maxime Litvinov dans les années trente // Communisme. 1995. No 42–44. P. 75–93.

Dullin S. Les diplomates soviétiques à la Société des Nations // Relations internationals. 1993. V. 75. P. 329–343.

Duroselle J.-B. L'influence de la politique intérieure sur la politique extérieure de la France: L'exemple de 1938 et 1939 // Comité international d'histoire de la Deuxième guerre mondiale, Les relations franco-britanniques, 1935–1939. Paris, 1975. P. 225–241.

Duroselle J.-B. La décadence, 1932–1939. 3rd ed. Paris: Imprimerie nationale, 1985.

Duroselle J.-B. Politique étrangère de la France: L'abîme, 1939–1944. Paris: Imprimerie nationale, 1986.

Eden A. Facing the Dictators. Boston: Houghton Mifflin, 1962.

Feiling K. The Life of Neville Chamberlain. London: Macmillan, 1947.

For the President, Personal and Secret: Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt / O. H. Bullitt ed. Boston: Houghton Mifflin, 1972.

From Peace to War: Germany, Soviet Russia and the World, 1939–1941 / W. Bernd ed. Oxford: Berghahn, 1997.

Gamelin M. Servir. 3 vols. Paris: Plon, 1946.

Gardner L. C. Spheres of Influence: The Great Powers Partition Europe, from Munich to Yalta. Chicago: Ivan R. Dee, 1993.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets, 1905–1941. Paris: R. Laffont, 2010.

George M. Warped Vision: British Foreign Policy, 1933–1939. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1965.

Gilbert M. Finest Hour: Winston S. Churchill, 1939–1941. London: Minerva, 1989.

Gilbert M. Prophet of Truth: Winston S. Churchill, 1922–1939. London: Minerva, 1990.

Glantz M. E. FDR and the Soviet Union: The President's Battles over Foreign Policy. Lawrence: University Press of Kansas 2005.

Gorodetsky G. Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia. New Haven, CT: Yale University Press, 1999.

Gorodetsky G. The Impact of the Ribbentrop-Molotov Pact on the Course of Soviet Foreign Policy // Cahiers du monde russe et soviétique. 1990. V. 31. No. 1. P. 27–41.

Harris J. Encircled by Enemies: Stalin's Perceptions of the Capitalist World, 1918–1941 // Journal of Strategic Studies. 2007. V. 30. No. P. 513–545.

Haslam J. The Spectre of War: International Communism and the Origins of World War II. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2021.

Haslam J. Soviet-German Relations and the Origins of the Second World War: The Jury Is Still Out // Journal of Modern History. 1997. V. 69. No. 4. P. 785–797.

Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. New York: Macmillan, 1984.

Haslam J. The Soviet Union and the Threat from the East: Moscow, Tokyo and the Prelude to the Pacific War, 1933–41. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1992.

Haynes R. Romanian Policy toward Germany, 1936–1940. London: Palgrave Macmillan, 2000.

Herndon J. S., Baylen J. O. Col. Philip R. Faymonville and the Red Army, 1934–43 // Slavic Review. 1975. V. 34. No. 3. P. 483–505.

Herriot É. Jadis: D'une guerre à l'autre, 1914–1936. Paris: Flammarion, 1952.

Hobsbawm E. The Age of Extremes: A History of the World, 1914–1991. New York: Vintage, 1996.

Horne A. To Lose a Battle: France, 1940. London: Papermac, 1990.

Hucker D. Public Opinion, the Press and the Failed Anglo-Franco-Soviet Negotiations of 1939 // International History Review. 2018. V. 40. No. 2. P. 65–85.

Imlay T. C. Facing the Second World War: Strategy, Politics, and Economics in Britain and France, 1938–1940. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Irvine W. D. French Conservatism in Crisis: The Republican Federation of France in the 1930s. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1979.

Jackson P. France and the Nazi Menace: Intelligence and Policy Making, 1933–1939. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Jansen S. Pierre Cot: Un antifasciste radical. Paris: Fayard, 2002.

Jeanneney J. E. Journal politique, septembre 1939 — juillet 1942 / Edited by J.-N. Jeanneney. Paris: Armand Colin, 1972.

Jones T. A Dairy with Letters, 1931–1950. London: Oxford University Press, 1954.

Khlevniuk O. V. Master of the House: Stalin and His Inner Circle. New Haven, CT: Yale University Press, 2009.

Kornat M. Choosing Not to Choose in 1939: Poland's Assessment of the Nazi-Soviet Pact // International History Review. 2009. V. 31. No. 4. P. 771–797.

Kotkin St. Stalin: Waiting for Hitler, 1929–1941. London: Allen Lane, 2017.

La France et l'URSS dans l'Europe des années 30 / M. Narinski et al. eds. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2005.

Lacroix-Riz A. De Munich à Vichy: L'assassinat de la Troisième République, 1938–1940. Paris: Armand Colin, 2008.

Lacroix-Riz A. Le choix de la défaite: Les élites françaises dans les années 1930. Paris: Armand Colin, 2006.

Laloy J. Remarques sur les négociations anglo-franco-soviétiques de 1939. In Comité international d'histoire de la Deuxième guerre mondiale // Les relations franco-britanniques, 1935–1939. P. 403–413.

Lamb R. The Drift to War, 1922–1939. London: Bloomsbury, 1991.

Lenoe M. E. The Kirov Murder and Soviet History. New Haven, CT: Yale University Press, 2010.

Little D. Malevolent Neutrality: The United States, Great Britain, and the Origins of the Spanish Civil War. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1985.

Lungu D. B. Romania and the Great Powers, 1933–1940. Durham, NC: Duke University Press, 1989.

Maiolo J. Anglo-Soviet Naval Armaments Diplomacy before the Second World War // English Historical Review. 2008. V. 133. No. 501. P. 351–378.

Maiolo J. Cry Havoc: How the Arms Race Drove the World to War, 1931–1941. New York: Basic Books, 2010.

Maiskii I. M. Who Helped Hitler. London: Hutchinson, 1964.

Manchester W. The Caged Lion: Winston Spencer Churchill, 1932–1940. London: Cardinal, 1989.

Manevy R. Histoire de la presse, 1914–1939. Paris: Éditions Corréa, 1945.

Mazower M. Dark Continent: Europe's Twentieth Century. New York: Vintage, 1998.

McDermott K., Agnew J. The Comintern: A History of International Communism from Lenin to Stalin. New York: St. Martin's Press, 1997.

McMeekin S. Stalin's War: A New History of World War II. London: Allen Lane, 2021.

Medvedev R. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. New York: Columbia University Press, 1989.

Meltz R. Alexis Léger dit Saint-John Perse. Paris: Flammarion, 2008.

Meltz R. Lorsque le Quai d'Orsay dictait des articles: La fabrication de l'opinion publique dans l'entre-deux-guerres // Relations internationals. 2013. V. 154. P. 33–50.

Meltz R. Pierre Laval. Un mystère français. Paris: Perrin, 2018.

Micaud Ch. The French Right and Nazi Germany, 1933–1939. Reprint, New York: Octagon Books, 1964.

Michel H. France, Grande Bretagne et Pologne (mars — août 1939) // Comité international d'histoire de la Deuxième guerre mondiale, Les relations francobritanniques, 1935–1939. P. 383–401.

Middlemas K. Diplomacy of Illusion: The British Government and Germany, 1937–1939. London: Weidenfeld & Nicolson, 1972.

Millman B. The Ill-Made Alliance: Anglo-Turkish Relations, 1934–1940. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 1998.

Miner St. M. Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1988.

Miner St. M. His Master's Voice: Viacheslav Mikhailovich Molotov as Stalin's Foreign Commissar // The Diplomats, 1939–1979 / G. A. Craig and F. L. Loewenheim eds. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 65–100.

Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics, Conversations with Felix Chuev / A. Resis ed. Chicago: Ivan R. Dee, 1993.

Namier L. B. Diplomatic Prelude, 1938–1939. London: Macmillan, 1948.

Neilson K. Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919–1939. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Neilson K. Orme Sargent, Appeasement and British Policy in Europe, 1933–39 // Twentieth Century British History. 2010. V. 21. No. 1. P. 1–28.

Neilson K. Pursued by a Bear: British Estimates of Soviet Military Strength and Anglo-Soviet Relations, 1922–1939 // Canadian Journal of History. 1993. V. 28. No. 2 (1993). P. 189–221.

Neilson K. Stalin's Moustache: The Soviet Union and the Coming of the War // Diplomacy and Statecraft. 2001. V. 12. No. 2. P. 197–208.

Nekrich A. M. Pariahs, Partners, Predators: German-Soviet Relations, 1922–1941. New York: Columbia University Press, 1997.

Nicolson H. Diaries and Letters, 1930–1939. New York: Atheneum, 1966.

Noël L. L'Agression allemande contre la Pologne. Paris: Flammarion, 1946.

O'Keeffe B. The Woman Always Pays: The Lives of Ivy Litvinov // Slavonic and East European Review. 2019. V. 97. No. 3. P. 501–528.

Origins of the Second World War Reconsidered. 2nd ed. / G. Martel ed. London: Routledge, 1999.

Overy R., Wheatcroft A. The Road to War: The Origins of World War II. New York: Vintage, 2009.

Parker R. A. C. Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. London: Macmillan, 1993.

Paul-Boncour J. Entre deux guerres: Souvenirs sur la IIIe République, 3 vols. Paris: Plon, 1946.

Peden G. C. British Rearmament and the Treasury, 1932–1939. Edinburgh: Scottish Academic Press, 1979.

Peden G. C. Churchill, Chamberlain and Appeasement. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.

Pertinax (André Géraud). Les Fossoyeurs, 2 vols. New York: Éditions de la Maison Française, 1943.

Phillips H. D. Between the Revolution and the West: A Political Biography of Maxim M. Litvinov. Boulder, CO: Westview Press, 1992.

Pons S. Stalin and the Inevitable War, 1936–1941. London: Frank Cass, 2002.

Prazmowska A. J. Britain and Poland, 1939–1943: The Betrayed Ally. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Prazmowska A. J. Britain, Poland, and the Eastern Front, 1939. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Prazmowska A. J. Poland's Foreign Policy, September 1938–September 1939 // Historical Journal. 1986. V. 29. No. 4. P. 853–873.

Puyaubert J. Georges Bonnet: Les combats d'un pacifiste. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2007.

Ragsdale H. The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Read A., Fisher D. The Deadly Embrace: Hitler, Stalin, and the Nazi-Soviet Pact, 1939–1941. New York: W.W. Norton, 1988.

Resis A. The Fall of Litvinov: Harbinger of the German-Soviet Non-Aggression Pact // Europe-Asia Studies. 2000. V. 52. No. 1. P. 33–56.

Roberts G. A Soviet Bid for Coexistence with Nazi Germany, 1935–1937: The Kandelaki Affair // International History Review.1994. V. 16. No. 3. P. 466–490.

Roberts G. Soviet Foreign Policy and the Spanish Civil War, 1936–1939 // Spain in an International Context / C. Leitz, ed. London: Berghahn, 1999.

Roberts G. Soviet Policy and the Baltic States, 1939–1940: A Reappraisal // Diplomacy and Statecraft. 1995. V. 6. No. 3. P. 672–700.

Roberts G. Stalin's Wars: From World War to Cold War, 1939–1953. New Haven, CT: Yale University Press, 2006.

Roberts G. The Alliance That Failed: Moscow and Triple Alliance Negotiations, 1939 // European History Quarterly.1996. V. 26. No. 3. P. 383–414.

Roberts G. The Fall of Litvinov: A Revisionist View // Journal of Contemporary History. 1992. V. 27. No. 4. P. 639–657.

Roberts G. The Soviet Decision for a Pact with Nazi Germany // Soviet Studies. 1992. V. 44. No. 1. P. 57–78.

Roberts G. The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German Relations and the Road to War, 1933–1941. London: Macmillan, 1995.

Roberts G. The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler. Bloomington: Indiana University Press, 1989.

Rose N. Vansittart: Study of a Diplomat. London: Heinemann, 1978.

Rowse A. L. Appeasement: A Study in Political Decline, 1933–39. New York: Norton, 1963.

Russia in the Age of War, 1914–1945 / S. Pons, A. Romano eds. Milan: Feltrinelli, 2000.

Schuker S. A. Two Cheers for Appeasement // Unpublished paper, Society for French Historical Studies conference, Boston, March 1996.

Scott W. E. Alliance against Hitler: The Origins of the Franco-Soviet Pact. Durham, NC: Duke University Press 1962.

Service R. Stalin: A Biography. Cambridge, MA: Belknap Press, 2004.

Shaw L. G. The British Political Elite and the Soviet Union, 1937–1939. London: Routledge, 2003.

Sherwood J. M. Georges Mandel and the Third Republic. Stanford, CA: Stanford University Press, 1970.

Shire W. L. Berlin Diary: The Journal of a Foreign Correspondent, 1934–1941. New York: Knopf, 1941.

Shire W. L. The Collapse of the Third Republic: An Inquiry into the Fall of France in 1940. New York: Simon & Schuster, 1969.

Sipols V. Ia. A Few Months before August 23, 1939 // International Affairs. June 1989. P. 124–136.

Souvarine B. Stalin. New York: Longmans, Green, 1939.

Soviet Foreign Policy, 1917–1991: A Retrospective / G. Gorodetsky ed. London: Frank Cass, 1994.

Stedman A. D. Alternatives to Appeasement: Neville Chamberlain and Hitler's Germany. London: I. B. Tauris, 2011.

Steiner Z. The Lights That Failed. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Steiner Z. The Soviet Commissariat of Foreign Affairs and the Czechoslovakian Crisis in 1938: New Material from the Soviet Archives // Historical Journal. 1999. V. 42. No. 3. P. 751–779.

Steiner Z. The Triumph of the Dark. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Strang B. John Bull in Search of a Suitable Russia: British Foreign Policy and the Failure of the Anglo-French-Soviet-Alliance Negotiations, 1939 // Canadian Journal of History. 2006. V. 41. No. 1. P. 47–84.

Strang B. The Spirit of Ulysses? Ideology and British Appeasement in the 1930s. // Diplomacy and Statecraft. 2008. V. 19. No. 3. P. 481–526.

Strang B. Two Unequal Tempers: Sir George Ogilvie-Forbes, Sir Nevile Henderson and British Foreign Policy, 1938–39 // Diplomacy and Statecraft. 1994. V. 5. No. 1. P. 107–137.

Strang W. Home and Abroad. London: A. Deutsch, 1956.

Szembek J. Journal, 1933–1939. Paris: Plon, 1952.

Tabouis G. They Called Me Cassandra. New York: Charles Scribner's Sons, 1942.

Taylor A. J. P. English History, 1914–1945. Oxford: Oxford University Press, 1965.

Taylor A. J. P. The Origins of the Second World War. Middlesex: Penguin, 1964.

Taylor A. J. P. 1939 Revisited. London: German Historical Institute, London, 1981.

Taylor T. Munich: The Price of Peace. New York: Doubleday, 1979.

The Complete Maiskii Diaries. 3 vols / Translated by T. Sorokina & O. Ready; G. Gorodetsky ed. New Haven, CT: Yale University Press, 2017.

The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945 / D. Dilks ed. London: Cassell, 1971.

The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart, 1915–1946 / K. Young ed. 2 vols. London: Macmillan, 1973.

The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949 / I. Banac ed. New Haven, CT: Yale University Press, 2003.

The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey, 1937–1940 / J. Harvey ed. London: Collins, 1970.

The French Defeat of 1940: Reassessments / J. Blatt ed. Oxford: Berghahn, 1998.

The Munich Crisis: Politics and the People / J. V. Gottlieb, D. Hucker, R. Toye eds. Manchester: Manchester University Press, 2020.

The Neville Chamberlain Diary Letters, 4 vols / R. Self ed. London: Routledge, 2000–20005.

The Times and Appeasement: The Journals of A. L. Kennedy, 1932–1939 / G. Martel ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Thompson N. The Anti-Appeasers: Conservative Opposition to Appeasement in the 1930s. Oxford: Oxford University Press, 1971.

Torrès H. Pierre Laval. New York: Oxford University Press, 1941.

Trotskii L. D. Stalin. New York: Stein & Day, 1967.

Trotskii L. D. My Life. New York: Pathfinder Press, 1970.

Tucker R. C. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941. New York: Norton, 1990.

Uldricks T. J. A. J. P. Taylor and the Russians // The Origins of the Second World War Reconsidered / Martel G. ed. Boston: Allen & Unwin, 1986. P. 162–186.

Uldricks T. War, Politics and Memory: Russian Historians Reevaluate the Origins of World War II // History and Memory. 2009. V. 21. No. 2. P. 60–82.

Vaïsse M. Les militaires français et l'alliance franco-soviétique au cours des années 1930 // Forces armées et systèmes d'alliances: Colloque international d'histoire militaire et d'études de défense nationale, 2. Paris: Fondation pour les Études de défense nationale, 1983. P. 689–704.

Vansittart R. G. The Mist Procession: The Autobiography of Lord Vansittart. London: Hutchinson, 1958.

Varey D. The Politics of Naval Aid: The Foreign Office, the Admiralty, and Anglo-Soviet Technical Cooperation, 1936–37 // Diplomacy and Statecraft. 2003. V. 14. No. 4. P. 50–68.

Vidal G. L'Armée française et l'ennemi intérieur 1917–1939: Enjeux stratégique et culture politique. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2015.

Vidal G. L'Humanité et la défense nationale dans les années 1930 // Cahiers d'histoire. 2003. V. 92. P. 37–50.

Vidal G. Le Parti communiste français et la défense nationale (septembre 1937 —septembre 1939) // Revue historique. 2004. V. 306. No. 2. P. 333–369.

Vidal G. Le PCF et la défense nationale à l'époque du Front populaire (1934–1939) // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2004. V. 215. P. 47–73.

Vidal G. Une alliance improbable: L'armée française et la Russie soviétique, 1917–1939. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2015.

Villelume P. de. Journal d'une défaite, août 1939 — juin 1940. Paris: Fayard, 1976.

Volkogonov D. Staline. Paris: Flammarion, 1991.

Wark W. K. Appeasement Revisited // International History Review. 1995. V. 17. No. 3. P. 545–562.

Wark W. K. Something Very Stern: British Political Intelligence, Moralism and Grand Strategy in 1939 // Intelligence and National Security. 1990. V. 5. No. 1. P. 150–170.

Wark W. K. The Ultimate Enemy: British Intelligence and Nazi Germany, 1933–1939. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1985.

Watson D. Appeasement Revisited // International History Review. 1995. V. 17. No. 3. P. 545–562.

Watson D. Molotov: A Biography. London: Palgrave, 2005.

Watt D. An Intelligence Surprise: The Failure of the Foreign Office to Anticipate the Nazi-Soviet Pact // Intelligence and National Security. 1989. V. 4. No. 3. P. 512–534.

Watt D. Cameron. British Domestic Politics and the Onset of War // Comité international d'histoire de la Deuxième guerre mondiale, Les relations francobritanniques, 1935–1939. P. 243–261.

Watt D. How War Came: The Immediate Origins of the Second World War, 1938–1939. London: Mandarin, 1990.

Weber E. Action Française: Royalism and Reaction in Twentieth-Century France. Stanford, CA: Stanford University Press, 1962.

Weber E. The Hollow Years: France in the 1930s. New York: W.W. Norton, 1994.

Weinberg G. The Foreign Policy of Hitler's Germany: Diplomatic Revolution in Europe, 1933–1936. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

Weinberg G. The Foreign Policy of Hitler's Germany: Starting World War II, 1937–1939. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

West N. The A to Z of British Intelligence. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2009.

Williams A. J. Trading with the Bolsheviks: The Politics of East-West Trade, 1920–1939. Manchester: Manchester University Press, 1992.

Young R. J. A. J. P. Taylor and the Problem with France // Origins of the Second World War Reconsidered. 2nd ed. / G. Martel ed. London: Routledge, 1999.

Young R. J. France and the Origins of the Second World War. New York: St Martin's Press, 1996.

Young R. J. French Military Intelligence // Knowing One's Enemies: Intelligence Assessment before the Two World Wars / E. R. May, ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. P. 271–309/

Young R. J. In Command of France: French Foreign Policy and Military Planning, 1933–1940. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978.

Zay J. Carnets secrets de Jean Zay. Paris: Éditions de France, n. d. [1942].

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ **5**

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ **9**

БЛАГОДАРНОСТИ **12**

ВВЕДЕНИЕ: КАК ЭТО БЫЛО **16**

ГЛАВА I. **ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ ЕВРОПЫ: СССР ТЕРПИТ ПОРАЖЕНИЕ НА ВСЕХ ФРОНТАХ, ВЕСНА — ЛЕТО 1936 ГОДА** 26
Исторический контекст 26
Румыния и Николае Титулеску 32
«Совершенно безнадежная ситуация» 42
В Праге 45
Польша 52
Москва: «странное, ужасное дело» 59
Крах Титулеску 63

ГЛАВА II. **КАТАСТРОФА: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ, 1936–1937 ГОДЫ** 77
Первоначальная реакция 77
Москва не торопится действовать 79
Олимпийские игры в Берлине 81
«Будущая мировая война» 82
Литвинов пишет Сталину 85
Сталин против «удушения Испанской Республики» 89
Вернувшись в Москву, Литвинов приступает к решительным действиям 97
Тем временем в Париже... 99
Литвинов держит советскую политику под контролем 102
Лондон: Майский защищает советскую политику 104
Безнадежная затея Литвинова 107
Новый посол Франции в Москве 111
Майский высказывает свое мнение 116
«Скрытый поединок» 120
Ванситтарт и Майский: «весьма странная пара» 124

Розенберг в Париже на ужине с Блюмом 129
Майский и Иден 132

ГЛАВА III. **ПРИЗРАК РАПАЛЛО: СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, 1934–1937 ГОДЫ** 136
Предпосылки 136
Новый посол Германии в Москве 137
Новый советский посол в Берлине 138
У СССР не остается иллюзий относительно нацистской Германии 139
Была ли Москва готова к изменению политики? 153
Что дальше? 166
Новые попытки зондажа 172

ГЛАВА IV. **РАЗРУШЕННЫЙ БАЛАНС: СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПОПЫТКИ КОНСУЛЬТАЦИЙ МЕЖДУ ГЕНШТАБАМИ, 1936–1937 ГОДЫ** 177
Семён Иванович Венцов 178
Советско-французские штабные переговоры 179
Евгений Владимирович Гиршфельд 181
Сопротивление Парижа переговорам между штабами 183
Враждебность генерала Гамелена 184
Даладье против Блюма 185
«Любопытная встреча» 189
Игра в «дурака» 192
Даладье нам «глубоко враждебен» 196
Полковник Шарль де Голль 198
Николай Александрович Семёнов 199
Шаткая вера французов 201
Предложения Семёнова 207
Добрый жест Даладье 210
«Ситуация не изменилась...» 212
Ворошилов разъясняет свою позицию 214
Коварный Альбион 220
Рука помощи Сталина 221
Польша в качестве отговорки 223
Потёмкин и Кулондр 224

ГЛАВА V. **ПОПЫТКИ СПРАВИТЬСЯ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ПРОИЗОШЕДШЕГО, ИЮНЬ — ДЕКАБРЬ 1937 ГОДА** 230
Дело Островского 231
Перестановки во французском правительстве 232
Новый премьер-министр Великобритании 233
Французы недовольны 237
Майский на светских раутах в Лондоне 238
Сталин встречается с Леоном Жуо в Москве 242
Британское соглашение с Гитлером любой ценой 244

С кем Польша? 248
Дельбос посещает Восточную Европу 255

ГЛАВА VI. **КУДА ИДЕТ РУМЫНИЯ? ИНТЕРЛЮДИЯ, 1936–1938 ГОДЫ** 260
Последствия падения Титулеску 260
Влиянию Франции в Бухаресте приходит конец 267
Слова расходятся с делами 270
Плохие и хорошие новости 284
Бек — *le valet hitlérien* 286
Дело Шебы 289
«Сползание к фашизму» 290
Призрак Титулеску 293
Безнадежное дело 297
Титулеску возвращается, но ненадолго 302
Новые интриги в Бухаресте 304
Король Румынии посещает Париж и Лондон 315
Крушение надежд Советского Союза 317

ГЛАВА VII. **ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС, ПЕРВЫЙ ЭТАП (ЯНВАРЬ — МАЙ 1938 ГОДА)** 320
«Длинный список разочарований» 320
Сталинские чистки 325
Дело Бутенко 328
Аншлюс 329
Что делать? 333
Румынский фактор 336
Последний луч надежды исчезает 338
Повсюду слабость и предательство 342
Бонне против Литвинова 350
Майский кризис 352
«Пятак за пятак» 353

ГЛАВА VIII. **ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС: КАПИТУЛЯЦИЯ (ИЮНЬ — ДЕКАБРЬ 1938 ГОДА)** 360
Москва проявляет осторожность 360
Париж перед дилеммой: сражаться или сдаться? 362
«В два счета» 366
Ситуация усложняется 367
Кризис набирает обороты 376
«Формы сотрудничества» 381
«Хождение в Каноссу» 397
Вопросы Бенеша 402
Прага, вечер 20 сентября: ультиматум 403
У кого «чистые руки»? 407
Предательство Польши 408
Румыния в резерве 410

Советский Союз мобилизуется 411
Обстановка в Париже 414
Последняя неделя кризиса 416
Мюнхенское соглашение 423
Оценка ущерба 427
Москва в ярости 431
СССР дает свою оценку 433
Оценка ситуации Кулондром 435
Взгляд из Польши 436
Последняя встреча Литвинова и Кулондра 438
Размолвка Литвинова и Кулондра 440

ГЛАВА IX. **ОТЧАЯНИЕ И НАДЕЖДЫ: НОВЫЕ ПОПЫТКИ ОБЪЕДИНИТЬСЯ ПРОТИВ ГИТЛЕРА (ОКТЯБРЬ 1938 — АПРЕЛЬ 1939 ГОДА)** 443
Франция 443
Великобритания 447
Последняя битва Ванситтарта 453
«Наша бесконечно маленькая армия» 454
«Жизнь в совершенно нереальном мире» 459
Москва идет на сближение с Польшей? 460
Литвинов информирует Сталина 464
Отношения СССР с Францией и Великобританией 469
Очередной успешный маневр Германии 475
Что делать? 481
Визит Хадсона в Москву 486
«Каштаны» 488
Декларация четырех держав 490
Британские гарантии Польше 496
Был ли выход? 500
Новое советское предложение о трехстороннем союзе против Германии 512
Увольнение Литвинова 527
«Литвинов больше не наркоминдел» 530

ГЛАВА X. **ПОСЛЕДНИЙ ШАНС: АЛЬЯНС, КОТОРЫЙ НЕ СОСТОЯЛСЯ (МАЙ — АВГУСТ 1939 ГОДА)** 532
Последствия 532
Климент Ефремович Ворошилов 535
Отголоски прежних проблем 536
Переговоры возобновляются 542
«Хромая лошадь» 545
«Выбор, стоящий перед нами, неприятно очевиден» 547
Угроза нового «Рапалло» 569
Переговоры Великобритании с нацистской Германией 579
Ничего кроме правды 581
Англия и Франция в нерешительности 583

Можно ли было загладить обиды? 585
«Не добиваться никакого результата» 591
Немцы пытаются наладить отношения с Москвой 598
Штабные переговоры в Москве 607
Фиаско в Варшаве 619
Заключение советско-германского договора 623
Фарс и трагедия 628

ЭПИЛОГ: **НЕИЗБЕЖНЫЙ И ТРАГИЧЕСКИЙ КОНЕЦ ИДЕИ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ** 637

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ 652
БИБЛИОГРАФИЯ 653

Майкл Джабара Карлей

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СОЮЗ СТАЛИНА
Борьба за коллективную безопасность
1936–1939

Перевод О. Ю. Сёминой

Главный редактор *О. В. Сухарева*
Редакторы *К. А. Залесский, Е. Р. Секачева*
Дизайн *О. Г. Мелкумовой*
Компьютерная верстка *Е. М. Илюшиной*
Корректоры *Н. А. Натальина, И. В. Рязанова*

ООО «Издательство «Кучково поле»
117312, г. Москва, ул. Вавилова, д. 53, к. 1, помещ. 1Н
Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 15.10.2025.
Формат 165 × 235 мм. Печ. л. 42.
Тираж ограничен. Заказ № 6871.

ISBN 978-5-907813-44-1

12+

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ООО «Фотоэксперт» 109316, г. Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н.

«...Отвечу просто: мы стремительно приближаемся к войне с Германией, и если обстоятельства начнут складываться не в нашу пользу, этим немедля воспользуется Италия и надерет нам зад. Это вопрос выживания: все остальное — беллетристика. Теперь скажи: на чью помощь оружием мы можем рассчитывать? Польша — пустое место и, более того, ведет двойную игру. У Англии есть флот, но весьма отстала по части армии и авиации. Мы не в том положении, чтобы отказываться от помощи русских, как бы ни был нам отвратителен их режим. Повторяется история Франциска I и его союза с мусульманами...»

— Ш. де Голль. 1936 г.

«Мы не знаем, как Франция смотрит на франко-советский пакт. Мы видим в пакте оборонительный военный союз на случай нападения Германии на Францию или СССР. Что видит в нем Франция — неизвестно».

— И. В. Сталин. 1937 г.

«Англии и Франции сейчас вряд ли удастся отступить от намеченной ими политики, которая сводится к одностороннему удовлетворению требований всех трех агрессоров — Германии, Италии и Японии. Они будут предъявлять свои требования по очереди, и Англия и Франция будут им делать одну уступку за другой. Я полагаю, однако, что они дойдут до такой точки, когда народы Англии и Франции должны будут их остановить».

— М. М. Литвинов. 1938 г.

«Много было сказано и написано об истоках войны. Главными движущими силами стали в данном случае политика умиротворения, атмосфера “декаданса”, пацифизм, пораженчество, реализм, антисемитизм, страх перед коммунизмом, восхищение фашизмом, боязнь войны и социалистической революции».

— М. Карлей. 2024 г.

9 785907 813441